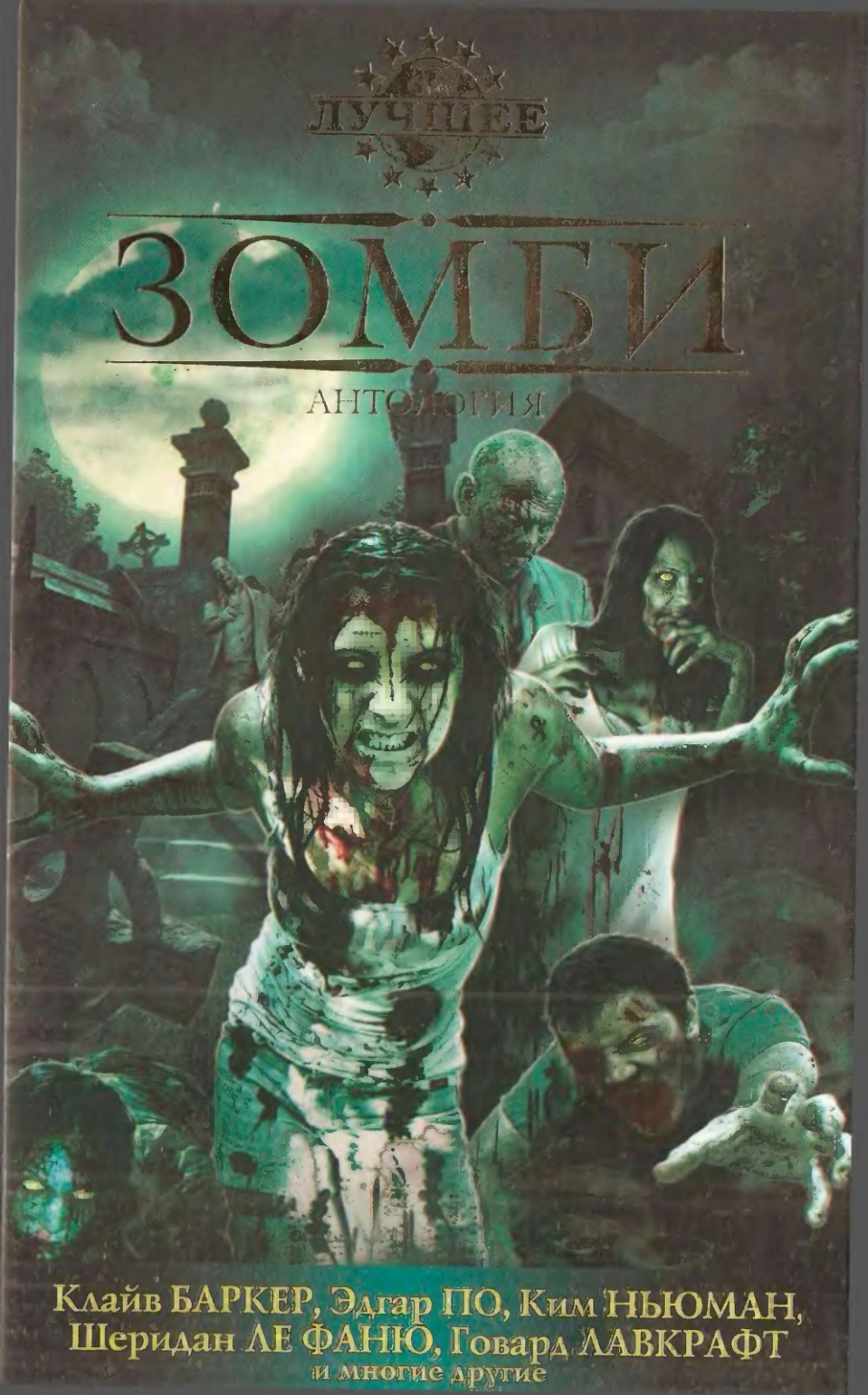
ЛУЧШЕЕ

ЗОМБИ

АНТОЛОГИЯ

Клайв БАРКЕР, Эдгар ПО, Ким НЬЮМАН,
Шеридан ЛЕ ФАНЮ, Говард ЛАВКРАФТ
и многие другие

Клайв БАРКЕР, Эдгар ПО,
Роберт БЛОХ, Говард ЛАВКРАФТ
и другие

ЗОМБИ

АНТОЛОГИЯ

Санкт-Петербург
Издательская Группа «Азбука-классика»
2010

Литературно-художественное издание

КЛАЙВ БАРКЕР, ЭДГАР ПО,
ГОВАРД ЛАВКРАФТ, РОБЕРТ БЛОХ
и другие

ЗОМБИ

Руководитель проекта Денис Лобанов
Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Редакторы Валентин Бобрецов, Виктория Гуляева
Художественный редактор Александр Золотухин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Ирина Киселева, Елена Орлова, Татьяна Никонова
Верстка Александра Савастени

Подписано в печать 01.03.2010.
Формат издания $84 \times 108\ ^1/_{32}$. Печать офсетная. Гарнитура «Петербург».
Тираж 10 000 экз. Усл. печ. л. 33,6. Заказ № 0898.

Издательская Группа «Азбука-классика».
191014, Санкт-Петербург, ул. Чехова, д. 9, лит. А, пом. 6Н.
www.azbooka.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-принт», г.Тверь
www.pareto-print.ru

Мертвецы, которые гуляют

Зомби... Ходячие мертвецы... бездушные автоматы, встающие из могилы по приказу своего повелителя. Такое представление о них берет начало от культа вуду, распространенного на Гаити и нескольких островах Карибского бассейна. Первое упоминание о зомби относится к 1929 году, когда Уильям Сибрук, долгое время проживший на Гаити, выпустил в свет свой «Остров магии» («The Magic Island»). Еще больший успех имел бестселлер Уэйда Дэвиса «Змея и радуга» («The Serpent and the Rainbow»).

Как бы то ни было, в отличие от прочих архетипических персонажей хоррора — черных магов, безмозглых монстров, призраков, — зомби нечасто удавалось обрести успешное литературное воплощение (так, как это удалось, например, вампирам). Хотя, безусловно, примеры найти можно (ужасный Пожиратель Лезвий из «Проклятой игры» Клайва Баркера или Хью, воскрешенный любовник из «Ни моря, ни песка» Гордона Ханикомба), но все же истинной вотчиной зомби всегда был киноэкран.

То, как зловещий Лежандр в исполнении Белы Лугоши заставлял трупы плантационных рабочих шаркать по экрану в «Белом Зомби» («White Zombie»), оказало решающее влияние на наше представление о ходячих мертвецах. Далее, от комедийных выходок Боба Хоупа в «Разрушителях призраков» («The Ghost Breakes», 1940) и спродюссированной Вэлом Льютоном атмосферной переделке «Джейн Эйр, я гулял с зомби» («Jane Eyre, I Walked With a Zombie»), через эпическую трилогию Джорджа Ромеро («Ночь живых мертвецов», «Рассвет мертвецов», «День мертвецов») и бесчисленные европейские подделки зомби проделали путь до того уровня узнаваемости, который позволил им занять в пантеоне хоррора место наряду с вампирами, монстром Франкенштейна, оборотнями и мумией.

Однако, несмотря на эти и другие незабвенные имена и названия, на вершину коммерческого успеха гуляющие (тан-

щующие?) мертвецы взошли в 1983 году вместе с успехом «Триллера» Майкла Джексона.

Что же касается литературы, зомби продолжают благоденствовать в жанре рассказа, и многие периодические издания и антологии в последние годы посвящают этой теме свои выпуски целиком.

Книга, которую вы держите в руках, собрала под своей обложкой двадцать шесть историй, раскрывающих тему в широчайшем диапазоне: здесь и традиционные гаитянские ритуалы, и футуристические сцены оживления мертвецов. На страницах нашей антологии вы найдете и классику макабрического жанра — «Правда о том, что случилось с мосье Вальдемаром» Эдгара Аллана По, «Предупреждение для любопытных» М. Р. Джеймса, «Странное событие из жизни художника Схалкена» Шеридана Ле Фаню, и готовые стать классикой незабываемые истории из дешевых журналов — Мэнли Уэйд Веллман с его «Песнью рабов», Говард Лавкрафт и Роберт Блох («Герберт Вест, реаниматор» и «Мертвые не умирают!» соответственно, оба рассказа послужили основой для экранизаций).

Также вы здесь найдете произведения современных мастеров жанра, таких как Клайв Баркер, Рэмси Кэмпбелл, Брайан Ламли, Карл Эдвард Вагнер, Дэннис Этчисон, Лиза Таттл, Лес Дэниэлс, Р. Четвинд-Хейс, Бэзил Коппер, Ким Ньюман и Джо Р. Лансдейл. Вдобавок к ним оригинальные фантазии Грэма Мастертона, Кристофера Фаулера, Питера Тримейна, Николаса Ройла, Майкла Маршалла Смита, Дэвида Саттона, и новые рассказы Дэвида Райли и Хью Б. Кейва.

Как и в других моих сборниках, главный критерий отбора рассказов — они должны нравиться мне. Тем не менее они также демонстрируют проницательному читателю уникально широкий спектр образов зомби, от традиционных до outré[1].

Ну что, вы уже готовы услышать, как обломанные ногти скребут по твердой древесине, как холодные пальцы роют влажную землю? Готовы увидеть, как затянутое пеленой тумана кладбище возвращает своих молчаливых обитателей? Как говорил злорадный Бела Лугоши своим несчастным жертвам в далеком 1932 году: «Для вас, друзья мои, они Ангелы Смерти...»

Стивен Джонс

Лондон, Англия

---

[1] Зд.: эксцентричный (*фр.*).

КЛАЙВ БАРКЕР

Секс, смерть и звездный свет

Клайв Баркер, человек разносторонних талантов, — не из тех, кто предпочитает почивать на лаврах: он постоянно занят в многочисленных проектах. В кинематографе это продолжение его режиссерского дебюта, фильма «Восставший из ада» («Hellraiser»), снятого по мотивам одноименной новеллы. На создание сиквела Баркера вдохновил успех триллера «Восставший из ада–3: Ад на земле» («Hellraiser III: Hell on Earth»). Также среди работ Баркера — сиквел к благосклонно принятому критиками «Кэндимэну» («Candyman», 1992), основанному на рассказе «Запретное» («Forbidden»), и анимационный фильм — экранизация его нового романа «Вечный похититель» («The Thief of Always»).

В 1993 году картины и гравюры Баркера выставлялись в нью-йоркской галерее Bess Cutler Gallery, он продолжает в изобилии создавать графику по мотивам своих рассказов. Писатель характеризует свой последний роман, «Вечный город» («Everville»), как «возможность заглянуть в черное сердце Америки».

Сюжет рассказа «Секс, смерть и звездный свет» навеян воспоминаниями автора о начале его театральной карьеры; рассказ был впервые опубликован в шокирующем сборнике «Книги крови» («Books of Blood»). «Зомби — идеальные монстры конца двадцатого века, — говорит Баркер. — Зомби — это такие враги, с которыми справиться невозможно. Их ничто не берет. Франкенштейна и Дракулу можно было уничтожить многими способами. Но зомби — нечто совершенно иное. С ними бесполезно разговаривать. Они будут просто наступать на вас, не обращая внимания на сопротивление.

Иметь дело с зомби — это все равно что пытаться сражаться с самой смертью. Это, так сказать, воплощение смерти. И сам факт, что мы обсуждаем тварей из фильмов ужасов, опровергает утверждения, будто этот жанр нельзя принимать всерьез».

Не уверен, что автор этого рассказа отнесся к жанру слишком уж серьезно, но на его страницах вы встретите

самых сексуальных и самых рафинированных живых мертвецов, которых только можно найти в современных «ужастиках».

Пальцами, от которых исходил тонкий аромат, Диана провела по подбородку Терри, покрытому двухдневной рыжей щетиной.

— Я люблю твои волосы, — сказала она, — даже седые.

Она все в нем любила, по крайней мере если верить ее словам.

Когда он целовал ее: «Я люблю тебя».

Когда он ее раздевал: «Я люблю тебя».

Когда он снимал белье: «Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя».

Она делала минет с неподдельным энтузиазмом; ему оставалось лишь смотреть, как двигается ее пепельная голова возле его живота, и молиться, чтобы никто не вошел в гримерную. В конце концов, она была замужней дамой, хотя и актрисой. У него тоже где-то существовала супруга. Этот тет-а-тет мог послужить основой для пикантной статейки в каком-нибудь местном листке, а Терри пытался приобрести репутацию серьезного режиссера: никаких фокусов, никаких сплетен, искусство и только искусство.

А затем ее язык заставил его позабыть обо всех своих амбициях, и каждая клетка его тела задрожала от возбуждения. Диана была небольшой актрисой, но все же обладала кое-какими исполнительскими способностями. Безупречная техника, безукоризненно рассчитанное время. Инстинкт или опыт подсказывали ей, когда именно нужно ускорить ритм и довести процесс до благополучной развязки.

Когда все было кончено, ему захотелось поаплодировать ей.

Разумеется, все актеры, занятые в постановке Кэлловэя «Двенадцатая ночь», знали об их интрижке. Иногда они обменивались ехидными замечаниями, если актриса и режиссер одновременно опаздывали на репетицию или если она появлялась с довольным видом, а его щеки пылали. Терри пытался уговорить любовницу согнать с лица это преда-

тельское выражение, делавшее ее похожей на кошку, объевшуюся сметаной, но она не умела как следует притворяться. Забавно, если вспомнить о ее профессии.

Однако Ла Дюваль, как упорно продолжал называть ее Эдвард, и не нуждалась в актерских талантах — она была знаменитостью. Наплевать, что она произносила строки Шекспира, как «Гайавату», — «бу-бу-бу!». Наплевать, что ее познания в психологии были весьма сомнительны, логика — ошибочна, а воображение — бедно. Наплевать, что ее понятия о поэзии были так же убоги, как и понятия о нравственности. Она была звездой, а в бизнесе это главное.

Этого у нее нельзя было отнять; ее имя означало деньги. Афиши театра «Элизиум» возвещали о ее притязаниях на славу жирными трехдюймовыми буквами, черным по желтому:

«Диана Дюваль, звезда телесериала „Дитя любви"».

«Дитя любви». Наверное, самая худшая мыльная опера из всех появлявшихся на британских экранах за всю историю этого жанра. Два часа в неделю неправдоподобные персонажи мямлили отупляющие диалоги, в результате чего эта жвачка постоянно пребывала на первом месте в рейтингах, а актеры почти мгновенно превратились в ярких звезд на телевизионном небосклоне, усыпанном фальшивыми бриллиантами. И среди них ослепительнее всех блистала Диана Дюваль.

Возможно, она и не была рождена играть классиков, но, видит бог, она служила хорошим средством пополнения театральной кассы. А в наши дни, когда театры почти опустели, единственное, что имеет значение, — это число зрителей в зале.

Кэлловэй заставил себя смириться с мыслью, что его «Двенадцатая ночь» получается не вполне академической. Он утешал себя надеждой: если постановка будет иметь успех — а с Дианой в роли Виолы наверняка так и случится, — она, возможно, откроет перед ним кое-какие двери в Вест-Энде. А кроме того, работа с бесконечно обожавшей его, бесконечно требовательной мисс Д. Дюваль определенно имела свои приятные стороны.

Кэлловэй натянул саржевые брюки и посмотрел на любовницу. Она улыбалась ему этой своей непосредственной улыбкой, той самой, которой пользовалась в сцене с пись-

мом. Выражение Лица Номер Пять в репертуаре Дюваль где-то между Девическим и Материнским.

Он ответил на эту улыбку одной из своих гримас — скупым любящим взглядом, который на расстоянии ярда мог сойти за искренний. Потом взглянул на часы:

— Боже, мы опаздываем, дорогая.

Диана облизала губы. Неужели ей действительно так нравится этот вкус?

— Тогда я пойду поправлю волосы, — сказала она, поднимаясь и бросая взгляд в высокое зеркало возле душа.

— Давай.

— Тебе было хорошо?

— Как никогда, — ответил он, слегка поцеловал ее в нос и оставил трудиться над начесом.

По пути на сцену Терри заглянул в мужскую гримерную, чтобы привести в порядок одежду и смочить горящие щеки холодной водой. После секса у него на лице, шее и груди выступали красные пятна. Наклонившись, чтобы умыться, Кэлловэй взглянул на свое отражение в зеркале, висевшем над раковиной. После тридцати шести лет сопротивления времени он начал сдавать. Он больше не годился на роли юношей. Под глазами появились отчетливо видные мешки, не имевшие никакого отношения к бессоннице, на лбу и у рта пролегли морщинки. Ангел исчез; невоздержанность оставила ясные следы на этом лице. Невоздержанность в сексе, в выпивке, в амбициях; злоба высоко метящего честолюбца, множество раз упускавшего «тот самый» шанс. «Как бы я сейчас выглядел, — подумал он горько, — если бы когда-то удовольствовался судьбой ничтожества, работающего в никому не известном репертуарном театре с гарантированными десятью поклонниками каждый вечер и обожающего Брехта? Наверное, лицо у меня сейчас было бы гладким, как зад младенца, — большинство актеров в рядовых театрах так выглядят. Никчемные, довольные собой, овцы несчастные».

«Ну что ж, ты сам платишь деньги и сам делаешь выбор», — сказал себе Терри и бросил последний взгляд на изможденного херувима в зеркале. Зеркало напомнило ему о том, что, несмотря на гусиные лапки, женщины все еще без ума от него, и он отправился навстречу испытаниям и треволнениям третьего акта.

На сцене разгорелся жаркий спор. Плотник, рабочий по имени Джейк, соорудил две живые изгороди для сада Оливии. Их еще предстояло покрыть листьями, но выглядели они весьма впечатляюще — тянулись вдоль сцены до самого задника, где еще нужно было изобразить остальную часть сада. Никакой символической ерунды. Сад — это сад: зеленая трава, синее небо. В Северном Бирмингеме зрители представляли себе декорации именно так, и Терри разделял их простые вкусы.

— Терри, дорогой.

Эдди Каннингем, подхватив его под локоть, потащил в самую гущу драки.

— В чем проблема?

— Терри, милый мой, ты же не собираешься оставлять здесь эти гребаные (слово легко слетело у него с языка: гребаные) изгороди. Скажи дяде Эдди, что ты это не серьезно, пока у меня не началась истерика. — Эдди указал на злополучное сооружение. — Я хочу сказать, ты только посмотри на них. — При этих словах в воздухе просвистел плевок.

— Так в чем проблема? — повторил Терри.

— Проблема? Они мешают, дорогой, *мешают*. Подумай об этом. Мы репетировали эту сцену, где я прыгаю вверх-вниз, словно мартовский заяц. Вверх справа, вниз слева, но у меня ничего не получится, если мне не обойти сцену сзади. Эти гре-ба-ны-е штуки стоят вплотную к заднику!

— Иначе нельзя, Эдди, нарушится иллюзия.

— Тем не менее мне там не пройти, Терри. Ты должен меня понять. — Он обратился к остальным людям на сцене: плотникам, двум техникам и трем актерам. — Я хочу сказать — у меня просто времени на это не будет.

— Эдди, мы их отодвинем.

— В самом деле?

Это лишило его главного аргумента.

— Ну ладно. А как насчет крокета?

— Мы это уберем.

— Всю эту сцену с молотками для крокета? Эту вульгарную штуку?

— Да, это все придется убрать. Извини, я об этом сразу не подумал. У меня заскок какой-то случился.

Эдди передернулся:

— Как хорошо, дорогой, что подобные заскоки у тебя бывают редко...

Смешки. Терри позволил им повеселиться. Эдди имел право подколоть его: он плохо продумал вопрос с изгородью.

— Мне жаль насчет сцены, но включать ее никак нельзя.

— У других-то ты ничего не вырежешь, — произнес Эдди, бросил взгляд на Диану, появившуюся за спиной Терри, и направился в гримерку.

Разъяренный актер удаляется, левая кулиса. Кэлловэй не пытался удерживать Эдди. Он лишь едва слышно выдохнул: «О боже!» — и провел ладонью по лицу. Да, у его профессии существует один фатальный недостаток — актеры.

— Кто-нибудь может привести его обратно? — спросил он.

Молчание.

— Где Райан?

Из-за злополучной изгороди возникло лицо помощника режиссера, украшенное очками.

— Простите?

— Райан, дорогой, прошу тебя, не отнесешь ли ты Эдди чашку кофе и не уговоришь ли его вернуться в лоно семьи?

Райан скорчил гримасу, означавшую: сам его обидел, сам и приводи обратно. Но Кэлловэю уже приходилось пресекать подобные попытки неповиновения, и он был упрям. Он просто продолжал смотреть на Райана, не обращая внимания на намек, пока тот не опустил глаза и не кивнул в знак согласия.

— Ладно, — мрачно произнес он.

— Вот и молодец.

Райан бросил на босса обвиняющий взгляд и исчез в поисках Эда Каннингема.

— Без Отрыжки никуда, — сказал Кэлловэй, пытаясь немного разрядить атмосферу. Кто-то хмыкнул, и небольшой полукруг зрителей распался. Шоу окончено. — Ну ладно, ладно, — деловым тоном продолжал Кэлловэй, — вернемся к работе. Повторим сначала. Диана, ты готова?

— Да.

— Отлично. Начнем?

Отвернувшись от сада Оливии и ждущих актеров, он попытался собраться с мыслями. Включено было только рабочее освещение на сцене, зал тонул во тьме. Темнота, в которой

ряд за рядом тянулись кресла, смотрела на него нагло, словно не желая, чтобы он развлекал ее. Да, режиссер, работающий в чужом городе, одинок. У Терри бывали дни, когда жизнь бухгалтера казалась ему развязкой, которой единственно стоит жаждать, если перефразировать принца Датского[1].

Заметив на галерке «Элизиума» какое-то движение, Кэлловэй отвлекся от своих раздумий и пристально уставился в темноту. Неужели Эдди притаился в последнем ряду? Нет, невозможно. Хотя бы потому, что он не успел бы добраться туда за эти несколько минут.

— Эдди, — окликнул Кэлловэй, прикрыв рукой глаза, — это ты?

Он различал лишь очертания какой-то фигуры. Нет, двух фигур. Двое людей пробирались к выходу вдоль последнего ряда. Кто бы это ни был, это определенно не Эдди.

— Это ведь не Эдди там? — спросил Кэлловэй, оборачиваясь к фальшивому саду.

— Нет, — ответил кто-то.

Это говорил сам Эдди. Он снова стоял на сцене, прислонившись к изгороди, с зажатой в зубах сигаретой.

— Эдди...

— Да все в порядке, — добродушно произнес актер, — не пресмыкайся; не могу видеть, как такой симпатичный мужчина пресмыкается.

— Я подумаю, может, удастся куда-нибудь вставить крокетные молотки, — сказал Кэлловэй, стремясь к примирению.

Эдди, покачав головой, стряхнул пепел с сигареты.

— Не надо.

— Нет, в самом деле...

— Все равно сцена была так себе.

Дверь партера, слегка скрипнув, закрылась за посетителями. Кэлловэй не стал оглядываться. Кем бы они ни были, они ушли.

— Сегодня днем в зале кто-то был.

Хаммерсмит, изучавший колонки цифр, поднял голову:

— Вот как?

---

[1] Имеются в виду слова из монолога Гамлета «Умереть, уснуть... Как такой развязки не жаждать?» (пер. М. Лозинского).

Брови его представляли собой пучки толстых, как будто из проволоки, волос; они, казалось, старались помогать своему хозяину изображать чувства. Сейчас брови высоко поднялись над крошечными глазками Хаммерсмита в явно фальшивом удивлении. Желтыми от никотина пальцами он подергал себя за нижнюю губу.

— Вы можете мне сказать, кто это был?

Директор продолжал щипать губу, не сводя пристального взгляда со своего молодого собеседника, и лицо его выражало неприкрытое презрение.

— А в чем, собственно, проблема?

— Я хочу знать, кто приходил в зал и наблюдал за репетицией, вот и все. По-моему, я имею на это право.

— Конечно имеете,— подтвердил Хаммерсмит, слегка кивнув и сложив губы наподобие полумесяца.

— Ходят слухи, что сюда должен приехать кто-то из Национального театра[1],— добавил Кэлловэй.— Я просто не хочу, чтобы кто-то входил в театр без моего ведома. Особенно если это важные шишки.

Хаммерсмит уже погрузился в свои цифры. Голос его звучал устало:

— Терри, если кто-то из Саут-Банка захочет посмотреть ваш опус, обещаю вам, вы узнаете об этом первым. Договорились?

Интонация была оскорбительной. Беги дальше, мальчик. У Кэлловэя руки чесались ударить хозяина.

— Я не желаю, чтобы люди наблюдали за репетициями без моего разрешения, Хаммерсмит. Слышите меня? Мне нужно знать, кто из посторонних был сегодня в театре.

Директор тяжело вздохнул.

— Поверьте мне, Терри,— сказал он,— я понятия не имею. Может быть, вам спросить у Таллулы — она сидела сегодня в фойе. Если кто-то приходил, она, скорее всего, их видела.— Он снова вздохнул.— Договорились... Терри?

Кэлловэй решил закончить разговор на этом. У него уже возникли кое-какие подозрения насчет Хаммерсмита. Это-

[1] Национальный театр был создан в 1963 г. под руководством Лоуренса Оливье; с 1976 г. имеет постоянное помещение в районе Саут-Банк в Лондоне.

му человеку не было никакого дела до искусства, он всегда абсолютно ясно давал это понять; когда речь заходила о чем-то, кроме денег, он начинал говорить усталым голосом. У него имелось словечко для обозначения и актеров, и режиссеров, которое он всегда громко произносил: «бабочки». Однодневки. В мире Хаммерсмита только деньги представляли собой ценность; театр «Элизиум» располагался на отличном участке, и, правильно разыграв карты, из этого можно было извлечь неплохую выгоду.

Кэлловэй был уверен, что, если бы Хаммерсмиту представилась возможность, он завтра же продал бы театр. Пригород, подобный Реддитчу, не нуждался в театре, ему требовались офисы, гипермаркеты, склады; он нуждался, по выражению членов городского совета, в росте и инвестициях. А также в хороших участках для строительства заводов. Никакое искусство не могло здесь выжить.

Таллулы не оказалось ни в кассе, ни в фойе, ни в Зеленой комнате[1].

Кэлловэй, раздраженный грубостью Хаммерсмита и исчезновением Таллулы, вернулся в зрительный зал, чтобы забрать свой пиджак, затем он намеревался пойти напиться. Репетиция закончилась, актеры ушли. Из задних рядов партера голые изгороди казались особенно убогими. Наверное, не хватает еще пары дюймов. Он записал на обороте найденной в кармане театральной программки: «Изгороди: повыше?»

Звук шагов заставил его поднять голову: на сцене появился какой-то человек. Он беззвучно открыл центральную дверь за сценой, там, где сходились изгороди. Кэлловэй не узнал вошедшего.

— Мистер Кэлловэй? Мистер Теренс Кэлловэй?

— Да?

Гость подошел к краю сцены, туда, где прежде находились софиты, и остановился, глядя в зрительный зал.

— Прошу прощения за то, что прервал ход ваших мыслей.

— Ничего страшного.

— Я хотел переговорить с вами.

---

[1] Зеленая комната — помещение в театре, где во время спектакля отдыхают актеры, не занятые на сцене.

— Со мной?

— Если вы не против.

Кэлловэй пробрался к передним рядам, по пути оценивающе разглядывая незнакомца.

Тот был с ног до головы одет в различные оттенки серого. Серый костюм из тонкого сукна, серые туфли, серый галстук. «Индюк разряженный» — была первая, немилосердная оценка Кэлловэя. Однако незнакомец производил внушительное впечатление. Лицо, скрытое полями шляпы, трудно было разглядеть.

— Позвольте представиться.

Голос был располагающим, приятным. Идеальный тембр для рекламных роликов: наверное, туалетное мыло рекламирует. После дурных манер Хаммерсмита Кэлловэй словно вдохнул живительную струю.

— Меня зовут Личфилд. Я, конечно, не жду, что мое имя известно такому молодому человеку, как вы.

«Молодому человеку»; ну-ну. Может быть, в его лице еще осталось что-то от ангела?

— Вы критик? — поинтересовался Кэлловэй.

Из-под безукоризненно ровно отогнутых полей шляпы послышался полный иронии смех.

— Ради всего святого, нет, — ответил Личфилд.

— Тогда простите, но я в растерянности.

— Вам нет нужды извиняться.

— Вы не были сегодня днем в зрительном зале?

Личфилд проигнорировал вопрос.

— Я понимаю, что вы занятой человек, мистер Кэлловэй, и не хочу отнимать у вас время. Театр — это моя профессия, так же как и ваша. Я думаю, нас можно назвать союзниками, несмотря на то что мы никогда прежде не встречались.

Ах, великое братство. Кэлловэю захотелось сплюнуть при этой столь знакомой попытке вызвать у него сентиментальные чувства. Он подумал обо всех так называемых союзниках, радостно втыкавших ему нож в спину, и, наоборот, обо всех драматургах, чьи работы он, улыбаясь, смешивал с грязью, об актерах, которых он уязвлял ехидными замечаниями. К дьяволу братство — здесь каждый старается затоптать соперника, так же как и в любой другой творческой профессии.

— Я сохраняю, — говорил тем временем Личфилд, — неизменный интерес к «Элизиуму». — Он сделал странное ударение на слове «неизменный». В его устах оно приобрело какой-то похоронный оттенок. Неизменность. Вечность.

— Вот как?

— Да, в минувшие годы я провел в этом театре немало счастливых часов, и, честно говоря, мне очень неприятно сообщать вам свою новость.

— Какую новость?

— Мистер Кэлловэй, я вынужден проинформировать вас о том, что ваша «Двенадцатая ночь» будет последней постановкой в «Элизиуме».

Это сообщение не явилось для Кэлловэя полной неожиданностью, но все же причинило ему боль. Внутренне он поморщился, что, должно быть, отразилось у него на лице.

— Ах... Значит, вы не знали об этом. Я так и думал. Они всегда держат артистов в неведении, правда? От этого удовольствия служители Аполлона ни за что не откажутся. Месть бухгалтера.

— Хаммерсмит, — фыркнул Кэлловэй.

— Хаммерсмит.

— Подонок.

— Ему подобным никогда нельзя доверять, но мне не нужно объяснять вам это.

— Вы уверены насчет закрытия?

— Разумеется. Он выгнал бы вас хоть завтра, если бы мог.

— Но почему? Я ставил здесь Стоппарда, Теннесси Уильямса — и всегда собирал полный зал. Не вижу в этом смысла.

— Боюсь, это имеет большой финансовый смысл, и, если бы вы думали цифрами, подобно Хаммерсмиту, вы поняли бы, что против простой арифметики бороться бесполезно. «Элизиум» стареет. Мы все стареем. Мы скрипим костями. Суставы говорят нам о возрасте, и инстинкт велит нам лечь и умереть.

Умереть: он мелодраматически понизил голос, и шепот этот выражал тоску и желание.

— Откуда вы об этом знаете?

— Многие годы я был доверенным лицом владельцев театра и, удалившись от дел, посвятил себя, так сказать, театральным слухам и сплетням. Сегодня, в наш век, уже невоз-

можно иметь такие триумфы, какие видел этот театр... — Голос старика мечтательно стих. Казалось, он говорит искренне. Затем он снова вернулся к деловому тону: — Этот театр вот-вот умрет, мистер Кэлловэй. Вы будете присутствовать на соборовании, хотя это и не ваша вина. Мне показалось, что вас следует... предупредить.

— Благодарю, я ценю вашу заботу. Скажите, вы сами никогда не выступали на сцене?

— Что заставило вас так думать?

— Ваш голос.

— Слишком риторический, я знаю. Боюсь, это мое несчастье. Мне едва удается спросить в ресторане чашку кофе, не выражаясь, как король Лир во время бури.

Личфилд от души рассмеялся над самим собой. Кэлловэю начинал нравиться этот тип. Может, он выглядел немножко старомодно, возможно, даже слегка абсурдно, но в нем чувствовалась сила. Личфилд откровенно признавался в любви к театру, чем отличался от большинства актеров, продавших душу кино и считающих сцену искусством второго сорта.

— Да, должен признаться, я немного баловался театром, — продолжал Личфилд, — но, наверное, оказался недостаточно выносливым для этого. А вот моя жена...

Жена? Кэлловэй не ожидал, что этот Личфилд вообще может проявлять интерес к противоположному полу.

— ...моя жена Констанция много раз выступала здесь, и, могу сказать, весьма успешно. До войны, разумеется.

— Жаль, что театр закрывается.

— Да, жаль. Но, боюсь, чуда не произойдет. Через шесть недель «Элизиум» снесут, и все будет кончено. Я просто хотел, чтобы вы знали, что этой последней постановкой кое-кто интересуется. Можете думать о нас как об ангелах-хранителях. Мы желаем вам добра, Теренс, мы все желаем вам добра.

Это было произнесено просто, искренне. Сочувствие старика тронуло Кэлловэя и помогло ему немного смириться с известием о крахе своих устремлений. Личфилд продолжал:

— Мы хотим, чтобы этот театр окончил свои дни достойно и умер хорошей смертью.

— Да пропади все пропадом.

— Уже слишком поздно сожалеть о чем бы то ни было. Нам не следовало предавать Диониса ради Аполлона.

— Что?

— Продаваться бухгалтерам, обывателям, таким как мистер Хаммерсмит, чья душа, если она у него вообще есть, наверняка размером с ноготь и серая, как вошь. Думаю, нам следовало быть смелее. Служить поэзии и жить под звездами.

Кэлловэй не совсем понял аллюзию, но уловил смысл этой речи, и подобные взгляды были ему весьма близки.

Слева от сцены раздался голос Дианы, прорезавший торжественную атмосферу, словно пластиковый нож:

— Терри? Ты здесь?

Чары рассеялись: Кэлловэй и сам не заметил, как заворожило его присутствие Личфилда. Слушать его было все равно что засыпать на руках матери. Личфилд же тем временем подошел к краю сцены, понизив голос до скрежещущего заговорщического шепота:

— И последнее, Теренс...

— Да?

— Ваша Виола. Ей недостает, простите меня за откровенность, некоторых качеств, необходимых для этой роли.

Кэлловэй промолчал.

— Я понимаю, — продолжал Личфилд, — что личные симпатии препятствуют адекватной оценке в подобных случаях.

— Нет, — ответил Кэлловэй, — я знаю, что вы правы. Но она популярна.

— Травля медведя тоже когда-то была популярна, Теренс. — Под полями шляпы возникла ослепительная улыбка, словно висящая среди тени, как улыбка Чеширского кота. — Это шутка, разумеется. — Шепот сменился смехом. — Медведи бывают просто очаровательны.

— Терри, вот ты где.

Из-за занавеса появилась Диана, как всегда чересчур вызывающе одетая. Момент был напряженный. Но Личфилд уже удалялся вдоль фальшивых изгородей к заднику.

— Я здесь, — сказал Терри.

— С кем ты разговариваешь?

Личфилд исчез так же беззвучно и незаметно, как и вошел. Диана даже не заметила его.

— Просто со своим ангелом-хранителем, — ответил Терри.

Первая костюмная репетиция прошла не просто плохо, как ожидал Кэлловэй, а неизмеримо хуже. Актеры забывали реплики, выходили не вовремя, недоставало предметов реквизита, комические сцены казались надуманными и шли со скрипом; актеры либо безнадежно переигрывали, либо мямлили. Эта «Двенадцатая ночь» длилась год. Посредине третьего акта Кэлловэй бросил взгляд на часы и понял, что полное представление «Макбета» (вместе с антрактом) заняло бы меньше времени.

Он сидел в зале, спрятав лицо в ладонях и размышляя о том, сколько работы еще предстоит, если он хочет довести постановку до должного уровня. Однако можно затвердить роли, отрепетировать сцены с реквизитом, заучить время выхода, пока оно намертво не закрепилось в памяти. Но плохой актер — это плохой актер, и точка. Кэлловэй понял, что он может работать хоть до второго пришествия, оттачивая детали и убирая шероховатости, но ему никогда не сделать актрису из Дианы Дюваль.

С ловкостью фокусника она умудрялась любым своим словам придавать неверную интонацию, упускать любую возможность увлечь зрителей, забывать все нюансы. Это была поразительная по своей неумелости игра; реплики, над которыми так бился Кэлловэй, превращались в однотонное бормотание. Это была не Виола, а безжизненная кукла из мыльной оперы, в ней было меньше души, меньше жизни, чем даже в фальшивой живой изгороди.

Критики съедят ее заживо.

Хуже того, Личфилд будет разочарован. К немалому удивлению Кэлловэя, впечатление от встречи с Личфилдом не рассеялось; он не мог забыть посетителя. Встреча эта затронула его сильнее, чем он готов был признаться, и мысль о том, что такая «Двенадцатая ночь» с такой Виолой станет лебединой песней любимого стариком «Элизиума», не давала ему покоя. Это почему-то казалось ему неблагодарностью.

Его предупреждали о тяжелой участи режиссера еще задолго до того, как он всерьез посвятил себя этой профессии.

Его покойный любимый учитель из актерской школы, Уэллбеловд, старик со стеклянным глазом, с самого начала заявил Кэлловэю:

— Режиссер — самое одинокое существо во вселенной. Ему известны все недостатки и достоинства пьесы, иначе он не заслуживал бы своего жалованья, но он вынужден помалкивать об этом и постоянно улыбаться.

Тогда это казалось не таким уж трудным делом.

— В этой работе успеха не бывает, — говаривал Уэллбеловд. — Ты можешь только стараться, чтобы не оказаться по уши в дерьме.

Да, совет оказался неплохим. Он, как сейчас, видел перед собой наставника, протягивавшего ему на тарелочке свою мудрость; лысина его блестела, живой глаз сиял циническим восторгом. Ни один человек на земле, думал Кэлловэй, не любил театр так страстно, как Уэллбеловд, и ни один человек не осыпал его более ядовитыми насмешками.

Был уже час ночи, когда они закончили злополучную репетицию, повторили все сомнительные места и разошлись, мрачные и недовольные друг другом. Сегодня после работы Кэлловэй не хотел видеть никого из них: никаких пьянок допоздна у кого-нибудь на квартире, никаких взаимных утешений и лести. На душе у него лежала тяжесть, и ни вино, ни женщины, ни развлечения не могли снять ее. Он с трудом заставлял себя смотреть на Диану. Его замечания, сделанные в присутствии всей труппы, должно быть, жгли как огонь. Хотя толку от этого было мало.

В фойе он наткнулся на Таллулу — старуха еще бодрствовала, хотя ей давно уже было пора спать.

Вы сегодня закроете театр? — спросил он, больше ради того, чтобы сказать что-нибудь, чем из любопытства.

— Я всегда закрываю, — ответила она.

Ей было хорошо за семьдесят; она была уже стара для работы, но слишком упряма, чтобы от нее можно было так легко избавиться. Хотя все это уже не важно. Кэлловэй подумал: а что она скажет, узнав о закрытии? Возможно, это разобьет ее хрупкое сердце. Хаммерсмит как-то говорил, что Таллула служит в театре с пятнадцати лет.

— Ну ладно, спокойной ночи, Таллула.

Билетерша, как всегда, коротко кивнула режиссеру. Затем дотронулась до его локтя.

— В чем дело?

— Мистер Личфилд... — начала она.

— Что такое с мистером Личфилдом?

— Ему не понравилась репетиция.

— Он сегодня был в зале?

— Конечно, — ответила старуха таким тоном, как будто Кэлловэй сказал несусветную глупость. — Конечно был.

— Я его не видел.

— Ну... не важно. Он остался не очень доволен.

Кэлловэй попытался говорить равнодушным тоном:

— Ничем не могу помочь.

— Он принимает вашу пьесу очень близко к сердцу.

— Я это знаю, — ответил Кэлловэй, стараясь избегать укоряющего взгляда Таллулы. У него было достаточно проблем для бессонницы и без ее замечаний.

Он выдернул руку и направился к выходу. Таллула не пыталась его остановить. Она лишь сказала:

— Жаль, вы не видели Констанцию.

Констанцию? Где он слышал это имя? Конечно же, это жена Личфилда.

— Она была замечательной Виолой.

Кэлловэй уже устал от болтовни о мертвой актрисе; она ведь умерла, так? Старик вроде сказал, что она умерла, или нет?

— Замечательной, — повторила Таллула.

— Спокойной ночи, Таллула. Завтра увидимся.

Старуха не ответила. Наверное, обиделась на его тон, ну и пусть. Он вышел на улицу.

Был конец ноября, было довольно холодно. В воздухе не веяло никакими ароматами — несло асфальтом от недавно проложенной дороги, ветер осыпал прохожих пылью. Кэлловэй поднял воротник пиджака и поспешил в свое сомнительное убежище — гостиницу Мерфи.

Оставшаяся в фойе Таллула повернулась спиной к холоду и тьме внешнего мира и побрела обратно в храм грез. Теперь здесь пахло неприятно: затхлостью, старостью, так же как от ее тела. Пора предоставить событиям идти своим чередом; нет смысла пытаться продлить отмеренный срок.

Это относится в равной степени и к людям, и к зданиям. Но «Элизиум» должен умереть так, как и жил, — со славой.

Таллула почтительно задернула алыми занавесями портреты в коридоре, ведущем из фойе в зал. Бэрримор[1], Ирвинг[2]: великие имена, великие актеры. Может быть, их изображения выцвели и покрылись пятнами, но воспоминания о них были еще свежи и наполняли ее радостью, как глоток родниковой воды. И на самом почетном месте, в конце вереницы, висело изображение Констанции Личфилд. Лицо необыкновенной красоты; фигура, которая заставила бы рыдать анатома.

Конечно, она была слишком молода для Личфилда, частично в этом заключалась ее трагедия. Личфилд-Свенгали[3] был вдвое старше ее, но он в состоянии был дать своей прекрасной супруге все, что она только могла желать: славу, деньги, любовь. Все, кроме того, что ей нужно было больше всего, — жизни.

Она умерла, не дожив до двадцати, — рак груди. Умерла так внезапно, что до сих пор трудно было поверить, что ее нет.

Глаза Таллулы наполнились слезами, пока она вспоминала этот утраченный и забытый талант. Так много осталось ролей, которые Констанция могла бы блестяще исполнить. Клеопатра, Гедда, Розалинда, Электра...

Но этому не суждено было произойти. Она ушла, погасла, как свеча на ветру, и для тех, кто остался, жизнь превратилась в томительную и безрадостную зимнюю дорогу. Теперь бывали рассветы, когда Таллула не желала подниматься с постели и молилась о том, чтобы умереть во сне.

Она уже с трудом видела из-за слез, заливших ее лицо. О боже, здесь кто-то есть, наверное, мистер Кэлловэй вернулся зачем-то, а она рыдает, как глупая старуха, — она знала, что он считает ее глупой старухой. Молодой человек вроде него — что ему известно о бремени прожитых лет, о невыно-

---

[1] Джон Бэрримор (1882—1942) — американский актер театра и кино, известен исполнением шекспировских ролей.

[2] Джон Генри Ирвинг (1838—1905) — английский трагик, исполнял крупные драматические роли в шекспировских произведениях.

[3] Свенгали — зловещий гипнотизер, герой романа английского писателя и художника Джорджа Дюморье «Трильби» (1894); в переносном смысле — сильный человек, подчиняющий своей воле других.

симой вечной боли утраты? Это сознание придет к нему не скоро. Скорее, чем он думает, но все же не сразу.

— Талли, — произнес кто-то.

Она поняла, кто это. Ричард Уолден Личфилд. Она обернулась: он стоял футах в шести от нее, такой же безупречный джентльмен, каким она его помнила. Он, должно быть, лет на двадцать старше ее, но годы не согнули его. Старуха устыдилась своих слез.

— Талли, — ласково произнес он, — я знаю, что уже поздновато, но я чувствовал, что ты обязательно захочешь поздороваться.

— Поздороваться?

Вытерев слезы, Таллула разглядела спутницу Личфилда, стоявшую чуть позади него. Эту ослепительную, совершенную красавицу Таллула узнала сразу же, как узнают собственное отражение в зеркале. Время словно разбилось на куски, и мир лишился рассудка. Любимые лица неожиданно возвращались, чтобы заполнить пустоту ночи и дать надежду тому, кто устал от жизни. Почему она должна сомневаться в том, что видит?

Это была Констанция, прекрасная Констанция — она взяла Личфилда под руку и молча кивнула Таллуле.

Дорогая умершая Констанция.

Репетиция была назначена на следующее утро на девять тридцать. Диана Дюваль, как это было у нее принято, явилась на полчаса позже. Выглядела она так, словно не спала всю ночь.

— Извините за опоздание, — произнесла она, и звук ее голоса вяло потек со стороны задних рядов к сцене.

У Кэлловэя не было настроения с ней сюсюкать.

— Завтра премьера, — рявкнул он, — а ты задерживаешь нас всех!

— Правда? — пролепетала она, пытаясь изобразить снисходительную красотку. Но было слишком рано, и старания ее пропали даром.

— Итак, все сначала, — объявил Кэлловэй, — прошу всех держать под рукой роль и ручку. У меня здесь список реплик, я хочу их все повторить до обеда. Райан, у тебя есть экземпляр суфлера?

Последовало торопливое перешептывание с ассистентом и извиняющееся «нет» от Райана.

— Так раздобудь его! И я не желаю сейчас слушать никаких жалоб, осталось слишком мало времени. Вчера у нас были поминки, а не спектакль. Я собираюсь кое-что выкинуть, и не всем это покажется приятным.

Так оно и случилось. Несмотря на предупреждение, посыпались протесты, произнесенные вполголоса оскорбления, начались споры, уступки, появились кислые гримасы. Кэлловэй скорее согласился бы сейчас быть подвешенным за ноги, чем управляться с четырнадцатью взвинченными людьми, игравшими в пьесе, которую две трети из них едва понимали и которая оставшейся трети была глубоко безразлична. Нервы у него были на пределе.

Ситуацию ухудшало еще и то, что все это время его не покидало чувство, будто за ним наблюдают, хотя зал был пуст — от галерки до передних рядов. Может быть, у Личфилда где-то проделан глазок, подумал Кэлловэй, затем отбросил эту мысль как первый признак приближающейся паранойи.

Наконец наступил перерыв на ланч.

Кэлловэй знал, где искать Диану, и был готов к предстоящему спектаклю. Обвинения, слезы, утешения, снова слезы, примирение. Стандартный сценарий.

Он постучал в дверь гримерной примадонны.

— Кто там?

Она что, уже плачет или приняла стаканчик чего-нибудь подкрепляющего?

— Это я.

— О.

— Можно войти?

— Да.

Перед ней стояла бутылка дорогой водки и бокал. Слез пока не было.

— Я безнадежна, так? — начала Диана почти сразу же, не успел Кэлловэй закрыть дверь. Глаза ее молили о возражении.

— Не глупи, — уклонился он от ответа.

— У меня никогда не получалось играть Шекспира, — надула губы звезда, словно виноват в этом был сам Шекспир. — Всё эти чертовы разговоры.

Истерика была близко, Кэлловэй уже, казалось, видел, как разражается гроза.

— Да все нормально, — солгал он, обнимая ее. — Тебе просто нужно еще немного времени.

Диана помрачнела.

— Завтра премьера, — без выражения сказала она. Спорить с этим было трудно. — Меня на кусочки разорвут, ведь так?

Он хотел было возразить, но у него язык не поворачивался лгать.

— Да. Если ты не...

— Меня больше никуда не возьмут, да? Это Гарри, проклятый тупоумный еврей, уговорил меня связаться с театром. «Это пойдет на пользу твоей репутации, — сказал он. — Придаст тебе больше веса». Да что он знает? Берет свои треклятые десять процентов и бросает меня одну все разгребать. Я одна-единственная здесь выгляжу полной идиоткой, правда?

Мысль о том, что она выглядит идиоткой, послужила толчком к истерике. Просто слезы здесь не годились: или буря, или ничего. Кэлловэй сделал все, что мог, хотя это было нелегко. Она рыдала так громко, что остатки разума покинули его. Он слегка поцеловал ее, как обязан был сделать любой уважающий себя режиссер, и — о чудо! — казалось, это помогло. Он повторил прием с несколько большим жаром, причем руки его каким-то образом оказались у ее груди, нашли под тканью соски и принялись ласкать их.

Это произвело магическое действие. Среди облаков сверкнули лучи солнца; Диана часто задышала и принялась расстегивать Терри ремень, чтобы жар его тела высушил остатки дождя. Он нащупал кружевную отделку ее трусиков, и она страстно вздохнула, когда он начал ласкать ее мягко и в то же время не слишком мягко, настойчиво, но не слишком настойчиво. Где-то в процессе Диана опрокинула бутылку, но никто из них не позаботился подхватить ее; водка разлилась по столу и закапала на пол, словно аккомпанируя шепоту женщины и вздохам мужчины.

А затем проклятая дверь открылась, и между ними пронесся сквозняк, охлаждая предмет, над которым трудилась Диана.

Кэлловэй уже развернулся было к двери, затем вспомнил, что костюм его не совсем в порядке, и вместо этого уставился в зеркало позади Дианы, чтобы разглядеть незваного гостя. С бесстрастным выражением лица прямо на Кэлловэя смотрел Личфилд.

— Прошу прощения, мне следовало постучать.

Голос его был мягок, словно взбитые сливки, в нем не слышалось ни удивления, ни смущения. Кэлловэй высвободился, застегнул брюки и обернулся к Личфилду, внутренне проклиная свои пылающие щеки.

— Да... Это было бы более вежливо, — сказал он.

— Еще раз приношу свои извинения. Я хотел поговорить с... — его глаза, так глубоко посаженные, что они казались бездонными, остановились на Диане, — с вашей звездой.

Кэлловэй буквально почувствовал, как раздулось при этих словах эго Дианы. Ответ Личфилда привел его в замешательство: он что, внезапно изменил свои взгляды? Неужели он явился сюда в качестве раскаявшегося воздыхателя, чтобы преклонить колени у ног божества?

— От души надеюсь, что леди сможет уделить мне минутку. Если это возможно, разумеется, — продолжал медоточивый голос.

— Вообще-то, мы как раз...

— Разумеется, — перебила его Диана. — Подождите минуточку, хорошо?

Она сразу почувствовала себя хозяйкой положения; слезы были забыты.

— Я подожду снаружи, — ответил Личфилд, закрывая за собой дверь.

Не успел он выйти, как Диана уже уселась перед зеркалом, чтобы промокнуть салфеткой потекшую тушь.

— О, — ворковала она, — как приятно встретить доброжелателя. Ты знаешь, кто это?

— Его зовут Личфилд, — сообщил ей Кэлловэй. — Раньше он был доверенным лицом хозяина театра.

— Может быть, он хочет мне что-то предложить?

— Сомневаюсь.

— Да не будь ты таким занудой, Теренс! — раздраженно воскликнула актриса. — Ты просто терпеть не можешь, когда я уделяю внимание кому-то, кроме тебя, так?

— Прошу прощения.

Диана придирчиво осмотрела макияж.

— Как я выгляжу? — спросила она.

— Отлично.

— Прости за то, что было.

— А что было?

— Ну, ты сам знаешь.

— Ах да.

— Увидимся в пабе, ладно?

В общем, она его буквально вытолкала — в нем не было больше необходимости ни как в любовнике, ни как в утешителе.

Личфилд терпеливо ждал снаружи, в холодном коридоре. Здесь было светлее, чем на плохо освещенной сцене вчера вечером, и старик стоял сейчас ближе, но Кэлловэй по-прежнему не мог как следует разглядеть лицо, скрытое под широкими полями шляпы. В мозгу режиссера зажужжала странная мысль. В чертах Личфилда было что-то искусственное. Плоть на его лице не двигалась, как обычно движется переплетение мышц и сухожилий, она была словно застывшей, подобно ткани, наросшей на поверхности раны.

— Она еще не готова, — сообщил старику Кэлловэй.

— Какая прелестная женщина, — промурлыкал Личфилд.

— Да.

— Я вас не виню...

— Хм...

— Однако она не актриса.

— Вы же не собираетесь вмешиваться в это дело, Личфилд? Я вам не позволю.

— У меня и мысли такой не возникало!

Личфилд явно получал извращенное удовольствие от смущения Кэлловэя, и мнение режиссера о старике изменилось не в лучшую сторону.

— Я не позволю вам портить ей настроение...

— Мои интересы совпадают с вашими, Теренс. Все, что мне нужно, — это чтобы спектакль прошел в лучшем виде, поверьте мне. Неужели я позволю себе тревожить вашу звезду? Я буду мягок, как ягненок, Теренс.

— Кем бы вы ни были, — грубо ответил тот, — вы отнюдь не ягненок.

На лице Личфилда снова появилась улыбка, но кожа в уголках рта лишь слегка растянулась, чтобы изобразить ее. Пока Кэлловэй шел в паб, перед ним все стояла эта хищная усмешка, и он встревожился, сам не зная отчего.

В увешанной зеркалами каморке Диана Дюваль приготовилась играть свой спектакль.

— Можете войти, мистер Личфилд, — объявила она.

Старик появился на пороге еще до того, как его имя замерло у нее на губах.

— Мисс Дюваль. — Он слегка поклонился в знак уважения. Она улыбнулась: какие манеры. — Еще раз прошу прощения за свое вторжение.

Диана приняла вид скромницы; это всегда действовало на мужчин неотразимо.

— Мистер Кэлловэй... — начала она.

— Очень настойчивый молодой человек, как мне кажется.

— Да.

— Но не настолько, чтобы навязывать свое внимание звезде?

Она нахмурилась, и на лбу, над выщипанными бровями, возникла морщинка.

— Боюсь, что вы ошибаетесь.

— В высшей степени непрофессионально с его стороны! — воскликнул Личфилд. — Но, простите меня, его порыв понятен.

Актриса отошла от него поближе к горевшим у зеркала лампочкам и повернулась к ним спиной, зная, что в таком свете ее волосы смотрятся более выгодно.

— Итак, мистер Личфилд, чем я могу быть вам полезна?

— Откровенно говоря, это очень деликатный вопрос, — ответил тот. — Как это ни прискорбно, но — не знаю, как это выразить, — ваш талант не совсем подходит для роли Виолы. Вам недостает тонкости.

На несколько секунд в комнате повисла тишина. Диана фыркнула, обдумала его слова и шагнула вперед, к двери. Ей не понравилось, как началась эта сцена. Она ждала встретить поклонника, а вместо этого столкнулась с критиком.

— Убирайтесь! — резко выкрикнула она.

— Мисс Дюваль...

— Вы что, глухой?

— Вам не очень комфортно в роли Виолы, верно? — продолжал Личфилд, словно звезда ничего не сказала.

— Не ваше собачье дело! — выплюнула она.

— Ошибаетесь, это мое дело. Я присутствовал на репетициях. Вы играете слабо, неубедительно. Комические эпизоды плоски, сцена воссоединения, которая должна тронуть зрителя до глубины души, никуда не годится.

— Благодарю, я не нуждаюсь в ваших оценках.

— У вас нет стиля...

— Убирайтесь к дьяволу!

— Ни таланта, ни стиля. Я уверен, что в телесериалах вы само совершенство, но сцена требует особого дарования, которого вам, к сожалению, не хватает.

Обстановка накалялась. Диане хотелось ударить обидчика, но у нее не было для этого подходящего повода. Она не могла принять всерьез этого выцветшего позера. Он скорее походил на персонажа музыкальной комедии, чем мелодрамы, со своими аккуратными серыми перчатками, аккуратным серым галстуком. Ядовитый старый дурень, да что он знает об актерской профессии?

— Убирайтесь, пока я не позвала помощника режиссера, — крикнула Диана, но Личфилд загородил ей путь к двери.

Сцена изнасилования? Неужели у него насчет нее грязные намерения? Боже упаси.

— Моя жена, — говорил он, — когда-то играла Виолу...

— Рада за нее.

— И ей кажется, что она сможет вдохнуть в эту роль немного больше жизни, чем вы.

— Завтра премьера, — невольно произнесла Диана, словно защищая свое право играть в спектакле.

Какого черта она вообще с ним спорит? Вломился сюда, несет кошмарную чушь. Может быть, потому, что она немного боится? Он был совсем близко, она чувствовала на себе его дыхание — пахло дорогим шоколадом.

— Она знает роль наизусть.

— Эта роль моя. И я буду исполнять ее. Я буду играть, пусть я самая худшая Виола за всю историю театра, ясно вам?

Диана пыталась сохранить спокойствие, но это было нелегко. Она не боялась насилия, и все же он вселял в нее страх.

— Боюсь, что я уже пообещал эту роль своей жене.

— Что?! — Она даже вытаращила глаза от подобной наглости.

— И Констанция сыграет эту роль.

Она рассмеялась, услышав имя. Может быть, в конце концов, все это лишь комедия? Что-нибудь из Шеридана или Уайльда, небольшое, игривое. Но он говорил с такой непоколебимой уверенностью. «Констанция сыграет эту роль» — как будто это был общеизвестный, неоспоримый факт.

— Я не собираюсь больше обсуждать это с тобой, фраер, так что, если твоя жена хочет играть Виолу, ей придется, дьявол ее забери, делать это на улице. Понял?

— Она будет играть ее завтра.

— Ты что, оглох, или ты псих, или и то и другое?

«Следи за собой, — подсказал Диане внутренний голос, — ты переигрываешь, теряешь контроль над сценой. Какова бы та ни была».

Личфилд шагнул к ней, и лампочки полностью осветили лицо под шляпой. Диана не рассмотрела посетителя как следует, когда он появился, но теперь она разглядела глубокие морщины, словно выдолбленные вокруг его глаз и рта. Это была не живая плоть, она была в этом уверена. На нем была плохо подогнанная латексная маска. Рука ее дрогнула — так сильно ей захотелось сорвать покров и открыть его истинное лицо.

Разумеется! Вот оно что. Сцена, которую они разыгрывают, — «Разоблачение».

— Посмотрим, какой ты на самом деле! — воскликнула Диана, и, прежде чем Личфилд успел остановить ее, рука ее потянулась к его щеке.

Улыбка расплылась еще шире. Именно это ему и нужно, промелькнуло у нее в мозгу, но было слишком поздно сожалеть или извиняться. Кончиками пальцев Диана нащупала край маски рядом с глазницей, схватила покрепче и рванула.

Тонкий покров латекса соскользнул, и ей открылась его истинная внешность. Диана хотела было отстраниться, но Личфилд вцепился ей в волосы. Ей оставалось лишь смот-

реть. Кое-где виднелись клочки иссохших мышц, из кожистого лоскутка на горле торчали остатки бороды, но плоть давно уже расцалась. От лица остались лишь кости, источенные временем и покрытые пятнами.

— Я не был,— произнес череп,— забальзамирован. В отличие от Констанции.

Но Диана не слышала его. Она не издала ни звука, хотя в этой сцене от нее явно требовался крик ужаса. Она смогла выдавить из себя лишь слабое хныканье, когда он крепче ухватил ее и откинул ее голову назад.

— Рано или поздно каждый из нас встает перед выбором,— произнес Личфилд; теперь от него пахло не шоколадом, а тленом,— кому служить: себе самому или своему искусству.

Она ничего не поняла.

— Мертвые должны выбирать более тщательно, чем живые. Мы не можем, так сказать, разменяться на мелочи; мы требуем чистых восторгов. Мне кажется, вам искусство не нужно. Я прав?

Диана закивала, моля Бога, чтобы этот ответ оказался верным.

— Жизнь тела вам дороже жизни воображения. И вы ее получите.

— Благодарю... вас.

— Если вы так сильно жаждете ее, получайте.

Внезапно рукой, которая больно тянула Диану за волосы, мертвец обхватил ее затылок и привлек ее к своему лицу. Женщина хотела закричать, но гнилые челюсти плотно прижались к ее губам и не дали ей вздохнуть.

Райан обнаружил Диану на полу ее гримерной примерно в два часа дня. Никто не понял, что произошло. На ее голове и теле не было никаких повреждений; она была жива, но находилась в коме. Решили, что она оступилась и при падении ударилась головой. Но, какова бы ни была причина, она явно выбыла из игры.

До последней репетиции в костюмах оставалось несколько часов, а Виола лежала в реанимации.

— Чем скорее это все снесут, тем лучше,— сказал Хаммерсмит.

Он пил в рабочее время, чего Кэлловэй прежде за ним не замечал. На его письменном столе стояла бутылка виски и наполовину полный бокал. На бумагах виднелись влажные следы от бокала, и рука директора заметно дрожала.

— Какие новости из больницы?

— Такая красивая женщина, — произнес Хаммерсмит, уставившись на бутылку.

Кэлловэй готов был поклясться, что тот сейчас разрыдается.

— Хаммерсмит! Как она?

— Она в коме. Но состояние стабильное.

— Думаю, это уже неплохо.

Хаммерсмит воззрился на режиссера, и его торчащие брови в гневном выражении сошлись над переносицей.

— Ты сопляк, — всхлипнул он. — Ты ее трахал, да? Воображаешь себя крутым, а? Так вот что я тебе скажу: Диана Дюваль стоит дюжины таких, как ты. Дюжины!

— Значит, вот почему вы позволили мне ставить этот последний спектакль, Хаммерсмит? Увидели ее и захотели прибрать к своим грязным куцым лапам?

— Ты этого не поймешь. Ты думаешь не головой, а яйцами. — Казалось, он искренне обиделся на истолкование, которое Кэлловэй дал его восхищению Дианой Дюваль.

— Ну хорошо, как хотите. Но у нас по-прежнему нет Виолы.

— Вот поэтому я все и отменяю, — произнес Хаммерсмит медленно, смакуя момент.

Да, это должно было случиться. Без Дианы Дюваль «Двенадцатой ночи» не будет; и, скорее всего, это к лучшему.

В дверь постучали.

— Кто там еще, мать твою, — негромко выругался Хаммерсмит. — Войдите.

Это оказался Личфилд. Кэлловэй почти рад был увидеть это странное, изборожденное рытвинами лицо. Хотя ему хотелось задать старику кое-какие вопросы: о том, в каком состоянии он оставил Диану, об их разговоре, но он не желал беседовать об этом в присутствии Хаммерсмита. А кроме того, появление Личфилда в кабинете директора опровергало обвинения, которые уже было сформировались у режиссера в мозгу. Если старик по какой-то причине попытался причи-

нить Диане вред, неужели он вернулся бы в театр так скоро, с улыбкой на лице?

— Кто вы такой? — рявкнул Хаммерсмит.

— Меня зовут Ричард Уолден Личфилд.

— Это мне ни о чем не говорит.

— Прежде я был доверенным лицом «Элизиума».

— Вот как.

— Я сделал своей целью...

— Что вам нужно? — перебил его Хаммерсмит, которого раздражали манеры гостя.

— Я слышал, спектакль под угрозой, — ответил Личфилд, ничуть не выведенный из терпения.

— Никакой угрозы нет, — возразил Хаммерсмит, позволив себе слегка улыбнуться уголком рта. — Никакой угрозы нет, потому что спектакля не будет. Он отменен.

— Неужели? — переспросил Личфилд, взглянув на Кэлловэя. — Это сделано с вашего согласия?

— Его согласие не имеет значения, я имею право отменить спектакль, если того требуют обстоятельства; это написано в контракте. Сегодня театр закрывается навсегда, и спектаклей здесь больше не будет.

— Будут, — возразил Личфилд.

— Что? — Хаммерсмит встал из-за стола, и Кэлловэй вдруг понял, что он никогда не видел его стоящим. Директор оказался коротышкой.

— «Двенадцатая ночь» будет идти, как запланировано, — мурлыкал Личфилд. — Моя жена любезно согласилась заменить мисс Дюваль в роли Виолы.

Хаммерсмит рассмеялся; это был грубый, хриплый смех мясника. Однако он тут же смолк: в офисе повеяло лавандой, и вошла Констанция Личфилд в мерцающих шелках и мехах. Она была такой же прекрасной, как и в день смерти, и при виде ее Хаммерсмит задохнулся и смолк.

— Наша новая Виола, — объявил Личфилд.

После секундного замешательства Хаммерсмит обрел дар речи:

— Эта женщина не может выступать на сцене без предварительного объявления за полдня.

— А почему бы и нет? — произнес Кэлловэй, не сводя глаз с молодой актрисы.

Личфилду повезло: Констанция была необыкновенной красавицей. Кэлловэй едва осмеливался дышать, опасаясь, что видение вот-вот исчезнет.

Затем она заговорила. Она произнесла строчки из первой сцены пятого акта:

— Не обнимай меня и не целуй,
Пока приметы времени и места
Не подтвердят тебе, что я — Виола[1].

Голос у нее был негромкий, музыкальный, но он, казалось, шел из глубины души, и каждая фраза словно говорила о скрытой, бушующей в ней страсти. И это лицо. Оно было живым, одухотворенным, и черты его скупо, но точно передавали изображаемые актрисой чувства.

Констанция завораживала.

— Простите, — заговорил Хаммерсмит, — но на этот счет существуют строгие правила. Она состоит в профсоюзе?

— Нет, — ответил Личфилд.

— Ну вот, видите, это совершенно невозможно. Профсоюз строго запрещает подобные вещи. Они с нас кожу живьем сдерут.

— Да какая вам разница, Хаммерсмит? — вступил Кэлловэй. — Какого черта вы суетитесь? Когда это здание снесут, вы к театру и близко не подойдете.

— Моя жена наблюдала за репетициями. Она превосходно знакома с ролью.

— Это будет необыкновенной удачей, — продолжал Кэлловэй, глядя на Констанцию; с каждой минутой энтузиазм его разгорался все сильнее.

— Вы рискуете разозлить профсоюз, Кэлловэй, — проворчал Хаммерсмит.

— Я готов пойти на риск.

— Как вы совершенно правильно заметили, мне до этого мало дела. Но если им кто-нибудь шепнет словечко, вас размажут по стенке.

— Хаммерсмит, дайте ей шанс. Дайте нам всем шанс. Если профсоюз обольет меня грязью, это мое дело.

Директор снова сел.

[1] Пер. Э. Линецкой.

— Да никто не придет, вы что, не понимаете? Диана Дюваль была звездой; они высидели бы весь ваш занудный спектакль, только чтобы посмотреть на нее, Кэлловэй. Но неизвестная?.. Ну ладно, это же ваши похороны. Идите, делайте что хотите, я умываю руки. Вы за все отвечаете, Кэлловэй, запомните это. Надеюсь, они вас за это распнут.

— Благодарю вас, — произнес Личфилд. — Очень любезно с вашей стороны.

Хаммерсмит начал наводить порядок у себя на столе, освобождая место для бутылки и стакана. Беседа была окончена: он больше не интересовался судьбой этих однодневок.

— Уходите, — велел он. — Просто уйдите отсюда.

— У меня несколько условий, — заявил Личфилд Кэлловэю, когда они вышли из офиса. — В спектакле необходимо кое-что изменить, для того чтобы моей жене было удобнее работать.

— И что именно?

— Ради комфорта Констанции я попрошу вас существенно уменьшить яркость освещения. Она не привыкла играть в свете таких ослепительных софитов.

— Очень хорошо.

— Я также хотел бы, чтобы вы установили ряд софитов на рампе.

— На рампе?

— Я понимаю, это необычное условие, но она чувствует себя гораздо лучше, когда на рампе горят огни.

— Они же слепят актеров, — возразил Кэлловэй. — Им трудно видеть зрителей.

— И тем не менее... Я вынужден настаивать на этом условии.

— Хорошо.

— И третье, я попрошу вас изменить все сцены с поцелуями, объятиями и другими прикосновениями таким образом, чтобы исключить любой физический контакт с Констанцией.

— Все?

— Все.

— Но ради бога, почему?

— Моей жене противопоказано учащенное сердцебиение, Теренс.

Кэлловэй на мгновение поймал взгляд Констанции. Он был подобен взгляду ангела.

— Может быть, следует представить нашу новую Виолу труппе? — предложил Личфилд.

— Почему бы и нет?

И все трое отправились в зрительный зал.

Переустройство сцены и изменение всех эпизодов с прикосновениями к Виоле не заняло много времени. И хотя актеры сперва отнеслись к новой коллеге с опаской, ее сердечные манеры и природная грация быстро покорили их. А кроме того, ее появление означало, что спектакль все-таки состоится.

В шесть Кэлловэй объявил перерыв, сказав, что репетиция в костюмах начнется в восемь, и отпустил актеров часок отдохнуть. Все разошлись, переговариваясь с новообретенным энтузиазмом. То, что еще утром казалось хаосом, по-видимому, начало обретать форму. Конечно, оставалось еще множество мелких недочетов, но все это было нормальным для спектакля. На самом деле актеры сейчас впервые почувствовали себя уверенно. Даже Эд Каппингем снизошел до комплиментов новой Виоле.

Личфилд застал Таллулу за уборкой в Зеленой комнате.

— Сегодня...

— Да, сэр.

— Тебе нечего бояться.

— Я не боюсь, — ответила Таллула. — Как вы можете так думать? Как будто...

— Это может быть болезненно, о чем я сожалею. Для тебя, да и для всех нас.

— Я понимаю.

— Не сомневаюсь. Ты любишь театр, как и я: тебе известен парадокс актерской профессии. Играть жизнь... ах, Таллула, изображать живого человека — как это странно. Иногда, знаешь ли, я спрашиваю себя: а долго ли еще я смогу продолжать этот спектакль?

— Вы играете превосходно, — ответила она.

— Ты так думаешь? Ты действительно так думаешь? — Ее похвала подбодрила его. Он так устал постоянно притворяться: изображать человека из плоти и крови, дыхание, жизнь. Чувствуя благодарность к Таллуле за ее слова, он прикоснулся к ней. — Ты хотела бы умереть, Таллула?

— А это больно?

— Совсем чуть-чуть.

— Тогда, мне кажется, это будет прекрасно.

— Так оно и есть.

Личфилд прикоснулся губами к ее губам; она с радостью уступила ему и менее чем через минуту была мертва. Он положил ее на потертый диван и закрыл Зеленую комнату ее ключом. В прохладном помещении тело должно быстро окоченеть, и она встанет снова примерно в то время, когда прибудут зрители.

В шесть пятьдесят Диана Дюваль вышла из такси у дверей «Элизиума». Было темно и ветрено, однако женщина чувствовала себя превосходно: ничто не тревожило ее теперь. Ни темнота, ни холод.

Незамеченная, она прокралась мимо афиш, на которых красовались ее имя и лицо, и прошла через пустой зал в гримерную. Там она нашла своего возлюбленного — он пытался убить время, куря сигарету за сигаретой.

— Терри.

Диана на мгновение задержалась в дверях, чтобы ее появление произвело надлежащий эффект. При виде ее он сильно побледнел, и она слегка надула губы. Это оказалось непросто. Мышцы лица онемели, но ей удалось изобразить недовольную гримаску.

Кэлловэй потерял дар речи. Диана плохо выглядела, в этом не было сомнений, и, если она покинула больницу, чтобы принять участие в костюмной репетиции, ее следовало уговорить не делать этого. Макияжа на ней не было, пепельные волосы потускнели.

— Зачем ты пришла? — спросил он, когда она закрыла дверь.

— Мне нужно закончить одно дело, — ответила Диана.

— Послушай... Я хочу кое-что тебе сказать... — Боже мой, что сейчас начнется! — Мы нашли замену тебе. — Она не-

понимающе уставилась на него. Он продолжал, запинаясь на каждом слове: — Мы решили, что ты не в состоянии играть, то есть не вообще, но, понимаешь, по крайней мере на премьере...

— Ничего страшного, — ответила она.

У Кэлловэя даже отвисла челюсть.

— Ничего страшного?

— Какое мне дело до этого?

— Ты же сказала, что вернулась закончить...

Он смолк. Диана начала расстегивать пуговицы на платье. Она же не серьезно, подумал он, не может быть. Секс? Сейчас?

— За последние несколько часов я много думала, — произнесла она, повела бедрами, чтобы стряхнуть помятое платье, и перешагнула через него. На ней был белый бюстгальтер, который она безуспешно пыталась расстегнуть. — Я решила, что театр — это не для меня. Ты не поможешь?

Она повернулась к нему спиной. Кэлловэй механически расстегнул бюстгальтер, не понимая хорошенько, надо это ему или нет. Но, видимо, его согласия не требовалось. Она просто вернулась закончить то, чем занималась, когда их прервали. И, несмотря на странные горловые звуки, которые она издавала, и остекленевшие глаза, Диана по-прежнему была привлекательна. Она развернулась, и Кэлловэй уставился на ее полные груди — они были белее, чем прежде, но все так же прекрасны. Брюки становились ему тесны, и ее поведение еще подливало масла в огонь: она покачивала бедрами, проводя руками между ног, как вульгарная стриптизерша из Сохо.

— За меня не беспокойся, — говорила Диана. — Я выбор сделала. Все, что мне на самом деле нужно...

Она прикоснулась руками, которые только что побывали у нее между ног, к лицу Кэлловэя. Пальцы были холодны как лед.

— Все, что мне нужно, — это ты. Я не могу получить и секс, и сцену... В жизни каждого из нас наступает момент, когда приходится делать выбор.

Диана облизала губы. На коже в том месте, где скользнул ее язык, не осталось влажного следа.

— Несчастный случай заставил меня задуматься, заставил меня поразмыслить о том, что мне действительно нуж-

но. И, честно говоря, — она принялась расстегивать ему ремень, — мне совершенно наплевать...

Она расстегнула молнию.

— ...на эту, да и на все остальные гребаные пьесы.

Брюки упали на пол.

— Сейчас я покажу тебе, что мне нужно.

Она сунула руку ему в трусы и сжала член. Ледяное прикосновение почему-то показалось Кэлловэю исключительно сексуальным. Он засмеялся и закрыл глаза, а она стянула ему трусы до коленей и опустилась на пол.

Диана осталась такой же искусной, как и прежде, и горло ее было открыто, словно водосток. Во рту у нее было несколько суше, чем обычно, и язык ее царапал его плоть, но эти ощущения сводили его с ума. Кэлловэй настолько забылся, что даже не заметил, как легко она смогла засунуть его член себе в глотку дальше, чем ей это удавалось прежде; она использовала все свои навыки, чтобы довести его до крайней степени возбуждения. Сначала она двигалась медленно, потом ускорила ритм, так что он едва не кончил, затем почти прекратила, пока желание не прошло. Он был полностью в ее руках.

Кэлловэй открыл глаза, чтобы посмотреть на любовницу. Диана словно вонзала в себя его член, на лице ее был полный восторг.

— Боже, — выдохнул он, — как хорошо! О да, да!

Лицо ее даже не дрогнуло при этих словах, она просто беззвучно продолжала свое занятие. Она не производила обычных звуков — негромкого довольного ворчания и тяжелого дыхания через нос. Она поглощала его плоть в полной тишине.

На мгновение Кэлловэй придержал дыхание — у него возникла ужасная мысль. Голова Дианы продолжала покачиваться внизу, глаза ее были закрыты, губы сомкнуты вокруг его члена, она была полностью погружена в свое занятие. Прошло полминуты, минута, полторы минуты. И в животе у Кэлловэя что-то сжалось от ужаса.

Она не дышала. Она была так бесподобна сейчас именно потому, что ни на миг не останавливалась перевести дыхание.

Терри замер от ужаса, и член его обмяк. Но Диана не обратила на это внимания, неутомимо продолжая работать,

пока в мозгу Кэлловэя формировалась невозможная мысль: «Она мертва. Мой член у нее во рту, в ее холодном рту, и она мертва. Вот зачем она вернулась, слезла со стола и пришла сюда. Она жаждала закончить начатое, ей теперь безразличны и пьеса, и ее соперница. Именно это она любила больше всего, только это, и ничто иное. Она выбрала свой удел: заниматься этим вечно».

Кэлловэй не в силах был пошевелиться; он просто смотрел как дурак на труп, который делал ему минет.

Затем Диана, по-видимому, почувствовала его ужас. Открыла глаза и взглянула на него. Как он мог принять этот мертвый взгляд за взгляд живого человека? Она осторожно выпустила изо рта его сморщенное мужское достоинство.

— В чем дело? — спросила она, и ее нежный голос по-прежнему имитировал жизнь.

— Ты... ты не... дышишь.

Лицо Дианы помрачнело, и она отстранилась.

— О, дорогой мой, — произнесла она, оставив попытки изображать живого человека. — Я слишком плохая актриса для этого, верно?

Голос ее походил на голос призрака — тихий и несчастный. Кожа, которую Кэлловэй счел такой чарующе белоснежной, оказалась при ближайшем рассмотрении безжизненной, восковой.

— Ты мертва? — спросил он.

— Боюсь, что да. Я умерла два часа назад. Но мне необходимо было прийти, Терри, — столько незаконченных дел. Я сделала выбор. Ты должен быть польщен. Ведь ты польщен, правда?

Она поднялась и протянула руку к своей сумочке, оставленной у зеркала. Кэлловэй взглянул на дверь, пытаясь заставить себя пошевелиться, но ноги не слушались его. А кроме того, ему мешали спущенные брюки. Пара шагов — и он упадет.

Она обернулась к нему, и в руке ее что-то блеснуло. Как он ни старался, он не смог разглядеть, что это. Но что бы это ни было, оно предназначалось для него.

С момента постройки нового крематория в 1934 году кладбище терпело унижение за унижением. Могилы грабили в по-

исках свинцовой подкладки гробов, камни выворачивали и разбивали, все было испещрено граффити и загажено собаками. Не много осталось и приходивших ухаживать за могилами. Несколько человек, у которых здесь были похоронены дорогие родственники, стали слишком стары, чтобы пробираться по заросшим тропинкам, и слишком слабы духом, чтобы смотреть на этот вандализм.

Но так было не всегда. За мраморными фасадами викторианских мавзолеев покоились члены влиятельных и процветающих семей. Отцы-основатели, местные промышленники и чиновники — все, кем по праву гордился город. Здесь было погребено тело Констанции Личфилд («Доколе день дышит прохладою и убегают тени»[1]), и могила ее была одной из немногих, за которыми еще продолжали ухаживать тайные почитатели.

В эту ночь на кладбище никого не было — для влюбленных парочек стоял слишком сильный холод. Никто не видел, как Шарлотта Хэнкок открыла дверь своего склепа, и, пока она с трудом пробиралась навстречу луне, ее приветствовали лишь хлопавшие крыльями голуби. С ней был муж, Джерард; он сохранился хуже, поскольку умер тринадцатью годами ранее. За Хэнкоками следовал Джозеф Жарден со своей семьей, за ними — Марриотт Флетчер, и Эпи Снелл, и братья Пикок. В одном углу Альфред Кроушоу, капитан семнадцатого уланского полка, помогал своей прелестной жене Эмме выбраться из их гниющего ложа. Повсюду приподнимались крышки гробов: да это же Кезия Рейнольдс со своим ребенком, который прожил лишь один день, и Мартин ван де Линде («Память праведника пребудет благословенна»[2]), у которого пропала жена, Роза и Селина Голдфинч — обе прямые как тростинки, — и Томас Джерри, и...

Слишком много имен, чтобы перечислить все. Слишком много степеней распада, чтобы их описывать. Достаточно будет сказать, что они восстали из мертвых: саваны развевались на ветру, лица были лишены плоти, виднелись об-

---

[1] «Доколе день дышит прохладою и убегают тени, возвратись, будь подобен серне или молодому оленю на расселинах гор» — цитата из Песни песней Соломона, 2:17.

[2] Книга притчей Соломоновых, 10:7.

наженные черепа. Но они, распахнув ворота, вышли с кладбища и пробирались через пустыри к «Элизиуму». Издалека слышался шум машин. Где-то наверху проревел самолет. Один из братьев Пикок, засмотревшись на мигавшего разноцветными огоньками гиганта, споткнулся, упал ничком и сломал челюсть. Ему осторожно помогли подняться и под руки повели дальше. Падение не причинило ему особого вреда; да и что с того, что в день Страшного суда он не сможет смеяться?

А тем временем генеральная репетиция продолжалась.

О музыка, ты пища для любви!
Играйте же, любовь мою насытьте,
И пусть желанье, утолясь, умрет!

Кэлловэя не могли найти у занавеса; и Хаммерсмит через вездесущего мистера Личфилда передал приказание начинать спектакль, с режиссером или без него.

— Он, скорее всего, наверху, на галерке, — сказал Личфилд. — Знаете, мне даже кажется, что я его вижу.

— Он улыбается? — спросил Эдди.

— От уха до уха.

— Значит, напился в стельку.

Актеры рассмеялись. В этот вечер они много смеялись. Спектакль шел без сучка и задоринки, и, хотя они не могли видеть зрителей из-за сияющих огней рампы, они чувствовали их любовь и восторг. Актеры покидали сцену, полные воодушевления.

— Все ваши друзья, мистер Личфилд, сидят на галерке, — сказал Эдди. — Они очень довольны. Они молчат, но я вижу, как они улыбаются.

Акт первый, сцена вторая; первый выход Констанции Личфилд был встречен спонтанными аплодисментами. И что это были за аплодисменты! Подобные глухому рокоту военных барабанов, подобные стуку тысяч барабанных палочек. Щедрые, бесконечные аплодисменты.

И разумеется, она их оправдала. Она начала свою роль именно так, как от нее ожидали, вкладывая в игру весь свой талант, не нуждаясь в движениях тела для того, чтобы передавать движения души, произнося стихотворные строчки с таким

пониманием и страстью, что едва заметный взмах ее руки значил больше, чем сотня величественных жестов. После первой сцены каждое ее появление зрители встречали бурными овациями, за которыми следовала благоговейная тишина.

И снова! Аплодисменты! Аплодисменты!

Сидевший в своем офисе Хаммерсмит сквозь алкогольную одурь различал несмолкающий гул аплодисментов.

Он как раз наполнял очередной стакан, когда дверь открылась. Он на мгновение поднял взгляд и заметил, что на пороге стоит этот нахал Кэлловэй. «Бьюсь об заклад, позлорадствовать пришел,— подумал Хаммерсмит,— пришел мне доказывать, что я был не прав».

— Что вам нужно?

Молокосос не ответил. Краем глаза Хаммерсмит заметил на лице Кэлловэя широкую, довольную улыбку. Самовлюбленный недоумок пришел сюда, когда у человека горе.

— Я думаю, вы слышали?

Вошедший что-то проворчал.

— Она умерла,— сказал Хаммерсмит, начиная плакать.— Она умерла несколько часов назад, не приходя в сознание. Я не говорил актерам.

Кэлловэй ничего не ответил на это сообщение. Неужели этому негодяю все равно? Он что, не понимает, что теперь всему конец? Женщина мертва. Она умерла в здании «Элизиума». Начнется официальное расследование, вмешается страховая компания, будет вскрытие, следствие: откроется слишком многое.

Он сделал большой глоток, не глядя на Кэлловэя.

— После этого твоя карьера надолго застопорится, сынок. Конец не только мне, но и тебе.

Но Кэлловэй по-прежнему ничего не отвечал.

— Тебе что, нет дела до собственной карьеры? — повысил голос Хаммерсмит.

Последовала минутная пауза, затем Кэлловэй отозвался:

— Да плевать мне на нее.

— Выскочка бездарный, вот ты кто. Вы все такие, гребаные режиссеры! Одна положительная рецензия, и вы считаете себя творцами от Бога. Так вот позволь мне кое-что тебе объяснить...

Он снова взглянул на Кэлловэя, и ему не сразу удалось сфокусировать затуманенный алкоголем взгляд. Но в конце концов он это разглядел.

Кэлловэй, грязный педик, заявился к нему без штанов. На нем были носки и ботинки, но ни трусов, ни брюк. Эта сцена могла бы показаться комичной, если бы не его лицо. Он явно рехнулся: глаза вращались, по лицу текли слюни и сопли, язык вывалился изо рта, как у запыхавшейся собаки.

Хаммерсмит поставил стакан на промокашку и вгляделся в то, что было хуже всего. Рубашка Кэлловэя была заляпана кровью, алый след тянулся через все горло к левому уху, из которого торчала пилка для ногтей. Металлическое острие вошло глубоко в мозг. Он был однозначно мертв.

Но он стоял, говорил, ходил.

Из зрительного зала донесся приглушенный гул очередной овации. Этот звук показался директору нереальным, он шел из другого мира — из мира, где правили эмоции. Хаммерсмит всегда чувствовал себя изгнанным оттуда. Он никогда не блистал актерскими дарованиями, хотя, видит бог, старался, а две написанные им пьесы, он знал, никуда не годились. Его призванием была бухгалтерия, и он воспользовался ею, чтобы оставаться как можно ближе к сцене, ненавидя собственную бездарность так же сильно, как и талант других.

Аплодисменты стихли, и, словно по подсказке невидимого суфлера, Кэлловэй бросился на хозяина. Его маска была одновременно комической и трагической — здесь смешались смех и кровь. Хаммерсмит струсил и оказался в ловушке за столом. Кэлловэй вскочил на стол (он был ужасно нелеп: полы рубашки развевались, яйца раскачивались из стороны в сторону) и схватил Хаммерсмита за галстук.

— Филистимлянин, — произнес Кэлловэй, так и не узнав истинного лица Хаммерсмита, и сломал ему шею — хрясь! — а где-то далеко зрители снова захлопали в ладоши.

Не обнимай меня и не целуй,
Пока приметы времени и места
Не подтвердят тебе, что я — Виола.

Из уст Констанции это звучало как откровение. Почти казалось, что «Двенадцатая ночь» написана только что и роль

Виолы предназначена специально для Констанции Личфилд. Актеры, игравшие на одной сцене с ней, отбросив гордость, склонялись перед гением.

Последний акт двигался к своему радостно-горькому завершению, и, судя по мертвой тишине в зале, зрители были заворожены.

Герцог говорил:

— Дай руку мне. Хочу тебя увидеть
В наряде женском.

Во время репетиции намек, содержавшийся в этих словах, был упущен, никто не смел прикоснуться к Виоле, не говоря уже о том, чтобы взять ее за руку. Но на сцене, в волнении, все табу были забыты. Потеряв голову, актер потянулся к Констанции. Она же, в свою очередь, позабыв о запретах, протянула руку ему в ответ.

Личфилд, стоявший за кулисами, едва слышно выдохнул «нет», но его приказ не был услышан. Герцог сжал руку Виолы, и под нарисованным небом соединились жизнь и смерть.

Это была ледяная рука, кровь не текла по ее жилам, кожа ее не горела.

Но здесь она вполне могла сойти за живую.

Они были равны, живой и мертвая, и никто не мог найти причины разлучить их.

Личфилд испустил вздох и позволил себе улыбнуться. Он боялся этого прикосновения, боялся, что оно разрушит чары. Но Дионис сегодня покровительствовал им. Все будет хорошо; он чувствовал это нутром.

Спектакль закончился, и Мальволио, все еще выкрикивавший свои угрозы, удалился. Один за другим актеры покидали сцену, оставив клоуна произносить финальные строки:

— Был создан мир бог весть когда —
И дождь, и град, и ветер, —
Но мы сюда вас ждем, господа,
И смешить хотим каждый вечер.

Огни в зале погасли, занавес опустился. На галерке загремели аплодисменты — те же аплодисменты, похожие на

глухой стук. Актеры, лица которых сияли при виде успеха костюмной репетиции, собрались на сцене для поклонов. Занавес поднялся, и шум в зале усилился.

Кэлловэй — он оделся и смыл с шеи кровь — нашел за кулисами Личфилда.

— Ну что ж, мы имели оглушительный успех, — произнес череп. — Действительно, жаль, что эта труппа должна так скоро распасться.

— Да, жаль, — согласился труп.

Актеры повернулись к кулисам, зовя Кэлловэя присоединиться к ним. Они аплодировали ему и приглашали выйти на сцену.

Он положил руку на плечо Личфилду:

— Мы пойдем вместе, сэр.

— Нет-нет, я не смогу.

— Вы обязаны. Это столько же ваш триумф, сколько и мой.

Личфилд кивнул, и они вместе вышли, чтобы поклониться зрителям.

За кулисами Таллула принялась за работу. Она чувствовала себя отдохнувшей после сна в Зеленой комнате. Все болячки прошли — вместе с жизнью. Ее больше не беспокоила ломота в ногах. Не было больше необходимости тяжело втягивать воздух в бронхи, загаженные за семьдесят лет, или потирать руки, чтобы заставить кровь бежать по жилам, не надо было даже моргать. Она с новыми силами принялась разводить огонь, используя остатки прежних постановок: старые декорации, реквизит, костюмы. Навалив в кучу достаточно горючего, она чиркнула спичкой и подожгла ее. В «Элизиуме» начался пожар.

Сквозь аплодисменты послышался чей-то крик:

— Чудесно, дорогие мои, чудесно!

Это был голос Дианы, они все узнали ее, хотя и не могли разглядеть как следует. Она ковыляла по центральному проходу к сцене, явно затевая ссору.

— Сука безмозглая, — буркнул Эдди.

— Ой-ой-ой, — произнес Кэлловэй.

Она уже подошла к краю сцены и обратилась к нему:

— Ну что, получил все, что хотел? Это твоя новая подружка, да? Да?

Она попыталась вскарабкаться на сцену, схватившись за раскаленные софиты. Кожа ее зашипела и начала гореть.

— Бога ради, кто-нибудь остановите ее! — воскликнул Эдди.

Но Диана, казалось, не замечала, что ладони ее обугливаются; она лишь рассмеялась Эдди в лицо. Над рампой поплыл запах горелого мяса. Актеры рассыпались, позабыв о своем триумфе. Кто-то завопил:

— Погасите свет!

Мгновение спустя огни на сцене погасли. Диана с дымящимися ладонями повалилась навзничь. Кто-то из актеров упал в обморок, другой в приступе тошноты убежал за кулисы. Откуда-то сзади послышался слабый треск горящего дерева, но люди были слишком поглощены тем, что происходило в зале, чтобы обращать на это внимание.

Когда выключили горевшие у сцены огни, актеры смогли более ясно разглядеть зрительный зал. В партере не было никого, но балкон и галерка ломились от восторженных почитателей. Заняты были все кресла, каждый дюйм между рядами. Кто-то наверху снова начал хлопать, и через несколько мгновений снова разразилась буря аплодисментов. Но теперь никто из актеров не радовался им.

Даже со сцены они могли разглядеть своими утомленными, ослепленными софитами глазами, что ни один человек в этой восторженной толпе не был живым. Одни махали актерам тонкими шелковыми платочками, зажатыми в гнилых пальцах, другие стучали по спинкам передних сидений, большинство просто хлопало костями о кости.

Кэлловэй улыбнулся, низко поклонился, с благодарностью принимая их восхищение. За пятнадцать лет работы в театре ему не приходилось вызывать у зрителей такую бурю эмоций.

Купаясь в волнах восхищения, Констанция и Ричард Личфилд взялись за руки и подошли к краю сцены, чтобы поклониться еще раз, а живые актеры в это время в ужасе отступили.

Они кричали и молились, они испускали жуткие вопли, они бегали по сцене, словно уличные любовники в фарсе.

Но, как и в фарсе, выхода у них не было. Языки пламени лизали стропила, горели колосники, и на сцену валились груды холста. Впереди — мертвецы, позади — смерть. В воздухе скопился дым, стало трудно видеть. На какого-то актера упал горящий холст, и несчастный страшно закричал. Кто-то пытался сражаться с пламенем с помощью огнетушителя. Все было бесполезно: они смертельно устали и действовали неумело. Крыша начала обваливаться, вниз посыпались балки и стропила, похоронив под собой большинство актеров.

Публика на галерке постепенно разошлась. Они ушли, шатаясь, к своим могилам задолго до того, как прибыли пожарные. Когда они оглядывались, чтобы посмотреть на гибель «Элизиума», их лица и погребальные одежды освещало красное сияние. Спектакль был превосходен, и они, довольные, возвращались домой — некоторое время им будет о чем поболтать в тишине склепов.

Театр пылал, несмотря на отважные попытки пожарных спасти его. К четырем утра они оставили борьбу, и пламя продолжило пожирать здание. К рассвету с «Элизиумом» было покончено.

Среди руин обнаружили тела нескольких погибших, большинство из которых было невозможно опознать. По зубам удалось установить личности Джайлса Хаммерсмита, директора, Райана Ксавье, помощника режиссера, и, что самое поразительное, третье тело принадлежало Диане Дюваль — звезде телесериала «Дитя любви», писали таблоиды. Через неделю и о ней забыли.

Выживших не осталось. Несколько тел просто не удалось найти.

Они стояли на обочине шоссе и смотрели, как машины несутся сквозь ночь.

Личфилд был здесь, разумеется, и Констанция, прекрасная как всегда. Кэлловэй решил отправиться с ними, так же как и Эдди, и Таллула. К труппе присоединились еще трое или четверо актеров.

Это была первая ночь их свободы, и вот они, бродячие актеры, стоят на большой дороге. Эдди просто задохнулся от дыма, но у других жертв пожара были более серьезные

повреждения. Обожженные тела, сломанные конечности. Но зрители, для которых им предстояло играть, простят им эти небольшие изъяны.

— Одни живут ради любви, — обратился Личфилд к своей новой труппе, — а другие — ради искусства. Мы, счастливцы, выбрали второе.

Актеры зааплодировали.

— Вам, тем, кто не умер и никогда не умрет, я говорю: добро пожаловать в этот мир!

Смех, новые аплодисменты.

Машины, мчавшиеся по шоссе на север, выхватывали из тьмы фигуры актеров. Они выглядели совершенно как живые. Но разве не таково было их ремесло? Изображать других людей так верно, что игра была бы неотличима от реальности? И их новые зрители, ожидавшие их в склепах, на кладбищах и в моргах, должны были оценить их искусство по достоинству. Кто будет с большим восхищением аплодировать имитации страсти и боли, которую они будут представлять, чем мертвые, испытавшие все чувства и в конце концов отринувшие их?

Мертвые. Они нуждаются в развлечениях не менее живых; и этой аудиторией до сих пор безбожно пренебрегали.

Нет, эта труппа не собиралась выступать за деньги, они будут играть из любви к искусству, Личфилд ясно дал это понять с самого начала. Больше никакого служения Аполлону.

— Ну что ж, — сказал он, — куда мы отправимся, на север или на юг?

— На север, — предложил Эдди. — Моя мать похоронена в Глазго, она умерла еще до того, как я стал профессиональным актером. Я хотел бы, чтобы она увидела меня на сцене.

— Значит, на север, — объявил Личфилд. — А теперь надо бы найти себе какой-нибудь транспорт.

Он повел своих спутников к придорожному кафе, сиявшему неоновыми огнями, отгонявшими ночь. Цвета были театрально-яркими: алый, лимонный, пронзительно-синий, ослепительно-белый, — словно выплескивались из окон на парковку, где остановились странники. Автоматические двери зашипели, пропуская путешественника, несущего ребенку, сидящему в машине, угощение — гамбургеры и пирожное.

— Несомненно, какой-нибудь дружественный водитель предложит нам местечко, — произнес Личфилд.

— Всем нам? — усомнился Кэлловэй.

— Сойдет и грузовик, нищим не к лицу привередничать, — отозвался Личфилд. — Ведь теперь мы нищие и зависим от доброты наших покровителей.

— Всегда можно угнать машину, — предложила Таллула.

— В краже нет необходимости, разве что в крайнем случае, — возразил старик. — Мы с Констанцией непременно найдем что-нибудь. — Личфилд взял жену за руку. — Никто не откажет красивой женщине, — объяснил он.

— А что нам делать, если кто-нибудь спросит, зачем мы здесь стоим? — нервно воскликнул Эдди. Он еще не привык к своей новой роли и нуждался в поддержке.

Личфилд обернулся к актерам, и голос его гулко разнесся в ночи.

— Что делать? — повторил он. — Изображать живых, разумеется! И улыбаться!

РЭМСИ КЭМПБЕЛЛ

Возрождающееся поколение

В сборник Рэмси Кэмпбелла «Наедине с кошмаром», выпущенный издательством «Arkham House», вошло 39 рассказов, написанных в период 1961–1991 годов. Им изданы книги «Зловещий банкет» («Uncanny Banquet»), «Полуночное солнце» («Midnight Sun»), «На счет „одиннадцать"» («The Count of Eleven») и «Долгая утрата» («The Long Lost»), антологии «Истории о сверхъестественном» («Great Tales of the Supernatural») и «Странные вещи и странные места» («Strange Things and Stranger Places»). Совместно со Стивеном Джонсом он издает серию «Лучшее в жанре хоррор» («Best New Horror»).

Кэмпбелл, которого называют «наиболее уважаемым британским писателем в жанре хоррор», получил американскую премию Брэма Стокера, трижды Всемирную премию фэнтези и семь раз Британскую премию фэнтези — наград у него больше, чем у любого другого мастера этого жанра. Он рецензирует фильмы для «BBC Radio Mersey side», является президентом Британского общества фэнтези и весьма востребован в качестве чтеца собственных произведений.

В рассказе «Возрождающееся поколение» автор откровенно играет с атрибутикой жанра зомби, тем не менее достигая мрачного искажения реальности в уникальном кэмпбелловском стиле.

Когда они подошли к пещере, расположенной под замком, некоторые дети начали изображать зомби. Они неуклюже прихрамывали, раскачиваясь и широко расставив руки. Хизер Фрай нахмурилась. Если бы они знали историю этого места (несмотря на все усилия Хизер скрыть ее от них), они не вели бы себя так. Она вообще не хотела идти сюда, это была идея мисс Шарп, а поскольку та преподавала на несколько десятков лет дольше Хизер, то, конечно же, настояла на своем. Дети все еще неумолимо надвигались на свои жертвы, но тут Джоанна сказала:

— Вы просто подражаете тем людям из вчерашнего фильма!

Хизер облегченно улыбнулась.

— Не разбегайтесь и подождите меня, — велела она.

Хизер посмотрела вверх, на замок, нахлобученный сверху на холм, как корона — поломанная, изогнутая и обнаруженная совершенно случайно. Над замком раскинулось бледно-голубое небо, и только на горизонте были едва видны легкие перистые облачка. На фоне неба, прямо под замком, Хизер заметила три фигуры, тяжело поднимавшиеся вверх. Странно, подумала она. В школе сказали, что замок закрыт для посетителей из-за опасности обвала, поэтому им и пришлось ограничиться пещерой. Впрочем, она радовалась, что ей не нужно уговаривать класс тащиться наверх. Те трое шли медленно и неуклюже, наверняка уже устав от долгого подъема, и даже со своего места Хизер видела, насколько бледные у них лица.

Ей пришлось несколько раз постучаться в дверь лачуги гида, прежде чем он открыл. Заглянув ему за спину, Хизер удивилась — чего он так копался? Уж всяко не потому, что наводил порядок в сторожке. Его письменный стол словно подвергся бомбардировке, накренился и был завален формулярами. Там же лежала на боку бутылка чернил, к счастью закупоренная. Хизер посмотрела на самого гида и расстроилась еще сильнее. Очевидно, он не считал нужным бриться или стричь ногти и был таким бледным, словно родился прямо тут, в пещере. Гид, не потрудившись даже взглянуть на нее, уставился на детей, выстроившихся у входа в пещеру. Его лицо совершенно ничего не выражало. Может, он слепой?

— Я предпочла бы, чтобы вы не упоминали о легенде, — произнесла Хизер.

Он перевел взгляд на нее и смотрел так долго, что Хизер почувствовала себя полной дурой.

— Ну, вы знаете, о чем я, — сказала она, стараясь говорить уверенно. — Все эти истории про замок. О том, как барон якобы держал в пещере зомби, чтобы они на него работали, пока его не убили и не замуровали их. Я понимаю, что это всего лишь сказка, но она явно не для детей. Пожалуйста.

Он перестал разглядывать ее и направился к пещере. Его длиннющие руки болтались по бокам, едва не задевая коленей. «По крайней мере, он меня не перебил, — подумала Хизер. — Интересно, сколько ему платят и за что?» Из-под стола, словно подпирая его, торчал сапог.

Когда она подошла к шеренге детей, гид как раз входил в пещеру. Дневной свет как будто стекал с его спины, и сам он сливался с великой тьмой. Потом стены над ним сомкнулись, словно он разбудил их фонариком. Хизер тоже включила фонарик.

— Не отходите от своей пары, — предупредила она детей, после каждой фразы пронзая воздух указательным пальцем. — Держитесь в световом пятне. И не отставайте.

Дети — четырнадцать пар — торопливо пошли за фонариком гида. У входа пещера была широкой, но за поворотом резко сужалась, и, когда минуту спустя Хизер оглянулась, темнота сомкнулась у нее за спиной. Фонарик гида метался по неровностям стен, и казалось, что они колеблются, словно мягкая сглатывающая плоть глотки. Дети тревожно, как молодые дикие животные, оглядывались по сторонам. Их пугала темнота, коварно сдвигающаяся на самой границе зрения. Хизер направила фонарик прямо на них, и тысячи тонн камня над головой исчезли из виду.

Держать луч света ровно было непросто. Войдя в пещеру, гид зашагал значительно быстрее. Хизер с детьми приходилось поспешать, чтобы не отстать от него. «Может быть, он чувствует себя здесь как дома?» — сердито подумала она.

— Пожалуйста, можно идти помедленнее? — крикнула она и услышала, как Дебби где-то впереди сказала:

— Мисс Фрай говорит, чтобы вы шли помедленнее.

Фонарик гида выхватил широкую плоскую плиту на своде пещеры. Она выглядела так, словно вот-вот обрушится. Под ногами Хизер что-то похрустывало. Она не сомневалась, что они уже поднимаются и скоро выйдут с противоположной стороны холма. Джоанна, которую Дебби так и не сумела убедить в том, что она зомби, и сама Дебби протиснулись по узкому проходу назад, к Хизер.

— Мне не нравится этот дядька, — сказала Джоанна. — Он грязный.

— Что ты имеешь в виду?

Вопрос Хизер прозвучал чересчур встревоженно, но Джоанна ответила:

— У него земля в ушах.

— А вы будете держать нас за руки, если мы испугаемся? — спросила Дебби.

— Но я же не смогу держать за руки всех сразу, правда?

Под ногами Хизер скользнула земля. Забавно, подумала она. Наверное, высыпалась из ушей гида и у него из-под ногтей. Хизер захихикала, но, когда девочки заинтересовались, что тут смешного, она просто помотала головой. Гид все еще заставлял их торопиться, но теперь Хизер радовалась этому. По крайней мере, им не придется зависеть от него слишком долго.

— Если у вас возникли вопросы, не задавайте их пока! — крикнула она вперед. — Подождите, пока мы не выйдем наружу!

— Лучше бы мы вообще не забирались под землю, — буркнула Джоанна.

«Вот и сказала бы об этом раньше», — подумала Хизер.

— Потом сможете погулять в поле, — сказала она вслух. «Зато мисс Шарп не понукает вас, как свой собственный класс, — мысленно добавила Хизер. — Не пойди мы сюда, нам пришлось бы принимать участие в ее пикнике».

— А зачем мы вообще пошли сюда, если наверху так хорошо? Шэрон вот не пошла.

— Днем погода еще будет хорошая. А Шэрон не может ходить в такие замкнутые места. Ты же не любишь высоту? Так что тебе сегодня повезло.

— Мне что-то так не кажется, — ответила Джоанна.

Выступы на стенах по-прежнему слегка колыхались, как листья подводного растения. Один из них вдруг вытянулся и задел рукав Хизер. Она отшатнулась, но тут же увидела, что это расколотая доска. Несколько таких досок подпирали стену и выглядели так, словно раньше они были скреплены вместе. Впереди пещера раздваивалась. Дети втягивались вслед за сузившимся пятном света в проход по левую руку. Потолок здесь оказался таким низким, что им приходилось пригибаться.

— Шагай-шагай, все в порядке, — подбодрила Хизер испуганно попятившуюся Дебби. «Болван какой-то!» — мысленно бушевала она.

Проход оказался еще уже, чем она думала. Пришлось вытянуть руку с фонариком перед собой, чтобы свет падал на детей, и сама Хизер, пытаясь разглядеть впереди хоть что-то, осталась в полной темноте, холодно давившей ей на плечи. Если раньше этот проход был перегорожен, как подозревала Хизер, то очень зря его снова открыли. Детские тени волнообразно колыхались, как медленно ползущие гусеницы. Внезапно Дебби остановилась.

— Здесь есть еще кто-то, — сказала она.

— И что? — откликнулась Джоанна. — Это же не твоя собственная пещера.

Теперь все дети примолкли, и Хизер тоже услышала: где-то в глубине пещеры раздавались тяжелые шаги сразу нескольких человек. За каждым шагом следовал шуршащий звук, похожий на короткий дождик.

— В пещере ведутся работы! — крикнула она.

На случай, если кто-нибудь спросит, что это за сухой шуршащий звук, Хизер решила ответить, что рабочие носят землю. «Только не спрашивайте, куда и зачем», — мысленно взмолилась она. Вероятно, это как-то связано с замком. Может быть, с теми людьми, которых она видела на холме. Но тут шаги прекратились.

Когда она наконец-то выпрямилась, тьма стиснула ей голову; чтобы удержать равновесие, пришлось схватиться за стену. Головокружение постепенно прошло, и Хизер снова всмотрелась в даль. Дети успели догнать гида, чей силуэт вырисовывался на фоне очередного зияющего туннеля из очень светлого камня. Хизер направилась в его сторону, но тут он вытащил что-то из кармана и швырнул ей за спину.

Дебби хотела поднять это что-то.

— Не нужно, — сказала Хизер, подгоняя обеих девочек к остальным детям и подсвечивая им фонариком.

Потом, проклиная его грубость, направила луч света на вещь, которую, вероятно, должна была поймать, но, как ни вглядывалась, видела только плотный ком земли. «Ну ладно же, — подумала Хизер. — Считай, что ты уже остался без работы, уж я постараюсь».

Хизер решительно направилась к нему. Он стоял у входа в боковой туннель, смотрел на нее и светил фонариком в глав-

ный проход. Дети проходили мимо него и входили в этот яркий луч света. Хизер уже почти подошла к гиду, но тут он медленно и неуклюже выбрался из бокового туннеля, и она увидела, что дети приближаются к провалу с неровными краями, окруженному усыпанными землей камнями, на самой границе света и тьмы. Хизер открыла рот, чтобы позвать их назад, но тут рука гида схватила ее за лицо, стискивая губы, и толкнула обратно в боковой туннель.

Его холодная рука пахла землей и была такой длинной, что Хизер, как ни старалась, на несколько дюймов не дотягивалась ногтями до его лица.

— Где мисс Фрай? — крикнула Дебби.

Гид показал своим фонариком вперед, заталкивая Хизер глубже в пещеру, хотя она изо всех сил лягала его в коленки. Внезапно Хизер вспомнила, что тот сапог под письменным столом упирался в пол носком: скорее всего, к нему прилагалась и нога.

И тут пронзительно закричали дети. Сначала раздался общий панический вопль, а потом настала тишина. Хизер впилась зубами в ладонь гида, но он продолжал заталкивать ее вглубь пещеры. Отступая назад, она увидела на земле свой фонарик, светивший прямо в потолок. Гид свой фонарик опустил, и его свет прыгал и метался по стенам, передразнивая попытки Хизер вырваться.

Гид пытался повалить ее на пол пещеры. Хизер заметила гору земли, в которую он хотел втиснуть ее голову. Она рванулась вверх, сильнее стискивая зубы на его ладони, и тут увидела какие-то тени, на ощупь пробиравшиеся мимо ее упавшего перевернутого фонарика. Это дети!

Хизер резко обмякла и сумела вывернуться из-под падающего тела гида. Но он продолжал ее удерживать и отпустил только тогда, когда она наступила ему на лицо и раздавила его, как огромное бледное насекомое. Он по-прежнему не издал ни единого звука. Спотыкаясь, Хизер подбежала к своему фонарику, схватила его и помчалась обратно. Каменные складки низкого потолка словно не пускали ее. Ей казалось, что теперь она борется с течением, и, еще не вырвавшись из-под удерживавшей ее крыши, Хизер услышала, что гид ползет по ее следам там, в темноте, словно гигантский червь.

Когда в конце этого раскачивающего туннеля появились дети, Хизер издала крик облегчения. Что, кроме облегчения, она могла почувствовать, увидев, что они перепачкались в земле? Значит, они просто играли! Дети, убедившие даже Джоанну изображать зомби, еще не добрались до конца туннеля, за которым виднелся дневной свет.

— Быстрее! — выдохнула Хизер.— Бегите к классу мисс Шарп!

Но они продолжали игру, неуклюже повернувшись к ней, расставив руки и шаря ими вокруг. А потом Хизер увидела, как из их ртов и носов сыплется земля, и поняла, что они вовсе не играют.

МЭНЛИ УЭЙД ВЕЛЛМАН

Песнь рабов

Даже и после смерти в 1986 году Мэнли Уэйд Веллман продолжает радовать новое поколение любителей ужасов переизданиями своих сенсационных рассказов в различных антологиях по всему миру.

Рассказы Веллмана в жанре хоррор, фэнтези и научной фантастики внесли огромный вклад в развитие журналов тридцатых и сороковых годов прошлого века, украшая собой страницы «Weird Tales», «Strange Stories», «Unknown» и «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», и это только некоторые из них. Он написал более семидесяти пяти книг в этих жанрах, более двухсот коротких рассказов и бесчисленное множество комиксов и журнальных статей. Веллман дважды получал Всемирную премию фэнтези. Его лучшие рассказы объединены в сборники «Кто боится дьявола?» («Who Fears the Devil?»), «Худшее еще впереди» («Worse Things Waiting»), «Одинокие бдения» («Lonely Vigils») и «В низине» («The Valley so Low»).

Хотя писатель родился в Африке и сохранил сентиментальные чувства по отношению к этой земле, он редко упоминал о ней в своих произведениях. Одно из исключений — рассказ «Песнь рабов», холодящая кровь история об отмщении из могилы...

Джендер остановился на оголенной вершине горы, вытер пот, струившийся из-под широкополой шляпы по побагровевшему лбу, и оглянулся назад, на пленников. Черпокожие, голые, они, шаркая, поднимались вверх по узкой древней тропе рабов, проложенной сквозь джунгли. Сорок девять человек, пойманные Джендером собственноручно, скованные одной длинной цепью и предназначенные для его плантации там, за океаном... Джендер ухмыльнулся в свои редкие свисающие усы.

Он долгие годы мечтал об этом приключении и планировал его, как другие люди мечтают и планируют путеше-

ствия в Европу, святые паломничества или возвращение к родным местам. Он убеждал себя, что это очень выгодно. Рабы проходят через великое множество рук: рейдер, проводник каравана, морской перевозчик, торговец в Нью-Орлеане, Гаване или дома, в Чарльстоне. Каждая жадная пара рук отхватывает немалую долю, и все они поднимают и поднимают цену, которую платит плантатор. Но он, Джендер, приплыл в Африку сам; с дюжиной верных головорезов из Бенгелы он проник в Бие-Байлунду, ночью, перед рассветом, напал на деревню и захватил сорок девять крепких и здоровых туземцев. На длинной цепи остался пустым один ошейник, и, может быть, он сумеет заполнить и его, до того как доберется до своего корабля. Господь свидетель, он просто делает на этом деньги, честно их зарабатывает — а деньги того стоят, для чарльстонского-то плантатора в 1853 году.

Такие доводы он приводил и даже сам в это верил, но свое главное удовольствие скрывал от всех в самом темном уголке сердца. Джендер затеял это путешествие, чтобы потешить свою натуру, требовавшую жестокости и власти. Человек менее свирепый и жестокий удовольствовался бы охотой на львов и слонов, но Джендер хотел охотиться на людей. На самом деле он сэкономил на этом путешествии совсем немного, а то и вовсе нисколько, но зато получил огромное удовлетворение. Он будет каждый день выпячивать свою широкую грудь, глядя на плантации и видя, как эти рабы мотыжат хлопок или обрезают индиго; его сорок девять рабов, пойманные, перевезенные и обученные вот этими самыми большими, крепкими руками, куда более впечатляющий трофей, чем любая клыкастая или рогатая башка, когда-либо выставленная в лавке таксидермиста.

Тут он услышал непонятный звук: так равномерно жужжит пчелиный рой. Рабы негромко напевали какую-то песню, вся эта длинная цепь рабов со страдальческими лицами. Джендер уставился на них и отпустил одно из крепких ругательств, всегда вертевшихся у него на кончике языка.

— Сильва! — заорал он.

Долговязый португалец, шагавший в голове цепи, свернул в сторону и подбежал к Джендеру.

— *Patrao?*[1] — почтительно спросил он и заулыбался, сверкая белыми зубами на красновато-коричневом лице.

— Чего это они распелись? — рявкнул Джендер. — Не думаю, что им есть о чем петь!

— Просто песня рабов, patrao. — Длинная и тонкая рука Сильвы с серебряным браслетом на запястье сделала изящный небрежный жест. — Это ничего. Туземцы сочиняют такие пустяки и поют их в пути.

Джендер хлестнул по своему башмаку кнутом из шкуры гиппопотама. Послеполуденное солнце, спускавшееся к косматым верхушкам джунглей, зажгло в его прищуренных голубых глазах бледные раздраженные огоньки.

— И о чем песня? — настойчиво спросил он.

Оба зашагали рядом с шеренгой рабов. Та медленно тянулась по тропе, подгоняемая дюжиной надсмотрщиков в красных кепи.

— Просто песня рабов, patrao, — повторил Сильва. — Там поется примерно так: «Хотя ты уводишь меня отсюда в цепях, я буду свободен, когда умру. И тогда я вернусь, чтобы заколдовать и убить тебя».

Тяжелое тело Джендера словно раздулось, глаза сделались еще у́же и бледнее.

— И вот это они поют? Гм... — Он снова выругался. — А ну-ка, послушай!

Безрадостная процессия как раз запела короткий отрывистый припев:

— *Хайлова — Дженда! Хайпана — Дженда!*

— Дженда... так это ж мое имя! — зарычал плантатор. — Они что же, про меня поют?

Сильва повторил свой плавный жест, но Джендер взмахнул кнутом прямо под носом у португальца:

— Даже не пытайся отмахнуться от меня! Я не младенец, чтобы водить меня за нос. Что они про меня поют?

— Ничего особенного, patrao, — поспешил успокоить его Сильва. — Это значит примерно такое: «Я заколдую Джендера, я убью Джендера».

— Так они что же, угрожают мне? — Круглое лицо Джендера побагровело. Он помчался к шеренге прикованных к це-

[1] Хозяин *(порт.)*.

ли черных мужчин и начал изо всех сил хлестать их кнутом. Пение прекратилось, сменившись криками боли. — Я вам преподам урок музыки! — бесился Джендер, продолжая бегать вдоль процессии и хлестать кнутом, но в конце концов вспотел и даже пошатнулся от усталости.

Но стоило ему отвернуться, пение возобновилось:

— *Хайлова — Дженда! Хайпана — Дженда!*

Быстро повернувшись назад, он снова начал сыпать ударами. Сильва, подбежавший поддержать его, тоже хлестал и проклинал рабов на их собственном языке. Но когда оба окончательно изнемогли, выпоротые рабы снова затянули свой речитатив, тихо, но упрямо.

— Да пусть их хнычут,— задыхаясь, сказал в конце концов Джендер.— Песни еще никого не убивали.

Сильва нервно усмехнулся:

— Конечно нет, patrao. Это просто дурацкое верование туземцев.

— Ты хочешь сказать, они думают, что песня убивает?

— Да, и даже более того. Они говорят, если петь вместе и вместе кого-то ненавидеть, все их мысли и ненависть превратятся в настоящую силу и будут разить и карать вместо них.

— Какая чушь! — взорвался Джендер.

Однако ночью, когда устроили привал, он спал беспокойно и только урывками, и ему снилась песня. Она делалась все мощнее, энергичнее и в конце концов превратилась в видимое, темное, плотное облако, поглотившее его.

Судно, нанятое Джендером для этой экспедиции, стояло в топком устье реки, далеко от прибрежных городов, и рассвет, при котором они грузили свое добро на борт, выглядел необычно: пылающим и зловещим. Данлеп, старый капитан, давно перевозивший рабов, встретил Джендера в каюте.

— Все готово, сэр? — спросил он.— Мы можем отплыть с приливом. Для этой горсточки рабов, что вы привели, места у нас с избытком. Я прикажу своим людям сбить с них цепи.

— Напротив,— возразил Джендер.— Прикажите людям сковать каждому рабу руки.

Данлеп изумленно воззрился на своего нанимателя:

— Но это для черномазых плохо, мистер Джендер. Они в цепях начинают болеть и перестают есть. Иногда даже умирают.

— Я вам неплохо плачу, капитан, — прорычал Джендер, — и не за то, чтобы вы давали мне советы! Послушайте-ка этих дикарей!

Данлеп прислушался к наплывающему мелодичному стону.

— Они пели эту проклятую песню обо мне всю дорогу до побережья, — сказал Джендер. — И знают ведь, что я в бешенстве, — я порол их за это день за днем, но все равно продолжают. Нет уж, цепь я не сниму, пока не заткнутся.

Данлеп, соглашаясь, поклонился и пошел отдавать приказы. Позже, когда они уже вышли в открытое море, он присоединился к Джендеру на палубе.

— Похоже, они и вправду упрямо держатся за свою песню, — заметил он.

— Говорят, — отозвался Джендер, — они поют вместе, потому что считают, будто много голосов и сердец дают им силу ненавидеть, ну или испытывать другие чувства. — Он нахмурился. — Языческие фантазии!

Данлеп смотрел за борт, на белых чаек, парящих прямо над волнами.

— Возможно, в этих фантазиях есть капля истины, мистер Джендер; с верованиями дикарей так иногда бывает. Вот послушайте. Однажды в странах Магриба я видел добрых полторы тысячи магометан, молившихся одновременно. Когда они кланялись, прикосновение их голов к земле грохотало, как рухнувшая скала. А когда выпрямлялись, их одежды шумели, словно порыв штормового ветра. И я не мог отделаться от мысли, что их молитва обладает большой силой.

— Опять языческая дурь! — рявкнул Джендер и плотно сжал губы.

— Ну, в христианских странах тоже хватает примеров, сэр, — настаивал Данлеп. — Толпа в одно мгновение может разъяриться и сжечь или повесить кого-нибудь. Разве один человек такое сделает? Один-единственный человек из этой толпы? Нет, но вместе их ненависть и решимость становятся...

— Это совсем другое! — припечатал Джендер. — И вообще, давайте сменим тему.

На следующий день на горизонте показалось белое судно. На его мачте поблескивало небольшое цветное пятно. Капитан Данлеп, прищурившись, посмотрел в подзорную трубу и грубо, по-матросски, выругался.

— Британский военный корабль, — объявил он, — и гонится за нами.

— И что? — не понял Джендер.

— Вы что, не понимаете, сэр? Англия поклялась искоренить работорговлю. Если они поймают нас с этим грузом, нам конец. — Чуть позже он малодушно застонал: — Они нас догоняют. Уже подали сигнал лечь в дрейф и дожидаться их. Выполнять, сэр?

Джендер решительно замотал головой:

— Только не мы! Поддайте-ка жару, чтоб только пятки сверкали.

— Они нас поймают. Они делают три фута против наших двух.

— До темноты не догонят, — отрезал Джендер. — А когда стемнеет, мы что-нибудь придумаем.

Так что судно с рабами убегало, а британец его преследовал. Через час солнце опустилось до горизонта, и Джендер мрачно усмехнулся в усы.

— Через несколько минут стемнеет, — сказал он Данлепу. — Как только поймете, что они уже не могут разглядеть нас в бинокль, выгоняйте рабов на палубу.

В сумерках сорок девять обнаженных пленников выстроились в линию вдоль фальшборта. Несмотря на цепь, ошейники и оковы на руках, ничего раболепного не было ни в их осанке, ни во взглядах. Один снова затянул песню с тропы рабов, остальные его поддержали:

— *Хайлова - Дженда! Хайпана — Дженда!*

— Давайте пойте! — рявкнул Джендер и пошел в сторону бака, к концу цепи. Там болтался один пустой ошейник, и Джендер его схватил. Склонившись над фальшбортом, он зацепил его за кольцо якоря, болтавшегося на крюке лебедки, а потом повернулся и окинул взглядом шеренгу темнокожих певцов. — Искупайтесь, чтобы немного охладить свой дух, — насмешливо произнес он и начал крутить рукоятку лебедки.

Якорь упал в воду. Ближайший к нему раб рывком полетел вслед, потом еще и еще. Увидев это, остальные закричали и стали цепляться за поручни в надежде избежать гибели, но их товарищи, уже упавшие за борт, сильно перевешивали. Быстро один за другим пленники сползли с палубы

и с плеском упали в море. Джендер перегнулся через борт, глядя, как тонет последний.

— Господи, сэр! — хрипло воскликнул Данлеп.

Джендер обернулся к нему с угрожающим видом:

— А что еще делать, а? Вы сами говорили, что мы не можем рассчитывать на великодушие британцев.

Ночь прошла, и при первом сером свете зари британский корабль оказался рядом с ними. Сначала раздался усиленный рупором голос, потом с британца выстрелили. По самодовольному кивку Джендера Данлеп велел своим людям лечь в дрейф. От судна-преследователя отделилась лодка, и вскоре британский офицер и четверо матросов поднялись на борт.

Кланяясь с насмешливым подобострастием, Джендер предложил им начать поиски. Так они и поступили — и вернулись на палубу, удрученные и подавленные.

— Ну так что, сэр, — обратился Джендер к офицеру, — вам не кажется, что вы должны передо мной извиниться?

Англичанин побледнел. Это был худощавый мужчина с резкими чертами лица и крепкими белоснежными зубами.

— Я не могу выплатить вам этот долг, — с убийственной любезностью отрезал он. — Рабов я не нашел, но я их чую. Они были на борту этого судна еще двенадцать часов назад.

— Так где же они? — издевался Джендер.

— Мы оба знаем, где они, — последовал ответ. — Если бы я мог доказать в суде то, что знаю сердцем, вы бы отправились со мной в Англию, причем бо́льшую часть пути вам пришлось бы провести подвешенным за большие пальцы рук у меня на рее.

— Вы злоупотребляете нашим гостеприимством, сэр, — бросил ему Джендер.

— Я ухожу. Но мне известно ваше имя и город, в котором вы живете. Отсюда мы направляемся на Мадейру, где встретимся с пакетботом, идущим на запад, в Саванну. С этим пакетботом я отправлю письмо моему другу в Чарльстон, и все ваши соседи узнают, что произошло на вашем корабле.

— Вы хотите ошеломить рабовладельцев рассказом о рабах? — вопросил Джендер. Ему показалось, что сказал это вкрадчиво, но доброжелательно.

— Одно дело — заставлять людей работать на хлопковых плантациях и совсем другое — оторвать их от дома, погрузить их, закованных в цепи, на вонючий корабль и утопить, чтобы избежать заслуженного наказания. — Офицер сплюнул на палубу. — Всего наилучшего, мясник. Обещаю, весь Чарльстон о тебе услышит.

Плантация Джендера размещалась на большом, окруженном обрывистыми скалами острове в устье реки, текущей к Атлантическому океану. Вообще-то, этот остров любой мог назвать красивым, даже взыскательные последователи Шатобриана и Руссо, но в первую же ночь дома Джендер почувствовал, что ненавидит поля, сам дом, окрестности и соленую воду.

В доме, расположенном на обращенном к морю выступе, эхом отражались его злобные ругательства. Он потребовал ужин и ел жадно, но без всякого удовольствия. Один раз он поклялся — голосом, дрожавшим от бешенства, — что никогда больше не появится в Чарльстоне.

Собственно, имело прямой смысл некоторое время держаться подальше от города. Британский офицер сдержал свое слово, и весь город узнал, как Джендер путешествовал в Африку и чем там занимался. С извращенной брезгливостью, превосходившей понимание Джендера, горожане вместо восхищения исполнились отвращением. Капитан Хог отказался выпить с ним у Джефферсона. Его самый старый друг, мистер Ллойд Дэвис, перешел на другую сторону улицы, чтобы только не встречаться с ним. Даже преподобный доктор Локин холодно отвернулся от него, и пошел слух, что в церкви доктора Локина готовится проповедь, осуждающая мародеров и похитителей беззащитных людей.

«Что с ними со всеми случилось?» — злобно спрашивал себя Джендер. Люди, которые его избегают и третируют, и сами рабовладельцы. И вполне возможно, что некоторые из них держат свеженьких рабов, привезенных из разграбленных деревень у экватора. Это несправедливо!.. Он невольно чувствовал, как враждебность множества сердец давит и угнетает его дух.

— Брут, — спросил он раба, убиравшего со стола, — ты веришь, что ненависть может обрести форму?

— Ненависть, масса? — Черное, как сажа, лицо было серьезным и почтительным.

— Да. Ненависть сразу многих людей. — Джендер понимал, что не следует слишком многое доверять рабу, и тщательно подбирал слова. — Предположим, множество людей ненавидят одну и ту же вещь. Например, поют про нее песню...

— О да, масса, — закивал Брут. — Я об этом слыхал от моего старого деда, еще маленьким. Он говорит — там, в Африке, они много раз запевали людей до смерти.

— Запевали до смерти? — переспросил Джендер. — Как это?

— Поют, что убьют его. А потом, может через много дней, он умирает.

— Заткнись, ты, черномазый паршивец! — Джендер вскочил со стула и схватил бутылку. — Уже услышал где-то, а теперь будешь изводить меня?!

Брут выскочил из комнаты, перепугавшись до смерти. Джендер едва не побежал за ним, но передумал и потопал в гостиную. В большой, обшитой коричневыми панелями комнате эхом отдавались его тяжелые шаги.

В окнах стояла тьма. Висевшая под потолком лампа отбрасывала лучи в углы комнаты.

На столе в центре гостиной лежала почта — сложенная газета и письмо. Джендер налил себе виски, добавил в стакан родниковой воды и плюхнулся в кресло. Сначала он открыл письмо.

Обратный адрес вверху страницы гласил: «Стирлинг Мэнор». У Джендера дрогнуло сердце. Эвелин Стирлинг. Он питал в отношении ее определенные надежды... но письмо было написано мужским почерком, твердым и стремительным.

Сэр,

дошедшие до моего сведения обстоятельства вынуждают меня поступить сообразно своему долгу и потребовать от вас прекратить оказывать внимание моей дочери.

Глаза Джендера побелели от ярости. Нет никаких сомнений, это тоже результат письма британского офицера.

Я велел ей прекратить всяческие сношения с вами и сумел убедить, что вы недостойны ее уважения и внимания. Вряд ли

имеется необходимость объяснять вам, что побудило меня принять такое решение. Осталось только добавить, что никакие ваши объяснения или поступки не поколеблют моего мнения.

Ваш покорный слуга,

судья Форрестер Стирлинг

Джендер торопливо проглотил виски, сминая письмо в руке. Значит, вот как судья решил вмешаться. Написано так, словно он скопировал текст из пособия по составлению писем для строгих отцов. Джендер начал мысленно сочинять ответ:

Сэр,

ваше бесчувственное и деспотическое письмо заслуживает единственного ответа. Как жестоко оскорбленный джентльмен, я требую сатисфакции и восстановления своей чести. Все приготовления доверяю...

Кого он возьмет в секунданты? Похоже, друзей у него вовсе не осталось. Джендер налил еще виски с водой, сделал глоток и рванул оберточную бумагу на газете.

Газета издана в Массачусетсе, и внизу первой страницы был поставлен жирный чернильный крест, привлекая внимание к одной из заметок.

Стихотворение, строфы по четыре строки. Название ни о чем не говорит — «Очевидцы». Автор — некий Генри У. Лонгфелло. Джендер смутно припомнил, что он пишет паршивые стишки для аболиционистов. С какой стати его стихотворение рекомендуют прочесть южному плантатору?

На глубине, куда
Не проникают росы
И длинный лот, — суда,
На палубах матросы...

Джендер опять грубо выругался, но проклятие замерло у него на губах, когда взгляд зацепился за строфу чуть ниже:

Рабов, лежащих тут.
Сквозь мглу глядят глазницы;
Их кости вопиют...

Джендеру казалось, что он не читает, а слышит этот вопль.

Он вскочил на ноги, выронив газету и стакан. Тонкие губы раскрылись; он напряг слух. Звук был слабым, но ошибиться невозможно — пело много голосов.

Негры в своих лачугах? Но ни один негр на плантации не знает этой песни! Начался ритмичный припев:

— *Хайлова — Дженда! Хайпана — Дженда!*

Скудные усы плантатора по-тигриному ощетинились. Наверняка это продолжение изощренной травли — монотонное повторение дурацкой песни прямо у него под окном! Теперь она звучала громче. «*Я заколдую, я убью...*» Кто может о ней знать, чтобы так жестоко издеваться над ним?

Разумеется, команда корабля! Они слышали ее из уст пленников, как раз в момент их гибели! А когда судно пришло в Чарльстон, Джендер, не получивший никакой прибыли, не очень-то щедро с ними расплатился.

Должно быть, эти паршивые матросы здорово разозлились и выследили его, чтобы начать распевать эту поганую серенаду.

Джендер поспешно обогнул стол, подскочил к окну, распахнул его с такой силой, что чуть стекла не разбил, и взбешенно высунулся наружу.

В тот же миг пение прекратилось. Джендер видел только спускавшийся к морю откос и торчавшую из воды скалу там, внизу. А дальше расстилались волны, поблескивавшие при свете окрашенной в цвет оленьей шкуры луны. У подножия скалы шелестел, начинаясь, отлив. Нет никаких деревьев, нет даже кустарника, где могли бы спрятаться шутники. Певцы, сейчас молчавшие, должно быть, сидели в лодке под прикрытием скалы.

Джендер выскочил из комнаты, рывком распахнул дверь и тяжело, но быстро зашагал к морю. На краю скалы он остановился. Ни внизу, ни вдали ничего не было видно. Шутники, если они и приплывали сюда, уже успели сбежать. Он громко и зло заворчал, сердито огляделся и пошел обратно в дом. Снова войдя в гостиную, он опустил оконную раму и сел в кресло. Взял другой стакан, начал смешивать виски с водой — и замер.

Знакомая песня послышалась опять. На этот раз ближе.

Джендер встал, сделал шаг в сторону окна, но передумал. Один раз он спугнул своих посетителей, и они спря-

тались. Почему бы не позволить им подойти ближе? Тогда он сможет выплеснуть на них свое бешенство, о чем уже давно мечтал.

Джендер подошел не к окну, а к камину напротив. Вытащил из черной полированной шкатулки пистолет, за ним еще один. Дуэльное оружие, красивое, с очень чувствительными спусковыми крючками. А Джендер — отличный стрелок. Быстро, но аккуратно он насыпал на полки обоих порох из фляжки, забил две свинцовые пули и положил на запалы капсюли. Подошел к столу, выложил на него оба пистолета, поднялся на цыпочки и задул лампу. В комнате остался единственный источник света — свеча у двери. Джендер перенес ее к окну и поставил на кронштейн. Вернувшись в темный центр гостиной, он сел в кресло и взял в каждую руку по пистолету.

Теперь песня звучала громче, подхваченная множеством голосов:

— *Хайлова — Дженда! Хайпана — Дженда!*

Очевидно, хористы уже выбрались на сушу и поднялись на вершину скалы. Их можно увидеть в окно, не сомневался Джендер. Почувствовав, что лицо вспотело, он вытер пот рукавом. «Пытаетесь запугать меня, да? Поете про колдовство и убийство? Ладно, я вам покажу, кто тут убийца».

Пение приближалось, уже слышалось почти под окном. Странно, как эти матросы — или кто они там — хорошо выучили слова! Джендеру вспомнились тропа рабов, джунгли, длинная процессия вполголоса поющих пленников. Впрочем, сейчас не время для праздных воспоминаний о забытых сценах.

Снова наступила тишина, и он мог только строить догадки о том, сколько их там, снаружи.

Шур-шур-шур, как будто змея ползет по неошкуренным бревнам. Это шуршание слышалось от окна; вдруг что-то появилось там рядом со свечой. Джендер напряг зрение и поднял оба пистолета.

Кисть руки, серая, как рыбина, легла на стекло. Она была мокрой; Джендер видел, как от нее к раме стекает струйка воды. Что-то зазвенело — почти мелодично. Рядом появилась еще одна рука, а между ними болтались звенья цепи.

Это уж и вовсе дьявольская шутка, подумал Джендер в приступе ярости. Даже цепь, чтобы придать убедительности,

но, глядя туда, вдруг понял — и в этот ужасный миг кровь заледенела у него в жилах, — что это никакая не шутка.

Пламя свечи осветило лицо, прижавшееся к стеклу между руками.

Оно было темнее ладоней — грязный, сизовато-серый, мертвенный цвет. Но лицо не было мертвым, нет — с этими тусклыми напряженными глазами, медленно двигавшимися в покрытых волдырями впадинах... не мертвое, хотя омерзительно мокрое, а толстые губы расслабленно приоткрыты, а на щеках прилипли водоросли, а плоские ноздри изъедены, словно обглоданы рыбами. Глаза метались туда-сюда, по полу и стенам гостиной, а потом замерли, остановившись на лице Джендера.

Он почувствовал себя так, словно его окатило загхлой морской водой, но правая рука продолжала крепко держать пистолет. Джендер прицелился и выстрелил.

Стекло с громким треском лопнуло, осколки посыпались на пол.

Джендер вскочил на ноги и рванулся вперед, успев бросить разряженный пистолет на стол и переложить заряженный в правую руку. Он в два прыжка оказался около окна — и тут же отпрянул назад.

Лицо не исчезло. Оно было в каком-то ярде от Джендера. Между тусклыми, но живыми глазами зияла круглая черная дыра, там, куда попала пуля. Но это существо даже не поморщилось и глядело на Джендера почти безмятежно. Две мокрые руки медленно, но упорно выдергивали из рамы зазубренные остатки стекла.

Джендер стоял пошатываясь, не в силах заставить собственное тело сделать хотя бы шаг назад. Чуть ниже лица показались плечи — обнаженные, мокрые, мертвенно-сумеречные. Под вялым подбородком позвякивал ошейник. Обе руки проникли в комнату. Ладони цвета рыбы открылись в сторону Джендера.

Он пронзительно заорал и наконец-то кинулся бежать. Едва он повернулся спиной к окну, снова послышалось пение, на этот раз громкое и кошмарно-бойкое, ничуть не похожее на то, как пели несчастные рабы. Джендер добрался до двери, выходившей к морю, распахнул ее и оказался лицом к толпе чернокожих мокрых фигур, между которыми

вилась цепь. Они ждали его. Дженлер снова заорал и попытался захлопнуть дверь.

Но не смог. Между ней и косяком появилась рука — много рук. Дерево украсилось бахромой из лоснящихся черных пальцев. Дженлер отпустил ручку и резко повернулся, чтобы бежать внутрь дома. Что-то схватило его сзади за сюртук; он не решился определить, что это такое. Пытаясь вырваться, он вывалился в дверь и оказался на освещенном луной пространстве.

Фигуры тотчас окружили его; чернокожие, обнаженные, мокрые фигуры; мертвые, если смотреть на впалые щеки и дряблые мышцы, но комически живые, если судить по глазам, трясущимся рукам и вялым ртам, повторяющим странные примитивные слова песни; все по отдельности, но все соединены длинной цепью и воротникам-ошейникам, как жуткая рыбина на гигантской леске какого-нибудь рыбака-демона. Все это Дженлер успел увидеть за единственный потрясший его, омытый лунным светом миг, а потом начал задыхаться и ощущать рвотные позывы из-за ужасного запаха смерти, плотного, как туман.

Он все равно пытался бежать, но они двигались вокруг него качающимся полумесяцем, отрезая ему путь на плантации. В его сторону тянулись скованные руки, с которых капала вода. Единственная возможность избежать прикосновения этих пропитанных водой пальцев и единственный открытый путь лежали перед ним — путь к морю.

Он помчался к вершине скалы. Он прыгнет с нее, нырнет и уплывет отсюда. Но они неотступно следовали за ним, догнали и окружили. Он вспомнил, что держит в руке заряженный пистолет, и выстрелил в эту черную толпу. Никакого результата. Мог бы и догадаться, что результата не будет.

Что-то схватило его. Огромный нечеловеческий коготь? Нет, это был расстегнутый металлический ошейник с цепью. Тот самый ошейник, который он когда-то застегнул на якоре, утащившем в глубины океана шеренгу скованных людей. Он разинул свою пасть на Дженлера. Множество рук, с которых капала вода, тянули его вперед. Дженлер попытался увернуться, но воротник метнулся ему на шею и защелкнулся с лязгающим звуком. Он ледяной или обжигающе-горя-

чий? И Джендер понял — ужас донес это понимание до самых глубин его сердца, — что наконец-то он стал последним в этой длинной, прикованной к цепи процессии.

— *Хайлова — Дженда! Хайпана — Дженда!*

Джендер обрел дар речи.

— Нет, нет! — умолял он. — Нет, во имя...

Он не смог произнести имя Господа. Процессия внезапно резко, согласованно направилась к краю скалы.

Из мертвых глоток раздался единый воющий крик, и они нырнули в воду.

Джендер не почувствовал рывка цепи, потянувшей его за собой. Он даже не почувствовал, как вода сомкнулась над его головой.

Р. ЧЕТВИНД-ХЕЙС

Упыри

«Нынче обо мне все чаще говорят как о писателе-ветеране, — замечает Рональд Четвинд-Хейс. — Похоже, что я становлюсь (или даже уже стал) слишком стар и понаписал столько, что читатель и не упомнит. Все-таки удивительно, что я все еще продолжаю работать, а сильные мира сего (например, редакторы) то и дело останавливаются, чтобы отвесить мне поклон».

Автор десяти романов, двух новеллизаций и примерно двух десятков сборников рассказов, а также составитель тридцати трех антологий, скромник Четвинд-Хейс всегда при деле. В последнее время его рассказы выходили в «Weird Tales», «Dark Voices 4: The Pan Book of Horror» и в целом сонме репринтных антологий. Последние романы писателя: «Кеппл» («Kepple») и «Психический детектив» («The Psychic Detective»), во втором речь идет о небезызвестных персонажах Фреде и Френсис, о которых «Хаммер филмз» недавно поставил фильм.

Автор так говорит о предыстории нижеследующего рассказа: «Я считаю, что если политик не отягощен талантом или честностью, то может очень быстро взлететь на вершину служебной лестницы. Поэтому мне легко представить себе нашего нынешнего премьер-министра, который за чашечкой какао перед сном вынашивает жуткую идею об использовании мертвецов в качестве бесплатной рабочей силы. Само собой, принадлежащие правительству зомби вряд ли будут содержаться в превосходном состоянии, а значит, потребуется мусорный бак для кусков и частей, которые будут от них отваливаться по ходу дела.

Если ныне здравствующему обитателю дома 10 по Даунинг-стрит[1] потребуются советы относительно подобной инновации, милости прошу обращаться ко мне...»

---

[1] Даунинг-стрит, 10, — резиденция премьер-министра Великобритании.

Раздался звонок. Противная настойчивая трель, наводящая на мысль о нетерпеливом визитере или о неисправной кнопке звонка. К мистеру Голдсмиту наведывались нечасто. Он сердито заворчал, снял с огня сковороду с бобами, медленно вышел с крошечной кухни и побрел к входной двери через малюсенькую прихожую. Звонок не смолкал.

На пороге стоял высокий тощий человек. Похоже на то, что его негнущийся палец прирос к кнопке звонка. Изможденное лицо незнакомца было нездорового, зеленоватого оттенка. Черные, удивительно тусклые глаза вперились в мистера Голдсмита. Рот разинут.

— Ыыл йа уууут...

От пронзительного завывания звонка и силой околосицы визитера мистера Голдсмита посетило смешанное чувство испуга и раздражения. Поэтому он крикнул незваному гостю:

— Прекратите звонить!

— Ыыл йа уууут... — повторил незнакомец.

— Да оставьте же чертов звонок в покое! — Мистер Голдсмит оторвал от кнопки грязную руку визитера, которая, слегка покачиваясь, безвольно повисла сбоку. Четыре пальца сведены вместе, а пятый, указательный вытянут, словно все еще пытался нащупать кнопку звонка. В наступившей тишине мистер Голдсмит кашлянул, прочищая горло. — Итак, что вам угодно?

— Ыыл йа уууут, — снова невнятно взвыл рослый незнакомец и, оттолкнув мистера Голдсмита, прошел в квартиру.

— Послушайте... — Маленький человечек бросился за незваным гостем и попытался забежать вперед него, но высокая тощая фигура проследовала прямиком в гостиную, плюхнулась в любимое кресло мистера Голдсмита и безучастно уставилась на дешевую репродукцию Гогена над камином. — Не пойму, что за сомнительные шутки у вас. — Мистер Голдсмит изо всех сил старался не выказать испуга. — Но если в течение двух минут вы не изволите выйти вон, я призову на помощь закон. Вы меня слышите?

Незнакомец позабыл закрыть рот. Нижняя челюсть повисла, словно крышка со сломанной петлей. Его потрепанное черное пальто было застегнуто на обломок одной-единственной пуговицы. Вокруг тощей шеи был туго обмотан грязный, когда-то красный шарф. Впечатление он производил отталкивающее. К тому же от него скверно пахло.

Визитер медленно повернул голову, и мистер Голдсмит заметил, что на сей раз в его глазах как будто бы стоят слезы, вот-вот готовые хлынуть по зеленоватым щекам.

— Ыыл йа уууг.

Голос незнакомца рождался откуда-то из глубины горла, и слова с бульканьем выскакивали на волю, словно пузырьки томящегося на огне кушанья.

— Что? Не пойму, что вы хотите сказать?

Голова незнакомца качнулась из стороны в сторону. Дряблая кожа на шее сложилась в гармошку, пальцы выстукивали дробь на подлокотниках кресла.

— Жыыыыл йаа туууг.

— Ах, вы тут жили! — Догадка осенила мистера Голдсмита, и нежданно выявленный у себя дар переводчика польстил ему.— Ну что ж, но теперь-то ты тут не живешь, так что сделай милость — катись отсюда.

Незнакомец заворочался в кресле. Подобрались ноги, обтянутые видавшими виды вельветовыми штанами. Руки уперлись в подлокотники, и долговязая фигура выпрямилась во весь рост. Мужчина двинулся к мистеру Голдсмиту, и вместе с ним всколыхнулось зловоние. Мистер Голдсмит оцепенел и мог лишь широко распахнутыми затравленными глазами следить за приближавшимся ужасом.

— Не подходи! — взвизгнул он.— Только дотронься до меня... и я закричу...

Лицо непрошеного гостя оказалось всего в нескольких дюймах от него. Костлявые пальцы вцепились в отвороты пиджака и с нежданной силой тряхнули коротышку. Послышались булькающие звуки, постепенно сложившиеся в подобие речи:

— А-а... йа... мёрв... А-а... йа... мёрв...

Мистер Голдсмит не мигая смотрел в водянистые глаза незнакомца, и будь здесь кто-то третий, он бы непременно решил, что это закадычные друзья обмениваются последними новостями.

— Ты... что?

Опять запрыгали булькающие слова:

— А-а... йа... мёрв...

— Да ты просто псих,— выдохнул мистер Голдсмит.

— А-а... мёрв...

Мистер Голдсмит взвизгнул, как перепуганный щенок, вырвался и помчался к входной двери. Ноги сами понесли его вниз по ступенькам, потому что в затуманенной ужасом голове места для мыслей не осталось.

Мимо мчались витрины магазинов. Мелькали отсвечивающие желтым в свете фонарей плитки мостовой. В затуманенное зрение врывались тревожные лица и тотчас пропадали. И все время по темным закоулкам мозга, словно отдаваясь эхом, носились клокочущие, нечленораздельные слова незнакомца: «А-а... йа... мёрв...»

— Минуточку, сэр.

Кто-то схватил его за плечо сильной рукой, и мистера Голдсмита развернуло от внезапной перемены направления полета. На него сверху вниз подозрительно глядели маленькие голубенькие глазки дородного полицейского.

— Нехорошо, сэр. Если так носиться по улицам, то недолго и шею свернуть.

Мистер Голдсмит изо всех сил пытался перевести дух, чтобы скорее поделиться бесценной информацией. Разделить бремя знания. Наконец это ему удалось:

— Он... он мертв...

Железный капкан на плече сжался еще сильнее.

— Так, успокойтесь. Расскажите с самого начала. Кто мертв?

— Он... — задыхаясь, бормотал мистер Голдсмит, — он позвонил в мою дверь и все жал и жал на кнопку звонка... жил он там... потом уселся в мое кресло... и сказал мне... что он мертв.

Воцарилось тяжелое молчание, прерываемое лишь шелестом проезжавшей мимо машины. Водитель с интересом глянул на уличную сцену: маленький человечек задержан железной дланью могучего полицейского.

Сила закона наконец-то обрела голос:

— Так он вам сказал, что мертв?

— Да,— кивнул мистер Голдсмит, почувствовавший громадное облегчение от того, что поделился этой ужасающей тайной с представителем органов правопорядка. — Он произносил это слово как *«мёрв»*.

— Странный акцент, похоже, труп из гастарбайтеров, — тяжеловесно пошутил полицейский.

— Не думаю, — покачал головой мистер Голдсмит. — Нет, у него, наверное, голосовые связки разлагаются. Поэтому слова и клокочут в горле. Они... словно выбулькиваются наружу.

— Выбулькиваются, — сухо повторил констебль.

— Да, — подтвердил мистер Голдсмит, вспомнив еще одну важную деталь. — А еще от него пахнет.

— Спиртным? — предположил полицейский.

— Нет, чем-то кисло-сладким. Напоминает запах прогоркшего молока или увядших роз.

На этот раз молчание затянулось подольше, нежели в первый раз. В конце концов констебль глубоко вздохнул:

— Думаю, надо пойти к вам домой и посмотреть, что там происходит.

— Может, не стоит? — задрожал мистер Голдсмит.

— Стоит, — уверенно заявил офицер.

Входная дверь была нараспашку.

— Может, — замялся не особо храбрый мистер Голдсмит, — вы войдете первым?

— Хорошо, — кивнул констебль, расправил плечи и шагнул в квартиру.

Храбрости мистера Голдсмита хватило на то, чтобы, войдя, остановиться на половичке у двери.

— В гостиной, — крикнул он, — он был в гостиной. Дверь налево!

Полицейский, тяжело ступая, скрылся в указанной комнате и вскоре вновь предстал перед хозяином квартиры.

— Там никого нет, — констатировал он.

— Тогда в спальне. — Мистер Голдсмит показал на другую дверь. — Должно быть, он там спрятался.

С сознанием долга полицейский последовательно осмотрел спальню, кухню и ванную комнату и затем снова вернулся в прихожую.

— Думаю, вы в безопасности и тоже можете войти, — едко заметил он. — В квартире никого, ни живых, ни мертвых.

Мистер Голдсмит вновь вступил в свои владения, словно вернувшийся из изгнания король.

— А теперь, — полицейский достал записную книжку и париковую ручку, — составим протокол.

— Простите?

— Каков из себя тот тип? — терпеливо пояснил офицер.

— Ах да. Он высокий, худой — очень худой, глаза у него слезятся, как будто готовы вытечь в любую минуту, волосы черные, спутанные, одет в пальто, застегнутое на одну пуговицу...

— Погодите, — прервал его полицейский. — Не так быстро. На одну пуговицу...

— Обломок пуговицы, — значительно добавил мистер Голдсмит. — Носит он ужасные вельветовые штаны. И выглядит словно мертвец. Если вдуматься, я не припомню, чтобы он дышал. Я даже уверен: он не дышит.

Констебль убрал записную книжку и занял позицию на коврике у входной двери.

— А теперь, мистер...

— Голдсмит. Эдвард. Джей. Голдсмит.

— Так вот, мистер Голдсмит...

— Джей означает Джеремия, но я никогда не пользуюсь этим именем.

— Мистер Голдсмит, вот что я вам скажу. — У констебля был вид человека, через силу выполняющего обязанности. — На своем веку я повидал изрядное количество трупов, то есть мертвецов, и ни один из них не разговаривал. Будьте уверены, это истинная правда. Они могут рыгать, подергиваться, приподниматься, скалить зубы, моргать и даже сжимать кулаки при трупном окоченении, но они никогда не разговаривают!

— Но он ведь говорил! — Мистера Голдсмита ужасно огорчило, что этот милый и готовый помочь полисмен упускает из виду столь важное обстоятельство. — Он прямо так и сказал, что «*мёрв*», к тому же выглядел как покойник и пахло от него трупом.

— Ну конечно, это полностью меняет дело. — Констебль напоминал Шерлока Холмса, собравшегося поразить тупоумного Ватсона. — Ваше описание в точности подходит старому Чарли, бездельнику, который спит под открытым небом и попрошайничает на кухнях гостиниц и тому подобное. Само собой, пьет денатурат и давно растерял остатки разума. Думаю, он наведался к вам, чтобы чем-нибудь поживиться. Возможно, поинтересовался устройством жалюзи, пока дверь была открыта, намереваясь в будущем с ком-

фортом поспать в вашей постели. Я доложу сержанту, и мы займемся им. Вы же понимаете, у него нет никаких источников средств к существованию.

— Благодарю вас. — Мистер Голдсмит попытался почувствовать облегчение. — Но...

— Не волнуйтесь. — Констебль сделал движение по направлению к двери. — Больше он вас не побеспокоит. Если же вам все равно не по себе, то установите на входной двери цепочку — тогда вы сможете сначала посмотреть на посетителя, а потом подумать, стоит ли его впускать.

— Конечно, — согласился мистер Голдсмит, на сердце у него несколько полегчало.

Он проводил полицейского, вежливо подав ему шлем.

— Говорящий мертвец! — Констебль покачал головой и разразился хохотом. — Ну и ну!

Мистер Голдсмит закрыл дверь и прислонился спиной к стене. Немногочисленные знакомые находили его чрезвычайно артистичным.

— Он был мертв, — произнес мистер Голдсмит. — Он был определенно мертв!

Он снова подогрел бобы, приготовил в гриле тосты, открыл банку грибов и перекусил прямо на кухне.

Вечер шел своим чередом. Телевизор пытался поведать ему о том, о чем знать ему совсем не хотелось. Газеты пугали, а газовый камин сломался. Ничего не приходило на ум, поэтому он лег спать.

Постель была теплой. В ней безопасно, мягко и тепло. Если случится что-нибудь ужасное, то всегда можно спрятаться под одеялом. И книга была умиротворяющая. В ней говорилось о молоденькой девушке, которая могла бы стать кинозвездой, если бы переспала с мерзким жирным продюсером, но вместо этого девица на корню задушила честолюбивые порывы и обвенчалась со своей первой любовью. Муж ее трудился в местном банке за двадцать фунтов в неделю.

Удовлетворенный столь благополучным исходом, мистер Голдсмит сунул книгу под подушку, выключил свет и собрался окунуться в мир сновидений.

Сердцебиение замедлилось. Мозг дал установку на сон мудреному сплетению нервов и сам тоже ей последовал,

несмотря на то что желудок выражал легкое недовольство бобами. Разум постепенно отключал пять чувств, чтобы раскрыть доступ к бесценной сокровищнице фантазий. Но тут уши зафиксировали посторонний звук, и сразу же мозг приказал всем чувствам прийти в состояние боевой готовности.

Мистер Голдсмит сел на постели, тщетно пытаясь нашарить выключатель, с языка сами собой срывались бесполезные отрицания:

— Нет... нет... нет...

Створки платяного шкафа медленно раздвигались. Шкаф был отличный, вместительный, с двумя зеркалами, и мистер Голдсмит смотрел, как на тех вспыхивают отсветы. Из недр гардероба появилась темная фигура, высокая и тощая. Если бы мог, мистер Голдсмит непременно закричал бы, но сдавленное ужасом горло оказалось совершенно сухим. Темная фигура зашаркала к кровати, мгновение колебалась, словно готовое упасть дерево, потом повернулась и села. Когда долговязая тень закинула ноги на кровать и растянулась рядом с мистером Голдсмитом, из горла несчастного человечка вырвался стон. Видно было не очень хорошо, но обоняние и слух не подводили. Во тьме клокотали слова маньяка:

— Ыы... при... вел... паа... лицию... Йа... не... наыыжу... паа... лицию...

Так они и лежали рядышком, повизгиванию мистера Голдсмита вторило булькающее стенание долговязого:

— Ыы... при... вел... паа... лицию... Йа... мёрв... не... наыыжу... паа... лицию... ани... все... вратны...

Мистер Голдсмит отважился шевельнуться, очень уж ему захотелось оказаться подальше от этого малоприятного существа. Он осторожно шевельнул рукой, пытаясь откинуть одеяло, но в тот же миг вокруг запястья сомкнулись холодные пальцы.

— Аа... йа... мёрв...

— Боже, только не это! — взмолился мистер Голдсмит.— Только не это.

Мистер Голдсмит попытался высвободиться из влажных холодных пальцев, но от этого захват сделался лишь сильнее. В конце концов темный силуэт шевельнулся и, к ужасу мистера Голдсмита, уселся на кровати и принялся свободной рукой шарить вокруг. Тотчас свет пронзил темноту, ра-

зогнав тени по углам, и мистер Голдсмит увидел то, что видеть ему хотелось меньше всего.

Лицо незнакомца позеленело еще больше, глаза слезились пуще прежнего, словно собрались по капле вытечь прямо на щеки. Зияющей дырой разверзся рот, извивающимся червем в нем корчился язык. С тяжким шумом неисправной газовой колонки в трахее клокотали булькающие звуки:

— Да-а-а-вай а-а-адивайся...

Непрошеный гость встал и пошел к камину, так и не отпуская руку мистера Голдсмита и заставляя того извиваясь проползти по постели и, спотыкаясь, последовать за собой. Над каминной полкой висел старый морской кортик с медной рукояткой, купленный за тридцать шиллингов в те далекие дни, когда мистер Голдсмит впервые прочел «Трех мушкетеров». И вот тощая тварь извлекла оружие из крючков, на которых оно висело, развернулась и занесла кортик высоко над головой коротышки. Клокотание в горле нарастало и наконец вырвалось наружу:

— Да-а-а-вай а-а-адивайся...

Мистер Голдсимт оделся.

Рука об руку шли они по пустынной улице. С первого взгляда парочка напоминала папашу, волочащего в школу упирающегося сынка. Ах, как хотелось мистеру Голдсмиту увидеть своего знакомца-полицейского! Но костлявый провожатый превосходно знал все сумрачные улочки и безлюдные переулки в округе, он протаскивал жертву сквозь дыры в заборах, прятался в каждой тени, каждом укромном уголке. В краткие моменты мистера Голдсмита все же посещала способность мыслить связно, и тогда он объяснял себе тягу тощего хорониться инстинктом бродячей кошки. Непонятное существо стремилось добраться до норы и тащило добычу за собой.

Они крались по портовому району. В темное небо тянулись покрытые копотью стены. Под арками железнодорожных путей бежали к унылым складам узкие мощеные улочки, порой пропадавшие в забитых мусором воронках, оставленных бомбами Гитлера тридцать лет назад. Мистер Голдсмит спотыкался на кочках, поросших жесткой рыжеватой травой. Раз он даже упал в яму, откуда его немедленно извлек провожатый, двигавшийся с могучей и неодолимой стремительностью танка «Шерман».

Вот дорога пошла под уклон между руинами кирпичных стен. Некогда здесь был потолок, а сейчас лишь свисали ошметки штукатурки. Пахло горелым деревом и падалью.

Они оказались в помещении, где некогда располагался склад. Само здание разрушилось, даже каркаса не осталось, но расположенному глубоко под землей подвалу не были страшны ни огонь, ни бомбы. Стены сочились влагой, потолок прогнулся, под ногами похрустывал потрескавшийся цемент, но все же подвал продолжал существование. Два ряда кирпичей поддерживали старую ванну. В ней горел костер, пламя мерцало в дырах, пробитых в ржавых боках ванны. Дымные языки пламени наводили на мысли о преисподней. Они, словно сонные змеи, поднимались вверх, к потолку, и лениво сворачивались вокруг черных балок. На перекладинах и стенах висели фонари, и мистеру Голдсмиту опять пришлось лицезреть то, что видеть ему вовсе не хотелось.

Вокруг огня на корточках сгрудились они: одетые в лохмотья, с зеленоватыми лицами и слезящимися глазами, зияющими ртами и негнущимися пальцами. Спутник мистера Голдсмита развеял мучительные сомнения с легкостью кузнечного молота, сокрушающего грецкий орех:

— Все... мёрвы... все... мёрвы...

— Так, и что это значит?

Перед мистером Голдсмитом и его провожатым выросли два человека. Один был высок и нескладен, другой — коротышка с физиономией проныры. Именно он и задал вопрос, изумленно разглядывая новоприбывшего. Потом перевел взгляд на спутника мистера Голдсмита:

— Откуда, черт подери, ты его взял?

Булькающий голос попытался объяснить:

— Жыыыыл йаа таааам...

— Да ты просто тупой урод!

Коротышка двинул спутника мистера Голдсмита кулаком в живот, потом в грудь, и тот попятился, из горла вырывалось клокочущее бульканье, превратившееся в свист парового котла под полным давлением:

— Жыыыыл я таааам... при... вел... паа... лицыыю...

Коротышка прервал карательные действия и встревоженно обернулся к долговязому:

— Да что ж это такое, а? Он долдонит о полиции, верно? Их Милости такое не понравится. Не нужно впутывать полицейских, так он говорит.

Долговязый попытался унять друга:

— Успокойся, Морис. Что с того, что старина Чарли ляпнул что-то не то? Да он развалится на части, если его не подправить. Голова его ни к черту не годится.

Но Морис успокаиваться не желал. Он повернулся к мистеру Голдсмиту и схватил его за грудки:

— Так ты полицию впутал? Позвал копа?

— Конечно, мне пришлось вызвать офицера, когда вот этот... — замялся мистер Голдсмит, — когда этот... гражданин отказался покинуть мою квартиру.

— Вот это да! — Морис поднял очи горе. — Он называет гнусного копа офицером!

— Ты женат? — поинтересовался долговязый, и мистер Голдсмит, вдохновленный желанием умиротворить похитителей, энергично мотнул головой. — Один живешь, да? — хмыкнул здоровяк. — Так я и думал. Тип весьма характерный. Так что не кипятись, Морис, он просто будет числиться очередным без вести пропавшим. Демократы переживут.

— Ну да, Гарри, — кивнул Морис и отпустил мистера Голдсмита. — Ты прав. А до прихода Их Милости мы свяжем его. Пусть сам решает, что с ним делать.

Гарри достал моток веревки, а мистер Голдсмит смиренно позволил себя связать. В это время Чарли, ибо так, оказывается, называлось это существо, теребил Мориса за руку:

— Йааа... хаааачу... мовээээм...

— Не заслужил ты мовэма. — Морис оттолкнул попрошайку. — Тем, кто напортачил, мовэма не положено.

— Мовээээм... — повторил Чарли. — Йааа... хаааачу... мовэээм...

— Пустая трата синьки, — сухо заметил Морис. — Он вот-вот развалится на части. Уж лучше я ему шею сверну. Хотя нет, — тут же покачал головой Морис. — Их Милости не нравится, когда мы позволяем себе вольности с единицами. К тому же новая установка по ремонту и лакировке творит сущие чудеса. Лучше дадим ему паек наравне со всеми.

Мистера Голдсмита хорошенько связали и посадили в угол. Из примыкавшей к «залу» каморки появился Гарри с большой

кастрюлей без ручек. Следом со щербатой кружкой шел Морис. Сию же секунду страшилища пришли в возбуждение: они дрыгали ногами, размахивали руками, разевали рты, из которых вырывались уже знакомые мистеру Голдсмиту булькающие слова и вопли. Вот кастрюля оказалась на расшатанном столе, а под сводами подвала прокатились слова Мориса:

— Мовэм... давайте подходите... мовэм, мовэм, мовэм...

Компания чудищ, толкаясь, неуклюже рвалась вперед, оттирая тех, кто послабее, в сторону, в стремлении добраться до эмалированной кастрюли и щербатой кружки. Одно страшилище, наряженное в бывшую шинель, оттолкнули в сторону, и оно с грохотом приземлилось в нескольких ярдах от мистера Голдсмита. Существо попыталось подняться, но левая нога его подвернулась, и глазам мистера Голдсмита предстал зубчатый обломок бедренной кости, выглядывающей из дыры в изношенной штанине. На зеленоватом лице боли не отразилось, но тлеющая искра разума в мозгу заставила существо ползти по шершавому бетону вперед, к столу. Морис бросил взгляд вниз и пнул инвалида. Протестующе заворчав, существо опрокинулось на спину и беспомощно задергало руками и ногами, словно перевернутый вверх лапками жук.

Щербатую кружку погружали в кастрюлю, на четверть заполняли какой-то синей жидкостью и подносили к ближайшему широко раскрытому рту. Зеленоватая морщинистая шея содрогалась глотательным движением, а кружка уже наполнялась для следующего. Гарри оттаскивал «накормленного» в сторону и давал пинка, от которого мешок с костями чуть ли не летел на пол. Чем бы ни была жидкость в кастрюле, но ее влияние было воистину чудесно. Согбенные фигуры распрямлялись, некоторые пустились в пляс отвратительными шлепающими скачками. Один пошел танцевать вприсядку и даже успел проделать шесть па, перед тем как правое колено со зловещим треском сломалось. Другой принялся хлопать в ладоши, Морис приказал ему «прекратить безобразие», но опоздал. Одна ладонь отвалилась и приземлилась на бетонный пол с противным мягким шлепком. Желудок мистера Голдсмита готов был вывернуться наизнанку, когда неторопливой походкой к месту происшествия подошел Гарри и показал на оторвавшуюся ладонь пальцем.

— А ну подыми, — приказал он.

Существо, все еще пытающееся похлопать в ладоши одной рукой, поглядело на здоровяка пустыми слезящимися глазами.

— Хлоп... хлоп... — булькнуло оно.

— Никаких хлопков! Быстро подыми! Я не разрешаю вам разбрасывать свои части там и сям. Говорю тебе в последний раз: подыми! А теперь отнеси в мусорное ведро, — распорядился Гарри и показал на бочку из-под бензина в дальнем углу. — Можете лениться, но знайте меру! — Затем Гарри повернулся к Морису, который заканчивал кормление. — Эта партия совершенно бесполезна, Морис. Они разваливаются на куски. Скоро от них останутся одни туловища. В синьку ты положил слишком много ЕН471.

— Ерунда. — Морис отвесил оплеуху слишком нетерпеливому существу, которое быстро отступило назад с отвалившимся ухом, повисшим на кусочке кожи. — Ведь мы можем заняться ремонтом, верно? Немного скотча, фанеры и черенков от лопат. А своими моралями ты мне напоминаешь монашку в борделе.

— Ну хорошо, коль скоро ты берешься объяснить поломки Их Милости, то все в порядке, — кивнул Гарри, усмиряя пинком очередного колчерукого едока. — А на кой ему их такая уйма?

— А я почем знаю? — пожал плечами Морис. — Может, расчленит их. Возьмет от одного ногу, руку от другого, добавит запасных частей и соберет несколько действующих единиц.

Мистер Голдсмит заметил, что стал объектом нездорового интереса самых допотопных представителей местного содружества. Один, с поврежденной ногой, шаркал вокруг пленника и изучал его нижние конечности, определенно обдумывая что-то. Негнущийся указательный палец ткнул в брючину. Видимо, голосовые связки этого существа были получше, чем у Чарли, и он вполне членораздельно прохрипел:

— Отлично... отлично.

— Кыш, пшел вон! — приказал мистер Голдсмит, неистово задрыгав ногами. — Отвали, убирайся!

Существо же задрало ему штанину и, словно каннибал, рассматривающий лакомый кусочек, уставилось на пухлую белую плоть, пуская слюни.

— Морис, Гарри! — прогремел резкий голос. — Что это значит? Быстро постройте единицы в шеренгу!

Обладателем такого зычного голоса вполне мог бы оказаться майор, распекающий расхлябанных сержантов, или директор, застукавший сотрудников за групповухой. Морис и Гарри принялись выстраивать своих подопечных, толкали их, ругали, били кулаками и порой даже пинали ногами. Недавнего мучителя мистера Голдсмита схватили за шиворот и с силой бросили. Неровным шагом он понесся вперед, булькая и клокоча на ходу.

— Осторожней! — рявкнул голос. — Единицы денег стоят.

Наконец-то у мистера Голдсмита появилась возможность рассмотреть новоприбывшего. Его глазам предстал господин средних лет. На нем были черный пиджак и брюки в тонкую полоску, глянцевая шляпа-котелок, очки в роговой оправе. Карикатурный образ чиновника дополнял портфель. Именно к этому гротескному персонажу подошел Морис и весьма небрежно отдал честь:

— Единицы построены и готовы к смотру, сэр.

— Отлично! — Их Милость (мистер Голдсмит решил, что это именно он) передал портфель Гарри и медленно двинулся вдоль строя, поочередно критически изучая каждую единицу. — Морис, а почему вот этот без ладони?

— Он хлопал, сэр. Негодяй... простите, эта единица совсем сдурела после мовэма, сэр. Он так аплодировал, что отхлопал себе ладонь, сэр.

Их Милость нахмурился:

— Это из-за вашей халатности, Морис. Я не устану повторять, что необходимо уделять особое внимание составным частям единиц. Запасную ладонь достать не так просто, и, возможно, придется выбраковать эту единицу. Не заставляйте меня снова возвращаться к этому вопросу.

— Так точно, сэр.

Их Милость осмотрел несколько единиц без комментариев и, остановившись рядом с той, у которой ухо болталось на лоскутке кожи, присвистнул:

— Ты только посмотри, Морис! Это же позор. Ради бога, срочно залатай это безобразие! Мне просто страшно себе представить, что было бы, если бы Главное управление увидело такое!

— Да, сэр. — Морис оглянулся и через плечо рявкнул Гарри: — Забери эту единицу и приклей ухо скотчем.

Когда же Их Милость добрался до единицы на двух деревяшках, то разразился праведным гневом:

— Это возмутительно! Морис, у меня просто нет слов. Как вы можете выставлять напоказ единицу в подобном состоянии?! Это решительно выше моего понимания!

— Прошу прощения, сэр, она споткнулась.

— Посмотри,— продолжал Их Милость, не обращая внимания на оправдания. — Шея сломана. — Он коснулся головы, которая при этом угрожающе качнулась. — Глазные яблоки — просто срам, половины ладони не хватает, одна нога столь же уместна, как шерстяной костюм на вечеринке нудистов. А другая ступня у него приделана задом наперед.

Морис впился взглядом в незадачливую единицу, изо всех сил пытавшуюся забулькать-заговорить. Их Милость глубоко вздохнул:

— Ущерб налицо. Следует спасти то, что еще можно спасти, а остальных лучше отправить на свалку. — Закончив смотр, Их Милость повернулся и тут заметил мистера Голдсмита. — Морис, что там делает связанная единица?

— Простите, сэр, но это не единица. Это потребитель, которого единица Чарли притащил сюда по ошибке.

Их Милость снял очки, тщательно протер их носовым платком с черной каймой и водрузил на место.

— Объясни-ка получше, Морис. Ты хочешь сказать, что это живой потребитель? Настоящий первоклассный гражданин из плоти и крови? В сущности, ставлю вопрос ребром: это избиратель?

— Да, сэр. Самый что ни на есть настоящий Поглотитель-Воскресных-Обедов, Церковный-Прихожанин и Ежедневный-Приниматель-Душа.

— И как же, позвольте спросить, эта пренеприятная ошибка могла произойти?

— Сэр, единицу Чарли послали с командой по выкапыванию трупов. Он отбился и бродил сам по себе. Припомнил место, где некогда жил, нашел вот этого старого козла, ох простите, сэр, этого потребителя и привел его сюда, сэр.

— Удивительно! — Их Милость рассматривал мистера Голдсмита. — В самом деле, это удача. В том смысле, что

починка ему не нужна и при надлежащем подходе он в два счета будет готов к ММ IV модификации.

— Именно так я и подумал, сэр, — ухмыльнулся Морис и с удовольствием взглянул на мистера Голдсмита. — Вполне возможно, он станет основоположником новой линии, сэр. По воскрешению живьем.

— Это уже следующий этап. — Их Милость забрал портфель от Гарри. — А пока развяжите-ка потребителя, я забираю его в офис.

Чтобы туда попасть, нужно было пройти через каморку и спуститься на двенадцать ступенек. Офис оказался на удивление комфортабельным. Пол покрывал толстый ковер, стены — оранжевые обои, а за огромный стол красного дерева уселся Их Милость.

— Присаживайтесь, приятель, — предложил он. — Думаю, после всех ваших злоключений вы не откажетесь от чашечки чаю?

Мистер Голдсмит буквально упал на стул и кивнул. Дара речи он сейчас лишился, но не сомневался, что обретет его чуть позже. Их Милость поднес к уху телефонную трубку.

— Чай для двоих, — приказал он. — Только не очень крепкий. Да, еще дистическое печенье. — Он положил трубку и лучезарно улыбнулся мистеру Голдсмиту. — Готов поспорить, что вы задаетесь вопросом: что же тут происходит? Возможно, вы даже решили, что наше предприятие занимается чем-то недозволенным, так ведь?

Мистер Голдсмит смог в ответ только кивнуть.

— С удовольствием развею ваши сомнения. Ничего противозаконного тут нет. Потому что, мой дорогой, это правительственное учреждение.

Мистер Голдсмит хмыкнул.

— Да-да, — продолжал Их Милость, — самое настоящее правительственное ведомство, учрежденное Министерством здравоохранения и укомплектованное штатом сотрудников, шкафами с документами и чайными чашками. Более того, открою вам секрет: данный проект родился в голове у владельца некоего дома, расположенного на вполне конкретной улице в Вестминстере.

Из горла мистера Голдсмита вырвался звук, напоминающий шипение воздуха, выходящего из велосипедной шины.

— Думаю, — предположил Их Милость, — что вы спрашиваете себя: зачем все это?

Мистер Голдсмит застонал.

— Ответить на ваш вполне резонный вопрос можно двумя словами: производственные конфликты. Эти работяги в матерчатых кепках буквально извели вышеупомянутого человека требованиями увеличения заработной платы, забастовками и своей грубостью. И вот однажды вечером, когда этот гражданин пил перед сном какао, ему в голову пришла замечательная идея. Идея? Нет, это, скорее, целый квантовый скачок в сознании!

Открылась дверь, и в офис с подносом в руках вошло белокурое видение. У красавицы были длинные светлые волосы, она носила аккуратный английский костюм с латунными пуговицами. Мистер Голдсмит хрюкнул.

— А вот и Майна, а с нею напиток веселящий, но не пьянящий, то есть наш чай, — с потугой на веселость провозгласил Их Милость. — Поставь чашки на стол, дорогая. Ты согрела заварочный чайник?

— Да, сэр, — улыбнулась Майна и поставила поднос на стол.

— Пришли показатели национального потребления?

— Да, сэр.

— Каковы?

— Три тысячи девятьсот тридцать четыре.

— Состояние, капитал... — Их Милость радостно потер руки, а потом шлепнул Майну по заду, словно специально созданному для подобных действий.

Последствия оказались весьма плачевны. Майна дернулась, пальцы ее скрючились, рот раскрылся, заклокотали слова:

— Йааа... мёрва...

— Прошу прощения, — извинился перед мистером Голдсмитом Их Милость. — Маленькая техническая неполадка.

Он вскочил, бросился к Майне и повернул две латунные пуговицы. Пальцы блондинки расслабились, глаза зажглись, а рот захлопнулся.

— Вам еще что-нибудь нужно, сэр? — поинтересовалась она.

— Нет, благодарю тебя, дорогая. — Их Милость добродушно улыбнулся. — Не сейчас.

Майна вышла за дверь, и Их Милость вернулся за свой стол.

— Последняя модель, — доверительно сообщил он, — начиненная искусственным разумом четвертой модификации, но обращаться с ней нужно крайне осторожно. Малейший шлепок — и вот на тебе, система вышла из строя. Так, о чем бишь я? Ах да. Замечательная идея. — Он подался вперед и направил указательный палец на мистера Голдсмита. — Вот вы, например, знаете, сколько на данный момент в Великобритании живых людей?

— Мм... — начал мистер Голдсмит.

— Вот именно, — снова уселся на свое место Их Милость. — Шестьдесят два миллиона плюс-минус миллион. Шестьдесят два миллиона фактически существующих и потенциальных избирателей. Шестьдесят два миллиона потребителей, разрушителей государства и членов профсоюза. А теперь — что же остальные?

— Остальные, — эхом отозвался мистер Голдсмит.

— Вижу, вы поняли, о чем речь. Мертвецы. Какое расточительство и непредусмотрительность. Каждые сутки умирает один человек из двух тысяч. То есть в день мы имеем тридцать тысяч умерших и три миллиона в год. Один, только один человек додумался до потенциальной возможности их использования. Его словно озарило, когда он сидел у телевизора в своем доме и пил на ночь какао. Почему бы не использовать мертвецов?

— Использовать мертвецов... — отозвался мистер Голдсмит.

— Таким образом вывобождаются площади под застройку, — Их Милость разгорячился, — снижаются расходы государства, не пропадает попусту мрамор и рабочее время каменотесов. Он знал, что следует предпринять. Он узрел корень проблемы.

Их Милость замолчал и погрузился в размышления. Мистер Голдсмит вперился взглядом в слоган, черными буквами выведенный на противоположной стене:

КТО ДЕНЬГАМ НЕ ЗНАЕТ ЦЕНЫ,
ТОМУ НЕ ИЗБЕЖАТЬ НУЖДЫ.

Вскоре бодрый голос продолжил повествование:

— Первым делом мы привезли из Вест-Индии несколько специалистов по вуду. В конце концов, они уже несколько столетий поднимают зомби. Но нам, конечно же, пришлось усовершенствовать их технические приемы. Я хочу сказать, не могли же мы позволить им устраивать пляски в набедренных повязках вокруг костров! Наши ребята придумали *мовэм: министерский основной вечный эликсир молодости.* Конечно, никто не знает, что это значит, но оно и к лучшему. Страшно подумать, что произойдет, если кто-то из оппозиции сумеет добраться до формулы. Основой мовэма является метилированный спирт или денатурат. Затем R245, немного E294 и, самое важное, 25 процентов EH471 и 20 процентов HW741 для нейтрализации. Вы следите за ходом моей мысли?

Мистер Голдсмит покачал головой, но тут же принялся усердно кивать, побоявшись оскорбить Их Милость.

— Вы наделены весьма острым восприятием, — улыбнулся тот. — Приятно для разнообразия поговорить с потребителем из низов среднего класса, который не надоедает нескромными вопросами. Новейшая наша разработка — Механический Мозг четвертой модификации. После того как единицу отремонтировали, почистили и закрепили универсальным лаком, удаляется прежний, мерзкий, вмешивающийся не в свои дела мозг, и доктор Сам-Знаете-Кто помещает на его место ММ IV М, который делает то, что велено, — и никаких хлопот. Никаких профсоюзов, требований о повышении зарплат — вообще никаких зарплат, к тому же им не нужны ни еда, ни выходные с отпуском в придачу. Всего лишь пара чашек мовэма в день, и они прекрасно прослужат годы. Ясно?

Мистер Голдсмит наконец-то обрел голос:

— Кто же возьмет их на работу?

— Лучше спросите: кто ими побрезгует? — хмыкнул Их Милость, а затем понизил голос до доверительного шепота. — Открою вам еще один секрет: помните о некоем доме в конце аллеи, у которого было уж очень много проблем с коммуникационными счетами?

Мистер Голдсмит побледнел.

— А теперь проблем нет. Всю прислугу низшей категории подняли из могил, а некоторые из старших вышли в одну дверь и вошли обратно через другую, если вы понимаете, что

я имею в виду. Кстати, выносилось предложение... Ну, не важно, все это не более чем мысли вслух. Так, а теперь как же мы поступим с вами?

Мистер Голдсмит с надеждой пожирал глазами вопрошающего. Даже осмелился вынести предложение:

— Я могу пойти домой.

Их Милость с улыбкой покачал головой:

— Боюсь, что нет. Вы слишком много видели и благодаря моей доверительности слышали тоже немало. Нет, уж лучше мы вас немножко полечим. Маленькое аккуратное дорожное происшествие как раз то, что надо.

Мистер Голдсмит продемонстрировал признаки крайнего нежелания.

— Уверены? Жаль. Ну что ж, Гарри отлично умеет симулировать подобные вещи. Сломанная шея, открытый перелом обеих ног, все это мы потом починим. Замечательные похороны за счет правительства и уверенность в жизни после смерти. Ну как?

Мистер Голдсмит судорожно сглотнул и принялся с вожделением поглядывать на дверь.

— Вижу, что вы взволнованы, — хихикнул Их Милость. — Вы даже побледнели. А знаете, я вам завидую. Не всем дано сослужить своей стране достойную службу. Помните, «Лежащие и разлагающиеся тоже служат»? Ха... ха... ха... — Их Милость зашелся приступом неудержимого веселья. Взял телефонную трубку. — Майна, будь хорошей девочкой и позови к телефону Гарри. Что?! Чаепитие?! Здесь у нас подобной ерунды не положено. Передай ему, чтобы ровно через две минуты он был у меня, иначе не успеет он залить чайный пакетик кипятком, как я начиню его ММ IV М. — Он бросил трубку и посмотрел на мистера Голдсмита. — Чаепитие! Обещаю, через пять лет не будет никаких перерывов на обед или на чай! Мы им покажем!

Распахнулась дверь, и Гарри буквально влетел в офис.

Он щелкнул каблуками, вытянулся в струнку и отдал честь:

— Оператор по воскрешению Гарри Бритс к вашим услугам, сэр.

Их Милость успокоился и вытер лоб платком с черной каймой.

— Хорошо, Гарри, вольно. Данного потребителя нужно будет превратить в единицу. Думаю, следует устроить что-то вроде дорожного происшествия. Видишь ли, тогда он не будет числиться пропавшим без вести. Какие предложения на этот счет?

— Разрешите осмотреть потребителя, сэр?

Их Милость вяло махнул рукой:

— Давай, Гарри.

Верзила подошел к мистеру Голдсмиту, наклонил ему голову вперед и рассмотрел шею:

— От парочки хороших ударов шея потребителя переломится, сэр, еще стоит немного обработать лицо, например об стену. А потом, с вашего позволения, сэр, в области живота его переедет грузовичок. Конечно, кишкам на пользу это не пойдет, но они ему все равно больше не понадобятся.

— Мовэм, — пояснил мистеру Голдсмиту Их Милость, — действует через нервную систему. Система пищеварения — лишь рудимент.

— Думаю, стоит пару раз двинуть ломиком вот сюда. — Гарри ткнул пальцем в сотрясающееся крупной дрожью бедро мистера Голдсмита. — А еще вот сюда. — Он показал чуть выше голеностопного сустава. — Колени не тронем, их потом сложно чинить.

— Проблем с воскрешением не будет? — поинтересовался Их Милость.

— Все пройдет отлично, сэр. Парочка заклепок соберет на место шею, подлатаем там и сям. Еще глаза нужно будет заменить: что-то они быстро начинают слезиться. Короче, из него получится первоклассная единица. Вы сможете ею гордиться.

— Что ж, весьма вероятно, — широко осклабился Их Милость. — Лучше бы ты вколол ему LD142 и довез, мм... единицу до предполагаемого места происшествия. Дай подумать... — Он сверился с настольным календарем. — Сегодня среда, проводимое коронером следствие в пятницу, и... Да, мы можем провести похороны в следующий вторник.

— Во вторник, сэр, — кивнул Гарри.

— А в ночь на среду можно будет уничтожить прежде поднятые единицы, ведь не стоит им и дальше разлагаться, верно?

Их Милость опять расхохотался, а Гарри позволил себе вежливо хихикнуть.

— Итак, приятель, — на этот раз Их Милость обратился к мистеру Голдсмиту, — в это же самое время ровно через неделю ты наконец-то начнешь приносить пользу обществу.

— Куда вы думаете его пристроить, сэр? — поинтересовался Гарри.

— Мы определим его носильщиком на станции Ватерлоо. Профсоюз железнодорожников собирается выдвигать требования по повышению заработной платы, и один голос против забастовки никоим образом не повредит. Так и сделаем. Уведи его, Гарри.

От страха делаются трусами. Но тот же страх может превратить тряпку в человека действия. Вид огромной ручищи, нацеленной на его горло, пробудил спящие в мистере Голдсмите рефлексы, заставившие маленького человечка вскочить со стула и со всех ног броситься к двери. До этого поведение мистера Голдсмита было весьма кроткое, поэтому стремительные действия застали врасплох и Их Милость, и Гарри, которые несколько драгоценных секунд лишь смотрели ему вслед в немом изумлении. А тем временем мистер Голдсмит выскочил в дверь и пронесся мимо Майны, которая, по-видимому, не была запрограммирована на действия в экстренных случаях, поскольку продолжала себе преспокойно печатать, игнорируя сумасшедшие вопли Гарри. Зато на маленького человечка яростные крики верзилы возымели чудотворное действие: он собрал все силы воедино и взлетел вверх по лестнице со стремительностью претендента на золотую медаль Олимпиады. Он ворвался в подвал, миновал растянувшиеся на полу единицы и был уже на пути к выходу, когда пораженный Морис обрел способность действовать.

Зайцем он удирал от двух кровожадных псов, ураганом взбежал по бетонному спуску в подвал и выскочил на пустырь. Болезненно-бледная луна играла в прятки со стремительно несущимися по небу облаками; в страхе и гневе взвыла черная кошка, когда мистер Голдсмит, оступаясь человеческими ногами на кочках и рытвинах, громыхая пустыми жестянками и банками, промчался мимо нее. Преследователи отставали футов на двадцать и теперь нагоняли его молча, ибо находились уже не на своей территории.

Мистер Голдсмит пересек булыжную мостовую, промчался под железнодорожной аркой и скрылся в узком переулке. Вот и подходящая дыра, куда он нырнул как раз перед тем, как преследователи появились из-за угла. Они остановились всего в нескольких шагах от укрытия. Голос Мориса напоминал шипение лишившейся обеда ласки:

— А маленький подлец-то улизнул.

— Далеко не уйдет, — принялся утешать его Гарри.

— Лучше вернуться, — скрепя сердце признал Морис. — Пусть Их Милость сообщит в Комитет военного планирования.

По звукам шагов мистер Голдсмит определил, что преследователи еще немного потоптались на месте и все же убрались восвояси. Лишь тогда он осмелился выбраться из дыры и устало побрел по переулку. Он долгое время блуждал, пугаясь и шарахаясь от каждой тени. В конце концов он выбрался на маленькую площадь и увидел на другой стороне церковь, вонзившую шпиль в ночное небо. Конечно же, двери были закрыты, но дышащее покоем здание всколыхнуло детские воспоминания; мистер Голдсмит преклонил колени на ступенях и тихонько заплакал, словно потерявшийся ребенок.

Тяжелые шаги заставили его насторожиться и вскочить, испуганно глядя на залитую лунным светом дорогу. К нему с величием фрегата под всеми парусами приближался рослый дородный мужчина. Словно звезды на бархате неба, мерцали серебряные пуговицы. Маяком надежды сверкала кокарда. Мистер Голдсмит с радостными восклицаниями бросился к своему защитнику. Вцепился в сильные шершавые руки, уткнулся в синий мундир и наконец смог вздохнуть с облегчением.

— И что на этот раз произошло? — спросил полисмен. — Опять мертвецы разговаривают?

Еще как разговаривают, и их целые сотни! — Мистер Голдсмит даже стал заикаться, пытаясь убедительно донести до полицейского важные вести. На этот раз ему должны поверить! — Они опустошают кладбища. Нужно непременно их остановить.

— Успокойтесь. Я займусь этим, сэр. Пройдемте в участок, вы напишете заявление.

— Да... да... — Предложение показалось мистеру Голдсмиту весьма разумным.— Да, я... я напишу заявление. А потом вы меня заприте в камеру, хорошо? Чтобы они не смогли до меня добраться.

— Как скажете,— согласился констебль.— Мы на славу вас спрячем, никто больше не потревожит. А теперь пойдем.

Они двинулись прочь от запертой церкви, и из мистера Голдсмита хлынул безудержный поток слов. Полицейский оказался превосходным слушателем и поощрял рассказчика фразами вроде: «Просто не верится, сэр... И не говорите, сэр... Даже в голове не укладывается... Правда диковиннее вымысла».

Мистер Голдсмит соглашался с полицейским, но в недавно обретенное чувство безопасности холодной дрожью ворвалось тревожное предчувствие.

— Почему мы пошли этим переулком?

— Мы идем самым коротким путем,— отвечал констебль.— Не стоит дополнительно утомлять себя продолжительной ночной прогулкой.

— Ах да.— Мистер Голдсмит ухватился за видимую логичность ответа, подобно тому как осужденный на смертную казнь хватается за веревку, готовую вот-вот его вздернуть.— А далеко до участка?

— Рукой подать, сэр. Осталось несколько шагов, уж будьте уверены.

Они прошли еще немного и завернули за угол.

— Именно этой дорогой я и шел туда,— испуганно констатировал мистер Голдсмит, а хватка полицейского стала еще сильнее.

— Что с того, сэр? Мы вроде как прослеживаем ваш путь.

Надежда улетучилась. Мистер Голдсмит попытаться вырваться из рук полицейского:

— Вы...

Но офицер держал его железной хваткой. Мистер Голдсмит вцепился в синий мундир и крутанул серебряную пуговицу. Словно издалека донеслись булькающие слова:

— Ааа... йааа... мёрв...

Луна жеманно выглядывала из-за облачка и смотрела, как большой и бравый, но мертвый полицейский тащит упирающегося маленького человечка в загробный мир.

ЭДГАР АЛЛАН ПО

Правда о том, что случилось с мсье Вальдемаром

Эдгара Аллана По (1809–1849) называют «отцом современного хоррора», не забывая упомянуть частые проявления его душевного расстройства, случавшиеся вследствие депрессии и злоупотребления алкоголем. Такое состояние нашло свое отражение в его ставших классикой макабрических рассказах, таких как «Падение Дома Ашеров», «Убийство на улице Морг», «Черный кот», «Колодец и маятник». Единственный роман По, «Сообщение Артура Гордона Пима» (1838), остался незавершенным.

Рассказ «Правда о том, что случилось с мсье Вальдемаром» был экранизирован Роджером Корманом как часть кинотрилогии «Истории ужаса» (1962) с Винсентом Прайсом и Базилем Рэтбоном в главных ролях. В 1989 году эта же история послужила сюжетной основой для первой части фильма Джорджо Ромеро «Два глаза зла» («Due Occhi Diabolici»). Ни одна из версий не смогла достоверно передать кошмарные образы первоисточника...

Разумеется, я ничуть не удивляюсь тому, что необыкновенный случай с мсье Вальдемаром возбудил толки. Было бы чудом, если бы об этом не говорили, принимая во внимание все обстоятельства. Вследствие желания всех причастных к этому лиц избежать огласки, хотя бы на ближайшее время или пока мы не нашли возможностей продолжить исследование — именно из-за наших стараний сохранить все случившееся в тайне, — в обществе распространились неверные или преувеличенные слухи, породившие множество неверных представлений, а это, естественно, у многих вызвало недоверие.

Вот почему стало необходимым, чтобы я изложил факты — насколько я сам сумел их понять. Вкратце они сводятся к следующему.

В течение последних трех лет мое внимание не раз привлекал месмеризм, а около девяти месяцев назад меня внезапно поразила мысль, что во всех до сих пор проделанных опытах имелось одно весьма важное и необъяснимое упущение — никто еще не подвергался месмерическому воздействию in articulo mortis[1]. Следовало выяснить, во-первых, подвержен ли человек в таком состоянии магнетическому воздействию; во-вторых, ослабляется ли оно при этом или же усиливается; а в-третьих, в какой степени и как долго можно с помощью этого процесса задержать наступление смерти. Возникали и другие вопросы, но именно эти интересовали меня более всего — в особенности последний, чреватый следствиями огромной важности.

Раздумывая, где бы найти подходящий объект для такого опыта, я вспомнил о своем приятеле мсье Эрнесте Вальдемаре, известном составителе Bibliotheca Forensica[2] и авторе (под nom de plume Иссахара Маркса) переводов на польский язык «Валленштейна» и «Гаргантюа». Мсье Вальдемар, с 1839 года проживавший главным образом в Гарлеме (штат Нью-Йорк), обращает (или обращал) на себя внимание прежде всего своей необычайной худобой — ноги у него очень походили на ноги Джона Рандолфа, — а также светлыми бакенбардами, составлявшими резкий контраст с темными волосами, которые многие из-за этого принимали за парик. Он был чрезвычайно нервен, что, следовательно, делало его подходящим объектом для месмерических опытов. Раза два или три мне без труда удавалось его усыпить, но в других отношениях он не оправдал ожиданий, которые, естественно, вызывала у меня его конституция. Я ни разу не смог вполне подчинить себе его волю, а что касается clairvoyance[3], то опыты с ним вообще не дали надежных результатов. Свои неудачи в этом отношении я всегда объяснял состоянием его здоровья. За несколько месяцев до моего с ним знакомства доктора нашли у него чахотку. О своей близкой кончине он имел обыкновение говорить спокойно, как о чем-то неизбежном и не вызывающем сожалений.

---

[1] В состоянии агонии *(лат.)*.

[2] Судебной библиотеки *(лат.)*.

[3] Ясновидения *(фр.)*.

Когда у меня возникли приведенные выше замыслы, я, естественно, вспомнил о мсье Вальдемаре. Я хорошо знал его философскую твердость и не опасался возражений с его стороны; и у него не было в Америке родных, которые могли бы вмешаться. Я откровенно поговорил с ним на эту тему, и, к моему удивлению, он ею живо заинтересовался. Я говорю «к моему удивлению», ибо, хотя он всегда соглашался подвергаться моим опытам, я ни разу не слышал, чтобы он им сочувствовал. Болезнь его была такова, что позволяла точно определить срок ее смертельного исхода; и мы условились, что он пошлет за мной примерно за сутки до того момента, который доктора укажут как его возможный смертный час.

Сейчас прошло уже более семи месяцев с тех пор, как я получил от мсье Вальдемара следующую собственноручную записку:

Любезный П.!

Пожалуй, вам следует приехать немедленно. Д. и Ф. оба считают, что я не протяну дольше завтрашней полуночи, и мне кажется, что они угадали точно.

Вальдемар.

Я получил эту записку через полчаса после того, как она была написана, а спустя еще пятнадцать минут уже был в комнате умирающего. Я не видел его десять дней и был поражен страшной переменой, происшедшей в нем за это короткое время. Лицо его приняло свинцовый оттенок, глаза потухли, а исхудал он настолько, что скулы едва не прорывали кожу. Мокрота выделялась крайне обильно. Пульс прощупывался с трудом. Несмотря на это, он сохранил удивительную ясность ума и даже кое-какие физические силы. У него еще были силы говорить, он без посторонней помощи принимал некоторые лекарства, облегчавшие его состояние, а когда я вошел, писал что-то карандашом в записной книжке. Он сидел, опираясь на подушки. При нем были доктора Д. и Ф.

Пожав руку Вальдемара, я отвел врачей в сторону и получил от них подробные сведения о состоянии больного. Левое легкое уже полтора года как наполовину обызвестилось и было, разумеется, неспособно к жизненным функциям.

Верхушка правого также частично подверглась обызвествлению, а нижняя доля представляла собой сплошную массу гнойных туберкулезных бугорков. В ней было несколько обширных каверн, а в одном месте имелись сращения с ребром. Эти изменения в правом легком были сравнительно недавними. Обызвествление шло необычайно быстро; еще за месяц до того оно отсутствовало, а сращения были обнаружены лишь в последние три дня. Помимо чахотки, у больного подозревали аневризм аорты, однако обызвествление не позволяло установить это точно. По мнению обоих докторов, мсье Вальдемар должен был умереть на следующий день (воскресенье) около полуночи. Сейчас был седьмой час субботнего вечера.

Когда доктора Д. и Ф. отошли от постели больного, чтобы побеседовать со мной, они уже простились с ним. Они не собирались возвращаться; однако по моей просьбе обещали заглянуть к больному на следующий день около десяти часов вечера.

После их ухода я решился заговорить с мсье Вальдемаром о его близкой кончине, а также более подробно описал предполагаемый опыт. Он подтвердил свою готовность и даже интерес к нему и попросил меня начать немедленно. При нем находились сиделка и служитель, но я не чувствовал себя вправе начинать подобный эксперимент, не имея более надежных свидетелей, чем эти люди, на случай какой-либо неожиданности. Поэтому я отложил опыт до восьми часов вечера следующего дня, когда приход студента-медика (мистера Теодора Л—ла), с которым я был немного знаком, вывел меня из затруднения. Сперва я намеревался дождаться врачей; но пришлось начать раньше, во-первых, по настоянию мсье Вальдемара, а во-вторых, потому, что я и сам видел, как мало оставалось времени и как быстро он угасал.

Мистер Л—л любезно согласился вести записи всего происходящего; все, что я сейчас должен буду рассказать, взято из этих записей verbatim[1] или с некоторыми сокращениями.

Было без пяти минут восемь, когда я, взяв больного за руку, попросил его подтвердить как можно яснее, что он

[1] Дословно *(лат.)*.

(мсье Вальдемар) по доброй воле подвергается в своем нынешнем состоянии месмеризации.

Он отвечал слабым голосом, но вполне внятно: «Да, я хочу подвергнуться месмеризации», и тут же добавил: «Боюсь, что вы слишком долго медлили».

Пока он говорил, я приступил к тем пассам, которые прежде оказывали на него наибольшее действие. Едва я провел ладонью поперек его лба, как это сразу подействовало, но затем, несмотря на все мои усилия, я не добился дальнейших результатов до начала одиннадцатого, когда пришли, как было условлено, доктора Д. и Ф. Я в нескольких словах объяснил им мои намерения, и, так как они не возражали, указав, что больной уже находится в агонии, я, не колеблясь, продолжал, перейдя, однако, от поперечного поглаживания к продольному и устремив взгляд на правый глаз умирающего.

К этому времени пульс у него уже не ощущался, дышал он хрипло, с интервалами в полминуты.

В таком состоянии он пробыл четверть часа. Потом умирающий глубоко вздохнул, и хрипы прекратились, то есть не стали слышны. Дыхание оставалось все таким же редким. Конечности больного были холодны как лед.

Без пяти минут одиннадцать я заметил первые признаки месмерического воздействия. В остекленевших глазах появилось тоскливое выражение, устремленное вовнутрь, которое наблюдается только при сомнамбулизме и которое невозможно не узнать. Несколькими быстрыми поперечными пассами я заставил веки затрепетать, как при засыпании, а еще несколькими — закрыл их. Этим я, однако, не удовлетворился и продолжал энергичные манипуляции, напрягая всю свою волю, пока не достиг полного оцепенения тела спящего, предварительно уложив его поудобнее. Ноги были вытянуты, руки положены вдоль тела, на некотором расстоянии от бедер. Голова была слегка приподнята.

Между тем наступила полночь, и я попросил присутствующих освидетельствовать мсье Вальдемара. Проделав несколько опытов, они констатировали у него необычайно глубокий месмерический транс. Любопытство обоих медиков было сильно возбуждено. Доктор Д. тут же решил остаться при больном на всю ночь, а доктор Ф. ушел, обещав вернуться на рассвете. Мистер Л—л, сиделка и служитель остались.

Мы не тревожили мсье Вальдемара почти до трех часов утра; подойдя к нему, я нашел его в том же состоянии, в каком он был перед уходом доктора Ф., то есть он лежал в той же позе; пульс не ощущался; дыхание было очень слабым, и обнаружить его было можно лишь при помощи зеркала, поднесенного к губам; глаза были закрыты, как у спящего, а тело твердо и холодно, как мрамор. Тем не менее это отнюдь не была картина смерти.

Приблизившись к мсье Вальдемару, я попробовал заставить его правую руку следовать за своей, которой тихонько водил над ним. Такой опыт никогда не удавался мне с ним прежде, и я не рассчитывал на успех и теперь, но, к моему удивлению, рука его послушно, хотя и слабо, стала повторять движения моей. Я решил попытаться с ним заговорить.

— Мсье Вальдемар, — спросил я, — вы спите?

Он не ответил, но я заметил, что губы его дрогнули, и повторил вопрос снова и снова. После третьего раза по всему его телу пробежала легкая дрожь; веки приоткрылись, обнаружив полоски белков; губы с усилием задвигались, и из них послышался едва различимый шепот:

— Да, сейчас сплю. Не будите меня! Дайте мне умереть так!

Я ощупал его тело — оно было по-прежнему окоченелым. Правая рука его продолжала повторять движения моей. Я снова спросил сомнамбулу:

— Вы все еще ощущаете боль в груди, мсье Вальдемар?

На этот раз он ответил немедленно, но еще тише, чем прежде:

— Ничего не болит... Я умираю.

Я решил пока не тревожить его больше, и мы ничего не говорили и не делали до прихода доктора Ф., который явился незадолго перед восходом солнца и был несказанно удивлен, застав пациента еще живым. Пощупав его пульс и поднеся к его губам зеркало, он попросил меня снова заговорить с ним. Я спросил:

— Мсье Вальдемар, вы все еще спите?

Как и раньше, прошло несколько минут, прежде чем он ответил; умирающий словно собирался с силами, чтобы заговорить. Когда я повторил свой вопрос в четвертый раз, он произнес очень тихо, почти неслышно:

— Да, все еще сплю... Умираю.

По мнению, вернее, по желанию врачей, мсье Вальдемара надо было теперь оставить в его, по-видимому, спокойном состоянии вплоть до наступления смерти, которая, как все были уверены, должна была последовать через несколько минут. Я, однако, решил еще раз заговорить с ним и просто повторил свой предыдущий вопрос.

В это время в лице сомнамбулы произошла заметная перемена. Веки его медленно раскрылись, глаза закатились, кожа приобрела трупный оттенок, не пергамента, но скорее белой бумаги, а пятна лихорадочного румянца, до тех пор ясно обозначавшиеся на его щеках, мгновенно погасли. Я употребляю это слово потому, что их внезапное исчезновение напомнило мне именно свечу, которую задули. Одновременно его верхняя губа поднялась и обнажила зубы, которые она прежде целиком закрывала; нижняя челюсть отвалилась с отчетливым щелканьем, и в широко раскрывшемся рту стал целиком виден распухший и почерневший язык. Я полагаю, что среди нас не было никого, кто бы впервые встретился тогда с ужасным зрелищем смерти; но так страшен был в тот миг вид мсье Вальдемара, что все отпрянули от постели.

Я чувствую, что достиг здесь того места в моем повествовании, когда любой читатель может решительно отказаться мне верить. Однако я буду просто продолжать рассказ.

Теперь мсье Вальдемар не обнаруживал ни малейших признаков жизни; сочтя его мертвым, мы уже собирались поручить его попечениям сиделки и служителя, как вдруг язык его сильно задрожал. Эта вибрация длилась несколько минут. Затем из неподвижного, разинутого рта послышался голос — такой, что пытаться рассказать о нем было бы безумием. Есть, правда, два-три эпитета, которые отчасти можно к нему применить. Я могу, например, сказать, что звуки были хриплые, отрывистые, глухие, но описать этот кошмарный голос в целом невозможно по той причине, что подобные звуки никогда еще не оскорбляли человеческого слуха. Однако две особенности я счел тогда — и считаю сейчас — характерными, ибо они дают некоторое представление об их нездешнем звучании. Во-первых, голос доносился до нас — по крайней мере до меня — словно издалека или из глубокого подземелья. Во-вторых (тут я боюсь ока-

заться совершенно непонятым), он действовал на слух так, как действует на наше осязание прикосновение чего-то студенистого или клейкого.

Я говорю о «звуках» и «голосе». Этим я хочу сказать, что звуки были вполне — и даже пугающе — членораздельны. Мсье Вальдемар заговорил — явно в ответ на вопрос, заданный мною за несколько минут до этого. Если читатель помнит, я спросил его, продолжает ли он спать. Он сказал:

— Да... нет... я спал... а теперь... теперь... я умер.

Никто из присутствующих не пытался скрыть и не отрицал потом невыразимого, леденящего ужаса, вызванного этими немногими словами. Мистер Л—л (студент-медик) лишился чувств. Служитель и сиделка бросились вон из комнаты и не вернулись, несмотря ни на какие уговоры. Собственные мои ощущения я не берусь описывать.

Почти час мы в полном молчании приводили в чувство мистера Л—ла. Когда он очнулся, мы снова занялись исследованием состояния мсье Вальдемара.

Оно оставалось во всем таким же, как я его описал, не считая того, что зеркало не обнаруживало теперь никаких признаков дыхания. Попытка пустить кровь из руки не удалась. Следует также сказать, что эта рука уже не повиновалась моей воле. Я тщетно пробовал заставить ее следовать за движениями моей. Единственным признаком месмерического влияния было теперь дрожание языка всякий раз, когда я обращался к мсье Вальдемару с вопросом. Казалось, он пытался ответить, но усилий было недостаточно. К вопросам, задаваемым другими, он оставался совершенно нечувствительным, хотя я и старался создать между ним и каждым из присутствующих месмерическую *rapport*[1]. Кажется, я сообщил теперь все, что может дать понятие о тогдашнем состоянии сомнамбулы. Мы нашли новых сиделок, и в десять часов я ушел вместе с обоими докторами и мистером Л—лом.

После полудня мы снова пришли взглянуть на мсье Вальдемара. Состояние его оставалось прежним. Мы не сразу решили, следует ли и возможно ли его разбудить, однако вскоре все согласились, что ни к чему хорошему это при-

[1] Связь *(фр.)*.

вести не может. Было очевидно, что смерть (или то, что под нею разумеют) приостановлена месмерическим воздействием. Всем нам стало ясно, что, разбудив мсье Вальдемара, мы вызовем немедленную или, во всяком случае, скорую смерть.

С тех пор и до конца прошлой недели — в течение почти семи месяцев — мы ежедневно посещали дом мсье Вальдемара иногда в сопровождении знакомых врачей или просто друзей. Все это время он оставался в точности таким, как я его описал в последний раз. Сиделки находились при нем безотлучно.

В прошлую пятницу мы наконец решили разбудить или попытаться разбудить его; и (быть может) именно злополучный результат этого последнего опыта породил столько толков в различных кругах и столько безосновательного, на мой взгляд, возмущения.

Чтобы вывести мсье Вальдемара из месмерического транса, я прибегнул к обычным пассам. Некоторое время они оставались безрезультатными. Первым признаком пробуждения было то, что из-под век появились полумесяцы радужной оболочки. Мы отметили, что это движение глаз сопровождалось обильным выделением (из-под век) желтоватой жидкости с крайне неприятным запахом.

Мне предложили воздействовать, как прежде, на руку сомнамбулы. Я попытался это сделать, но безуспешно. Тогда доктор Ф. пожелал, чтобы я задал ему вопрос. Я спросил:

— Мсье Вальдемар, можете ли вы сказать нам, что вы чувствуете или чего хотите?

На его щеки мгновенно вернулись пятна чахоточного румянца; язык задрожал, вернее, задергался во рту (хотя челюсти и губы оставались окоченелыми), и тот же отвратительный голос, уже описанный мною, произнес:

— Ради Бога!.. скорее! скорее!.. усыпите меня, или скорее... разбудите! скорее!.. Говорю вам, что я умер!

Я был потрясен и несколько мгновений не знал, на что решиться. Сперва я попробовал снова усыпить его, но, не сумев этого сделать, ибо воля совсем ослабла, я пошел в обратном направлении и столь же энергично попытался его разбудить. Скоро я увидел, что мне это удается, — по крайней мере я рассчитывал на полный успех и был уверен, что

все присутствующие тоже ждали пробуждения мсье Вальдемара.

Но того, что произошло в действительности, не мог ожидать никто.

Пока я торопливо проделывал месмерические пассы, а с языка, но не с губ страдальца рвались крики: «умер!», «умер!», все его тело — в течение минуты или даже быстрее — осело, расползлось, буквально разложилось под моими руками. На постели перед нами лежала полужидкая, отвратительная, гниющая масса.

КАРЛ ЭДВАРД ВАГНЕР

Палки

В предисловии к превосходному сборнику рассказов Карла Эдварда Вагнера «В пустынной стороне» («In a Lonely Place») Питер Страуб говорит о рассказе «Палки» как о произведении, которое дает «самое ясное представление о мастерстве автора, работающего в традициях жанра хоррор». Этим рассказом Вагнер отдает дань уважения замечательному художнику Ли Брауну Койю. Кроме того, это одно из самых достойных современных дополнений к «мифам Ктулху» Г. Ф. Лавкрафта.

Как говорит Вагнер, «на самом деле история принадлежит Ли Брауну Койю и о нем же повествует, как сказано в послесловии. Кой рассказал мне о событиях, которые легли в основу рассказа „Палки", а когда Стюарт Дэвид Шифф решил выпустить специальное издание „Слухов" („Whispers"), посвященное Ли Брауну Койю, я решил последние месяцы учебы на медицинском факультете посвятить рассказу, вдохновленному случаем с художником. Здесь встречаются шутки и аллюзии, понятные лишь некоторым: их смогут оценить только подлинные любители жанра хоррор. Рассказ я писал как дань уважения к Ли и вовсе не рассчитывал на то, что он станет известен кому-то помимо тысячи фанатов, читающих „Слухи". Удивительно, что он стал одним из самых известных и любимых рассказов, вышедших из-под моего пера. Он был награжден Британской премией фэнтези и номинировался на Всемирную премию фэнтези как лучший рассказ. Бесчисленное количество раз рассказ входил в различные антологии, переведен на несколько языков. В канун Хеллоуина в 1982 году его транслировало Национальное общественное радио (National Public Radio), по нему собирались ставить одну из телепрограмм „Темной комнаты" („Darkroom")».

Недавние проекты одного из самых талантливых писателей и редакторов в данной области включают в себя двадцать первый выпуск ежегодной антологии «Лучшее за год. Ужасы», новый сборник под названием «Заговоры и экстазы» («Exorcisms and Ecstasies»), а также «медицинский» триллер «Четвертая печать» («The Four Seal»). Английское издательство

«Penguin/ROC» переиздает его ставшую классической серию романов о Кейне, но писатель отказался от проекта «Скажи мне, тьма», после того как «DC Comics» решили исказить основную сюжетную линию произведения. А вам предстоит прочесть рассказ в первозданном виде...

Небольшую каменную пирамиду возле реки венчала конструкция из палок. Колин Леверетт с недоумением рассматривал сооружение: полудюжины ветвей равной длины, крест-накрест связанных проволокой. Странное творение наводило на малоприятную мысль о необычном распятии, и Колин задавался вопросом: что же находится под грудой камней?

Шла весна 1942 года. День выдался отличный, казалось, что война где-то далеко-далеко или же ее вовсе нет, хотя на столе лежала призывная повестка. Всего через несколько дней Леверетту предстояло запереть свою мастерскую — интересно, удастся ли вновь вернуться сюда и вновь взять в руки карандаши, кисти и резец? Сегодня он прощался с лесами и речушками сельской части штата Нью-Йорк. Вряд ли в оккупированной Гитлером Европе ему удастся порыбачить и побродить, любуясь мирными деревенскими пейзажами. Поэтому самое время закинуть удочку в изобилующий форелью ручей, мимо которого он как-то проходил, исследуя проселочные дороги долины Отселик.

Ручей Мани — именно так он был обозначен на старой геологоразведочной карте — протекал к юго-востоку от городка Дерайтер. Безлюдная грунтовая дорога взбиралась на видавший виды каменный мост, построенный задолго до изобретения первых самодвижущихся экипажей, и для «форда» Леверетта он был явно узковат. Поэтому молодой человек припарковал машину, привязал к поясу железную сковороду и флягу, взял удочку и прочие рыболовные снасти и тронулся в путь пешком. Несколько миль он шел вниз по течению ручья. К полудню не мешало бы перекусить форелью и, возможно, лапками лягушки-быка, если повезет.

Ручей был неглубокий, с кристально чистой водой, но рыбачить в нем было непросто: по берегам плотной стеной

разросся кустарник, свешивающий ветви к самой воде, а на открытых участках спрятаться было негде. Но все же форель с жадностью набрасывалась на приманку, и Леверетт пребывал в отличнейшем расположении духа.

Сразу за мостом по берегам ручья тянулись пастбища, но через полмили вниз по течению земли уже не использовались человеком и густо заросли молодой порослью вечнозеленых растений и диких яблонь. Еще через милю кустарник уступил место непроходимой чаще.

Вскоре Леверетт и наткнулся на остатки стародавней железной дороги. Не остатки рельсов или шпал, а именно сама насыпь, на которой успели вырасти громадные деревья. Заброшенная железная дорога, уходящая вглубь леса, показалась ему немного жутковатой.

Он представил себе допотопный угольный паровоз с конусообразной трубой, чадящий черным дымом и тянущий два-три деревянных вагона. Должно быть, здесь проходило ответвление железной дороги «Освего Мидленд», неожиданно закрытой в семидесятых годах XIX столетия. Леверетт обладал замечательной способностью запоминать все в мельчайших подробностях и поэтому дедушкин рассказ о свадебном путешествии как раз по этой железной дороге из Отеслика в Дерайтер в 1871 году помнил тоже. Двигатель паровоза работал на износ, поезд столь тяжело и медленно взбирался на холм Крам, что дед даже сошел с поезда и пошел рядом с составом. Возможно, причиной отказа от данной ветки и послужил этот чересчур крутой подъем.

Когда Леверетт наткнулся на доску, прибитую к воткнутым в груду камней палкам, то решил, что надпись на ней могла бы гласить «Посторонним вход воспрещен». Любопытно, что видавшая виды доска совершенно выцвела, зато гвозди казались совсем новыми. Он едва ли обратил бы внимание на эту странность, если бы вскоре не наткнулся еще на одну такую же «вывеску». И еще одну.

Теперь он задумчиво поскреб щетину на подбородке. Что это? Шутка? Детская игра? Нет, это явно дело не детских рук. Художник оценил весьма искусную работу: сочетание углов и длины, намеренную сложность соединения. Причем впечатление от этих сооружений из палок оставалось определенно негативным.

Леверетт напомнил себе, что собирался порыбачить, и, повторяя эти слова, двинулся вниз по течению. Но, блуждая по зарослям, он внезапно застыл в изумлении.

Глазам его открылась поляна, на которой снова обнаружились хитросплетения из палок, а еще некая фигура из выложенных на земле плоских камней. Камни, вероятно позаимствованные у какого-нибудь сложенного из тесаных глыб кульверта, образовывали площадку двенадцать на пятнадцать футов, которая на первый взгляд напоминала план дома. Заинтриговавший Леверетт быстро понял, что это не так. Если это и был какой-то план, то план какого-то лабиринта.

Причудливые сооружения были здесь повсюду: в невообразимом множестве сколоченные между собой ветки и доски. Некоторые состояли лишь из пары палок, соединенных под углом или же параллельно. Другие были кропотливо сработаны из множества веток и досок. Одно сооружение даже напоминало шалаш. Иногда штуковины были воткнуты в груды камней, порой вкопаны в железнодорожную насыпь или прибиты к дереву.

Это должно было бы выглядеть смешным, но нет. Напротив, выглядело очень зловеще — все эти совершенно необъяснимые, скрупулезно выполненные хитросплетения *палок* среди девственной природы, где лишь поросшая деревьями насыпь напоминала о давнем присутствии человека. Леверетт совсем забыл и о форели, и о лягушачьих лапках и принялся рыться в карманах в поисках блокнота и огрызка карандаша. Он деловито взялся за наброски самых замысловатых сооружений. Вдруг кто-нибудь сумеет разобраться во всем этом, вдруг эти безумные и запутанные узоры пригодятся ему самому в работе.

Леверетт был примерно в двух милях от моста, когда набрел на развалины дома. Это оказался вросший в землю сельский дом в форме короба, с мансардной двускатной крышей. Окна без стекол зияли черными дырами, обе трубы были готовы вот-вот обвалиться. Через провалы в крыше виднелись стропила, местами отвалилась прогнившая обшивка стен, обнажив тесаные бревна. Фундамент показался Леверетту несоразмерно мощным. Судя по размерам каменных блоков, ему было уготовано стоять вечно.

Хотя подлесок и буйно разросшаяся сирень почти поглотили дом, Леверетт все же смог различить остатки газона с огромными раскидистыми деревьями. Дальше виднелись искривленные чахлые яблони и заросший сад, где все еще попадались одичавшие цветы, изогнутые и потускневшие без заботы человека. Палки были повсюду: таинственные сооружения стояли на лужайке, висели на деревьях и даже на самом доме. Их было так много, что Леверетту пришло в голову сравнить их с безобразной паутиной, опутавшей весь дом заодно с поляной. Осторожно приближаясь к заброшенному строению, художник делал в блокноте наброски.

Он не знал, что ждет его внутри. Откровенно зловеще выглядел этот дом, затерявшийся во мрачном запустении, где единственным признаком присутствия человека за последний век были рукотворные безумные конструкции из дерева. Кто-то здесь повернул бы назад. Но Леверетт, в творчестве которого просматривалось очевидное тяготение к жути, наоборот, был заинтригован. Он быстро сделал набросок дома с прилегающим парком, загадочными деревянными узорами, разросшимся кустарником и выродившимися цветами. Жаль, что перенос этого жуткого сверхъестественного места на холст придется отложить на неопределенно долгое время.

Дверь была сорвана с петель, и Леверетт осторожно вошел внутрь, надеясь на то, что старый пол не провалится под его весом. В пустые окна заглядывало полуденное солнце, расцвечивая подгнившие половицы пятнами света. В солнечных лучах плясали пылинки. Дом оказался пуст: мебели в нем не было, на полу лишь каменная крошка и листья, скопившиеся за многие годы.

Кто-то здесь был, причем недавно. И этот кто-то испещрил буквально все покрытые бурыми пятнами стены изображениями таинственных решетчатых конструкций. Жирными черными линиями рисунки нанесли прямо на полусгнившие обои и облупленную штукатурку. Особо сложные чертежи занимали всю стену и напоминали безумную стенную роспись. Некоторые были совсем маленькие, всего из нескольких пересеченных линий, и напоминали Леверетту клинопись.

Карандаш его без устали летал по страницам записной книжки. Похоже было, что это штаб-квартира того сумасброда или же идиота, создававшего конструкции из палок. Гра-

вировка древесным углем по мягкой штукатурке казалась выполненной недавно, может быть, несколько дней назад.

Темный дверной проем вел в подвал. Может быть, там тоже рисунки? Или что-то еще? Интересно, хватит ли у него смелости выяснить это? Подвал утопал во тьме, только через дыры в полу туда проникали лучики света.

— Эй! — крикнул Леверетт в темноту. — Есть тут кто?

Вопрос вовсе не показался глупым. Составленные из палок конструкции едва ли могли быть творением человека, пребывающего в здравом рассудке. А встретиться с таковым в темном подвале Леверетту вовсе не улыбалось.

Однако искушение было велико. Осторожно Леверетт начал спускаться. Вниз вели каменные, а значит, прочные ступени, но они были склизкими от коварного слоя мха и мусора.

Подвал был огромным — в темноте он показался даже больше самого дома. Леверетт спустился с последней ступени и замер, давая возможность глазам привыкнуть к влажному сумраку. Первое впечатление подтвердилось. Подвал непомерно велик. Может, изначально здесь было другое здание, на месте которого позже возвели нынешнее? Он исследовал каменную кладку. Громадные глыбы гнейса могли бы запросто выдержать замок. При ближайшем рассмотрении камни наводили на мысль о крепости — техника сухой кладки походила на микенскую.

Как и дом наверху, подвал оказался пуст, хотя без фонаря Леверетт не мог знать наверняка, что скрывалось во тьме. Похоже на то, что вдоль стен подвала тени сгущались, соответственно, дальше могли находиться другие помещения. Леверетт почувствовал себя неуютно.

Все же помещение не было совсем пустым — в центре стояло нечто плоское вроде стола. В свете тоненьких лучиков света, пробивавшихся сверху, сооружение казалось каменным. С опаской Леверетт двинулся туда, где вырисовывались неясные очертания стола — высотой ему по пояс, около восьми футов длиной и немного меньше шириной. Насколько мог судить художник, перед ним была грубо обтесанная гнейсовая плита, покоящаяся на каменных опорах. В темноте можно было получить лишь смутные представления о предмете. Он провел по плите рукой. Вдоль края шел желобок.

Пальцы нащупали какую-то ткань, что-то холодное, кожистое и податливое. «Наверное, заплесневелая сбруя», — с отвращением подумал он.

Тут что-то сомкнулось у него на запястье и вонзилось в плоть.

Леверетт закричал и с неистовой силой рванулся назад. Он отпрянул стремительно, но непонятное «что-то» тянуло его к себе.

Сверху просочился слабенький солнечный луч, осветивший часть каменной плиты. Этого оказалось достаточно. Пока Леверетт изо всех сил пытался вырваться, а удерживающее его нечто тянуло к себе на каменный стол, луч света упал на лицо неведомого противника.

То было лицо мертвеца — ссохшаяся плоть туго обтягивала череп. Страшную личину обрамляли грязные пряди всклокоченных волос, клочья губ обнажили остатки желтых зубов, запавшие глаза, которые должны были бы быть мертвы, горели жутким огнем.

Леверетт в ужасе завопил снова. Свободной рукой он схватил притороченную к поясу чугунную сковороду, рванул на себя и со всей силы треснул по кошмарной физиономии.

Ужасное мгновение длилось целую вечность, и Леверетт, словно в замедленной съемке, наблюдал, как сковорода, подобно топору, сокрушила лобную кость. Вцепившийся в запястье капкан разжался. Мертвенно-бледная личина исчезла во мраке, но этот раздробленный лоб и немигающие глаза, меж которых выступает густая кровь, в будущем бесчисленное количество раз пробуждали Леверетта от ночных кошмаров.

Сейчас же художник вырвался и бросился наутек. Когда ноющие от усталости ноги несли обезумевшего от ужаса Леверетта напролом через кустарник, воспоминание о звуке страшных, преследующих его по лестнице шагов наполняло тело энергией отчаяния.

Друзья заметили, как изменился Колин Леверетт, вернувшись с войны. Он сильно постарел. В волосах появилась седина, пружинистый шаг замедлился. Атлетическое телосложение сменилось нездоровой худобой. По лбу пролегли глубокие морщины, глаза потухли.

Но еще больше настораживали перемены в характере. Саркастический цинизм сменил некогда свойственную художнику эксцентричную чудаковатость. Прежнее чуть мрачноватое обаяние переросло в болезненную манию, настораживавшую старых приятелей. Но такова война. Особенно не повезло тем, кто сражался в Апеннинах.

Леверетт мог бы рассказать друзьям все, но опасался говорить о кошмарном происшествии у ручья Мани. Когда же он вспоминал существо, с которым боролся в подвале заброшенного дома, то старательно убеждал самого себя в том, что в него вцепился какой-то изгой — очумелый отшельник, внешность которого исказили скудное освещение и разыгравшееся воображение художника. Он рассуждал так: вряд ли его удар нанес ощутимый ущерб здоровью отшельника, коль скоро тот тут же пустился за ним в погоню. Задумываться на эту тему — себе дороже, поэтому такое объяснение помогало восстановить душевное равновесие, когда художник пробуждался от ночных кошмаров.

Итак, Колин Леверетт вернулся в свою мастерскую и опять занялся карандашами, кистями и резцами. На него посыпались заказы от издательств, у таланта художника нашлось изрядное количество почитателей. Были заказы от галерей и частных коллекционеров. Одним словом, Леверетт был нарасхват.

Но внезапно возникли проблемы. Как «чересчур гротескную» вернули иллюстрацию к обложке сборника рассказов. Издатели новой антологии ужасов отослали назад парочку иллюстраций — «слишком ужасно, особенно кошмарны разлагающиеся одутловатые лица повешенных». Заказчик возвратил серебряную статуэтку с жалобами на то, что страдания предаваемого мученической смерти святого изображены уж очень натуралистично. Даже издание «Жуткие сказания», радостно раструбившее о возвращении художника, принялось возвращать его работы одну за другой, потому что они оказались «слишком жуткими для наших читателей».

Леверетт попытался несколько смягчить свой стиль, но обнаружил, что в результате его работы становятся пресными и банальными. В конце концов заказы почти иссякли. Шли годы. Обособившись от суетного мира, Леверетт работал в своей мастерской, изредка выполняя заказы для галерей, вре-

мя от времени продавая живопись или скульптуру музеям. Критики, впрочем, хвалили экстравагантные абстрактные работы мастера.

Война закончилась уже двадцать пять лет назад, когда Колин Леверетт получил письмо от давнего друга Прескотта Брандона, который стал редактором небольшого издательства «Готический дом», специализировавшегося на книгах в жанре хоррор. Они не переписывались уже много лет, но письмо начиналось в обычной непосредственной манере:

Орлиное гнездо/Салем, Массачусетс/2 августа
Закоренелому отшельнику Мидленда

Колин, я работаю над шикарным трехтомником ужасов Х. Кеннета Алларда. Помнится, к рассказам Кеннета ты относился особо трепетно. Как насчет того, чтобы поработать над иллюстрациями? Для каждого тома мне нужно по двухцветной суперобложке и по дюжине картинок. Надеюсь, ты поразишь поклонников не банальными черепами, летучими мышами и оборотнями с полуголыми девицами, а чем-нибудь позамысловатее.

Ну что, заинтересовался? Пришлю тебе все материалы и подробности, а ты действуй по своему усмотрению.

Спишемся,
Скотти.

Леверетт был в восторге. Он скучал по работе в издательстве, к тому же всегда восхищался гением Алларда, которому было подвластно словами передавать чувство всеобъемлющего ужаса. Он ответил Брандону согласием.

Для начала он принялся перечитывать рассказы, делая заметки и предварительные наброски. В его работу не будут вмешиваться никакие слабонервные редакторы отдела, Скотти сказал именно то, чего так хотел Леверетт.

Нечто особенное. Что-то необычное. Леверетт критически рассматривал карандашные наброски. Похоже, он движется в правильном направлении, но в работах явно чего-то не хватало — недоставало того зла, которым до предела насыщена проза Алларда. Ухмыляющиеся черепа и кожистые летучие мыши? Нет, Аллард явно заслуживает большего.

Жажда сотворить нечто удивительное полностью захватила Леверетта. Быть может, истории Алларда как раз и воскресили в его памяти тот весенний полдень на берегу ручья Манн...

Хотя Леверетт не заглядывал в старую записную книжку с того самого дня, когда вернулся домой полумертвый от страха и усталости, он отлично помнил, куда ее убрал: в папку, которую практически никогда не открывал. Достав блокнот, он задумчиво пролистал помятые страницы. Наброски пробудили безмерный ужас того далекого дня. Рассматривая причудливые решетки, Леверетт уже был уверен, что остальные непременно разделят с ним тот ужас, который он испытал тогда в подвале.

Художник добавил к черновым карандашным наброскам изображения фрагментов решетчатых конструкций. Глумливые физиономии страшных тварей Алларда наконец-то приобрели законченный вид. Леверетт удовлетворенно кивнул.

Через некоторое время пришло письмо от Брандона, который получил последнюю иллюстрацию к трехтомнику Алларда и был чрезвычайно доволен работой художника. Постскриптум редактор писал:

Во имя всего святого, Колин, что это за безумства из палок, которые ты всюду суешь?! Проклятые штуковины так и бросают в дрожь. Как ты додумался до такого?

Леверетт решил, что придется кое-что рассказать Брандону. Он написал длинное письмо, в котором сообщил о приключении на берегу ручья Манн. Только умолчал про ужас, вцепившийся в его запястье в подвале. Лучше уж пусть Брандон считает его слегка не в себе, чем убийцей.

Ответ от редактора пришел незамедлительно:

Колин, описанное тобой происшествие на ручье Манн воистину увлекательно. Словно начало еще одного рассказа Алларда! Я взял на себя смелость переслать твое письмо Александру Стефрою из Пелхэма. Как ты, наверное, знаешь, доктор Стефрой — серьезный ученый, занимающийся историей этого региона. Уверен, твой рассказ заинтересует его, и, быть может, он прольет немного света на эту тайну.

Думаю, первый том «Голосов теней» будет готов в следующем месяце. Оттиск издания смотрится просто великолепно.

Желаю удачи,
Скотти.

На следующей неделе пришло письмо из Массачусетса со штемпелем Пелхэма:

Наш общий друг Прескотт Брандон переслал мне ваш интереснейший рассказ об обнаружении любопытнейших предметов из дерева и камня, найденных вами на заброшенной ферме. Я нахожу это крайне любопытным и осмеливаюсь спросить: не располагаете ли вы какими-нибудь дополнительными сведениями? Сможете ли вы узнать это место спустя тридцать лет? Если возможно, мне хотелось бы этой весной исследовать фундамент, поскольку ваше описание наводит на мысль о схожих мегалитических постройках данного региона. Несколько ученых занимаются подобными сооружениями, мы считаем их остатками мегалитических построек бронзового века, и нам хотелось бы установить их возможное использование в ритуалах черной магии в колониальный период.

Последние археологические раскопки указывают на то, что приблизительно в 2000—1700 годах до нашей эры на северо-восток хлынул поток народов эпохи бронзового века из Европы. Мы знаем, что в это время произошел небывалый культурный скачок и никто вплоть до викингов не мог конкурировать с мореплавателями того времени. Остатки мегалитической культуры Средиземноморья можно увидеть в Микенах — Львиные ворота, в Стонхендже, в дольменах, гробницах и курганах по всей Европе. Более того, мегалитические постройки не только являлись данью стилю архитектуры, присущему данной эпохе. Вернее предположить, что они были необходимой принадлежностью религиозного культа, последователи которого поклонялись Матери-Земле, приносили жертвы и верили в то, что бессмертие души гарантировано захоронением в мегалитических гробницах.

Не подлежит сомнению то, что данная культура была привнесена и в Америку, так как здесь обнаружены сотни остатков мегалитических построек. До настоящего времени самым важным является Тайный холм в Н. Х., состоящий из большого количества стен и дольменов мегалитических по-

строек — особенно курган у пещеры Y и Жертвенный стол (см. приложенную открытку). В числе менее зрелищных построек стоит упомянуть группу пирамид из камней и резных камней на горе Минерал, подземные помещения с каменными переходами в Питершеме и Шатсбери, а также бесчисленные мегалитические и подземные «монашеские кельи», разбросанные по всему региону.

Небезынтересно и то, что первых колонистов привлекала мистическая аура данных достопримечательностей. Совершенно очевиден факт их использования с весьма зловещими целями магами и алхимиками из числа колонистов. Ввиду гонений на черную магию в Европе многие их адепты предпочли перебраться на Дикий Запад — вот объяснение тому, что в областях штата Нью-Йорк и Западного Массачусетса позже появилось такое количество сект.

Особый интерес представляет собой ирландская секта Сердаха «Братство Нового Света». Члены секты верили, что скоро мрачные потусторонние силы разрушат мир, а они, избранные, обретут бессмертие во плоти. Тела прежде умерших избранных следовало оставлять на каменных столах в ожидании Старых Сил, которые явятся за ними и воскресят к жизни. Нам определенно удалось установить связь между мегалитическими постройками в Шатсбери с отвратительными практиками культа Нового Света. В 1781 году их поглотили последователи матери Анны Ли, и гниющие трупы ирландцев убрали с каменных столов подземелья и предали земле.

Таким образом, я предполагаю, что обнаруженный вами дом использовался в подобных целях. На Тайном холме в 1826 году был построен дом, в фундаменте которого располагался дольмен. Приблизительно в 1848–1855 годах он сгорел, но сохранились весьма странные местные легенды. Я считаю, что найденный вами дом тоже был сооружен над подобной мегалитической постройкой, а «палки» свидетельствуют о некоем доселе неизвестном культе, все еще сохранившемся в вашей местности. Есть смутные упоминания о решетчатых сооружениях, фигурировавших в тайных церемониях, но я ничего определенного сказать не могу. Возможно, они представляют собой визуализацию оккультных символов, используемых при определенных заклинаниях, но, повторяю, это всего лишь догадка. Я бы посоветовал вам обратиться к изданию «Обря-

довая магия» Уэйта или другому труду в данной области и посмотреть, нет ли там похожих магических символов.

Надеюсь, данная информация окажется вам полезной. Жду вашего ответа.

С уважением, Александр Стефрой.

К письму прилагалась открытка с изображением жертвенного стола на Тайном холме — фотография гранитной плиты весом 4,5 тонны, по периметру которой шел глубокий желоб со сливным отверстием. Под изображением Стефрой написал:

Должно быть, вы обнаружили нечто похожее. Подобные плиты не редкость. У нас в Пелхэме есть один похожий экземпляр, привезенный из бассейна реки Кваббин. Их использовали для жертвоприношений животных и людей, а по желобу, по-видимому, кровь стекала в сосуд.

Леверетт выронил листок и содрогнулся. Письмо Стефроя всколыхнуло прежний ужас, и теперь художник пожалел, что выпустил на свет божий материалы из старой папки. Конечно, забыть такое невозможно — даже спустя тридцать лет.

Он написал Стефрою осторожный краткий ответ, поблагодарил за предоставленную информацию и добавил несколько мелких подробностей. Пообещал (сомневаясь, что выполнит данное слово), что весной попытается найти дом на ручье Манн.

Весна выдалась поздней, и Колин Леверетт нашел время вернуться на берега ручья лишь в начале июня. На первый взгляд за три десятилетия здесь ничего не изменилось. Все так же стоял древний каменный мост, просёлочная дорога так и осталась немощеной. Интересно, проходил ли тут кто-нибудь с тех пор, как он очертя голову несся прочь от странного дома?

Пройдя вниз по течению, он сразу отыскал старую железную дорогу. Прошло тридцать лет, напомнил себе Леверетт, но противная дрожь лишь нарастала. Пробираться вперед оказалось гораздо труднее, чем в первый раз. День выдался невыносимо жаркий и влажный. Художник с трудом пробирался через заросли, встревоженные мошки тучей вились вокруг него и пребольно кусали.

Судя по поваленным деревьям и наносам органики, преграждавшим путь по тропе, в последние годы здесь случались серьезные паводки. Кое-где даже земли не осталось: обнажились горная порода и валуны. Местами громадные завалы вывернутых с корнями деревьев и принесенных половодьем наносов напоминали развалины древних укреплений. Продираясь вперед, он понимал, что поиски ни к чему не приведут. Здесь бушевало такое наводнение, что даже ручей сменил русло. Многие каменные кульверты более не возвышались над ручьем, а ненужными вехами стояли вдалеке от теперешних берегов. Потоки бушующей воды разломали и унесли прочь творения рук человека, оставшиеся же покоились под тоннами гниющих стволов.

Наконец Леверетт наткнулся на остатки яблоневого сада, все еще пробивавшиеся среди сорняков и кустарника. Дом должен быть где-то поблизости, но здесь потоки воды бушевали особенно свирепо. Наверное, даже тяжелые камни фундамента не выдержали напора воды и теперь похоронены под развалинами.

Наконец Леверетт повернул обратно. Шаг стал легче.

Он написал профессору Стефрою о неудачных поисках, а спустя несколько недель получил ответ:

Прошу прощения за запоздалый ответ на ваше письмо от 14 июня. В последнее время я занимался изысканиями, которые, надеюсь, приведут к открытию прежде незарегистрированной мегалитической постройки большой значимости. Разумеется, я весьма огорчен, что от усадьбы на ручье Манн не осталось и следа. Я надеялся, что фундамент дома уцелел. Просматривая документы региона, я выяснил, что в июле 1942 года на область Отселик обрушились катастрофические ливневые паводки, снова повторившиеся в мае 1946 года. Вполне вероятно, что обнаруженный вами старый дом и таинственные сооружения были полностью разрушены вскоре после вашего посещения. Область эта дикая и странная, несомненно, многое о ней мы так и не узнаем.

Я пишу эти строки с чувством глубокой печали. Два дня назад погиб Прескотт Брандон. С его уходом из жизни меня постигла тяжелейшая утрата, как и вас, и всех, кто знал

его лично. Остается надеяться, что полиция поймает жестоких убийц, совершивших такой бесчеловечный и бессмысленный поступок, — очевидно, это были воры, неожиданно замеченные на месте преступления во время ограбления офиса Прескотта. Полиция считает, что убийцы находились под действием наркотиков ввиду ужасной и бессмысленной жестокости преступления.

Я только что получил третий том Алларда «Грешные земли». Великолепное издание. Происшедшую трагедию еще труднее пережить, понимая, что больше Скотти не выпустит в свет подобных шедевров...

Предаюсь горю,
Александр Стефрой

Потрясенный Леверетт взирал на письмо. Известий о смерти Брандона он еще не получал — всего лишь несколько дней назад он распечатал пришедший от издателя пакет с первым томом «Грешных земель». Вспомнилось несколько строк из последнего письма Брандона — строк, которые тогда показались ему забавными:

Твои «палки» пользуются успехом, Колин, и я уже изрядно утомлен бесконечными вопросами о них. Особо усердствует некий майор Джордж Леонард, он столь навязчиво стремится разузнать подробности, что, боюсь, я сболтнул лишнего. Несколько раз он писал тебе. Я знаю, сколь высоко ты ценишь уединение, поэтому просто сказал майору, что всю корреспонденцию передаю тебе лично. Он хочет увидеть твои эскизы в оригинале, сдается мне, но я не люблю подобных ему любителей оккультизма. Честно говоря, встречаться с ним мне очень не хочется.

— Мистер Колин Леверетт?

Леверетт рассматривал высокого худощавого мужчину, с улыбкой появившегося в дверях мастерской. Спортивная машина, на которой он приехал, была черной и дорогой, то же можно было сказать и про водолазку, кожаные брюки и глянцевый портфель. От изобилия черного лицо мужчины казалось мертвенно-бледным. Судя по поредевшим волосам, возраст незнакомца приближался к пятидесяти. За солнечными очками скрывались глаза, а черные автомобильные перчатки прятали руки.

— Скотти Брандон сказал мне, где вас можно найти, — сообщил незнакомец.

— Скотти? — осторожно переспросил Леверетт.

— Да, к сожалению, мы потеряли общего друга. Я разговаривал с ним как раз перед тем, как... Но по выражению вашего лица я вижу, что Скотти вам ничего не сказал. — Незнакомец неловко замялся, потом представился: — Меня зовут Дана Аллард.

— Аллард? — переспросил художник.

Посетитель смутился:

— Да. Х. Кеннет Аллард был моим дядей.

— Я даже не знал, что у Алларда остались родственники, — задумчиво пробормотал Леверетт, пожимая протянутую руку.

Встречаться с Аллардом лично ему не приходилось, но лицо гостя показалось очень похожим на фотографии писателя, которые Леверетту доводилось видеть. К тому же художник вспомнил, что Скотти перечислял авторский гонорар какому-то наследнику.

— Мой отец был единокровным братом Кеннета.

— Вот как, — сконфузился Леверетт. — Пожалуйста, присаживайтесь. Что привело вас в наши края?

Дана Аллард похлопал по черному портфелю:

— Привело меня к вам то, что я обсуждал со Скотти. Совсем недавно я обнаружил несколько неопубликованных рукописей дяди. — Он раскрыл портфель и передал Леверетту пачку пожелтевших листков. — Отец, ближайший родственник, забирал личные вещи Кеннета из больницы. Он никогда не был высокого мнения ни о самом дяде, ни о его сочинениях, поэтому засунул вещи брата подальше на чердак и забыл о них. Скотти же был чрезвычайно взволнован, когда я рассказал ему о находке.

Леверетт просматривал рукопись — пробегал глазами страницу за страницей неразборчивого почерка со вставками исправлений, похожих на не поддающиеся расшифровке головоломки. Раньше художник видел фотографии рукописей Алларда. Без сомнения, перед ним его рукопись.

А проза! Леверетт увлеченно погрузился в чтение и буквально заноем проглотил несколько абзацев. Конечно же, это писал Аллард — и писал замечательно!

— Болезнь прогрессировала, и дядин ум патологически обострился, — поделился Дана. — Я восхищаюсь дядиными произведениями, но эти последние мне кажутся... Я бы сказал, они чересчур ужасны. Особенно интерпретация мифической «Книги Старых Сил».

Рукопись увлекла Леверетта так, что он едва замечал гостя, полностью поглощенный пожелтевшими страницами. Аллард повествовал о мегалитической постройке, которую обреченный повествователь обнаружил в глубине склепа под древним кладбищем. Писатель упоминал о «резных шрифтах Старых Сил», напоминавших найденные им самим конструкции из палок.

— Взгляните, — показал Дана, — эти заклинания он взял из запретной книги Алорри-Зрокроса: «Йогг-Юугг-Сут-Хурат-Йогнг» — черт, просто язык сломаешь. Мне такого не произнести. А у него их целые страницы.

— Просто невероятно! — воскликнул Леверетт.

Он попытался озвучить непонятные слова. Получилось. Даже обнаружился некий ритмический рисунок.

— Что ж, я рад — вы словно сняли груз с моих плеч. Я опасался, что эти несколько последних рассказов и отрывков окажутся слегка «через край» даже для поклонников Кеннета.

— Значит, вы собираетесь их опубликовать?

Дана кивнул:

— Заняться изданием собирался Скотти. Надеюсь, грабители искали не эту рукопись — какой-нибудь коллекционер заплатил бы за нее целое состояние. Но Скотти говорил, что будет держать все в секрете до тех пор, пока не подготовится к официальному заявлению. — Лицо гостя было печально. — Итак, теперь мне придется заняться этим самому — издание должно быть роскошным. И мне хотелось бы, чтобы проиллюстрировали его тоже вы.

— Благодарю за честь, — не веря своим ушам, пробормотал Леверетт.

— Мне действительно очень понравились ваши иллюстрации к трилогии. Хотелось бы побольше таких же отличных работ — столько, сколько сможете написать. Скупиться в расходах на издание я не стану. И эти штуки из палок...

— Да?..

— Скотти мне рассказывал о них. Как интересно! И у вас целый блокнот с набросками? Можно взглянуть?

Леверетт поспешно выудил записную книжку, а сам вернулся к рукописи.

Дана с трепетом пролистал блокнот:

— Эти штуковины совершенно удивительные, в рукописи упоминается о чем-то подобном, чудеса, да и только. Сможете ли вы их все поместить в издание?

— Не будет ли это слишком?

— Вовсе нет! Ваши эскизы просто созданы для этого издания, к тому же они совершенно уникальны. Пусть все наброски войдут в книгу. Я собираюсь назвать ее «Сущие в Земле». Издательство найдено, и мы начнем, как только будут готовы иллюстрации. Уверен, вы всецело посвятите себя работе.

Он парил в невесомости космоса. Что-то проносилось мимо. Сначала он подумал, что это пролетают звезды. Непонятное нечто приблизилось.

Палки. Решетчатые конструкции всевозможных конфигураций. Проплывая между ними, Леверетт заметил, что сработаны они вовсе не из палок, то есть не из дерева. Решетки-конструкции состояли из некоей бледной и мертвой субстанции, напоминавшей дорожки студеного звездного света. Они напоминали витиеватый трехмерный шрифт какого-то внеземного алфавита.

Затем он оказался в туннеле — узком каменном коридоре, по которому ему предстояло проползти на брюхе. Склизкие мшистые камни словно наваливались на его извивающееся тело, пробуждая к жизни назойливый шепот порожденного клаустрофобией ужаса.

Он все полз и полз по каменным ходам. Острые выступы грозили лишить его глаз. Наконец он оказался в подземном зале. Потолок и стены подземелья были сложены из громадных гранитных плит шириной дюжину футов, а между плит землю пронзали другие ходы. В центре зала наподобие алтаря возвышалась огромная плита из гнейса. Между каменных столбов, поддерживавших стол, смутно мерцали струи бьющего ключа. По внешнему краю плиты бежал желобок, окрашенный тошнотворной жидкостью, собиравшейся в каменном сосуде под сливным отверстием.

Из ведущих в зал темных ходов появились иные — неясные согбенные фигуры, смутно напоминавшие человеческие. Из тьмы к нему шагнул некто в лохмотьях плаща, простер клешню-руку, намереваясь схватить его за запястье и подтащить к жертвеннику. Он сам послушно последовал за проводником.

Они подошли к алтарю, и в мерцании высеченных в гнейсовой плите решетчатых знаков ему удалось разглядеть лицо провожатого: разлагающееся лицо мертвеца, подгнившая лобная кость разбита и вдавлена внутрь, зияющая рана сочится...

Леверетт пробудился от собственного крика...

«Нельзя так много работать», — сам себя предостерег художник и, спотыкаясь в темноте, оделся, ибо был настолько потрясен, что заснуть снова все равно не смог бы. Кошмары преследовали его еженощно. Неудивительно, что он совершенно измучен.

Но в мастерской ждала работа. Уже почти пятьдесят рисунков закончены, а в планах намечена очередная серия. Неудивительно, что каждую ночь его мучат кошмары.

Леверетт был вымотан до предела, но Дана Аллард с восторгом принимал сделанные иллюстрации. Не считая сложностей с типографским набором и доставкой специальной бумаги, на которой настаивал Дана, книга была почти готова и ожидала лишь окончания работы с иллюстрациями.

Хотя кости ломило от усталости, Леверетт решительно побрел в ночную тьму. Определенно кое-что из кошмара стоит запечатлеть на бумаге.

Последние рисунки отбыли к Дане Алларду в Питершем, и Леверетт, похудевший на пятнадцать фунтов и до крайности утомленный, обменял часть чека за работу на ящик хорошего виски. Как только с рисунков были отсняты слайды, Дана запустил печатные машины. Невзирая на тщательно разработанный план, машины остановились. Один принтер полностью вышел из строя по непонятным причинам, с новым постоянно случались мелкие поломки. С каждой новой задержкой Дана ярился пуще прежнего. Но тем не менее печатание книги продвигалось. Леверетт написал Дане, что книга проклята, но тот возразил: через неделю все будет готово.

Леверетт развлекался тем, что мастерил конструкции из палок и пытался отоспаться. Вместо ожидаемого экземпляра издания он получил письмо от Стефроя:

Пытался дозвониться в течение нескольких дней, но ваш телефон не отвечает. В настоящий момент времени у меня в обрез, поэтому буду краток. Неожиданно я обнаружил мегалитическую постройку, которая находится на территории обширного небезызвестного поместья. Поскольку мне не удалось получить разрешения на посещение данной постройки, не стану говорить, где она находится. Однажды ночью я тайно (и весьма незаконно) занялся исследованием, и меня чуть было не поймали. В библиотеке семинарии я нашел упоминания о данном месте в собрании писем и бумаг, датированных XVII веком. Автор говорит о проживавшей в поместье семье как о гнезде колдунов и ведьм, занимавшихся алхимией, а также перечисляет другие нелицеприятные слухи и описывает подземные каменные залы, мегалитические постройки и т. д., что доказывает «нечестивое использование дьявольских практик». Я лишь мельком просмотрел документ, но не заметил в описании преувеличений. Колин, пробираясь к этому месту через лес, я наткнулся на множество «палок», о которых рассказывали вы! Я захватил с собой одну маленькую конструкцию и хочу ее вам показать. Она сделана совсем недавно и в точности соответствует вашим рисункам. Если повезет, я добьюсь разрешения на доступ и разгадаю их значение — а оно имеется непременно, — хотя эти сектанты наверняка будут упрямиться и откажутся выдавать свои секреты. Объясню им, что мой интерес — сугубо научный и в намерения мои не входит поднять их на смех. Посмотрим, что они скажут на это. В любом случае взгляну на все это поближе. Итак, я отправляюсь в путь!

С уважением,
Александр Стефрой

Кустистые брови Леверетта полезли на лоб. Аллард намекал на некий темный культ, в котором фигурировали конструкции из палок. Но он писал более тридцати лет назад, и Леверетт решил, что автор взял за прототип что-то похожее на дом у ручья Манн. Информация Стефроя относилась к данному моменту.

Он даже понадеялся на то, что Стефрой обнаружит лишь глупый розыгрыш.

Кошмары все так же преследовали его — стали обычны и знакомы.

Его путь лежит через лес по направлению к холмам, до которых рукой подать. В сторону отодвинута большая гранитная плита, на ее месте зияет дыра. Недолго думая, он ступает туда и спускается по знакомым скругленным ступеням. Подземный каменный зал и каменные же ходы, уходящие в глубь земли. Он знает, в который из них надо заползать.

И вот опять перед ним подземный зал, посреди него жертвенный алтарь, а под ним темно мерцают воды источника, собираются туманные фигуры. Они толпятся у жертвенника, он идет к ним и видит привязанного к алтарю отчаянно извивающегося человека.

Это седовласый мужчина крепкого телосложения, с виду здоровый, только перепачканный. По искаженному лицу жертвы словно пробегает гримаса узнавания. Знаком ли ему этот человек? Но вот мертвец с пробитым черепом уже нашептывает в ухо, все силы уходят на то, чтобы не думать о том, что сочится из пролома во лбу, и вместо размышлений он берет из костлявой руки бронзовый кинжал, высоко заносит орудие и делает с ножом то, что велит ему шепот истлевшего жреца, — ведь на сей раз ему никак не удается закричать и проснуться...

Какое-то время он еще видел во сне ужасающие безумства. Когда все же пробудился, то был весь мокрым и липким вовсе не от пота. Увы, не было кошмаром и то, что в кулаке он сжимал наполовину сожранное сердце.

Леверетту хватило благоразумия избавиться от изодранного куска плоти. Все утро он мылся под душем, неистово оттирая кожу. Жаль, что его уже не тошнило.

По радио передавали новости. Раздавленное тело известного археолога, доктора Александра Стефроя, обнаружили под упавшей гранитной плитой поблизости от Уателя. Полиция предполагает, что гигантская плита сдвинулась при раскопках, производимых ученым в ее основании. Опознать тело смогли только по личным вещам покойного.

Когда руки стали дрожать меньше и можно было сесть за руль, Леверетт помчался в Питершем и в сумерках добрался до старого каменного дома Даны Алларда. Художник исступленно стучал в дверь, но Аллард открывать не торопился. Наконец дверь отворилась, и Дана приветствовал его словами:

— Ах, это вы, добрый вечер, Колин! Какое приятное совпадение, что вы приехали именно сейчас! Книги готовы. Их только что привезли из переплетной мастерской.

Минуя Дану, Леверетт влетел в дом.

— Мы должны немедленно их уничтожить! — выпалил он. Этим днем он много размышлял.

— Уничтожить?!.

— Существует нечто, о чем мы не подозревали. Эти палки — существует культ, гнусный, отвратительный культ. В ритуалах конструкции из палок имеют какой-то смысл, не знаю какой. Но этот культ существует по сей день. Они убили Скотта... убили Стефроя. Они подбираются ко мне. И вас они убьют, чтобы остановить и помешать выпустить книгу!

Дана нахмурился, но Леверетт знал: убедить его не удалось.

— Колин, все это вздор и безумство. Вы и в самом деле слишком устали, измучены работой. Пойдемте, лучше я покажу вам книги. Они в подвале.

Леверетт пошел за хозяином вниз по ступеням. Подвал оказался достаточно большим, облицованным камнем и сухим. Их глазам предстала гора запакованных в коричневую оберточную бумагу книг.

— Я сложил их здесь, чтобы под тяжестью пол не проломился, — объяснил Дана. — Завтра они отправятся к дистрибьюторам. Давайте я подпишу ваш экземпляр.

В смятении Леверетт раскрыл томик «Сущие в Земле». Уставился на свои собственные, выполненные с таким увлечением иллюстрации, изображающие разлагающихся мертвецов, подземные каменные залы и залитые кровью алтари — и вездесущие загадочные конструкции из палок. Он содрогнулся.

— Вот, держите. — Дана вручил Леверетту книгу, которую только что подписал. — Отвечая на ваш вопрос, скажу, что это — древний шрифт.

Но Леверетт расширенными глазами смотрел на дарственную надпись, сделанную почерком, который спутать с другим невозможно:

«Колину Леверетту, без которого данная работа не смогла бы завершиться. Х. Кеннет Аллард».

Аллард продолжал рассказ. Леверетт видел места на лице, где впопыхах наложенный грим телесного тона не мог скрыть того, что было под ним.

— Символический шрифт внеземных измерений — необъяснимый человеческому разуму, но существенный фрагмент воскрешения духов — огромен, и «пентаграмма» (если угодно) бывает размером в мили. Однажды мы уже пробовали, но твое железное оружие частично разрушило разум Алтола. В последний момент он допустил ошибку, едва не уничтожив нас всех. Алтол занимался формулировкой вызывающего духов заклинания с тех пор, как исчез в железный век четыре тысячелетия тому назад.

Тогда вновь появился ты, Колин Леверетт, обладающий даром художника и диаграммами символов Алтола. И вот теперь тысячи пока ничего не ведающих разумов прочтут заклинание воскрешения духов, которое ты нам вернул, и объединятся с нашими разумами, ведь мы живы в тайных укрытиях. И великие Старые Силы восстанут из земли, и мы, мертвые, которые верно им служим, станем властелинами над живущими.

Леверетт дернулся, чтобы убежать, но они уже выползали из густых теней подвала, пока массивные каменные плиты отодвигались, открывая за собой туннели. Он закричал, когда к нему подошел Алтол, чтобы увести его, но теперь ему не суждено было проснуться — только следовать за ним.

Послесловие

Вероятно, некоторые читатели отметили имеющееся сходство между описанными в рассказе персонажами и событиями в творческом пути реальных личностей, хорошо известных поклонникам жанра. Так вышло, и я никоим образом не хотел никого намеренно обидеть. Потому что бо́льшая часть

вышеприведенной истории случилась на самом деле, и я полагаю, что вы слышали об этом.

Пока я вместе с Ли Брауном Койем работал над книгой Веллмана «Худшее еще впереди» («Worse Things Waiting»), я под конец спросил художника, отчего в его рисунках столь часто присутствуют «палки». Работы Ли отлично мне известны, и я заметил, что «палки» начали появляться в период его работы с Зиффом-Дэвисом в начале шестидесятых. В ответ на вопрос Ли прислал мне папку с газетными вырезками и письмами.

В 1938 году Кой на самом деле набрел на дом в пустынной местности у ручья Манн, окруженный конструкциями из палок. Он ни с кем не делился своим открытием до конца 1962 года, когда Джон Веттер передал материалы Августу Дерлету и Эндрю Е. Ротовиусу, антиквару и археологу. Дерлет собирался написать повесть о приключении Койя, но так и не написал. Ротовиус обсуждал с Койем возможное мегалитическое значение постройки в серии писем и журнальных статьях, коих я лишь коснулся. В июне 1963 года Кой вернулся к дому на ручье Манн и обнаружил, что того больше нет.

ЧАРЛЬЗ Л. ГРАНТ

А сейчас помолчи

Становится все сложнее отслеживать успехи Чарльза Л. Гранта в разнообразных литературных жанрах, поскольку он продолжает писать и издавать приключенческие книги под именем Джеффри Марш, юмористическое фэнтези под именем Лайонел Фелл, книги для юношества под именем Стивен Чарльз, — и это только некоторые его псевдонимы. В жанре хоррор его последние романы, изданные под собственным именем, называются «В темных снах» («In a Dark Dream»), «Трюки» («Stunts»), «Что-то шевелится» («Something Stirs») и «Ворон» (Raven»).

Автор более ста рассказов, редактор бесчисленных антологий (последняя из них — «В тумане» («In the Fog»), Грант трижды завоевывал Всемирную премию фэнтези, дважды — премию «Небьюла» и получил премию Британского общества фэнтези за заслуги перед жанром.

Как становится понятно из названия, этот рассказ является еще одним образцом уникального стиля автора в жанре «тихого» хоррора. Впрочем, от этого он не становится менее жутким.

Холмы на северо-западе штата Нью-Джерси невысокие, очень древние, густо поросли лесами и по большей части охраняются государством. Меж этих холмов, которые штат содержит в чистоте и порядке, находятся детские лагеря отдыха и зимние курорты, озера естественного и искусственного происхождения, деревни, где жители только по радио и узнают, который сейчас год. Расположены они так далеко, что никакой нью-йоркский транспорт туда не ходит.

Трудно назвать эти места дикими по стандартам Дальнего Запада, однако они достаточно дикие, чтобы обыкновенный турист вел себя здесь осторожно после наступления темноты. Достаточно дикие, чтобы порождать полуночные истории о путниках, забредающих в чащу, но не всегда оттуда возвращающихся.

Эти истории воскресают при темнолунии.

Бывают ночи, словно созданные для поэтов, когда звезды выглядят совершенными на фоне совершенной черноты, воздух прохладен, речные воды струятся и взор охватывает все, кроме луны. Она может быть полумесяцем, может быть полной, расти или убывать, но всегда затянута дымкой. Серебристый свет становится серым, тени размываются, старики направляют свои стопы в ближайшую таверну или к домашнему очагу.

А путешественники выходят на прогулку, и наши истории начинаются.

Как и всякий другой, живущий здесь круглый год, Кейт Прайор читал неизбежную новость, неторопливо покачивая головой и не переставая удивляться тому, как могут эти городские жители быть такими безрассудными, такими непроходимо тупыми. Темнолуние — просто легенда, сказочка на Хеллоуин, но это не отменяет факта, что люди время от времени умирают. Он думал, что для них было бы очень полезным увидеть развернутую на две колонки фотографию оттаявшего по весне трупа, сжавшегося в комок в маленькой пещере, или наполовину обглоданной женщины под деревом, или лишившейся плоти семьи, не нашедшей защиты в своих палатках, в располосованных спальных мешках и разодранной одежде. Но хотя бы раз в год находится кто-нибудь, не желающий прислушаться к разумным предостережениям, и хотя бы раз в год истории возвращаются.

Не то чтобы сам он жил в грубо сколоченной бревенчатой хижине, колол дрова для печки, охотой добывал себе пищу и шил одежду из звериных шкур. Такие изыски Кейт оставлял для кинематографа и своих нью-йоркских друзей, считавших, что он живет как отшельник.

Многоквартирный комплекс «Гринвич Армс» куда больше подходил для того, чтобы питать ночные кошмары отшельника.

Его построили десять лет назад на заброшенной ферме, у двухполосного шоссе, в шестидесяти милях к западу от реки Гудзон. Семьдесят два двухэтажных строения из разноцветного кирпича в тени дубов, все еще пытающихся дорасти до карнизов; дюжина всяческих дополнений к этим строениям: лестница вверх, ведущая на узкий дощатый балкон, лестница

вниз, к бетонной плите, притворяющейся патио. Почти две тысячи человек, думающих, что живут в деревне.

Уже наступил май, и небо окрасилось в синий цвет, больше подходивший глазам влюбленных. Кейт сидел в своей гостиной — стол, два кресла, белые стены, спрятавшиеся за книжными полками, — и ждал, когда вдохновение снова поманит его.

Снаружи, на двадцати ярдах поросшей травой и кустарником земли, между его домом и следующим, размещался мелкий красный пластиковый бассейн, сейчас оккупированный целой армией детишек. Они плескались, кричали и хохотали так громко, что Кейт не мог сосредоточиться на своем занятии, — он писал статью о фантазиях поэтов и пророков для журнала, о котором никогда в жизни не слышал, но который платил по пятнадцать центов за слово.

Кейт вздохнул и подумал, что, наверное, не стоит звонить Джейн и извиняться. Впрочем, он понятия не имел, нужно ли ей это. Хорошо, если бы такая необходимость имелась, — это означало бы, что у него есть еще шанс, но Кейт очень в этом сомневался. Их отношения завяли и застыли еще зимой и не оттаяли с приходом весны. Они оставались друзьями, иногда вместе пропускали рюмочку, Кейт даже заходил к ней время от времени, но инстинкты предупреждали его, что все закончилось. «Вероятно, — кисло подумал Кейт, — Карл Эндрюс окончательно вытеснил меня».

Он еще раз вздохнул, насмешливо-мелодраматично, встал и подошел к двери, чтобы посмотреть на играющих детей. Кейт насчитал восьмерых — все они пытались втиснуться в бассейн, не вставая на землю, уже мокрую и грязную. Внезапно двое — рыжеволосый и белокурый — с отвращением отшатнулись и вяло побрели в сторону Кейта. Они посмотрели вверх и замахали ему раньше, чем он успел отступить вглубь комнаты. Кейт вышел на балкон и оперся на перила.

— Привет, дядя Кейт! — Голоса пронзительные, обращение приятное, титул слишком почетный, но Кейт ничего не имел против.

— Джентльмены, — серьезно произнес он, кивнув в сторону остальных, — что, на пляже слишком много народу?

Мальчишки нахмурились. На обоих были одинаковые голубые спортивные шорты с золотистыми кантами. Грудь,

ноги, руки голые и загорелые. Казалось, оба чувствуют себя неуютно, словно им сейчас очень не хватает карманов, куда можно засунуть руки.

— Ну что, ребята, хорошо провели вчера время? — спросил Кейт. — Видели в городе каких-нибудь чудаков?

— Нет, — ответил рыжеволосый Питер, старший из двоих. — Там ничего не было, кроме мертвых животных. Кости и куча картинок. Всякая чушь. Кому нужно смотреть на кости? — Он с отвращением поморщился и пошел домой, в квартиру на втором этаже, через одну от Кейта.

— Эй, ты не беспокойся из-за него, — сказал Кейт, увидев, что Филип потрясен дезертирством брата. — В наши дни трудно быть десятилетним. Обещаю, он повзрослеет.

Филип немного подумал и, уныло улыбаясь, пожал плечами:

— Он все еще расстраивается, что Дэнни ушел.

Кейт кивнул. Его страшно раздражали эвфемизмы, заменяющие слово «смерть», а когда их употребляли дети, он чувствовал себя беспомощным, и это раздражало еще сильнее. Дэнни Рамеро нашли на лесной дороге за школой. Его искали пять дней, и полицейские медики пришли к выводу, что он умер в результате воздействия внешних причин. И не важно, что температура на улице больше недели не опускалась ниже восемнадцати градусов, не важно, что тело нашли всего в восьмидесяти ярдах от школы: мальчик играл, упал, ударился головой о камень, а во всем остальном следует винить природу.

Так говорили в городе, и так написали в местной газете.

— Миссис Герман, — внезапно сказал Филип, — считает, что все эти животные прокляты или что-то в этом роде, потому что они не человеческие.

— Что-что? — Кейт моргнул и перегнулся через перила.

Мальчик повторил, и Кейт недоуменно подумал: что за учителей нынче выпускают из колледжей? С другой стороны, Джейн...

— Я думаю, она чокнутая, — заявил Филип.

— Ну... она немного странная.

— Ничего подобного, — ответил мальчик. — Она вампир.

— Как моя третья теща, только я этим не хвастаюсь.

— Да нет, я правду говорю, — произнес Филип, придвинувшись ближе, вытянув шею и щурясь на солнце. — Она настоящий вампир.

— Да брось ты.

— Правда! Она всегда опускает в классе шторы. Говорит, что не хочет, чтобы мы пялились на улицу, но я-то знаю, это потому, что вампиры не переносят солнца. И знаете, что еще?

— Нет, — ответил Кейт. — Что?

— Она никогда не уходит из школы!

— Да просто ты этого не видишь, — сказал Кейт. — Ты уходишь раньше, чем она.

Мальчик энергично замотал головой:

— Нет, честное слово! У нее нет машины, и она никогда не уходит! Правда. Я не вру.

Кейт терпеливо улыбнулся мальчику, который зачастую казался старше своих лет, и задумчиво потер подбородок:

— Слушай, Фил, ты же не думаешь, что мистер Боначек позволит одному из своих учителей...

— Ты знаешь, он прав.

Кейт нахмурился и возвел глаза к небу, насмешливо изображая, что ему помешали высказать Великую Истину. Фил метнулся в сторону, удачно увернувшись от вытянутой руки матери, и нырнул в дом. Мойра Лири была невысокой, изящной, несмотря на двоих детей, родившихся с разницей в год, и носила огромные солнечные очки, от которых ее глаза казались слишком большими и слишком невинными при темных губах, блестевших на ярком солнце. Кейт приветственно помахал ей.

— Значит, Герман — вампир, так?

Мойра прикрыла глаза рукой.

— Если не это, так что-нибудь другое, поверь мне. Пойми меня правильно, она знает свое дело, но иногда ведет себя так, словно явилась к нам прямиком из мрачного Средневековья.

— Я бы выразил сочувствие, — улыбнулся Кейт, — но тогда ты скажешь мне, что холостяки, особенно трижды разведенные, ничего не понимают в воспитании детей. В любом случае, что я вообще могу знать?

Она засмеялась:

— А над чем ты работаешь сейчас, Хемингуэй?

Кейту пришло в голову сразу несколько довольно пошлых ответов, но он их неохотно отверг. Пусть за два года жизни здесь он ни разу не видел ее мужа-торговца, пусть не сомневался, что Мойра неоднократно делала ему откровенные авансы, он предпочитал относиться к ней как к дру-

гу, не решаясь на большее. Впрочем, это не мешало ему время от времени бросать на нее голодные взгляды. Кейт усмехнулся, Мойра понимающе усмехнулась в ответ, и он рассказал ей про статью. Она снова засмеялась, отвела со лба челку и помахала рукой, прощаясь.

Кейт дождался, пока она уйдет, и вернулся за письменный стол. Бросив скучающий взгляд на календарь, он, вздрогнув, сообразил, что обещал Майку Бопачеку рассказать в понедельник четвертому классу о своей книге, которую они читают, — об астрономии и НАСА. «Боже,— подумал Кейт,— язык мой — враг мой!»

Когда урок закончился, он признался себе, что все прошло не так уж плохо. Дети прочитали книгу и задавали неглупые вопросы. Поспорить пришлось только по одному поводу — отказу Кейта верить в летающие тарелки; дети — целых два класса, набившиеся в один кабинет,— слишком много смотрели телевизор и, конечно же, разбирались в этом лучше.

Но за пять минут до конца разговора в кабинете внезапно наступила тишина. Кейт машинально повернулся к двери и с трудом удержался от того, чтобы изумленно не открыть рот.

На пороге стояла миссис Герман. Почти шесть футов ростом, довольно грузная, в бесформенном ситцевом платье, давно полинявшем. Волосы черные, тусклые; лицо с такими резкими и угловатыми чертами, что кажется изможденным. Она была обута в прочные коричневые башмаки на шнурках, и Кейт мог поклясться, что ее темные чулки заканчиваются сразу над коленом, а удерживает их еще более темная эластичная подвязка, от которой на ноге остаются красные полосы.

Кейт не выдержал, глянул на Филипа. Тот ухмыльнулся. На лице было написано: «А я говорил!»

Джейн Дизанза вежливо улыбнулась:

— Да, миссис Герман?

Пожилая женщина не шевельнулась. Уперев руки с сильно выпиравшими венами в бока, она смотрела на класс.

— Я обхожу кабинеты по просьбе мистера Бопачека. Прошу прощения, что помешала. Похоже, кто-то ковырялся в замке подвала.— Взгляд ее был суровым и обвинял без суда и следствия.— Это запрещено.

Дети ничего не сказали; Джейн ничего не сказала; Кейт беззвучно присвистнул и уставился в пол.

— Запрещено, — повторила она, кивнула и вышла.

Дети разом заговорили, но тут же смолкли, повинуясь резкому окрику Джейн. В оконное стекло с жужжанием билась пчела. Зашелестели учебники, но тут наконец прозвенел звонок, и школьники окружили Кейта. Он, улыбаясь, пожал несколько рук и, когда последний ученик вышел, со стоном выпрямился.

Джейн обмякла на учительском стуле, бездумно покручивая темные прядки волос.

— Стерва, — сказала она. — Герман работает здесь так давно, что решила, будто школа принадлежит ей. Черт, Кейт, да никому и в голову не придет тащиться в этот дурацкий подвал! Ради всего святого!

Ему хотелось встать у нее за спиной, помассировать ей плечи, вернуть назад те дни, когда они вместе смеялись, не чувствуя никакой натянутости. Но хуже всего было то, что он отлично понимал, почему их отношения завершились. Три женитьбы, по четыре года каждая. Джейн имела полное право скептически усмехаться, когда он говорил, что «на этот раз все по-другому, не похоже на те, предыдущие». Она совершенно справедливо замечала, что он уже дважды говорил это (и вполне искренне), а в тридцать два года (и в его сорок) четырехлетний контракт никак не походит на обещание райского блаженства и гарантий счастливого будущего.

Кейт сунул руки в карманы и прислонился к доске.

— Она и впрямь выглядит достаточно странно, поневоле поверишь, что она была здесь всегда. Кстати, твой племянник считает, что она вампир.

— Это наверняка Филип. Питер лучше владеет уличным языком. — Она порылась в бумагах и спросила: — Как ты?

— Держусь, — негромко ответил он.

Джейн взяла карандаш и сильно постучала им по своему блокноту.

— Карл думает, что нам нужно как-нибудь собраться вместе. Двойное свидание или что-нибудь в этом роде.

Кейт кивнул. Похоронный звон. Завершающий удар.

— Конечно. Почему бы и нет?

Она потянулась за сумочкой, лежавшей в нижнем ящике стола.

— Предполагается, что я угощу тебя ланчем.

— Превосходно, — сказал он. — Никогда не жалуюсь на дармовую кормежку.

Кафетерий находился в середине главного коридора — белые деревянные стены, зеленая скользкая плитка на полу. Они встали в конец негромко болтающей очереди. Ученики хихикали и сплетничали, преподаватели изображали бесконечное терпение. Кейт вел себя стоически, машинально улыбался и гадал, почему он не безутешен, а всего лишь разочарован. Но прежде чем он успел углубиться в эти мысли, к нему подошел седой, согнутый годами мужчина в сером рабочем комбинезоне, с метлой в руках, и потянул его за пиджак:

— Парень, огонька не найдется?

— Ты пьян? — спросил Кейт.

Джейн резко обернулась, поджала губы и повернулась к ним спиной.

— Во рту не было ни капли, парень. С тех самых пор, как Герман нашла мой виски и взглядом заставила его скиснуть.

Кейт расхохотался и ткнул кулаком в костлявое плечо Стэна Линкхольма. Школьному смотрителю оставалось три недели до пенсии, и он мечтал провести остаток жизни дома, любуясь на грязь и беспорядок. Они познакомились в «Оленьей голове», единственном баре у шоссе, куда можно было дойти пешком и где тебя не пичкали музыкой кантри шесть вечеров из семи. Именно там Кейт и услышал все эти рассказы о темнолунии и об одичавших среди холмов собаках, которых туристы забывали тут летом.

— Так ты поможешь мне заработать рак или как?

Кейт вытащил спички. Линкхольм кивнул в знак благодарности, окинул кафетерий взглядом, презрительно фыркнул и вышел, бурча что-то себе под нос, — спина согнута, голова опущена, этакий обманчиво-хрупкий мужчина, выискивающий малейший намек на пыль.

— Он тебе нравится? — невинным голосом спросила Джейн.

Очередь наконец-то сдвинулась с места.

Кейт пожал плечами:

— Он рассказывает отличные анекдоты, время от времени угощает меня стаканчиком-другим и говорит то, что думает.

— Ах да, — усмехнулась Джейн, — он упомянул о своей стычке с милейшей миссис Герман.

«Стычка», — подумал Кейт, вряд ли подходящее слово для того, что больше похоже на полномасштабные военные действия. Стэн требовал, чтобы ему разрешили заходить в подвал, дабы проверять, удерживает ли еще фундамент здание; учительница же математики утверждала, что его утварь и бойлер находятся совсем в другом месте и ничто из документов, хранящихся глубоко под увенчанным шпилем главным зданием, не может представлять ни малейшего интереса для человека, который бреется не чаще двух раз в месяц.

Стэн твердо решил разорвать этот замкнутый круг, до того как выйдет на пенсию.

Следующие двадцать минут Джейн старательно уклонялась от вопросов Кейта про ее жизнь с Карлом Эндрюсом. В конце концов, когда Кейт понял, что начинает чрезмерно жалеть себя, он извинился, легко чмокнул ее в щеку и вышел на свежий воздух, чтобы немного успокоиться. Он стоял перед школой, прямо под шпилем, когда-то украшенным колоколом, а сразу перед ним начинался небольшой подъем, ведущий к шоссе; позади резко спускался крутой откос, а сразу за рядом толстоствольных вязов начинался жилой комплекс. Дома на пологих холмах старой фермы словно то опускались, то поднимались, а за ними под полуденным солнцем темнел густой лес.

Кейт прикурил и оглянулся на школу. Своего рода диковина, подумал он. Изначально в ней была всего одна комната, потом их пристраивали то с одной стороны, то с другой, модернизировали, школа раздувалась и расширялась вокруг центрального здания; обрамленное с двух сторон ивами, оно теперь походило на карликовую церковь Новой Англии. Кейту не нравилась школа. Безобидная, выкрашенная в белый цвет, полная детей, — но она ему не нравилась. Она выглядит так, думал он, словно строители знали что-то неизвестное всем остальным и пытались скрыть это, но скрыли плохо.

Он отбросил сигарету, не докурив. Кейт злился на то, что у него испортилось настроение, и равно винил в этом и себя, и Джейн. Он шел медленно, надеясь, что мозги хоть

немного прояснятся, и, к тому времени как добрался до дому, уже был готов улыбнуться.

И улыбнулся, увидев дожидавшегося его Питера.

Вход в его квартиру находился сразу под сланцевой крышей. Дверь направо вела к соседям, дверь налево — к нему. Питер стоял на бетонном крыльце. Рыжие волосы растрепались, под глазами залегли тени.

— Привет, дядя Кейт. — Сказано неловко, отрывисто.

Кейт прислонился к дверному косяку.

— Сегодня ты прогулял школу, мальчик мой. Твоя мама знает, что ты уже дома?

Питер помотал головой и хмуро глянул на здание через дорогу:

— Миссис Герман хочет меня исключить.

— Что? Глупость какая, ты же только в пятом классе!

Мальчик едва заметно ухмыльнулся:

— Ну... я подложил ей на стул кнопку.

Кейт не удержался и захохотал. Неоригинально, глупо и унизительно для учителя, но он смеялся, обняв мальчика за плечи — здесь, в тени, прохладные, почти замерзшие.

— Просто поверить не могу! Господи, только не говори своей маме, что я это одобряю.

— Она меня убьет.

— Хочешь, чтобы я с ней поговорил?

Питер тут же отпрянул, радостно просияв:

— Правда? Поговорите?

— Конечно. Почему бы и нет? Но сначала ты сам должен ей сказать, а потом я приду и поговорю.

— Но мы идем обедать к бабушке.

— Вы все время ходите обедать к бабушке. Наверное, она чертовски хорошая стряпуха. Нет. Сначала рассказываешь ты, потом разговариваю я, или договор расторгается. — Кейт помолчал. — Высоко она подскочила?

— Это самое дурацкое. Она вообще ничего не почувствовала. Ей Элси Френкс наябедничала.

Питер ушел раньше, чем Кейт сумел сказать что-нибудь еще. «Отлично, — подумал он, — кажется, меня только что обвели вокруг пальца». Кейт пожал плечами, протянул руку к дверной ручке и замер, увидев около замка глубокие царапины.

Он оглянулся, поискал глазами Питера, потом легонько толкнул дверь носком ботинка. Она медленно отворилась. Сразу направо была лестница, устланная тускло-золотистой ковровой дорожкой, которая отчаянно нуждалась в том, чтобы ее пропылесосили. Кейт прислушался, ничего не услышал и осторожно пошел вверх по ступенькам, не отрывая взгляда от тусклого света, не дававшего толком рассмотреть комнату наверху. Руки словно одеревенели, дышалось с трудом, и почему-то знобило. Кейт быстро поморгал, сглотнул и сказал себе, что нужно спуститься и вызвать от Мойры копов. Насколько он понимал, грабители, вандалы, убийцы все еще наверху, прячутся за креслом, в спальне, в кухне, за пластиковой занавеской в душе. Насколько он понимал, из квартиры вынесли все подчистую, и у него не осталось ничего, кроме того, что сейчас на нем.

Кейт дошел до самого верха и остановился.

Комната была двадцати пяти футов от двери до балкона и двадцати футов шириной. В ней было темно, занавески опущены, а все остальные двери затворены. Намного темнее, чем должно быть в майский день. И холоднее. Намного холоднее. Дыхание из пересохших губ вырывалось паром. Кейт передернулся, напряг левую руку и потянулся к выключателю. Щелкнул и подождал, но свет не включился.

Пробки, подумал он, пробки перегорели.

Глаза уже привыкли к темноте, и Кейт не увидел никаких разрушений. Все книги стояли на полках, стол не тронут, рукопись у пищущей машинки так и валяется в беспорядке.

Но холод никуда не исчез, и Кейт обхватил себя руками.

«Уходи, — подумал он, — уходи и оставь меня в покое». Но не мог понять, к кому обращается — к себе или к тому, кто вломился в его дом.

Кейт сделал шаг назад, и холод начал отступать.

Свет зажегся.

Кейт снова посмотрел в комнату и увидел, что шторы никто не опускал, а на ковер струится солнечный свет.

Он резко сел, уперся руками в колени и уставился на открытую дверь внизу. Кейт знал, что должно быть объяснение всему случившемуся. Он устал. Он переработал. Он расстроился из-за того, что потерял еще одну женщину. Вполне

естественно, что мозг перегружен и наказывает его за плохое обращение. Преподает ему урок.

Это были вполне логичные рассуждения, и Кейт себя почти убедил, просидев на лестнице чуть не до заката. Потом встал, спустился вниз, закрыл дверь и обнаружил, что никаких царапин на ней нет.

Он быстро пошел прочь. Подальше от квартиры, вверх по холму к шоссе. Руки у него дрожали, и он сунул их в карманы, переходя на другую сторону улицы, где белые шары фонарей, реагируя на сумерки, уже заполняли жилой комплекс мягким светом. Под весенним небом тянулась гряда невысоких холмов; их неровные края с западной стороны переливались всеми оттенками — от серого до сверкающего розового. И пока Кейт шел по обочине, проходившие мимо автобусы и машины поднимали клубы пыли, отчего ему приходилось щуриться. Сумерки сгущались, и, когда фары исчезали из виду, казалось, что на их месте остаются черные пятна.

У Фрезьеров — в семейной закусочной, объединенной с бакалейной лавкой, — он съел безвкусный сэндвич, выпил четыре чашки кофе и, купив блок сигарет, засунул их под мышку. Перекусив и приятно пообщавшись у Фрезьеров, Кейт почувствовал себя лучше, но только вышел из закусочной, как вспомнил о своем обещании Питеру.

— Просто здорово, — пробормотал он и торопливо зашагал вперед.

В воздухе пахло дождем, поднимался ветер, шины мокро шелестели по асфальту. Чувство вины подгоняло, и Кейт уже перешел на легкий бег, но вдруг услышал, как взвыла и резко замолчала сирена, и остановился. Прикрывая лицо от ветра, он посмотрел в сторону школы. На подъездной дорожке стояли патрульная машина с крутящимися синими огоньками и фургон службы спасения с открытыми задними дверками, в который как раз задвигали покрытые белым носилки. Кейт посмотрел по сторонам, вихрем пересек шоссе и остановился у подножия поросшего травой откоса. Ему навстречу шел Карл Эндрюс.

— Карл, — сказал Кейт как можно нейтральнее, не отрывая глаз от фургона.

— Как дела, Кейт?

Карл был высоким, мускулистым и темноволосым. Его левая рука лежала на деревянной рукоятке револьвера, а в правой он держал планшетку с записями.

— Могли быть и лучше, я полагаю. Похоже, у вас неприятности?

— Мы с ними справимся.

— Да. Кто-нибудь, кого я знаю? Господи, только не еще один ребенок!

Эндрюс не шелохнулся.

— Мертв?

— Да. Мертв. — Эндрюс облизал губы. — Еще как мертв. Это Стэн Линкхольм.

— Ох... Боже мой! — Кейт посмотрел назад, на шоссе, и медленно покачал головой. — Сердечный приступ или что-то вроде этого?

— Что-то вроде этого.

Кейт почувствовал легкое раздражение:

— Карл, слушай. Если хочешь сказать — говори. В смысле я был с ним знаком и хотел бы знать, что случилось. Но если не хочешь говорить — не надо. Я пойду работать.

Карл отвернулся.

Следующие два дня Кейт провел, заканчивая статью. Дверь он запер, телефон отключил. Никто его не беспокоил. Почту не приносили. Он работал, пока пальцы не сводило судорогой, перекусывал и снова работал. Спал он плохо — ему снились сны и не оставляло воспоминание о холоде, который охватил его после разговора с Питером. О холоде, который вынуждал его укрываться двумя одеялами.

В четверг утром в щель для почты просунули газету. Кейт торопливо сбежал вниз, схватил ее, сел на нижнюю ступеньку и раскрыл газету на первой странице. Короткая заметка о Стэне — остановка сердца; годы работы в школе; слова соболезнования от Боначека. Нерезкая фотография. На третьей странице заметка о супружеской паре из Нью-Йорка, в понедельник исчезнувшей из палаточного лагеря на холмах. Редакция требует решительных действий: бо́кругу, чтобы выжить, необходим туризм.

Была весна, и все шло как обычно. Кейт швырнул газету в угол, не поверив ни единому слову.

Сердце у Стэна было таким же крепким, как его метла, а если Дэнни Рамеро умер «в результате воздействия внешних причин», Кейт готов выкинуть свою пищущую машинку и пойти рыть канавы.

Но убедили его не все эти истории, а воспоминание о холоде, об исчезнувших царапинах на замке и то, как сжимались дети, когда мимо проходила миссис Герман.

Он понимал, что это глупо. Он понимал, что пытается вырвать себя из депрессии, вызванной расставанием с Джейн, и цепляется за любые соломинки, принесенные к нему ветром. Миссис Герман, конечно, человек эксцентричный, но не более странная, чем учителя его детства; а люди, не знающие, что такое холмы, всегда исчезали: уезжали домой, никого не предупредив.

Но холод... был еще холод.

Одевшись, Кейт поехал в больницу, находившуюся в восьми милях, но ему не разрешили посмотреть медицинские архивы. Полицейские разговаривали уклончиво, Эндрюс его избегал, а из беседы с Питером после школы он извлек только рассказы о Джеке-потрошителе и Годзилле и «все знают, что это сделала миссис Герман, поэтому давайте просто возьмем колья и подстережем ее у подвала».

Кейт так сильно ударил по своей машинке, что костяшки пальцев обожгло, словно огнем. Черт побери, тут бродит убийца, а никому и дела нет!

Он целый час собирался с духом, а потом схватил ветровку, выскочил из дому и встал под одним из вязов, охранявших шоссе, в ста ярдах от школы. Кейт смотрел, как в классах гаснет свет, как ученики парами и по одному исчезают в слишком быстро наступающем вечере.

Пять сигарет. Мимо проезжали патрульные машины, притормаживали, узнавали его и ехали дальше. Снова поднялся ветер, небо затянуло облаками, и звезды умерли, не загоревшись.

Кейт попытался усмехнуться. Глупость, вот что это такое. Он это понимал и принимал. Паника, сны, сочетание разной ерунды, ведущей к еще большей ерунде. Причем это действовало — Кейт вдруг сообразил (не испытывая при этом никакой вины), что уже больше трех дней не вспоминает про Джейн. Тем не менее вот он стоит здесь, изображая

из себя этакого деревенского Хамфри Богарта и чувствуя неприятное покалывание в затылке, которое, сколько ни чеши, никак не проходит.

За несколько минут до семи он попятился за дерево. Миссис Герман, высочившая даже на таком расстоянии, медленно вышла из-за угла школы, придерживая у горла темно-синюю шаль. Похоже, она проверяла окна, парадную дверь, высматривала в траве потерянные учениками вещи, потом исчезла, снова появилась, сжимая в руке сумочку, и быстро пошла через игровую площадку и дальше, в сторону леса.

«Идиотизм, — думал Кейт, перебегая шоссе. — Идиотизм», — повторил он, срезав путь между качелями и обнаружив узкую тропинку между двумя березами.

Свет исчез. Сумерки быстро перешли в полную темноту, когда над его головой сомкнулись кроны деревьев. Шаги звучали глухо, но ветки хлестали Кейта по лицу и цеплялись за брюки, и ему приходилось задерживать дыхание и то и дело вытирать пот со лба. Шум, доносившийся с дороги, затих. Тепло дня превратилось в клочки сырого тумана, запутавшегося среди ветвей, прильнувшего к земле, заполнявшего легкие. Кейт хватал ртом воздух, оттягивал воротник рубашки, ремень. Носки промокли. Посмотрев в прогал между листьями, он увидел темную луну и сердито обругал себя.

Десять минут. «Интересно, — думал Кейт, — прошел ли я уже то место, где нашли Дэнни? И где нашли Стэна».

Еще десять минут, и он остановился. Прислушался. Наверху колыхались тени, ветер шептался с листвой вяза, что-то маленькое пробежало справа, что-то большое неуклюже проковыляло слева.

Кейт тронулся с места, не очень понимая, куда идти, и сознавая собственный идиотизм, прикрытый мрачным сожалением.

И когда он окончательно утратил представление о времени и ничего не мог разглядеть на часах, деревья внезапно поредели, кустарник исчез, и Кейт обнаружил, что смотрит на несколько обшитых досками домов. За ними тянулась улица. Заборы вокруг двориков. Челюсть его отвисла; Кейт выругался и закрыл рот. Вытер рукавом лицо и увидел, как в домике прямо перед ним зажегся свет в кухне. Миссис Герман стояла у окна, приблизив к глазам чайник и слегка потряхивая его.

Чайник. Чертов медный чайник!

— Иисусе, — прошептал Кейт. — Господи... черт! — Жестом послав эту улицу в преисподнюю, он повернулся и пошел прочь, проклиная себя за то, что почти поверил, будто она живет в гробу. — Идиот! — Единственное правильное слово. — Идиот!

А все потому, что слушал детские сказки.

Тут Кейт вздрогнул и замедлил шаг. Стало холодно. Май вдруг сменился декабрем, окутавшим его, заморозившим щеки и пронзившим грудь. Из носа потекло, уши заныли от холода, и прошло некоторое время, прежде чем он услышал, как по лесу что-то движется.

Оно было слева, глубоко в темноте. И насколько Кейт понимал, сам он шел по единственной существующей здесь тропинке. Он подавил кашель — господи, до чего холодно! — и торопливо зашагал вперед, нащупывая левой рукой ветки и отводя их от лица, а правой сжимая у горла воротник ветровки.

Оно держалось рядом, потом постепенно отстало и оказалось за спиной.

Кейт пытался вглядеться в темноту, но добился только того, что стволы деревьев начали изгибаться, кусты взбираться куда-то вверх, а листья тянулись к нему и пытались схватить. Он посмотрел вперед, пытаясь увидеть огни на шоссе. *Оно* тут же оказалось ближе; он не сомневался, что звуки приблизились. Он попробовал засвистеть, но во рту пересохло. Он попытался продекламировать какое-нибудь стихотворение, но вспомнил только первую строчку «Танатопсиса» Брайанта.

Холод все усиливался. Сухой, извечный, он потрескивал, кусал за ноги сквозь хлюпающие по земле ботинки.

Смертельный холод и чернота вокруг; холод вонзался ему в череп, как когти разъяренной кошки.

За спиной захрустели кусты; *оно*, чем бы оно ни было, продиралось между деревьями.

И, несмотря на то что Кейт знал, что не умрет, что он бессмертен, как и все остальные люди, что он всего лишь писатель, живущий сразу за невысоким холмом, чуть дальше старой школы, он побежал. Подскочил, словно услышав выстрел из стартового пистолета, и понесся вперед, больше не обращая внимания на ветки и сучья, перепрыгивая через то, что казалось ему корнями, огибая то, что считал камнями.

Он мчался, пока не добежал до игровой площадки, опершись на один из скошенных железных столбов (холодный! Какой он холодный!), на которых висели качели, и сполз на колени, не отрывая взгляда от фар автомобиля, быстро едущего с запада на восток.

Школа стояла темная. Белый цвет стал тенью. Небо — светящееся, но не совсем белое, не совсем серое, мерцающее, как грозовая туча, неуверенная в своей мощи, — поглощало огни жилого комплекса. Кейт дрожал и смотрел на него до тех пор, пока не услышал за спиной шаги. Тогда он оторвался от качелей и метнулся вперед, через заросшую травой площадку, соскользнул вниз по холму и, пошатываясь, как пьяный, добрел до своей двери. Ключи в его руке прыгали и звенели, а он осыпал их бранью; дверная ручка оказалась на удивление скользкой и липкой.

Один шаг внутрь, и тут кто-то ткнул его в спину.

— Только сделай так еще раз! — говорил он Карлу Эндрюсу, стоявшему на крыльце и хохочущему в голос. — Плевать, если из-за этого я потеряю десять лет жизни и сто фунтов веса, но я сломаю твою чертову шею!

Потребовалось пятнадцать минут, чтобы Кейт перестал дрожать и согрелся. К этому времени спиртное было налито, Эндрюс сидел в кресле с подголовником, а сам Кейт, расхаживая взад-вперед, громко-оборонительно и агрессивно-стыдливо рассказывал о том, куда ходил, хотя так и не сумел объяснить зачем.

— Пошел, да и все, — сказал он, наконец остановившись, и сел на пол. — В тот миг мне это показалось хорошей мыслью.

Рассказывать о темноте и о холоде он так и не стал.

— Верю, — отозвался Карл. — Такое впечатление, что эта старая грымза живет тут вечно. Нетрудно понять, почему ты решил, что она...

— Я не говорил, что она кого-то убила! — огрызнулся Кейт. — Я просто... Черт, да не знаю я! Просто пошел, и все.

Он уже соображал: утром первым делом нужно взять у Мойры машину, отвезти мальчишек к дому Герман, показать им, где она живет, и только потом свернуть им шеи.

Карл осушил свой бокал и поставил его на пол.

— Давай поговорим о Стэне.

— О чем говорить-то? Мы с ним несколько раз вместе выпивали, и в основном я выслушивал его военные байки, вот и все.

Похоже, Эндрюса это разочаровало.

— И он никогда не рассказывал о школе?

Кейт помотал головой, потом вспомнил:

— Ну, разве пару слов. Если день был неудачный, он жаловался на это, а больше ничего. — Он глянул вверх. — Господи, Карл, ты же не думаешь... — Он нервно засмеялся. — Да нет, конечно. Не думаю, что они до такой степени гадкие.

Эндрюс прищурился:

— Ты не видел Стэна. И ребенка того не видел.

— Так плохо?

— Еще хуже. Сперва я решил, что у нас появились дикие псы. Они были просто изодраны в клочки. Не целиком. А так... местами.

Кейт разглядывал свои руки.

— Может, бешеные? Тогда они не едят, даже если голодны. Ты мог бы...

— Мы уже. Прочесали это чертово место вдоль и поперек.

— Газеты об этом молчат.

— Газеты читают туристы.

Они помолчали. Кейт подергал себя за ухо.

— И что ты думаешь?

— Если б я знал, не сидел бы тут.

Они поговорили еще немного, но так ни к чему и не пришли. Потом Эндрюс поблагодарил за выпивку и ушел, оставив Кейта сидеть на полу. В конечном итоге тот пришел к выводу, что должен осмотреть еще и школьный подвал. Он не очень понимал зачем, но точно знал, что должен, иначе просто перестанет спать.

На следующее утро Кейт подошел к Боначеку, вооружившись наметками о статье, которую обдумывал по дороге. Директор вежливо отказал.

— Но там все архивы! — мягко возразил Кейт. — Я имею в виду, они просто бесценны.

— Я понимаю, — ответил директор, — но боюсь, что у меня связаны руки. Это собственность совета школы. Вам придется заполнить формуляр с просьбой. У них собрание через две недели.

Кейт пожал плечами и ушел. Некоторое время он стоял в коридоре, злясь на бюрократов, засевших даже в деревенских школах, потом осмотрелся, убедился, что за ним никто не подглядывает, и торопливо пошел обратно. Лестница вела вниз, к задним двойным дверям. Резкий поворот направо, и вот еще одна лестница, ведущая к двери из толстых досок, запертой на висячий замок и засов. И хотя Кейт не был специалистом, он, глянув, понял, что и засов, и замок используются довольно часто.

Кто-то, думал Кейт, откровенно врет, но когда он сказал об этом Джейн, встретив ее перед ланчем, она повернулась к нему, нахмурилась и посоветовала заниматься своими делами.

— Ты просто рехнулся, — говорила она, торопясь выйти из здания школы. Кейт трусил рядом. — Там, внизу, нет ничего, кроме пыли!

— Значит, никому и вреда не будет, — мягко сказал он, взяв ее за руку. — Ну давай, Джейн. Ты же знаешь, где Чеки хранит ключи. Навешай лапши на уши. Я буду ждать твоего звонка после уроков.

Кейт поцеловал ее в щеку раньше, чем она успела отшатнуться, почти бегом отправился домой и едва не столкнулся с Мойрой, стоявшей у двери. Блузка ее была расстегнута до середины груди, солнечных очков на носу нет, джинсы такие обтягивающие, что невольно вводят в соблазн. Мойра, мужа которой он не видел больше двух лет. Тень за окном, всегда прикрытая дверь. Когда бы Кейта ни приглашали к ним на ланч или обед, муж был в отъезде. Кроме того, Кейт всегда немного удивлялся, почему мальчики называют его дядей.

«Мойра. Джейн. Да ты распутник, братец», — подумал Кейт, толкнув дверь, но не входя в дом.

— Что, опять дети? — спросил он.

Мойра покачала головой:

— Джейн. Я за нее беспокоюсь.

— Серьезно?

К его руке прикоснулся палец, прохладный и требовательный. Стоять рядом с Мойрой — все равно что полеживать в тенечке, и Кейту не потребовалось много времени, чтобы решить, что ее муж — болван, а болваны заслуживают, чтобы их водили за нос.

— Ты с ней сегодня виделся?

— Ты умеешь хранить секреты?

И прежде чем Мойра успела ответить, Кейт уже выложил ей все про ключи, миссис Герман и пережитый им страх. Когда он замолчал, Мойра покачала головой и многозначительно посмотрела на лестницу.

— Ты чокнутый, — произнесла она. — Ничего удивительного, что мальчишки тебя любят.

Не «ты им нравишься», а «любят».

Он сглотнул.

— Я... — Кейт положил ей руку на плечо. — У меня полно работы, Мойра.

— Все нормально, — жизнерадостно произнесла она. — Я просто хотела пригласить тебя на обед.

— Договорились. А после него я расскажу тебе о моих приключениях.

Внезапно Мойра прижалась к нему и легко поцеловала в подбородок.

— Джейн много потеряла, — шепнула она и убежала.

Кейт не знал, сколько времени он простоял, уставившись ей вслед, — просто вдруг обнаружил рядом ухмыляющихся Питера и Филипа.

— Он греческий бог, — серьезно сообщил Питер брату.

— Не-а. Он один из этих динозавров, которых мы видели в городе. Такие, набитые всякой ерундой.

Кейт пришел в себя и шутливо нахмурился:

— Катитесь отсюда, бесстыдники, а не то я оставлю вас без обеда.

— А нам все равно, — ответил Питер. — Мы идем к бабушке.

Кейт уже хотел возразить, но тут зазвонил телефон. Он помахал мальчикам, взбежал по лестнице и схватил трубку на пятом звонке. Карл требовательно спросил, куда, черт побери, подевалась Джейн. Кейт рассказал ему все, что знал, то есть совсем немного, а Карл пожаловался, что она не ответила ни на одно из его сообщений. Посетовал еще немного и повесил трубку.

«И кто же я по-твоему, — кисло подумал Кейт, — неужели сторож твоей девушке?»

Но звонок его встревожил. Совсем не в духе Джейн не отвечать на сообщения; кроме того, вспомнил он, уже наце-

лившись пальцем на наборный диск, она не любит личные звонки в школу.

Кейт опустился в кресло и уставился на телефон, надеясь, что он зазвонит. Он ждал, сразу в кресле, один раз встал, чтобы взять пива, и вернулся обратно бегом.

В шесть позвонила Мойра. Кейт сказал, что опоздает.

Дважды он сам звонил в школу, но там никто не отвечал.

В семь перезвонил Карл, встревоженный и злой, и предупредил, чтобы Кейт больше никуда сам не совался, скаут недоделанный.

Семь тридцать. Он поднялся. Постоял в нерешительности. Глянул на небо, достал плащ из шкафа, фонарик из ящика письменного стола, шепотом извинился перед Мойрой и выбежал из дому.

Он мог думать только о миссис Герман и о том холоде.

Воздух был необычного оттенка — тусклого серо-зеленого. Листья поворачивались брюшком вверх к пряному влажному ветру. Погромыхивал гром. Машин вообще не было видно.

К тому времени как Кейт добрался до школы, он уже тяжело дышал, проклиная лежавшие в кармане сигареты. Небо быстро затягивалось тучами; шпиль, на котором некогда красовался колокол, словно грозил опрокинуться. Кейт подошел к парадной двери, огляделся по сторонам, взлетел по шести ступенькам, перескакивая сразу через две, и сильно дернул за ручку. Дверь задребезжала, но не открылась. Он дернул еще раз, пытаясь справиться с охватившей его паникой, спрыгнул с крыльца и быстро зашел за угол здания. Все тени сильно вытянулись, глаза сами собой закрывались, а подоконники оказались слишком высокими — Кейт не мог разглядеть, отперты ли окна.

Он вытащил фонарик из кармана плаща и нетерпеливо постучал им по ладони.

Совсем стемнело.

Сверкнула молния.

Кейт досадливо опустил плечи и повернулся спиной к ветру. Должно быть, Джейн передумала, решил он, и все-таки пошла к Карлу. Или захотела прокатиться на машине. Или пошла через лес к миссис Герман на чашку ее чертова чая.

Хлестнул сильный порыв ветра. Кейт пригнулся и замер, увидев, как на игровой площадке мелькнуло что-то сине-белое.

Горки. Качели. Песочница. Железная лошадка.

Задержав дыхание, он медленно зашагал по мокрой утоптанной траве.

Качели.

С одной стороны в них была люлька с дощатым полом и двумя сиденьями напротив друг друга. Джейн сидела спиной к школе, опустив свои длинные ноги так, что ступни касались земли. Кейт не окликнул ее и не побежал. Он смутно услышал, как ветром распахнуло заднюю дверь, смутно ощутил, что дождь барабанит по плечам.

Опять сине-белое, и теперь он, не прищуриваясь, разглядел, что в ее волосах блестит что-то красное.

Кейт остановился прямо у нее за спиной, протянул руку... и отдернул ее, словно обжегшись. По спинке сиденья стекала кровь и черной лужей собиралась на земле. Он сглотнул. Прошептал ее имя. Шагнул, обходя качели сбоку, и рухнул на колени.

Ее лицо! Оно исчезло.

Хлынул дождь, сверкнула молния, а над грозой висела темная луна. Кейт запрокинул голову и пронзительно закричал вместе с громом. С трудом поднявшись на ноги, он побрел к школе. Дверь. Он помнил эту дверь, но теперь там, за потоком ледяной воды, она стояла распахнутая и ждала его. Не было времени подумать, не было времени на разработку великих проектов; Кейт, спотыкаясь, перевалился через порог и пошел по лестнице в подвал. Потом глянул на руки. Фонарик исчез. Он похлопал по карманам и наткнулся на смятый коробок спичек.

Снова пронзительно сверкнула молния, и Кейт увидел собственную тень, скользнувшую через порог открытой двери в подвал. Дверь туда была распахнута настежь.

И тогда он быстро побежал вниз. Спустившись на четыре ступеньки, вытащил спичку, чиркнул о поручень — неприятный звук заставил его поморщиться. Зашипела, загораясь, сера, вспыхнула, разогнала тьму, но заставила его прищуриться. Здесь ничего не было. Не слышно дыхания. Никаких шагов. Не скрипят прогнившие половицы, не свистит штормовой ветер, ворвавшийся внутрь вслед за ним; только колышется причудливый сине-желтый огонек над его сжатыми пальцами.

Он немного подождал и отошел в сторону от лестницы.

Подвал походил на большую, тревожаще безмолвную пещеру и занимал все пространство под центральным зданием школы. Слева, вдоль стены из грубого камня, пятнистой от сырости, громоздились ряды ящиков. Казалось, они рассыплются в прах от одного прикосновения. Справа — то же самое. По всему неровному полу подвала тянулись проходы между покоробленными стеллажами, которые стояли на крошащихся кирпичах, — четыре ряда, а на них коробки, заплесневелые книги, бумаги, стянутые леской или полинявшей пряжей; все погрызено крысами, порвано, засыпано пометом.

Прогнувшийся каменный потолок на низко висящих балках, и никаких окон. Только безмолвие и холод, как в склепе.

Кейт зашипел от боли, когда пламя лизнуло его пальцы, уронил спичку и тщательно затушил ее подошвой. Тут же зажег еще одну и пожалел, что обронил фонарик. Но Джейн... Джейн... Он почувствовал, как к горлу подступает тошнота, и начал быстро и сильно сглатывать.

Закружилась голова. Кейт вошел в центральный проход и задрожал от холода, вызванного отнюдь не грозой. Тени колыхались, ветер шелестел, на плечи черной тяжестью давил вес всего школьного здания. Он побрел вперед, проклиная детей и все их дурацкие байки про вампиров, проклиная путешественников и темнолуние.

В конце прохода он остановился и стал ждать.

Кейт знал, что он здесь не один.

И он знал, кто здесь с ним.

За спиной, на потолке, зажглась голая лампочка, и на покрытых влагой каменных блоках появилась темная тень Кейта. Сам он не шелохнулся. Он не хотел, чтобы присутствующее здесь существо испытало удовольствие от его страха. Поэтому он медленно — так медленно, что хотелось закричать, — сунул руки в карманы и сжал кулаки.

«Вспомни тот случай, давным-давно: отец привез тебя в сумерках на озеро и вы вдвоем ждали, когда летучие мыши покинут свои пещеры в поисках пищи. А сейчас помолчи, — сказал он. — Теперь тихо, ведь ты не хочешь, чтобы он тебя услышал?»

А сейчас помолчи.

Не дай ему услышать тебя.

Кейт обернулся к лестнице и фигуре, ждущей у перил. Посмотрел вверх, на потолок:

— Кто-нибудь... догадался?

— Дэнни, — отозвался голос. Гром и мертвенная тишина сделали голос лишенным пола. — Стэн сунул свой длинный нос. И несколько других.

— А те люди из Нью-Йорка?

— Видишь ли, время от времени меня мучит голод. Я ничего не могу с этим поделать.

— Я не верю.

— Не веришь, что я могу проголодаться, или не веришь в то, что я такое?

— Я не верю в вампиров, что бы там ни говорили дети.

В темноте послышался смешок.

— Для них любое чудовище — вампир. Наверняка ты можешь их за это простить.

«Я боюсь, — думал Кейт. — Я боюсь, но убежать не могу». Впрочем, он понимал, что его держит здесь не страх; все хуже, гораздо хуже — он хотел знать. Скорее всего, это приведет его к гибели — но он хотел знать.

— Ты оборотень, — произнес Кейт. — Или вурдалак?

Пауза, словно *оно* колеблется. Кейт на мгновение закрыл глаза и беззвучно пробурчал что-то, изо всех сил борясь с выворачивающим внутренности страхом.

Тут снова послышался голос, а за ним накатил холод.

— Мне слишком много лет, чтобы точно вспомнить, как это началось. Это просто началось. Сначала все было нормально, а потом... — Невидимое пожатие плечами. — А здешняя жизнь все предельно упростила. Здесь и в других местах, подобных этому, — по всей стране. Когда тебя начинают подозревать, ты переезжаешь, прежде чем тебя успеют уничтожить. Кусочек тут, — *оно* хихикнуло, — кусочек там. Все складывается вместе, Кейт. Все согласуется.

— Дрянь! Зачем было убивать Джейн?

Снаружи был холод, но внутри пылала ярость, разогревая кровь. Голова у него кружилась, глаза сощурились.

— В этом не было необходимости, ты же знаешь, Мойра. Почему не сохранить ей жизнь? Хотя, конечно, вы знакомы так давно, что она уже могла начать что-то подозревать. Должно быть, уже гадала, что за чудо-средства ты принимаешь.

Что-то зарокотало, зарычало, но мгновенно затихло. Фигура шевельнулась, и Кейт приставил к глазам ладонь ко-

зырьком, повел взглядом по сторонам, словно пытаясь рассмотреть ее, пытаясь найти что-нибудь, что можно швырнуть в нее и убежать. Она не будет его преследовать; она не сможет. Она понимает, что он позовет Карла, — тот скоро должен прийти сюда в поисках своей возлюбленной. Все, что требуется, — это продолжать с ней разговаривать, пробираясь к лестнице. Дверь оставалась открытой, и Кейт слышал, как барабанит по лестничной площадке дождь.

— А как же ты сумела завести детей? — спросил он, дюйм за дюймом продвигаясь спиной вперед по проходу.

— Каких детей? — спросил голос.

Кейт замер, потому что она вышла прямо под лампу.

Лицо ее было бледным, как луна, губы темными и блестящими. Она улыбнулась, и Кейт увидел, что с ее зубов тянется слюна.

Холод. Теперь он чувствовал этот холод, слышал, как шуршат, сминаясь, пожелтевшие бумаги, слышал, как потрескивают, изгибаясь, ящики из-под апельсинов.

Холод в его квартире.

Он прижал ладонь ко лбу, пытаясь думать. Очень важно, чтобы сознание продолжало работать, а не отказало при виде ее улыбки.

Холод. Возможно, сигнал, предвещающий, что она голодна. И чем дольше она не может утолить голод, тем холоднее становится вокруг.

Мойра приложила длинный палец к подбородку.

— Дети, — протянула она, словно эта мысль ее забавляла. — Нет, Кейт, мы просто одна маленькая семья. Родственные сущности, если хочешь. Не важно, откуда мы; мы просто пришли, вот и все. Встретились там, в холмах, и решили, что будем держаться вместе. Сила в количестве, любовь моя.

Он услышал, как за спиной тихонько передвигаются мальчики.

Дэнни, Стэн, Джейн. *Сегодня мы идем обедать к бабушке.*

И тогда Кейт рванулся вперед. Все, во что он верил, все то безумие, с которым столкнулся, все это прорвалось сквозь напускное спокойствие и заставило его броситься к дверям. Мойра взревела, когда он оттолкнул ее в сторону, вцепилась ему в руку, а когда он был на полпути к заветной двери, мальчики повисли у него на ногах. Он отчаянно лягался,

неистово махал кулаками, но поскользнулся, упал и, ударившись головой о нижнюю ступеньку, затих.

— Нет, — прошептал Кейт. — Нет, Мойра, пожалуйста.

Филип уселся ему на живот, Питер — на бедра. Мойра маячила за ними; свет, лившийся с потолка, окрасил ее лицо черным, а волосы сделал призрачно-белыми.

— Ты не знаешь, что это такое, — произнесла она, протянув руку и холодными пальцами погладив его подбородок. — Когда приходится сочинять фальшивого мужа. Мужчину, которого никогда нет дома. Когда приходится привечать каждого чертова похотливого ублюдка, который подходит к твоим дверям, а ты даже не голодна.

Его сознание растворялось, пройдя путь от скулежа до почти полного оцепенения; остались только холод и звук ее голоса.

— Мне надоело, — устало произнесла она. — Мне очень, очень надоело.

«Управляли, — подумал Кейт, — все это время мною ловко управляли».

Он сглотнул. Он даже всхлипнул.

— Эй, не бойся! — воскликнул Питер. Такой старый. Такой древний.

Мойра кивнула:

— Ты не умрешь, любимый. Во всяком случае надолго.

Он закрыл глаза, потом снова широко открыл и уставился на нее.

— Да, дорогой, Джейн — это наша еда. Малышка Джейн — наша еда. Мы привели тебя сюда, вниз, потому что я устала от вранья. Кроме того, мальчикам нужен отец, которым они смогут гордиться.

Питер быстро закивал. Его напряженные глаза ярко сверкали.

— Совсем немного боли, — прошептала Мойра, словно неживой ветер прошелестел по бархату. — Не волнуйся, совсем немного боли и чуть-чуть смерти. Потом я произнесу слова — заклинание, — и ты у нас будешь как новенький.

Питер наклонился ниже, обдав его ледяным зловонным дыханием:

— И тогда я смогу назвать тебя папочкой. Дружище, разве это не здорово?

БЭЗИЛ КОППЕР

Серый Дом

Бэзила Коппера называют «одним из последних великих традиционалистов в английской литературе» и «ведущим поставщиком ужасов в Великобритании». Недавно вышел его роман в жанре хоррор, «Черная смерть» («The Black Death»). Издательство «Fedogan & Bremer» выпустило ограниченным тиражом сборник стилизаций Коппера под рассказы о Шерлоке Холмсе, «Приключения Солара Понса» («The Exploits of Solar Pons»), к которому прилагалась курительная трубка. Выход книги был приурочен к появлению Коппера в качестве почетного гостя на конференции Всемирного конвента фэнтези в 1993 году.

Наиболее известная из последних новелл Коппера, «Я хочу быть с тобой» («Wish You Were Here»), вышла в антологии «Horror for Christmas» («Ужасы на Рождество») под редакцией Ричарда Далби. Коппер писал вводные статьи для репринтных изданий романов ассоциации детективных писателей «Черный кинжал». Недавно Норвежская радиовещательная компания передавала звучавшую ранее на BBC радиопьесу «Приглашение в склеп» («Invitation to the Vaults»), основанную на рассказе Коппера «Расплата Альбано Низара» («The Recompensing of Albano Pizar»). Его «крутые» триллеры, главным героем которых является Майк Фарадей, успешно продаются в Австралии; недавно произведения Коппера впервые были переведены на финский язык.

Как рассказывает автор, замысел рассказа «Серый Дом» «зародился во Франции, в старом доме, который моя теща купила, когда он уже почти превратился в руины. В доме была терраса, выходившая на романтический заброшенный парк, принадлежавший большому соседнему особняку; мимо сельских домиков бежит река Арманкон. Само здание с массивными балками и стенами толщиной два фута датируется пятнадцатым веком, сейчас оно отреставрировано и представляет собой комфортабельное жилище с современными удобствами».

«Серый Дом» можно рассматривать как мрачный вариант недавнего бестселлера «Год в Провансе»[1] *(«A Year in Provence»).*

I

Серый Дом, как его здесь называли, показался Анжеле заброшенным и мрачным, несмотря на яркий солнечный день. Здесь никто не жил; последние обитатели, судя по всему, покинули особняк много лет назад. Но Филип пришел в восторг: он захлопал в ладоши, словно пятилетний ребенок, затем сложил на груди руки и в молчаливом восхищении принялся расхаживать вдоль забора. Он заявил, что непременно должен заполучить Серый Дом, и не успокоился, пока не отыскал местного агента по продаже недвижимости.

Филип, муж Анжелы, был писателем; кроме серии пользовавшихся популярностью детективных романов, его перу принадлежало и несколько неплохих произведений с уклоном в мистику. «Серый Дом даст мне вдохновение», — захлебываясь, тараторил Филип. Анжела, стараясь выбросить из головы неприятные мысли и не желая портить мужу настроение, со все возраставшим отвращением следовала за агентом.

Они наткнулись на это место во время поездки по старинным городам Бургундии. Ближе к полудню путешественники остановились на ланч в небольшом средневековом городке, приютившемся среди синих туманных гор. Вид был волшебным, и после ланча супруги приятно провели час, прогуливаясь по крепостному валу и высматривая, куда течет узкая речушка, извивавшаяся белой пенной лентой среди гигантских валунов и темных елей.

Серый Дом заметил Филип. Здание располагалось в конце узкой улочки, и дорога к нему заросла крапивой. Это был последний дом на улице, его отделяли от соседей несколько сот ярдов плохой проезжей дороги, небольшая роща и раз-

[1] «Год в Провансе» (1989) — автобиографическое произведение английского писателя Питера Мэйла (Peter Mayle), известного своими книгами о жизни во Франции.

роспийся кустарник. Здание походило скорее на амбар или конюшню, чем на дом.

Оно было сложено из больших блоков серого камня; очевидно, отсюда дом и получил свое имя; башенка с круглой крышей, огромная, словно церковный купол, под невообразимым углом нависала над широкой парадной дверью. Сбоку дом украшала еще одна башня, очень старая и заросшая лишайником. Крыша, крытая растрескавшейся красной черепицей, зловеще покосилась и нуждалась в существенном ремонте.

Огромная деревянная дверь была заперта, но Филип с энтузиазмом двинулся вперед, протаптывая для жены тропу среди крапивы, доходившей до пояса. Они прошли вдоль высокой полуразрушенной ограды, пока наконец не стало ясно, что участок кончился. Дальше тропинка заросла непроходимыми кустами ежевики. Но сквозь листву Филип разглядел ржавые перила балкона, какие-то пристройки и нечто похожее на водяную мельницу.

— Мы можем купить это почти задаром, — восторженно заявил он жене. — Разумеется, потребуется немало усилий, чтобы навести здесь порядок, но терраса идеально подходит для работы... И какой вид!

При виде такого счастья Анжела не смогла найти достаточно веских возражений, и спустя полчаса они уже сидели в офисе месье Гасиона, главы крупнейшей в окрестностях фирмы по продаже недвижимости.

Месье Гасион, приземистый широкоплечий человечек с веселым лицом, явно любитель выпить, был просто потрясен перспективой подобной сделки. Дом и участок были выставлены на продажу более сорока лет назад — почти за двадцать лет до того, как месье Гасион возглавил фирму. Неудивительно, что агент не смог внятно рассказать о предыдущих владельцах. Да, здание нуждается в серьезном ремонте, согласился он, но он не думает, что месье стоит беспокоиться о цене.

Цена не будет слишком высокой, и они увидят, что, несмотря на предстоящую большую работу, дом — это нечто особенное, совершенно необычное. Агент по недвижимости просто лучился радостью, и Анжела невольно улыбнулась про себя. Такой покупатель, как Филип, попадается, наверное, раз в сто лет; неудивительно, что месье Гасион доволен.

Она не могла не согласиться, что дом стоит до абсурда дешево. За все просили триста фунтов — в имение входило главное здание, терраса, пристройки и мельница, а также небольшой фруктовый сад внизу, под обрывом, на котором располагалась терраса. Филип был решительно настроен совершить сделку тут же, немедленно. Поднялась суматоха, послали за нотариусом, а тем временем Анжела, Филип и агент собрались осмотреть дом. После небольшой задержки, вызванной поисками ключа, маленькая процессия наконец отправилась в путь.

Месье Гасиону пришлось приложить некоторые усилия, но затем большая дверь со скрипом подалась, и первый за сорок лет луч солнца с трудом проник внутрь. Необычная суета вокруг старого особняка не прошла незамеченной среди местных жителей, чьи дома стояли дальше по улице. Анжела несколько раз ловила на себе любопытные взгляды; Филип был настолько поглощен разговором с агентом, что не замечал ничего вокруг.

Заходя в дом, Анжела оглянулась и без удивления заметила у поворота дороги кучку зевак. Как ни странно, в здание было проведено электричество, но главный распределительный щит, прикрепленный к древней каменной стене в прихожей, оказался бесполезен: из него торчали лишь куски ржавой проволоки и какие-то позеленевшие от времени медные детали. Электричество отключили, когда отсюда уехали последние жильцы, объяснил месье Гасион.

Несмотря на солнечный день, агент благоразумно захватил мощный электрический фонарь. Он объяснил, что прежде дом принадлежал семье де Меневаль, богатым землевладельцам; сейчас никого из этого рода уже не осталось в живых. Когда-то они владели замком и огромным парком вон там, на горе. Замок сгорел сто лет назад после взрыва, и от него остались лишь руины. Последний де Меневаль, Гастон, погиб насильственной смертью,— со смаком закончил месье Гасион. Очевидно, толстяк был большим любителем юбок и развлекал рассказами о Сером Доме своих подружек.

— Подходящее местечко для свиданий,— с улыбкой подмигнул он Филипу, как мужчина мужчине.

Филип ухмыльнулся в ответ, и троица вошла в дом. Оказавшись внутри, Анжела не смогла подавить дрожь и спро-

сила себя, какие преступления видели эти древние стены. Утром они с мужем успели посетить развалины замка — одну из местных достопримечательностей. Парк был открыт для публики, и гид с явным удовольствием рассказывал кровавые истории о прежних владельцах.

Но Анжела и без того, разглядывая внутренности дома, представляла себе мрачные сцены, происходившие здесь в кипевшие страстями прежние века. На огромных балках и почерневших древних камнях виднелись следы огня. Она с беспокойством услышала, что Серый Дом тоже принадлежал де Меневалям. Анжела обладала повышенной чуткостью — ее мать, француженка, была родом из этих мест, и где-то в мозгу молодой женщины тут же зазвенел тревожный звоночек.

Когда дверь распахнулась, даже агент отпрянул — их встретил застоявшийся зловонный запах; он был так силен, что, казалось, мешал солнечным лучам проникнуть внутрь. Людям пришлось открыть дверь пошире и несколько минут подождать на улице.

— Фу, гадость какая! — не пытаясь скрыть отвращения, воскликнул месье Гасион, но даже эта реплика не охладила пыл Филипа.

— Тяжелая здесь атмосфера, да? — с улыбкой обернулся он к Анжеле.

Через минуту они спустились внутрь по широким каменным ступеням. Запах по-прежнему чувствовался, но уже меньше; Анжела вынуждена была признать, что это, скорее всего, гниют какие-то растения. При свете фонаря агента и небольших окошек, расположенных высоко под потолком, перед ними открылся просторный каменный холл. У одной стены виднелся камин, в котором можно было бы изжарить целого быка, наверх когда-то вела лестница, сейчас источенная червями и почти полностью обрушившаяся.

Пол покрывал толстый слой мусора, скопившегося за многие годы. Посетителям удалось лишь мельком оглядеться, в основном приходилось смотреть под ноги. Бо́льшая часть балок, поддерживавших потолок, нуждалась в замене, и по мере того, как продолжалась экскурсия, лицо Филипа принимало задумчивое выражение. Дом явно требовал более серьезного ремонта, чем ему показалось сначала. Однако, когда они прошли через холл и оказались во внутренних

помещениях, лицо его просветлело. Стены были крепкими, их необходимо было лишь оштукатурить и выкрасить. На первом этаже располагались еще две комнаты, которые, однако, по размерам не шли ни в какое сравнение с холлом, частично углубленным в землю; еще одно помещение когда-то использовалось в качестве кухни.

На втором этаже, под толстыми покосившимися стропилами, между которыми просвечивало небо, оказалась одна огромная комната, как бы повторявшая большой холл. «Ее можно разделить перегородками, и получится коридор с ванной и три большие спальни», — заявил Филип. Или нет, он сделает себе кабинет и оставит одну комнату под гостевую спальню. Над одним из углов этого просторного чердака возвышалась башня, но Филип пока не нашел для нее применения.

Они оставили «изюминку» дома напоследок: пройдя через кухню и открыв дверь, которая тоже подалась не сразу, с протестующим скрипом, они увидели главное украшение Серого Дома. Это была огромная терраса, крытая черепицей, но именно она-то и заставила Филипа склониться к покупке и перевесила явный упадок и неудобство жилых помещений.

Ржавые кованые перила, окружавшие террасу, были весьма изящны, и, без сомнения, их можно было восстановить; Филип уже советовался с месье Гасионом о том, чтобы покрасить их в бледно-голубой цвет. Он *comme ca*[1] поставит там письменный стол, и по вечерам они будут ужинать *sur le balcon*[2] при свете электрических ламп. Даже агент на минуту заразился его энтузиазмом.

Вид отсюда открывался великолепный, возразить против этого было нечего. Прямо под террасой каменный склон высотой примерно сорок футов круто уходил вниз, к маленькому саду, также принадлежавшему участку. Густая листва скрывала ближайшие окрестности, но зато открывался вид на поросшие лесом холмы и долины, среди которых бежала река; взгляд привлекали руины замка на горе. Анжела удивилась тому, как ясно выделялись белые камни на фоне темно-синего леса даже с такого расстояния. Прямо под террасой, немного левее, виднелось небольшое каменное здание

[1] Со временем *(фр.)*.
[2] На балконе *(фр.)*.

водяной мельницы, и речка, протекая мимо, скрывалась за деревьями.

Когда агент и покупатели оторвались от созерцания этих красот, уже начинало темнеть, и журчание воды на мельнице приобрело печальный оттенок, который был незаметен при ярком свете дня. Над темными кронами деревьев, примыкавших к саду, поднимался легкий туман. Анжела указала на него Филипу и заметила, что это, вероятно, нездоровое место.

— Да что ты, — с коротким смешком возразил Филип, — в это время года у реки всегда бывает туман, особенно после такой жары. В любом случае дом стоит достаточно высоко, и туман нам не повредит.

Однако не успел он договорить, как туман, белый и вязкий, похожий на густой дым, поднялся над верхушками деревьев и окутал весь сад.

Больше ничего сказано не было; компания вернулась в дом, следуя за огромным фонарем месье Гасиона, и снова вышла на улицу; дверь плотно прикрыли и заперли на два висячих замка. На обратном пути все трое молчали, и, поразмыслив немного, месье Гасион заговорил с Анжелой. В офисе они остались на какое-то время одни, когда Филип ушел взять что-то из машины.

— Вам не нравится дом, мадам?

Анжела не знала, что ответить. Она не хотела портить Филипу удовольствие от покупки, и в то же время на нее произвели дурное впечатление темная мельница и вода, зловеще звеневшая в сумерках. Но она лишь пробормотала несколько слов о том, в какой упадок пришел дом и сколько денег потребуется вложить в него.

Лицо агента просветлело, словно по нему провели губкой. Если это единственное, что тревожит мадам, он готов снизить цену.

Откровенно говоря, он тоже не ожидал, что дом в таком плохом состоянии; он будет счастлив снизить цену до двухсот пятидесяти фунтов, чтобы ускорить дело. В этот момент вернулся Филип и выслушал это предложение с восторгом; таким образом, Анжела, сама того не желая, способствовала покупке дома.

Появился нотариус, тощий, похожий на лисовина человек по имени Морсо; вид у него был хмурый, потому что

его оторвали от сидения в любимом кафе. Представив присутствующих друг другу, месье Гасион достал бутылку и бокалы, и за вином с маленькими бисквитами были выработаны условия сделки.

Часом позже Филип и Анжела покинули офис в качестве будущих владельцев Серого Дома. Несколько дней им предстояло провести в местной гостинице, пока не будут выполнены необходимые формальности; на это потребуется некоторое время, сказал агент, но ничто не мешает месье осмотреть участок и даже начать работы, поскольку фактически дом ему уже принадлежит. Итак, Филип подписал бумаги, передал Гасиону чек, протелеграфировал своему литературному агенту в Лондон, что остается во Франции, и продолжал пребывать в состоянии, близком к эйфории.

Они с Анжелой решили, что съездят в Лондон на пару недель, закончат текущие дела и переедут в Бургундию осенью. Им предстояло с помощью местных рабочих начать ремонтировать дом и, посоветовавшись с архитектором, решить, какие кардинальные изменения следует внести в планировку.

Филип надеялся, что через год дом будет полностью готов и они смогут провести там сезон, полный плодотворной работы для него и отдыха и развлечений для Анжелы. Он решительно хотел превратить старый особняк в достопримечательность, место паломничества для своих многочисленных лондонских друзей; в ту ночь, еще долгое время после того, как весь отель погрузился в сон, он не давал Анжеле покоя своими планами и перспективами. Анжела не возражала, но осталась при своем мнении. Она понимала, что может и ошибаться, что в конце концов плотникам и каменщикам, возможно, удастся превратить развалюху в нечто стоящее. Она подождет и посмотрит, что будет дальше.

II

Месяц спустя в Сером Доме уже кипела работа. Филип нанял местного подрядчика; он, двое рабочих и Филип с Анжелой, облаченные в свою самую старую одежду, яростно занимались разрушением и обновлением. Филип решил, что сначала следует взяться за большой холл. Строители, вынеся

груды мусора, предполагали избавить дом от гнилостного запаха. Но тут Филипу пришлось столкнуться с одним препятствием.

Пьер, нанятый им строитель, был флегматичным человеком лет сорока, с приятным лицом, но толстый, как бочка; по обычаю, он работал с помощниками, руководил ими и выполнял тяжелую работу наравне с подчиненными. Как и все местные жители, он удивлялся тому, что Серый Дом собираются реставрировать и жить там, но был весьма рад получить работу.

В первый день двое рабочих, о чем-то поговорив, отозвали подрядчика в сторону. В это время как раз появился ненадолго отходивший Филип. Пьер казался смущенным и в конце концов сказал, что они смогут работать лишь после того, как в здании включат электричество; он ссылался на то, что большой холл так захламлен, что без света там решительно нечего делать.

Все это было вполне логично, но Анжеле показалось, что она уловила странное выражение на лицах рабочих. Как она ни старалась убедить себя в обратном, она не смогла избавиться от впечатления, что у них были свои причины требовать электрического освещения. К счастью, в доме сохранилась проводка, и Филипу оставалось лишь попросить местную электрическую компанию включить ток. Подобно многим англичанам, он наивно верил в немедленный результат, но Анжела со смехом сообщила ему, что на это потребуется не меньше месяца.

Филип сказал рабочим, что электричество включат через несколько часов. Никто, по-видимому, в это не поверил, но Филип сообщил, что в два часа у него назначена встреча с представителями компании, и, усевшись перед домом на ящик, стал ждать. Пьер болтал со своими рабочими. Филип был единственным из присутствующих, кто верил в эту встречу.

В половине третьего никто не появился, и даже Филипу стало ясно, что света не будет. Он рассерженно вскочил с ящика, уселся в машину и уехал. Но ему снова не повезло: офис компании оказался закрыт. Без сомнения, чиновник сидел где-нибудь в кафе.

Выйдя из себя при виде подобной безответственности, Филип позвонил месье Гасиону, который в конце концов

лично прибыл в дом. Он заверил Филипа, что уладит все неприятности и строители будут в Сером Доме завтра без опозданий. Успокоившись, Филип заявил, что они все же могут кое-что сделать и сегодня, пока не зашло солнце. Была половина пятого, и пять человек — месье Гасион вернулся в свой офис, — вооружившись парой фонарей, прошли через мрачные комнаты на террасу. Здесь, воодушевленные ярким солнечным светом и открывающимся видом, рабочие принялись расчищать завалы.

Вся терраса была покрыта лишайником, кое-где даже росли грибы; рабочие начали соскабливать грязь, под которой обнаружилась плитка с замысловатым узором, а Пьер, Филип и Анжела занялись стрижкой разросшегося кустарника, уборкой веток и прочего мусора, скопившегося за многие годы. Все это они сбрасывали с террасы прямо вниз; падая, мусор производил громкий треск, как будто кто-то пробирался сквозь заросший сад. Эти звуки почему-то вызвали у Анжелы немалое беспокойство.

Она посмотрела на водяную мельницу и темные деревья в конце сада, но не заметила там, разумеется, никакого движения. Женщина решила, что у нее просто шалят нервы, раздраженные едва слышным плеском льющейся воды. Через час, когда расчищенный участок пола несколько раз окатили водой, стало ясно, что терраса когда-то была необыкновенно красива.

При виде таких замечательных результатов к Филипу вернулось хорошее настроение.

Он поговорил с Пьером о ремонте крыши и покосившейся башенки; эти работы желательно было начать немедленно, до наступления холодов. Пьер заверил его, что такой ремонт займет не больше двух недель.

Первый день работы закончился в атмосфере взаимного удовлетворения. Сгущались сумерки, и на террасу принесли лампы. Один из рабочих начал соскабливать ржавчину с перил. Громкий скрежет эхом отдавался среди деревьев под обрывом. Когда строители закончили работу, в кустах у мельницы раздался слабый шорох. Его услышала только Анжела. Ей показалось, что под деревьями в конце аллеи мелькнула какая-то тень.

Наверное, это кошка. Множество кошек обитало возле Серого Дома. Это были крупные серые звери, и иногда в сумер-

ках, когда Анжела с Филипом выходили прогуляться, она слышала их жалобное подвывание.

Когда они уходили, массивная дверь скрипнула, словно раздраженная вторжением. Снаружи, на небольшой площадке, где Филип намеревался выстроить гараж, они с Пьером поздравили друг друга с успешным началом работ и обменялись рукопожатиями.

Затем Филип настоял на том, чтобы угостить всех выпивкой в первом попавшемся кафе. Они расстались после взаимных уверений в дружеском расположении, и Филип с Анжелой вернулись в отель, когда уже совсем стемнело. Филип был настроен провести следующий день плодотворно и попросил электриков прийти к девяти утра. Рабочие должны были подойти к двенадцати, и, если света будет достаточно, они смогут расчистить бóльшую часть холла.

На следующее утро электрики прибыли почти без опоздания; Серый Дом снова открыли. Примерно около полудня Филипу разрешили повернуть главный рубильник, и дом залили потоки света. У Филипа уже были готовы грандиозные планы по проведению отопления и наружного освещения, но с этим можно было подождать.

А сейчас весь дом увешали лампочками, чтобы дать возможность строителям работать при свете. Филип также вознамерился пробить в стенах большого холла два окна, чтобы туда попадал и дневной свет.

Это упущение — отсутствие окон, — а также еще некоторые странности слегка озадачивали его, и он решил ознакомиться с историей рода де Меневалей в библиотеке городского музея, когда выдастся свободное время. Пока же Филип, его жена и строители, к которым то и дело заглядывали месье Гасион, месье Морсо, а чуть позднее и архитектор, продолжили работу.

На следующий день одному из рабочих внезапно стало плохо — вероятно, от миазмов, исходивших от пола. Филип боролся с вонью с помощью бесчисленных ведер горячей воды и дезинфицирующих средств, и в конце концов ему почти удалось избавиться от мерзостного запаха.

Грузовики, нагруженные зловонными отбросами, покидали дом, направляясь на городскую свалку, и даже захворавший было рабочий, вернувшись на следующий день, был вы-

нужден признать, что дом стал значительно лучше пахнуть и выглядеть. Но было здесь нечто, вселявшее в Анжелу смутную тревогу, хотя Филип, как и прежде, не замечал ничего особенного. Он лишь был поражен тем, сколько ламп и фонарей потребовали строители, особенно при работе в подвале, и жаловался, что если дело и дальше так пойдет, то стоимость электроэнергии скоро окажется выше цены за дом.

Но Анжела прекрасно понимала чувства рабочих и поражалась слепоте своего мужа, особенно вспоминая, что он сделал себе имя на детективах и мистических романах. Примерно спустя неделю после начала работы строители все еще продолжали разгребать мусор. Пьер надеялся вскоре приступить к ремонту крыши; Филип же был в восторге от любопытных вещиц, обнаруженных среди многовековых наслоений. Это были кольцо с необычной печаткой, очевидно принадлежавшее знатному человеку, рукоять меча, пивная кружка с латинской надписью и несколько фарфоровых кувшинов и сосудов, назначение которых никто не мог определить.

Филип забрал вещи в отель и сказал, что использует их для украшения интерьера, когда дом будет готов. Однажды утром один из рабочих подошел к Филипу со страшным предметом, найденным в одной из верхних комнат. Это был непонятного назначения инструмент с металлическим наконечником, на другом конце его было нечто вроде кнута из проржавевшей от времени проволоки.

В тот день Филипа навестил в Сером Доме ученый аббат из местного университета, с которым Филип тоже успел подружиться. Анжела заметила, что при виде хлыста монсеньор Жоффруа побледнел.

— Я не хотел бы пугать вас, друг мой, но это нечистая вещь! — почти яростно воскликнул он. — Смотрите, — он указал на металлическую пластину, вделанную в рукоять, — это герб де Меневалей. У нас в Музее древностей есть недоступный для посещений кабинет, где собраны реликвии этих садистов. Если позволите, я позабочусь о том, чтобы и это сохранили. Нельзя выставлять на всеобщее обозрение подобные вещи.

Он перекрестился, и Анжела не смогла подавить дрожь. На Филипа, старавшегося принять легкомысленный вид, тоже произвели впечатление откровенность и мрачный вид

монсеньора Жоффруа, и он с готовностью согласился на просьбу друга.

— Я бы хотел узнать от вас что-нибудь об этих де Меневалях, — попросил он. — Думаю, это будет неплохой материал для романа.

Аббат положил руку на плечо Филипа и пристально взглянул ему в глаза:

— Поверьте, друг мой, подобные вещи не для книг, то есть не для таких книг, какие пишете вы. Ваши сочинения об ужасах, такие талантливые и популярные, — детский лепет по сравнению с тем, что происходило когда-то вон в том замке на горе — и больше не происходит, слава господу.

Через несколько минут монсеньор извинился и попрощался, оставив Филипа в некоторой задумчивости, а его жену — в сильной тревоге. Филип поступил весьма благоразумно, ничего не рассказав об этом разговоре ни Пьеру с рабочими, ни месье Гасиону, когда сидел у него дома за стаканчиком черносмородиновой наливки. На самом деле он узнал кое-что о Меневалях из надписи на пивной кружке, но ни с кем не стал делиться своим открытием, даже с Анжелой.

А с ней вечером того самого дня случилось необычное происшествие. Наступали сумерки, молодая женщина работала на террасе одна; она больше не боялась тихого плеска воды, он стал привычным, и даже туман не выводил ее из равновесия. Анжела подрезала ветки старого дерева, нависавшие над балконом.

Работа была почти закончена, не хватало лишь нескольких завершающих штрихов, и в свете электрической лампы, висевшей над застекленными двойными дверями, терраса выглядела весьма элегантно. Анжела спускалась в дом, чтобы спросить о чем-то Филипа, а когда она вернулась, последний луч заходящего солнца уже угасал за гребнем горы. Печальный пейзаж произвел на нее удручающее впечатление, и она сидела некоторое время, блуждающим взглядом осматривая склон, раскинувшийся перед ней. И вдруг она скорее почувствовала, чем увидела, как внизу, в саду, какая-то тень на миг показалась из-за ствола дерева и тут же скрылась.

Она сама не знала, почему сделала то, что сделала, но, повинуясь некоему непонятному импульсу, внезапно наклонилась, подобрала тяжелую срезанную ветку, бесшумно подо-

шла к краю террасы и швырнула ее в сад. Ветка с резким, почти пугающим треском случайно попала именно туда, куда целилась Анжела, — в ствол дерева, за которым скрылась тень.

Из-за ствола выпрыгнуло нечто темное и длинное, словно некая черная полоса пронеслась по воздуху. Существо приземлилось на крышу водяной мельницы. Анжеле показалось, что это крупная серая кошка с огромными желтыми глазами, зловеще сверкнувшими в полутьме.

Мгновение спустя Анжела услышала негромкий шорох — кошка скрылась из виду и, очевидно, пробиралась среди деревьев сада. Скорее взволнованная, чем испуганная, женщина торопливо покинула террасу и поспешила под защиту дома, в каждой комнате которого теперь сиял свет.

На следующий день, когда монсеньор Жоффруа обедал с ними на террасе отеля, Анжела упомянула о кошке. Филип не проявил особого интереса, но на аббата ее рассказ произвел ошеломляющее впечатление. Рука его дрогнула, и коньяк пролился на скатерть. После извинений он сказал с твердостью:

— Такого животного здесь нет.

— Да будет вам, монсеньор, — добродушно рассмеялся Филип. — Ничего в этом нет особенного. По улице, ведущей к Серому Дому, бродят целые дюжины кошек.

Аббат же, не сводя глаз с Анжелы, ответил:

— И тем не менее я настаиваю, что такое животное не существует. Это лишь обман зрения...

Анжела промолчала, и разговор перешел на другую тему. Но время от времени она ловила на себе взгляды аббата, и в глазах его читалась озабоченность.

Работы в доме шли полным ходом. Деревья одевались в осенний наряд, и заброшенный, унылый участок постепенно приобретал опрятный, современный вид. Тревога Анжелы отступила. В ноябре супруги, как и планировали, собрались уехать в Англию, чтобы вернуться в апреле. Им предстояло покинуть Францию в следующий вторник, а пока они бродили по дому, на досуге наблюдая за рабочими и предвкушая грандиозные перемены, которые наступят весной.

Архитектор, которого они наняли, Роже Фрей полностью одобрил идеи Филипа. Филип понял, что может полностью положиться на архитектора и желаемый эффект будет достигнут. Дом должен будет представлять собой смесь

старины и современности, предполагались все удобства, но Филип хотел сохранить средневековую атмосферу, особенно в большом холле.

Крышу уже почти закончили, и в восточной стене холла, над камином, пробили два окна.

Насчет этих окон у Филипа были кое-какие идеи, но до своего возвращения он не хотел делиться ими с Анжелой и рабочими.

Во время отсутствия хозяев Пьеру и его людям предстояло закончить крышу, вставить рамы и застеклить окна, установить котел центрального отопления, замостить площадку перед домом и построить гараж, отчистить и оштукатурить стены комнат и обшить большой холл дубовыми панелями. Филип уже представлял себе, какой эффект будет производить дом.

Рабочие начали отскребать стены большого холла; леса и электрические провода уходили на головокружительную высоту над плиточным полом; другая группа возилась на крыше, и дом гудел, как потревоженный улей.

Какой поразительный контраст с тем, что Филип и Анжела увидели, впервые появившись здесь! Писатель мерил шагами террасу, курил трубку и представлял себе, как будет работать здесь над новой серией мистических романов.

Издатель был доволен его творениями, и Филип не сомневался, что в этом столь располагающем к работе месте достигнет еще больших результатов. Если бы только Анжела полюбила Серый Дом... Ему показалось, что в последнее время дом нравится жене больше, и он был уверен, что, увидев кухню, оснащенную сверхсовременной техникой, она будет от Серого Дома в таком же восторге, как и он сам.

Внезапно размышления Филипа прервал крик.

Через несколько мгновений Филип услышал громкий топот — кто-то бежал по каменному полу. Это был Пьер.

— Месье!

В голосе его ощущалось необычное возбуждение. Филип торопливо направился к строителю. Они достигли порога большого холла одновременно, и секунду спустя возбуждение Пьера передалось хозяину.

Рабочие отчищали стену, подготавливая ее к оштукатуриванию. Филип давно вынашивал идею фрески, которая стала бы главным украшением холла, и вот, похоже, он по-

лучил то, что хотел. Под слоем грязи и старой штукатурки на стене обнаружилась роспись.

Рабочие расчистили пока только участок, на котором был виден старинный мундир с золотыми пуговицами. Филип взобрался на леса и принялся рассматривать появляющееся из-под слоя грязи изображение. Пьер тоже схватил тряпку и ведро с водой, и все четверо лихорадочно принялись отмывать стену.

В доме царила тишина; Анжела с монсеньором Жоффруа отправились на прогулку, а люди, работавшие на крыше, обедали.

Час спустя фреска была очищена. Взглянув на стену снизу при ослепительном свете электрических ламп, Филип с ликованием понял, что вот она, изюминка холла, и она на удивление гармонирует с его профессией сочинителя мистических произведений. Но в то же время его посетили сомнения относительно того, что все без исключения гости воспримут эту картину с таким же энтузиазмом.

Яркие краски нисколько не потускнели после долгого контакта со штукатуркой и грязью — казалось, фреска только что написана. Она изображала старика с отвратительным, злобным лицом, в серой треуголке и голубом сюртуке с золотыми пуговицами. На ногах у него были чулки, подвязанные золотыми лентами, и черные башмаки с золотыми пряжками. Старик яростно продирался через какие-то заросли. На руках он нес девушку с поникшей головой.

Она была обнажена, но ее розовому телу, с безжалостной четкостью выписанному неизвестным художником, явно обладавшим большим талантом, струилась кровь из порезов, оставленных, по всей видимости, колючками ежевики. Глаза девушки были закрыты — она была или в обмороке, или мертва, длинные золотистые волосы волочились по сырой траве. Трудно было словами передать жуткое впечатление, которое картина производила на зрителя.

В левой руке старик держал странный кнут с острым наконечником, точно такой же, как и тот, что был найден в этом доме несколько недель назад.

Рабочие продолжали отмывать стену, загородив от Филипа правый нижний угол картины. Он прошелся по холлу, пытаясь найти лучшую точку обзора.

В самом низу картины располагался эмалевый герб с латинским девизом. Филип решил уточнить у монсеньора Жоффруа, что в точности означает эта надпись. Строители на крыше снова приступили к работе, возобновился неумолчный стук молотков, и Филип услышал на крыльце шаги аббата.

В электрическом свете лицо священника казалось мертвенно-бледным, он пошатнулся и поднял руку, словно желая защититься, — он увидел фреску.

— Во имя Господа нашего, месье! — хрипло вскрикнул он. — Только не это...

Озадаченный, Филип бросился ему навстречу, но тут раздался испуганный крик. Монсеньор Жоффруа с удивительным для своего возраста проворством опередил Филипа. Двое мужчин подхватили Анжелу, которая потеряла сознание и едва не рухнула на каменные плиты.

— Выйдем отсюда, — прошептал священник Филипу, когда они подняли женщину. Он махнул рукой встревоженным строителям, толпившимся на лесах. — Ничего, ничего особенного. Просто легкий обморок — мадам напугала картина.

Полчаса спустя Филип вернулся в холл. Анжела, бледная и растерянная, уехала в отель с Роже Фреем, который заглянул на стройку, чтобы узнать, как продвигаются дела. С трудом успокоившись, она отказалась объяснить причины своего обморока.

Изображение действительно производило жуткое впечатление, признался себе Филип, стоя там, где упала в обморок его жена. Даже его упрямый материализм дал трещину после случившегося. Монсеньор Жоффруа, прежде чем идти утешать Анжелу, посоветовал Филипу соскоблить роспись со стены.

— Ничего хорошего не будет, если вы ее оставите, — настаивал он, не желая или будучи не в силах объяснить что-либо.

Герб в углу странной картины принадлежал де Меневалям. Под геральдическим щитом красовался девиз, в согласии с которым жили представители этого рода: «Делай все, что пожелаешь».

Но больше всего встревожила Филипа одна деталь росписи. По поводу ее монсеньор Жоффруа хранил молчание.

Филип снова взглянул на фреску, и на ум ему пришли слова аббата. За отвратительным стариком и его жертвой

следовала кошмарная кошка. Животное это было в три раза *больше кошек, когда-либо встречавшихся смертным.* Огромная серая кошка с пылающими желтыми глазами.

III

Филип и Анжела уехали в Лондон и вернулись к обычной жизни. События осени казались неправдоподобными, словно происшедшими во сне, скорее игрой воображения, нежели реальностью. Друзья подтрунивали над Филипом и Анжелой и их блажью поселиться в такой глуши, вместо того чтобы наслаждаться прелестями лондонской жизни.

Филип же без устали рассказывал друзьям о потрясающем бриллианте, обнаруженном им в грязи; он обладал незаурядным даром рассказчика, и слушатели начинали верить в чудеса Серого Дома. Больше десятка супружеских пар приняли приглашение посетить Францию следующим летом, поверив завораживающим историям Филипа, — повествование о Сером Доме было не менее увлекательно, чем его романы.

Анжеле доставляло удовольствие следить за успехами мужа; к тому же она снова очутилась в привычной среде, и события вокруг Серого Дома казались ей незначительными и не стоящими внимания. Она решила, что подобное могло *произойти с кем угодно. А обстановка очень много значит.* Без сомнения, Серый Дом производит мрачноватое впечатление и когда-то там происходили вещи, о которых лучше забыть, но электрическое освещение и современные удобства должны рассеять призраки прошлого.

Ей и самой следовало бы писать романы; Филип часто дразнил ее, говоря, что из них двоих она обладает более живым воображением. В каком-то смысле это верно, думала Анжела и смотрела на мужа — он сидел с трубкой во рту и пинтой пива в руке. В свои сорок пять он выглядел совсем молодым, в блестящих черных волосах не было и намека на седину, и она гордилась им.

Да, глупо волноваться из-за этого Серого Дома, все старые особняки таковы. Если на то пошло, точно такое же чувство возникло у нее в парижской тюрьме Консьержери, где все напоминало об ужасном Комитете общественного

спасения[1] и Марии-Антуанетте. Она отгоняла прочь беспокойство и с неподдельным интересом слушала, как Филип читает письма Роже Фрея или месье Гасиона, в которых сообщалось о ходе работ.

Иногда приходили письма от аббата, написанные аккуратным почерком ученого, но он крайне редко упоминал о Сером Доме и никогда — о фреске. Анжела видела ее еще раз после того глупого обморока на ступенях. При свете дня она вынуждена была признать, что в росписи нет ничего пугающего.

Да, на лице мерзкого старика застыло зловещее, кровожадное выражение, но и только. Даже кошка не походила на существо, которое, как показалось Анжеле, она видела в саду, — животное на фреске было размером с ищейку, но глаза и морда были другими.

Они даже смеялись над этой кошкой, она, Филип и Роже; Филип сказал, что у нее, возможно, и было девять жизней, но даже такой здоровенный зверь не смог бы протянуть двести лет. Нет, кошка больше не пугала Анжелу. Но откуда же тогда это смутное беспокойство, если причины его — кошка в саду, атмосфера старого дома и отвратительная картина — совсем не страшны?

Она затруднилась бы ответить на этот вопрос и в конце концов забыла обо всем, закружившись в водовороте привычной лондонской суеты. Вышли две книги Филипа — одна в декабре, вторая в начале весны, они пользовались даже большим успехом, чем предыдущие. Деньги текли рекой, жизнь казалась прекрасной, супруги были полны надежд.

Из Франции поступали благоприятные вести о ходе строительства; Филип уже мысленно прощался с Лондоном. Они с Анжелой разослали множество приглашений, и до отъезда оставалось всего две недели.

В письмах, регулярно приходивших от архитектора, говорилось, что крыша закончена, внутренняя отделка почти завершена, электричество работает без перебоев. Роже Фрей

[1] Комитет общественного спасения (1793—1795) — формально один из комитетов Конвента, фактически правительство Франции во времена Террора, в ведение его входили доносы, суды и казни людей, подозреваемых в сочувствии монархии.

сообщал, что приготовления к сюрпризу, о котором было известно только ему и Филипу, тоже почти закончены: он изготовил все элементы конструкции, и ее можно будет собрать в любой момент. Гараж и площадка перед домом тоже готовы.

Писатель был в восторге; и в самом деле, судя по фотографиям, присланным Роже, дом выглядел еще более впечатляюще, чем представлял себе Филип. Терраса, выходившая на водяную мельницу, смотрелась великолепно, и хозяин решил застеклить ее с одной стороны, чтобы можно было обедать на свежем воздухе даже во время дождя.

Вопреки настоятельным просьбам аббата, Филип решил сохранить фреску. Он провел изыскания и установил, что на ней изображен старый виконт Эктор де Меневаль, один из самых жестоких садистов, принадлежавших к этому роду. Без сомнения, старому похабнику нравилась эта аллегория, изображавшая его в виде черного колдуна.

Из уважения к чувствам Анжелы, аббата и наиболее нежных гостей Филип решил, что будет закрывать фреску деревянной панелью в шведском стиле. Таким образом и волки будут сыты, и овцы целы. И при нажатии кнопки старый негодяй появится снова, чтобы потрясти воображение менее нервных зрителей.

Две недели подошли к концу; Филип посетил обед, данный в его честь издателем, пригласил тех, кого еще не успел пригласить, устроил последнюю, прощальную вечеринку, и в начале мая — несколько позже, чем предполагалось,— они с Анжелой уже ехали на пароме через Ла-Манш. На ночь они остановились в Фонтенбло и на следующий день без приключений добрались до места назначения.

Они решили сразу же поселиться в доме. По словам Роже, ванную комнату почти закончили, кухонное оборудование уже подключено. Они смогут сами наблюдать за последними доделками. И тем не менее, поскольку оба любили комфорт и к тому же приехали в городок вечером, не захватив с собой продуктов, они заказали номер в отеле на два дня, решив затем перебраться в Серый Дом.

Телеграммы дошли до всех благополучно, и месье Гасион, Роже и аббат пунктуально явились к обеду. А когда появился Пьер — они уже его не ждали,— радости не было

конца. Допоздна они сидели на балконе, курили, пили коньяк и любовались огнями мирного городка.

Супруги узнали, что в доме все идет благополучно, даже лучше, чем они ожидали; Пьер и Роже Фрей прямо-таки излучали энтузиазм. Будь не так поздно, они усадили бы Филипа и Анжелу в машину и отвезли на стройку.

Роже и Филип поддразнивали аббата, как они выражались, «огораживанием» картины, но тот смотрел серьезно и задумчиво.

На следующее утро супруги поднялись поздно. Лишь после полудня Фрей, подрядчик Пьер и месье Гасион прибыли в отель, чтобы триумфально проводить своих друзей в их новое жилище. В Сером Доме произошли удивительные перемены. Перед входом располагалась площадка, вымощенная розовой плиткой, широкая парадная дверь сверкала свежей светло-желтой краской, вход украшали вазы с цветами, растения в подвесных горшках и корзинах оживляли серые стены.

Новая красная черепица сверкала в лучах солнца, восстановленная башенка выглядела так, как, должно быть, выглядела в восемнадцатом веке. Гараж был почти готов, осталось лишь покрыть его последним слоем краски; белые перила, обрамлявшие террасу, завершали картину уюта и благоденствия.

Древнее и новое пребывали в удивительной гармонии друг с другом, и даже Анжела не смогла удержаться от восхищенного возгласа. Среди шумных поздравлений архитектор, подрядчик и агент вошли в парадную дверь, чтобы продемонстрировать хозяевам чудеса внутреннего убранства. Филип был доволен, и не только мастерством строителей, но и своим даром выбирать подходящих людей.

Когда иссяк поток взаимных поздравлений, все уселись за праздничный обед, организованный местной банкетной службой. Пока гости беседовали за кофе и коньяком в столовой, Филип и Роже Фрей удалились в большой холл, чтобы кое-что обсудить. Даже аббат, который появился около девяти вечера, вынужден был признать, что теперь дом стал довольно уютным; если у него и имелись какие-то возражения, он оказался достаточно деликатен, чтобы оставить их при себе. Войдя в большой холл, аббат взглянул на стену и, казалось, испытал облегчение, увидев на месте фрески гладкую деревянную панель.

Прошло несколько дней, Филип с Анжелой устроились на новом месте, и жизнь их более или менее вошла в колею. В одной из наполовину законченных комнат на первом этаже поставили складные кровати, ели хозяева в кухне или на террасе.

Это было сделано для того, чтобы не доставлять неудобств и лишнего беспокойства рабочим, которые под руководством Пьера и Роже заканчивали отделку верхних помещений. Филип уже приступил к работе, и монотонный стук его пишущей машинки по нескольку часов в день раздавался на террасе. Иногда по вечерам Филип и Анжела отправлялись в город, в ресторан, выпить рюмочку с друзьями; несколько раз в неделю Анжела ездила по магазинам, одна или с мужем.

Она была поглощена заботами: заказывала мебель, хозяйственные принадлежности и еще сотни мелочей, необходимых в доме. Как ни странно, ремонт обошелся дешевле, чем они рассчитывали, несмотря на большой объем работ, — главным образом благодаря великодушию Роже в вопросе о вознаграждении и умеренным ценам подрядчика.

Таким образом, у Анжелы осталось больше денег на обстановку, и она хотела украсить дом так, чтобы интерьер соответствовал высоким запросам ее мужа. Анжелу больше не тревожили черные мысли, она привыкла к журчанию воды на мельнице. По вечерам, из-за жаркой погоды, над деревьями в саду поднимался густой туман, но она просто не обращала на него внимания.

На третьей неделе июля приехали первые гости из Лондона, Дорин и Чарльз Хендри. Выйдя из своего спортивного автомобиля, они разразились восхищенными возгласами. Одна из гостевых комнат была готова, хотя стены пока оставались некрашеными. Окна ее выходили в сад и рощу, приютившуюся у подножия обрыва. И именно в этой комнате Дорин и Чарльз провели свою первую ночь после приезда в Серый Дом.

На следующее утро, во время завтрака на террасе, Анжела заметила, что Дорин явно плохо выглядела. Даже Филип почувствовал что-то неладное и спросил:

— Вы хорошо спали?

Чарльз смутился, огляделся по сторонам и с коротким смешком ответил:

— Ну, вообще-то, мы и глаз не сомкнули. Всю ночь кошки так выли, что мы не могли уснуть. В жизни не слышал

ничего подобного. Одна здоровенная зверюга шастала по саду. Я встал, чтобы облить ее водой. У нее огненные желтые глаза — отродясь таких не видел.

— Мне очень жаль! — воскликнул Филип. — Да, раз уж мы об этом заговорили, здесь полно кошек, но я бы не сказал, что нас они беспокоят. А ты их слышала, дорогая? — обратился он к Анжелс.

Та побледнела, пробормотала какую-то банальность и, быстро извинившись, вышла из-за стола. Больше ничего существенного за время непродолжительного визита Хендри не произошло. Он оказался исключительно коротким. Сначала муж с женой собирались погостить в Сером Доме две недели, но уже через несколько дней Чарльз сообщил, что у него возникло срочное дело и ему необходимо вернуться в Англию. Анжела могла поклясться, что, когда спортивная машина гостей тронулась прочь от Серого Дома и они с Филипом принялись махать на прощание, она заметила во взгляде Дорин облегчение.

Придумал ли Чарльз это «дело» или нет, вскоре стало ясно, что оно было всего лишь отговоркой, — через пару дней, к их взаимному смущению, все четверо встретились на городской площади. На той же неделе, в пятницу, Филип сделал неприятное открытие, которое лишило его покоя, а Анжелу наполнило глубокой тревогой. Филип вернулся с прогулки, совершенной вместе с Роже, и спросил Пьера:

— Послушайте, а вы знали, что там, в конце аллеи, находится заброшенное кладбище?

Пьер пожал плечами и ответил, что вроде бы там было какое-то кладбище, но довольно далеко от дома, за рощей. Он не видел в этом ничего особенного. Филип вынужден был согласиться, что кладбище — и в самом деле пустяки. Но эта новость буквально потрясла его, хотя он сам не желал себе в этом признаться.

Они с Роже осматривали участок, чтобы установить его границы; Филип захотел поближе взглянуть на сад и водяную мельницу. Они подошли почти к границе сада — местами приходилось продираться через заросли высоченной крапивы, — когда Филип с удивлением заметил ржавую железную ограду, окружавшую довольно большой участок земли; за деревьями мелькали белые камни.

Роже был удивлен не меньше своего работодателя. Мужчины, побуждаемые любопытством, двинулись вперед и вскоре оказались перед замысловатыми железными воротами, украшенными ржавой металлической лентой со знакомой надписью; каменные столбы ворот были покрыты мхом и лишайником; шар, венчавший одну из колонн, давно скатился в траву.

Ворота были не заперты, и после некоторого колебания мужчины вошли на кладбище. От протяжного скрипа ворот, вращавшихся на полуразрушенных от времени петлях, у обоих стало нехорошо на душе.

На кладбище было около тридцати склепов, а с того дня, как последний покойник занял свое место, прошло не менее века. Пока они озирались по сторонам, Роже сказал с дрожью в голосе:

— Должно быть, это и есть старое кладбище де Меневалей. Помню какие-то старые истории — горожане говорили, что этот род проклят и произошли большие церковные дебаты насчет того, пристойно ли хоронить их на городском погосте. После этого епископ велел устроить подальше от города частное кладбище для членов семьи.

При этих словах Филип не смог подавить дрожи; на него произвело мрачное впечатление это место. Он теперь понял, что деревья в конце сада были посажены как раз для того, чтобы скрыть кладбище от глаз случайного наблюдателя. Ему стало ясно, откуда берется этот зловещий туман, поднимающийся над садом по ночам. Место было нездоровым, и Филип решил, что нужно посоветоваться с людьми из отдела здравоохранения.

Филип и Роже прошлись по коротким аллеям, разделявшим старое кладбище на секторы, и оказались перед внушительным памятником, расположенным в самом дальнем углу; его окружали разросшиеся лавровые кусты, нижняя часть монумента была скрыта в зарослях ежевики. Филип с интересом отметил, что склеп был выстроен в виде древнегреческого храма.

На стене склепа повторялся тот же геральдический щит, что и на фреске в холле; он увидел имена Эктора де Меневаля и других представителей рода. Даты рождения и смерти вроде бы уже стерлись. Хотя нет, присмотревшись, Филип заметил, что даты рождения были видны ясно, но на

том месте, где обычно ставится год смерти, не было ничего, даже обычное тире между этими датами отсутствовало. Это выглядело странно.

Роже озадаченно разглядывал длинную латинскую надпись, тянувшуюся вдоль стены склепа. Она означала примерно следующее: «Они могущественны и познали великую радость; они вкусят Вечной Жизни». Почему-то эта надпись произвела на Филипа неприятное впечатление, и он невольно вспомнил коварно-злобное выражение на лице старика с фрески.

Он уже собирался уходить, когда его позвал Роже. Присоединившись к другу, который трясущимся пальцем указывал в сторону, он увидел, что часть стены склепа обвалилась. Земля осыпалась внутрь, увлекая за собой обломки мрамора.

В зияющем проломе они разглядели темные ступени и в отдалении — нечто вроде катафалка. Из отверстия исходил отвратительный запах падали. Пройдя немного вдоль стены, Филип заметил еще одну странную вещь. Трава рядом с дырой в стене была примята, словно здесь протащили нечто тяжелое; след уходил в сторону зловещих кустов, окружавших кладбище.

Ни Филипу, ни Роже не захотелось идти по этому следу, и через несколько мгновений по молчаливому взаимному согласию они поспешили к дорожке, ведущей в сторону дома. Ворота насмешливо скрипнули у них за спиной.

Филип никому не стал рассказывать подробности своей прогулки по кладбищу. А на следующей неделе был праздник, кульминацией которого стал сюрприз Филипа.

Хозяин издательства, выпускавшего книги Филипа, должен был на несколько дней приехать в Бургундию; он обещал провести с ними день и осмотреть их новое жилище. Филип организовал в его честь вечеринку, и гвоздем программы должно было стать некое чудо в большом холле. За три дня до вечеринки в помещение не разрешалось входить ни друзьям, ни домочадцам и по всему дому разносился стук молотков и визг пил. Роже и Филипп совещались о чем-то за закрытыми дверями; рабочие таскали туда-сюда доски, покрытые замысловатой резьбой, и с улыбкой отрицали, что им что-то известно.

И вот двери большого холла распахнулись. В центре стояли столы с напитками и едой, в очаге пылала целая поленница

дров — в помещении было холодно, несмотря на лето и деревянную обшивку стен. Взгляды гостей были прикованы к сооружению, над которым Роже и Филип работали целый год.

Сверху по всему периметру холла тянулась легкая галерея. По сторонам от входных дверей располагались две изящные лесенки из резного дуба, с полированными ступенями, ведущие наверх. Галерея пестрела всеми цветами радуги — тысячи книг, гордость Филипа, заключенные в аккуратные деревянные стеллажи, украшали стены. Все это выглядело потрясающе, и гости не смогли сдержать восторженного шепота.

Несколько минут спустя, поднимаясь по лестнице под руку с Филипом, Анжела подумала, что это действительно шедевр, достойное украшение большого холла. С высоты тридцати футов она взглянула на каменный пол, на волнующееся многоцветное море гостей; шум разговоров был подобен гулу прибоя, заглушающего звон бокалов. С галереи можно было и полюбоваться великолепным видом из окон; опершись на прочное ограждение, Анжела без страха смотрела на далекие горы, затянутые голубой дымкой.

Галерея слегка снижалась над камином, как раз под деревянной панелью, прикрывавшей фреску. С точки зрения Анжелы, это был единственный недостаток сооружения; ведь, если панель откроют, зритель, находящийся на галерее, окажется в непосредственной близости от зловещего старика.

Именно это и испортило Анжеле праздник. Они с Филипом наслаждались видом с галереи, когда Роже или еще кто-то, находившийся внизу, решил продемонстрировать любопытным гостям оригинальное устройство. Нажали кнопку, панель неслышно скользнула в сторону, и Анжела снова увидела отвратительную сцену. Это было так неожиданно, что она ахнула и отшатнулась назад, к перилам.

Филип мгновенно оказался рядом с ней, лицо его выражало озабоченность.

— В чем дело? — спросил он.

— Ничего, — пробормотала она. — У меня просто голова закружилась, вот и все. От высоты, наверное.

Когда Филип вел жену вниз, когда-то смело смотревшую в долины с самых высоких горных вершин, она оглянулась на фреску, но оптический обман, так сильно напугавший ее, не повторился. Она могла поклясться, что глаз

мерзкого виконта на мгновение закрылся, как будто старик двусмысленно подмигнул ей. Должно быть, такой эффект дали шероховатая поверхность стены и блики на стекле, прикрывавшем теперь фреску.

IV

Лето подходило к концу. Филип вошел в привычный рабочий ритм, Роже появлялся в доме редко, оставшиеся двое строителей мирно лодырничали в хорошую погоду, добавляя последние штрихи к интерьеру. Анжела была слишком занята, чтобы думать о всяких ужасах, она занималась хозяйством и обставляла дом.

Аббат приходил к ним в гости весьма часто. Анжела была рада его обществу, рада была видеть его доброе лицо; присутствие аббата давало ей чувство покоя и безопасности. Монсеньор Жоффруа был интересным собеседником и обладал чувством юмора, его присутствие оживляло ужины в Сером Доме, когда ночные мотыльки кружились около ламп, а обитатели дома наслаждались вечерним отдыхом на балконе и великолепным видом, не переставшим восхищать их.

Несколько раз супруги навещали аббата в его квартире в старинном университетском здании и были поражены размерами и древностью книжного собрания — самой большой гордости этого учебного заведения. В одно из этих посещений Филип спросил старика, не может ли он сообщить ему какие-нибудь фамильные секреты де Меневалей.

Монсеньору Жоффруа очень этого не хотелось, но в конце концов он сдался и оставил писателя в своем кабинете наедине с громадным томом в медной обложке с четырьмя замками. Читать неразборчивый латинский текст было весьма утомительно, но все же Филипу удалось проникнуть в мерзкие тайны Меневалей; рассказ этот объяснял происхождение многих легенд и ужасных историй. Он поставил книгу на место и некоторое время сидел в размышлении; впервые он подумал о том, что приобретение Серого Дома было не слишком разумным поступком.

Он отказывался говорить о вычитанном в книге, но однажды намекнул Роже, что за страшные дела творили де Ме-

невали — настолько страшные, что сто лет назад горожане осадили замок и сожгли его вместе с его обитателями. К такой крайней мере жителей города подтолкнули похищения юных девушек — де Меневали использовали их в своих садистских ритуалах.

Филип больше ничего не сказал — подробности звучали бы слишком кощунственно, но это объясняло загадочный сюжет фрески в Сером Доме. Теперь Филип понял, что там было изображено вполне реальное событие, а не аллегория, и это открытие весьма обеспокоило его. Аббат отказался говорить на эту тему, лишь пристально взглянул ему в глаза и предупредил: «Берегите свою жену, месье!»

Несколько дней после этого эпизода Филип бродил по Серому Дому со странным, рассеянным выражением на лице, но погода стояла солнечная и теплая, и постепенно хорошее настроение вернулось к нему. Он побывал в местном отделе здравоохранения, где ему пообещали, что разберутся с кладбищем. Но, как это принято во французской провинции, раскачивались чиновники долго, шли недели, и в конце концов Филип забыл об этом.

В начале сентября, когда еще было тепло, но деревья уже оделись в золотой убор, с Анжелой произошел странный случай. Она стояла на террасе и любовалась пейзажем. Тишину нарушало лишь едва слышное журчание воды. Филип с Роже уехали в город по какому-то делу, Жизель, служанка, мыла посуду, и из кухни время от времени доносился звон фарфора.

Анжела ни о чем определенном не думала, лишь лениво размышляла, что подать на обед. Переведя взгляд с далеких пиков развалин замка на сад, она увидела там какого-то постороннего человека.

Он стоял около водяной мельницы, и она не могла как следует разглядеть его. На нем была голубая куртка, какие носят французские рабочие, и он, похоже, прикрывал рукой глаза от солнца. Женщина совершенно не испугалась, но, когда она посмотрела на незнакомца, тот оглянулся и окинул ее долгим, пронизывающим взглядом. Рассмотреть его лицо Анжеле мешала листва.

Когда Филип вернулся домой, она рассказала об этом, но муж заметил сделаной небрежностью:

— А, это, наверное, люди из здравоохранения. Приехали наконец-то.

Это мнение, казалось, нашло подтверждение на следующий день, когда Пьер и Филип отправились на дальнюю аллею, чтобы взглянуть на дренажную канаву. Филип обратил внимание Пьера на длинную колею в зарослях крапивы.

След, похожий на тот, который видели Филип и Роже в прошлый раз, очевидно, вел со стороны кладбища к старой развалившейся изгороди, а затем — в сад, прямо под террасу. Пьер ничего не сказал, но посмотрел на хозяина очень странно. Больше они не говорили об этом.

Когда они уже собирались возвращаться, Филип решил, что нужно спуститься в сад. Он никогда не бывал там с того дня, как перед покупкой осматривал мельницу, но таинственные следы возбудили его любопытство, и он хотел знать, действительно ли власти начали действовать. Пьеру, похоже, очень не хотелось туда идти, он отказывался, ссылаясь на позднее время. Солнце действительно уже садилось, стволы отбрасывали на землю длинные тени, и над дальними деревьями поднимался едва различимый туман.

Нервы у обоих мужчин были натянуты, и Филип вздрогнул, когда издалека донесся протяжный кошачий вопль. На минуту они остановились у входа в сад, но вопль не повторился. Тогда Филип смело двинулся вперед и начал продираться через разросшиеся кусты — не столько для того, чтобы произвести впечатление на строителя своей британской невозмутимостью, сколько для собственного спокойствия.

В саду они не обнаружили ничего особого. Дорожка внезапно обрывалась. В траве валялись ржавые садовые инструменты. Но Филип с удивлением заметил длинную железную лестницу, опутанную ветками и заросшую лишайником, — она была прикреплена к обрыву под Серым Домом. Лестница тянулась вверх и заканчивалась как раз под террасой. Филип почувствовал, что в этом необходимо разобраться.

Через несколько минут мужчины оказались наверху, на еще залитой солнцем дороге, и стряхнули с себя тягостную атмосферу запущенного сада. Когда Филип заговорил о лестнице, Пьер только покачал головой. Он предположил, что лестницу приладили на случай пожара. Почему-то при этих

словах Филип испытал огромное облегчение. Он пришел в себя и предложил Пьеру зайти в кафе и выпить аперитив.

Вернувшись домой, он нашел Анжелу занятой подготовкой к ужину на террасе; Жизель бегала из кухни на террасу и обратно. Притворяясь, что любуется видом, Филип принялся искать взглядом лестницу. Да, она была там, хотя и оказалась гораздо ближе к перилам, чем ему показалось снизу. Филип и сам не знал почему, но его встревожило открытие, что любой может взобраться на террасу по этой лестнице, какой бы старой и ржавой она ни была. Хотя беспокойство это не имело оснований, ведь лестница наверняка предназначалась для спуска в сад в случае пожара.

И в то же время Филип был озадачен, зачем строители сделали лестницу так неудобно: она заканчивалась примерно в трех футах под террасой, среди зарослей ежевики. Он заметил еще кое-что, и это встревожило его еще больше. Сама лестница была покрыта ржавчиной, лишайником и мхом, но посредине перекладины блестели, словно кто-то часто поднимался по ним.

В эту ночь Филип спал плохо, но стояло безмятежное бабье лето, синело небо, светило солнце, и назавтра он снова почувствовал себя вполне комфортно.

Анжела тоже пребывала в хорошем настроении, и супруги совершали обычные визиты. Хотя ремонт дома был закончен, они по-прежнему общались с Пьером, Роже, месье Гасионом и аббатом, регулярно обмениваясь визитами.

Работа Филипа шла наилучшим образом. Книга рассказов о призраках, законченная еще в мае, вскоре после переезда в Бургундию, прекрасно расходилась в Англии, шли переговоры об издании ее в Америке и на континенте. А теперь, несмотря на попытки аббата отговорить его, писатель начал роман, сюжет которого основывался на истории де Меневалей. Он позабыл о своих сомнениях и странных событиях, и мысль его блуждала по мрачным тропам, получив дополнительный материал для книги.

Он полностью погрузился в работу, день за днем проводил над пишущей машинкой, и даже ночью Анжела слышала ее стрекот. Он предпочитал работать на террасе, даже с наступлением октября, когда ночи стали холодными. Анжела выговаривала ему за это, но он только посмеивался над

ней и просил ее не волноваться. На этот случай у него были толстый свитер и трубка.

Филип был доволен тем, как продвигается работа; он написал уже пять глав и набросал вчерне еще три. Он уже заговорил о том, чтобы закончить роман к концу осени и отправить рукопись издателю до нового года.

Анжела была рада за мужа, но ее беспокоил его внешний вид. Филип побледнел от переутомления, глаза его провалились — таким она его никогда не видела. Она надеялась вернуться в Англию до наступления холодов, но Филип заговорил о том, чтобы остаться в Сером Домс. Для него это ничего не значило, ведь он по горло занят работой, но Анжеле будет так тоскливо в долгую мрачную и дождливую бургундскую зиму.

Не желая ссориться, они оставили этот вопрос открытым, и Анжела выудила у Филипа обещание, что, если книга будет закончена в следующем месяце, они вернутся в Лондон и он лично вручит роман издателю. Муж отказывался давать ей читать черновик, не желая портить эффект.

— Это лучшее, что я создал, — говорил он восторженно, грызя трубку. — Не помню случая, чтобы работа шла так хорошо. Она чуть ли не сама пишется.

Анжела быстро взглянула на мужа, но ничего не сказала.

— Странная вещь, — продолжал он, нахмурив брови и глядя на стопку отпечатанных листов, лежавших перед ним, — есть кое-какие места, я просто не помню, как писал их... Вот, например, это: «...средневековая атмосфера передана необыкновенно верно...» Нет, наверное, лучше тебе этого не читать. Подожди, пока закончу. Когда вырываешь кусок из контекста, все портится.

Анжела наблюдала за работой мужа с растущей тревогой; она никогда не видела его в таком состоянии, но утешала себя мыслью, что ее вмешательство только испортит дело и чем скорее он доберется до конца, тем скорее они вернутся в Англию.

Несколько дней спустя Филип торжественно объявил, что приступил к последней главе и что он отредактирует книгу уже в Англии. Анжела встретила эту новость с нескрываемым облегчением. Филип удивленно взглянул на нее. Он был бледен как смерть; глаза лихорадочно горели от ночных бдений. Затем он отложил трубку и обнял жену.

— Я знаю, что тебе здесь скучно, дорогая, — сказал он. — Но осталось еще несколько дней, а затем мы вернемся в Лондон. Я убежден, это самая выдающаяся вещь из всего написанного мной. Уверен, ты согласишься, что дело того стоило.

Муж и жена, оба довольные ходом дел, принялись обсуждать подготовку к отъезду, а по вечерам Филип яростно строчил последние страницы. Они собирались уехать в ближайшую среду и уже упаковали кое-какие вещи. На следующий день за багажом должна была приехать машина, и Анжела ощущала странное удовлетворение — она была довольна жизнью, довольна отношениями с Филипом и даже Серым Домом. Она решила, что на следующий год совершенно привыкнет к этому страноватому месту.

В субботу Филип рано закончил работу. Он трудился на террасе весь день, но конце концов, поднявшись из-за стола с возгласом отвращения, унес пишущую машинку и стопку бумаги в столовую. Анжела запомнила, что Филип вставил в машинку чистый лист. А затем они отправились спать.

Она проснулась среди ночи, некоторое время лежала в полусне, а затем очнулась — ее насторожили какие-то резкие, скрежещущие звуки. Затем она перевернулась на другой бок, сообразив, что Филип, наверное, опять работает. По-видимому, он решил вернуться к прерванной главе. Но потом Анжела нащупала рядом руку мужа, услышала его ровное дыхание, и в душу ее закрался страх. Скрип, хорошо различимый в ночной тишине, доносился из столовой, и в ее сознании всплыли тысячи тревожных мыслей.

Совершив над собой усилие — а Анжела была смелой женщиной, — она заставила себя встать с кровати и не будить мужа. Не позаботившись накинуть халат, она на цыпочках вышла из комнаты.

Прикрыв за собой дверь спальни, она включила лампу. Яркий желтый свет, падавший на знакомые предметы, успокоил ее, и она даже рассердилась на себя за глупые страхи. Она твердым шагом спустилась по ступенькам. Разбудившее ее царапанье продолжалось. Двигаясь в сторону столовой, женщина включала по дороге свет, и постепенно уверенность ее росла. Примерно в десяти ярдах от двери в столовую половица внезапно скрипнула у нее под ногой. Царапанье тут же прекрати-

лось, и Анжела услышала странный шум, словно кто-то полз по полу.

Она с бешено бьющимся сердцем распахнула дверь в столовую, включила свет и в ослепительном сиянии ламп увидела, что комната пуста. Все было на месте, в доме царила тишина, лишь ветер шумел за окном. Она включила все фонари на террасе, но на огромной площадке, вымощенной плиткой и огороженной железными перилами, тоже никого не было.

Она заставила себя взглянуть на стол. На пишущей машинке лежало несколько исписанных листов, готовых к перепечатке. Последняя страница была покрыта французским текстом, написанным корявым почерком. Анжела прочла: «Плоть девственниц — самая желанная пища, и тот, кто вкусит это нежнейшее мясо, познает Вечную Жизнь. А самая прекрасная из замужних женщин станет невестой Повелителя Прелюбодеек, и огни в склепе будут гореть ярче, чем на свадебном пиру...» Предложение не было закончено, и чернила еще не высохли.

Анжела, дрожа, почти теряя сознание, отшатнулась, но все же успела заметить на скатерти около машинки какой-то предмет. Это был кусочек зеленого лишайника.

V

Во вторник Филип и Анжела пригласили друзей на прощальный обед, на котором Филип собирался читать отрывки из своего романа. Предыдущее воскресенье они провели за упаковкой вещей, а в понедельник Филип, торжествующе размахивая над головой толстой пачкой бумаги, сообщил жене, что книга закончена. Анжела не рассказывала ему о событиях субботней ночи; над домом нависла какая-то мрачная тень, и женщина знала, что ее слова ничего не изменят. Она лишь радовалась тому, что скоро они уедут отсюда и ей не придется проводить здесь зиму; она разделяла восторг Филипа по поводу окончания книги, по крайней мере внешне.

Супруги провели день, обсуждая планы на будущее, и, рано выпив чаю, Филип уехал к Роже; он договорился выпить с другом и обсудить кое-какие дела. У него были идеи насчет сада, он хотел построить высокую каменную стену,

чтобы отгородить старое кладбище, — Анжела приветствовала эту мысль. Жизель осталась в доме, и Филип пообещал вернуться к девяти, чтобы лечь пораньше.

Необходимо было подготовиться к завтрашнему приему, и у Анжелы было много дел. День снова выдался жарким, закатное солнце окрасило горы в темный кармин, оставив долину во тьме. Стало холодать, вода на старой мельнице необычно громко звенела в наступившей тишине, облака густого тумана бесшумно поднимались над садом.

Кошки на улице решили устроить концерт. Анжела ушла за шерстяным свитером. Через какое-то время они с Жизелью переместились на кухню и продолжали разговаривать там, но не стали выключать свет на террасе. Филип оставил Анжеле рукопись — она пообещала высказать ему свое мнение, когда он вернется, хотя чувствовала, что для чтения ей не хватит оставшихся трех часов.

Время от времени, разговаривая со служанкой, она оборачивалась и смотрела на стопку бумаги, лежавшую на террасе на рабочем столе Филипа. Жизели нужно было закончить уборку, и она отправилась за пылесосом. Анжела, прихватив с собой чашку кофе, села за стол на террасе. Она сама не знала, почему сделала так, но чувствовала, что роман Филипа следует читать на террасе, там, где он был написан. На титульном листе стояло: «В долине Дьявола».

Анжела с любопытством принялась за чтение. Это был самый необычный из романов Филипа. Молодая женщина была поражена отвратительными вещами, описанными в книге. Должно быть, прошел уже час, тишину нарушали лишь слабый шелест страниц и отдаленное гудение пылесоса. Нетронутый кофе давно остыл.

Внезапно Анжела вздрогнула, подняла голову и огляделась. Глаза ее блестели, она напряженно смотрела вокруг себя. Странно, но ей показалось, что на террасе вдруг стало ужасно жарко. Она знала, что к чтению последней части романа следует подготовиться. Она слишком тепло одета — надо переодеться. Десять минут спустя Анжела вышла из спальни с неприятным, похотливым выражением на лице, щеки ее пылали, в глазах горело желание. Она была почти обнажена — на ней была только легкая сорочка, почти не скрывавшая тело; волосы были аккуратно причесаны.

Анжела беспумно прокралась мимо дверей комнаты, где Жизель вытирала пыль. Оказавшись на террасе, она набросилась на книгу и начала пожирать глазами строчки. Пробило восемь, ей оставалось лишь несколько десятков страниц. На лице женщины появилось сладострастное выражение, она дрожала всем телом. Она не обращала внимания на полупрозрачный туман, окутавший балкон. Напрягая глаза, Анжела стремилась к последней странице, которая должна была открыть ей великую тайну.

С пылающим лицом она читала то, чего нельзя было читать ни одной женщине. Ей показалось, что кто-то из глубины веков воззвал к ней. Она вспомнила хлыст с металлическим наконечником, и тело ее задрожало от возбуждения. Когда Анжела добралась до последнего предложения, у перил раздался какой-то шорох, но она не обратила на него внимания.

Она впитывала последние слова книги: «Обнажи свое тело, сними с себя одежду, забудь о стыде. Приготовься исполнить волю Повелителя. Приготовься, Невеста Дьявола».

Анжела вскочила на ноги, глаза ее были закрыты, кончик языка высунут, из-под ресниц выкатилась капля влаги.

— Возьми меня, Повелитель,— едва слышно выдохнула она.

Кто-то рванул ткань ее сорочки, обнажив грудь. Она почувствовала отвратительный запах тления, но счастливо улыбалась, когда иссохшие руки уносили ее...

VI

Вскоре после девяти Филип в отличном настроении вернулся от Роже, но, когда он вошел в дом, радость сменилась сначала удивлением, затем ужасом. Горничная Жизель лежала на диване в столовой, погруженная в неестественно глубокий сон. Проснувшись, она удивилась и ничего не смогла объяснить. Последнее, что она помнила,— это как она вытирала пыль. Филип обыскал весь дом, зовя жену по имени.

На полу в спальне он обнаружил одежду Анжелы. Но лишь на балконе им впервые овладел настоящий страх. Его испугала не опрокинутая чашка кофе, не разбросанные по полу листы рукописи и даже не кусочки зеленого лишайника. Он увидел у перил след, словно кто-то продирался

сюда через заросли ежевики, лез по лестнице на террасе; именно это, а также прядь светлых волос его жены, зацепившаяся за колючки, чуть не свели его с ума.

Захватив в гараже мощный электрический фонарь, он бросился бежать по пологой, заросшей крапивой аллее, выкрикивая имя Анжелы. Голос его порождал зловещее эхо, и он снова почувствовал отвратительный трупный запах, который, казалось, источал сам туман, собравшийся в низине. Когда луч фонаря выхватил из темноты что-то белое, сердце Филипа едва не выпрыгнуло из груди. Именно тогда до него дошло, что он больше не надеется увидеть Анжелу; в этот миг, самый черный в его жизни, им овладел леденящий ужас — он увидел на кусте крапивы сорочку своей жены — жалкую, изорванную, покрытую пятнами крови.

У Филипа подкосились ноги, он задрожал всем телом — тропа, проложенная в зарослях крапивы, вела прямо на заброшенное кладбище, и Филип знал, что, как он ни любит свою жену, он не осмелится прийти туда ночью и встретиться с его жуткими обитателями. Как в кошмарном сне, он побежал обратно к дому, спотыкаясь, падая, ушибая ноги о камни, царапая лицо о кусты ежевики. У него был ужасный вид, когда он на трясущихся ногах вошел в кафе на окраине города и по телефону принялся жалобно умолять Роже Фрея приехать.

Молодой архитектор не только немедленно откликнулся на его зов, но и прихватил по дороге монсеньора Жоффруа. Оба они присоединились к обезумевшему Филипу через четверть часа. Вид его поразил их, но несколько слов объяснили старому аббату все — его подозрения и страхи подтвердились.

Аббат полностью был готов: на шее висело богато украшенное серебряное распятие, в одной руке молитвенник, в другой, как ни странно, лом. Роже Фрей вооружился револьвером, на заднем сиденье его автомобиля лежали две большие электрические лампы, похожие на автомобильные фары.

— Наберитесь смелости, *mon pauvre ami*[1], — сказал монсеньор Жоффруа, помогая Филипу забраться в машину рядом с собой. — Мы должны исполнить свой долг. Боюсь, уже слишком поздно, чтобы вернуть вашу дорогую жену, но

[1] Мой бедный друг *(фр.)*.

мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы уничтожить это дьявольское создание и спасти ее душу.

Вне себя от ужаса, едва понимая сказанное аббатом, Филип вцепился ему в руку; спортивная машина Роже прыгнула вперед как сумасшедшая и на самоубийственной скорости понеслась к Серому Дому.

Фрей подъехал прямо к кустам, окруженным ядовитыми зарослями крапивы, стоявшими плотной стеной. Фары ярко освещали ворота кладбища. Фрей оставил огни включенными, двигатель работал.

— Чтобы напомнить нам о нормальной жизни, — сказал он.

— Этого довольно, — ответил монсеньор Жоффруа, сотворив в воздухе крестное знамение. — Остальное в руках Божьих.

Роже протянул Филипу один лом, аббат взял фонарь и второй лом, а сам Роже схватил револьвер и фонарь. Все трое плечом к плечу двинулись по сырой траве, не пытаясь скрываться. Филип поставил фонарь на столб ворот, осветив бо́льшую часть кладбища; к нему вернулось присутствие духа, и он повел друзей к склепу де Меневалей.

Шаги их гулко разносились по кладбищу, и внезапно с какого-то могильного камня на них прыгнуло существо с огромными пылающими глазами. Филип упал на одно колено. Револьвер Фрея дважды оглушительно выстрелил, и гигантская кошка с перебитым хребтом, скуля и хрипя, уползла умирать в кусты. Монсеньор Жоффруа тут же вскочил и устремился прямо к склепу де Меневалей. Остальные бросились за ним.

Филип до самой смерти не смог забыть то, что предстало его глазам в склепе. Эта сцена в духе гравюр Гойи преследовала его всю жизнь. Обнаженное тело Анжелы, без сомнения уже мертвой, покрытое кровоточащими ранами, но с выражением дьявольского наслаждения на лице, было крепко зажато в руках существа, лежавшего, словно отдыхая, на боку у входа в гробницу. Оно было одето в полуистлевший голубой сюртук и, очевидно, сломало одну из своих хрупких ног, спрыгивая в сад. Очевидно, поэтому оно так долго и пробиралось в свое зловонное логово.

Но самую страшную вещь они заметили не сразу. В одной из лап живого мертвеца, серой, иссохшей, похожей на пергамент, был зажат хлыст с острием, запятнанным свежей кровью. Лицо, наполовину изъеденное червями, с треснув-

ними костями черепа, торчавшими сквозь гнилую кожу, было повернуто к людям. Глаза, еще живые, злобно взглянули на троих мужчин.

Монсеньор Жоффруа не колебался ни секунды. Громоподобным голосом призвав Отца, Сына и Святого Духа, он поднял перед собой крест. Затем, передав распятие Филипу, он принялся бить огромным ломом древний ужас, который когда-то был человеком. Во все стороны летели зубы и волосы, трещали старые кости, в воздух поднималась пыль, запахло тлением. Наконец наступила тишина.

Тяжело дыша, монсеньор увел своих спутников прочь.

— Это все, что мы можем сделать сейчас, — сказал он. — Наутро у нас будет много дел, но эта отвратительная тварь больше никого не потревожит.

Аббат окропил останки Анжелы святой водой и прикрыл их одеялом, взятым из машины. Он оставался глух к рыданиям Филипа над телом жены.

— Нельзя ее трогать, — убеждал он своего друга. — Это больше не ваша жена, друг мой. Это тело принадлежит им. Но ради ее бессмертной души мы обязаны сделать то, что должно быть сделано.

Рассказывать осталось немного. Горожане еще долгие годы помнили об ужасах, обнаруженных в старом склепе де Меневалей. В ту же ночь монсеньор Жоффруа получил у епископа особое разрешение. На следующее утро, с первыми лучами солнца, в город прибыл батальон морской пехоты и приступил к работе под руководством аббата.

Когда склеп был вскрыт, глазам людей предстало такое кошмарное зрелище, что солдаты попятились, как испуганные дети. Монсеньор Жоффруа, действуя спокойно и смело, предотвратил панику и в тот день вел себя как истинный муж Церкви. Позднее люди говорили, что вещи, которые он видел и которые ему пришлось сделать, ускорили кончину доброго аббата.

Тело Анжелы поместили на спешно сооруженный за ширмой погребальный костер и сожгли, пока священники проводили службу. В могильнике де Меневалей солдат и священников ожидало леденящее кровь зрелище. Некоторые утверждали, что там было более тридцати тел, как представителей рода де Меневаль, так и молодых девушек, лишь едва тронутых разложением.

Под землей были обнаружены просторные помещения, где нсумирающие проводили свои отвратительные богохульные ритуалы. Так это или не так, достоверно лишь то, что сам епископ, монсеньор Жоффруа и капеллан провели обряд изгнания нечистой силы, а затем солдаты из огнеметов уничтожили все останки живых мертвецов.

Армейские инженеры взорвали подземные помещения, территория была выжжена и очищена. Позднее по приказанию епископа это место было залито бетоном, и с тех пор население города ничто не тревожит и в саду у водяной мельницы больше не появляется туман.

Серый Дом еще стоит, там никто не живет, и он постепенно приходит в упадок. Месье Гасион, сильно поседевший, ушел на пенсию и живет на вилле в Нормандии; монсеньор Жоффруа умер; Роже Фрей — успешный архитектор и работает в Париже.

VII

Романы Филипа по-прежнему пользуются популярностью. Он живет в Лондоне, у него молодая жена, весьма легкомысленная, но довольная, как она говорит, «простой жизнью». Он редко ездит за границу, очень редко во Францию и никогда — в Бургундию. Новые его работы, весьма популярные в англоговорящих странах, совсем иные по жанру.

В основном это комедии, легкое чтение, иногда — политические триллеры. Несмотря на то что Филипу еще нет пятидесяти, он совершенно седой и лицом походит на старика. Лишь взглянув пристально ему в глаза, можно увидеть в них адское пламя.

Два небольших примечания. После зловещих событий Роже Фрей обнаружил в Сером Домс, на террасе, в круглом каменном горшке, большую кучу пепла.

Изображение старика и девушки в большом холле исчезло; вся стена у террасы была исцарапана, словно кто-то долбил ее киркой.

Роже не строил догадок и ни у кого не спрашивал, куда делась фреска. Но об этом нетрудно догадаться.

М. Р. ДЖЕЙМС

Предупреждение для любопытных

Монтегю Родс Джеймс (1862—1936) остается одним из самых известных авторов произведений в жанре хоррор благодаря своим знаковым сборникам «Рассказы антиквария о привидениях» («Ghost Stories of an Antiquary»), «Новые рассказы антиквария о привидениях» («More Ghost Stories of an Antiquary»), «Кривая тень и другие истории» («A Thin Ghost and Others»), «В назидание любопытствующим» («A Warning to the Curious») и «Собрание рассказов М. Р. Джеймса о привидениях» («The Collected Ghost Stories»). Он также написал роман для детей в жанре фэнтези, «Пять кувшинов» («The Five Jars»), вышедший в 1922 году.

Джеймс известен прежде всего как автор классических «историй с привидением», таких как «Ты свистни — тебя не заставлю я ждать...» («Oh, Whistle and I'll Come to You, My Lad»), «Заклятие рун» («Casting the Runes»), «Меццотинто» («The Mezzotint») и «Альбом каноника Альберика» («Canon Alberic's Scrap-book»); среди них и предлагаемый читателю рассказ, в котором затрагиваются многие излюбленные писателем темы.

В начале семидесятых компания BBC-TV поставила фильм по рассказу «Предупреждение для любопытных», который вошел в сериал «Рождественские истории о привидениях» («A Ghost Story for Christmas»). В этом фильме Питер Воган сыграл незадачливого искателя кладов, которого преследует мертвый страж древней короны английских королей.

Местечко на восточном побережье, куда я предлагаю мысленно перенестись читателю, называется Сиборо. Со времен моего детства этот городок почти не изменился. На юге тянутся исчерченные канавами болота, напоминающие о первых главах «Больших надежд»[1]; на севере — плоские поля, переходящие в вересковые пустоши; на

[1] «Большие надежды» — роман Чарлза Диккенса (1860).

западе — тоже вереск, сосны, бесконечные заросли утесника. Вдоль длинного пляжа идет улица; в конце улицы возвышается большая каменная церковь с широкой, основательной западной башней и шестью колоколами. Как хорошо я помню их звон воскресными августовскими вечерами, когда мы медленно поднимались в гору по дороге, покрытой белой пылью, — церковь стоит на вершине невысокого, но крутого холма. В те жаркие дни колокола звонили глухо, но, когда воздух был чище, они звучали мелодичнее. Вдоль той же улицы проходит и железная дорога, упирающаяся в небольшое станционное здание. Как раз перед станцией стоит веселенькая белая ветряная мельница, другая находится ниже, у самого галечного пляжа на южном конце Сиборо, еще несколько — на возвышенности, расположенной к северу от города. Улица застроена коттеджами из красного кирпича, крытыми шифером... Но зачем я обременяю вас этими деталями? Дело в том, что они словно собираются на кончике моего пера всякий раз, когда перо начинает писать о Сиборо. Я хотел бы быть уверен, что позволяю упасть на бумагу именно тем словам, которые необходимы. Но все время забываю об этом. Я еще не совсем овладел искусством создания слов.

Идите со стороны моря через город, мимо станции, затем поверните направо. Перед вами песчаная дорога, параллельная железнодорожным путям, и если вы пойдете по ней, то окажетесь на невысоком холме. Слева от вас (вы сейчас смотрите на север) — вересковая пустошь, справа, вдоль моря, — полоса старых сосен с густыми верхушками, изуродованных вечными ветрами, наклоненных в сторону побережья, как все приморские деревья. Увидев их из вагона поезда, вы сразу же поймете, что подъезжаете к морю. На вершине холма линия сосен прерывается и поворачивает вдоль небольшой гряды в сторону берега. Гряда эта заканчивается довольно заметной насыпью, возвышающейся над плоскими полями, заросшими травой; она увенчана кучкой сосен. Здесь можно сидеть жарким летним днем, безмятежно глядя на синее море, белые ветряные мельницы, красные домики, церковную колокольню и старый форт, расположенный дальше по побережью.

Как я уже сказал, я знаю Сиборо с детства, но не бывал там многие годы. Все же этот городок занимает некое место в моем сердце, и все истории, связанные с ним, интересуют

меня. Вот одна из таких историй; я услышал ее очень далеко от Сиборо, совершенно случайно, от человека, которому оказал услугу, — он счел ее достаточно важной, чтобы доверить мне этот рассказ.

Я неплохо знаю эти места, начал он. Раньше я почти каждую весну ездил в Сиборо играть в гольф. Обычно я останавливался в «Медведе» со своим другом — его имя Генри Лонг, возможно, вы его знали («Немного», — кивнул я); мы занимали одну из гостиных и неплохо проводили там время. С тех пор как он умер, я туда больше не езжу. Мне совсем не хочется видеть Сиборо после странного случая, происшедшего с нами во время последней поездки туда.

Стоял апрель 19... года. Получилось так, что мы оказались почти единственными постояльцами отеля. Поэтому общие комнаты практически пустовали, и мы весьма удивились, когда однажды после обеда дверь нашей гостиной отворилась и в нее заглянул незнакомый молодой человек. Какой-то анемичный, со светлыми волосами и бесцветными глазами, он походил на кролика, но черты лица у него были довольно приятны. Поэтому, когда он спросил: «Прошу прощения, этот номер занят?» — мы не проворчали «да», напротив, кто-то — Лонг или я, это не важно — пригласил его войти. «Большое спасибо», — ответил он, и на лице его отразилось явное облегчение. Было очевидно, что гость наш нуждается в обществе; и, поскольку он оказался человеком разумным и не стал обрушивать на нас свою семейную историю, мы попросили его чувствовать себя как дома. «Осмелюсь заметить, что остальные номера могли бы показаться вам довольно пустынными», — сказал я. Молодой человек согласился и рассыпался в благодарностях. Покончив с этим, он уселся и сделал вид, что читает книгу. Лонг раскладывал пасьянс, я писал. Через несколько минут мне стало ясно, что незнакомец находится во взвинченном состоянии, которое передалось и мне, так что я оставил свою работу и решил занять его разговором.

После нескольких незначительных фраз молодой человек перешел на доверительный тон.

— Вы сочтете меня странным, — начал он, — но дело в том, что недавно я пережил сильное потрясение.

На это я порекомендовал ему выпить чего-нибудь подкрепляющего, и мы послали за спиртным. Вошедший официант заставил гостя прервать рассказ (причем мне показалось, что наш молодой человек буквально подскочил, когда открылась дверь), но через какое-то время он снова вернулся к изложению своих горестей. Он никого не знает в Сиборо, сказал он, но случайно ему стало известно, кто мы такие; он нуждается в совете, если мы не возражаем. Конечно, мы оба заявили, что с удовольствием поможем ему, и Лонг отложил карты. Устроившись поудобнее, мы приготовились слушать, в чем состоит затруднение.

— Все началось, — заговорил наш гость, — примерно неделю назад, когда я поехал на велосипеде в Фростон — это в пяти-шести милях отсюда, — чтобы посмотреть на тамошнюю церковь. Я интересуюсь архитектурой и хотел взглянуть на паперть церкви — одну из этих замечательных папертей с гербами и нишами. Я сфотографировал вход, а потом какой-то старик, подметавший церковный двор, спросил меня, не желаю ли я заглянуть внутрь. Я согласился, он достал ключ и впустил меня. Внутри не было ничего особенного, но я сказал, что это прекрасная церковь и он содержит ее в замечательной чистоте, но крыльцо — ее лучшее украшение. Мы как раз вышли на паперть, и старик ответил:

— Да, конечно, крыльцо прекрасное; а знаете ли вы, сэр, что означает вот этот герб?

Он указал на герб с тремя коронами, и, хотя я мало смыслю в геральдике, я ответил, что знаю, — это древний герб королей Восточной Англии.

— Точно, сэр, — подтвердил старик. — А известно ли вам, что означают эти три короны?

Я ответил, что, без сомнения, это общеизвестный факт, но я не помню, слышал ли когда-нибудь об этом.

— Ну, тогда, — воскликнул старик, — хоть вы и ученый человек, я могу вам рассказать кое-что, чего вы не знаете! Это три святые короны, которые были зарыты на берегу, чтобы охранять нас от нападения германцев. Э... я вижу, что вы в это не верите. Но я вам точно говорю — если бы одна из этих трех корон еще не лежала в земле, то германцы высаживались бы здесь снова и снова. Приплывали бы на своих кораблях и убивали мужчин, женщин и детей в их

постелях. Вот что я вам скажу, и это истинная правда. А если вы мне не верите, спросите у священника. Вот он идет; спросите его, говорю вам.

Я оглянулся и увидел священника, приятного пожилого человека, приближавшегося к нам по тропинке. Прежде чем я успел заверить своего гида, который уже был довольно возбужден, в том, что я не сомневаюсь в его словах, священник вмешался и спросил:

— В чем дело, Джон? Доброго вам дня, сэр. Вы осматривали нашу маленькую церковь?

Мы обменялись несколькими фразами, за это время старик успокоился, и пастор снова спросил его, что случилось.

— О, — ответил тот, — ничего, сэр, я просто совстовал этому джентльмену спросить вас насчет святых корон.

— Ах, верно, — сказал священник, — это весьма любопытная история, не так ли? Но я не думаю, что джентльмена интересуют наши старые байки.

— О, он охотно вас послушает; вам-то он точно поверит — а как же иначе, ведь вы знали Уильяма Эйджера, и отца, и сына.

Здесь я вставил словечко и заявил, что буду рад выслушать все. Через несколько минут мы уже шагали с пастором по деревенской улице — ему необходимо было переговорить о чем-то с прихожанами, — а затем направились к его дому, и он провел меня в кабинет. По пути священник, должно быть, убедился, что я не обычный турист и проявляю неподдельный интерес к фольклору. Поэтому он разговорился, и меня удивило, что любопытная легенда, рассказанная им, до сих пор не была нигде напечатана. Он передал ее так:

— Жители этих мест всегда верили в три короны. Старики говорят, что они были зарыты в трех разных местах неподалеку от побережья, чтобы отражать нападения даков, франков и германцев. Еще говорят, что одна из корон была откопана давным-давно, вторую унесло волнами, но третья еще действует, защищая нас от захватчиков. Ну, если вы читали популярные путеводители и знакомы с историей нашего графства, вы, возможно, вспомните, что в тысяча шестьсот восемьдесят седьмом году в Рендлшеме была обнаружена корона, которая, как считается, принадлежала Редвальду, королю Восточной Англии. Но, увы, она рассыпалась в прах, прежде чем ее успели зари-

совать или хотя бы как следует рассмотреть. Хотя Рендлшем находится довольно далеко от побережья, все же он достаточно близок к морю и расположен в стратегически важной точке. Мне кажется, это была именно та корона, которую, как говорят, откопали. Потом, как всем известно, на юге некогда располагался королевский дворец саксов, который теперь находится под водой. Я так понимаю, что там была вторая корона. Но, кроме этих двух, как гласит легенда, осталась еще одна.

— И что, в легенде не говорится, где она находится?

Священник ответил:

— Может быть, и говорится, но люди никогда вам об этом не скажут.

И в голосе его прозвучало что-то такое, что помешало мне задать очевидный вопрос. Вместо этого я помолчал немного и спросил:

— А что имел в виду старик, когда говорил о каком-то Уильяме Эйджере? Это имеет отношение к коронам?

— О, это еще одна любопытная история, — сказал священник. — Эти Эйджеры — очень старинная семья, они с незапамятных времен живут в здешних местах, хотя не могут похвастаться, насколько мне известно, ни знатностью, ни богатством. Так вот, эти Эйджеры утверждают, то есть утверждали, что их семья — хранители последней короны. Я родился и вырос неподалеку отсюда. Первым, с кем я познакомился, был некий Натаниэль Эйджер. Он, насколько мне известно, прожил на побережье в палатке всю войну тысяча восемьсот семидесятого года. Уильям, его сын, провел у моря Англо-бурскую войну. А молодой Уильям, внук Натаниэля, — он совсем недавно умер — жил в коттедже очень близко от места захоронения короны, и я не сомневаюсь, что ночные бдения и сырой воздух ускорили его конец. Он умер от чахотки. Он был последним из этого рода. Какое горе, должно быть, причиняло ему отсутствие преемника, но он бессилен был что-либо изменить — все его родственники жили в колониях. Я писал под его диктовку письма, в которых он умолял их приехать по делу, очень важному для семьи, но ответа не последовало. Итак, последняя из трех корон, если она еще там, потеряла хранителя.

Вот что рассказал мне священник, и вы можете себе представить, как меня заинтересовала эта история. Когда мы рас-

сались, в голове у меня вертелась только одна мысль: как бы добраться до того места, где якобы спрятана корона. Лучше бы я забыл о ней!

Но, наверное, такова моя судьба; проезжая на велосипеде мимо церковного двора, я случайно заметил свежий могильный камень, на котором было высечено имя Уильяма Эйджера. Разумеется, я слез с велосипеда и прочел надпись. Там говорилось: «...родился в этом приходе, умер в Сиборо в 19... в возрасте 28 лет». Вот судьба, понимаете ли. Несколько осторожных вопросов, заданных нужным людям, — и я смогу, по крайней мере, найти коттедж, ближайший к месту нахождения клада, думал я. Только я не знал, к каким людям обращаться и с чего начать. Но словно чья-то рука вела меня: я зашел в антикварную лавку, которая находится дальше по улице, — вы ее наверняка знаете. Покопался в старых книгах и вот, пожалуйста, обнаружил старый молитвенник, года примерно тысяча семьсот сорокового, в красивом переплете, но я сейчас схожу и принесу его, он в моей комнате.

Наш новый знакомый вышел, оставив нас в некотором изумлении. Но не успели мы обменяться и несколькими словами, как он уже вернулся, запыхавшись, и протянул нам книгу, открытую на титульном листе, на котором крючковатым почерком было написано:

Натаниэль Эйджер имя мне, я в Англии рожден,
В Сиборо мой дом стоит, и в церкви я крещен.
Когда усну в могиле я, истлеют мои кости,
Бог не забудет обо мне, лежащем на погосте.

Стихотворение было датировано 1754 годом, и там было еще много записей об Эйджерах — Натаниэле, Фредерике, Уильяме и прочих, и заканчивался список Уильямом, рожденным в 19... году.

— Видите, — продолжал рассказчик, — любой бы сказал, что это огромная удача. Я так и решил, но тогда я еще не знал, чем это все кончится... Конечно же, я расспросил хозяина об Уильяме Эйджере, и, конечно, он вспомнил, что этот человек жил в домике на Северном поле и умер там же. Итак, мне указали дорогу. Я знал, какой коттедж мне нужен: там есть только один подходящего размера. Следующим этапом было завести знакомство с его соседями, и я немедленно от-

правился туда. Меня выручила собака: она бросилась на меня так яростно, что хозяевам пришлось выбежать и отогнать ее, затем, естественно, последовали извинения, и мы разговорились. Мне понадобилось лишь упомянуть имя Эйджера и сделать вид, что я знал его. Женщина принялась причитать — как жаль, что он умер таким молодым, она уверена, это оттого, что он проводил ночи под открытым небом в любую погоду. Тогда я спросил, ходил ли он по ночам в сторону моря, и женщина сообщила, что Уильям проводил ночи на холме, увенчанном купой деревьев. И я отправился туда.

Мне было кое-что известно об исследовании курганов; я немало их раскопал. Но прежде я всегда работал с разрешения владельца земли, при свете дня и с помощью рабочих. Мне пришлось провести очень тщательную разведку, прежде чем начинать копать: я не мог рыть траншеи поперек насыпи, зная, что старые сосны, растущие на вершине, обладают весьма длинными и толстыми корнями. Но песчаная почва оказалась совсем легкой, и работать было нетрудно; я нашел нечто вроде кроличьей норы, которую предполагал расширить и превратить в туннель. Оставалась проблема — как объяснить отлучки из отеля в самое неподходящее время. Решив, как буду начинать раскопки, я рассказал в гостинице, что меня вызвали в соседний город, и провел ночь на холме. Я прорыл туннель; не буду утомлять вас деталями работы, скажу лишь, что в конце концов я нашел корону.

Мы, естественно, не удержались от возгласов удивления и любопытства. Я знал о находке в Рендлшеме и часто сожалел, что она погибла. Никто из нас прежде не видел англосаксонской короны. Но наш гость смотрел на нас удрученно.

— Да, — вздохнул он, — и хуже всего то, что я не знаю, как *положить* ее обратно.

— Обратно? — воскликнули мы. — Да что вы, дорогой сэр, вы же сделали открытие, одно из самых удивительных в истории нашей страны. Разумеется, корону следует поместить в Тауэр, в королевскую сокровищницу. В чем проблема? Если вы боитесь землевладельца, законов насчет кладов и прочего, мы вам, разумеется, поможем. В этом случае никто не будет поднимать шум из-за таких мелочей.

Мы сказали еще многое, но он лишь спрятал лицо в ладонях и бормотал:

— Я не знаю, как положить ее обратно.

Наконец Лонг заявил:

— Простите меня, если я покажусь вам невежливым, но вы абсолютно уверены, что нашли именно ее?

Я собирался спросить то же самое, потому что, по зрелом размышлении, история звучала как бред сумасшедшего. Но я не осмеливался ранить чувства несчастного. Как ни странно, молодой человек воспринял этот вопрос довольно спокойно — хотя, возможно, это было спокойствие отчаяния. Он поднялся и сказал:

— О да, в этом нет сомнения; она у меня в номере, заперта в саквояже. Если хотите, можете пойти и взглянуть; я не стану предлагать вам принести ее сюда.

Мы не хотели упустить подобный шанс и отправились со страшным молодым человеком; его комната находилась немного дальше по коридору. Коридорный собирал выставленные у дверей ботинки; по крайней мере нам показалось, что это коридорный,— теперь я не так уверен в этом. Наш новый знакомый — его звали Пакстон — дрожал сильнее прежнего; торопливо юркнув в комнату, он поманил нас за собой, включил свет и тщательно запер дверь. Затем он открыл свой чемодан с инструментами, извлек несколько носовых платков, в которые было что-то замотано, положил сверток на кровать и развернул его. Теперь я могу сказать, что видел настоящую англосаксонскую корону. Она была довольно просто, если не сказать — грубо, сделана из серебра, как и корона из Рендлшема, и украшена драгоценными камнями, в основном античными геммами и камеями. Она была похожа на те короны, что вы видите на монетах и древних рисунках. Я решил, что эта вещь действительно сделана не позднее девятого века. Разумеется, я был весьма заинтересован, хотел было взять корону в руки и как следует рассмотреть, но Пакстон предупредил меня:

— Вы не трогайте ее. Лучше я. — И сказано это было с ужасным вздохом. Молодой человек взял корону и повернул ее несколько раз, чтобы мы смогли разглядеть ее. — Все? — спросил он наконец, и мы кивнули.

Пакстон снова завернул реликвию, спрятал ее в саквояж и на какое-то время застыл, тупо глядя на нас.

— Пойдемте обратно к нам, — предложил Лонг, — расскажите, в чем ваше затруднение.

Пакстон поблагодарил нас и ответил:

— Вы не сходите в коридор, не посмотрите — там кто-нибудь есть?

Это прозвучало глупо, ведь наше дело, в конце концов, не заключало в себе ничего криминального, а отель, как я уже говорил, был практически пуст. Однако у нас уже зародились кое-какие предчувствия, которые мы сами не смогли бы сформулировать, а нервное напряжение заразительно. И мы исполнили просьбу — выглянули из двери, и нам показалось (Лонг тоже это заметил), что какая-то тень метнулась прочь. «Все в порядке», — прошептал я Пакстону — я решил, что лучше говорить шепотом,— и мы вернулись в нашу гостиную, причем он шел между нами. Когда мы оказались у себя, я уже хотел пуститься в восторженные рассуждения о находке, но, взглянув на Пакстона, подумал, что это совсем не к месту, и предоставил ему начинать разговор.

— Что же мне делать? — вздохнул он.

Лонг решил (как он мне позже объяснил) притвориться тупым и сказал:

— Давайте выясним, кто владеет этой землей, сообщим...

— О нет-нет! — нетерпеливо прервал его Пакстон.— Прошу прощения; вы были очень добры ко мне, но разве вы не понимаете, что ее необходимо вернуть? Я не смогу пойти туда ночью, а днем это невозможно. Но я еще не сказал самого главного: так вот, дело в том, что с того момента, как я прикоснулся к короне, я ни на минуту не оставался один.

Я уже хотел отпустить какое-то глупое замечание, но Лонг поймал мой взгляд, и я смолк. Он продолжал:

— Мне кажется, я кое-что понимаю, но, может быть, вам станет... легче, если вы немного подробнее разъясните, в чем дело?

И тогда все выяснилось. Пакстон оглянулся, жестом попросил нас подойти ближе и заговорил почти шепотом. Мы, естественно, слушали очень внимательно, а потом сравнивали свои впечатления, и я записал наиболее полную версию; поэтому я уверен, что передаю его рассказ слово в слово. Он заговорил:

— Это началось, когда я проводил разведку на холме, и отвлекало меня от работы снова и снова. Среди деревьев кто-то стоял — какой-то мужчина. Он никогда не оказывал-

ся со мной лицом к лицу. Я замечал его боковым зрением справа или слева, а когда я оборачивался, чтобы рассмотреть его подробнее, его уже не было на прежнем месте. Несколько раз я, улегшись на землю, тщательно наблюдал за окрестностями и убеждался, что на холме никого нет; но, когда поднимался и принимался за работу, человек появлялся опять. Кроме того, он начал делать мне намеки; куда бы я ни спрятал молитвенник — в конце концов я даже закрыл его на ключ, — вернувшись в свой номер, я находил его на столе, открытым на первой странице, где был список имен, а сверху лежала моя бритва, чтобы книга не закрывалась. Видите ли, он слаб и тщедушен, но все равно я боюсь его. Так вот, когда я начал копать туннель, стало еще хуже, и, если бы я не был так увлечен своей затеей, я бросил бы все и сбежал. Меня словно кто-то царапал по спине; сначала я думал, что это осыпается земля, но, когда я приблизился к тому месту, где лежала... корона, я все понял — ошибиться было невозможно. Когда я обнаружил ее, схватил и вытащил из песка, у меня за спиной раздался крик — о, мне не передать, какое отчаяние в нем звучало! И какая страшная угроза... Этот крик испортил мне все удовольствие от находки — мне сразу стало не до нее. Не будь я таким злосчастным глупцом, я положил бы эту штуку обратно и снова закопал ее. Но я не сделал этого. Дальше было просто ужасно. Мне нужно было подождать несколько часов, прежде чем, не возбуждая подозрений, вернуться в гостиницу. Я начал засыпать туннель и заметать следы, и все это время он пытался помешать мне. Понимаете ли, иногда я видел его, а иногда — нет, видимо, он умеет появляться и исчезать или, точнее, способен создавать обман зрения. На рассвете я покинул курган и отправился на станцию, чтобы там сесть на поезд до Сиборо. Наступал день, но страж короны продолжал преследовать меня. Дорогу окружали живые изгороди, заросли утесника и заборы — я хочу сказать, там было где спрятаться, — и я ни минуты не чувствовал себя в безопасности. Показались люди, идущие на работу; они очень странно смотрели куда-то мне за спину. Я было подумал, что они удивляются, увидев прохожего так рано, но это было не так, я теперь совершенно уверен. Они глядели не на меня. Носильщик на станции тоже смот-

рел на меня странно. А проводник придерживал дверь несколько секунд, после того как я вошел в вагон, — так бывает, когда за вами следует кто-то еще. О, можете быть уверены, что это не игра воображения, — сказал Пакстон с глухим смешком, затем продолжил: — Даже если я положу ее обратно, он меня не простит, я знаю точно. А всего две недели назад я был так счастлив... — Он упал в кресло, и мне показалось, что плачет.

Мы не знали, как его утешить, но чувствовали, что должны чем-то помочь несчастному, и предложили то, что казалось единственным выходом. Мы сказали, что, если он твердо решил положить корону на место, мы поможем ему. И я должен признаться, что после всего услышанного это показалось нам правильным. Если на беднягу обрушились такие ужасы, то, может быть, эта корона действительно обладает таинственным могуществом и стережет побережье? По крайней мере, я так думал, и Лонг тоже. Во всяком случае, Пакстон очень обрадовался нашему предложению. Когда мы могли бы приступить к делу? Была почти половина одиннадцатого. Какой благовидный предлог придумать для служащих отеля, чтобы выйти сегодня ночью? Мы выглянули в окно: светила полная, пасхальная луна. Лонг взялся найти коридорного и умаслить его. Он собирался сказать, что мы будем отсутствовать не больше часа, а если погода покажется нам настолько приятной, что мы останемся еще ненадолго, то потраченное им время будет возмещено. Мы являлись постоянными клиентами отеля и не доставляли хозяину никаких неприятностей, слуги получали от нас неплохие чаевые. Итак, коридорный был умаслен и выпустил нас погулять по берегу, а сам, как мы потом узнали, остался нас ждать. Пакстон накинул на руку просторное пальто, под которым спрятал завернутую в тряпки корону.

Итак, мы уже отправлялись в это странное приключение, не успев полностью осознать, насколько оно страшное. Я специально описал наши сборы кратко, чтобы дать представление о той спешке, с которой мы все решили и начали действовать. «Самый короткий путь — вверх, в гору, и через кладбище», — сказал Пакстон, когда мы на мгновение задержались перед дверями отеля, оглядываясь по сторонам. Вокруг никого не было — улица пустовала. Сиборо в мертвый сезон — тихое местечко, здесь ложатся рано. «Нельзя идти

вдоль канавы, мимо коттеджа, там собака», — также предупредил Пакстон, когда я предложил показавшийся мне коротким путь вдоль берега, через поля. Он был прав. Мы пошли по улице, в гору, и свернули на церковный двор. Признаюсь, в голове у меня промелькнула мысль о том, что там, в земле, лежит кто-то, кто знает, куда мы сейчас идем. Но если и так, то мертвецу, наверное, было известно, что один из его, так сказать, единомышленников следит за нами, так что на кладбище мы никого не встретили. Но мы чувствовали, что за нами наблюдают, — никогда прежде мне не приходилось испытывать подобного. Особенно сильно мы ощутили это, когда миновали церковный двор и вышли на узкую тропу, обсаженную плотной высокой живой изгородью. Мы поторопились поскорее пройти сквозь этот коридор, как души умерших спешат преодолеть темную долину, и вскоре оказались на открытом пространстве. Затем мы двинулись вдоль изгороди, хотя я охотно вышел бы в поле, где мог видеть, следует ли за нами кто-нибудь. Мы прошли через несколько калиток, свернули налево и взобрались на гряду, которая оканчивалась пресловутым курганом.

Когда мы приблизились к насыпи, Генри Лонг и я почувствовали, что нас окружают призраки, в добавление к тому более материальному существу, которое за нами присматривало. Состояние Пакстона во время нашего путешествия я затрудняюсь описать: он дышал тяжело, как загнанный зверь, и мы не могли заставить себя взглянуть ему в лицо. Мы не стали расспрашивать его, что он собирается делать, вернувшись на место раскопок: он явно был уверен, что здесь трудностей не возникнет. И оказался прав. Я никогда не видел ничего подобного: молодой человек стремительно, как молния, бросился к какому-то месту на склоне и принялся разгребать землю так яростно, что через несколько минут почти пропал из виду. Мы ждали, держа пальто с завернутой короной, и озирались — должен признаться, весьма испуганно. Но ничего опасного не заметили. За спиной у нас темнела линия сосен, примерно в полумиле справа возвышалась колокольня, окруженная деревьями, слева виднелись коттеджи, почти у самого горизонта — ветряная мельница, а впереди темнело неподвижное море. Со стороны коттеджей и блестевшей в лунном свете канавы слышался отдаленный собачий лай. Полная луна оставляла на

волнах светящуюся дорожку; шелестели ветви сосен позади нас, а впереди раздавался неумолчный шепот моря. И все же, несмотря на тишину, мы остро чувствовали вокруг едва сдерживаемую злобу, она походила на рвущуюся собаку, которую можно в любое мгновение спустить с цепи.

Пакстон выполз из норы и протянул нам руку. «Дайте ее мне,— прошептал он,— разверните». Мы развернули носовые платки, и он забрал корону, сверкнувшую в лунном свете. Мы не касались этого куска металла, и позже я решил, что это было правильно. Еще секунда — и Пакстон снова вылез из туннеля и принялся торопливо забрасывать его землей; руки у него были окровавлены, но он не разрешал нам помочь ему. Самой трудной частью работы оказалось придать месту первоначальный вид; и все же, не знаю как, он успешно справился с этим. Наконец он остался доволен собой, и мы повернули прочь.

Мы отошли на пару сотен ярдов от холма, когда Лонг внезапно сказал: «Послушайте, вы оставили там свое пальто. Надо вернуться. Видите?» И верно, оглянувшись, я увидел его — длинное темное пальто, лежавшее на том месте, где только что была дыра. Но Пакстон не остановился, он лишь покачал головой и поднял руку, на которой нес свою одежду. А когда мы его догнали, он сказал спокойно, словно для него уже ничто не имело значения: «Это было не пальто». И действительно, когда мы оглянулись снова, темный предмет исчез.

Мы вышли на дорогу и скоро вернулись в город. Когда мы подошли к гостинице, еще не было двенадцати. Мы с Лонгом постарались принять беззаботный вид и, войдя в отель, сказали коридорному, что это был прекрасный вечер для прогулки. Прежде чем закрыть дверь, служащий осмотрел пляж, простиравшийся впереди, и спросил:

— Вы никого не встретили там, сэр?

— Нет, ни души, — ответил я и помню, что при этих словах Пакстон как-то странно взглянул на меня.

— Мне просто показалось, что какой-то человек свернул с дороги на станцию и последовал за вами, господа,— объяснил коридорный. — Но вас было трое, и я подумал, что с вами ничего дурного не случится.

Я не знал, что сказать на это; Лонг просто пожелал слуге спокойной ночи, и мы поднялись наверх, пообещав ему выключить везде свет и немедленно лечь спать.

Оказавшись у себя в номере, мы постарались, насколько могли, поднять Пакстону настроение.

— Корона в безопасности, на своем месте, — говорили мы, — конечно, лучше бы вы ее не трогали, — (он горестно согласился с этим), — но вы ведь не причинили ей никакого вреда, и мы никогда не расскажем никому об этом, чтобы другой безумец не вздумал снова откопать ее. Как вы сейчас, лучше себя чувствуете?

— Должен признаться, — заметил я, — что по дороге к кургану я уже готов был согласиться с вами, что нас... что за нами кто-то следит, но когда мы шли обратно, ничего такого не было, верно?

Но это не утешало несчастного.

— Вам не о чем беспокоиться, — отвечал он, — но я проклят. Я должен буду заплатить за это ужасное святотатство. Я знаю, что вы ответите. Церковь может мне помочь. Да, душа моя, возможно, и спасется, но тело погибнет. Это правда, я чувствую, что он ждет меня снаружи. И все же... — Пакстон смолк, затем принялся благодарить нас, но мы постарались прервать его излияния.

Естественно, мы настаивали, чтобы назавтра он пришел к нам, и сказали, что с удовольствием прогуляемся с ним. Или, может быть, он играет в гольф? Да, он играл в гольф, но сказал, что назавтра ему будет, скорее всего, не до этого. Тогда мы посоветовали ему поспать подольше и посидеть у нас утром, пока мы будем играть, а потом всем вместе пойти на прогулку. Пакстон вел себя очень тихо и покорно, готов был делать то, что мы считали нужным, но явно считал, что надвигающееся несчастье нельзя ни предотвратить, ни смягчить. Вы спросите, почему мы не настояли на том, чтобы проводить несчастного домой и оставить в безопасности под присмотром родственников? Дело в том, что у него никого не было. Он жил в городе, но недавно решил некоторое время провести в Швеции, отказался от квартиры, отправил свое имущество морем, а сам коротал время до отъезда, который должен был состояться через две-три недели. Во всяком случае, мы решили, что теперь остается лечь спать и завтра посмотреть, как будут обстоять дела.

Наступило солнечное апрельское утро, и мы чувствовали себя прекрасно, Лонг и я; Пакстон выглядел значительно

лучше, когда мы встретились за завтраком. «Мне кажется, я уже сто лет не спал так спокойно, как сегодня», — сказал он. Он собрался последовать нашему совету — сидеть в гостинице все утро и выйти с нами позднее. Мы отправились на поле для игры в гольф, встретили там знакомых и играли все утро.

Вернувшись в гостиницу, мы отправились прямиком в свой номер. Пакстон сидел там, мирно читая книгу.

— Вы готовы к выходу? — спросил Лонг. — Скажем, через полчаса?

— Разумеется, — ответил он.

Я сказал, что мы должны переодеться и принять ванну, а примерно через полчаса зайдем за ним. Я принял ванну, затем прилег минут на десять. Мы с Лонгом вышли из своих комнат одновременно и вместе отправились за Пакстоном. Но его в гостиной не оказалось — лишь книга лежала на столе. Его не было ни в номере, ни в холле. Мы позвали его по имени. Вышел слуга и сообщил:

— О, а я решил, что вы, господа, уже ушли, и ваш друг тоже так подумал. Он услышал, как вы зовете его вон оттуда, с тропинки, и выбежал к вам, но я выглянул из окна столовой и вас не заметил. Во всяком случае, он побежал вон туда, на пляж.

Мы, не говоря ни слова, бросились к морю — в направлении, противоположном нашей вчерашней экспедиции. Еще не было четырех, день стоял солнечный, хотя собирались облака. Судя по всему, нам не стоило беспокоиться: вокруг гуляло много народу и со взрослым мужчиной вряд ли могло случиться что-то плохое.

Но что-то в выражении наших лиц, должно быть, поразило слугу, потому что он вышел вслед за нами на крыльцо, указал направление и повторил: «Да, он побежал туда». Мы добрались до полосы гальки и остановились. Нам предстояло выбрать путь: либо идти мимо домов, стоявших вдоль берега, либо по песку у самой воды — было время отлива, и песчаная полоса стала довольно широкой. Разумеется, мы могли выбрать средний путь и идти по гальке, но пробираться по камням нелегко. Мы выбрали песок, потому что там почти никого не было, и с человеком вполне могла случиться беда, причем никто ничего не заметил бы.

Лонг сказал, что он видит впереди Пакстона, тот бежит и размахивает тростью, словно хочет привлечь внимание кого-то, кто идет впереди него. Я не был в этом уверен: с юга быстро надвигалась полоса тумана, который часто бывает на море. На берегу кто-то был, это все, что я мог сказать. На песке мы обнаружили следы ботинок. Но перед этим по песку прошел кто-то босой: следы обуви наступали на следы босых ног. Разумеется, вы можете положиться лишь на мои слова: Лонг мертв, у нас не было ни времени, ни возможности зарисовать улики, а прилив вскоре все смыл. Нам оставалось лишь отметить эту странность и поспешить дальше. Но необычные следы повторялись снова и снова, и мы убедились, что здесь прошел кто-то босыми ногами, причем плоти на них было меньше, чем кости.

Мысль о том, что Пакстон гонится за кем-то подобным и считает, что догоняет друзей, была ужасна. Можете себе представить картины, мелькавшие в нашем воображении: как существо, за которым он следует, внезапно останавливается и бросается на него, едва видное сквозь мглу, — туман с каждой минутой становился гуще. Пока я бежал вперед, поражаясь, каким образом несчастный мог принять эту тварь за нас, мне на ум пришли его слова: «Он способен создавать обман зрения». А потом я задумался о конце, который его ждет, потому что уже не надеялся предотвратить этот конец, и о том — нет, пожалуй, не стоит рассказывать о страшных, зловещих мыслях, мелькавших в моей голове, пока мы неслись сквозь туман. Это было нечто жуткое — солнце стояло высоко в небе, но мы ничего вокруг не видели. Мы могли лишь сказать, что дома остались позади и мы находились на пустынном пространстве между городом и старым фортом. Вы знаете, что дальше, за фортом, ничего нет, кроме бесконечной полосы гальки, — ни домов, ни единой живой души. Лишь земля, точнее, камни простираются впереди, справа — река, а слева — море.

Но вы, наверное, помните, что сразу после башни форта, у самой воды, находится старая батарея. Думаю, сейчас от нее осталось лишь несколько каменных блоков — остальное смыто волнами, но тогда руины еще громоздились на берегу. Добежав до батареи, мы как можно быстрее взобрались на самый верх, перевели дыхание и огляделись, надеясь,

несмотря на туман, заметить что-нибудь. Нам надо было хоть минутку отдохнуть — мы пробежали по меньшей мере милю. Но впереди никого не было, и мы уже собрались спуститься и продолжать эту безнадежную погоню, когда до нас донесся смех. Представьте себе смех существа, у которого нет легких, которое не может дышать, и вы поймете, что это было. Он прозвучал внизу, и его тут же унес ветер. Этого было достаточно. Мы перегнулись через стену. Пакстон лежал там, на берегу.

Нет нужды добавлять, что он был мертв. Судя по следам, он бежал вдоль батареи, затем свернул за угол и, без сомнения, угодил прямо в лапы тому, кто поджидал его там. Рот его был забит песком и галькой, зубы и челюсти превратились в крошево. Я не смог заставить себя второй раз взглянуть на его лицо.

В эту минуту, как раз когда мы начали спускаться, чтобы подойти к телу, послышался крик, и мы увидели, как со стороны башни по берегу к нам бежит какой-то человек. Это был смотритель форта, и его острые глаза разобрали даже сквозь туман, что случилось что-то неладное. К счастью, он видел, как упал Пакстон, и мгновение спустя заметил нас, бегущих вниз, — иначе нам с трудом удалось бы избежать обвинения в причастности к этому жуткому убийству. Мы спросили смотрителя, не видел ли он того, кто напал на нашего друга. Но он не смог сообщить ничего определенного.

Мы отправили старика за помощью, а сами оставались у тела, пока не пришли люди с носилками. Мы выяснили, откуда явилась тварь, — на узкой полоске песка у стены батареи отпечатались ее следы. Дальше простирался галечный пляж, и было совершенно невозможно сказать, куда потом делось зловещее существо.

Что нам следовало сказать на дознании? Мы чувствовали, что наш долг — не выдать тайну короны, которая иначе появилась бы во всех газетах. Не знаю, что сказали бы вы на нашем месте, но мы договорились утверждать следующее. Мы сообщили, что познакомились с Пакстоном только вчера и он рассказал нам, что боится некоего Уильяма Эйджера. Мы показали также, что видели на песке, кроме следов Пакстона, еще чьи-то следы. Но разумеется, к тому времени все смыл прилив.

К счастью, никто не знал человека по имени Уильям Эйджер, который жил бы поблизости. Свидетельство смотрителя форта освободило нас от всяких подозрений. Следствию оставалось вынести вердикт: преднамеренное убийство, совершенное неизвестным лицом или группой лиц.

Пакстон был совершенно одинок, и все попытки раскрыть преступление окончились ничем. А я больше никогда не бывал ни в Сиборо, ни в его окрестностях.

НИКОЛАС РОЙЛ

Карасевый омут

Журнал «Interzone» назвал Николаса Ройла «авторитетом среди английских писателей, работающих в жанре ужасов», а издание «Fear» — «самым успешным молодым британским писателем, пишущим рассказы в жанре ужасов».

Перу автора принадлежат более шестидесяти рассказов, опубликованных в периодических изданиях, таких как «Best New Horror», «The Year's Best Horror Stories» и «The Year's Best Fantasy and Horror», «Blood and Roses», «Peeping Tom», «Dark Voices», «Narrow Houses». Первый роман Ройла, «Двойники» («Counterparts»), в 1993 году вышел в издательстве «Barrington Books».

В 1991 году писатель получил Британскую премию фэнтези за оригинальную антологию психологических рассказов в жанре ужасов «Земли тьмы» («Darklands»), в 1992 году последовал второй том. Обе книги вышли в свет большими тиражами в издательстве «New English Library».

О рассказе, вошедшем в настоящую антологию, автор говорит следующее: «Стоит или нет возвращаться туда, где ты был когда-то счастлив? Вероятно, нет, особенно если надеешься испытать прежние чувства. Но меня непреодолимо притягивают несколько мест, которые обладают скрытой властью надо мной и моим прошлым. Карасевый омут существует на самом деле, но сейчас в нем кишмя кишат крохотные красноперки — симпатичные рыбки, но куда им до карасей».

Приготовьтесь: вам предстоит перенестись назад, в прошлое, где все еще жив прежний ужас...

Порой вернуться назад не так уж плохо. Иногда приходится.

Утром в пятницу мы с Ниччи ехали на север в моем красном «ситроене». Ей удалось упросить подругу подменить ее в книжном магазине, я же просто сказал арт-директору, что мне нужен выходной. Для меня, внештатного

дизайнера, это было чревато потерей заработной платы за целый день, но я очень долго ждал случая совершить эту поездку, хотел выбраться еще до знакомства с Ниччи, а потому не собирался тратить половину уик-энда на дорогу. Движение было ничего себе: во-первых, утро пятницы, а во-вторых, на двух отрезках между М25 и городом Ньюпорт-Пагнелл шли дорожные работы. Но все же к 11.30 мы выбрались из пробок, пристегнулись ремнями безопасности, опустили окна и врубили Криса Ри на полную катушку. Ярко светило солнце, день выдался великолепный и безветренный, и даже городкам центральных графств не под силу было его испортить. Про водителей проезжавших мимо машин мы сочиняли истории. Вон та блондинка лет тридцати пяти в «БМВ» едет на свидание с молодым любовником в Макклесфилд; явный распутник в «сьерре» последний день работает в фармацевтической компании и уже в понедельник займется фотографиями в журнале «только для мужчин». Над водителями, которых полицейские останавливали за превышение скорости, мы потешались или сочувствовали им — в зависимости от марки автомобиля. Мы вполне прилично зарабатывали, «ситроен» я купил почти новый, взял демонстрационную модель, но все же мы до сих пор скорее чувствовали сродство с молодым рокером в тюнинговой машине с мощной музыкальной установкой, чем с любителем секса по телефону из «порше».

В книжном магазине Ниччи подрабатывала между колледжем и «кое-чем более интересным», как она говорила. То ли актерское мастерство, то ли музыка — она как-то неопределенно высказывалась, но была вполне счастлива. Я прошел большой путь, с тех пор как впервые взялся за работу — раскладывал что-то по конвертам, — и перспективы были хоть куда, но я никак не мог с полной отдачей посвятить себя работе до тех пор, пока не съезжу на север и не упокою кое-каких призраков. Именно поэтому я становился все более возбужденным по мере приближения к месту назначения. Эти выходные были очень важны для меня. Я вовсе не надеялся получать удовольствие от каждого мгновения, но все же рассчитывал в целом приятно провести время, погрузившись в воспоминания. Встречаться с родителями мы не собирались, хотя я еще не познако-

мил с ними Ниччи, а они давно перебрались в Шотландию на заслуженный отдых.

Вот я начал узнавать окрестности и показывал Ниччи местные достопримечательности, а она выдумывала применительно к ним маленькие истории из моего детства:

— Ага, это именно та самая водонапорная башня, к которой ты как-то раз отправился среди ночи голышом. Ты шел к ней и шел и думал, что слышишь ее пение. На следующий день тебя отвели к семейному врачу, доктору Найку, и он диагностировал звон в ушах. С тех пор к водонапорным башням ты относишься с подозрением.

Я скосил на нее глаза и констатировал:

— Ты сумасшедшая, Ниччи, вконец сумасшедшая.

Она откинулась на сиденье и расхохоталась, а потом сказала:

— Да это лажа какая-то. — И вынула из магнитофона Криса Ри.

— Так выбери что-нибудь другое, — посоветовал я, вглядываясь в зеркало заднего вида.

Она просмотрела кассеты на полочке, достала все, принялась читать имена исполнителей и бросать через плечо на заднее сиденье, про себя поругиваясь на тему того, какая же все это лажа и почему бы мне не завести хорошую музыку. Это выглядело занятно и нравилось мне ничуть не меньше, чем самой Ниччи. Она выкинула назад почти все кассеты, но решила под конец, что одна сгодится.

— Ага! — торжествующе воскликнула она. — Вот это другое дело!

И сунула кассету в магнитофон.

Ее избранником оказался Гарри Глиттер. Я снова взглянул на нее и рассмеялся. Конечно же, она права. Возвращаться в прошлое нужно под соответствующую музыку. И под аккомпанемент «Рок-н-ролл, часть I» мы съехали с автострады и понеслись по длинной прямой дороге А по направлению к моему детству. Ностальгию вызывали практически все встречавшиеся нам по пути названия.

— Ты был счастлив в детстве, да? — спросила Ниччи.

Я кивнул. Но вспоминал я его не только с удовольствием, но и с грустью. Даже путь в машине с Ниччи был окра-

шен грустью. Конечно же, я надеялся, что после уик-энда что-то изменится.

Я не собирался откладывать посещение Карасевого омута на потом, ведь вечер только начинался. Но для начала я хотел прокатиться по городу и окрестностям в поисках напоминаний о прошлом. Само собой, подобная поездка может прийтись по вкусу только тому, кто жил здесь, но все же Ниччи настояла на том, чтобы ехать со мной.

Мы катили мимо железнодорожных складов, где я любил лазить по старым поездам и украдкой пробирался в депо, чтобы посмотреть на локомотивы. Другие ребята снимали номера с сидений, а мне просто нравилось бывать здесь и дышать воздухом, пропитанным запахами дизельного топлива и машинного масла, смотреть на перепачканные лица механиков, работающих в смотровой яме. Нравился хруст щебенки между путями. Меня поймет каждый, кто когда-нибудь внимательно рассматривал поезд. Под железнодорожными навесами притаилась романтика. На одну-две минуты мы припарковались возле депо, и Ниччи, болтая ногами, устроилась на капоте, а я глазел через забор, который так часто перемахивал в детстве. Мне был знаком угол крытого навеса и рисунок убегающих вдаль рельсов. Наверное, рядом с главными путями стояли знакомые мне с детства старые дизели.

Мы поехали дальше, остановились рядом с моей старой школой и смотрели на мальчишек, играющих в крикет перед главным корпусом.

— Что-то чересчур роскошно, а? — нахмурившись, проговорила Ниччи. — Уж не был ли ты, часом, этаким маленьким напыщенным мерзавцем?

Я улыбнулся ей, и она в знак изумления подняла брови совсем так же, как сделала бы это Кэти. Порой она напоминала мне Кэти. Кто знает, может, в самом деле всю жизнь ищешь какого-то определенного человека, чью фотографию видел еще до рождения, и оттого все партнеры получаются похожи. Ниччи потоньше Кэти, да и вообще они совсем разные, вот только выражения лица порой бывают похожи, изгиб бровей например.

— Я ведь не расстроила тебя, нет? — взволнованно спросила она.

— Нет, конечно же нет. Извини, я просто витал в облаках. Потому что увидел свою старую школу. Я любил ее.

Я старательно избегал разговоров о Кэти. Нет ничего хуже, чем говорить о прежней подруге с теперешней девушкой. Она сделает вид, что ей все равно, но на самом деле это не так. Да кому такое понравится?

Ниччи обняла меня, и я попытался ей улыбнуться. Все, хватит думать о Кэти. Она осталась в прошлом. Говорят, что первая любовь оставляет неизгладимое впечатление, может, так и есть. Но целью путешествия на север было как раз забыть Кэти.

Мы с Ниччи тронулись прочь от школы, но я все равно думал о прежней подруге. Десять лет назад я еще не водил машину, и если мы с Кэти собирались куда-нибудь, то брали велосипеды или садились на поезд. Несколько раз мы ездили на пикники в отдаленные парки, провели незабываемый день среди дюн Формби и пару раз наведывались к Карасевому омуту.

Впервые я столкнулся с Кэти, когда нам было по пятнадцать. На том же автобусе, что и я, в школу ездило много девочек, но безумно мечтал я лишь о ней. Впрочем, нравились мне все девочки в общем — даже те, которые нравиться не могли вовсе по причине немытых волос или изрядной толщины, — но только при виде Кэти сердце мое принималось учащенно биться, а во рту становилось сухо. Из-за нее я демонстративно разворачивал громадные страницы еженедельника «Новый музыкальный экспресс», воображая, что смотрюсь круто. Я проверял, чтобы узел галстука никогда не был около шеи, а воротничок рубашки — всегда расстегнут. Несмотря на все ухищрения выглядеть стильно, смелости заговорить с ней или пригласить на свидание мне не хватало, поэтому однажды я написал записку и положил на ее сиденье в автобусе. Я написал что-то вроде: «Хочешь прокатиться на катере? Я возьму билеты».

Когда Кэти села в автобус, ее только что вымытые волосы сияли в лучах весеннего солнца и выглядела она, как всегда, прекрасно. Ей только сравнялось пятнадцать, но для меня она казалась настоящей женщиной, таинственной и обольстительной, а школьная форма бордового и синего цвета скрывала тело, страстным мечтам о котором я предавался

каждую ночь. Кэти взяла записку, села и прочла ее. Вместо того чтобы тут же начать озираться по сторонам в поисках автора, она стала смотреть в окно. Когда же она спокойно осмотрелась, то встретила мой взгляд, и мы впервые посмотрели друг другу в глаза. На следующей остановке вошли ее друзья, и оставшийся до школы путь я провел в муках неведения. Когда они все вместе собрались выходить из автобуса, Кэти даже не взглянула на меня, сложенную записку передала мне ее подруга. И даже чуть улыбнулась.

Отказ был весьма обнадеживающий. Не потому, что девушка намекала на возможность в будущем передумать, просто тон записки оказался душевным. Она не стала издеваться, как сделали бы на ее месте другие. И вообще была на высоте. «Спасибо большое», но не «спасибо тебе». «Думаю, мне следует сказать, — писала Кэти, — что я уже кое с кем встречаюсь на протяжении двух месяцев». Я тут же представил себе его — выше и смуглее меня, с чистой кожей и глубоким голосом. Вероятно, живет он в фешенебельном южном пригороде и может позволить себе водить девушку куда вздумается. Конечно же, он порядочная сволочь: не готовится к экзаменам, не страдает от респираторных заболеваний, может, даже покуривает косяки и примеряет дома перед зеркалом нацистскую форму.

Не столь важно то, что я получил отпор, ведь теперь у меня был лист бумаги с написанными ею словами. Многие месяцы я носил записку с собой, вынимал на школьных собраниях и изучал каждый завиток подписи, проводил по оборотной стороне листка, где бумага продавилась под острием шариковой ручки — той самой ручки, которую она сжимала в руке. Мой одноклассник Эндрю Розмарин считал, что нет ничего величественнее неразделенной любви. Несколько недель подряд я пытался в это поверить.

Я все так же ездил на автобусе, и Кэти тоже, но больше завязать дружбу я не пытался. Даже вместо «Нового музыкального экспресса» стал читать «Рыболовство». Может, именно благодаря моему бездействию ситуация в конце концов переломилась в нужном направлении, потому что, когда мы неожиданно встретились на вечеринке в конце лета, именно Кэти вышла в сад поискать меня. С тех пор мы были вместе. Я ни-

когда не спрашивал ее об упомянутом в записке парне на тот случай, если она его просто выдумала как повод для отказа.

Мы с Ниччи зашли перекусить рыбой с жареной картошкой в «Рыбную Джона».

— Знаю-знаю, — сказала Ниччи, — ты тянул из маминого кошелька денежку, садился на автобус, покупал себе чипсы, которые поедал по дороге домой. После этого ужинать тебе не хотелось, и ты не мог объяснить маме почему, к тому же чувство стыда добивало. Короче, оно того не стоило.

— Ну конечно, — отвечал я. — Только ты забыла упомянуть о том, что по дороге домой я натыкался на труп убиенной женщины, но никак не мог заявить в полицию, потому что тогда бы все узнали, что я тырю деньги и покупаю чипсы. — Мы шли через дорогу и уже вдыхали запах жареной картошки. — На самом деле, когда мы вечером выбирались в город и возвращались домой этой самой дорогой, я начинал прозрачно намекать на то, как хочется рыбки и чипсов, и, если отец был в благостном расположении духа, мы останавливались перекусить. Папа парковался именно на том самом месте, где сейчас на той стороне дороги оставил машину я, а я переходил дорогу и шел за чипсами, как идем с тобой мы.

В заведении оказался другой продавец, но вкус у чипсов не изменился.

Мы поехали дальше на юг и вскоре оказались рядом с домом, где я вырос.

— Так грустно, — проговорил я, глядя на огромную яму, вырытую в палисаднике, по-видимому, для фундамента: дом явно собирались расширить.

Безумно хотелось постучаться и спросить, нельзя ли взглянуть на дом моего детства. Но в то же самое время я знал, что делать этого не стоит. Порой лучше сохранить в памяти лишь прежние воспоминания.

— Поехали? — спросила Ниччи, просекая мое настроение.

Я повернулся к ней и взял за руки. Крепко сжал узкие ладошки.

— Я не хочу тебя потерять, — сказал я и про себя добавил: «Как я потерял Кэти».

Через десять минут мы уже ехали на юг. Карасевый омут находился поблизости от аэропорта, совсем рядом с основ-

ной взлетно-посадочной полосой. Или тогда находился. Ведь неизвестно, сохранился ли он по сей день, хоть я очень на это надеялся. Мне было важно отыскать омут.

— После того как я взгляну на Карасевый омут, мы поищем место для ночлега, — негромко сказал я, проезжая по кольцевой развязке, которую отчетливо помнил.

Десять и более лет назад я ездил сюда на велосипеде, приторочив к багажнику корзинку с рыболовными снастями и закинув за спину рюкзак. Когда на байке я добирался до развязки, то был вымотан дальше некуда и мечтал лишь о мирном береге пруда: палящем листы водяных лилий солнце и дерзких маленьких золотых карасиках, жадно набрасывающихся на хлебную корку.

Добираться до омута было всегда тяжко, зато в конце пути ожидал настоящий рай.

— Ты подождешь в машине, Ниччи? — спросил я по-другу. — Я быстро вернусь.

Она посмотрела на меня, улыбнулась и кивнула.

— Не волнуйся, — сказала она, — я уверена, что омут все еще на месте. Подожду тебя здесь.

Я хотел сказать, что люблю ее, но почему-то застеснялся или, может, слишком боялся за нее. Ниччи понимала, что мне хотелось пойти туда одному, и не возражала. Даже если была против, то не собиралась этого показывать, потому что знала, что́ для меня значит омут. Пожалуй, она слишком хороша, чтобы оказаться правдой. Я чуть было не сказал это вслух, но вместо этого предоставил глазам выразить чувства.

Я пошел прочь от машины, которую пришлось припарковать на узкой тропинке в пятидесяти ярдах от главной дороги, где останавливаться было опасно: через сто ярдов дорога уходила в туннель под оконечностью главной взлетно-посадочной полосы аэродрома. Я обернулся и увидел волосы Ниччи. Зачем-то шепнул:

— Я люблю тебя.

Я перешел дорогу и стал взбираться на откос, за которым прежде начиналась густая роща, скрывавшая Карасевый омут.

Я слышал, как взлетает самолет, но не стал смотреть на него. Я шел вверх, но не поэтому дыхание мое стало быстрым и поверхностным. Десять лет назад по разным при-

чинам Карасевый омут стал для меня одним из самых значимых мест, если не сказать — самым значимым.

Я добрался до вершины склона и остановился, чтобы перевести дух. Оглянулся на дорогу. По ней спешили машины и исчезали в пасти туннеля. Я видел въезд на тропку, где припарковался, но сам «ситроен» разглядеть уже не мог.

Взбираясь по откосу, я заметил, что старый деревянный забор с многочисленными дырами и проломами заменили оградой из металлической сетки высотой в человеческий рост. Дурной знак. Я раздвинул ветви молодой поросли, чтобы заглянуть за забор. Сердце мое ёкнуло. Равнина впереди оказалась расчищена. Буйные заросли кустарника, ежевики и всевозможных вьющихся растений превратились в такое же лысое место, как взлетно-посадочное поле. Я попытался заглянуть налево, чтобы узнать, осталась ли там хоть какая-то растительность, но разглядеть не смог. Я отошел от ограды и двинулся по вершине откоса, пробираясь между деревьями и буйно разросшейся живой изгородью из боярышника. На маленькие острые шипы, впивавшиеся мне в руки, я совсем не обращал внимания. Я уже миновал то место, где некогда пробирался через дырку в прежнем, деревянном заборе, и шел к омуту мимо каких-то таинственных построек. Надежда таяла на глазах, и я уже начал было проклинать власти за то, что омут засыпан, когда заметил длинную живую изгородь по ту сторону, которая под прямым углом примыкала к проволочному забору. Я раздвинул ветви и вьюнки, чтобы заглянуть за ограду, и увидел небольшой загон. Тоже что-то новенькое. Но ведь не просто так зашел я так далеко. С другой стороны загона высится живая изгородь. Нужно непременно выяснить, что же находится за ней.

Я посмотрел на часы. Прошло десять минут с тех пор, как я вышел из машины. Не хотелось заставлять Ниччи ждать слишком долго, но она вроде бы понимала меня. Из-за деревьев донеслось рычание разгоняющегося самолета. Он с ревом пронесся по взлетно-посадочной полосе, и я точно знал, когда колеса шасси оторвутся от бетона. Вот самолет показался над вершинами деревьев, и я, затаив дыхание, проводил его взглядом.

Забор был высокий, но я — шустрый и легкий. В считаные секунды я оказался на той стороне. Огороженный участок зем-

ни, похожей на загон, был тих и спокоен, словно могила. Самолеты перестали садиться и взлетать. Показалось, что и дорога где-то далеко-далеко. Лица коснулся легкий ветерок и зашептался с листьями в верхушках деревьев. Где-то за моей спиной с жужжанием пролетел шершень, поодаль стрекотал кузнечик.

Надеюсь, с Ниччи все в порядке. Теперь, когда я приближался к изгороди на дальнем конце площадки, казалось, что машина стоит невесть как далеко. Изгородь оказалась густой, но я пробрался сквозь нее и перешагнул через проволочный забор на низких кольях. Я отыскал ухабистую тропку и пошел по ней через рощу. Наконец-то я начал узнавать ориентиры: упавший ствол, глянцевые заросли крапивы, и понял, что вернулся в знакомые места.

Обоняние прежде глаз сказало мне, что Карасевый омут рядом. Какое облегчение, что он все еще на месте! Ярдов через пятьдесят передо мной раскинулась водная гладь. К моему удивлению, омут стал ничуть не меньше, чем прежде, а может, чуточку больше — я боялся, что даже если найду его, то в усохшем варианте. При виде омута меня охватила дрожь и посетила смесь отрады и беспокойства. По взлетно-посадочной полосе начинал разгон реактивный самолет, но я смотрел на водную гладь. В восточной части все так же плавали на поверхности листья водяных лилий. Потеряешь там карасика — никогда не поймаешь.

В общей сложности я рыбачил в омуте раз двадцать и без преувеличения мог сказать, что это была самая замечательная стоячая вода, на которой мне доводилось бывать. Если в нем водилась какая-то другая рыба, кроме золотых карасей, то мне она никогда не попадалась. И я ни разу не встречал здесь другого рыбака. Я так и не узнал, можно ли в этом месте рыбачить. Отыскать омут было весьма непросто, и ни единой души мне не приходилось встречать поблизости. Рассказал мне о Карасевом омуте огненно-рыжий Джим, который мыл у нас окна. Он утверждал, что рыбачил здесь пару сезонов и ни разу не встретил ни единого человека. Перестал он туда наведываться потому, что ехать так долго на велосипеде было уж очень утомительно. Я был моложе и здоровее Джима, к тому же, по-видимому, карасей любил больше, а его к тому же стала преследовать навязчивая идея зеркальной поверхности с гладеньким карпом.

Я отлично помнил и первый свой визит к омуту, и последний. Я пробрался через заросли кустарника и был буквально потрясен внезапно открывшейся передо мной гладью воды, сокрытой между аэропортом и фермерскими хозяйствами. Никакие рассказы Джима не могли подготовить меня к упоительной действительности. Чистейшая глубокая зеленая вода и заросли водяных лилий — это ли не рай для рыбака? Берег так огибал воду, что получались многочисленные маленькие мысы и бухточки, словно нарочно сделанные для того, чтобы удобно было забросить среди кормящихся карасей наживку и вытащить рыбку на мелкую воду, а потом на берег. Тут росли камыши, рогоз и плакучие ивы, а дальний, ближайший к ограде аэропорта участок зарос можжевельником.

Для начала я обошел омут кругом. Обычно мусор рассказывает о посетителях водоема, но на берегах омута мне не удалось обнаружить ни единого намека на присутствие человека. Джим, безусловно, не стал бы компрометировать честное имя рыбака и разбрасывать мотки старой лески и ненужную наживку. Я пока еще не знал наверняка, водится ли тут рыба, но слово Джима и интуиция подсказывали мне: омут изобилует жизнью. Я выбрал место посуше, открыл корзинку со снастями и принялся трясущимися пальцами сооружать удочку. Дважды я ронял крючок двадцатого номера, и мне приходилось опускаться на четвереньки и разыскивать его в траве — не хотелось осквернять совершенство заповедного места. Я должен был оставить все в первозданном виде.

Я взял свой любимый поплавок «гусиное перо» и посредине между ним и крючком прикрепил грузило. Я решил ловить рыбу прямо на леску, без удилища. Если карась возьмет приманку и пойдет в глубину, я узнаю об этом по поплавку, который будет ровно лежать на воде, а не клониться вбок. Этот способ уже хорошо зарекомендовал себя с карасями и был мною опробован этим летом в местном пруду. Я забросил леску футов на двадцать и подождал, пока поднимется поплавок, но он как будто утонул. Я решил, что грузило зацепилось за поплавок или крючок с хлебом соскочил. На всякий случай я слегка подсек вверх и влево и тут же вступил в борьбу с попавшимся карасем. Быстрые, нетерпеливые метания и сильные рывки не обманули бы даже

новичка. Через полминуты я уже выудил карася без всякого подсачника и любовался его прекрасной золотистой чешуей.

Это был первый по крайней мере из двадцати пяти карасей, которых я поймал за три часа. Я слегка обгорел на солнце. Рыбачил я до восьми вечера, когда небо стало темнеть, а прожекторы приземляющихся самолетов полосовали поверхность воды яркими сполохами света. Перед тем как начать собираться домой, я вытащил из воды садок с рыбой и сфотографировал маленьким фотоаппаратом, который всегда носил с собой, замечательный улов, до того как отпустить его обратно в омут.

Но все же не все мои воспоминания о Карасевом омуте были увековечены подобным образом. Я посмотрел на часы и подумал о Ничи, томящейся в одиночестве. Сердится ли она? Я решил, что нет. Вроде бы она с радостью отпустила меня одного. Я пошел вдоль берега омута. Бóльшая часть украшавшей мелководье растительности спустя десять лет разрослась вновь, только ив и прочих деревьев, подходивших прежде к самой воде, теперь не было видно. Пройдя мимо камышей, обойдя вокруг дальнего края омута, заросшего можжевельником, я остановился среди деревьев на северном берегу.

Я бесконечно рассказывал Кэти о Карасевом омуте, и однажды она сказала, что хочет взглянуть на него. Жарким августовским полднем я оставил дома корзину с рыболовными снастями и вместо нее посадил на багажник Кэти. Она с первого взгляда влюбилась в это место, и я взял с подруги клятву сохранить омут в тайне от всех.

— Пусть омут станет секретным местом наших встреч, — предложил я. — Что бы ни случилось с нами в дальнейшем, мы сможем вернуться сюда и словно будем опять вместе.

Кэти грустно смотрела на меня. Мы знали, что лето подходит к концу, а мы стоим на перепутье между школой и университетом, что грозит нам разлукой. Но, кроме того, папа Кэти принял предложение в течение года читать лекции в академии Филипс в Массачусетсе. Как считали все, кроме нас с Кэти, она тоже поедет вместе с семьей. Я же надеялся, что она останется. Сама Кэти пока не приняла окончательного решения.

— Я знаю, чего хочу, — сказала она. — Но также я знаю, как мне следует поступить.

Я взял ее за руку, и мы побрели к деревьям на северном берегу омута. Их хватало, чтобы укрыть нас от взлетно-посадочной полосы, хотя персонал аэропорта крайне редко забирался так далеко, и от фермерских земель с другой стороны. Но в любом случае прежде здесь мне доводилось видеть лишь прилипшие к иллюминаторам лица пассажиров взлетающих и идущих на посадку самолетов. Лица в круглых окошках и лицо Кэти, которая трижды приезжала сюда со мной.

Мы опустились в длинную траву, мягкий бугорок был нам подушкой. Я обнял Кэти за плечи и медленно поцеловал. Она ящерицей скользнула под меня, и мы обнялись так отчаянно и крепко, что в голове у меня яркой вспышкой взорвалась острая боль. Мы оба все еще были невинны, но оставаться таковыми нам грозило недолго. Я шептал ей о любви. Она отвечала:

— Ты нужен мне, ты нужен мне.

До сих пор нам перепало крайне мало возможностей выйти за пределы нашего скудного опыта. Пользуясь случаем, мы уединялись, когда родители и сестра Кэти уходили вечером из дома, но ни разу не преступили черту.

Кэти была одета в мешковатые шорты и белую футболку с надписью «Пежо» поперек груди. Поцелуи становились все более настойчивыми, моя рука скользнула под футболку и коснулась груди Кэти, сжала ее, два пальца оказались под бюстгальтером. Солнце палило мне спину; от осознания, что здесь мы совершенно одни, я распалился совершенно немыслимо. Но все еще нервничал и стеснялся. И не мог заставить себя сделать последний шаг. Вскоре Кэти села и стянула через голову футболку, расстегнула лифчик и уронила его на траву.

Такое количество обнаженной плоти буквально потрясло меня. Раньше мы предавались скромным исследованиям тел друг друга в полутьме, отчасти из-за робости, отчасти осознавая греховность запретного. Если бы сейчас было темно, то потрясен я был бы не так сильно. Вот такая вот логика.

Потрясенный, но возбужденный, как никогда прежде, я коснулся ее рукой.

Это не оказалось неловко или неуклюже, и мираж не рассеялся, ничего плохого тоже не произошло. Раскачиваясь в сладостных объятиях солнца, мы скользнули в исследования чувственности и взмыли до таких эмоциональных

высот, о существовании которых даже не догадывались. Потом вцепились друг в друга и зарыдали. На взлетной полосе реактивная движущая сила двигателей раз за разом возносила сотни беспомощных пассажиров в небеса. Над нашими головами усердно вилась мошкара, а медленно садящееся солнце высушило влагу на нашей коже. Мы шептали обещания и безоговорочно им верили. Игривые карасики всплескивали хвостами и плавниками, и по поверхности омута расходились круги. Если бы я взял с собой корзинку с рыболовными снастями, то мы перочинным ножиком вырезали бы какое-нибудь послание на коре дерева и сфотографировали бы друг друга — только по одной фотографии. Но даже без фотоаппарата мы чувствовали, что этот день навсегда останется в памяти. Воздух был словно напитан торжественностью, когда мы оделись и, обнявшись, смотрели, как садится солнце. Потом мы обошли вокруг Карасевого омута и с сожалением пробрались через кусты и подлесок, чтобы выбраться на откос и вернуться в мир, который отныне не будет прежним.

Я все еще стоял среди деревьев, глядя на то самое место, где десять лет назад лежали мы, когда услышал позади негромкие звуки и почувствовал горячее дыхание на шее. Я обернулся и увидел за спиной Ниччи. От удивления я потерял дар речи.

— Так, значит, вот здесь ты занимался любовью, — проговорила она, положив легкую руку мне на плечо и чуть приподняв бровь свойственным не ей одной образом.

Голова снова склонилась на мягкий земляной холм, и я смог лишь безмолвно кивнуть среди бури вопросов. Как она узнала? Как меня нашла? Как подошла так бесшумно?

Не знаю, сколько прошло минут, во времени словно приключился эллипсис — я как будто потерял сознание, — но когда я опять обернулся, то был уже один.

— Ниччи, — позвал я, мой голос ворвался в идиллический пейзаж вандалом, уничтожающим картину. — Ниччи! Куда ты подевалась?

Ничто не говорило о том, что она вообще здесь была, разве только легкий холодок на шее. Я огляделся по сторонам, но тщетно. Не могла она так быстро исчезнуть. Или мне просто примерещилось?

Тогда меня словно ударило в грудь, и я побежал со всех ног, лавируя между можжевельником и деревьями на оконечности омута со стороны аэропорта, устремившись к густой живой изгороди, за которой был загон. Я продирался вперед, ветки хлестали меня. С бетонной полосы едва ли в ста ярдах от меня с жутким свистом взмыл самолет, двигатели ревели. Я содрогнулся от страха.

Я представил себе ее столь явственно, что даже почувствовал дыхание на шее, — это могло быть только дурным предчувствием. Она в опасности.

Перепрыгнув через низкую проволочную ограду, я оказался в загоне. Внезапно все словно замедлилось. Я почувствовал, что совершенно выдохся. Длинная трава истощила все мои силы, и мне хотелось прилечь. Только что взлетевший самолет сделал крутой вираж и накренился, показалось, что он вот-вот спикирует прямо в загон. Страшно хотелось спать, но ноги продолжали двигаться. Я попытался добраться до забора и едва нашел силы его перелезть.

Приземлившись на корточки, я стремглав спустился со склона и перебежал дорогу, которая, к счастью, оказалась пуста: ведь я не удосужился посмотреть по сторонам. Ноги заскользили по гравию на тропке, и я чудом удержался в вертикальном положении, бросаясь к «ситроену». Издалека машина показалась мне пустой, но я молился, чтобы это было лишь обманом зрения. Когда я добрался до автомобиля и понял, что он действительно пуст, я впал в истерику: мои громкие призывные крики пронзали густой душный воздух сгущавшихся сумерек. Я надеялся, что Ниччи просто пошла прогуляться. Распахнув водительскую дверцу, я посмотрел на пол у пассажирского сиденья. Сумки Ниччи тоже не было на месте. Кассеты все так же в беспорядке валялись сзади, куда она их кидала.

Сердце неистово билось в груди, когда я заглянул в зеркало заднего вида в поисках неясных теней, но увидел лишь собственную обезумевшую физиономию с перекошенным ртом.

Через некоторое время я поймал себя на том, что подавленно бреду обратно через дорогу и взбираюсь на откос. Теперь Карасевый омут застыл столь же неподвижно, как выглядел прежде загон. Ни одного всплеска на гладкой поверхности воды, куда-то подевались тучи мошкары. Я заме-

тил, что плачу. Похлопал по внутреннему карману пиджака. Да, она все еще там: фотография, которую я носил с собой десять лет. Самолет на взлетной полосе взревел двигателями, а потом заглушил их, вероятно получив какие-то указания из пункта управления полетами. Я опустился на мягкую кочку, где мы с Кэти открылись друг другу, и предался созерцанию глади омута. Солнце опустилось за горизонт, но небо еще пламенело. Я осмотрелся на тот случай, если Ничи, словно эльф, появится из-за дерева, и достал из внутреннего кармана фотографию, провел по ней пальцами. Я знал каждый загиб и рубчик, проявившийся за десять лет, прошедшие с тех пор, как я сделал этот снимок. Я знал каждую мельчайшую подробность, но все равно постоянно носил с собой. Это было испытанием веры, неутомимой заботой безусловного слуги. Теперь служба подходила к концу. Пришло время отпустить прошлое и упокоить призраков. Каждый день на протяжении десятка лет в моей голове раздавались их крики.

Я продолжал рыбачить в Карасевом омуте, как мы с Кэти его окрестили. Маленькие карасики все еще набрасывались на хлебную корку, но, по мере того как лето перешло в сентябрь, в мои поездки подмешивалась изрядная доля уныния. Кэти уступила давлению родни и согласилась поехать с семьей на год в Массачусетс перед тем, как поступать в Саутгемптон. Когда решение было принято, мы всякий раз лили слезы при встрече. Мы отправлялись на долгие прогулки по Кряжу и часами сидели на громадных плоских камнях, болтая ногами в пустоте. Порой я краем глаза замечал движение и знал, что плечи Кэти сотрясаются от рыданий. Тут мое лицо морщилось, словно сдувшийся воздушный шарик, но перед этим я непременно обнимал ее за плечи и прижимал к себе. Пусть она знает, что я тоже плачу, но не видит этого. Мы бродили по берегу реки, протекавшей южнее Кряжа, наша беседа перекидывалась с одной темы на другую: мы вспоминали события прошедшего лета, говорили о стремлениях и желаниях. Мы будем поддерживать связь, обещали мы друг другу — конечно, Кэти обещала писать каждый день, — и в конечном счете год — это не так уж и много.

Но тогда мы оба знали, что год — это очень долго.

Как-то мы сидели и смотрели, как старички играют в шары на лужайке позади дома моих родителей. Кэти сказала:

— Ты найдешь другую.

Я потерял самообладание, бросился на землю и зарыдал. И никак не мог успокоиться даже тогда, когда старички запаковали шары в маленькие коричневые кожаные кейсы и над темнеющей лужайкой пронеслись их прощальные возгласы. Конечно же, я не собирался искать никакую другую, но само предположение всколыхнуло призраков, смотреть в лицо которым я не отваживался: скорее какой-нибудь красавчик — студент-первокурсник очарует Кэти и она никогда не вернется ко мне. Я представил себе, как она возвращается сюда толстой седовласой старушенцией, чтобы поболтать о воспоминаниях молодости со славным седым старичком, в которого превратился я.

Не только о потерянной любви скорбел я. Я тоже уезжал отсюда и тоже собирался взрослеть. Лето, которым мы наслаждались с Кэти, было последним на этом отрезке моей жизни. Никогда мне больше не вернуть жарких полдней, никогда не резвиться взбалмошным буйным карасиком. Карасевый омут сделался лишь воспоминанием еще до окончания лета.

Я посмотрел на зажатую между пальцев фотографию и почувствовал, как грудь стискивает холодный обруч.

Я так и не понял, что заставило меня сделать этот снимок: какой-то глубинный инстинкт, потребность ухватить последнее мерцание оплывшей свечи перед тем, как равнодушный сквозняк затушит светлый огонек. Какое-то необъяснимое понуждение заставило меня тогда рыться в корзине с рыболовными снастями в поисках фотоаппарата.

Я в последний раз приехал к Карасевому омуту. В середине сентября рыбы уже не были так прожорливы и активны, как летом. Я пытался сконцентрироваться на рыбалке, но мысли мои витали далеко. Целый день взлетали самолеты, и хотя обычно я практически не обращал на них внимания, сегодня от постоянного шума у меня разболелась голова. Я уже хотел было собираться и ехать домой, когда случилось *это*.

Я не спускал глаз с только что взлетевшего самолета сначала потому, что гул двигателей звучал как-то необычно, а затем потому, что он резко накренился и внезапно потерял высоту. Пилот пытался выправить нос так, чтобы самолет смог

снова сесть. Послышался взрыв, и из одного ревущего двигателя вырвались языки пламени. Я вскочил на трясущиеся ноги, мне сделалось дурно. В тот момент мне было страшно, как никогда, ужас приковал меня к месту. Сотни людей вот-вот умрут, я стану свидетелем их гибели, но поделать ничего не могу. Не знаю, выдумал ли я это позже или действительно видел лица в иллюминаторах, идущих вдоль фюзеляжа. Самолет падал на Карасевый омут, только это заставило меня сдвинуться с места. Но прежде чем со всех ног броситься прочь, я сунул руку в корзину и достал фотоаппарат. Навел объектив на падающий самолет и сделал один снимок. Потом побежал.

К счастью, удара я не видел, потому что уже был у подножия откоса, когда самолет упал. Увидел я чудовищный огненный шар, который победоносным цветком взметнулся над деревьями, и, конечно же, я его почувствовал. Меня швырнуло на землю, я ударился головой и потерял сознание. Когда я пришел в себя, вокруг меня сновали люди, кто-то откинул мне с глаз челку и спросил, вижу ли я что-нибудь. Но я только кричал:

— Это тот? Тот, на котором была она?

Люди не понимали, о чем это я. Позже я узнал, что она действительно была на борту рухнувшего лайнера. Не случайно я был у Карасевого омута в день, когда она улетала в Массачусетс. Где еще мне было быть? Куда идти? Кое-что происходит само собой, без нашего выбора. Я должен был быть именно там. Я не знал, на каком самолете полетит она, но зато был там, совсем рядом с ней, до последней минуты. Ведь это лучше, к тому же менее мучительно, чем прощание в самом здании аэропорта.

Самолет рухнул в Карасевый омут, все пассажиры и команда погибли, как передали после. Еще до крушения огонь охватил салон. Из-за пожара и взрыва тел не осталось. На сей раз газеты обошлись без деталей. Приняли решение не осушать омут и поставить памятник, оставить все как было. Расследователи крушения так и не установили причину аварии, но вероятность бомбы исключили. В прессе появились фотографии места падения самолета, но снимков падающего лайнера не было.

Пока я сидел на травянистом холмике и разглаживал пальцами фотографию, небеса постепенно темнели. В мер-

цании уходящего дня я погрузился в созерцание снимка, как делал бесчисленное количество раз. Я никогда не показывал его ни одной живой душе. Не только потому, что тоска была моя собственная и глубоко личная. Я чувствовал, что лишним будет чужое вторжение в жизни — жизни, прожитые в самые последние мгновения, — всех 326 пассажиров и команды. Снова и снова я задумывался, не отнести ли фотографию в газету. Мне казалось, что в снимке заключена великая сила, но мне никак не удавалось разобрать, была ли она силой во благо и во исцеление или же приведет к худшему. Может, фото нанесет дополнительный удар пережившим утрату? Я решил не рисковать и оставил снимок у себя. Но я знал, что придет время, когда я отпущу прошлое.

Этот день настал. Я сидел подле омута, а между деревьев, словно паутина, сгущалась темнота. Ждала поверхность воды, сейчас темная, словно бассейн машинного масла. В последний раз взглянув на фотографию: фюзеляж словно сигара, пунктир крохотных иллюминаторов, застывший ужас на лицах, в последний раз глядящих на мир, языки пламени, — я осторожно опустил ее на поверхность воды. Я провожал ее взглядом, пока карточка плыла к центру омута, где вода чуть затекла на нее, словно пробуя на вкус, а потом поглотила фото.

То, что надо. Отпустил.

Но как порой я не мог утром встать с постели, так сейчас не мог уйти с берега. Не так скоро после отгрузки моего тайного груза. Я сидел не шевелясь, положив голову на руки, и уже стал ощущать себя неотъемлемой частью пейзажа. Совсем стемнело. Деревья и можжевельник загораживали огни взлетной полосы. Когда я услышал первый всплеск, то совсем не удивился. Я подумал, что подсознательно все время знал об этом и именно поэтому мне потребовалось десять лет, чтобы вернуться.

Говорят, что когда кого-то фотографируешь, то крадешь крохотную частицу его души.

Теперь же я возвратил то, что забрал.

Не было никакой бешеной активности, ничего общего с катастрофой, только ощущение разделяющейся, убывающей воды, тихие всплески и звуки падающих капель. По сторо-

нам я не оглядывался, а смотрел на землю между ногами, ощущая тело и череп очищенными дочиста. Что я чувствовал в глубине души, я не ведал. Наверное, страх ответственности, а еще — хоть мне было совестно и противно — неясное волнение и пугающее возбуждение.

Что-то влажное коснулось моей шеи сзади и легло на плечо. Я чуть повернул голову и увидел маленькую перепачканную ладошку, капли с которой стекали мне на пиджак. Все эмоции испарились, и я безучастно поднялся на ноги. Не фокусируясь ни на одной из блуждающих между деревьев и кустов фигур, я словно во сне двинулся вокруг омута по направлению к густой изгороди, ведущей в загон. Рука то исчезала с моего плеча, то вновь опускалась на него.

Пройти сквозь изгородь на сей раз было просто. На забор я забрался с автоматической легкостью вусмерть упившегося, которому удается любое физическое действие. Именно так я себя чувствовал: отделенным от мира, сквозь который лишь прохожу. Когда я спускался с откоса, то явственно слышал за спиной шаги сопровождающих. Я знал, что среди них идет и она, но не мог заставить себя обернуться и взглянуть на нее. Переходя через дорогу, я словно шел по коридору, ведущему к машине. Я был вне категории страха. С тела ее каплями стекала вода, с каждым маленьким шажком раздавался влажный чмокающий звук башмачков.

Добравшись до машины, я просто открыл дверцу и сел. И она тоже. Я все еще не смотрел на нее: адекватно воспринимал действительность и отводил взгляд. Тут я был напуган, да, но все же вполне достойно справлялся с действиями. Машина завелась, и я задним ходом выехал с маленькой тропинки на главную дорогу. Переключил передачу на первую и тронулся в путь. Впереди была тьма, перебиравшаяся с откоса прямо на дорогу, тут-то паника и нагнала меня.

— Как быть с ними? — услышал я собственный голос. — Я должен что-то сделать.

Кэти заговорила в первый раз. Голосом, пробивавшимся сквозь ил, невнятным и искаженным из-за скопившихся в легких воды и тины, она произнесла:

— Просто езжай.

И я поехал.

БРАЙАН ЛАМЛИ

Возмущение Джереми Клива

За двадцать пять лет Брайан Ламли прошел большой путь. Его первый рассказ, «Берег Кипра» («The Cyprus Shell»), был опубликован в «The Arkham Collector», когда автор еще служил в армии — в Германии и на Кипре. В наши дни он считается одним из самых популярных писателей по обе стороны Атлантики, его многочисленные произведения переводятся на другие языки и часто переиздаются.

Его пятитомная серия «Некроскоп» («Necroskope») пользовалась феноменальным успехом и заняла прочное место в коллекциях любителей фантастики.

Некоторые рассказы автора были собраны в антологии «Последний обряд» («The Last Rite»), «Плодоносящие тела и другие грибы» («Fruiting Bodies and Other Fungi»; названной по рассказу, удостоенному Британской премии фэнтези) и «Возвращение Глубоководных и другие мифы» («The Return of the Deep Ones and Other Mythos Novels»).

«Возмущение Джереми Клива» — это мрачно-комический рассказ из серии ужасов, в котором показывается, что зомби не обязаны подниматься из могил целиком и полностью.

— Это глаз моего мужа,— неожиданно сказала она с каким-то болезненным оживлением, глядя поверх моего плеча.— Он наблюдает за нами!

Она довольно спокойно к этому отнеслась, что свидетельствовало о незаурядном характере. Очень уравновешенная леди эта Анжела Клив. Хотя, учитывая обстоятельства, это было все же несколько странно. Дело в том, что в этот момент мы с ней занимались любовью и, что еще более непонятно — ее муж был мертв уже шесть с половиной недель!

— Что?! — воскликнул я, перевернулся на спину и посмотрел в том направлении, куда указывал ее палец.

Казалось, она смотрит на комод. Но там совсем не на что было смотреть, равно как и во всей огромной и довольно

экстравагантной спальне. Хотя, возможно, я ожидал слишком многого; она ведь ясно сказала «глаз», а я по какой-то причине искал взглядом целого человека. Это было вполне понятно — шок и все такое. Но в спальне никого не было видно. Слава богу!

Но затем послышался негромкий стук, словно по пологому склону прокатился мраморный шарик, и я опять посмотрел в ту сторону, куда показывала Анжела. По крышке комода, обильно украшенной по краям позолотой, к переднему краю двигалась тень. И она оказалась права: ее действительно отбрасывал глаз — стеклянный глаз — и его зеленый зрачок довольно угрюмо на нас поглядывал.

— Артур, — произнесла она каким-то совершенно бесцветным голосом, — это уж очень необычно.

Говоря по правде, я был с ней согласен. Вечер окончательно испорчен.

Но я встал с кровати, подошел к комоду и положил глаз на ладонь. Он оказался влажным на ощупь, даже немного липким, с какими-то приклеившимися пушинками. Я подозревал, что от него еще и пахнет, но в такой надушенной спальне, как у Анжелы Клив, трудно было распознать посторонние ароматы. По крайней мере, я не мог утверждать со всей определенностью.

— Дорогая, это же глаз, — сказал я. — Всего лишь стеклянный глаз! — Я поднял его, поднес к туалетной раковине и осторожно промыл холодной водой. — Да, конечно, это глаз Джереми... Наши вибрации могли заставить его выкатиться.

Она села в постели и застенчиво прикрылась шелковым покрывалом (как будто мы с ней были недостаточно близко знакомы), потом отвела с красивого лба влажный локон золотистых волос.

— Артур, — снова заговорила она, — глаз Джереми был похоронен вместе с ним. Он хотел уйти в могилу в самом естественном обличье, никак не с повязкой на ужасной дыре, уродовавшей его лицо!

— Значит, это запасной, — предположил я, возвратился к кровати и протянул ей глаз.

Она бессознательно протянула руку и сразу же отдернула ее, так что шарик упал на пол и закатился под кровать.

— Хм!.. — недоверчиво воскликнула она. — Но я не хочу его, Артур. И я не знала, что у него был запасной глаз.

— Значит, все же был. — Я вздохнул и попытался снова забраться к ней в постель, но она вцепилась в покрывало и не пускала меня.

— Это происшествие меня совершенно расстроило, — сказала она. — Боюсь, сейчас начнется мигрень.

Только тогда до меня дошло, как сильно, несмотря на всю ее уравновешенность, огорчил ее этот глупый эпизод. Я сел с ней рядом и похлопал по руке.

— Почему ты ничего не расскажешь мне об этом, дорогая?

— Об этом? — Она с любопытством взглянула на меня и слегка нахмурилась.

— Ну, должно же быть что-то еще, то есть, я хочу сказать, кроме этого идиотского глаза, не так ли?

И она мне рассказала.

— Он как-то заговорил со мной однажды вечером, — пояснила она. — Это случилось, когда я слишком поздно вернулась после театра. По правде говоря, мне кажется, я в тот раз провела некоторое время с тобой. Как бы то ни было, он выразился в присущей ему вульгарной манере: «Анжела, ты должна быть более благоразумной. Благоразумие, моя девочка! Я знаю, тебе это может не понравиться, но ты не можешь меня обвинять в том, что я держу тебя на коротком поводке, не правда ли? Могу сказать, что я — ха-ха — не слежу за тобой, по крайней мере не в *оба* глаза, ха-ха!»

— Тогда я попросила его объясниться яснее. И он ответил: «Я имею в виду твоих приятелей, моя дорогая! Конечно, тебя должен кто-то сопровождать, а я не имею такой возможности, но я занимаю определенное положение и не желаю даже слышать о каких-либо скандалах. Так что, будь добра, следи за своим поведением!»

— И это все? — спросил я, решив, что она закончила рассказ. — Но мне казалось, что в целом Джереми всегда спокойно относился к... ну, твоим отношениям с друзьями. Я думаю, он просто пытался защитить свою репутацию — и твою тоже!

— Артур, — укоряюще произнесла она, — иногда ты ведешь себя точно так же, как он! Даже боюсь подумать, что со временем ты станешь во всем на него похожим!

— Ни за что! — без промедления выпалил я. — Почему ты так подумала? Я совсем на него не похож! Я ведь... делаю то, на что он не был способен, разве не так? И я гораздо здоровее. Я только не могу понять, как могло тебя расстроить, в общем-то, обычное вежливое предостережение, тем более сейчас, когда он мертв. И тем более не могу уловить связи... с этим.

Ногой я забросил глаз обратно под кровать, поскольку он выбрал именно этот момент, чтобы выкатиться оттуда.

— Вежливое предостережение? — Она посмотрела на меня и медленным кивком выразила согласие. — Да, можно сказать и так. — Но продолжила более взволнованно: — Зато в следующий раз он не был таким вежливым!

— Он снова тебя на чем-нибудь поймал?

— Нет. — Она вздернула подбородок и, как мне показалось, раздраженно отбросила назад волосы. — Можно сказать, что это ты меня поймал!

— Я? — Я искренне удивился.

— Да. — В ее голосе снова зазвучал упрек. — Потому что это случилось в тот вечер, когда ты вызвался проводить меня после бала и мы заехали к тебе выпить, ну и... немного проспали.

— А! — воскликнул я. — Я подозревал, что в тот раз могли возникнуть неприятности. Но ты ничего мне не говорила!

— Потому что я не хотела тебя расстраивать, нам было так хорошо вместе, к тому же ты был его лучшим другом. Дело в том, что он ждал, когда я приду домой, стучал по полу своим протезом и сердито сверкал единственным настоящим глазом. В тот раз он действительно рассердился! «Половина третьего ночи! — закричал он. — Клянусь богом, если соседи видели, как ты возвращаешься, я...»

— «Я?.. — подбодрил ее я. — Я?..»

— А потом он стал мне угрожать, — сказала она.

— Анжела, дорогая, я и сам об этом уже догадался! — воскликнул я. — Но чем именно он тебе угрожал и какое это имеет отношение к этому проклятому глазу?

— Артур, ты же знаешь, как мне не нравятся подобные выражения, — неодобрительно нахмурилась она. Но, с другой стороны, она поняла, насколько я взвинчен и нетерпелив. — Ну, он напомнил, насколько он старше меня, что ему, вероятно, осталось всего несколько лет и что после его смерти все

достанется мне. Но еще он заметил, что ему не составит труда изменить завещание. Однако все произошло так внезапно, что... ему не представилось такой возможности. — И вдруг она начала всхлипывать, прижав к лицу носовой платок, всегда лежавший под подушкой. — Бедный Джереми, — пролепетала она, — надо же, так неожиданно свалиться с обрыва.

А потом она так же быстро осушила глаза и спрятала платок под подушку.

Время от времени бывает полезно немного всплакнуть.

— Ну вот, ты же сама сказала! — торжествующе заявил я. — Он не изменил завещание! Так что все это пустые угрозы.

— Но это еще не все, — продолжала Анжела, глядя мне в глаза. — Тебе ведь, наверное, известно, что раньше Джереми проводил много времени на этой ужасной реке с этими ужасными людьми? Так вот, он мне сказал, что немного выучился пользоваться их *фитешами*.

— Фетишами, — поправил я ее.

— Ай, какая разница! — Она снова отбросила волосы. — Он сказал, что перед смертью они накладывают заклятия и, если их последняя воля не выполняется, посылают отдельные части своего тела, чтобы наказать ослушников!

— Части тела?.. — машинально повторил я, потом наклонил голову набок и сосредоточенно нахмурился. — Анжела, я...

Но она опять расплакалась, уткнувшись лицом в подушку, и никак не хотела успокаиваться. Да, вечер окончательно испорчен.

— Знаешь, этот дурацкий стеклянный глаз не является частью тела Джереми, он же искусственный, — сказал я, уже одевшись. — Даже если мы решим поверить в эту чепуху, он все равно не подойдет. Но мы ведь не верим в такой вздор. Однако я могу себе представить, что́ ты могла почувствовать, моя дорогая, когда он выкатился на край комода.

Она подняла голову и смахнула с лица слезы.

— Я увижу тебя завтра вечером?

Выглядела она при этом испуганной и несчастной.

— Конечно увидишь, — заверил я ее. — И завтра, и во все остальные дни тоже! Но завтра у меня с утра много дел, так что будет лучше, если сейчас я отправлюсь домой. А тебе лучше остаться в постели и хорошенько выспаться. Да, между прочим, — я встал на колени и пошарил под крова-

тью в поисках глаза, — у Джереми сохранилась коробочка, в которой он получил свой глаз?

— Она там, в ящике комода, — ответила Анжела. — А зачем, скажи на милость, она тебе понадобилась?

— Я просто хочу его убрать, — сказал я. — Чтобы тебя больше ничто не беспокоило.

Но, убирая стеклянный глаз в обитую бархатом шкатулку, я прочел название фирмы — «Ювелиры Брэкетт и Сандерс», Брайтон, — и запомнил номер их телефона...

На следующий день, будучи в Сити, я позвонил Брэкетту и Сандерсу и задал им пару вопросов.

— Вы абсолютно уверены? — спросил я напоследок. — Здесь не может быть ошибки? Да, понимаю. Что ж, большое спасибо. Извините, что вас побеспокоил...

В тот вечер я ничего не стал говорить Анжеле. Что это могло означать? Да очень просто. Значит, Джереми воспользовался услугами двух ювелирных мастерских. В этом нет ничего странного: старик Клив слыл предусмотрительным дельцом.

Я, как обычно, принес цветы и шоколад, и на этот раз Анжела вела себя как и всегда. Мы поужинали при свечах под тихую спокойную музыку, и над садом уже показалась луна. Настало время отправляться в постель.

Мы прихватили с собой начатую коробку шоколада, поднялись по ступеням и приступили к вечно новому и волнующему, несмотря на крепнущую привычку, ритуалу. Романтическое вступление было восхитительной прелюдией к близости юноши и девушки. Приятная процедура все же была нарушена, когда Анжела обратилась ко мне с просьбой:

— Артур, дорогой, вчера, перед тем как лечь спать, я попыталась приоткрыть окно, поскольку в комнате стало слишком душно. Но, как я ни старалась, вот это, — она показала на одно из двух больших окон, — никак не открывалось. Его, должно быть, заклинило. Будь любезен, сделай что-нибудь, пожалуйста.

Я попытался распахнуть окно, но ничего не вышло. Опасаясь, что в спальне снова будет жарко и душно, я подошел ко второму окну. На этот раз створки хоть и с трудом, но поддались.

— Надо будет посмотреть, что случилось с другим окном, — пообещал я.

Затем вернулся к кровати. Анжела уже легла, и в следующее мгновение, когда я обнял ее и наклонился, чтобы поцеловать макушку восхитительной каштановой...

Бам!

Глухой удар, прозвучавший где-то в гардеробной, был достаточно громким, и мы оба его услышали. Анжела, широко раскрыв глаза, уставилась на меня, да и я удивился ничуть не меньше. Мы оба сели в кровати.

— Что?..— спросила она, едва шевеля губами и часто дыша.

— Вероятно, с вешалки упала какая-то одежда, — предположил я.

— Все равно пойди и взгляни, — задыхаясь, попросила она. — Я не смогу успокоиться, пока буду думать, что там кто-то прячется.

Прячется? В гардеробной ее спальни? Кто же там может быть? Анжела не держала в доме кошки. Но я все же встал и пошел в гардеробную.

Причина беспокойства бросилась мне в глаза, едва я открыл дверь. Часть манекена? Предмет оформления витрины? Экспонат из анатомического театра? На первый взгляд это могло быть что угодно. Последнее предположение заставило меня вздрогнуть от испуга, но в следующее мгновение я понял, что ошибался. К тому времени Анжела тоже выбралась из постели, набросила платье и метнулась к двери, которая никак не хотела открываться. Она тоже увидела этот предмет и, в отличие от меня, сразу поняла, что это такое.

— Его нога! — воскликнула она, отчаянно колотя в дверь и дергая затейливо украшенную позолоченную ручку. — Его ужасная проклятая нога!

Да, конечно, так оно и было: керамическая нога Джереми Клива, с кожаными ремнями и коленным шарниром на крючках. Она стояла там в углу, а к ней была прислонена коробка с туфлями, но в конце концов гравитация победила. В самый неподходящий момент.

— Дорогая,— окликнул я Анжелу, зажав протез под мышкой. — Но это всего лишь искусственная нога Джереми!

— Ну конечно, это она, — всхлипнула Анжела, наконец справившись с дверью и выйдя на лестничную площадку. —

Но как она здесь оказалась? Она должна быть похоронена вместе с ним в Дэнхольме!

С этими словами она побежала вниз.

Ну а я, почесав в затылке, присел на кровать, не выпуская из рук протеза. Некоторое время сгибал и разгибал шарнир и заглядывал внутрь. Пусто. Какая-то специальная керамика, достаточно крепкая и тяжелая, но совершенно безжизненная. От протеза немного пахло, но ничего сверхъестественного — пахло самим Джереми. А на своде стопы и на пятке виднелись пятна грязи...

Я тщательно смыл грязь в раковине спальни, и к тому времени вернулась Анжела с бокалом пенящегося шампанского в дрожащей руке. По ее лицу можно было предположить, что остальное содержимое бутылки она уже выпила. Зато к ней хотя бы частично вернулось прежнее самообладание.

— Его нога, — сказала она, войдя в комнату в тот момент, когда я вытирал протез пушистым полотенцем.

— Ну да, — кивнул я. — Запасная нога Джереми. — Я увидел, что она уже готова что-то сказать, и продолжил: — Нет, ничего не говори, Анжела. Конечно, у него имелась запасная нога. Можешь себе представить, что было бы, если бы он сломал свой протез? И что тогда? У тебя же есть запасные очки для чтения? А у меня — запасные ключи от машины. Вот и Джереми обзавелся запасными... частями. Просто он был достаточно деликатен, чтобы не демонстрировать их тебе, вот и все.

— Деликатный Джереми! — Она рассмеялась, хотя и несколько истерично. — Ну ладно, наверное, ты прав. Кроме того, я целую вечность не заглядывала в гардеробную. А теперь убери ее; нет, не туда, а в кладовку под лестницей, потом возвращайся и люби меня.

Я так и сделал. Шампанское подействовало на нее благотворно.

Но позже, когда Анжела уже спала, тесно прижавшись к моей груди, я продолжал размышлять о своем «приятеле Джереми».

Искатель приключений, исследователь, бродяга — вот каким был Джереми Джонсон Клив. Он мог стать сэром, лордом, министром, но предпочел оставаться самим собой. Вздорный

старый (старомодный) мошенник! Но и очень современный во многих отношениях. Наивный относительно некоторых вещей — взять хотя бы его доверие ко мне или то, что он, сильно хромая, подвинул свое кресло так близко к обрыву. Но в других вопросах он был хитрым, как старый лис, и никто не мог его обмануть. По крайней мере надолго.

Он лишился глаза после удара дротиком где-то на берегах Ориноко, или вроде того, а ногу ему откусил крокодил в Амазонке. Но он всегда возвращался домой, лечился, а потом снова уступал своей страсти к путешествиям. Что касается фетишей, что ж, человек всегда склонен узнавать и испытывать какие-то забавные переживания в отдаленных уголках мира и почти всегда старается хоть отчасти сблизиться с местным населением...

На следующий день (вернее, в тот же самый, поскольку полночь уже миновала), в пятницу, дела привели меня в Дэнхольм. И бесполезно спрашивать, по какой причине я, прихватив небольшой букет у деревенской цветочницы, пошел на старинное кладбище, к простой могиле Джереми. Возможно, цветы означали дань его памяти; всему должна быть своя причина, всему должно быть объяснение. Можно подумать, мне это надо. В конце концов, он же был моим другом! Все так говорили. Но есть и другое объяснение: убийцы всегда посещают могилы своих жертв.

На мраморном надгробии были выбиты его имя, даты рождения и смерти и краткая история его жизни, гласившая:

Далекие земли манили его;
Он всегда рисковал
И всегда возвращался.
Покойся с миром.

Укладывая цветы на его просевшую могилу, я не мог удержаться от легкой усмешки.

Просевшую?..

— Оседание почвы, сэр, — раздался голос прямо у меня над ухом, и чья-то рука тронула локоть.

Господь свидетель, я так и подскочил от неожиданности!

— Именно оседание, — повторил тот же голос, отягощенный местным диалектом, полный нескрываемой неприязни

и такой же мрачный, как и место, где мы стояли. — Да, меня всегда упрекают, что я плохо утрамбовываю землю и все такое, но в этом виновато осседание почвы. Из каждой полудюжины могил одна обязательно хоть немного, но опускается, совсем как у этого старины Джи-Джи. Вам ведь известно, это их семейная могила. Дэнхольм. А он последний в роду, и такой немного странный! Но, я думаю, вы и так все знаете.

— Э... да, — сказал я. — Известно. — Я посмотрел на образовавшуюся впадину. — Э... может, добавить немного земли, как вы думаете? Пока никто не успел вас упрекнуть?

Он задумчиво поморгал:

— Я сейчас же этим займусь, сэр! Всего вам хорошего!

Я ушел, а он некоторое время чесал в затылке, хмуро глядя на могилу, а потом покатил свою тачку, явно собираясь привезти немного земли.

Это был второй факт, о котором я не собирался рассказывать Анжеле, но, как выяснилось, он все равно не имел большого значения.

Вечером, после того как стемнело, я снова подъехал к их (а теперь ее) загородному дому, и стоило мне войти, как я тотчас понял, что дело неладно. Любой бы это понял, если бы услышал встревоженный голос, доносящийся сверху.

— Артур! Артур! — Ее резкий, пронзительный голос проникал до самых костей. — Это ты? Ради бога, скажи, что это ты!

— Конечно это я, моя дорогая, кто же еще? — крикнул я в ответ. — А теперь скажи, в чем дело?

— В чем дело, в чем дело?! — Она слетела по ступеням в развевающемся халате и попала прямо в мои объятия. — Я сейчас скажу, в чем дело...

Но Анжела так запыхалась, что не могла говорить. Она выбежала из спальни с влажными неприбранными волосами, ненакрашенная и вообще выглядела сильно уставшей.

Выждав пару секунд, я довольно резко спросил:

— Так ты мне расскажешь?

— Это он! — дрожащим голосом выпалила она. — О, это он!

Анжела разразилась слезами и повисла на мне, так что пришлось бросить на пол цветы и шоколад, чтобы ее поддержать.

— Он? — невольно повторил я, что было довольно глупо, поскольку я уже начал подозревать, что речь шла действительно о «нем» или, по крайней мере, о его действиях.

— Он! — воскликнула она, стуча кулачком в мою грудь.— Он, глупец. Это Джереми!

Что ж, наш семейный девиз всегда гласил: «Пусть восторжествует разум», так что могу поставить себе в заслугу, что я не рухнул на пол и не начал бессвязно бормотать, как это делала Анжела. А возможно, я просто слишком глуп. Так или иначе, я подобрал цветы, коробку конфет — да, и Анжелу тоже — и понес все это наверх. Я уложил ее на кровать, но Анжела тотчас вскочила и забегала взад-вперед по комнате, горестно заламывая руки.

— Ну, так что происходит? — спросил я, стараясь быть рассудительным.

— Только не надо говорить таким тоном! — раздраженно бросила она, останавливаясь передо мной с крепко сжатыми кулачками и перекошенным лицом. — Ты говоришь так, будто я испугалась какой-то глупости! Я сказала, что это он, и это действительно он!

Но я уже разозлился.

— Ты хочешь сказать, что он здесь? — сердито спросил я.

— Я хочу сказать, что он где-то неподалеку,— ответила она, гневно сверкая широко распахнутыми глазами.— Или хотя бы его отдельные части!

А потом она снова разразилась этими захлебывающимися рыданиями, которых я не могу выносить, и я еще раз уложил ее на кровать.

— Дорогая,— сказал я,— расскажи мне обо всем по порядку, и я постараюсь разобраться. Я обещаю.

— Правда, Артур? О, как я на это надеюсь!

Я поцеловал ее и попытался снова подтолкнуть к рассказу:

— Ну, давай, расскажи с самого начала.

— Я... я была в ванне, прихорашивалась перед встречей с тобой, надеясь, что на этот раз мы сможем провести тихий спокойный вечер вдвоем, а потом и ночь. Я уже успела намылиться, как вдруг ощутила на себе чей-то взгляд. И это был он! На краю ванны! Это был Джереми!

— Джереми,— спокойно повторил я, не сводя с ее лица хмурого взгляда.— Джереми... человек?

— Нет, как же ты глуп, — его проклятый глаз!

Она сорвала обертку с коробки конфет (ее любимых, с ликером) и начала торопливо набивать себе рот сладостями. Вот когда я впервые подумал: «А может, у нее нервный срыв?»

— Хорошо, — произнес я, поднялся с кровати, подошел к комоду и выдвинул ящик, где оставил обитую бархатом коробочку. — В таком случае...

Коробочка лежала на месте, но раскрытая и абсолютно пустая. В ту же секунду раздался незабываемый звук катящегося шарика. Ни за что бы не поверил, но отвратительный глаз выкатился из ванной комнаты, заскочил на ковер и остановился, злобно глядя на меня.

А потом: Бам! Бам! — из гардеробной, и снова БАМ! Последний оглушительный удар сорвал дверь с петель, и появилась нога Джереми, она царапала пол, как клешня, оторванная от еще живого краба! Да, она не просто лежала там, а... двигалась! Проклятый протез то сгибался, то разгибался в коленном шарнире, как живой!

От изумления я, широко раскрыв рот, попятился от этого чуда — пятился, пока не сел на кровать, не в силах произнести ни слова. Анжела все видела, и теперь ее глаза грозили выпасть из орбит; из уголка дрожащего рта вытекла струйка слюны, смешанной с шоколадом, но рука механически потянулась за очередной конфетой. Только на этот раз ей попалось нечто другое.

Пытаясь ее предупредить, я взмахнул рукой и пробормотал что-то нечленораздельное. Но язык как будто прилип к нёбу, и слов не получилось. «Крак!» — это все, что я сумел выдавить, да и то слишком поздно. Анжела уже закинула в рот то, что она принимала за конфету. Это был глаз Джереми — но не стеклянный глаз!

Боже, какое безумие и отчаяние овладели ею, когда она его раскусила! Горло у нее все еще было заполнено шоколадом, лицо посинело, зрачки бешено вращались, а пальцы судорожно вцепились в простыню.

— Акх... акх... акх!

Я стал массировать ей шею, а проклятая нога поскакала по полу прямо к кровати, кошмарный стеклянный глаз как сумасшедший метался из стороны в сторону и вертелся, словно его хозяин хохотал!

Потом... Анжела вцепилась в мою рубашку и, падая с кровати, разорвала ее снизу доверху. Глаза у нее выпучились, словно кнопки орга́на, лицо стало фиолетовым, скрюченные пальцы прошлись по голой груди и оставили по пять кровоточащих полосок с каждой стороны. А я едва заметил это, потому что керамическая нога Джереми все еще колотилась на полу, а глаз продолжал смеяться.

Я тоже расхохотался, когда пинком отправил протез обратно в гардеробную и запер дверь, а стеклянный глаз загнал под туалетный столик Анжелы. Я смеялся, смеялся и смеялся, пока не начал рыдать, и, возможно, так и не смог бы остановиться.

Но что это?

Что это за шум за дверью, на лестничной клетке?

Оно — он — Джереми и сейчас еще там и продолжает стучать. Он заблокировал окна, чтобы я не смог убежать, но я успел забаррикадировать дверь, чтобы он не мог войти; и теперь мы крепко связаны друг с другом. Правда, у меня есть преимущество: я могу видеть, а он совершенно ослеп! То есть я знаю, что он ослеп, потому что стеклянный глаз у меня, а настоящий проглотила Анжела! И его нога, я уверен, вот-вот выбьет дверь гардеробной, но, как только она выскочит, я прыгну на нее и разобью на куски.

И вот он бьется там, на площадке, слепой, как летучая мышь, — плюх-шлеп, плюх-шлеп — и воняет как сама преисподняя! Вот тебе, Джереми Джонсон Клив! Я не собираюсь отсюда выходить. Я не собираюсь открывать дверь ни тебе, ни горничной, которая должна прийти утром, ни кухарке, ни полиции, никому.

Со своими подушками, одеялами и своим большим пальцем я останусь здесь, где тепло, уютно и безопасно. Здесь, под кроватью.

«Ты слышишь меня, Джереми?

Ты слышишь меня?

Я — не — собираюсь — выходить!»

ГОВАРД ФИЛЛИПС ЛАВКРАФТ

Герберт Вест, реаниматор

Говард Филлипс Лавкрафт (1890—1937), возможно, самый выдающийся из всех писателей-фантастов двадцатого века, которые обращались в своих произведениях к сфере сверхъестественного и по чьим стопам двинулось множество последователей. И ныне едва ли не каждый автор, чье творчество связано с литературой ужасов, так или иначе испытывает влияние Лавкрафта. Это тем более замечательно, что сам Лавкрафт никогда не был особенно плодовит, и при жизни писателя его рассказы, эссе и поэмы публиковались главным образом в любительских изданиях и дешевых журналах, рассчитанных на непритязательный вкус, вроде, например, «Weird Tales».

Спустя два года после безвременной кончины Лавкрафта двое его молодых протеже, Август Дерлет и Дональд Вандрей, основали издательство «Arkham House», в котором подготовили и осуществили публикацию посмертного собрания произведений своего учителя под заглавием «Посторонний и другие». В конце концов им удалось вернуть читателю все творческое наследие Лавкрафта.

Рассказ «Герберт Вест, реаниматор», по общепринятому мнению, является одной из первых профессиональных работ писателя, а потому лишен еще той творческой мощи, которой кипят его более поздние произведения. В 1921 году к Лавкрафту обратился один коллега, такой же, как он сам, журналист-любитель по имени Джордж Джулиан Хьютен, и предложил ему написать цикл рассказов в жанре хоррор, связанных общим сюжетом. Хьютен обещал напечатать их в своем новом профессиональном журнале «Home Brew». Рассказы эти были впервые опубликованы под общим заглавием «Страшные истории» в январском и последующих выпусках 1922 года. Известно о жалобах Лавкрафта на «ярмо каторжного труда» и на «бессмысленность и пагубность службы золотому тельцу», однако он согласился принять вознаграждение в сумме пять долларов за каждый рассказ (иными словами, по четверти цента за слово, или тридцать долларов за весь объем, — сумма ничтожная даже по тем време-

нам). Но на этом унижения не закончились: аккуратно выплатив гонорар за первые два фрагмента, издатель заставил Лавкрафта долгие месяцы дожидаться основной части суммы.

Трудно представить себе, чтобы Лавкрафт мог предвидеть (а уж тем более одобрить) тот факт, что этот рассказ ляжет в основу возмутительного, но невероятно популярного фильма «Реаниматор», снятого в 1985 году режиссером Стюартом Гордоном и ставшего настоящим хитом, а также его не менее несуразного сиквела «Невеста реаниматора» (1989), где Джеффри Комбс сыграл роль не признающего смерти студента-медика Герберта Веста.

I. Возвращение из тьмы

О Герберте Весте, с которым в ранней юности мы были друзьями, ныне я не могу говорить без крайнего ужаса. И ужас этот не столько связан со зловещими обстоятельствами его недавнего исчезновения, сколько порожден родом его деятельности. Впервые мне стало по-настоящему страшно семнадцать лет назад, когда мы вместе учились на втором курсе медицинского факультета Мискатонского университета в городе Аркхеме. Пока Вест был рядом, чудесная и демоническая природа его экспериментов вызывала во мне живейший интерес, и потому я принимал в них самое активное участие. Теперь, когда он исчез и чары рассеялись, все чувства затмил страх: воспоминания прошлого и таинство грядущего, как никогда, туманны, вытеснены кошмаром реальности.

Вскоре после нашего знакомства случилось нечто, ставшее самым жутким впечатлением моей жизни. Ценой невероятных усилий я преодолел отвращение и теперь могу все рассказать. Произошло это во времена нашего обучения на медицинском факультете. Вест уже тогда пользовался недоброй славой благодаря своим диким теориям относительно смерти и возможностей ее искусственного преодоления. Взгляды его были излюбленным предметом насмешек среди преподавателей и товарищей по учебе. Они основывались на механистическом восприятии природы живого, а разработки

были направлены на открытие способов манипуляции частями человеческого тела с помощью тщательно просчитанного химического воздействия после того, как тело покинула жизнь. В ходе экспериментов с различными оживляющими растворами Вест убил и изувечил несметное множество кроликов, морских свинок, кошек, собак и обезьян, чем навлек на себя негодование всего колледжа. В нескольких случаях ему действительно удалось вызвать признаки жизни (весьма пугающие!) у умерших животных. Вскоре он осознал, что для успеха, если таковой в принципе достижим, исследованиям придется посвятить всю жизнь. Еще стало очевидно, что, поскольку один и тот же раствор не действовал одинаково на разные виды, для дальнейших, узконаправленных разработок понадобятся опыты на человеке. Именно тогда Вест впервые пошел на конфликт с руководством колледжа и был отстранен от экспериментов деканом медицинского факультета — высокопрофессиональным и неизменно благожелательным доктором Аланом Холси, чья великодушная помощь больным памятна старожилам Аркхема.

Я всегда относился к исканиям Веста с пониманием и исключительной терпимостью. Мы часто обсуждали его теории, развитие которых множило невероятные гипотезы и должно было в будущем дать человечеству едва ли не безграничные возможности. Утверждая вслед за Геккелем, что жизнь есть исключительно результат химических и физических процессов и что так называемая душа — миф, мой друг был убежден: искусственное восстановление жизнедеятельности в мертвом организме зависит лишь от состояния тканей. Иными словами, если процесс разложения клеток еще не начался, с помощью определенных препаратов тело, обладающее полным комплектом необходимых органов, можно вернуть к той специфической форме существования, которую принято именовать жизнью. При этом Вест прекрасно понимал, что психическая и интеллектуальная деятельность тела, возвращенного к жизни, может быть нарушена вследствие незначительного повреждения чувствительных клеток головного мозга. Это было неизбежно даже при условии очень недолгого пребывания организма в состоянии смерти. Поначалу он уповал на то, что определенный реагент поможет запустить процесс восстановления жизненных процессов еще до того, как смерть наступит окон-

чательно. Однако многочисленные неудачи, которые он претерпел, экспериментируя на животных, убедили его в несовместимости естественных и искусственных импульсов. Тогда Вест стал подбирать для своих опытов свежие экземпляры и впрыскивать растворы им в кровь немедленно после того, как жизнь затухала. Последнее обстоятельство и вызвало у профессоров скептическое отношение к исследованиям, ибо они полагали, что смерть не успевала наступить. Хотя при этом внимательно и с неизменной серьезностью наблюдали за происходящим.

Вскоре после того, как на эксперименты был наложен запрет, Вест *признался мне*, что *принял решение*: любой ценой найти способ добывать свежие тела и тайно продолжить изыскания. Слушать его идеи мне было жутковато, поскольку ранее никогда не приходилось самостоятельно добывать анатомический материал. Если морг не предоставлял требуемого, в ход обычно пускали парочку местных негров, у которых согласия не спрашивали. Сам Вест в те времена был низкорослым, худым и очкастым юнцом с тонкими чертами лица, волосами цвета соломы, бледно-голубыми глазами и мягким голосом. Странно было слышать от него рассуждения о недостатках кладбища Крайст-Черч по сравнению с погостом, где хоронили бедняков и бродяг. Главный минус состоял в том, что практически всех покойников на Крайст-Черч бальзамировали. Для целей, которые преследовал Вест, это было неприемлемо.

К тому времени я стал его преданным помощником и принимал самое активное участие в решении всех важных вопросов, касающихся не только источника подопытных тел, но и территории осуществления жутких планов. Именно я предложил перенести место исследований на заброшенную ферму Чепмана, что за Медоу-Хиллом. Там на первом этаже мы оборудовали лабораторию и операционную, завесив окна темными шторами, призванными скрыть от посторонних глаз наши полуночные деяния. Дом стоял в стороне от дороги и вдали от жилых построек. Это, однако, не отменяло необходимости мер предосторожности, ибо слухи о страшных огнях, пущенные случайными ночными скитальцами, могли привести к катастрофе. Между собой мы договорились, что, если нас обнаружат, будем твердить о химической лаборатории.

Постепенно мы снабдили это зловещее прибежище науки необходимыми материалами: некоторые приобрели в Бостоне, другие тайком позаимствовали из колледжа. Все замаскировали так, что определить природу материалов смог бы только специалист. Кроме того, мы запаслись заступами и лопатами — для захоронения тел в подвале дома. В колледже для этих целей имелась кремационная печь, но наш скромный бюджет не позволял приобрести столь дорогостоящее оборудование. (Трупы всегда доставляли множество трудностей, даже если речь шла о морской свинке, умершей в результате незаконных экспериментов в комнате общежития, которую занимал Вест.)

Словно вампиры, мы напряженно следили за некрологами в местной газете, выискивая материал, обладающий строго определенными свойствами. Для наших опытов подходили лишь тела, которые были преданы земле вскоре после кончины и без всякой искусственной консервации; предпочтительно не испорченные серьезным заболеванием и непременно с полным набором жизненно необходимых органов. Больше всего надежд возлагалось на жертвы несчастных случаев. Не каждую неделю удавалось найти подходящего покойника, даже притом, что мы регулярно связывались с моргом и больницей якобы от лица руководства колледжа и делали это так часто, как только позволяла элементарная осторожность. Оказалось, что колледж пользуется в подобных делах неизменным преимуществом выбора. Так что, возможно, имеет смысл остаться в Аркхеме и на лето, когда учебные занятия практически прекращаются, кроме нескольких факультативов так называемой летней школы.

В конце концов удача нам улыбнулась: дошли слухи об экземпляре, идеально соответствовавшем всем требованиям и только что похороненном на кладбище для бедняков. Это был крепкий и мускулистый молодой работяга, который накануне с утра утонул в пруду Саммерс-Понд и был погребен на средства муниципалитета без всяких отсрочек или искусственной консервации. В тот же день мы обнаружили свежее захоронение и решили взяться за дело после полуночи.

Это отвратительное мероприятие осуществилось в те короткие часы, когда над миром царит абсолютный мрак, — мы еще не знали особенного ужаса перед ночными кладбищами, который нам внушили более поздние события. Извлечение

трупа из-под земли — работа долгая и очень грязная. Будь мы художниками, а не учеными, наверное, увидели бы в этом нечто зловеще-поэтическое. В общем, когда лопаты уткнулись в деревянные доски, мы очень обрадовались. Очистив сосновый ящик от земли, Вест спрыгнул в яму, приподнял крышку и, вытащив наружу его содержимое, установил тело в вертикальное положение. Я нагнулся, протянул руки и выволок труп из могилы. Затем понадобилось немало усилий, чтобы привести захоронение в прежний вид. Надо сказать, что все происходящее вызвало в нас нервную дрожь, особенно закоченевшее, негнущееся тело и лишенное выражения лицо нашего первого трофея. Однако нам удалось устранить все следы ночного визита. Зачерпнув лопатой и утрамбовав последнюю пригоршню земли, мы запихнули добытый экземпляр в полотняный мешок и отправились в свое убежище.

На импровизированном секционном столе в старом фермерском доме при ярком свете мощной ацетиленовой лампы наш объект не казался таким уж призрачным и потусторонним. Это был крепко сбитый молодой парень, явно лишенный воображения. Широкая кость, серые глаза, каштановые волосы — здоровое, сильное животное, чуждое психологических тонкостей. Все физиологические процессы в его теле наверняка протекали правильно и без сбоев, самым простейшим образом. Теперь, когда глаза были закрыты, он казался скорее спящим, чем мертвым. Впрочем, небольшой опыт, проведенный моим другом, со всей очевидностью показал, как обстоит дело. Наконец мы заполучили то, чего так долго жаждал Вест, — мертвого человека, идеально соответствующего всем требованиям и готового принять в свои жилы раствор, составленный в результате сложнейших вычислений и умопостроений, предназначенный именно для человеческого организма. Мы оба находились в состоянии сильнейшего нервного напряжения. Отдавая себе отчет, что вряд ли удастся с первого раза приблизиться к успеху, мы опасались тех жутких последствий, к которым могло привести неполное оживление. Особенно тревожились по поводу сознания подопытного, так как после смерти наиболее чувствительные клетки мозга могли получить серьезные повреждения. Лично я все еще сохранял устаревшие представления о существовании человеческой души и испытывал сильное любопытство относительно тайн, которые мо-

жет раскрыть перед нами восставший из мертвых. Я думал о том, какие картины мог наблюдать юноша в недоступных миру живых пространствах и о чем он поведает, если полностью возродится к жизни. Нельзя сказать, чтобы этот интерес занимал все мои мысли, ибо в большей степени мне были свойственны материалистические представления, исповедуемые моим другом. Он выглядел гораздо спокойнее меня, когда впрыскивал большую дозу своего раствора в вену на руке трупа, и сразу надежно перевязал место инъекции.

Последовало зловещее ожидание. Вест, впрочем, ни разу не дрогнул. Он регулярно подносил к объекту эксперимента свой стетоскоп и всякий раз философски принимал отрицательный результат. Когда спустя три четверти часа ни малейшего признака жизни не последовало, мой друг разочарованно произнес, что раствор плох, но, несмотря на это, он намерен использовать все возможности, предоставленные удачным стечением обстоятельств, и внести в формулу коррективы, а уж потом избавиться от отвратительного трофея. Еще днем мы заблаго*временно подготовили в подвале могилу, которую следовало* закопать до рассвета: несмотря на то что на двери старого дома был установлен замок, мы решили действовать со всеми предосторожностями, дабы избежать малейшего риска разоблачения. Кроме того, к следующему вечеру труп перестанет быть свежим.

Забрав с собою единственную ацетиленовую лампу, мы перешли в соседнее помещение, где размещалась лаборатория, оставив нашего безмолвного гостя лежать на столе в полном мраке, и направили свои силы и внимание на приготовление нового эликсира. Вес и объем его составляющих Вест отмерял с педантизмом фанатика.

Ужасное событие произошло неожиданно. Я как раз переливал какую-то жидкость из одной пробирки в другую, а Вест возился со спиртовкой, которая в этом здании, лишенном газового трубопровода, заменяла нам горелку Бунзена. Вдруг из погруженной во мрак соседней комнаты донеслась череда отвратительных, совершенно дьявольских воплей, подобных которым ни одному из нас ранее не приходилось слышать. Даже если бы ад разверзся и все мучения проклятых душ явились миру, вопли, рвущиеся из бездн преисподней, было бы проще описать человеческим языком. В невообра-

зимом потоке кошмарных звуков, взорвавшем тогда тишину старой фермы, сосредоточился ужас вселенной и невыразимое отчаяние ожившего существа. Это не мог быть человек — он не способен издавать такие звуки! Мгновенно позабыв о своем занятии и о страхе разоблачения, мы с Вестом кинулись к ближайшему окну, как раненые животные, опрокидывая на пол пробирки, лампы, реторты. Словно безумные, ринулись в освещенную звездами глубину первозданной ночи. Думаю, мы и сами орали как резаные, когда исступленно бежали через поля в сторону городка. Добравшись до ближайшей окраины, мы постарались взять себя в руки и придать своему поведению некоторую солидность — ровно настолько, чтобы хоть немного походить на запоздалых гуляк, ковыляющих домой после ночной попойки.

Вместо того чтобы разойтись по домам, мы засели в комнате Веста и, не гася свет, прошептались там до рассвета. К утру нам удалось немного успокоить друг друга всевозможными разумными доводами и рассуждениями, а также планами дальнейших исследований. Затем мы проспали весь день напролет, разумеется прогуляв занятия.

Два сообщения в вечерней газете, на первый взгляд никак не связанные друг с другом, снова лишили нас сна. Во-первых, старый заброшенный дом на ферме Чепмана по непонятным причинам сгорел дотла. Это событие не слишком нас удивило — причиной мог стать опрокинутый светильник. Во-вторых, кто-то пытался раскопать свежую могилу на кладбище для бедняков, впрочем безуспешно: у осквернителя не было лопаты и он рыл землю руками. Вот этого мы объяснить никак не могли, потому что сами очень аккуратно закопали яму и утрамбовали грунт.

Спустя семнадцать лет после этого происшествия Вест частенько нервно оглядывался, жалуясь, что ему чудятся шаги за спиной. И вот теперь он сам исчез.

II. Демон чумы

Никогда не забуду, как шестнадцать лет назад по летним улицам Аркхема победоносно шествовал брюшной тиф. Словно кровожадный демон из преисподней, он заглядывал

в окна домов, ища очередную жертву. Казалось, бич дьявола обрушился на людей и ужас расправил свои перепончатые крылья над склепами кладбища Крайст-Черч, полными новых гробов. Однако мне то время запомнилось еще более невероятными кошмарами, коим после исчезновения Герберта Веста я был единственным живым свидетелем.

В то лето мы с Вестом, уже выпускники Мискатонского университета, остались на медицинском факультете для выполнения последипломной работы. Друг мой сразу приобрел широкую и дурную славу, поскольку его эксперименты были связаны с попытками воскресить мертвых. После того как во имя науки было зарезано несметное число мелких грызунов, Весту запретили продолжать работу. Вероятно, по распоряжению декана, доктора Аллана Холси, который был настроен крайне скептически. Тем не менее Вест продолжал ставить тайком некоторые опыты, но не в лаборатории, а в общежитии — в своей сумрачной и грязной комнатушке. А однажды — мне никогда не забыть той страшной ночи! — выкопал человеческий труп из могилы на кладбище для бедняков и приволок его на заброшенную ферму в окрестностях Медоу-Хилла.

Я помогал ему в этом гнусном предприятии и видел, как он вколол в безжизненные вены мертвеца свой эликсир, который должен был хоть отчасти восстановить химические и физические процессы, именуемые жизнью. Закончилось все ужасно. Мы предпочли списать охвативший нас невообразимый страх на нервное напряжение, в котором тогда оба находились. С тех самых пор мой приятель не мог отделаться от навязчивой мысли, что его кто-то преследует.

Добытое тело слишком долго находилось в могиле. Очевидно, восстановить умственные способности можно лишь в свежем экземпляре, еще не тронутом разложением. Поскольку старая халупа, в которой мы ставили опыты, сгорела, похоронить «нечто», появившееся на свет в результате неудачного эксперимента, не удалось. Лучше бы знать наверняка, что ужасная тварь покоится в земле!

После этого случая Вест на некоторое время забросил свои страшные опыты. Однако, по мере того как исследовательский пыл разгорался, он с пугающей настойчивостью и даже назойливостью уговаривал администрацию колледжа отдать в его

распоряжение прозекторскую и предоставить свежие человеческие трупы для экспериментов, которые, как он считал, имели для науки огромное значение. Но мольбы оказались тщетны: доктор Холси был непоколебим, и вся профессура полностью разделяла мнение своего предводителя. Предложенную Вестом радикальную теорию реанимации они считали нелепым чудачеством зеленого юнца, который слишком далеко зашел в увлечении наукой. К тому же внешний вид моего приятеля — хрупкое и тщедушное телосложение, соломенного цвета волосы, голубые глаза за толстыми стеклами очков, мягкие интонации — не говорил о свойственной ему в действительности силе интеллекта и холодном рассудке. Я вижу его *сейчас перед собой как живого, и мурашки бегают по моей спине.* Со временем черты лица Веста стали решительнее, жестче, но обаяния ему, казалось, не прибавили. До тех самых пор, пока не случилось известное происшествие в сефтонской психиатрической лечебнице и мой друг не исчез.

В конце предыдущего семестра, незадолго до получения дипломов, между Вестом и доктором Холси разгорелся яростный спор. Надо сказать, что поведение моего приятеля не делало ему чести, а великодушный декан, напротив, был крайне вежлив и учтив. Весту казалось, что старшие коллеги ставят ему палки в колеса, по своему неразумию и недальновидности тормозят очень важную работу, оттягивают день великого открытия. Разумеется, впоследствии он сможет продолжить изыскания самостоятельно, но первые шаги необходимо сделать здесь и сейчас, пока есть шанс пользоваться исключительными возможностями университета.

С точки зрения юноши, подобного Весту, обладающего холодным и здравым рассудком, не существовало ничего более нелепого и отвратительного, чем поведение старших коллег, неспособных выйти за рамки традиционных представлений, игнорирующих некоторые положительные результаты, полученные во время опытов на животных, и упорно настаивающих на невозможности возвращения к жизни умершего человека. Лишь зрелость и мудрость были в состоянии помочь ему со временем понять природу непреодолимой косности мышления, свойственной нашим профессорам, которая явилась результатом деятельности многих поколений, воспитанных в пуританском духе, этот витиеватый сплав честнос-

ти, добросовестности, преданности своему делу, порой великодушия, дружелюбия и непременной ограниченности, узости мышления, нетерпимости к инакомыслию, рабского повиновения традиции вкупе с недостатком воображения.

С возрастом начинаешь благосклоннее относиться к таким, отчасти неполноценным и в то же время благородным, душам; понимаешь, что, в сущности, их единственный порок — робость. К тому же, являясь для простых смертных излюбленным объектом насмешек, они несут тяжкое бремя наказаний за интеллектуальные грехи вроде приверженности системе Птолемея, кальвинизма, антидарвинизма, антиницшеанства и иных разновидностей субботничества и ретроградства. Вест же, при всех его научных достижениях, был еще очень молод и не мог снисходительно воспринимать рассуждения старого доброго Холси и его эрудированных коллег. Медленно, но верно в нем копились возмущение и обида, сдобренные желанием доказать этим напыщенным тупицам свою теорию, причем драматично и впечатляюще. Как это часто случается с незрелыми юношами, он строил самые изощренные планы и упивался мечтами о будущей мести, своем триумфе и о том, как однажды великодушно дарует прощение своим гонителям.

И вдруг на людей обрушилась Божья кара — ухмыляющийся демон смертельной болезни вырвался из самых глубин Тартара. К началу этого страшного бедствия я и Вест уже закончили обучение в университете, но решили остаться на дополнительные летние занятия. Когда брюшной тиф нанес первый удар по Аркхему, мы оказались в гуще событий. Количество инфицированных росло не по дням, а по часам. Лицензий на врачебную практику у нас еще не было, но дипломы уже имелись, и мы со всем возможным энтузиазмом ринулись служить обществу. Положение складывалось критическое; казалось, остановить эпидемию невозможно: умирало столько людей, что местные могильщики не справлялись со своими обязанностями. В спешке тела покойников предавали земле без предварительной обработки; временный склеп на кладбище Крайст-Черч был битком набит небальзамированными трупами. Последнее обстоятельство будоражило воображение Веста: ирония судьбы — столько свежайших экземпляров, а для его опальных исследований не нашлось

ни одного! Мы были перегружены работой. Невероятное умственное и нервное напряжение привело к тому, что в сознании моего друга стали рождаться болезненные, я бы даже сказал — патологические идеи.

Благородные противники Веста были не менее изнурены и подавлены своими повседневными заботами. Колледж едва не закрыли; доктора медицинского факультета поголовно участвовали в борьбе с тифозной заразой. Наиболее самоотверженно вел себя доктор Холси, отдавая обществу все накопленные за многие годы познания, приходя на помощь больным даже в тех случаях, когда другие врачи опускали руки из-за крайне высокой опасности заразиться или по причине явной безнадежности пациента. Не минуло и месяца, как бесстрашный декан стал народным героем. Хотя сам он, казалось, не подозревал о собственной славе и стремился лишь к тому, чтобы остаться на ногах, несмотря на крайнюю физическую усталость и нервное истощение. Вест не мог сдержать восхищения при виде потрясающей силы духа, проявляемой его заклятым врагом, но тем яростнее жаждал доказать ему справедливость своих невероятных теорий. Воспользовавшись общей сумятицей, которая сказывалась и на организации работы колледжа, и на соблюдении правил муниципалитета по оказанию медицинской помощи, как-то ночью он похитил тело недавно умершего человека, тайком пронес его в университетскую прозекторскую и там, в моем присутствии, вколол в него новую модификацию оживляющего эликсира. На сей раз подопытный открыл глаза, но лишь пялился в потолок с выражением леденящего душу ужаса на лице, а затем погрузился в состояние, из которого его уже ничто не могло возвратить. Вест заключил, что труп опять был недостаточно свежим: сыграл свою роль жаркий летний воздух. Тогда нас едва не застали с поличным — мы еле успели сжечь труп. Данное обстоятельство заставило Веста усомниться в целесообразности дальнейшего использования университетской лаборатории.

В августе эпидемия достигла своего пика. Мы с Вестом были чуть живы, а доктор Холси скончался четырнадцатого числа. Пятнадцатого состоялись спешные проводы, на которых присутствовали все студенты колледжа, купившие по этому случаю внушительных размеров венок. Впрочем, подношение учащихся затмили куда более эффектные венки и букеты от

состоятельных граждан Аркхема и городских властей. Похороны, можно сказать, стали событием общественного значения: своей деятельностью покойный декан, несомненно, облагодетельствовал весь город.

После погребения все чувствовали себя подавленно и остаток дня просидели в баре Коммерческого Дома. Вест, потрясенный смертью своего главного оппонента до глубины души, тем не менее порывался излагать свои и без того известные мрачные теории и тем самым погружал всех присутствующих в еще большее уныние. По мере того как дело шло к вечеру, большинство студентов разбрелись по домам и служебным надобностям. Меня Вест уговорил «провести ночь с пользой». Хозяйка дома, где он снимал комнату, видела, как мы возвратились около двух часов ночи, поддерживая за плечи третьего человека, и сообщила мужу, что, видимо, вечер удался.

Язвительная матрона оказалась права, ибо около трех часов дом был разбужен криками из комнаты Веста. Когда хозяевам удалось взломать дверь, они обнаружили нас двоих, исцарапанных и сильно избитых, лежащими без сознания на испачканном кровью ковре. На полу повсюду валялись осколки реторт и инструменты, принадлежащие Весту. О том, куда подевался нападавший, красноречиво свидетельствовало распахнутое окно. Причем многие задавались вопросом: как он уцелел после прыжка со второго этажа на газон? К тому же в комнате нашли фрагменты странного одеяния. Придя в себя, Вест объяснил, что одежда не имеет никакого отношения к нападавшему и представляет собой образцы для бактериологического анализа исследований по распространению инфекционных заболеваний. Он велел бросить тряпье в большую печь и спалить. Полиции ночной посетитель был представлен как незнакомец. Явно нервничая, Вест заявил, что мы встретили его в одном из баров в центре города (каком именно, не помним) и почувствовали родственную душу. Нам было весело вместе, поэтому даже теперь не хотелось бы преследовать драчуна.

С той самой ночи на Аркхем обрушилась еще одна напасть, лично для меня более ужасная, чем тиф. Кладбище Крайст-Черч стало местом страшного преступления: ночной сторож был до смерти задран когтями, причем так, что принадлежность преступника к роду человеческому вызывала

большие сомнения. В последний раз убитого видели живым далеко за полночь, а рассвет того же самого дня озарил картину, описать которую не поворачивается язык. Полиция допросила директора местного цирка, расположенного в соседнем городке, под названием Болтон, но тот клялся и божился, что ни один зверь не покидал свою клетку. Горожане, нашедшие тело несчастного, также заметили кровавый след, который тянулся от места преступления к временному склепу. Там возле самого входа на бетонном полу расплылась небольшая багровая лужа. Другая цепочка следов, уже менее отчетливых, вела в сторону леса, но терялась в траве.

Всю следующую ночь на крышах Аркхема плясали демоны, и вопли нечеловеческого безумия прорывались сквозь вой ветра. По улицам тифозного города блуждало проклятие страшнее чумы. Жители поговаривали, что это Демон чумы собственной персоной. Некая безымянная тварь проникла в восемь домов, сея жестокую смерть и справляя кровавые оргии. Безжалостное чудовище оставляло после себя бесформенные останки человеческих тел — в общей сложности семнадцать изувеченных трупов. Несколько человек видели «нечто», правда мельком и в темноте. Они утверждали, что это существо белого цвета, по силуэту напоминающее уродливую обезьяну или демона в человеческом обличье. Далеко не всех подвергшихся нападению потом удалось обнаружить: тварь удовлетворяла ненасытное чувство голода. В результате четырнадцать человек погибли; еще три тела нашли в зараженных домах (к моменту нападения они были мертвы).

На третью ночь разъяренная толпа горожан под предводительством полиции схватила чудовище в одном из домов на Крейн-стрит — улочке, примыкавшей к территории Мискатонского университета. Мероприятия по захвату были тщательно продуманы и организованы, связь добровольцы поддерживали через домашние телефоны. Как только один житель квартала неподалеку от колледжа сообщил, что слышит звук когтей, скребущих оконную ставню, ловушка захлопнулась. Поскольку все горожане были предупреждены и подготовлены, дело ограничилось всего двумя новыми жертвами. Тварь остановила пуля. Впрочем, рана оказалась несмертельной, и чудовище, ко всеобщей радости с отвращением пополам, доставили в местную больницу.

Это был человек, несмотря на отвратительный взгляд, вызывающий тошноту, обезьянью бессловесность и дьявольскую свирепость. Перевязав рану, врачи отправили его в психиатрическую лечебницу Сефтона, где шестнадцать следующих лет он колотился головой об обитую войлоком стену палаты. До недавнего времени, пока не сбежал при обстоятельствах, о которых посвященные не распространяются. Больше всего жителей Аркхема поразила одна странность: когда чудовище отмыли, обнаружилось невероятное, оскорбительное сходство черт его лица с внешностью самоотверженного мученика и выдающегося ученого, три дня назад почившего в гробу на кладбище Крайст-Черч, — доктора Холси, всеобщего благодетеля и декана медицинского факультета Мискатонского университета.

Не поддающийся описанию ужас и отвращение охватили пропавшего ныне Герберта Веста и меня самого. Я и теперь невольно вздрагиваю, вспоминая об этом, даже сильнее, чем в то утро, когда Вест сквозь бинты пробормотал: «Черт побери! Оно опять было недостаточно свежим!»

III. Шесть выстрелов при лунном свете

Странно выпускать из револьвера все шесть пуль, когда вполне хватило бы и одной. Впрочем, жизнь Герберта Веста и без того была полна странностей. Например, молодой врач, только что окончивший колледж, редко умалчивает о принципах, по которым выбирает себе жилье и помещение для приема пациентов. А мой друг поступал именно так. Когда мы наконец-то получили дипломы, решили, что студенческая нищета осталась в прошлом. Впереди — собственная врачебная практика. Тщательнейшим образом продумывая каждое слово и стараясь не проболтаться, мы искали здание, стоящее особняком, вдали от жилых домов и поближе к кладбищу.

Скрытность, как правило, имеет веские причины. У нас они, конечно, были. Жесткие требования, предъявляемые к месту жилья и работы, объяснялись спецификой главного дела нашей жизни, которое вызывало у окружающих крайнюю антипатию. Внешне мы ничем не отличались от обычных врачей, но в нашем мозгу скрывались великие и пугаю-

щие задачи. Цель существования Герберта Веста лежала в туманных пределах неведомого и запретного, где он надеялся обнаружить тайну жизни и возродить холодный могильный прах для вечного бытия. Чтобы осуществить поставленную задачу, требовались особые материалы (например, свежие человеческие тела), а для удовлетворения такой потребности необходимо жить тихо и незаметно, к тому же недалеко от мест погребения.

Мы с Вестом сошлись во время обучения в колледже. Я оказался единственным из всех студентов и преподавателей, кто с сочувствием и интересом отнесся к его пугающим экспериментам, и постепенно стал неизменным помощником. Закончив колледж, мы держались вместе. Найти хорошее место сразу для двух врачей в одной компании не легко, но в конце концов благодаря связям и влиянию университета нам удалось получить приличную практику в Болтоне — фабричном городке неподалеку от Аркхема, где мы учились. Болтонская камвольная фабрика — самая крупная в Мискатонской долине; ее рабочие, говорившие на самых разных языках, никогда не пользовались у местных врачей популярностью в качестве пациентов. Мы долго думали, где поселиться, и остановили свой выбор на ветхом доме в самом конце улицы Понд-стрит. От ближайших соседей нас отделяло пять нежилых строений, а от местного погоста — небольшой луг, перерезанный пополам узкой, но довольно густой полосой леса, раскинувшегося к северу от кладбища. Конечно, нам хотелось, чтобы расстояние было еще меньше, но для этого пришлось бы селиться на другой стороне луга, за пределами фабричных кварталов. Впрочем, мы не слишком расстраивались, ибо между нами и источником заветного экспериментального материала не было никого и ничего. Идти далековато, зато можно не волноваться, что кто-нибудь увидит, как мы таскаем из могил мертвецов.

Поначалу наша практика оказалась неожиданно большой — вполне достаточной, чтобы удовлетворить потребности молодых врачей, и более чем достаточной, чтобы стать обузой для двоих студентов, чьи главные интересы лежат в иной области. Рабочие фабрики были народом буйным: частые драки, нередко заканчивавшиеся поножовщиной, доставляли немало хлопот, не говоря о повседневных нуждах в ме-

дицинской помощи. Однако наши мысли витали вокруг секретной лаборатории, оборудованной в подвале, с длинным столом, ярко освещенным электрическими лампами. В короткие утренние часы мы с Вестом вкалывали новые растворы в вены безжизненных тел, которые по ночам приносили с бедняцкого кладбища. Вест как безумный ставил один опыт за другим, пытаясь найти средство возобновить в человеческом теле жизненные процессы, остановленные смертью. Однако на его пути возникали новые и более страшные препятствия. Например, выяснилось, что каждой биологической особи нужна своя инъекция: то, что хорошо для морской свинки, человеку не подходит. Более того, каждому человеку требуется значительная модификация состава.

И тела должны были отличаться исключительной свежестью. Стоило тлению затронуть хрупкие ткани мозга, и полноценная реанимация становилась невозможной. Заполучить же едва остывший труп было очень трудной задачей. Раньше, во время нашего пребывания в колледже, Вест несколько раз попадал в ужасные ситуации и имел дело с телами, пролежавшими в земле слишком долго. Продукты частичной или дефектной реанимации были куда более устрашающими, нежели результаты опытов, потерпевших фиаско. У нас обоих сохранились самые жуткие воспоминания о подобных случаях. Со времени первого дьявольского мероприятия, которое мы устроили в заброшенном фермерском доме на Медоу-Хилле, близ Аркхема, мы чувствовали приближающуюся угрозу. Даже Вест — всегда спокойный и уравновешенный блондин с голубыми глазами, во многом напоминавший машину для научных исследований, — с содроганием признавался, что не может избавиться от ощущения преследования. Ему казалось, что кто-то ходит за ним по пятам. Истоки этого психологического обмана понятны: нервы у моего друга порядком расшатались; еще масла в огонь подливало сознание того, что по крайней мере один из оживленных нами мертвецов был до сих пор жив — кошмарное плотоядное чудовище, томящееся в Сефтоне, в палате с обитыми войлоком стенами. Был и еще один, самый первый, о котором мы так ничего и не узнали.

С объектами для экспериментов в Болтоне нам даже везло. Во всяком случае, ситуация складывалась куда лучше, нежели в Аркхеме. Не прошло и недели с новоселья, как в наши

руки попала жертва несчастного случая. Тело удалось раздобыть в первую ночь после похорон. Мертвец даже успел открыть глаза, в которых засветилось что-то вполне осмысленное. Увы, подвел эликсир. Наверное, если бы мы располагали целым телом, успех был бы значительнее, но у бедняги недоставало руки. До начала января следующего года в наше распоряжение попали еще три экземпляра. С одним мы потерпели полный провал. Второй порадовал ярко выраженными мышечными движениями. Поведение третьего подопытного довело нас до дрожи: он самостоятельно сел на столе и издал нечленораздельный звук.

Затем настал продолжительный период, когда удача, казалось, от нас отвернулась: похороны случались редко, а если и происходили, покойники были сильно изглоданы болезнями или искалечены, так что использовать их было нельзя. Мы с Вестом очень внимательно и систематически отслеживали все случаи смерти и наводили справки об обстоятельствах, при которых они имели место.

Но вот однажды мартовской ночью нам удалось получить тело для своих опытов совершенно иным способом, нежели с кладбища для бедняков. Пуританский дух, господствовавший в обществе Болтона, ставил некоторые виды спорта, например бокс, вне закона. И как это всегда происходит, запрет дал прямо противоположный результат: тайные и, как правило, нечестные боксерские бои между фабричными рабочими были обычным делом; время от времени для участия в них приглашались и профессионалы низшей категории. Именно такой поединок состоялся в один из последних зимних вечеров и закончился трагически, потому что к нам пришли двое поляков, которые робко прошептали свою просьбу, почти мольбу — помочь в одном чрезвычайно секретном и безотлагательном деле. Мы последовали за ними в брошенный сарай, где толпа жалких и напуганных иностранцев завороженно глядела на бесформенную черную массу, лежащую на полу.

Как оказалось, участниками поединка были Кид О'Брайен — неуклюжий и бестолковый увалень с совершенно не по-ирландски крючковатым носом, дрожащий теперь как осиновый лист, — и некто Бак Робинсон, по прозвищу Копоть Гарлема. Кид отправил негра в глубокий и, как показало медицинское обследование, занявшее не более пары секунд,

и вечный нокаут. Это был омерзительный тип, похожий на гориллу, с непомерно длинными руками, о которых я не мог думать иначе, как только о «передних ногах». Выражение его лица наводило на мысли о тайнах долины Конго и о ритмичных звуках тамтамов под зловещим сиянием луны. Вероятно, при жизни это тело выглядело еще более зловещим, но земля носит и не таких уродов. Толпившиеся вокруг свидетели расправы трепетали от страха: они не знали, какую кару на них обрушит закон, если происшествие не удастся замять. Поэтому все были очень благодарны Весту, предложившему избавиться от трупа по-тихому. Уж я-то знал, о чем идет речь!

Окрестности, лишенные снежного покрова, освещал яркий лунный свет, когда мы вдвоем, одев мертвеца и закинув его руки себе на плечи, несли тело, поддерживая с двух сторон, по пустынным улицам и скверам к себе домой. Как это уже было одной ужасной ночью в Аркхеме. К дому мы подошли со стороны поля и втащили труп через черный ход. Затем спустили его по лестнице в подвал и сразу стали готовить к обычным опытам. Мы до нелепости боялись появления полиции, хотя специально выбрали для транспортировки трупа время, когда шансы натолкнуться на единственного патрульного, который обычно дежурил в этом районе города, были минимальны. Зато разочарование — безграничным: вдобавок к своему жуткому внешнему виду наша добыча оказалась совершенно невосприимчива ко всем растворам, которые мы вкалывали в черножкую ручищу. Впрочем, все они готовились в расчете на белых мертвецов. Когда время стало близиться к рассвету, мы поступили с этим телом, как и с предыдущими, — оттащили его к лесистой полосе, отделяющей луг от кладбища, и похоронили, вырыв могилу ровно настолько, насколько позволяла смерзшаяся земля. Яма была не слишком глубокой, но ничуть не хуже предыдущих, например для экземпляра, который самостоятельно сел и что-то произнес. При свете тусклых фонарей мы аккуратно прикрыли свежую землю жухлой листвой и стеблями ползучих растений. Не оставалось почти никаких сомнений — полиция никогда не найдет труп.

На следующее утро я вновь занервничал, потому что один из пациентов принес слух о вчерашнем поединке и о том, что подозревают смертельный исход боя для одного из

участников. У Веста появился еще один повод для беспокойства. Во второй половине дня ему пришлось отправиться по странному, весьма пугающему вызову. С одной итальянкой сделалась истерика в связи с пропажей пятилетнего сына, который рано утром отправился гулять и к обеду не вернулся. У матери проявились опасные симптомы, особенно учитывая ее слабое сердце. Поведение женщины казалась Весту нелепым: мальчик и прежде частенько убегал. Но итальянские крестьяне очень суеверны, они верят в приметы гораздо больше, чем в реальные факты. Около семи вечера мать умерла, а ее обезумевший муж устроил Весту жуткую сцену и даже попытался его убить, возлагая на врача *вину за то, что тот не смог спасти его* супругу. Друзья еле удержали безумца, когда тот выхватил стилет, а Весту пришлось удалиться под звуки нечеловеческих воплей, проклятий и обещаний отомстить. Внезапное горе заставило несчастного забыть о ребенке, который до сих пор не нашелся. Между тем близилась ночь. Кто-то предложил прочесать лес, но большинство друзей семьи хлопотали вокруг умершей женщины и скорбящего мужчины. Можно вообразить, какую эмоциональную нагрузку выдержал Вест — ведь на него одновременно давили мысли о полиции и о свихнувшемся итальянце.

Около одиннадцати мы разошлись по своим комнатам, но я не мог заснуть. Полиция Болтона была чересчур хороша *для такого маленького городка*, и меня мучил страх: что произойдет, если обстоятельства вчерашней ночи вдруг станут известны? Скорее всего, мы больше не сможем работать в этих краях, а то и вовсе попадем за решетку. Поэтому мною овладело невероятное чувство беспокойства, когда слухи о злополучном боксерском поединке стали расползаться по округе. Пробило три, и мне в глаза ударил яркий лунный свет. Я перевернулся на другой бок, не желая вставать и опускать шторы. Вдруг послышался настойчивый стук в заднюю дверь.

Я продолжал лежать неподвижно, будто в оцепенении, но вскоре в мою комнату тихонько постучался Вест. Одет он был в ночную сорочку и тапочки, а в руках держал револьвер и электрический фонарь. Наличие оружия говорило о том, что мой приятель опасается скорее свихнувшегося итальянца, чем полиции.

«Пойдем вместе, — прошептал он. — Откликнуться все равно придется. Кто знает, может быть, это пациент. Бывают же идиоты, которые ломятся в заднюю дверь!»

И вот мы оба спустились по лестнице, крадучись и трепеща от страха, наполовину оправданного, но отчасти навеянного странной атмосферой самых темных ночных часов. Стук не прекращался и становился все громче. Добравшись до двери, я ее отпер и с силой толкнул. Она широко распахнулась, и нам явился силуэт в дверном проеме. И тут Вест совершил очень странный поступок. Несмотря на опасность привлечь внимание соседей и тем самым неприятности с полицией, которая непременно начала бы расследование (к счастью, нам удалось этого избежать благодаря тому, что дом стоял в отдалении), мой друг неожиданно, решительно и без особой необходимости выпустил все шесть револьверных пуль в ночного посетителя.

Гость наш оказался не итальянцем и не полицейским. В призрачном свете луны проступили жуткие очертания *гигантской уродливой твари, какую можно вообразить лишь* в ночном кошмаре: призрак с остекленевшими глазами стоял почти на четвереньках, чернильно-черный и грязный, облепленный раскисшими комьями глины, отметками плесени и гнилых листьев, покрытый пятнами запекшейся крови, и сжимал в блестящих зубах белоснежный страшный предмет вытянутой формы, на конце которого болталась крохотная ладошка.

IV. Крик мертвеца

Впечатление, которое произвел на меня крик мертвого человека, многократно усилило и обострило во мне ужас и чувство отвращения, омрачившие последние годы нашей совместной работы с доктором Гербертом Вестом. Разумеется, в том, что крик мертвеца вызвал ужас, нет ничего удивительного — такой опыт нельзя назвать ни приятным, ни обычным. Однако в моей жизни это происходило не впервые. И следовательно, ощущения были вызваны конкретными обстоятельствами. К тому же страх мой не имел отношения к воплям покойного. Он происходил из другого источника.

Дело в том, что научные интересы Веста, для которого я долгое время оставался верным товарищем, коллегой, единомышленником и помощником, простирались далее, чем это обычно бывает у провинциальных врачей. Именно поэтому, открывая практику в городке под названием Болтон, он выбрал для жилья и работы дом в стороне от прочего жилья и вблизи кладбища для бедняков. Если говорить коротко и называть вещи своими именами, то единственной и всепоглощающей страстью моего приятеля было тайное изучение феномена человеческой жизни и механизма ее прекращения. Изучение, целью которого являлась реанимация мертвых посредством внутривенной инъекции некоего возбуждающего эликсира. Для своих отвратительных экспериментов Вест должен был постоянно добывать свежие тела. Причем очень свежие (малейшее разложение наносило непоправимый урон клеткам мозга) и обязательно человеческие (каждому организму необходима своя инъекция). На начальном этапе Вест убивал и использовал для опытов кроликов и морских свинок, но эта дорога завела его в тупик: ни один эксперимент не удался в полной мере, потому что тушки были в плохом состоянии (протухшие). Требовались тела, которые едва покинула жизнь, без единой клетки, подвергшейся тлению, чтобы организм был готов получить новый импульс и возродиться. Теплилась надежда, что эта новая, искусственная жизнь может стать вечной благодаря повторению аналогичных инъекций. Однако, как показали исследования, естественные токи жизни к действию эликсира безразличны. Иными словами, чтобы по собственному хотению запустить жизненный процесс, его обычный ход должен прекратиться: тело должно быть еще очень свежим, но уже совершенно мертвым.

За решение этой фантастической задачи мы с Вестом взялись, будучи студентами медицинского факультета Мискатонского университета в Аркхеме. Именно тогда мы вдруг впервые отчетливо осознали, что жизненный цикл имеет механическую природу.

С тех пор минуло семь лет, но Вест внешне никак не изменился — по-прежнему невысокий, светловолосый, чисто выбритый, с негромким и спокойным голосом, в очках. Лишь редкие отблески цвета стали в глубине все тех же

голубых глаз свидетельствовали о том, что годы, проведенные в пугающих научных поисках и отвратительных экспериментах, ожесточили его характер и добавили одержимости. Опыты, которые мы ставили, нередко имели ужасающие последствия: в результате неполной или дефектной реанимации оживляющие растворы различного состава обращали комья кладбищенской глины в омерзительные, чудовищные и безмозглые существа.

Одна из этих тварей издала поистине убийственный вопль. Другая набросилась на нас, избила до полусмерти, сбежала и металась по городу, пока ее не поймали и не упрятали в психушку. Третья — африканский урод — выбралась из неглубокой могилы и натворила таких дел, что Весту пришлось застрелить ее из револьвера. До сих пор нам ни разу не удавалось заполучить достаточно свежее тело и добиться, чтобы после реанимации оно проявило хотя бы малейшие признаки разума. Как правило, мы невольно становились творцами неописуемых кошмаров. Нам не давала покоя мысль, что один, а может быть, и двое наших подопытных до сих пор живы. Она неотступно преследовала нас, будто тень, пока Вест не исчез при самых пугающих обстоятельствах. Но в тот день, когда в подвальной лаборатории уединенного болтонского дома раздался крик, все наши страхи подчинялись одному главному стремлению — найти новые образцы для экспериментов. Вест был одержим этим куда в большей степени, нежели я. Порой мне казалось, что он едва ли не кровожадно поглядывает на всякого живого человека, обладающего отменным здоровьем и крепким телосложением.

В июле 1910 года, после долгого периода мучений и неудач, фортуна нам улыбнулась. Я долго гостил у своих родителей в Иллинойсе, а когда вернулся, застал Веста в необыкновенно приподнятом состоянии духа. Он сообщил мне, что решил проблему, связанную с необходимостью использовать только свежие трупы: достаточно подойти к ней с другой стороны, а именно сохранять тело в нужном состоянии искусственным образом. Я и раньше знал, что мой компаньон работает над каким-то совершенно новым бальзамическим веществом, а потому не удивился, услышав о получении желаемого результата. Но до тех пор, пока Вест не посвятил меня в подробности, я не понимал, как это

открытие поможет нам в дальнейших исследованиях, ибо нежелательная порча экспериментальных образцов всегда происходила до момента, когда нам удавалось получить их в свое распоряжение. Однако вскоре я понял, что Вест отдает себе полный отчет в происходящем, а новое бальзамическое вещество создал не для того, чтобы тотчас же пустить его в оборот — скорее желая припасти на будущее, ко времени, когда подвернется случай применить на практике. Он надеялся, что рано или поздно судьба вновь пошлет нам незахороненное тело какого-нибудь бедолаги. Как в тот раз, когда удалось раздобыть труп негра, умершего во время боксерского поединка в Болтоне.

И вот наконец судьба проявила к нам благосклонность: в потайной лаборатории лежало мертвое тело без малейших признаков разложения. Вест не решался предсказывать, к чему приведет новый эксперимент, — удастся ли полностью реанимировать этот экземпляр, в том числе восстановить его рассудок. В любом случае этот опыт станет решающим для дальнейших исследований. Поэтому мой приятель решил законсервировать тело и сохранить его до моего возвращения, чтобы, как обычно, провести эксперимент вдвоем.

Вест рассказал, откуда появился труп. Тело принадлежало сильному и энергичному мужчине, который приехал в Болтон для оформления какой-то сделки с местной камвольной фабрикой и только что сошел с поезда. Путь незнакомца лежал через весь город. К тому времени, как он добрался до нашего дома и постучал в дверь, чтобы спросить дорогу к фабрике, сердце его подверглось уже немалой нагрузке. Вест предложил что-нибудь выпить, но гость отказался и в следующее мгновение рухнул замертво. Неудивительно, что мой коллега принял этот случай как дар судьбы. За время недолгой беседы мужчина успел сообщить Весту, что в Болтоне его никто не ждет и не знает. Уже после печального происшествия, обыскав карманы покойного, Вест выяснил, что перед ним Роберт Ливитт из Сент-Луиса и что семьи у него нет, а значит, в ближайшее время искать его никто не будет. Если нам не удастся вернуть этого человека к жизни, эксперимент останется в тайне. (В случае неудачного исхода мы хоронили экспериментальные образцы в густых зарослях леса, полосой тянувшегося между нашим домом и бедняцким

кладбищем.) Если же воскрешение пройдет успешно, нам гарантирована громкая и пожизненная слава.

Взвесив все «за» и «против», мой приятель вколол в запястье мертвеца свой новый бальзамический состав, благодаря которому тело должно было избежать тления вплоть до моего приезда. Слабое сердце подопытного, которое, как мне представлялось, может негативно сказаться на итогах эксперимента, у Веста опасений не вызвало. На сей раз он очень надеялся хотя бы на кратковременную вспышку разума, а в идеале — на возрождение полноценного, живого существа.

И вот памятной ночью 18 июля 1910 года мы с Гербертом Вестом стояли под каменными сводами подвальной лаборатории, освещенной ярким светом дуговой лампы, и напряженно всматривались в белое неподвижное тело на столе. Бальзамический состав, изобретенный Вестом, оказался поистине чудодейственным: не веря своим глазам, я разглядывал крепкое, здоровое, упругое тело, которое пролежало здесь две недели и даже не закоченело. Я не удержался и на всякий случай переспросил, действительно ли этот человек мертв. Вест с готовностью разрешил мои сомнения, напомнив: нет никакого смысла опробовать реанимирующий раствор, если нет полной уверенности в том, что тело совершенно безжизненно. На организм, сохранивший хотя бы малейшие признаки естественной жизни, эликсир не оказывает ровным счетом никакого действия. По мере того как Вест продолжал готовиться к эксперименту, я все больше поражался тому, как усложнился этот процесс. Учитывая необыкновенную сложность всех процедур, мой коллега не смог бы доверить и части приготовлений даже самому опытному помощнику. Запретив мне прикасаться к трупу, он для начала сделал инъекцию в запястье, рядом с тем местом, где остался след от иглы, через которую ранее было введено бальзамическое вещество. Вест объяснил мне, что делает это для нейтрализации прежнего раствора и возвращения тела в первоначальное, естественное состояние, — лишь в этом случае реанимирующее вещество даст желаемый эффект. Прошло совсем немного времени, и тело как будто изменилось — его мертвые члены сотрясла легкая дрожь. Вест с силой придавил искаженное судорогой лицо мертве-

ца чем-то вроде подушки и не отпускал до тех пор, пока тело полностью не обмякло, — теперь оно было готово к реанимации. Бледный, охваченный каким-то сдержанным восторгом, Вест сделал последние пробы, чтобы убедиться в отсутствии любых признаков жизни. Наконец, удовлетворенный результатами, он ввел в левую руку покойника определенное количество живительного эликсира, приготовленного накануне днем с куда большей тщательностью, чем это делалось ранее. Мне недостает красноречия, чтобы описать то дикое, захватывающее дух нетерпение, с которым мы оба ожидали результатов эксперимента с этим первым по-настоящему свежим телом, оказавшимся в нашем распоряжении. Мы имели все основания ждать, что мертвец разомкнет губы и заговорит с нами разумно, осознанно и, возможно, поведает о виденном по ту сторону неизреченной, неведомой и непреодолимой бездны.

Впрочем, Вест был материалистом, в существование души не верил и все проявления сознания считал результатом физиологических процессов. Он не ожидал услышать никаких откровений, приподнимающих завесу над страшными тайнами небытия, поджидающего нас за гранью смерти. Отчасти я разделял его позицию, но все же во мне сохранились едва заметные следы примитивных верований, доставшихся в наследство от пращуров. Поэтому я не мог оторвать от трупа зачарованного взгляда; мои ощущения представляли смесь благоговейного страха и напряженного ожидания. Кроме того, я не мог вычеркнуть из своей памяти тот ужасный нечеловеческий вопль, который раздался в ночь самого первого эксперимента в заброшенном фермерском доме неподалеку от Аркхема.

Прошло немного времени, и я убедился, что текущий эксперимент уж точно не закончится полным провалом. Щеки трупа, прежде белые как мел, обрели нежный оттенок, который распространился по всему лицу и проник даже под обширно разросшуюся рыжеватую щетину. Вест, который все это время не отрывал руку от левого запястья мертвеца, вдруг кивнул со значительным видом. Почти в тот же самый момент зеркало, поднесенное ко рту трупа, подернулось дымкой. После нескольких резких судорог грудь подопытного начала вздыматься и опускаться, а дыхание стало отчетливо

слышным. Я перевел взгляд на сомкнутые веки, и мне показалось, что они дрогнули. Вдруг веки приоткрылись, и из-под них показались глаза — серые, спокойные и живые, но пока еще лишенные искры разума и даже самого обыкновенного любопытства.

Словно во власти нелепой фантазии, я припал к розовеющему уху и стал шептать вопросы об иных мирах, память о которых, возможно, полностью не улетучилась. Охвативший меня позже ужас заставил забыть, о чем именно я спрашивал; помню только последний вопрос, который я повторил несколько раз: «Где ты был?» Не могу точно сказать, был ли получен ответ, во всяком случае, до того момента тонко очерченные губы подопытного оставались плотно сомкнутыми. Вдруг мне показалось, что они беззвучно шевелятся, и движение это, если его озвучить, могло бы составить два слова: «лишь теперь», хотя смысл непонятен, как и отношение этой фразы к моим вопросам. Повторяю, в тот момент все мое существо охватило ликование. Я был убежден, что нам удалось достичь по крайней мере одной из важнейших целей: впервые за годы исследований подопытное существо произнесло членораздельные слова, причем вполне осмысленные. Спустя мгновение полный успех эксперимента не оставлял уже никаких сомнений: реанимирующий раствор, по крайней мере временно, выполнил свою функцию — восстановил в мертвом теле все жизненные процессы, включая разумную деятельность. Но триумф этот вызвал несказанный ужас, связанный вовсе не с тем, что мертвец вдруг заговорил, а со страшным поступком, которому я оказался свидетелем и который был совершен моим коллегой и другом.

Это драгоценное, чудесным образом доставшееся нам свежее тело, мучительно содрогнувшись, обрело ясность сознания. Его глаза расширились, отразив воспоминание о последних мгновениях земного существования. Оно яростно вскинуло руки, словно не на жизнь, а на смерть сражаясь с пустотой, и опять, уже окончательно, вернулось в небытие, издав напоследок крик, который вечно будет звучать в моем раздираемом болью мозгу: «Помогите! Не смей меня трогать, ты, очкарик белобрысый! Ты маньяк! Убери от меня свою дурацкую иглу!»

V. Кошмар из черных теней

Военные часто рассказывают об ужасных событиях, которые происходили на полях сражений во время Первой мировой войны. О многих из них газеты умалчивали. Мне пришлось увидеть и испытать такое, от чего я порой терял сознание, а иногда бился в конвульсиях и выворачивался наизнанку от рвоты. Бывало, дрожал как осиновый лист и с опаской глядел через плечо, силясь различить силуэт в непроглядной тьме. Всякое переживал. А теперь поведаю о самом страшном, что случилось со мной во время войны, — о невообразимом и реальном кошмаре, неожиданно родившемся из ночных теней.

В 1915 году я оказался во Фландрии вместе с Канадским корпусом, где служил врачом в ранге первого лейтенанта; был в числе многих американцев, рипувшихся в эту мясорубку еще до того, как наше правительство официально объявило о своем участии. Не могу сказать, что я отправился в армию по собственному желанию, скорее, последовал за человеком, которому на протяжении многих лет помогал проводить научные изыскания и который сам решил отправиться на фронт добровольцем. Да, речь именно о нем — о прославленном хирурге из Бостона Герберте Весте. Он с жадностью ухватился за данную судьбой возможность стать военным врачом, и меня он увлек за собой, едва не насильно. У меня были веские причины надеяться на то, что война нас разлучит. Всему виной события прошлого, из-за которых общая медицинская практика и сотрудничество с Вестом меня все более тяготили. Однако, когда он уехал в Оттаву и, воспользовавшись связями одного из коллег, получил назначение на медицинскую службу в звании майора, я-таки не смог устоять перед его настойчивой просьбой (почти приказом) и уступил — отправился вместе с ним, чтобы выполнять свои обычные обязанности.

Говоря, что Вест жаждал принять участие в войне, я не имею в виду воинственный нрав моего компаньона или его обеспокоенность судьбой европейской цивилизации. Это был человек совсем иного склада — холодный как лед, бледнолицый и светловолосый, с голубыми глазами за стеклами непременных очков, худой, невысокий — бесчувственная маши-

на, лишенная эмоций и полностью подчиненная интеллекту. Полагаю, что про себя он насмехался над возникавшими у меня иногда порывами воинственного энтузиазма и неодобрением, которое я высказывал в адрес некоторых стран, сохранявших нейтралитет. И все же нечто влекло Веста в охваченную боями Фландрию, что-то такое, ради чего он принял на время личину воина.

Однако его настоящие устремления были связаны со специфической областью медицинской науки, с которой мой приятель давно, втайне от окружающих, связал свою судьбу и в которой достиг необычайных, поразительных и отчасти пугающих результатов. На полях сражений его привлекало, ни много ни мало, обилие мертвых тел, не тронутых разложением и при этом лишенных конечностей и иных членов.

Свежие трупы требовались Герберту Весту потому, что делом его жизни стало изобретение способа реанимации мертвецов. Разумеется, приличная публика, составившая его клиентуру по приезде в Бостон и почти в одночасье сделавшая его богатым и знаменитым, ничего не знала об этих зловещих изысканиях. Зато мне, ближайшему другу и единственному помощнику со времен учебы в Аркхеме на медицинском факультете Мискатонского университета, все было известно до мельчайших подробностей. Свои жуткие эксперименты он начал еще в юношестве: опыты на мелких животных, затем с человеческими трупами, которые приходилось добывать самыми отвратительными способами. Он вкалывал мертвецам в вену особый раствор и, если тело оказывалось достаточно свежим, наблюдал за весьма странной реакцией подопытного. Открытие точной формулы оживляющего эликсира далось Весту нелегко: над ним пришлось упорно работать, так как каждому организму требуется свой уникальный состав. Ужас охватывал моего друга при воспоминании о неудачных реанимациях: если тела успевали подвергнуться разложению или растворы оказывались неверно составленными, на свет появлялись отвратительные чудовища. Некоторые из них до сих пор живы. Одно заперто в сумасшедшем доме, а остальные сбежали. Поэтому Вест, несмотря на свою обычную невозмутимость, порой ежился, представляя маловероятные, но теоретически возможные последствия новой встречи с этими тварями.

Мой приятель довольно быстро убедился, что главное качество, которым должен обладать труп, пригодный к использованию,— это свежесть, и потому, стремясь раздобыть подходящий материал, прибегал к средствам, наводившим на меня ужас. Во время нашей совместной работы в университете, сразу после знакомства и позже, когда мы начали медицинскую практику в фабричном городке Болтон, я испытывал к своему другу чувство, близкое к благоговению. Но по мере того, как он становился все менее разборчив в средствах добычи трупов, меня стал мучить страх. Мне очень не нравились взгляды, которые он бросал на живых и здоровых людей. В конце концов, по ходу одного из экспериментов в нашей секретной лаборатории, расположенной в подвале одиноко стоящего на окраине Болтона дома, я узнал, что подопытный был жив в тот момент, когда Вест решил заполучить его для опытов. Тогда моему коллеге впервые удалось возродить в мертвом теле способность к рациональному мышлению. Неудивительно, что успех, полученный такой страшной ценой, окончательно ожесточил его сердце.

С тех пор прошло пять лет, и у меня язык не поворачивается рассказывать о тех методах, которыми Вест пользовался все эти годы для добычи экспериментального материала. Только страх удерживал меня возле него; мне пришлось стать свидетелем таких сцен, о которых я не в состоянии вспоминать, не то что говорить. Постепенно сам Герберт Вест стал вызывать во мне куда больший ужас, нежели все, что он натворил; случилось это, когда я вдруг осознал, что здоровый научный интерес к проблеме продления человеческой жизни выродился у него в болезненное, омерзительное любопытство и противоестественное любование смертью, тлением. Некогда вызывавший уважение и даже восхищение исследовательский азарт стал дьявольской, патологической одержимостью, чем-то зловещим, отталкивающим, извращенным, чему и названия-то не подобрать. Вест спокойно разглядывал искусственно созданных им невероятных чудовищ, от одного взгляда на которых обычный человек умер бы на месте от ужаса и отвращения. За неприметной внешностью тщедушного интеллектуала таился изощренный ценитель эстетики безобразного, этакий Бодлер-экспериментатор, кладбищенский Элагабал.

Он твердо смотрел в лицо любой опасности, совершал убийства расчетливо и хладнокровно.

Думаю, перелом произошел, когда стало очевидно, что его открытие позволяет восстановить разумную деятельность человеческого сознания. Тогда-то ему и стало тесно в рамках отработанных теорий и захотелось исследовать неведомые миры. И мой прежний друг поставил перед собой новую задачу: реанимировать отдельные части человеческого тела. Он излагал крайне дикие и нелепые теории о том, что клетки тканей и даже нервные клетки, вырванные из естественного физиологического окружения, жизнеспособны независимо от системы организма. Ему удалось получить некоторые предварительные результаты — довольно жуткие, надо сказать, — в виде фрагментов живой ткани, которые не умирали, получая все необходимые для жизнедеятельности вещества искусственным образом. Ткань была получена из почти полностью вызревших яиц какой-то неописуемой тропической рептилии.

Самый большой интерес у него вызывали два вопроса: во-первых, можно ли сохранить хотя бы малую долю разума и сознания при отсутствии головного мозга (скажем, в спинном мозге или нервных узлах) и, во-вторых, существует ли неосязаемая и нематериальная связь между хирургически разделенными частями тела, ранее составлявшими единый живой организм. Поиск ответов требовал постоянных и обширных поставок экспериментального материала в виде свежерасчлененных человеческих тел. Поэтому Герберт Вест и отправился на войну.

В конце марта 1915 года, ночью, в полевом госпитале за линией фронта недалеко от Сент-Элуа, произошло невероятное событие. По сей день я спрашиваю себя: а было ли это на самом деле и не стал ли я жертвой безумного, дьявольского наваждения? В восточном крыле временного строения, напоминавшего барак, Вест организовал особую лабораторию, право на которую он выхлопотал под предлогом разработки новых радикальных методов лечения страшных увечий, до сих пор считавшихся безнадежными. Там он ставил свои эксперименты, орудуя, словно мясник, окровавленными шматами человеческих тел. Я так и не сумел привыкнуть к тому, насколько спокойно и легко он берет в руки и перекладывает с места на место некоторые предметы. Бывало, оперируя сол-

дат, Вест творил настоящие чудеса. И все же с куда большим удовольствием он делал другие операции, о которых никто не знал и которые не отличались человеколюбием. Порой из лаборатории доносились необъяснимые и неестественные даже для войны звуки; приходилось их как-то оправдывать. Например, звучали револьверные выстрелы, типичные для полей сражений, но подозрительные на территории госпиталя. Дело в том, что доктору Весту не требовалось, чтобы воскресшие пациенты прожили долгую жизнь. И уж тем более он не хотел демонстрировать их посторонним. Кроме тканей человеческого тела, мой приятель использовал в опытах ткани эмбрионов рептилий, которые он научился удивительным образом поддерживать в жизнеспособном состоянии. Их фрагменты, отделенные от организма, были более склонны к изолированному существованию, чем ткани человека, а потому вызывали огромный интерес у Веста. В самом темном углу лаборатории стоял чан, закрытый крышкой, под которым располагалась горелка странной конструкции — что-то вроде инкубатора. Чан этот был до краев наполнен бесформенной клеточной тканью рептилий, которая постоянно увеличивалась в объеме, бурно вздувалась и выглядела отвратительно.

Той ночью, о которой я хочу рассказать, в руках у нас оказался великолепный образец для эксперимента — мужчина, одновременно сильный физически и превосходно развитый в умственном плане, что не оставалось сомнений в крайней чувствительности его нервной системы. Я увидел в этом иронию судьбы: человек, о котором идет речь, был тем самым офицером, который помог Весту получить желанное назначение, и к тому же нашим коллегой. Более того, некогда он тайно изучал теорию реанимации, отчасти под руководством Веста. Майор сэр Эрик Морланд Клапам-Ли имел орден «За безупречную службу» и был самым выдающимся хирургом нашего корпуса. Когда известие о тяжелых боях в районе Сент-Элуа достигло штаба, его спешно командировали к нам в госпиталь. Майор немедленно вылетел на место назначения вместе с бесстрашным лейтенантом Рональдом Хиллом. Однако перед заходом на посадку самолет был сбит. Падение выглядело очень эффектно и ужасно. Тело пилота было обезображено до неузнаваемости, зато труп хирурга остался практически целым, за исключе-

нием одного нюанса — голова буквально висела на волоске. Вест с жадностью заграбастал себе это тело, некогда бывшее его другом и собратом по ученому цеху. Меня бросило в дрожь, когда я увидел, как он окончательно отделяет голову мертвеца от туловища и кладет ее в дьявольский чан, полный упругой клеточной ткани рептилий, чтобы сохранить в свежем состоянии для дальнейших экспериментов, а затем продолжает возиться с обезглавленным телом на операционном столе. С помощью шприца Вест ввел в него свежую кровь; соединил несколько вен, артерий и жил, торчащих из рассеченной шеи, а потом прикрыл страшную рану, пересадив на нее кусок кожи с неопознанного трупа, одетого в офицерскую форму. Я знал, для чего нужны все эти процедуры: Вест хотел выяснить, сможет ли тело погибшего коллеги, лишенное головы, проявить признаки высокоорганизованного сознания, которым, вне всяких сомнений, обладал сэр Эрик Морланд Клапам-Ли. Человек, который и сам прежде интересовался теорией реанимации, обратился ныне в бессловесный труп; ему предстояло стать наглядной иллюстрацией данной теории.

До сих пор я в мельчайших подробностях помню эту страшную картину: Герберт Вест в зловещем свете электрических ламп склонился над обезглавленным телом, чтобы вколоть в его левую руку реанимирующий раствор. Впрочем, у меня не хватило бы слов для красочного описания этой сцены. Даже если бы я попытался, непременно лишился бы сознания от отвращения: операционная наполнилась ужасом и безумием; всюду были расставлены и разложены предметы самого зловещего вида; скользкий пол едва не по щиколотку залит кровью и мелкими фрагментами человеческих тел; а в углу, среди черных теней, на тускло мерцающем и будто злобно подмигивающем сине-зеленом пламени зрело, пухло и пузырилось жуткое вещество, полученное из клеточной ткани неведомых рептилий.

Новый экспериментальный образец — Вест повторил это несколько раз! — обладал превосходно развитой нервной системой. На него возлагались большие надежды. Когда труп несколько раз судорожно дернулся, я увидел, что на лице Веста отразилось несвойственное этому человеку лихорадочное возбуждение. Полагаю, он ожидал, что на сей раз ему

предстоит окончательно убедиться в справедливости своей теории о том, что сознание, разум и личность способны существовать независимо от головного мозга. Иными словами, Вест верил, будто в человеке нет никакого объединяющего центра, который можно было бы назвать душой; что человек — не более чем машина, оборудованная нервной системой, состоящей из нескольких секторов, каждый из которых имеет определенную самостоятельность. И вот теперь с помощью одного-единственного триумфального эксперимента он намеревался перевести сокровенную тайну человеческой жизни в область мифологии. Труп между тем все сильнее содрогался и под нашими жадными взглядами вдруг начал совершать поистине жуткие движения: его руки беспокойно взметнулись вверх, ноги вытянулись, а все мышцы дергались и извивались, как в неведомом танце. Картина была отвратительная. Затем жуткое безголовое существо широко взмахнуло руками; смысл этого жеста был понятен — он выражал отчаяние, осознанную и осмысленную безнадежность. Нам предстало очевидное, неопровержимое свидетельство абсолютной справедливости теории Веста. Нервная система подопытного явно «вспоминала» последние действия, которые он успел совершить в конце жизни, пытаясь выбраться из падающего самолета.

Что именно произошло потом, я уже никогда не смогу вспомнить. Это могла быть галлюцинация, вызванная шоком от взрыва германского снаряда, который в тот самый момент угодил в здание госпиталя и разрушил его до основания. Теперь установить правду невозможно. По официальным же данным, кроме нас с Вестом, не выжил никто. Сам Вест до своего недавнего исчезновения предпочитал думать именно так, но порой его мучили сомнения: странно, что два человека увидели одно и то же. Событие, ужаснувшее нас, казалось, не было таким уж страшным, если бы не его последствия.

Лежавшее на столе тело вдруг поднялось и стало ощупывать окружающее пространство. Вдруг мы услышали странный звук. У меня язык не поворачивается назвать его «голосом», настолько это было ужасно; не столько своим тембром и даже не сутью сказанного — он всего-навсего крикнул: «Прыгай же, Рональд, ради всего святого, прыгай!» Ужас

нащупал источник этого звука, который располагался в большом чане под крышкой, стоящем на тусклой горелке в окутанном черными трепещущими тенями углу.

VI. Легион мертвецов

Год назад, после исчезновения доктора Герберта Веста, полиция Бостона подробно допросила меня об особенностях нашей совместной многолетней работы и обстоятельствах последней встречи. Полицейские подозревали, что я о многом умалчиваю, вероятно, даже догадывались об истинных причинах моей скрытности: я не мог рассказать им всю правду просто потому, что они мне не поверили бы. Они знали, что деятельность Веста была связана с такими вещами, которые обычному человеку трудно вообразить. Мой коллега с увлечением и самоотдачей занимался исследованием природы жизни и смерти и при этом ставил эксперименты на человеческих трупах, пытаясь их реанимировать. Держать столь активную деятельность в полном секрете от окружающих было невозможно. Что касается последней катастрофы, свидетелем которой я оказался, то ее обстоятельства были настолько чудовищны и невероятны, что я и сам не уверен в реальности происшедшего.

Долгие годы я являлся самым близким другом Веста и его тайным помощником. Познакомились мы очень давно, еще во время учебы на медицинском факультете, и я с самого начала принимал участие в его жутких исследованиях. Вест медленно, но верно совершенствовал свое изобретение — оживляющий раствор, который вводился посредством инъекции в тело недавно скончавшегося человека и возвращал покойного к жизни. Для работы над ним все время требовался свежий экспериментальный материал, причем в большом количестве. Чтобы его добыть, нам приходилось идти на самые отвратительные поступки. Но даже это было не самым страшным. Куда ужаснее оказались жуткие твари, созданные Вестом в результате неудачных опытов, — несколько ходячих груд мяса, оживленных мертвецов, безумных, бесчувственных и тошнотворных, лишенных всего человеческого. В этих неудачах не было ничего удивительного: сознание и разум можно вос-

становить только в очень свежих телах, поскольку клетки головного мозга весьма чувствительны и начинают разрушаться при первых признаках разложения.

Необходимость постоянно добывать мертвые тела для экспериментов в конце концов привела к нравственной гибели Герберта Веста. Найти свежий труп и заполучить его в свое полное распоряжение было непросто. В итоге настал день, когда Вест вцепился в живого и совершенно здорового человека и использовал его тело для опытов. Борьба, укол и сильнодействующий алкалоид превратили его в труп первой категории; эксперимент удался. Результат был недолговечен, но запомнился мне на всю жизнь. С тех пор душа Веста огрубела и будто иссохла, взгляд стал тяжелым. Он оценивающе поглядывал на людей крепкого физического здоровья и высокой нервной организации. К несчастью, я сам обладал первым качеством и с некоторых пор стал до смерти бояться своего друга, поскольку заметил, что он и на меня порой бросает плотоядные взгляды. Посторонние люди ничего не замечали, зато я все видел, чувствовал и понимал.

После исчезновения Веста у многих возникли нелепые подозрения на мой счет. На самом деле мой друг боялся гораздо больше, чем я. Ведь гнусное дело, которому он посвятил свою жизнь, требовало скрытности и постоянных ухищрений. Неудивительно, что даже собственная тень заставляла его вздрагивать. Отчасти он боялся полиции, но гораздо чаще его маниакальный страх имел куда более смутные причины, связанные с ужасными тварями, которых он некогда реанимировал, принудив к противоестественному, мучительному существованию, в ряде случаев так и не прекратившемуся. Обычно в подобных ситуациях Вест прибегал к помощи револьвера, но нескольким тварям все же удалось ускользнуть. Во-первых, мы ничего не знали о судьбе нашего первого подопытного; на месте его могилы обнаружили странные следы, будто кто-то рыл землю. Во-вторых, было живо тело профессора из Аркхема, которое совершило несколько актов каннибализма. Его поймали и, не опознав, упрятали в сумасшедший дом в Сефтоне, где оно в течение шестнадцати лет колотилось головой о стены. Говорить о других выживших и вовсе не поворачивается язык: в последние годы благородный научный интерес Веста превратился в патологическую, кош-

марную манию. Он бросил все силы на оживление отдельных фрагментов человеческих тел, а также частей, приживленных к другой органической материи, уже не человеческой. К тому моменту, когда Вест исчез при таинственных обстоятельствах, его работа превратилась в бессмысленный и омерзительный садизм; о многих экспериментах я даже намекнуть не могу в печати. А Первая мировая война, в которой мы оба участвовали в качестве хирургов, лишь усилила маниакальные наклонности Веста.

Называя его страх перед собственными творениями «смутным», я хочу сказать, что это чувство имело сложную и противоречивую природу. Отчасти оно происходило от сознания, что эти чудовища по-прежнему существуют на свете, а отчасти — от понимания того, какие страшные увечья они могут нанести своему создателю, если обстоятельства сложатся неудачно. Исчезновение подопытных усугубляло ситуацию: Весту было известно местонахождение только одного — несчастного узника сумасшедшего дома. И еще более странное чувство страха, совершенно особое, возникло у моего приятеля после любопытного эксперимента, проведенного в 1915 году в госпитале канадской армии. Во время ожесточенного боя Вест реанимировал майора сэра Эрика Морланда Клапама-Ли, кавалера ордена «За безупречную службу», нашего общего коллегу-врача, который располагал достаточными сведениями об экспериментах Веста и мог при необходимости воспроизвести его опыты. Голову майора отделили от тела, чтобы выяснить, способно ли туловище к какой-либо самостоятельной квазиразумной деятельности. За секунду до того, как здание госпиталя было уничтожено германским снарядом, стало ясно, что эксперимент удался. Обезглавленное туловище произвело ряд вполне осмысленных движений. Как бы дико это ни звучало, мы с Вестом оба были совершенно уверены, что отсеченная голова трупа, лежавшая в самом дальнем и темном углу лаборатории, при этом издавала членораздельные звуки. Разрыв снаряда милосердно прервал тошнотворную сцену. Однако Вест явно предпочел бы иметь больше уверенности в том, что мы с ним оказались единственными, кто выжил. Он нередко высказывал леденящие душу предположения относительно того, что́ мог делать, оказавшись на свободе, безголовый врач, умеющий реанимировать мертвых.

Последняя штаб-квартира Веста располагалась в очень изящном старинном особняке, окна которого выходили на одно из старейших кладбищ Бостона. Причины, по которым Вест решил поселиться здесь, имели символический и отчасти эстетический (как это ни странно звучит) характер — большинство захоронений на этом кладбище были сделаны еще в колониальную эпоху, а потому не могли принести никакой пользы естествоиспытателю, нуждающемуся в исключительно свежих трупах. В секретной лаборатории, которую бригада рабочих, специально привезенных из другого города, устроила под домом, ниже подвального помещения, имелась большая кремационная печь. Она позволяла бесшумно и незаметно избавляться от трупов, отдельных частей человеческих тел и их синтетических симуляторов — одним словом, от всего, что оставалось после безумных экспериментов и богопротивных развлечений владельца.

Выкапывая в подвале котлован для лаборатории, рабочие наткнулись на фрагмент старинной каменной кладки. По всей видимости, она была как-то связана с кладбищем, однако находилась слишком глубоко, чтобы можно было отнести ее к одной из сохранившихся гробниц. Произведя несложные расчеты, Вест пришел к выводу, что кладка принадлежит стене какого-то потайного помещения, расположенного под семейным склепом Эйвриллз, чье последнее захоронение датировалось 1768 годом. Я присутствовал при этом неожиданном открытии и видел, с каким выражением лица Вест изучает поверхность изъеденной временем, влажной от конденсата стены, очищенной от земли лопатами и мотыгами. Я полагал, что возможность открыть вековые тайны, спрятанные под склепом, вызовет в нем болезненный, извращенный восторг. Однако на сей раз боязливость, которую я в последнее время все чаще замечал, впервые одержала верх над врожденным любопытством. Былая сила духа изменила Весту, и он выдал свой страх, приказав оставить стену на месте и даже заштукатурить ее. Так она и стояла до той адской ночи.

Я говорю, что мой приятель начал слабеть, деградировать, но исключительно в психическом плане, и перемены эти были едва уловимы. Внешне он ничуть не менялся: был невозмутим и хладнокровен, та же худощавая невысокая фигурка, соломенного цвета волосы и голубые глаза за стекла-

ми очков. Он по-прежнему казался молодым человеком, несмотря на прошедшие годы и мучившие его страхи. Даже вспоминая о той могиле, которую кто-то пытался разрыть голыми руками, и со страхом глядя через плечо, даже думая о страшной кровожадной твари, грызущей зубами решетку своей клетки в сефтонской психиатрической лечебнице, Вест внешне оставался спокойным.

Началом конца для Герберта Веста стало событие, о котором мы узнали однажды вечером, когда мирно сидели в общем рабочем кабинете. Вест расположился за столом, с любопытством переводя взгляд с меня на газету и обратно. В глаза ему бросился странный заголовок на скомканном листе. Казалось, огромная когтистая лапа дотянулась до нас из прошлого, из того далекого дня шестнадцать лет назад. В пятидесяти милях от нас, в сефтонском сумасшедшем доме, произошло невероятное событие, которое привело в ужас всю округу и сбило с толку полицию. Рано утром, перед рассветом, на территорию лечебницы вошла группа безмолвных мужчин. Их предводитель разбудил санитаров и сиделок. Это был зловещего вида военный офицер; когда он говорил, губы его не двигались, как у чревовещателя, а голос, казалось, раздавался из гигантского черного чемодана, который он нес в руках. Лицо, лишенное мимики, было очень красиво, если не сказать — ослепительно-прекрасно. Однако, когда его озарил электрический свет, директор лечебницы пришел в ужас, ибо увидел, что лицо вылеплено из воска, а глаза отлиты из разноцветного стекла. По-видимому, этот человек стал жертвой невообразимого несчастного случая. Ориентироваться в пространстве ему помогал очень крупный мужчина — донельзя уродливый увалень, синюшное лицо которого было будто разъедено какой-то неведомой хворью. Предводитель обратился к администрации лечебницы с просьбой, чтобы ему передали на попечение людоеда, доставленного шестнадцать лет назад из Аркхема. Получив отказ, незнакомец дал сигнал к началу внезапного нападения. Негодяи избили всех сиделок и санитаров, которые не успели сбежать, четверых даже убили и в конце концов освободили чудовище. Пострадавшие, которые могли говорить о происшествии без истерики, клялись и божились, что бандиты действовали не как люди. Скорее они напоминали

жуткие машины, управляемые предводителем с восковым лицом. К тому времени, как подоспела подмога, странные посетители и захваченный ими безумец исчезли без следа.

Прочитав эту статью, Вест до полуночи просидел будто парализованный. В полночь в дверь позвонили. При этом звуке он вздрогнул всем телом. Поскольку слуги уже спали у себя на чердаке, открыть пришлось мне. Как я впоследствии сообщил полиции, никакой повозки на улице не было — лишь группа людей странного вида, которые внесли в переднюю большой квадратный ящик и поставили его на пол. Затем один из них пробормотал очень неестественным голосом: «Экспресс-доставка по предоплате». После этого они вывалились обратно на улицу и подпрыгивающей походкой направились прочь. Как это ни нелепо, но мне показалось, что они двинулись в сторону старого кладбища, к которому примыкал задний фасад нашего дома. Когда я вернулся в дом и захлопнул входную дверь, Вест спустился в переднюю и взглянул на ящик. Тот имел форму правильного куба, около двух футов в длину, ширину и высоту. На нем было четко указано имя Веста и его последний адрес. Рядом красовалась следующая надпись: «От Эрика Морланда Клапама-Ли, Сент-Элуа, Фландрия». За шесть лет до этих событий руины госпиталя, в который попал германский снаряд, погребли под собой обезглавленное реанимированное тело доктора Клапама-Ли и его отсеченную голову, издававшую, как нам тогда показалось, членораздельные звуки.

Было бы неверно сказать, что посылка привела Веста в крайнее возбуждение. Его душевное состояние являло образец ужаса. «Это конец, — сказал он. — Но все равно давай сожжем эту штуку». Напряженно прислушиваясь, мы отнесли ящик вниз, в лабораторию. Разумеется, многие подробности стерлись из моей памяти — можете себе представить, в каком смятении я пребывал. Но те, кто говорит, что я сжег в кремационной печи тело Веста,— гнусные лжецы. Мы вместе подняли деревянный ящик, поместили его в печь, закрыли заслонку и включили электропитание. За все это время внутри не раздалось ни единого звука.

Вест первым заметил, что с древней стены, отделявшей лабораторию от старинного склепа, местами посыпалась штукатурка. Я хотел было ударить, но он меня остановил. В сте-

не показалось маленькое черное отверстие, пахнуло затхлым ледяным воздухом, могильной землей и перегноем. Все происходило в полной тишине. Вдруг электрические лампы погасли, и в призрачном свете, словно из преисподней, я увидел силуэты множества странных существ, породить которых могло только безумие или что похуже. Они сосредоточенно разбирали стену. Среди них были человеческие, получеловеческие, частично человеческие и вовсе не человеческие силуэты — разнородное стадо гротескных существ. Медленно, не спеша, тихо, один за одним они вынимали камни из вековой кладки. Затем, когда пролом оказался достаточно велик, они всей толпой ввалились в лабораторию под руководством обладателя красивой восковой головы. Кошмарное чудовище с безумным взглядом выскочило из-за его спины и схватило Веста. Тот не сопротивлялся и не издал ни звука. Все твари разом набросились на него и растерзали прямо у меня на глазах, а куски забрали с собой в таинственную и страшную каменную пещеру подземного склепа. Голову Веста унес предводитель, одетый в форму офицера канадской армии. За мгновение до ее исчезновения во тьме я увидел, как в голубых глазах за стеклами очков появились первые жуткие признаки безумного, нескрываемого ужаса.

Утром слуги нашли меня без сознания. Вест исчез. В кремационной печи не было ничего, кроме пепла. Следователи начали меня допрашивать, но что я мог им рассказать? В связь сефтонской трагедии с исчезновением Веста они не поверят, как не поверили в существование ночных посетителей, доставивших нам квадратный ящик. Когда я рассказал о подземном склепе, они показали мне стену, покрытую нетронутым слоем штукатурки, и рассмеялись. Поэтому об остальном я решил умолчать. Полицейские думают, что я безумец либо убийца. Вероятно, я действительно лишился рассудка. А коли так, это могло случиться лишь оттого, что проклятые мертвецы не произнесли ни единого звука.

ЛИЗА ТАТТЛ

В лабиринте

А есть еще Лиза Таттл, которая думает, что никогда не писала рассказов о зомби... Вот ее слова: «„В лабиринте“ появился на свет благодаря воспоминаниям о романтично проведенном отпуске, о счастливой многодневной поездке в черном „мини“ по западной части Британии, о ночах в „B&B“, точно таких, как описанная в рассказе гостиница. На поле у гостиницы никакого лабиринта не было, во всяком случае я его там не видела».

«На самом деле, — продолжает автор, — я никогда в жизни не видела настоящих торфяных лабиринтов, но много о них читала, и меня заворожила эта тема. По моему разумению, никто еще толком не объяснил, для чего их сооружали. Мой рассказ — одна из версий ответа на этот вопрос».

Последний роман Лизы Таттл, «Утраченное будущее» («Lost Futures»), вошел в шорт-лист премии Артура Кларка за 1992 год. Роман был издан вслед за ее книгами «Дух родства» («Familiar Spirit»), «Габриэль» («Gabriel») и написанной в сотрудничестве с Джорджем Р. Р. Мартином «Гаванью ветров» («Windhaven»). Короткие рассказы Лизы Таттл вышли в сборниках «Воспоминания тела» («Memories of the Body»), «Космический корабль из камня» («A Spaceship Built of Stone») и «Гнездо кошмаров» («A Nest of Nightmares»). Также она составила антологию рассказов женщин-писательниц в жанре хоррор «Кожа души» («Skin of the Soul»).

Вывеску «B&B» мы увидели с дороги, и, хотя солнце было еще высоко и не было настоятельной нужды искать пристанище для ночлега, нам понравились пейзаж, большой добротный фермерский дом, и привлекла вывеска «Дом викария». Фил свернул на подъездную дорогу, припарковал на повороте нашу малолитражку и сказал:

— Можешь не выходить. Я только загляну и спрошу.

Я все равно выбралась из машины, просто поразмять ноги и погреть плечи под косыми лучами солнца. Чудесный

был день. В воздухе пахло навозом, но вкупе с другими деревенскими ароматами это не было неприятно. Я прошла к живой изгороди, что отделяла сад от раскинувшихся за ним полей. Вдоль подъездной дороги тянулась невысокая каменная стена, и я забралась на нее, чтобы оглядеть поле.

В центре поля в полном одиночестве стоял человек. Он был слишком далеко, и я не могла разглядеть его лицо, но что-то в его неподвижной фигуре заставило меня поежиться. Испугавшись, что он заметит меня, я быстренько слезла со стены.

— Эмми? — Фил шагал в мою сторону, его удлиненное лицо светилось от радости. — Там великолепная комната, пойдем посмотришь.

Комната была на втором этаже, с огромной кроватью, платяным шкафом невообразимых размеров и большим окном с широким подоконником, которое я сразу открыла. Я стояла у окна и смотрела на поля.

Ни следа человека, которого я только что там видела. Я представить не могла, куда он подевался за такой короткий промежуток времени.

— Ужин планируем в «Гластонбери»? — поинтересовался Фил, расчесывая волосы перед зеркалом, висящим на внутренней стороне дверцы шкафа. — У нас еще хватит времени, чтобы осмотреть аббатство.

Я оценила расположение солнца на небосклоне.

— А завтра мы можем забраться на тор.

— Ты можешь забраться на тор. А я уже сыт восхождениями на все эти древние холмы и памятники старины — Тинтагель, Сент-Майкл, Кэдбури-Касл, Силбури-Хилл...

— Мы не забирались на Силбури-Хилл, он огорожен.

— И правильно, а то бы ты меня заставила и на него карабкаться. — Фил подошел ко мне сзади и крепко обнял.

Я расслабленно облокотилась на него, казалось, кости мои растопились, и притворно-сварливо затараторила:

— В прошлом году, когда ты попросил показать тебе все чудеса Америки, я не ныла. Так что теперь, в порядке обмена любезностями, ты мог бы продемонстрировать мне достопримечательности Британии. Там, откуда я родом, нет ничего похожего на Силбури-Хилл или Гластонбери-Тор.

— Если бы в Америке был Гластонбери-Тор, вы соорудили бы там подъемник, — сказал Фил.

— Или хотя бы сделали в ограде окошко и продавали проезжающим гамбургеры.

Мы оба не сдержались и расхохотались.

Я представляю нас в той комнате у окна, мы обнимаем друг друга и смеемся... Я представляю, что так будет всегда.

На ужин в кафе «Гластонбери» был гриль ассорти. Прогулка по аббатству заняла больше времени, чем мы рассчитывали, и, когда мы прибыли в кафе, хозяйка уже собиралась закрываться. Фил очаровал ее и упросил не торопиться и накормить двух последних посетителей. Седая, толстая и беззубая хозяйка на протяжении всего ужина болталась возле нашего стола и кокетничала с Филом. Он ей подыгрывал, улыбался, шутил, льстил, но как только хозяйка поворачивалась к нему спиной, Фил подмигивал мне и трогал за коленки. Его стараниями внятный собеседник из меня не вышел.

Вернувшись в «Дом викария», мы оказались втянутыми в чаепитие супругами — хозяевами отеля — и постояльцами. Так как лето уже клонилось к закату, помимо нас в «B&B» остановилась только пара из Бельгии.

Электрический камин был включен, и в гостиной было чересчур тепло. От духоты комната казалась меньше, чем она была на самом деле. Я пила сладкий чай с молоком и с восхищением наблюдала за Филом, который поддерживал разговор о погоде, природе и Второй мировой войне, а у моих ног лежал старый белый пес.

Наконец чай был допит, коробка с печеньем завершила третий круг, и мы с Филом могли ретироваться в наше прохладное убежище на втором этаже. Мы избавились от одежды, забрались в огромную постель, шептались на личные темы и занимались любовью.

Я поспала совсем немного и, проснувшись, осознала, что рядом Фила нет. Шторы мы не задергивали, лунного света было достаточно, чтобы разглядеть Фила. Он сидел на подоконнике и курил.

Я села.

— Не спится?

— Это все моя гнусная привычка. — Он помахал сигаретой; я не видела, но могла представить его смущенную улыбку. — Не хотел тебя тревожить.

Фил последний раз глубоко затянулся и раздавил сигарету в пепельнице. Когда он встал на пол, я увидела, что он в вязаном свитере, который был достаточно длинным, чтобы соблюсти приличия, но худые ноги при этом оставались голыми.

Я хихикнула.

— Что такое?

— Ты без штанов.

— Верно, очень смешно. Я смеюсь над тобой, когда ты в платье? — Фил повернулся к окну, потянулся вперед и открыл окно пошире. — Чудесная ночь... ого!

— Что?

— Там... люди. Не могу понять, что они делают. Кажется, танцуют в поле.

Подозревая, несмотря на искренние нотки в голосе Фила, что это шутка, я встала и, обхватив себя за плечи, подошла к окну. Присоединившись к Филу, я посмотрела в ту же сторону, что и он, и увидела их. Это определенно были люди. Пять, может быть, шесть или семь фигур двигались по спирали, будто бы играли в какую-то детскую игру или танцевали деревенский танец.

А потом я увидела. Это было похоже на внезапное постижение оптического обмана. В первый момент ничего не понять, а в следующий — полная ясность.

— Это лабиринт, — сказала я. — Посмотри, он виден на траве.

— Торфяной лабиринт, — предположил Фил.

Один из передвигающихся по древней ритуальной спирали вдруг остановился, поднял голову и посмотрел прямо на нас. На таком расстоянии при смутном лунном свете я не могла точно определить, мужчина это или женщина. Просто темная фигура с бледным лицом.

И тогда я вспомнила, что уже видела кого-то именно на этом поле, возможно, именно в том самом месте, и поежилась.

— Что они делают? — спросила я.

— По всей стране еще сохранилась традиция танцевать или бегать в лабиринтах, — сказал Фил. — Большинство ста-

рых торфяных лабиринтов исчезло, люди перестали за ними следить еще в том столетии. Их называют трой-таун или мизмейз. Никто не знает, когда и для чего их начали сооружать, был ли проход по лабиринту забавой или ритуалом и какой в нем смысл.

Рядом с первой фигурой остановилась еще одна, взяла ее за руку и, казалось, что-то сказала. А потом эти две фигуры продолжили танец по спирали.

— Мне холодно, — сказала я.

Меня била дрожь, но не от физического холода. Я высвободилась из уютных объятий Фила и побежала к кровати.

— Это, наверное, ведьмы, — сказал Фил. — Хиппи из Гластонбери пытаются воскресить старинные обычаи. Такие места привлекают всяких чудаков.

Я зарылась под одеяло, оставив только нос снаружи, и ждала, когда зубы перестанут стучать, а тепло разольется по телу.

— Я могу пойти и спросить, что они делают, — сказал Фил, голос его звучал странно. — Я бы хотел узнать, кто они. У меня такое чувство, будто я должен это знать.

Я встревоженно смотрела ему в спину:

— Фил, ты туда не пойдешь!

— Почему нет? Это вам не Нью-Йорк. Я буду в полной безопасности.

Я села и даже не придержала одеяло.

— Фил, не надо.

Он отвернулся от окна и посмотрел на меня:

— Что такое?

Я не могла говорить.

— Эмми, ты что, плачешь? — с тревогой и нежностью спросил Фил.

Он подошел к кровати и обнял меня.

— Не оставляй меня, — прошептала я, уткнувшись в его свитер грубой вязки.

— Конечно, я тебя не оставлю. — Фил погладил меня по голове и поцеловал. — Конечно не оставлю.

Но конечно, он оставил. Не прошло и двух месяцев. Оставил так, как никто из нас тогда и представить себе не мог. Но уже в ту ночь, наблюдая за танцующими в лабиринте, уже тогда он умирал.

Утром, оплачивая счет за постой, Фил упомянул о танцующих людях, которых мы видели ночью. Хозяин категорически не хотел в это верить.

— Вы уверены, что вам это не приснилось?

— Абсолютно уверен, — сказал Фил. — Я еще подумал, что это, наверное, какой-то местный обычай.

Хозяин фыркнул:

— Какой-то обычай! Танцы в поле посреди ночи!

— Там торфяной лабиринт... — начал было Фил.

Но хозяин упрямо мотал головой:

— Нет там никакого лабиринта!

Фил был терпелив:

— Я не имею в виду лабиринт из живой изгороди, как в Хэмптон-Корте. Обыкновенный торфяной лабиринт, такие делали в стародавние времена. Сейчас его почти не видно, хотя вряд ли прошло так уж много лет с тех пор, как ему дали зарасти. Я видел такие и в других местах, читал о них. В прошлом был обычай бегать по лабиринту, танцевать в нем или играть. Думаю, какой-то такой здесь и возродили.

Хозяин пожал плечами:

— Я ничего об этом не слышал.

Накануне мы узнали, что хозяин с женой чужаки в этих местах, перебрались сюда лет двадцать назад. Очевидно, хозяин был не очень посвящен в местные обычаи.

Мы уже загрузили свои сумки в багажник, а Фил все медлил и смотрел в сторону живой изгороди.

— Мне действительно очень хочется взглянуть на этот лабиринт вблизи, — сказал он.

Сердце у меня сжалось, но я не смогла найти ни одной убедительной причины, чтобы удержать Фила.

— Мы не можем нарушать право владения... — робко попыталась я.

— Пройтись по полю — не значит нарушать право владения!

Фил зашагал вдоль изгороди к шоссе. Я не хотела оставлять его одного и поспешила следом. Через несколько ярдов в изгороди была калитка, и мы через нее вышли в поле. Когда мы там оказались, я подумала, что мы вряд ли найдем лабиринт. Не имея возможности посмотреть на поле с высоты, как из окна в «Доме викария», и к тому же при

дневном освещении, сложно было заметить незначительное изменение уровня почвы, поросшей высокой травой.

Фил оглянулся на дом, мысленно провел прямую линию до окна, потом повернулся и, прищурившись, посмотрел в поле, пытаясь вычислить расстояние до нужного места. А потом он пошел вперед, медленно, то и дело поглядывая под ноги. Я плелась позади, держалась от него на расстоянии и вовсе не была увлечена поиском лабиринта. Я не могла бы объяснить свое состояние, но лабиринт отпугивал меня. Я хотела бы уйти с поля, хотела снова оказаться на шоссе, ехать вдвоем с Филом в нашей малолитражке, грызть яблоки, любоваться пейзажами и болтать.

— Вот!

Услышав триумфальный возглас Фила, я замерла на месте. Он прыгал с ноги на ногу, одна определенно стояла выше другой.

— Кажется, здесь! — крикнул мне Фил.— Кажется, я его нашел. Если этот ров тянется дальше... Да, да, это здесь! — Он остановился и, широко улыбаясь, посмотрел на меня.

— Замечательно, — сказала я.

— Иди сюда, посмотри. — Фил покачивался взад-вперед, демонстрируя мне глубину рва.

— Верю на слово.

Фил вскинул голову:

— Я думал, тебе будет интересно. Думал, что-нибудь такое как раз по вашей части. Забавные обычаи древних бриттов.

Я пожала плечами, но не смогла объяснить, что меня беспокоит.

— Любимая, у нас куча времени, — сказал Фил. — Обещаю — залезу на Гластонбери до того, как двинемся дальше. Но сейчас-то мы здесь, я хочу прочувствовать это. — Он протянул мне руку.— Давай пройдем по лабиринту вместе.

Было так легко взять его руку и сделать это. Но мое желание быть рядом с Филом, воспринять проход по лабиринту как очередную забаву пересилила необъяснимая уверенность в том, что в этом месте таится опасность. И если я откажусь составить ему компанию, он, возможно, откажется от этой идеи и уйдет вместе со мной. Пусть бы он дулся в машине, но потом все равно остыл бы, а мы, по крайней мере, уехали бы из этого места.

– Давай уйдем прямо сейчас, — попросила я, руки мои напряженно прижались к бокам.

По лицу Фила пробежала тень неудовольствия, он повернулся ко мне спиной и пожал плечами.

— Ну, тогда дай мне одну минуту, – сказал он, а я стояла и наблюдала за тем, как он начинает путь по лабиринту.

Фил не пытался изобразить подпрыгивающий танец, который мы наблюдали ночью накануне, а просто шел размеренным шагом. На меня он не смотрел, хотя, следуя по лабиринту, снова и снова оказывался лицом ко мне, он смотрел под ноги. Глядя на Фила, я чувствовала, что он с каждым шагом все больше отдаляется от меня. Я обхватила плечи руками и приказала себе не глупить. Я чувствовала, как тоненькие волоски у меня на руках и на позвоночнике встают дыбом, и изо всех сил боролась с желанием сорваться с места и убежать с этого поля. И еще у меня было такое чувство, будто кто-то за нами наблюдает, но, когда я огляделась по сторонам, вокруг не было ни души.

Фил остановился, я решила, что он дошел до центра лабиринта. Он стоял в профиль ко мне, не шевелился и смотрел куда-то вдаль. Я вспомнила человека, которого видела в поле, — возможно, в этом самом месте, в центре лабиринта, – когда мы только приехали к «Дому викария».

А потом Фил встряхнулся и, не глядя под ноги, переступая через тропинки лабиринта, направился ко мне. Он крепко меня обнял и спросил:

— Не злишься?

Мне стало чуть легче. Все кончилось, и ничего страшного не случилось. Я сумела тихонько рассмеяться:

— Конечно нет.

— Вот и хорошо. Тогда идем. Фил немного развлекся, и хватит.

Держась за руки, мы пошли в сторону шоссе. Больше об этом случае мы не вспоминали.

Потом, в те месяцы, что последовали за двухнедельным отпуском, я часто вспоминала волшебные дни, которые мы с Филом провели, путешествуя по юго-западу Англии. Воспоминания о той поре были антидотом более близким по

времени воспоминаниям о последних днях в больнице, где был страдающий от боли Фил, где была смерть Фила.

Я вернулась в Штаты, в конце концов, это был мой дом, там жила моя семья и большинство моих друзей. Я прожила в Англии меньше двух лет, и без Фила оставаться там не было смысла. Подыскав квартиру неподалеку от того места, где жила сразу после колледжа, я устроилась преподавателем. Болезненно, со скрипом я начала строить новую жизнь. Я не переставала тосковать по Филу, боль со временем не стала меньше, но я приспособилась. Сумела.

Весной, на второй год моего одинокого существования, я начала думать о поездке в Англию. В июне у меня был отпуск, и я запланировала провести неделю в Лондоне, потом несколько дней в Кембридже у сестры Фила и несколько дней у друзей в Сент-Айвсе. Выезжая из Лондона на взятой напрокат машине, я не собиралась повторять навсегда запечатлевшийся в памяти маршрут того последнего отпуска, но обнаружила, что делаю именно это. Это была сладкая пытка. Каждый городок, каждая деревушка дарили светлые воспоминания, а печаль становилась все острее и глубже.

Я сделала остановку в Гластонбери. Бродила по руинам аббатства, припоминала смешные и личные шутки замечания Фила по поводу трона и костей короля Артура. Я поискала, но не смогла найти кафе, где мы тогда ужинали, и была вынуждена довольствоваться рыбой с жареной картошкой. Покинув на закате Гластонбери, я наткнулась на «Дом викария» и свернула на знакомую подъездную дорогу. На этот раз там было припарковано несколько машин, и в отеле почти не было свободных комнат. Нашлась одна, но не та, на которую я надеялась. Несмотря на то что, с одной стороны, я погрузилась в печаль и начала сожалеть об этом гипнотическом паломничестве, с другой — я страстно желала оказаться в той же комнате с той же кроватью и с тем же видом из окна. Мне хотелось вызвать дух Фила. Вместо этого я оказалась в тесной комнатушке на противоположной стороне дома.

Я умудрилась избежать чаепития с постояльцами и легла спать рано, но сон не шел. Закрыв глаза, я видела Фила, то, как он сидит на подоконнике, курит и смотрит на меня сквозь сигаретный дым. Но когда я открывала глаза, это была другая комната со слишком маленьким окном, чтобы можно было

сесть на подоконник, комната, которую Фил уже никогда не увидит. Я пожалела, что не отправилась прямиком в Сент-Айвс. Вернуться в прошлое было невозможно, каждая проведенная в этом месте секунда напоминала мне о том, как мучительно уходил Фил.

В конце концов я встала с кровати, натянула джинсы и свитер. Было полнолуние, но мои часы остановились, и я понятия не имела, который час. Большой старый дом погрузился в тишину. Я вышла через парадную дверь и надеялась, что никто не запрет ее за мной. Тогда я подумала, что прогулка по свежему воздуху поможет мне заснуть.

Я прошла по гравиевой дорожке мимо припаркованных машин и вышла в поле через ту же калитку, которой мы с Филом воспользовались в солнечный день той, другой жизни. Продвигаясь к торфяному лабиринту, который зачаровал Фила и напугал меня, я едва ли думала о том, куда иду и зачем. Сколько раз я жалела о том, что не взяла руку Фила и не прошла с ним по лабиринту, когда он об этом попросил. Вряд ли это что-то изменило бы, но после смерти Фила все проведенные вместе, все незавершенные моменты возвращались и преследовали меня, все упущенные возможности упущены навсегда — всё, что я сказала, сделала или сделала не так.

На поле кто-то был. Я резко остановилась, сердце бешено колотилось у меня в груди. Кто-то стоял в том месте, где должен был быть центр лабиринта. Человек стоял ко мне спиной, и я не могла распознать, кто это, но что-то в том, как он стоял, вселяло в меня уверенность, что я уже видела его раньше, что я знала его.

Я побежала вперед и, должно быть, моргнула — фигура исчезла, словно ее никогда не было. Лунный свет обманчив, высокая трава качалась на ветру, по небу мчались облака и отбрасывали на землю причудливые тени.

«Давай пройдем по лабиринту вместе».

Услышала я эти слова или они просто всплыли в моей памяти?

Я посмотрела себе под ноги, растерянно огляделась по сторонам. Может быть, я уже в лабиринте? Я сделала пробный шаг вперед, потом назад, было похоже, что я действительно стою в каком-то углублении. Вернулись воспоминания: Фил на залитом солнцем поле, он раскачивается взад-

вперед и говорит: «Кажется, здесь». У него открытый, напряженный взгляд.

— Фил,— прошептала я, и глаза мои наполнились слезами.

Сквозь слезы я заметила какое-то движение, сморгнула, и снова — ничего. Я оглядела темное пустое поле и пошла по давно протоптанной тропинке. Я шла не так медленно, как Фил, а гораздо быстрее, почти бежала, выстукивая края лабиринта ногами, чтобы двигаться наверняка, раз уж я не могла видеть ров.

И пока я шла, мне казалось, что я не одна, что впереди или у меня за спиной люди и где-то за поворотом лабиринта я могу их нагнать. Я могла слышать их шаги. Мысль о том, что кто-то идет за мной следом, действовала мне на нервы, я остановилась и обернулась. Я никого не увидела, но теперь смотрела в направлении «Дома викария». Я разглядела то самое окно, где мы с Филом когда-то стояли обнявшись, смотрели на поле и видели танцующие в лабиринте фигуры.

В эту ночь шторы на темном окне тоже не были задернуты, и, пока я туда смотрела, в окне появился человек — высокий силуэт с бледным пятном вместо лица. А через несколько секунд, пока я растерянно смотрела на окно, к первой фигуре присоединилась вторая. Кто-то меньше ростом — женщина. Мужчина обнял ее за плечи. Я видела — может быть, я и не могла разглядеть это с такого расстояния, да и в комнате свет был выключен,— я видела, что мужчина был в свитере, а женщина была голой. Я смогла разглядеть лицо мужчины. Это был Фил. А женщина... Это была я.

Там, в окне, были мы. Все еще мы, все еще вне досягаемости для того, что принесло с собой время. Я почти физически ощущала холод, от которого тогда дрожала, и защищенность в объятиях Фила. И все же я не была там. В данный момент я была в поле, одна, я была предостережением для меня той, в окне.

Я почувствовала, что рядом кто-то появился. Нечто тонкое, легкое и жесткое, как птичья лапка, взяло меня за руку. Я медленно отвернулась от окна и посмотрела на того, кто держал мою руку. Это был молодой человек, он смотрел на меня и улыбался. Мне показалось, что я его узнала.

— Он ждет тебя в центре лабиринта,— сказал молодой человек.— Теперь ты не должна останавливаться.

У меня в мозгу возникла четкая картинка: солнечный день, Фил замер в центре лабиринта, что-то его поймало, и он будет стоять там вечно. Время в лабиринте протекало не так, как вне его, и Фил мог остаться там, где когда-то стоял. И могла снова быть с ним, на секунду или навсегда.

Я продолжила танец по извилистой тропе с моим новым компаньоном. Теперь я стремилась вперед, мне не терпелось оказаться в центре лабиринта. Впереди я видела людей, смутные танцующие фигуры. Они то появлялись, то исчезали в лунном свете, словно двигались по лабиринту в другие ночи, в другие столетия.

Боковое зрение подавало мне более тревожные сигналы. Я уловила мелькание моего партнера. Он выглядел иначе, чем когда мы встретились глаза в глаза. Он выглядел таким юным, но его легкая цепкая рука, которой он хватался за мою, не была рукой человека.

Рука была похожа на птичью лапку...

Я перевела взгляд вбок, на свою руку. Рука, державшая мою из плоти и крови, была рукой скелета, ее плоть сгнила и истлела много лет назад. Эти периферийные мелькания были правдой о моем партнере — со мной танцевало нечто мертвое и тем не менее живое.

Я резко остановилась и отдернула руку. Я закрыла глаза и боялась повернуться к этому лицом. Я слышала шуршание и постукивание иссохших костей, чувствовала холодный ветер на лице и запах разложения. Голос, напуганный и печальный, — это, вероятно, был голос Фила — шептал мое имя.

Что ожидало меня в центре лабиринта? Во что я превращусь и как долго будет длиться этот монотонный танец, если я вообще когда-нибудь доберусь до конца?

Я вслепую развернулась в поисках выхода. Я открыла глаза и пошла, контролируя свои движения, — какое-то сильное инстинктивное неприятие не позволяло мне напрямую шагать через тропинки лабиринта, словно они были просто ничего не значащими бороздками. Нет, я повернулась на сто восемьдесят градусов (мельком увидела, как за мной наблюдают блеклые фигуры) и побежала назад. Тем же путем, что пришла, следуя курсу лабиринта, все дальше от его центра, снова в мир, одна.

ДЭВИД РАЙЛИ

Из тлена

Рассказы Дэвида Райли издавались во многих сборниках и журналах, включая такие, как «The Year's Best Horror Stories», «The Mammoth Book of Terror», «New Writing in Horror & the Supernatural», «The Pan Book of Horror Stories», «First World Fantasy Awards», «World of Horror», «Whispers», «Fantasy Tales», «Fear». Недавно писатель закончил третий роман под названием «Болото гоблинов» («Goblin Mire»).

Рассказ «Из тлена» публикуется впервые. Когда вам в следующий раз придется спускаться в подвал, вы непременно станете нервно оглядываться по сторонам...

Данную рукопись обнаружили в доме Раймонда Грегори после его исчезновения в октябре 1934 года. Поскольку так и не нашлись ни тело автора, ни сведения, подтверждающие, что он числится в живых, полицейские следователи не смогли придумать ничего лучшего, чем объявить содержание записей показателем психического состояния мистера Грегори.

Итак, вот где он обустроился, подумал я прекрасным сентябрьским днем чуть меньше года назад, когда завернул за поворот и остановился перед коваными двустворчатыми железными воротами. Несмотря на яркий солнечный свет, я не смог подавить чувство разочарования. Потому что видневшийся вдалеке унылый серый дом явился олицетворением всего того, что так не понравилось мне в городке, от которого я отъехал всего две мили, перед тем как проехать мимо раскинувшихся вдоль дороги лугов и ферм. За воротами царила мерзость запустения: окна без портьер, усыпанные листьями дорожки, тронутые плесенью голые глинистые проплешины нагоняли уныние. По своей доброй воле я бы ни за что не стал наведываться в подобное место ни днем, ни в сумерки, когда удлиняющиеся тени

лишь усугубляют уродство подобного строения. Как Пулу пришло в голову купить такой дом, я не понимал и ругал себя за то, что с готовностью согласился погостить у друга на выходных. Мне оставалось только надеяться, что внутреннее убранство дома окажется гостеприимнее фасада.

Пока я шел от машины до двери и стучался, дом провожал меня взглядом пустых старческих окон. Вскоре я оказался в заново отделанном кабинете Пула с книжными полками и изобилием полированного дерева, картин и кожаных кресел. В окружении купидонов и цветов черного дерева пылал угольный камин. Пул — высокий и худощавый, со скрытой силой альпиниста — был в наилучшем расположении духа. Чего нельзя было сказать обо мне. Тут мне стало немного лучше, но все равно не отпускало необъяснимое чувство отвращения. Дом мне определенно не нравился, и без тени сомнения я знал наверняка, что первое впечатление не изменится, как бы ни усердствовал приятель. Пул повел меня на экскурсию по дому, и чем больше помещений я осматривал, тем острее ощущал неприязнь.

На втором этаже царило полнейшее запустение. В больших и мрачных комнатах поселилось эхо, они заросли паутиной и слоем пыли в палец толщиной. Глядя на это, мне на ум пришли строки:

Дом без гостиной
Для мертвого,
Зовется он могилой!

— Не думаю, что мне понадобятся комнаты верхнего этажа, — словно отвечая на мои мысли, объяснил Пул. — Может, я буду использовать их в качестве кладовых, а две-три отремонтирую для гостей.

Вскоре мы спустились вниз, в прихожую, и по настоянию Пула вошли в сводчатую нишу, где находилась массивная деревянная дверь, ведущая в подвал. Взяв с полки керосиновую лампу, Пул ее зажег, отомкнул дверь и повел меня по осклизлым ступеням в осязаемую темень, принявшую нас в хладные, словно воды Стикса, глубины.

— Некогда, — начал Пул, поднимая лампу над головой так, чтобы осветить подвал, — здесь хранили вино. — До сих пор на каменных плитах пола между битых бутылок и по-

лок для хранения вина кое-где догнивали днища покрытых плесенью винных бочонков. — Попадаются урожаи весьма достойных лет, — заметил он, подбирая одну из бутылок.

С бутылки шелухой отскочила этикетка. Из горлышка высушенной виноградиной выпал свернувшийся паук и покатился по полу.

Еле различимые вдали, между толстых колонн, темнели неясные ходы. Я спросил о них у Пула, и он ответил, что большинство из них давным-давно заложены кирпичами. И добавил:

— Или же, когда обвалились потолки, их засыпало щебнем.

— И часто ты спускаешься сюда? — спросил я, удивленный интересом друга к этому мрачному подземелью.

— Нет, — сказал он непередаваемым тоном. В оцепенении качая головой, он продолжал: — Сперва я нанял рабочих, чтобы расчистить подвал, но вскоре понял, что это пустая трата времени. Они обнаружили здесь нечто, что заставляет меня возвращаться сюда снова и снова. Но я нечасто бываю здесь. — Он повернулся и повел меня к противоположной стене подвала со словами: — Я тебе кое-что покажу, чтобы ты мог составить об этом собственное мнение.

Мы шли вперед, и воздух все больше и больше сгущался болезненными парами, окутывая удушающим смрадом разложения. Наши шаги эхом разносились по темным просторам подвала, когда мы шли под сводчатым проходом, ведущим в один из аппендиксов. Я ожидал, что он окажется просто альковом, но коридор протянулся ярдов на тридцать и оканчивался четырехугольным помещением, стены которого были выложены старинным крошащимся кирпичом, из которого почерневшими от времени костлявыми пальцами торчали обгорелые огрызки факелов. Повесив лампу на один из них, Пул указал на пол. Там оказалась глубоко вырезанная в необработанных каменных плитах пятиугольная звезда, расположенная в двух кругах, вокруг и внутри которых были врезаны различные знаки и арабески.

— Поклонение дьяволу? — спросил я, рассматривая углубления.

Они были примерно два дюйма глубиной и почти до краев заполнены какой-то отвратительной слизью.

Пул пожал плечами:

— Все могло быть, но наверняка я не знаю. Мне не известен ни возраст этой штуки, ни кто ее творец.

— Звезда очень старая, — убежденно сказал я, выпрямляясь во весь рост, чтобы взглянуть на композицию в целом. — И несколько знаков мне известны.

— Мне тоже, — мрачно подтвердил Пул. — Поэтому я спускаюсь сюда нечасто. Подвал — единственное место во всем доме, где мне как-то не по себе. Может, страх связан с отзвуками прошлого, все еще ощутимыми здесь, — сложно сказать. Но вот в чем я уверен: то, для чего изначально было сооружено все это, едва ли было столь же невинно и наивно, сколь занятия доморощенных колдунов нашего времени. Зачем нужно было вгрызаться столь глубоко под землю, если не в целях скрыть страшные крики? Возможно, это дьявольское творение поливали кровью. Может, слизь в углублениях как раз и есть кровь.

Сомнительная прелесть, которую явно видел во всем этом Пул, вызывала у меня только отвращение, поэтому я предпочел рассматривать стены. Повсюду на разной высоте из них торчали ржавые железные болты. Вряд ли они представляли собой интерес, но все же один привлек мое внимание. Похоже, кирпичи вокруг болта сидели неплотно. Пул тоже заинтересовался этим фактом, и мы вдвоем стали расшатывать и вытаскивать кирпичи, чтобы узнать, нет ли за кладкой чего-нибудь интересного. Спустя несколько минут пять кирпичей уже лежали на полу, а в стене образовалась порядочная брешь. С первого взгляда показалось, что мы наткнулись на узкую расщелину, но, когда мы разобрали побольше кирпичей, оказалось, что за стеной проходит нора или туннель такой ширины, что туда мог бы пролезть человек. Располагался ход примерно на уровне груди и просматривался на несколько ярдов, а потом уходил вверх. В свете лампы были видны корни, свешивающиеся в ход, словно пряди спутанных седых волос.

Пул сосредоточенно вглядывался в открывшийся туннель, что-то тихонько бормоча себе под нос, а я стал рассматривать кирпичи, которые мы сложили на пол. Я взял один из них и обнаружил, что с одной стороны он был исцарапан будто бы когтями. Очевидно, на протяжении многих лет крысы пытались пробраться сквозь стену и претерпели неудачу, но клад-

ка распаталась от крысиных стараний, и мы смогли запросто завершить начатое грызунами.

Пул все так же вглядывался в туннель, что немало меня раздосадовало.

Взяв его за руку, я сказал:

— Пойдем. Самое время выбраться из этого подземелья. Здесь сыро и промозгло. Может, тебя не страшит подхватить ревматизм, но мне что-то не хочется...

Тут в туннеле посыпались камни и комья земли и, словно мыши, покатились к нашим ногам. И оттуда пахнуло невообразимо омерзительным смрадом. Пул побледнел, и я, конечно же, тоже. С трудом сдерживая тошноту, мы отшатнулись от туннеля.

— Канализация? — спросил я.

В отзывающейся эхом пустоте подвала мои слова прозвучали как-то немного нереально. Воздух на глазах выцветал, лампа померкла, пуская черный от копоти дым. Интуитивно чуя опасность, я схватил лампу и снова дернул Пула за руку.

— Пора сматываться, — пробормотал я, желая лишь одного — скорее убраться отсюда.

Посыпавшаяся из туннеля земля не на шутку встревожила меня. Мгновением позже мы уже неслись через весь подвал по направлению к лестнице. Мигом взлетев по ступеням, мы остановились только в ведущих в прихожую дверях. Я обернулся и напоследок еще раз вгляделся в непроницаемую тьму подвала вместе со всеми его трухлявыми бочонками и гниющим мусором. Видеть и слышать было нечего, разве что где-то вдалеке капала вода, тем не менее мне показалось, что кто-то или что-то стояло, скрытое всеобъемлющим мраком, и пристально смотрело мне прямо в глаза. Волосы зашевелились у меня на голове, и я почувствовал, как мною овладел тошнотворный приступ страха. В следующую же секунду я выскочил из жуткого подвала, захлопнув успокоительно-тяжелую и прочную дверь.

Тем вечером о непонятном явлении мы больше не говорили. Возможно, печать молчания была связана со страхом или нервозностью, но мне кажется, что, скорее всего, наши уста сковал стыд. Ведь мы бросились в паническое бегство всего лишь из-за нескольких комков земли и неприятного запаха.

Разошлись спать мы около полуночи.

Странно и непонятно то, что, когда я оказался в своей комнате и приготовился ко сну, всю усталость словно рукой сняло и навалилась бессонница. Казалось, я уйму времени ворочаюсь в постели, пытаясь заснуть. Теперь, когда я остался один, как будто сама мрачная атмосфера дома усиленно давила на меня. Было уже совсем поздно, когда я решил, что натерпелся достаточно, вылез из постели и направился к чемодану за снотворным, хотя и подсмеивался над врачом, прописавшим мне это лекарство. Острой нужды в снотворном не было, но я не хотел весь следующий день ходить словно в воду опущенный, а это непременно случится, если мне не удастся выспаться.

Пока я шел через комнату к чемодану, я ненароком выглянул в окно на залитый лунным светом парк. Сложно сказать, что в застывшем свете луны он выглядел привлекательно. Скрюченные деревья и кусты, не говоря уж о похожей на тростник траве, напоминали кошмарно изуродованные джунгли, совершенно нежданно пустившие корни вокруг дома. Пейзаж выглядел на редкость уныло, и я уже собирался отвернуться от окна, когда заметил, что в кустах что-то движется. Я замер, прижавшись лицом к окну. Чтобы холодное стекло не запотело, я затаил дыхание. Я разглядел мужчину, наполовину скрытого тенистым полумраком. Похоже, одет он был в темное пальто до пят, полы которого развевались на ветру. Мужчина пробирался между деревьями, по плечам рассыпались всклокоченные космы волос. Луна светила ярко, но мне не удалось как следует разобрать черты его лица, хотя было очевидно, что оно чрезвычайно бледно.

Медленно незнакомец шел своей дорогой и завернул за угол дома, где я и потерял его из виду, после чего решил, что подсматривал за бродягой — для вора одет он был уж очень бедно, — и завершил начатое, то есть взял флакон со снотворным. Через несколько минут я уже лежал в постели, где без воды проглотил две таблетки сразу и подождал, пока через десять минут меня поглотил немилосердный сон.

На следующий день я проснулся поздно, и, когда встал, Пул уже завтракал.

— Что будешь есть? — спросил он меня.

— Только черный кофе, — ответил я, садясь за стол.

— У тебя такой вид, словно ты скверно спал, — заметил Пул. — Может, в комнате слишком душно? Или кровать неудобная?

— Порой меня донимает бессонница, — пожал плечами я. — Дело не в комнате, или, по крайней мере, я так не считаю. Хотя кое-что меня действительно встревожило. — (Тут Пул бросил на меня внимательный взгляд, может чересчур внимательный, подумал я.) — По саду бродил человек. Я видел его из окна после часу ночи. Сюда часто заходят бродяги?

— Бродяги?

Что это, облегчение на лице Пула?

— Так я решил, — сказал я. — Хотя в темноте мне было не очень хорошо видно. Окаянные вязы не дают лунному свету пробиться.

— Да, я подумываю срубить некоторые, — глядя в чашку, сказал Пул.

— А раньше ты видел здесь каких-нибудь подозрительных типов? — спросил я, подозрение обострило все мои чувства.

— Этим утром ты еще проницательнее, чем я предполагал. Но ты, конечно же, прав. Раз или два я видел мужчину, которого принял за браконьера, идущего в лес напрямик кратчайшим путем. Чуть поодаль от дороги, на той стороне ручья, раскинулся густой лес. — Он спокойно рассмеялся. — Полагаю, браконьер рассуждает примерно так: если он пройдет через парк, то с меньшей долей вероятности встретится с кем-то, чем если продолжит путь по дороге, особенно если ночь выдалась удачной и он нагружен дичью.

Покончив с кофе, я вышел на свежий воздух. Солнечным сентябрьским днем парк выглядел получше, чем ночью, и я даже нашел его слегка привлекательным, но однозначно нуждающимся в умелом садовнике. Через несколько минут ко мне присоединился Пул.

— Ты уже взглянул на дом отсюда? — с явной гордостью спросил он.

Глядя на несуразное здание, я размышлял, что же в нем могло так сильно понравиться Пулу.

— Похоже на то, что дом пытались не раз перестроить, — тактично заметил я, отмечая, что в едва различимых изна-

чальных балках нижних этажей ранней эпохи Тюдоров ничто не вязалось с отделкой в стиле эпохи короля Георга, королев Анны и Виктории, а в куполе на крыше и вовсе прослеживались штрихи восточного регентства, — очевидно, завершению отделки помешала или нехватка средств, или преждевременная кончина хозяев.

Все это придавало дому незаконченный вид, словно никто из владельцев не жил в нем достаточно долго для того, чтобы завершить задуманные переделки. Я поведал о своих впечатлениях Пуду, на что он снисходительно рассмеялся и сказал, что по нескольким параметрам дом просто замечательный.

Он подвел меня к одной из дверей.

— Как тебе известно, — начал он, — мне пришлось проделать уйму дел, перед тем как я смог переехать сюда. Реставрацией руководил Мортимер (из компании «Слетеридж, Гилбрейт и Мортимер», ни больше ни меньше), и дом его чрезвычайно заинтересовал, причем не только с точки зрения профессионала. Ты, кстати, не заметил, что каждая дверь или оконная рама тут несколько кривобока? Я сам не обратил на это внимания, когда первый раз осматривал дом. А он заметил. И даже знает, отчего это. Вовсе не из-за недостатка мастерства строителей, потому что Мортимер говорит, что, несмотря на запущенность, это один из самых прекрасных домов той эпохи. Видишь ли, основная часть дома была построена в начале правления Якова Первого. Тогда влияние суеверий на повседневную жизнь было очень сильно, гораздо сильнее, чем мы можем себе представить. Поэтому даже при постройке домов люди того времени принимали меры предосторожности против сверхъестественных сил. Один из способов обезопасить жилище основывался на представлении о том, что ни один злой дух не может проникнуть в дом через кривой вход. Поэтому все оконные рамы, двери и даже дымоходы тут кривобокие, не то чтобы слишком, а так, слегка. Зато наши предки были уверены: ночью от праведного сна их точно не разбудит злобный взгляд суккуба, взгромоздившегося на кровать.

— Посетили ли этого Мортимера еще какие-нибудь озарения по поводу дома? — спросил я. — Например, насчет подвала?

— Однажды он заглянул туда с порога. Он только вздрогнул и сказал — довольно грубо, как мне показалось, — что лучше бы подвал замуровать. Но я не уверен. Почему-то мне кажется, что это пустая трата денег.

Мне тоже показалось, что «замуровать» — было бы лучшим, что можно было сделать на тему подземелья, поэтому я сказал:

— Может, ты и в состоянии убедить себя в том, что приключившееся вчера в подвале не случалось вовсе, но я — нет. Ты забыл об этом?

Пул неохотно покачал головой:

— Утром я заглянул туда, возможно, лабы убедиться в том, что мы позволили воображению свести нас с ума, но...

— И что же? — нетерпеливо поторопил я с ответом друга.

— Но почему-то — сам не знаю почему — я просто не смог заставить себя сделать хоть шаг вниз по ступеням. Как будто бы тьма или нечто таящееся в ней удерживали меня, отгоняли, и я просто не мог спуститься.

Чувствуя, что задерживаться на этой теме не стоит, я прекратил расспросы. Сказал, что хотел бы взглянуть на соседнюю деревушку.

— В одном из писем ты упоминал, что место это очень живописное. Если она получше городка, через который я проезжал по пути сюда, я не прочь прогуляться.

— У того городка с деревней — ничего общего, — заверил меня Пул. — Не думаю, что ты разочаруешься. Но у меня есть неотложные дела, намеченные на сегодня, поэтому, боюсь, мне не удастся прогуляться с тобой. У тебя машина, а до деревни всего десять минут езды. Нужно ехать прямо по дороге, заблудиться невозможно. Там очень милая церковь двенадцатого века.

Когда я уехал из поместья, то испытал изрядное облегчение. Проезжая по дороге, над которой вековые деревья раскинули свои ветви, я размышлял о том, что некоторые дома обладают удивительно гнетущей атмосферой. Под сенью дома Пула нервы мои почему-то были напряжены до предела, и лишь немного легче становилось в парке. Теперь же я расслабился и наконец-то почувствовал себя непринужденно. И с радостью предвкушал встречу с живописной деревушкой Фенли.

По пути я размышлял о наших с Пулом разговорах, из которых сделал однозначный вывод: на моего друга дом влияет нездорово. Он вконец растерял задор, отличавший Пула в течение долгих лет нашей дружбы. В столь же подавленном состоянии он находился лишь в тяжелые месяцы после кончины жены пять лет тому назад, когда чуть не лишился рассудка. Но теперь это было в прошлом. Я был уверен: происходящее с другом сейчас не имеет отношения к событиям пятилетней давности. Кроме того, я считал, что тревога его была другой природы.

Все дело в доме, это точно. Поэтому ради блага Пула я решил хоть что-то разузнать о поместье. Заметив возле центральной лужайки библиотеку, я заглянул туда. За столом в углу у входа сидел маленький худой мужчина в роговых очках, с ввалившимися щеками, а молоденькая девушка выдавала дамские романы пожилым разговорчивым леди. Человек за столом не обращал внимания на громкий щебет старушек, углубившись в каталог. Я подождал, пока девушка освободится, и спросил, нет ли в библиотеке справочников по истории окрестностей.

— Вы интересуетесь чем-то *определенным*? — спросила девушка.

Я заметил, что пожилой джентльмен, вероятно библиотекарь, с любопытством меня рассматривает.

— Я остановился у друга, который недавно приобрел старинный дом по соседству. Я подумал, может, об имении есть что-то в справочниках. Старинные поместья — мое хобби, — солгал я.

— Вы, должно быть, остановились у мистера Пула? — неожиданно спросил библиотекарь, вставая из-за стола и приближаясь к нам. Он осторожно положил каталог на край стойки.

Я ответил, что так и есть. И спросил:

— Вы его знаете?

— Едва ли. В деревне он много времени не проводит. Вероятно, предпочитает уединение.

— Он занят работами по дому, — объяснил я. — Полагаю, дом был в ужасном состоянии, когда друг его приобрел. Поэтому до сих пор у него совсем не было времени знакомиться с соседями.

Интересно, что́ из сказанного мною было правдой. Однако библиотекарь, из вежливости или же действительно соглашаясь, принял мои объяснения и произнес:

— Кто бы мог подумать, что этот дом стоит времени, забот и вложений. И вот на тебе, пожалуйста. Но мне показалось, что вы только что спросили о книгах по истории окрестностей.

— На самом деле меня занимает сам дом, — уточнил я. — Думаю, с ним связано что-то любопытное. Вероятно, прежние владельцы были людьми весьма влиятельными. Есть ли у вас что-нибудь, что поможет мне разобраться в этом?

С тонкой улыбкой библиотекарь ответил:

— Я могу порекомендовать вам несколько книг: «Странствуя по Фенли» Пита или «Пейзажи Барчестера» Альберта Дадли; некоторые главы посвящены данной области, но повествование в них достаточно сухое и несколько педантичное. В такой прекрасный день не стоит предаваться подобному чтению. К тому же ни в одной из книг не повествуется о темных аспектах дома, который купил ваш друг.

— Значит, что-то с домом не так? — подтолкнул я собеседника.

— Что-то, — эхом отозвался библиотекарь, кивнув седеющей головой. — Но что именно, я так никогда и не смог понять.

— Что-то связанное с колдовством или поклонением дьяволу? — спросил я, вспомнив пентаграмму в подвале.

Мужчина с удивлением взглянул на меня.

— Значит, вы кое-что слышали, — решил он. — Как ни крути.

— Я ровным счетом ничего не слышал, — заверил его я. — Знаю только то, что видел своими глазами.

И описал странную высеченную в камне пентаграмму, которую мы нашли прошлой ночью. Но что случилось после — опустил. Когда я закончил рассказ, библиотекарь взглянул на карманные часы и предложил:

— Послушайте, уже время ланча. Если вы еще не успели перекусить и располагаете свободным временем, мы могли бы сходить в кафе на углу. Я вам рассказал бы кое-что интересное.

Я согласился на предложение и подождал, пока библиотекарь предупредил сотрудницу, что вернется через час, потом взял шляпу с вешалки, и мы вместе пошли по улице.

Кафе оказалось весьма приятным старомодным заведением с изображениями сцен лисьей охоты на стенах. Библиотекарь представился Десмондом Фостером. Рассказал, что в Фенли живет всего десять лет, но живой интерес к истории окрестностей помог ему узнать о районе столько всего, что и не каждый старожил знает. Его давно интересовал дом моего друга, Дом Вязов, как его называют здесь.

— История у дома долгая и беспокойная, — рассказывал Фостер. — На самом деле настолько тревожная, что даже в наше просвещенное время большинство людей удержалось бы от покупки этого дома. Конечно же, возраст его не соответствует внешнему виду, который весьма странен.

Я сказал, что заметил это.

— Дом выглядит так, словно сменявшимся владельцам он доставался на весьма краткий срок и никто из них не успевал до конца воплотить свои замыслы по перестройке, — повторил я фразу из беседы с Пулом.

— Совершенно верно. Что же до самого дома, то весь он, с первого этажа до последнего, сложен из развалин первоначально стоявшего на этом месте здания. Задолго до того, как сэр Роберт Толбридж, небезызвестный племянник третьего маркиза Барчестера, решил в тысяча шестьсот восьмом году возвести возле Вязового леса дом, там лежали руины древнего аббатства, замшелые камни уже вросли в землю. В восемнадцатом веке в Фенли пришли монахи и собрались основать монастырь. Их приняли радушно и помогли со строительством. Отношения между монахами и местным народом сложились на редкость благожелательные. Но к сожалению, гармония существовала недолго. В летописях говорится, что нрав монахов сделался скверным, в служении Господу проявлялось все более явственное небрежение, а требования к местному народу сделались воистину непасытными. Крестьяне, возвращавшиеся с полей поздно вечером, видели в аббатстве неприглядные зрелища, вселявшие страх в их сердца, и слышали вопли, наводившие на мысль о завываниях терзаемых животных.

— Самобичевание? — спросил я.

— Едва ли, — без энтузиазма отозвался Фостер. — Подробности слишком туманны, чтобы выдвинуть точное предположение, но для тех, кто знает толк в подобных вещах, есть лишь одно разумное объяснение: монахи склонились к поклонению рогатому, то есть дьяволу. Монахи показали свое истинное лицо: бессердечные, жестокие и циничные, они находили нескрываемое удовольствие в порабощении всех, кого могли заполучить в распространяющиеся сети своего могущества и влияния. Их ненавидели все жители: и мужчины, и женщины, и дети. Наконец, вытерпев не один месяц, народ взбунтовался, разгромил монастырь и перебил всех монахов. Аббата же обрекли на казнь более лютую. На сельской площади, вот на этой самой, которую мы с вами видим в окно, — Фостер показал на мальчишек, гоняющих по зеленой лужайке мяч, — настоятеля монастыря казнили. Из некоторых источников, в особенности это явствует из серии гравюр на дереве Адриана Уика «Хроники сельской жизни», изданных в Лондоне в конце восемнадцатого века, следует, что расправа была воистину садистской. Виной тому были несчастья, которые аббат навлек на жителей округи. Его вздернули на виселице, но в последний момент веревку обрезали и спасли нечестивцу жизнь, однако лишь для того, чтобы палач выпустил ему кишки и сжег их на глазах самого аббата. Когда он испустил последний вздох, тело рассекли на четыре части, а останки опять же вздернули на железной виселице для того, чтобы дождь, разложение и летний зной сделали свое дело.

— Жестокое правосудие, — заметил я. — Даже для такого нечестивца.

Фостер в раздумье поднял брови.

— Кто знает, — проговорил он. — Даже если справедливость правосудия можно назвать спорной, весьма удивительна сила духа, с которой аббат встретил свою участь. Когда ему на шею накинули веревку, он произнес, причем ухмыляясь, фразу весьма убийственного содержания: «Exurgent mortui et ad me veniunt!» Что в переводе с латинского означает: «Восстаньте, мертвые, и придите ко мне!» — Фостер сделал паузу, глядя на меня пытливым взором поверх очков. — С этой фразой я сталкивался до того, как прочел обстоятельства смерти аббата, и понял, что народ Фенли никоим образом не ошибся в жутких подозрениях относительно монаха:

это слова из древней магической книги «Красный дракон», сочинение которой приписывают папе римскому Гонорию.

— Если по-особому произнести эту фразу, думаю, она прозвучит как угроза, — предположил я.

— Совершенно верно. Именно эта мысль пришла в голову народу Фенли, когда на следующее после казни утро обнаружилось, что останки аббата больше не висят на виселице, а исчезли, причем без малейшего следа. Обращаясь к церковным суевериям, некоторые сочли, что ночью явился дьявол, чтобы забрать принадлежавшее ему по праву и унести в ад. Я же думаю, что одному или нескольким монахам удалось избежать резни и именно они забрали труп аббата и похоронили его в соответствии с обрядами своей порочной веры. Но события той ночи так и останутся под мраком тайны, а весьма живописная картинка рогатого дьявола, костистыми пальцами выдергивающего с виселицы кости аббата, как изображено на одной гравюре в книге Уика, будет привлекать внимание любителей подобных историй.

— Значит, пентаграмма в подвале относится к временам аббатства, — решил я.

— Полагаю, что так. Подвалы стали принадлежностью нового здания, выстроенного на этом же месте.

— Признаюсь, я удивлен, что кто-то решил строиться там.

— Сэр Роберт Толбридж был таким человеком, который запросто возвел бы дом хоть в преддверии ада. Ему было наплевать на все то, чего боялись остальные. На самом же деле я даже думаю, что именно поэтому он решил строиться именно там.

— И что же, хорошо ли ему там жилось?

— К сожалению, недолго он наслаждался новым домом. Вскоре после переезда его убили ночью в парке.

— Что, конечно же, доказало реальность страха призрачного мщения.

— В данном случае — нет. Вскоре повесили двух человек. Их обвинили в убийстве с целью грабежа. Но прошлое поместья нельзя назвать счастливым. Казалось, этот дом и несчастья связаны неразрывно. Говорят, это место невезучее.

— Что, сказки о блуждающих призраках? — поинтересовался я. — Вопящие черепа и пятна крови на полу?

Возможно, Фостер решил, что мой вопрос продиктован иронией, поэтому холодно ответил, что несчастливым считался не сам дом, а окружающие его земли.

— Внутри дома смерти наступали от естественных причин, — сказал он. — Другое дело — парк... — Он многозначительно замолчал. — Кто-то назовет это суеверными выдумками, но лишь беспечный и неосмотрительный глупец осмелится ночью сунуться в парк Дома Вязов.

— Ну, по крайней мере один местный житель так не считает, — заметил я.

— Местный, вы говорите? — живо заинтересовался Фостер. — Вы меня *удивляете*. В Фенли народу немного, еще того меньше тех, кто по доброй воле рискнул бы отправиться в это дурное место ночью. Вы случайно не знаете, кто бы это мог быть?

— Боюсь, что нет. Я видел его поздно ночью и не смог в темноте разглядеть лицо. Я принял его за бродягу, а Пул, который видел этого человека и раньше, считает его браконьером, кратчайшим путем добирающимся в лес.

— Очень странно. И только доказывает, как плохо я изучил эту местность за десять лет. Считается, что единственным браконьером, который не побоялся побывать там, был Ян Тэб, чье растерзанное тело поставило констеблей перед неразрешимой задачей. Убийц так и не нашли. Печальный пример бедняги сослужил уроком: с тех пор люди туда не ходят. Но это произошло лет тридцать назад, и, быть может, нынешняя молодежь ничего не боится. — Фостер многозначительно посмотрел на часы и сказал, что ему пора возвращаться на работу. — Было приятно побеседовать с вами, — сказал он на прощание, — но в библиотеке еще столько работы до закрытия! Однако я надеюсь, что вы снова зайдете ко мне, когда окажетесь в Фенли.

Обдумывая на обратном пути услышанное, я решил, что, хотя в Фенли я узнал много интересного, полученная информация вряд ли поможет мне умерить восторг Пула по поводу дома. Зато у него чуть уляжется беспокойство насчет подвала и пробудится интерес к истории.

Когда я зашел в холл, то очень удивился, что Пула дома нет. Перед моим отъездом в Фенли друг говорил, что пи-

куда не уйдет, поэтому я никак не мог объяснить себе его отсутствие. Пулу вовсе не было свойственно говорить одно, а делать другое. Я бросился на поиски с необоснованной поспешностью. Может, с ним произошел несчастный случай, подумал я, вспомнив прохудившийся пол в верхних комнатах. Шли минуты, ни в одной комнате Пула не было, и смутные опасения начали перерастать в тревогу.

– Пул! Где ты? – кричал я, большими шагами пересекая холл, созерцая убегающий вверх бурый сумрак лестницы.

Но мой зов лишь эхом какофонии отозвался в недрах дома и остался без ответа.

Меня угнетало незаметно подкравшееся чувство одиночества. Вместе с тем меня посетило предчувствие беды, странное предвестие гибели. Я знал наверняка: если бы Пул был дома, то уже ответил бы мне. Я пытался бранить себя паникером, который еще посмеется и поиздевается над собой, когда Пул, не ведающий о моих детских страхах, вернется домой. Но мне никак не удавалось заглушить чувство: что-то пошло наперекосяк. Но что, я не знал. Словами невозможно было объяснить сие загадочное чувство. Может показаться страшным, но теперь, задним числом оглядываясь в прошлое, я понимаю, что сама атмосфера дома, еле уловимо преобразованная или изменившаяся, говорила мне: за время моего отсутствия произошло что-то страшное. Случилось нечто настолько ужасное, что не смогло улетучиться полностью, а налетом присутствия осталось, как это бывает с последними отзвуками крика. Пока я рыскал повсюду, начиная с первого этажа и до последнего, включая чердак, в доме оставалось одно место, которое я сознательно игнорировал, хоть и ощущал при этом некую долю вины, и, когда все поиски оказались тщетными, я неохотно приблизился к двери, ведущей в подвал. Лишь только я посмотрел на полку, то сразу понял, сколь напрасным было мое нежелание думать о подземелье: одной из двух керосиновых ламп на месте не оказалось.

Схватив оставшуюся лампу, я зажег ее спичкой. Лишь одно прикосновение — и дверь подалась. Но зачем ему понадобилось идти в подвал? Я нервно топтался на верхней площадке лестницы и вглядывался в пресыщенную тьму, пучину которой слабо освещал тусклый свет лампы. Меня

поразила решительность Пула, которому зачем-то понадобилось одному спускаться в кромешную и словно наделенную сознанием тьму. Я боялся и не отрицал этого. После минутного колебания я решил окликнуть Пула. Ответило мне лишь резкое пустое эхо. Чувствуя себя еще более одиноким, чем прежде, я начал медленно спускаться по ступеням. Лампу я держал высоко, чтобы свет по возможности освещал побольше пространства. Я медленно шел вперед, и единственные живые существа, встречавшиеся мне на пути, были бледно-серые пауки, спасавшиеся бегством во тьму; когда я проходил мимо колонн, их таинственные тени струились, словно нечто осязаемое, сливались воедино. Меня интересовала вполне определенная часть подвала, и, хотя меня ужасала сама мысль об этом месте, я был уверен, что Пул пошел в тот зал, который мы исследовали накануне.

Не успев добраться до ведущего туда коридора, я увидел нечто, что сначала принял за груду тряпья, лежащего на полу недалеко впереди меня. Подойдя ближе, я вдруг понял, что передо мной лежит Пул. Тонкая струйка крови начертила бессмысленную линию на плите возле его головы. Я опустился на колени и коснулся лица друга; оно оказалось таким же холодным, как камень. Холодным, обмякшим и бледным. С первого взгляда, даже не слыша жесткого прерывистого дыхания, было ясно, что Пул ушибся весьма серьезно. Это было мне очевидно — может, даже слишком,— как и то, что произошло. Полный решимости, он спустился в подвал, но в конце концов тьма лишила его мужества, темное зло из зала или узкого лаза дало себя знать, и Пул в панике бросился назад по коридору, споткнулся о выступающую каменную плиту и ударился головой при падении.

— Джон, Джон,— зашептал я.— Зачем ты пошел сюда? Зачем пытался доказать себе самому или мне, что здесь нечего бояться?

Эхо глухо повторяло мои слова, и я внезапно почувствовал, что вовсе не один на один с Пулом. Хотя ничто не пошевелилось, ни один звук не потревожил глубокую тишину вокруг нас, я знал, что на меня смотрят. Во рту вмиг пересохло, когда я поднял глаза и всмотрелся в туннель, где в густом мраке тонул свет. Там, теряясь в тенях на границе света и тьмы, нечетко видимая, словно в тумане, стояла,

глядя на меня, недвижимая фигура. Я поднял лампу высоко; круг света немного расширился, видение рассеялось.

Когда я встал на ноги, то понял, что в мрачной пустоте разрушающегося прохода не было ничего. И все же даже теперь, когда я удостоверился в обмане зрения, я не мог избавиться от чувства, что за мной следят. Я чувствовал чей-то взгляд все острее с каждой секундой и наконец понял, что уже не в силах этого выносить. Теперь ясно, отчего впал в панику Пул. В подвале было нечто, что особо явственно ощущалось тут, в коридоре, ведущем к четырехугольному залу. Игнорировать это было невозможно: оно обладало тупой настойчивостью и возрастающей силой зубной боли.

Поспешнее, чем мне хотелось бы, я поднял Пула, подсунул плечо под его обмякшее тело и двинулся к лестнице, поднялся по ней и наконец оказался в холле. Когда я положил друга на диван в кабинете, он начал стонать, словно стал приходить в себя. Но вскоре стало ясно, что он все еще без сознания. В невнятном бормотании я улавливал смысл отдельных странных слов и фраз, которые не на шутку встревожили меня:

— ...скребется... Я тебя слышу! Землю царапают... кроты, такие бледные... белые кости... Нет! Убирайтесь! Кости!.. вгах'нагл... Я вижу голову... Нет!.. ш'ш'ш'фтарг... (нечленораздельная речь), хватит, надо уходить, скорей отсюда, белые костлявые руки, когти впиваются в тело, сдирают кожу, тянут по полу, страшная сырость, и мерзкие глаза зажглись, горят. Нет! Надо уходить... Помогите! Господи, помоги мне! Помогите!.. Я не должен, не могу произнести эти слова... не должен, вы не заставите... Нет, нет, нет!.. дьявол!.. ш'ш'ш'... (бормотание) нужно остановиться... остановиться...

Наконец после нескольких минут мучений он затих, дыхание смягчилось и выровнялось. То, что ему пришлось пережить наяву или в воображении в подвале, должно было быть воистину ужасно, коль скоро последствия он переносил так тяжело. Я даже решил вызвать врача, но потом передумал: похоже на то, что Пул оправился от раны, и я знал, что страдает он не из-за ушиба.

Повинуясь порыву, я позвонил в библиотеку Фенли и позвал к телефону Фостера.

Что случилось? — спросил он после того, как я представился. — У вас взволнованный голос.

Я рассказал ему обо всем.

— Не знаю, что означает бред Пула, — подытожил я, — но он как-то связан с тем, что случилось в подвале.

— Невротические галлюцинации?

— Не думаю. Не похоже на него. Хотя, должен признать, он был сам не свой. Думаю, что-то действительно случилось. Там, в подвале. Хотя что?

— Вы хотите это выяснить. Ведь поэтому вы и позвонили мне?

Я признался, что именно так:

— Вы знаете о доме то, чего не знаю я.

— Вы имеете в виду историю? Значит, вы считаете, что вашего друга поразило что-то из прошлого дома?

— Совершенно верно. Здесь, очевидно, есть нечто, нечто столь сильное, столь могущественное, что здравые рассуждения не помогут.

— Настолько сильное, что даже крайне материалистически настроенный мужчина готов засомневаться в своих прежних убеждениях и задать вопрос: «А что если...»?

Легкость, с которой Фостер воспринимал мои речи, заставила меня на мгновение задуматься: удивлен ли он происходящим? Или же он знал больше, чем говорит? Мне стало легче уже оттого, что с ним можно поделиться страхами, к тому же Фостер обладал обширными знаниями в данной области. Я спросил, сможет ли он после закрытия библиотеки заехать сюда.

— Буду вам крайне обязан, если сможете мне помочь. К тому же, думаю, вам это покажется небезынтересно.

Фостер рассмеялся, признаваясь, что был бы разочарован, если бы просьба о помощи не последовала.

— Мне всегда хотелось обследовать этот дом, — отвечал Фостер. — Уверен, что во многих отношениях он интересен, как никакой другой в целой стране. Меня всегда интересовала парапсихология, только возможность провести исследования в этой области не часто подворачивается.

— Вы думаете, что в этом кроется объяснение происходящему? — спросил я.

— Разве вы еще не догадались? — в свою очередь спросил Фостер таким голосом, словно знал: я догадался.

И, несмотря на бессознательное презрение к парапсихологии, я не смог этого отрицать. Внутри Дома Вязов подобные вещи вовсе не казались нереальными. Пришлось сознаться, что подобная мысль мне приходила в голову.

Потешаясь над моей скрытностью, Фостер рассмеялся вновь и сказал, что в этом случае с полной уверенностью утверждает, что дом определенно «аномален». На прощание он спросил, смогу ли я засхать за ним, потому что машины у него нет, а идти пешком до Дома Вязов порядочно. Я согласился и пообещал приехать за ним в семь вечера.

Договорившись о встрече, я вернулся к Пулу. Он пребывал в умиротворенном состоянии, пришедшем на смену бреду. Решив, что лучше всего оставить его в покое, я укрыл его одеялом и написал записку на тот случай, если он очнется до нашего с Фостером возвращения. С сознанием выполненного на данный момент долга я сел в машину. Солнце начало чуть клониться к западу, яркостью красок обогащая теплый предвечерний воздух. До встречи с Фостером у меня было три часа, которые мне хотелось провести подальше от гнетущей атмосферы дома. Чтобы воспрянуть духом, мне необходимо было впитать в себя живительную силу здоровой сельской местности с ее деревьями, папоротниками и изгородями. Выехав на дорогу, я бесцельно катался между типичными для окрестностей Фенли округлыми холмами и долинами с сонными реками, лесами и полянами, маленькими сельскими домиками из местного камня и высокими церковными шпилями, видневшимися вдали. Здешние окрестности славятся спокойствием и мягкой красотой. Именно в таком отвлечении внимания я нуждался и всецело предался наслаждению местными достопримечательностями. И все же я не позволил себе забыть то, что случилось, и по пути раздумывал над этим. Не забвение было моей целью, а ощущение свободы, освобождения от болезненной атмосферы дома, в чем я остро нуждался.

В семь я приехал на окраину Фенли к Фостеру, который жил в небольшом коттедже со ставнями, среди шелестящих рододендронов. Хозяин сам открыл мне дверь и провел в кабинет. Когда мои глаза привыкли к царившему в поме-

щении мягкому полумраку в коричневатых тонах, я огляделся вокруг. Почти всю комнату занимала пара кресел по обе стороны от видавшего виды газового камина, стол палисандрового дерева у стены, возле окна, с бюстом Гёте, письменный стол со скругленными углами. Судя по резному орнаменту на потемневшем дереве, к Фостеру он перешел в наследство от предка, служившего в индийской колонии. С этой монументальной реликвии мой взгляд перебегал на другие предметы, находившиеся в кабинете, по которым я пытался оценить характер своего нового знакомого. Вдоль стен стояли застекленные шкафы с китайскими орнаментами, бюстиками, статуэтками и старинными вещицами. Когда мы обменялись рукопожатием, я с любопытством просмотрел корешки книг на аккуратных рядах книжных полок, висевших на стене.

— Вижу, вы неплохо подкованы в области сверхъестественного, — заметил я, обращая внимание на труд сэра Оливера Лоджа «Выживание человека», «Тайную доктрину» мадам Блаватской и «Справочник по демонологии Кромптона», изданный Николаем Кафре, стоящие среди других книг подобного рода.

На секунду меня одолели сомнения. С одной стороны, подборка книг говорила о глубоком знании оккультизма, а с другой — о странностях и чудаковатости хозяина. Но серьезность умного аскетического лица Фостера развеяла мои сомнения.

— Не ожидал увидеть вас снова так скоро, — проговорил Фостер, усмехаясь интересу, с которым я разглядывал книги. — Как не ждал и столь интригующих новостей. — Хозяин предложил мне сесть в кресло. — Вы упоминали о том, что в подвале мельком видели фигуру, — начал он, раскуривая трубку. — Можете описать, какова она из себя?

— Едва ли, — признался я. — Если там на самом деле был кто-то, а это не игра воображения, то я созерцал видение лишь мгновение. Этого времени едва ли хватит на то, чтобы вообще заметить что-то, но я могу сказать, что фигура была среднего роста, бледная. И худая. Очень худая.

Фостер кивнул. Сказал, глядя на меня:

— Не думаю, что вам доводилось слышать местную легенду о призраке, который бродит около Дома Вязов. Быть

может, мельком видели вы как раз его. Считается, что он худой и бледный — опустошенное существо, крадущееся между деревьев. Мне кажется, что Эллиотт О'Доннелл в одной из книг писал как раз про этого призрака, но точно не припомню в какой.

— Известно ли, почему он там бродит? — спросил я.

— Мне думается, что он имеет отношение к аббатству и самому аббату, останки которого столь таинственно исчезли целую вечность тому назад. «Exurgent mortui et ad me veniunt!» — «Восстаньте, мертвые, и придите ко мне!» — сказал он. Возможно, он знал, что вернется. Пожалуй что так. Каким-то образом с помощью дьявольской магии богохульных и порочных практик самому аббату или же его приспешникам удалось вдохнуть подобие жизни в его труп. Знаю, звучит это неправдоподобно, но поговаривают о швах на теле этого призрака.

Чувствуя, что мы зря тратим время на обсуждение вопроса, вряд ли имеющего отношение к трудностям, с которыми нам предстоит столкнуться, я взглянул в окно на темнеющие небеса.

— Что бы ни лежало в корне проблемы, — прервал я Фостера, — что может быть хуже выдвинутых вами предположений? Эта информация поможет нам подготовиться к тому, что нам предстоит выяснить. Но сейчас, я думаю, было бы лучше поехать в дом к Пулу. Не хочется оставлять его там одного, тем более с наступлением темноты. Сложно сказать, что он предпримет, если в одиночестве очнется в таком состоянии.

Фостер согласился. Надевая в прихожей шляпу, он признался:

— Я, так сказать, в предвкушении охоты совсем забыл о вашем друге.

Когда мы отъезжали от коттеджа Фостера, последние яркие лучи заходящего солнца золотили верхушки деревьев. Когда мы подъезжали к дому Пула, солнце уже село и унылые окрестности тонули в тускло-сером сумраке. На фоне окрашенного багрянцем неба возвышался темный и безжизненный дом.

— Едва ли мне доводилось видеть место более зловещее, — только и сказал Фостер, когда мы, подрагивая от холода, вышли из машины и направились к дому.

С наступлением сумерек поднялся ветер, раскачивающий окружавшие дом деревья.

Хотя компания Фостера несколько смягчила тревогу, навалившуюся на меня, как только я открыл входную дверь и ступил в безмолвный полумрак, царивший внутри дома, беспокойство не исчезло. Словно пытаясь скрыть страх от себя самого, я окликнул Пула, хотя почему-то знал наверняка, что он еще не очнулся. Я почувствовал пожатие руки Фостера. Возможно, он ощущал атмосферу дома столь же болезненно, как я, и понимал переполнявший меня страх. Подавленным голосом он сказал:

— В аббатстве, стоявшем здесь несколько веков назад, практиковались страшные обряды. Память о кровопролитиях не умерла вместе с истерзанными на этом самом месте телами. Она даже сейчас эхом висит в воздухе, нарушая покой, который должен был бы наполнять это место.

Включив свет, я вошел в кабинет. Пул все еще спал.

— Думаю, не стоит пока его беспокоить, — сказал я. — Если в следующие часы что-нибудь произойдет, лучше ему этого не знать.

Фостер не возражал.

— Он уже заглянул в преисподнюю. Теперь наша очередь. И надеюсь, — добавил он с мрачной усмешкой, выдававшей сильное беспокойство, — что мы справимся лучше.

— Внутри дома нам ничего не грозит, — сказал я. — Об этом позаботятся двери и оконные рамы.

— Надеюсь. — Фостер пожал плечами и сел в одно из кресел возле камина.

Последние тлеющие угольки потемнели и подернулись пеплом. Повинуясь внезапному порыву, я подошел к камину и добавил в него угля.

— Сегодня ночью мы спать не собираемся, и нам будет уютнее полуночничать в компании весело гудящего камина, — объяснил я. — Я так понимаю, что вам интересно взглянуть на то, что рыскает в окрестностях.

— Вы имеете в виду браконьера? Да. Хотя я чувствую, что первопричина всего кроется в подвале. Но не думаю, что кому-нибудь из нас улыбается перспектива посетить это место сегодня ночью. Может, хотя бы браконьер прольет немного света на тайну.

Разговор увял. Фостер спокойно читал книгу, которую принес с собой в кармане, а я попеременно смотрел то на Пула, то на парк за окном. Наступала ночь. Слышалось лишь тиканье часов на каминной полке, тихое завывание ветра и шелест бумаги, когда Фостер переворачивал страницы. На небе, посеребрив листья вязов, взошла луна. Шли часы, ничего не происходило. Я зевнул и начал дремать: от скуки я утомился даже больше, чем от событий дня.

Я находился на грани между дремой и бодрствованием и желал лишь одного: предаться сну в комфортной постели, когда Фостер вдруг заговорил. Не улавливая смысла слов, я отвернулся от окна и посмотрел на него. Он замер, глядя на Пула и подняв руку в знак молчания.

Я услышал чье-то бормотание. Я был озадачен и не сразу понял, что это бормочет Пул. Голова его покачивалась из стороны в сторону, губы шевелились едва уловимо. Вдруг он вскрикнул. Воздух прорезал высокий пронзительный вопль, и Пул, содрогаясь, вскочил на ноги. Тут же возле него оказался Фостер. Раз и другой он сильно хлестнул Пула по лицу, потом схватил и усадил обратно на диван.

— Что это было? — озадаченно спросил я.

Фостер криво усмехнулся. Его била дрожь, свидетельствовавшая о внутреннем напряжении.

— Хотел бы я это знать, — нервно отвечал он. — Сначала я услышал слова, срывавшиеся с его губ.

— Что это были за слова?

— Слова старинные — мало кто знает их в наши дни. — Тело его содрогнулось сильнее прежнего. — Должно быть, кто-то прошелся по моей могиле, — попытался кисло шутить Фостер.

От сильного порыва ветра камин задымил. Угольки почти потухли. Пытаясь преодолеть сковавшее меня беспокойство, я попробовал раздуть в камине пламя. Холод, отступивший было от жара неохотно разгоравшегося огня, заполонил кабинет. Больше я не спрашивал у Фостера, что сказал Пул. Просто не желал этого знать.

От очередного шквалистого порыва ветра задребезжали оконные стекла. Я не сразу понял причину вибрации стекол и в тревоге вскочил на ноги, а потом, раздосадованный собственной нервозностью, снова занялся камином. Раздувая

угли, я услышал голос Пула: низкий, необычно свистящий. Я взглянул на Фостера и поразился застывшему на его лице выражению ужаса. Не успел я даже шевельнуться, как Фостер схватил с комода статуэтку и треснул ею Пула по голове.

— Какого дьявола!.. — закричал я, подхватывая падающего на пол Пула. Из раны на лбу струилась кровь. — Вы с ума сошли? Сегодня он уже ушибся один раз, а теперь, без всякой на то причины, вы...

Тут мне стало очевидно, что Фостер не обращает на мои слова ни малейшего внимания. Безмолвно подойдя к окну, он всматривался в заросли.

— Выключите свет! — мгновением позже шепнул он.

Приказ прозвучал столь настойчиво, что мне, несмотря на гнев за скверное обращение с Пулом, ничего не оставалось делать, как снова опустить друга на диван и поторопиться с выполнением. Свет потух, и комната, освещенная лишь серебристым светом луны, погрузилась в тусклый полумрак. Возле окна скрючился, словно прячась от кого-то, Фостер. Я прокрался к нему.

— Что вы там увидели? — спросил я, но он шикнул на меня, призывая к молчанию.

Я проследил за его взглядом. Какое-то время, пока глаза привыкали к темноте, мне казалось, что ничто в парке не изменилось. Предвещая бурю, на ветру раскачивались деревья, ближе к земле их движениям вторили кусты и неряшливые клочья травы. Темный лес вокруг дома казался почти черным и практически непроницаемым во мраке ночи. Когда я смог различать объекты менее приметные, то увидел, что в траве кто-то ползет.

— Браконьер? — шепотом выдвинул я первое, что пришло в голову.

— Браконьер?! — Фостер тихонько рассмеялся. — А зачем браконьеру ползти на брюхе через парк? Какую дичь здесь ему высматривать? — Вытерев запотевшее от дыхания стекло, он показал влево и добавил: — Кроме того...

Я посмотрел левее и заметил в траве бледное пятно. Может быть, чье-то обращенное к нам лицо? Избегая объяснений аномальной бледности, я высмотрел еще одно пятно, на сей раз частично скрытое кустами. Ошибался ли я? Может, обман зрения?

— Наверное, это какие-то дети, — неуверенно предположил я, замечая все больше фигур.

— Это среди ночи-то?! — поинтересовался Фостер.

— Что же это тогда? — Я схватил собеседника за руку. — Во имя всего святого, что это?

Фостер высвободился. Презрительно указал на Пула:

— Спрашивайте его.

Тут я вспомнил, как Фостер набросился на моего друга лишь несколько минут назад, а вместе с тем охватившую меня ярость до того, как мое внимание привлекло то, что пряталось в зарослях. То, что явилось вновь на земле. Несомненно, мое лицо выдавало внутренние переживания, когда я пытался оправдать действия Фостера основательными причинами к тому, ибо он спросил:

— Неужели вы сомневаетесь в том, что именно из-за его стараний мы видим за окном крадущихся в ночи?

— Всего лишь несколько подозрительных типов, — пренебрежительно бросил я.

— Типов! Вы говорите так, словно этот дом по мановению волшебной палочки вдруг сделался спокойным и нормальным. Вы все еще не поняли, что это на самом деле?

От окна донесся звук, словно кто-то царапает по стеклу, и я успел заметить тонкую белую руку, через секунду скрывшуюся из виду. Невольно я вскрикнул. Неудивительно: ссохшаяся плоть, приставшая к костям, была трачена тленом. С трудом сдержав тошноту, я отвернулся от окна. Фостер знал, с чем мы столкнулись, но и его била дрожь. Однако у него хватило силы духа изъясняться вразумительно:

— В дом они проникнуть не могут. Ни один. Их не пропустят искривленные двери и оконные рамы.

— «Их»? — ошеломленно пробормотал я. — Что они такое?

Когда он заговорил, голос его был сухим, бесстрастным и деловым.

— Это монахи, убитые на этом самом месте, — пояснил мне Фостер. — Даже после смерти они служат тому, кто основал здесь их гнусное аббатство. Тому, кого повесили, выпустили кишки и четвертовали в деревне. Именно они или, точнее, их останки бродят вокруг дома.

Снаружи донесся звук, словно ломали ветки, и в окно влетел камень. На пол посыпались осколки. Завывая и свистя, ворвался в комнату порыв ветра. Чудовищными крыльями захлопали на ветру занавески.

— Отойдите! — крикнул Фостер. — Как можно дальше отойдите от окна!

Не успел он закончить фразу, в окно влетел очередной камень, сметая остатки стекла в раме, и, отскочив от письменного стола, со звучным стуком ударился о стену в дальнем конце комнаты.

— Надо унести отсюда Пула, иначе какой-нибудь камень убьет его.

Фостер кивнул в знак согласия и предложил:

— Отнесем его наверх. Там он будет в большей безопасности.

Взвалив бесчувственного Пула на плечи, мы заторопились из кабинета. И очень своевременно: еще два камня один за другим влетели в окно. Пока мы поднимались вверх по лестнице, удары и стук раздавались один за другим, камни летели все чаще, их бросали с нарастающей яростью, словно на дом обрушился чудовищный град.

— Они пытаются нас запугать и вынудить на безрассудную попытку бегства, — объяснил Фостер.

Мы выглянули посмотреть, что делается в парке, положив Пула в безопасности в коридоре второго этажа. Прячущиеся в глубоких тенях деревьев фигуры были в некотором смысле нереальны. Они казались какими-то противоестественно размытыми, зрение не могло должным образом на них сфокусироваться. Старательно напрягая глаза и вглядываясь в темноту, я смог мельком увидеть безобразные костлявые тела, замотанные в лохмотья, которые, вероятно, раньше были монашеским одеянием.

В стену с глухим стуком ударился камень.

— Теперь они пытаются добраться до нас здесь, — сказал Фостер, когда мы ретировались из комнаты и закрыли за собой дверь.

Послышался звон разбившегося стекла.

— Зачем же такие крайности? — спросил я, вцепившись в перила, спускаясь вместе с Фостером.

— Возможно, они боятся нас.

— Боятся?! — Едва ли мне удалось скрыть недоверие.

Покачивая головой, Фостер сказал:

— Не заблуждайтесь относительно этих существ, наделяя их несокрушимостью лишь оттого, что они якобы победили смерть. Все это видимость и обман. Они не в состоянии ни остановить червей, разъедающих их тела, ни вздохнуть своими пергаментными легкими. Они с такой легкостью разбили окна, но у них не получится проникнуть в них, чтобы добраться до нас. Может быть, поэтому, — продолжал он, с каждым словом становясь все увереннее, — мы сможем порвать ту тонкую, хрупкую нить, что все еще связывает их с подобием жизни.

— И вы знаете, как это сделать? — спросил я.

— Возможно, — отвечал Фостер. — Но для этого нам придется спуститься к их истоку, добраться до первопричины. — Я бросил на него недоуменный взгляд, и Фостер уточнил: — Спуститься в подвал.

Я отчаянно затряс головой:

— Ни за что! Я уже достаточно там натерпелся. Ничто, ничто на свете не заставит меня вновь спуститься туда.

— В таком случае, — сказал Фостер, — не стану вас вынуждать следовать за мной.

— Вы действительно собрались туда? — на всякий случай переспросил я.

— Да. Возможно, я выгляжу как чудак или старый дурак. Бог его знает, может, так и есть в некотором смысле. Но я осознаю свой долг и постараюсь исправить то зло, которое высвободил ваш безрассудный друг.

— Да и до Пула водилась нечисть, — гнул свою линию я. — Вы же сами говорили.

— Да, водилось, — твердо отвечал Фостер. — Нечто одинокое и безмолвное, неспособное собрать под свое крыло других. Так было до тех пор, пока это нечто не проникло в подвал и не завладело голосом Пула, чтобы произнести необходимые слова заклинания и возвратить к подобию жизни свою дьявольскую братию. — Он раздраженно покачал головой. — Мы теряем время. Если вы не пойдете со мной в подвал, то, может, хотя бы проведете до ведущей туда двери? Мне может понадобиться ваша помощь.

— Конечно же, я пойду с вами туда, — сказал я, — если вы считаете это необходимым.

Добравшись до двери, Фостер остановился и осмотрел расположенные рядом с ней полки. На одной оказалась груда инструментов: молотки, гвозди, ржавые плоскогубцы, пила и нечто напоминающее часть коловорота. Потянувшись за одним из самых тяжелых молотков, Фостер сказал:

— Это пригодится на тот случай, если я нарвусь на неприятности.

Он сухо хмыкнул, достал керосиновую лампу и зажег ее. Легонько встряхнув, прислушался к обнадеживающему плеску в почти полном резервуаре с керосином.

Приторочив к поясу молоток, он взялся за дверную задвижку и спокойно ее открыл. Из распахнутой двери хлынуло отвратительное зловоние, смрад разложения, и нас обоих затошнило, стоило чуть вдохнуть подвального воздуха. В ужасе вскрикнув, Фостер отпрянул от двери. Во мраке мне померещилось какое-то движение, послышался странный шаркающий звук. Одним порывистым, но решительным движением Фостер высоко поднял лампу. Свет разогнал тьму, и мы увидели сутулую косматую фигуру в лохмотьях, с ссохшимся, как будто отмеченным проказой лицом, на котором горели глаза, свирепо буравящие нас. Под остатками монашеской рясы спина существа согнулась пополам, оно все дрожало, силясь распрямиться, стоя на самой верхней ступени лестницы.

Не хватит слов описать тот ужас омерзения, который тварь вселила в меня своим видом: когтистые руки, щели глазниц в складках гниющей плоти, страшные пятна разложения, испещрившие тело. Даже когда я увидел на лице существа неровные, покрытые пятнами шрамы в местах, где заново соединили расчлененные останки аббата, от ужаса я не мог заставить сорваться с губ крик, душивший меня.

Надтреснутым шепотом я просил Фостера отойти от двери подальше на тот случай, если скрюченная мерзость потянется к нему когтистыми лапами. Онемев от ужаса или омерзения, Фостер лишь качнул головой со словами:

— Он может просунуть руки в дверь ничуть не лучше, чем я смог бы проникнуть своими пальцами вглубь каменной кладки. — Тут он сухо рассмеялся и добавил: — И этим обстоятельством грех не воспользоваться.

С этими словами он внезапно выхватил молоток из-за пояса и занес руку для удара. Раскачивающаяся лампа от-

брасывала на лицо существа резкие тени, подчеркивая жуть разложения, словно под кожей копошились невидимые личинки. Со всей силы Фостер опустил молот на голову страшилища. Существо едва ли заметило молоток, готовый сокрушить его кости. Послышался сухой треск крошащихся костей, старых и хрупких, из мерзкой раны вытекла черная гниль. Руки аббата слабо дернулись, словно пытаясь добраться до Фостера, но тот мгновенно отпрянул, руки его уже были вне досягаемости. Молоток упал на пол, а труп заколыхался в дверях. Вместе с отвратительной черной жижей из раны в черепе пульсирующим потоком извергались извивающиеся белесые черви, падавшие на пол.

— Предание гласит, — в страшном оцепенении заговорил Фостер, — что продавшиеся дьяволу души состоят не из праха, а из жира, который разъедают черви, покуда из тления не разовьется страшный источник жизни, и мучит их сера земная, и раздуваются они ужасно, и мучаются этим... и учатся ходить, ползая!

Более не в состоянии смотреть на существо, которое, упираясь, упало на колени в обреченной попытке перебороть захлестнувшую костлявое тело слабость, я глядел в пол. Кошмарное в своей «жизни», в своей «смерти», оно смогло достичь новых измерений безобразия и ужаса. Не мог я выносить вида жгучей глубины буравящих запавших глаз, через нас проникавших взглядом в дом. Во взгляде было нечто такое, отчего сама собой во мне поднималась паника.

Вдруг за нашей спиной послышались звуки, словно кто-то быстро сбегал по лестнице. Это произошло так неожиданно, что я не смог среагировать сразу. Когда же я все-таки сообразил повернуться, мимо меня пронесся Пул. Я предостерегающе вскрикнул, но он оттолкнул меня и яростно набросился на Фостера. Маленький библиотекарь собрался обернуться, когда его настиг удар в челюсть. Даже не успев охнуть, Фостер отлетел к двери в подвал, пытаясь за нее удержаться. Но Пул не дал ему время на восстановление равновесия и со всей силы ударил в живот. Фостер сложился вдвое, и тут Пул схватил его за руку и толкнул в дверной проем. Не успел я ничего предпринять, как Фостер полетел во тьму с верхней ступени подвальной лестницы. Словно возродившись, мерзкий аббат заключил Фостера в объятия. По-видимому, не слишком по-

нимая, что делает, библиотекарь размахнулся керосиновой лампой, которую все еще сжимал в руке, и неистово огрел ею страшное существо. Гнилостное разложение, вытекающее из черепа, плеснулось на лампу, которая померкла на мгновение, а потом упала на пол. Пламя метнулось вверх, лизнуло рясу аббата, затем переключилось на лужу керосина, растекшуюся у их ног. Будто подпитываясь не пинтой-двумя керосина из резервуара лампы, а чем-то большим, гудящий огонь взмыл вверх, истребляя в ревущем лютом пламени обоих.

В отчаянии я закричал, когда внезапная вспышка опалила меня, и прикрыл глаза руками. Шагнул вперед, но жар был настолько силен, что мне пришлось отступить. Я огляделся в поисках Пула и почувствовал безрассудный гнев: единственным моим желанием было заставить Пула расквитаться за содеянное, я жаждал швырнуть его в ревущее адское пламя на ступенях, ведущих в подвал. Но стоило мне увидеть застывший на его лице ужас, как гнев мой утих. Ненависть, только что искажавшая черты его лица, бесследно исчезла.

— Я... я не мог остановиться, — в замешательстве бормотал Пул. — Не мог. — Он молящее смотрел на меня, словно искал поддержки. — Я не мог.

Я сказал, что понимаю, хотя знал: никогда мне не понять того, что здесь произошло.

Я оглянулся на затухающее пламя, в котором скорчились две вцепившиеся друг в друга фигуры. Словно разрушительные силы бессчетных столетий наконец-то обрушились на аббата, выплеснув дань мщения не только на нечестивого клирика, но и на Фостера. Угасали последние языки пламени, и на полу остались лишь обугленные и неузнаваемые осколки костей и пепел.

Оставив сотрясающегося от рыданий Пула, я вошел в кабинет посмотреть, не затаились ли в парке остальные монахи. Каково же было мое облегчение, когда я увидел первые признаки рассвета на небе над деревьями! Я подошел к вдребезги разбитому окну и выглянул в парк: ни единого существа там не было.

Ко мне шагнул Пул, я встретился с ним глазами. Если бы нервы мои не были столь напряжены, я, может, пожалел бы его, но невзгоды минувшей ночи очерствили меня. Пул

помнил, что сделал, но не помнил почему. Он, безусловно, понимал, что был одержим, но не ведал, что им руководило не его собственное невменяемое сознание, а нечто внешнее.

— Как я мог? — снова и снова повторял он. Интересно, заметил ли он то страшилище в подвале. Или же его глаза не видели ничего, кроме Фостера? Пул опять задал тот же вопрос: — Как я мог?

Во мне вскипело раздражение, сдобренное страхом, и я велел Пулу перестать строить из себя идиота.

— Разве не знаешь, кто тобой управлял?

Он в тревоге посмотрел на меня, отчего раздражение во мне только усугубилось. Я схватил Пула за руку, подтащил к двери в подвал и показал обугленные кости: все, что осталось от аббата.

— *Он* заставил тебя сотворить это, — безжалостно сказал я. — Смотри же на *него!*

При виде останков воспоминания в нем будто бы всколыхнулись, Пул содрогнулся, подался назад и упал на колени, закрыв лицо руками.

— Что же нам делать? — вопросил он.

Что мы могли сделать? Глядя на непоколебимую громаду лесов и в унылый полумрак дома, я чувствовал себя загнанным в ловушку, навечно запертым в четырех стенах, словно я застрял в ночном кошмаре, от которого невозможно пробудиться и обрести душевное равновесие. Душевное равновесие! Само это слово казалось здесь неуместным. Душевное равновесие! Что же это такое, если сама реальность уступает место безумию, когда раздвигаются завесы бытия и перед глазами возникает ухмыляющаяся маска хаоса? Какие слова утешения мог я вымолвить, если мой собственный разум скользил по направлению к безумию?

— Нужно выбраться отсюда, — наконец сказал я. — И никогда больше не возвращаться. Если мы останемся, здесь нас ждут смерть и сумасшествие.

Очнувшись, Пул спросил:

— А как же Фостер? Что мы можем сделать для него?

— Уже ничего, — ответил я. — Он умер и, надеюсь, ушел в лучший мир. Теперь мы ничего не сможем сделать для него.

— Но как же быть с его смертью? — вопрошал Пул, его голос практически срывался на крик. — Ведь я повинен в ней.

— Непреднамеренно, — напомнил я ему, глядя в холл. — Когда станет светло, мы похороним его и то, что осталось от аббата, под каменными плитами подвала. Сомневаюсь, что когда-нибудь их там найдут. Сделаем это как можно скорее и уедем... И я надеюсь, что в течение следующих месяцев мы сможем забыть то, что здесь произошло этой ночью.

Пул тут же согласился на мой план. Выбора у него не было. Он знал не хуже меня, что, если мы попытаемся объяснить полиции то, что здесь произошло, нас тут же осудят как лжецов. У нас не было убедительного способа объяснить смерть Фостера, даже если бы мы обладали достаточной силой воли, чтобы смело встретить судебное следствие по преступлению, которого не совершали.

Через несколько часов мы уехали из дома. Я гнал машину прочь из Фенли по направлению к Пиру, а оттуда мы направились к Тавестоку, где я жил. Пул остался в городе и несколько следующих месяцев провел в гостинице. Время от времени мы встречались. Я не то чтобы избегал Пула, просто мы оба поняли, что общество друг друга воскрешает в памяти воспоминания, которые лучше бы забыть. Похоже на то, что случившееся в Фенли так и осталось нашим личным секретом. Улеглась шумиха, вызванная непонятным исчезновением Фостера, но Пул так и не оправился после пережитого испытания. Сомневаюсь, что он хотя бы на мгновение смог забыть о случившемся. Судя по покрасневшим векам и осунувшемуся лицу, его мучили бессонные ночи.

Иногда он жаловался на то, что ему кажется, будто за ним следят. Он утверждал, что ночью перехватывал чьи-то взгляды, кто-то всматривался в его комнату с улицы. Я говорил ему, что виной тому расшатанные нервы и игра воображения, а еще страх перед тем, что кто-нибудь обнаружит два обугленных трупа, похороненные в его доме.

— Но пока ты являешься владельцем этого дома, никто не может проникнуть внутрь. Значит, никто ничего не узнает, — убеждал я Пула. — Не волнуйся, мы в безопасности. Забудь. Все в прошлом.

На протяжении последующих месяцев я надеялся лишь на то, что у Пула не случится психического расстройства и хватит силы воли, чтобы справиться с беспочвенными стра-

хами. В конце концов он уехал из Тавестока. Быть может, я слишком напоминал ему о том, что он хотел забыть. Его отъезд меня не расстроил. Напротив, даже принес облегчение. Порой мы писали друг другу письма. По крайней мере, их я мог отшвырнуть прочь, если содержание меня выводило из душевного равновесия, ибо Пул беспрестанно жаловался, что кто-то следит за его домом даже теперь. Было ясно, что он потихоньку теряет самообладание. Навязчивая идея настолько овладела им, что с наступлением темноты он не мог выходить из дому. «Они подстерегают меня, — как-то раз написал он из нового дома, который купил в Пире. — Выжидают удобного случая, когда я допущу оплошность».

Только прошлым вечером, когда я прочел о его смерти в газете «Обозреватель Барчестера», я впервые понял, какие кошмарные десять месяцев он пережил, потому что расчлененное, изувеченное тело Пула нашли неподалеку от его дома. Полиция никого не заподозрила. Был лишь один ключ к разгадке страшной тайны отвратительного убийства: следы праха на расчлененных останках тела и обломки человеческих ногтей, найденные в трупе. Но как выяснилось сегодня, ногти эти обладали весьма непонятным качеством, по крайней мере для полицейских, расследующих дело смерти Пула: они были очень-очень старые и никак не могли отломиться от пальцев живого человека. Как мне сказал инспектор, по-видимому, эти ногти какой-то *негодяй с извращенным* чувством юмора выкопал из могилы и вогнал в мертвое тело.

Только я один знаю правду о смерти Пула. И я уже заметил, что ночью за моим домом следят. Именно поэтому с наступлением темноты я не выхожу из дому. Я повесил распятия во всевозможных местах, через которые можно проникнуть в мой дом.

Они ждут, когда я допущу хоть одну незначительную оплошность, как это в конце концов случилось с Пулом. Они хотят отомстить и мне. Если эта рукопись попала к вам в руки, значит, я уже совершил эту оплошность. *Господи, помилуй мою душу, если это произойдет!*

ГРЭМ МАСТЕРТОН

Похищение мистера Билла

Для нашего сборника Грэм Мастертон сочинил нечто новое и неординарное. Не слишком забегая вперед, можно сказать, что «Похищение мистера Билла» — смелое сочетание древнего мифа с игрой детского воображения, вполне подходящее для данной антологии.

Последние рассказы Мастертона вышли в свет в третьем и четвертом сборниках «Голоса тьмы» («Dark Voices»), «Вампиры» («The Mammoth Book of Vampires»), «Самая горячая кровь» («Hottest Blood»), а также в книге автора «Две недели страха» («Fortnight of Fear»). На счету автора более двадцати романов в жанре ужасов, в их число входят «Гимн» («Hymn»), «Ангел тьмы» («Black Angel»), «Глубокий транс» («Death Trance»), «Жертва» («Prey»), а также роман «Ночь Манитту» («Night of the Manitou»), являющийся вторым сиквелом к первой объемной работе — «Манитту» («Manitou»).

Было самое начало пятого, когда дневной свет внезапно померк, предвещая грозу, и с неба хлынули ледяные потоки дождя. На несколько минут дорожки Кенсингтонских садов наводнились неуклюже раскачивающимися зонтами и в суматохе бегущими прочь au-pairs[1] с колясками и вопящими детьми.

Затем сады опустели, всецело предоставленные дождю, канадским гусям и порывам шквалистого ветра, срывавшим с деревьев листву. Марджори, торопливо катившая маленькую темно-синюю колясочку Уильяма, осталась совсем одна. Красный твидовый пиджак и длинная черная плиссированная юбка промокли насквозь. Когда она уходила из дому, ярко сияло солнце, а небеса были кристально чистые, словно тарелки для праздничного обеда. Поэтому у нее с собой не оказалось ни зонта, ни дождевика.

---

[1] Помощница по хозяйству (иностранка, обычно работает за кров и стол, обучаясь языку) *(фр.)*.

Марджори не думала, что задержится у дядюшки Майкла так долго, но старичок совсем одряхлел и едва справлялся с простейшими действиями. Она напоила его чаем, привела в порядок постель, пропылесосила пол, а в это время Уильям лежал на диване, дрыгал ножонками и агукал. Дядюшка наблюдал за мальчонкой слезящимися глазами, его руки двумя сморщенными желтыми листами папиросной бумаги покоились на коленях, разум старика то затухал, то прояснялся, точно так же как мерк и разгорался солнечный свет.

На прощание Марджори поцеловала дядю, который сжал ее ладонь двумя руками и прошептал:

— Ведь ты будешь хорошо заботиться о мальчугане, правда? Ты же не знаешь, кто может положить на него глаз. Тебе неизвестно, кому взбредет в голову забрать его.

— Ох, дядя, ведь ты же знаешь, что я никогда не выпускаю малыша из виду. К тому же если он кому-то нужен — что ж, милости просим. Тогда я наконец-то смогу почью выспаться.

— Не говори так, Марджори. Никогда не говори. Подумай обо всех матерях, сказавших такие слова пусть просто в шутку, а потом терзавшихся в муках оттого, что вовремя не отрезали себе языки.

— Ну, дядя... Зачем же видеть все в черном свете? Я позвоню тебе, когда доберусь до дому, чтобы узнать, все ли у тебя в порядке. А теперь мне пора. Сегодня вечером я готовлю чешуа из курицы.

Дядя Майкл кивнул.

— Чешуа из курицы... — как-то неопределенно протянул он. И затем добавил: — Про пену не забывай.

— Конечно же нет, дядя! Я же не хочу, чтобы ужин подгорел. А теперь я пойду, а ты закрой дверь на цепочку.

И вот она торопливо шагала мимо Круглого пруда. Катить коляску по мокрой траве нелегко, и Марджори замедлила шаг. Ей вспомнилась древняя китайская поговорка «К чему спешить под дождем? Ведь впереди дождь хлещет так же сильно».

До прилета канадских гусей Круглый пруд был чистый, опрятный и мирный, по нему плавали утки и маленькие игрушечные яхты. Теперь же вода стала мутной и грязной, пруд

сделался неприглядным и даже будто бы опасным, словно любимая драгоценная вещь, которую незнакомцы забрали силой и сломали. Прошлой весной у Марджори угнали «пежо». Машину разбили, в салоне мочились. Не было и речи о том, чтобы починить и вновь сесть за руль этого автомобиля. Или какого-нибудь другого.

Она вышла из-под прикрытия деревьев, и в лицо ей хлестнул холодный дождь. Уильям не спал и размахивал ручонками. Марджори знала, что он проголодался. Вернувшись домой, первым делом надо будет его накормить.

Она решила немного срезать путь и пройти напрямик между деревьев. Сбоку доносился приглушенный шум лондонского движения, над головой раздавался гулкий пронзительный рев проносившихся в вышине самолетов, но в самих садах не было ни души, они безмолвствовали, словно заколдованные. Сгустившийся под деревьями полумрак цветом напоминал замшелый старый шифер.

Она перегнулась через ручку коляски и заворковала, глядя на малыша:

— Скоро мы будем дома, мистер Билл! Совсем скоро!

Но когда она вновь распрямилась, то увидела прямо перед собой на расстоянии тридцати футов мужчину, стоящего возле дуба. Высокий сухопарый незнакомец был одет в черный плащ с поднятым воротником и черную же шляпу, скрывавшую под полями глаза, но мертвенную бледность лица ничто не могло утаить. Мужчина явно поджидал именно ее.

Забеспокоившись, Марджори остановилась и огляделась. Сердце неистово билось в груди. Ни одного человека вокруг, некого даже на помощь позвать. По листьям деревьев над головой барабанил дождь. Проголодавшийся Уильям подал голос. Она судорожно сглотнула — рот наполнился тягучей смесью желчи с привкусом кекса с цукатами. Непонятно, что предпринять.

Марджори решила: «Бежать бесполезно. Надо просто спокойно пройти мимо него. Нужно сделать вид, что мне ничуточки не страшно. К тому же ведь я качу перед собой коляску. Я мать. У меня младенец. Не может же он быть настолько жесток, чтобы...»

Ты же не знаешь, кто может положить на него глаз. Тебе неизвестно, кому взбредет в голову забрать его.

От страха ей сделалось дурно, но Марджори продолжала идти вперед. Мужчина по-прежнему стоял у дуба, не двигался и не пытался заговорить. Придется пройти совсем рядом с ним, в паре футов, но ведь до сих пор он ничем не выдал, что обратил внимание на женщину. Не было никакого намека на то, что он собрался ее остановить.

В ужасе тихо стеная про себя, на негнущихся ногах, она подходила все ближе и ближе. Вот уже проходит мимо незнакомца так близко, что видит сверкающие капли дождя на его плаще. Чувствует его запах: смесь отчетливого табачного духа и какого-то сухого и незнакомого, отдаленно напоминающего аромат сена.

Марджори подумала: «Слава богу! Он позволил мне пройти».

Но тут незнакомец неожиданно схватил ее за локоть правой рукой, рванул к себе и с такой силой швырнул о ствол дуба, что женщина услышала хруст собственной лопатки. С ноги слетела туфля.

Марджори вскрикнула, закричала еще громче. Но мужчина хлестнул ее по лицу, ударил еще сильнее.

— Что вам нужно? — кричала она. — Что вы хотите от меня?

Незнакомец молча схватил ее за отвороты пиджака и буквально вжал трепещущее женское тело в шершавый ствол дерева. Глубоко посаженные глаза мужчины скрывала шляпа, и Марджори видела лишь их блеск из-под полей. Сизые губы растянулись в жуткой ухмылке, обнажив зубы.

— Что вы хотите? — умоляющим голосом вопрошала несчастная. — Ведь я должна заботиться о ребенке. Пожалуйста, не делайте мне больно! Мне нужно присматривать за малышом!

Мужчина сорвал с нее юбку. «Господи, только не это, — мысленно молила Марджори. — Ради всего святого, только не это!» От ужаса и беспомощности ноги стали словно ватные, женщина начала падать, но незнакомец опять тряхнул ее и поставил вертикально, при этом голова так сильно ударилась о дубовый ствол, что она почти потеряла сознание.

Что было потом, она помнила смутно. С нее сорвали белье. Мужчина пытался овладеть ею. Такой сухой, мучительный, такой холодный. Даже оказавшись глубоко в ее

плоти, он все равно был словно ледяной. Марджори чувствовала капли дождя на лице. Слышала дыхание мужчины: размеренное отрывистое *хах! хах! хах!* Затем он ругался какими-то непонятными словами, подобной брани ей прежде слышать не доводилось.

Она уже собиралась произнести «Мой малыш», когда он ударил ее еще раз. Двадцатью минутами позже, на автобусной остановке на улице Бэйсуотер, ее нашла пара американцев, желающих узнать, как добраться до Трейдер-Вика.

Коляску нашли у дуба, и она была пуста.

— Надо бы нам уехать отсюда на некоторое время, — сказал Джон.

Марджори сидела у окна, покачивая в руках чашку чаю с лимоном. И смотрела по ту сторону улицы Бэйсуотер, куда вглядывалась постоянно и днем, и ночью. Волосы она обстригла совсем коротко, а бледное лицо напоминало восковую маску. Одевалась она в черное, непременно в черное.

Часы на каминной полке пробили три. Джон заговорил снова:

— Мы будем поддерживать связь с Нестой. На тот случай, если будут какие-нибудь благоприятные вести.

Марджори обернулась и слабо улыбнулась. Джон все никак не мог привыкнуть к потухшим глазам жены.

— Благоприятные вести? — переспросила она, иронизируя по поводу эвфемизма мужа.

Уильям пропал шесть недель назад. Похититель или убил его, или решил оставить у себя навсегда.

Джон лишь пожал плечами. Мужчина он был коренастый, приятной наружности, только чересчур застенчивый. Он даже думал, что никогда не женится, но, встретив Марджори на вечеринке в честь совершеннолетия младшего брата, сразу же был очарован сочетавшейся в ней робостью и резвостью, а также полетом воображения. Она поведала Джону о том, о чем ему прежде не доводилось слышать ни от одной девушки, и тем открыла ему глаза на незамысловатое очарование повседневной жизни.

Но нынешняя Марджори замкнулась в себе и предавалась горю, а Джон обнаружил, что с течением времени словно превращается в инвалида, будто он лишился способнос-

ти различать цвета и вообще видеть свет. Если не было рядом Марджори, то он не замечал прелести весеннего дня, ведь только она могла объяснить Джону, отчего все вокруг дышит вдохновением.

Она напоминала умирающую, а он потихоньку слеп.

В библиотеке зазвонил телефон. Марджори отвернулась к окну. В тусклом полуденном тумане непрерывно сновали туда-сюда такси и автобусы. Но, обособившись от всей этой суеты, за оградой стояли темные неподвижные деревья Кенсингтонских садов и скрывали тайну, за которую Марджори отдала бы все на свете: зрение, душу, да и саму жизнь.

Где-то там, в Кенсингтонских садах, все еще жив Уильям. Она знала это, чувствовала так, как может чувствовать дитя только мать. Она изо всех сил напрягала слух, пытаясь различить среди шума движения его крик. Ей хотелось выскочить на середину улицы Бэйсуотер, предостерегающе поднять руки и выкрикнуть: «Остановитесь же! Остановитесь хоть на минуту! Пожалуйста, остановитесь! Мне кажется, что я слышу плачь моего мальчика!»

Запустив пальцы в густые каштановые волосы, из библиотеки появился Джон:

— Звонил старший инспектор Кроссланд. Получено заключение судебной экспертизы. Твою одежду разрезали с помощью какого-то садового инструмента, по-видимому садовыми ножницами или серпом. Они собираются навести справки в теплицах и магазинах «Все для сада и огорода». Как знать, вдруг нападут на след. — Он помолчал, а потом добавил: — Это не все. Им передали заключение о ДНК.

Марджори вздрогнула. Ей не хотелось думать об изнасиловании. По крайней мере не сейчас. Она подумает об этом позже, когда найдется Уильям.

Когда Уильям найдется, она сможет съездить отдохнуть от этого кошмара и попытается оправиться. Когда Уильям найдется, ее сердце сможет биться вновь. Марджори чувствовала, что становится совершенно сумасшедшей, — столь страстно желала она прижать сына к груди. Только бы вновь почувствовать, как крохотные пальчики сжимаются вокруг ее...

Джон откашлялся.

— Кроссланд говорит, что в заключении о ДНК было нечто чрезвычайно странное, поэтому его готовили так долго.

Марджори не отвечала. В садах ей почудилось какое-то движение. Женщине показалось, что в высокой траве под деревьями мелькнуло что-то маленькое и белое, будто махала крохотная ручонка. Но когда она отодвинула тюль, чтобы лучше видеть, маленькое и белое пятно появилось из-под деревьев и оказалось всего лишь силихем-терьером, весело помахивающим хвостиком.

— Если верить заключению о ДНК, то напавшего на тебя мужчину нельзя назвать по-настоящему живым.

Марджори медленно повернулась к мужу.

— Что? — переспросила она. — Что ты имеешь в виду?

Сам Джон явно был сбит с толку:

— Не знаю. Ведь это кажется полнейшей бессмыслицей, верно? Но именно так сказал Кроссланд. Дословно он выразился так: мужчина был мертв.

— *Мертв?!* Как мог он быть мертв?

— Ну, похоже на то, что в данных результатов исследования очевидны некие отклонения от нормы. То есть я не хочу сказать, что тот мужчина был *на самом деле* мертв.

— Мертв, — шепотом повторила Марджори, словно теперь наконец-то ей стало все ясно. — Он был мертв.

Ранним утром в пятницу, в пять минут шестого, Джона разбудил телефонный звонок. В окно спальни барабанил дождь, позади дома рычала мусороуборочная машина.

— Говорит старший инспектор Кроссланд, сэр. Боюсь, у меня дурные вести. Мы нашли Уильяма в фонтанах.

Джон сглотнул.

— Понятно, — произнес он.

Как ни абсурдно, но ему хотелось спросить, жив ли Уильям, хотя живым он быть никак не мог. Но голос отказывался повиноваться ему.

— Посылаю к вам двух офицеров, — продолжал старший инспектор. — Один из них — женщина. Можете ли вы быть готовы через, скажем, пять-десять минут?

Джон бесшумно повесил трубку. Недвижимым замер, сидя на постели, обхватив колени руками, в глазах стояли слезы. Потом он сглотнул, вытер глаза и мягко потряс Марджори за плечо.

Она пробудилась и посмотрела на него непонимающим взглядом, словно только вернулась из других миров.

— Что? — гортанно спросила она.

Джон пытался заговорить и не мог.

— Уильям, да? — спросила она. — Они нашли Уильяма.

Хлестал дождь. Возле серых фонтанов они вместе стояли под зонтом Джона, тесно прижавшись друг к другу. Вспыхивали синие огни сигнального маячка «скорой помощи», задние дверцы распахнуты. Подошел старший инспектор Кроссланд — солидный мясистый мужчина с промокшими под дождем усами. Он приподнял шляпу и сказал:

— Всем нам очень жаль, что все так вышло. Вы знаете, что мы не теряли надежды даже тогда, когда стало очевидным, что надежды уже нет.

— Где его нашли? — спросил Джон.

— Он попал в ведущий к Длинной Воде[1] канал. Туда нападало столько листьев, что ничего не было видно. Один из работников обнаружил тело Уильяма, когда чистил решетку.

— Могу ли я его увидеть? — спросила Марджори.

Джон взглянул на старшего инспектора, беззвучно вопрошая: «Насколько он плох с виду?» Но старший инспектор кивнул и взял Марджори за локоть со словами:

— Пройдемте со мной.

Марджори послушно двинулась вместе с инспектором, чувствуя себя маленькой и замерзшей. Он подвел ее к открытым дверям машины «скорой помощи» и помог забраться внутрь. Там, завернутый в ярко-красное одеяло, лежал ее ребенок, малыш Уильям, с закрытыми глазками, мокрый завиток волос прилип ко лбу. Он был такой бледный, словно высеченный из мрамора, будто белая статуя.

— Можно я поцелую его? — спросила Марджори.

Старший инспектор Кроссланд кивнул.

Она прикоснулась губами к своему малышу, и ответом ей был студеный холод.

С улицы донесся голос Джона:

— Я тут подумал... Сколько дней он находился там?

---

[1] Длинная Вода — длинный изогнутый пруд.

— Не больше дня, сэр, так мне кажется. Он был одет в тот же комбинезончик, который был на нем в день исчезновения, причем чистый. Видно, что мальчика хорошо кормили. Нет никаких признаков дурного обращения или телесных повреждений.

Джон отвел взгляд.

— Ничего не понимаю, — проговорил он.

Старший инспектор положил руку ему на плечо:

— Вряд ли вас это утешит, сэр, но я тоже ничего не пойму.

Весь следующий день, под дождем и солнцем, Марджори бродила по Кенсингтонским садам. Она ходила по аллеям Ланкастера и Баджа, постояла у Круглого пруда. Потом шла назад мимо пруда Длинная Вода. Наконец она остановилась возле скульптуры Питера Пэна.

Снова начал накрапывать дождь, капли падали со свирели Питера, стекали по щекам, словно слезы.

«Мальчик, который так никогда не стал взрослым, — подумала Марджори. — Совсем как Уильям».

Она уже собралась было пойти дальше, как в голове ярко вспыхнул крохотный отрывок воспоминаний. Что там говорил дядюшка Майкл на прощание в день, когда похитили Уильяма?

Она сказала ему: «Сегодня вечером я готовлю чешуа из курицы».

Он повторил: «Чешуа из курицы...» — потом замолчал надолго и добавил: «Про пену не забывай».

Тогда она подумала, что речь идет о соусе. Так почему же он все-таки это сказал? Ведь прежде Майкл никогда не заговаривал о кулинарии. Дядюшка предупреждал, что, возможно, кто-то в Кенсингтонских садах наблюдает за ней. Он предостерегал ее, что некто в Кенсингтонских садах может похитить Уильяма.

Про пену не забывай.

Про Пэна не забывай.

Когда Марджори зашла в дядину квартиру, он, укутавшись в шерстяное одеяло бордового цвета, сидел на диване. В квартире пахло газом и прокисшим молоком. Сквозь тю-

левые занавески пробивался тоненький солнечный луч цвета слабозаваренного чая; дядюшкино лицо в его свете казалось совсем усохшим и желтым.

— Я как раз размышлял, когда ты придешь,— тихо прошелестел он.

— Ты ждал меня?

Он криво улыбнулся:

— Ты же мать. А матери понимают все.

Марджори опустилась на стул рядом с ним:

— В тот день, когда забрали Уильяма... ты предупреждал, чтобы я не забывала о пене... Или о Пэне... Ты имел в виду то, что я думаю?

Он взял ее руку и сжал с бесконечным состраданием, с беспредельной болью.

— Пэн — кошмар каждой матери. Каким он был, таким и останется навсегда,— вымолвил он.

— Ты хочешь сказать, что все это не просто сказки?

— Ох... Если иметь в виду то, как преподнес историю сэр Джеймс Барри — вплел туда всех этих фей, пиратов, индейцев,— то это, конечно же, сказка и выдумка. Но сказка, основанная на достоверном факте.

— Откуда ты знаешь? — спросила Марджори.— Прежде мне не доводилось слышать об этом.

Моршинистым лицом дядюшка повернулся к окну и начал рассказ:

— Знаю, потому что это произошло с моим братом и сестрой, и чуть было не случилось со мной. Год спустя, на великосветском обеде в Белгравии[1], моя мать встретила сэра Джеймса и рассказала ему о случившемся. Шел приблизительно год тысяча девятьсот первый или тысяча девятьсот второй. Она надеялась, что по следам ее рассказа он напишет статью и предупредит всех родителей, которые поверят ему, ибо авторитет сэра Джеймса был велик. Но старик оказался таким сентиментальным дураком и сказочником... Маме он не поверил, больше того, превратил ее материнскую боль и мучение в детскую сказочку. К тому же книга Барри имела такой успех, что никто с тех пор не принимал маминых предупреждений всерьез. В тысяча де-

[1] Белгравия — фешенебельные кварталы в лондонском Вест-Энде.

вятьсот четырнадцатом году она умерла в психиатрической больнице в Суррее. В свидетельстве о смерти было сказано «помешательство», вот так-то.

— Расскажи же мне о том, что случилось, — попросила Марджори. — Дядюшка Майкл, я только что потеряла своего мальчика... Ты должен все мне рассказать.

Дядя пожал костлявыми плечами:

— Сложно отличить правду от вымысла. Но в конце восьмидесятых годов девятнадцатого века в Кенсингтонских садах внезапно стали пропадать дети... только маленькие мальчики, которых похищали прямо из колясок или вырывали из рук нянек. Все они потом были найдены мертвыми... большинство в Кенсингтонских садах, некоторые в Гайд-парке и Паддингтоне... но всех их нашли именно поблизости. Иногда на нянек тоже нападали, три были изнасилованы.

В конце концов в тысяча восемьсот девяносто втором году задержали мужчину, пытавшегося похитить ребенка. Несколько нянек признали в нем насильника и похитителя. Его судили в Лондонском центральном уголовном суде, вынесли обвинение по трем статьям, тринадцатого июня тысяча восемьсот восемьдесят третьего года приговорили к смертной казни и в последний день октября повесили.

Он оказался польским моряком торгового флота, бежавшим с корабля в лондонском порту после рейса на Карибы. Команда знала его под именем Петр. Человеком он был веселым и легким, по крайней мере до тех пор, пока корабль не бросил якорь в столице Гаити — Порт-о-Пренсе. Петр провел три ночи где-то на острове, а когда вернулся, первый помощник заметил, что выражение лица у него сделалось угрюмым и отталкивающим. Петра стали одолевать частые приступы бешенства, поэтому никто не удивился, когда в Лондоне он сошел с корабля и не вернулся.

Судовой врач решил, что Петр, возможно, переболел малярией: лицо у него было мертвенно-бледное с землистым оттенком, глаза налиты кровью. Кроме того, он постоянно дрожал и что-то бормотал себе под нос.

— Но если его повесили... — перебила его Марджори.

— О да, его повесили, конечно, — продолжал повествование дядюшка. — Как положено повесили, за шею, так он и болтался, пока не умер, а потом был похоронен на терри-

тории тюрьмы Уормвуд-Скрабз. Но через год в Кенсингтонских садах опять начали пропадать мальчики, снова нападали на нянек и насиловали их, и у каждой вновь находили те же самые царапины и порезы, какие наносил своим жертвам Петр. Видишь ли, он имел обыкновение разрезать платья жертв серпом.

— Серпом? — упавшим голосом прошептала Марджори.

Дядюшка Майкл потряс рукой, согнув указательный палец в форме крюка:

— Думаешь, откуда взял сэр Джеймс идею с капитаном Крюком?

— Но и меня так порезали.

— Точно, — кивнул дядюшка Майкл. — Именно об этом и речь. Тот, кто напал на тебя, тот, кто похитил Уильяма, — это Петр.

— Что ты говоришь? Твоей истории больше ста лет! Как такое возможно?

— Точно так же в тысяча девятьсот первом году Петр пытался выкрасть из коляски меня. Моя няню пыталась отогнать его, но он полоснул ее по шее и перерезал яремную вену. Мой братец с сестренкой пытались бороться, но Петр обоих забрал с собой. Они были совсем малыши, и шансов победить взрослого у них, увы, не было. Несколько недель спустя пловец наткнулся на их тела в Серпантине[1].

Прижав костлявую старческую руку ко рту, дядюшка надолго замолчал. Затем продолжил:

— Матушка совсем обезумела от горя. Каким-то удивительным образом она знала, кто убил ее детей. Каждый день она ходила в Кенсингтонские сады и следила практически за каждым мужчиной. И наконец наткнулась на того самого. Вперившись тяжелым взглядом в двух сидящих на скамье нянек, он стоял между деревьев. Мама подошла к нему и обвинила в содеянном. Прямо в лицо сказала ему, что знает, кто он таков, — убийца ее детей.

Знаешь, что он ответил? Никогда мне не забыть о том, как мама рассказывала об этом... До сих пор мурашки бегут по коже... Вот что поведал этот Петр: «Никогда не было у меня ни отца, ни матери. И побыть ребенком мне тоже не

[1] Серпантин — пруд в Кенсингтонских садах.

удалось. Но зато одна старуха на Гаити мне обещала, что я навечно останусь молодым при условии, что стану отправлять к ней на крыльях ветра души маленьких детей. Так я и делал: целовал их, высасывал души и посылал по ветру на Гаити».

И знаешь ли, что еще сказал он матери? Вот его слова: «Хоть души твоих детей отлетели на далекий остров, но, если ты захочешь, они будут жить. Можешь пойти к их могилам, позвать их — они вернутся к тебе. Надобно только слово матери».

Мама спросила: «Кто ты? Что ты?» А он ответил одним словом: «Пан». По-польски это не что иное, как просто «человек». Поэтому мама звала его Петр Пан. Именно отсюда взял имя для своего персонажа сэр Джеймс Барри. Жуткая ирония — в действительности капитан Крюк и Питер Пэн вовсе не были врагами, а были одним и тем же человеком.

Марджори в ужасе глядела на дядюшку Майкла:

— Что же сделала бабушка? Она позвала своих детей, да?

Дядя покачал головой:

— Она приказала положить на их могилы тяжелые гранитные плиты. Потом, как я тебе уже рассказывал, попыталась доступными ей способами предупредить о Петре Пане других матерей.

— Значит, она на самом деле думала, что сможет позвать и вернуть детей к жизни?

— Думаю, что да. Но она часто говорила мне: «Что за жизнь без души?»

Марджори просидела с дядюшкой Майклом дотемна. Голова старика упала, он захрапел.

Она стояла в морге. Падающий из окна верхнего света солнечный луч высвечивал ее лицо белым. Платье было черным, и шляпка тоже. Пальцы сжимали черную сумочку.

Крышка белого гроба Уильяма была открыта, а сам он лежал на белой шелковой подушке, с закрытыми глазами, крохотные ресницы чернели на фоне мертвенно-бледных щек, губы слегка приоткрылись, словно мальчик все еще дышал.

По обе стороны гроба горели свечи, в двух высоких вазах стояли белые гладиолусы. В морге царила глубокая ти-

шина, только еле слышно доносился отдаленный рокот движения и порой глубоко внизу, легонько сотрясая основание здания, проносился поезд Центральной линии метрополитена.

Сердце Марджори стучало медленно и ровно.

«Дитя мое, — подумала женщина, — мой бедный милый малыш».

Она подошла ближе к гробу. Нерешительно протянула руку и погладила чудные детские локоны. Какие они мягкие и шелковистые! Как мучительно касаться их!

— Уильям, — выдохнула она.

Но он не шевельнулся, холодный и неподвижный. Не двигается, не дышит.

— Уильям, — громче позвала Марджори. — Уильям, дорогой, вернись ко мне. Очнись же, мистер Билл!

Но все же малыш не двигался. И не дышал.

Марджори немного помедлила. Она почти устыдилась, что поверила в россказни дядюшки Майкла. Петр Пан, как бы не так! Старик просто выжил из ума.

Тихонечко, на цыпочках, она пошла к двери. В последний раз посмотрела на Уильяма и притворила за собой дверь.

Только она отпустила ручку двери, как тишину пронзил самый дупераздирающий и пронзительный вопль из всех, что ей доводилось слышать.

В Кенсингтонских садах, среди деревьев, сухопарый человек в черном поднял голову и вслушивался и внимал, словно в завывании ветра мог различить детский плач. Он слушал, он улыбался, но не спускал глаз с двух приближавшихся молодых женщин с колясками.

«Да благословит Бог матерей везде и всюду», — подумал он.

ДЖОЗЕФ ШЕРИДАН ЛЕ ФАНЮ

Странное событие из жизни художника Схалкена

Джозеф Шеридан Ле Фаню (1814—1873) был плодовитым и популярным писателем. Родился в Дублине, в аристократической семье, обучался юриспруденции в Тринити-колледже, сотрудничал с несколькими периодическими изданиями, в том числе с «Dublon University Magasine», в котором и публиковал свои рассказы (многие анонимно).

Решающее значение для писательской биографии Ле Фаню имела ранняя смерть жены. После этой утраты он стал вести затворнический образ жизни, целиком посвятив себя художественному творчеству. Среди его книг: «Рассказы о призраках и таинственные истории («Ghost Stories and Tales of Mistery»), «Дядя Сайлас» («Uncle Silas»), сборник «Записки Пёрселла» («The Purcell Papers»).

В 1872 году вышло пять повестей Ле Фаню под общим названием «В тусклом стекле» («In a Glass Darkly»), среди них «Зеленый чай» («Green Tea»), история о девице-вампире «Кармилла» («Carmilla») и повесть, вошедшая в нашу антологию.

«Странное событие из жизни художника Схалкена» было успешно экранизировано «BBC» в 1979 году.

Вас, несомненно, удивит, друг мой, тема этой повести. Какое мне дело до Схалкена[1] или Схалкену до меня? Он вернулся к себе на родину и, вероятно, умер и был похоронен еще до моего рождения, а я никогда не бывал в Голландии и ни разу не разговаривал ни с одним его соотечественником. Все это, я полагаю, вы уже знаете. Что ж, мне остается лишь сослаться на источник и честно пояснить, почему я верю в правдивость странной истории, которую собираюсь поведать.

[1] Схалкен Готфрид (1643—1703) — голландский художник.

В юности я был знаком с неким капитаном Вэнделом, отец которого служил королю Вильгельму в Нидерландах, а потом и в моей собственной несчастной стране во время Ирландских кампаний[1]. Сам не знаю, отчего мне полюбилось его общество, и, хотя я не разделял его религиозных и политических убеждений, между нами установились приятельские отношения. Сблизившись совершенно по-приятельски, мы стали вести самые непринужденные дружеские беседы, в одну из которых капитан и поведал мне любопытную повесть, что вы сейчас услышите.

Всякий раз, навещая Вэндела, я неизменно испытывал удивление, останавливаясь перед необычной картиной, в которой я, хотя и не считал себя знатоком живописи, явственно различал неповторимые черты авторской работы, особенно в передаче световых эффектов, да и в самом замысле, возбуждавшем мое любопытство. На картине было представлено внутреннее убранство какого-то старинного храма, а на переднем плане живописец изобразил женщину, окутанную длинным белым одеянием, край которого она набросила на голову, точно вуаль. Впрочем, ее одеяние не соответствовало ни одному монашескому ордену. В руке женщина держала лампу, свет которой озарял лишь ее лицо и фигуру. Черты ее оживляла лукавая улыбка, столь украшающая пригожих молодых женщин, задумавших удачную шалость или проказу. На заднем плане, почти совершенно скрытая в тени и едва освещаемая тусклым, затухающим огнем, виднелась фигура мужчины в старинном платье, в камзоле, явно чем-то встревоженного и положившего руку на эфес шпаги, словно вот-вот вытащит ее из ножен.

— Есть картины, — сказал я другу, — глядя на которые почему-то убеждаешься в том, что на них запечатлены не образы, порожденные воображением живописца, а подлинные сцены, реальные лица и события. Например, я совершенно уверен, что на этой картине представлена сцена из жизни.

---

[1] Ирландские кампании — войны между сторонниками Вильгельма Оранского и Якова II Стюарта, закончившиеся поражением последнего в сражении на реке Бойн в 1690 г. и закрепившие зависимость Ирландии от Англии.

Вэндел улыбнулся и, не сводя с картины задумчивого взгляда, ответил:

— Ваша догадка верна, мой добрый друг, ведь эта картина — свидетельство необычайных и таинственных событий, и, полагаю, свидетельство верное. Ее написал Схалкен, а женщина на переднем плане — не кто иной, как Роза Велдеркауст, племянница Герарда Доу[1], первая, и, вероятно, единственная любовь Готфрида Схалкена: портретное сходство не оставляет сомнений. Мой отец лично знал художника, и тот поведал ему таинственную драму, одна из сцен которой запечатлена на этой картине. Полотно это, считающееся прекрасным образцом авторского стиля Схалкена, завещал моему отцу сам живописец, и, как вы видите, оно представляет собою своеобразное и любопытное произведение искусства.

Стоило мне попросить Вэндела, как он тотчас удовлетворил мою просьбу и рассказал эту историю. Таким образом, я могу изложить вам всю повесть целиком, ничего не упустив и предоставив вам решать, считать ли это преданье рассказом об истинных событиях. Могу лишь прибавить, что Схалкен был честным, простоватым голландцем, совершенно не склонным к измышлениям и пустым выдумкам, и, кроме того, Вэндел, поведавший мне эту повесть, был совершенно убежден в ее правдивости.

Не много найдется тех, кому плащ романтического любовника и флер таинственности пристали бы менее, чем голландскому увальню Схалкену, неуклюжему и грубому, угрюмому и неотесанному. Впрочем, он был чрезвычайно одаренным живописцем, полотнами которого нынешние знатоки восхищаются не менее бурно, чем возмущались утонченные ценители — его современники. Однако этого человека, столь ленивого, вялого и сонного, отталкивающего грубостью манер и всего облика в зрелые годы, когда он был взыскан фортуной, в юности не обошла своим вниманием капризная богиня, избравшая его героем истории романтической, таинственной и необычайной.

Кто знает, подходила ли ему в юности роль любовника и героя? Кто знает, был ли он в молодые годы тем резким,

[1] Доу Герард (Геррит; 1613–1675) — известный голландский художник, ученик Рембрандта, прославившийся главным образом своими жанровыми картинами.

неотесанным, неповоротливым мужланом, каким стал впоследствии? И не явилась ли ничем не искоренимая грубость его лица, платья и манер порождением того безграничного безразличия ко всему, которое зачастую охватывает человека, пережившего в юности несчастья и разочарования?

Нам не узнать ответов...

Посему надлежит ограничиться простым изложением фактов, а об остальном пусть гадают любители досужих домыслов.

В молодые годы Схалкен учился в мастерской Герарда Доу. Несмотря на присущие ему, как, вероятно, и большинству его соотечественников, флегматичный нрав и вместе с тем раздражительность, в юности он обладал способностью чувствовать глубоко и живо, ведь всем известно, что молодой художник заглядывался на прелестную племянницу своего богатого учителя.

Розе Велдеркаут в ту пору не исполнилось и семнадцати лет, и, если предание не лжет, она была истинной фламандской красавицей — пухленькой, белокурой и розовощекой. Вскоре после того, как Схалкен начал обучение у живописца Доу, его увлечение Розой переросло в страсть куда более сильную и пылкую, чем можно было ожидать от спокойного и невозмутимого голландца. Вместе с тем он решил, или ему только почудилось, что Роза стала оказывать ему знаки расположения, и потому, отринув все сомнения, которые, возможно, терзали его прежде, он всецело отдался своему чувству. Коротко говоря, он влюбился настолько, насколько вообще способен влюбиться голландец. Спустя недолгое время он признался красавице в нежной страсти, и она в свою очередь не утаила от него, что и он ей небезразличен.

Однако Схалкен был беден, не мог похвастаться ни высоким происхождением, ни положением в обществе, а старик едва ли согласился бы отдать свою племянницу и воспитанницу за безродного художника, с которым ей предстояло изведать одни невзгоды и лишения. Посему оставалось лишь ждать, что время вознаградит его усилия и что фортуна ему улыбнется, и тогда, если работы его станут приносить доход, ее несговорчивый опекун, возможно, хотя бы выслушает его предложение. Проходили месяцы, и Схалкен, ободряемый улыбкой малютки Розы, удвоил усилия, столь усовершенствовал свой талант и добился столь значительных успехов, что мог осуществить

свои надежды и по прошествии нескольких лет обещал стать незаурядным художником.

Однако это ровное и благополучное течение жизни, к несчастью, было внезапно и зловеще прервано событиями такими странными и таинственными, что никто не в силах был объяснить их и расследовать, событиями, невольно внушавшими суеверный страх.

Однажды вечером Схалкен задержался в мастерской учителя намного дольше, чем его легкомысленные товарищи, которые под предлогом наступления сумерек с радостью побросали мольберты и кисти, чтобы закончить день веселой пирушкой в ближайшем кабачке.

Но Схалкен стремился к совершенству, его вдохновляла любовь. К тому же сейчас он как раз делал эскиз будущей композиции, а для этой работы, в отличие от живописи, достаточно самого слабого света, позволяющего различить штрихи угля на холсте. В ту пору он еще сам не сознавал, на что способен его карандаш, и не скоро это открыл. Он увлеченно набрасывал на холсте сонм чрезвычайно проказливых бесов и демонов самого причудливого вида, подвергавших замысловатым пыткам вспотевшего, толстобрюхого и казавшегося совершенно пьяным святого Антония, который растянулся на земле посреди суетящихся тварей.

Однако молодой художник, не способный создать, да и просто оценить, истинно утонченное произведение искусства, был тем не менее достаточно проницателен и не мог удовлетвориться результатами своей работы. Он снова и снова терпеливо стирал и перерисовывал лицо и фигуру святого, но отвергал и новые варианты, находя их слабыми и неудачными.

В большой мастерской, убранной в старинном вкусе и покинутой ее обычными обитателями, царила тишина, Схалкен работал в полном одиночестве. Прошел час, другой, а он был по-прежнему недоволен эскизом. Дневной свет давно сменили сумерки, в свою очередь сменившиеся тьмой. Терпение молодого художника истощилось, и, стоя у незавершенной картины, он предавался неутешительным размышлениям, запустив одну руку в длинные черные космы, а другую, которой до того сжимал уголь, столь скверно справившийся со своей задачей, машинально вытирал о широкие фламандские штаны, оставляя на них черные полосы.

— Тьфу! — воскликнул он наконец. — Да пошла эта картина вместе с демонами, святым и со всем прочим к дьяволу!

В ответ над самым его ухом, немало его напугав, тотчас раздался отрывистый смех.

Художник резко обернулся и только тут осознал, что все это время за его работой наблюдал незнакомец.

На расстоянии вытянутой руки у него за спиной словно бы притаился то ли и вправду пожилой человек, то ли кто-то, пожилым человеком ему показавшийся. Был он в коротком плаще, широкополой островерхой шляпе, в руке, скрытой тяжелой перчаткой, напоминавшей латную перчатку рыцаря, держал длинную трость черного дерева, судя по тусклому в сумерках блеску, с массивным золотым набалдашником, а на груди у него, под складками плаща, в сумерках мерцали звенья роскошной золотой цепи.

В комнате стояла полутьма, так что Схалкен не мог разглядеть незнакомца, а низко опущенные поля шляпы бросали тень на лицо, совершенно его скрывая. Из-под этой траурной шляпы выбивались густые волосы, и, судя по их темному цвету и по прямой осанке, незнакомец едва ли достиг шестидесяти лет.

В облике этого человека было что-то мрачное и величественное. Однако самое странное, если не сказать жутковатое, впечатление производила его каменная неподвижность, невольно вселявшая трепет, и потому раздраженный художник прикусил язык и воздержался от запальчивых замечаний. Несколько оправившись от испуга, он любезно предложил незнакомцу сесть и спросил, не нужно ли передать что-нибудь учителю.

— Скажите Герарду Доу, — произнес неизвестный, не пошевелившись и не сделав ни единого жеста, — что минхер Вандерхаузен из Роттердама желает поговорить с ним завтра вечером, в этот же час и по возможности в этой же комнате, о некоем важном деле. Это все. Доброй ночи.

Передав это послание, незнакомец резко повернулся и быстрыми, но бесшумными шагами вышел из мастерской, прежде чем Схалкен успел опомниться.

Молодому человеку стало любопытно, куда же, выйдя из дома, направится житель Роттердама, и потому он кинулся к окну и припялся наблюдать за входной дверью.

Мастерскую отделяла от входной двери просторная и длинная передняя, и Схалкен занял свой пост, до того как старик вышел из дома.

Однако он ждал напрасно, а другого выхода не было.

Неужели старик исчез? Или притаился в укромном уголке передней, лелея какое-нибудь коварное намерение? При мысли об этом Схалкен преисполнился ужаса, безотчетного, но столь сильного, что не мог ни оставаться долее в мастерской, ни заставить себя спуститься в переднюю.

Однако, переборов свой непонятный страх, он все же решился выйти из комнаты и, тщательно заперев дверь, спрятав ключ в карман и не смотря по сторонам, прошел по коридору, где только что побывал, а может быть, хоронился до сих пор таинственный гость. Лишь оказавшись на улице, Схалкен вздохнул с облегчением.

— Минхер Вандерхаузен, — задумчиво повторял Герард Доу, когда приблизился назначенный час, — минхер Вандерхаузен из Роттердама! Я и имени-то его никогда не слышал. Что ему от меня надобно? Может быть, хочет заказать портрет, а то отдать мне в обучение младшего сына или бедного родственника... А может быть, оценить собрание картин? Тьфу ты, в Роттердаме уж точно не найдется никого, кто мог бы оставить мне наследство! Что ж, мы скоро узнаем, зачем он приходил!

День уже клонился к закату, и за мольбертом из учеников Доу оставался один Схалкен. Герард Доу в нетерпеливом ожидании расхаживал по мастерской взад-вперед, вполголоса напевая отрывки мелодий собственного сочинения, так как, не будучи великим знатоком музыки, он все же восхищался этим искусством. По временам он останавливался взглянуть на какую-нибудь ученическую работу, но чаще подходил к окну, наблюдая за прохожими, спешащими по мрачному переулку.

— Послушай, Готфрид! — воскликнул Доу, устав от долгого и бесплодного ожидания и обернувшись к Схалкену. — Разве он не назначил встречу на семь по ратушным часам?

— Когда он явился, как раз пробило семь, сударь, — ответил ученик.

— Что ж, тогда он вот-вот появится, — заключил художник, сверяясь с большими круглыми, размером ничуть не

меньше спелого апельсина, часами. — Так ты сказал, минхер Вандерхаузен из Роттердама?

— Да, так он представился.

— Пожилой человек в богатом платье? — продолжал допытываться Доу.

— Насколько я заметил, — откликнулся ученик, — он далеко не молод, но и не так уж стар, а одет был богато и пышно, как приличествует состоятельному и почтенному горожанину.

В это мгновение гулкие размеренные удары ратушных часов возвестили наступление седьмого часа. Взгляды мастера и ученика невольно обратились к двери, а когда замер последний звон старинного колокола, Доу провозгласил:

— Ну, вскоре пожалует его милость, если, конечно, он намерен сдержать слово. Если нет, можешь подождать его, Готфрид, — тебе, поди, по вкусу придется общество старого бургомистра. Что же до меня, то я полагаю, в нашем добром старом Лейдене таких товаров и без него довольно — нечего из Роттердама ввозить.

Схалкен послушно рассмеялся, а Доу, помолчав несколько минут, продолжал:

— Что, если все это шутка, маскарад, затеянный Ванкарном или еще каким-нибудь бездельником? Жаль, что ты не рискнул хорошенько отколотить этого бургомистра, губернатора, или как бишь его, дубиной. Ставлю дюжину рейнского, что его милость стал бы молить о пощаде под предлогом старой дружбы, не выдержав и трех ударов.

— Вот он идет, сударь, — тихо, предостерегающим тоном произнес Схалкен, и в тот же миг, повернувшись к двери, Герард Доу увидел того, кто накануне столь неожиданно предстал взору Схалкена.

Облик и осанка незнакомца тотчас убедили художника в том, что перед ним не ряженый, а человек почтенный и уважаемый. Потому он без промедления сдернул с головы берет, вежливо поприветствовал его и предложил ему сесть.

Гость слегка помахал рукой, словно благодаря за любезность, но не стал садиться.

— Я имею честь видеть минхера Вандерхаузена из Роттердама? — спросил Герард Доу.

— Да, это я, — последовал лаконичный ответ.

— Насколько я понял, ваша милость желает говорить со мною, — продолжал Доу, — и вот я здесь, в назначенный час, к вашим услугам.

— Этому человеку можно доверять? — осведомился Вандерхаузен, обернувшись к Схалкену, стоявшему чуть поодаль, позади учителя.

— Разумеется, — подтвердил Герард.

— Тогда пусть отнесет эту шкатулку любому ювелиру или золотых дел мастеру по соседству, чтобы тот оценил ее содержимое, а потом возвращается с распиской, удостоверяющей его ценность.

С этими словами он передал Герарду Доу маленький ларчик, дюймов девяти в длину и в ширину, и тот был немало удивлен как его тяжестью, так и странной внезапностью подобного предложения.

Выполняя желание незнакомца, он передал его в руки Схалкена и, повторив указания, отослал Схалкена с необычным поручением.

Схалкен надежно укрыл драгоценную ношу складками плаща и, быстро миновав несколько узеньких переулков, остановился возле углового дома, нижний этаж которого в ту пору арендовал еврей-ювелир.

Схалкен вошел в мастерскую и, вызвав хозяина в темные задние комнаты, положил перед ним ларчик Вандерхаузена.

При свете лампы стало заметно, что на ларчик нанесен слой свинца, испещренного царапинами, покрытого грязью и почти побелевшего от времени. Когда ювелир с трудом удалил часть свинцового покрытия, под ним обнаружилась шкатулка темного и чрезвычайно твердого дерева. Замочек на ней тоже не без усилий взломали, и глазам Схалкена и ювелира предстали туго завернутые в льняное полотно, тесно заполнявшие шкатулку золотые слитки, — все как один, по словам еврея, без малейшего изъяна.

Каждый слиток крошечный еврей подверг самому тщательному осмотру. Казалось, он испытывал чувственное наслаждение, осязая и взвешивая эти маленькие брусочки драгоценного металла, и опускал обратно в шкатулку с неизменным восклицанием: «Майн готт, само совершенство! Ни грана примеси! Чудо, истинное чудо!»

Наконец процедура оценки была завершена, и еврей выдал Схалкену расписку, удостоверяющую, что стоимость слитков, представленных ему для осмотра, равняется многим тысячам риксдалеров.

Спрятав вожделенную грамоту за пазухой, осторожно взяв шкатулку с золотом под мышку и укрыв ее складками плаща, он отправился в обратный путь и, войдя в мастерскую, обнаружил, что его учитель и незнакомец негромко, но увлеченно что-то обсуждают.

Дело в том, что едва Схалкен вышел из комнаты, дабы выполнить возложенное на него поручение, как Вандерхаузен обратился к Герарду Доу со следующими словами:

— Нынче вечером я могу задержаться у вас всего на несколько минут, а посему без промедления приступлю к делу, которое привело меня сюда. Месяца четыре тому вы побывали в Роттердаме, и вот тогда-то я и приметил в церкви Святого Лаврентия вашу племянницу, Розу Велдеркауст. Я хочу взять ее в жены, и если в мою пользу говорит то, что я несметно богат, богаче любого, кого вы могли бы выбрать ей в мужья, то, полагаю, вы сделаете все, что в ваших силах, чтобы помочь моему намерению осуществиться. Если вы принимаете мое предложение, то покончим с этим делом немедля, не тратя время на размышления и проволочки.

Герард Доу, вероятно, был поражен внезапным признанием минхера Вандерхаузена, однако не выказал неуместного удивления. От неловкости художника удержало не только благоразумие и вежливость: он ощущал странный озноб и какую-то гнетущую подавленность, чувство сродни тому, что испытывает человек, случайно соприкасаясь с предметом, к которому питает естественное отвращение, то есть безотчетный страх и ужас. Потому он и не решался в присутствии эксцентричного незнакомца произнести что-то, что можно было бы хоть отчасти счесть оскорбительным.

— Нимало не сомневаюсь, — сказал Герард, предварительно несколько раз откашлявшись, — что ваше предложение чрезвычайно выгодно, а равным образом и почетно для моей племянницы. Однако вы, конечно, сознаете, что решение принимать ей и что, как бы мы ни радели о ее благополучии, она может заупрямиться.

— Не пытайтесь обмануть меня, господин художник, — оборвал его Вандерхаузен. — Вы ее опекун, а она ваша воспитанница, вверенная вашему попечению. Она отдаст мне руку, если *вы* того пожелаете.

С этими словами Вандерхаузен немного приблизился к Доу, и тот, сам не зная почему, мысленно взмолился, чтобы Схалкен вернулся побыстрее.

— Я намерен, — продолжал таинственный незнакомец, — предоставить вам свидетельство моего богатства и залог моей щедрости, которую обещаю проявлять к вашей племяннице. Сейчас ваш ученик вернется с суммой, в пять раз превосходящей то состояние, на которое она по праву может рассчитывать в браке. Этими деньгами, а равно и ее приданым, вы будете распоряжаться по вашему усмотрению так, чтобы они приносили ей выгоду. Состоянием будет распоряжаться ваша племянница безраздельно на протяжении всей жизни, я не стану на него притязать. Разве это не великодушно?

Доу согласился, подумав, что судьба чрезвычайно благосклонна к Розе. Незнакомец, размышлял Доу, наверняка очень богат и щедр, и таким предложением, пусть сделанным человеком капризным, эксцентричным и дурным собою, пренебрегать не следует.

Роза не могла притязать на блестящую партию, имея лишь малое приданое, а в сущности не имея никакого, кроме того, что дал ей дядя. Не вправе она была подвергать сомнению и родовитость будущего жениха, так как сама не могла похвалиться высоким рождением. Что же до других возможных возражений, Герард решил пока их не слушать, а обычаи того времени вполне оправдывали подобное поведение.

— Сударь, — обратился он к незнакомцу, — ваше предложение необычайно лестно, и если некоторые колебания и не позволяют мне принять его немедля, то единственно потому, что я ничего не ведаю о вашем происхождении и положении в обществе. Но, разумеется, вы можете без труда разрешить все мои сомнения.

— То, что я человек добропорядочный, — сухо ответил незнакомец, — вам пока придется принять на веру. Не донимайте меня расспросами: вы узнаете обо мне ровно столько, сколько я сочту нужным вам открыть. У вас будет до-

статочный залог моей добропорядочности — мое слово, если вы честны, и мое золото, если вы негодяй.

«Вот ведь старый брюзга, — подумал Доу, — его не переспоришь. Впрочем, принимая во внимание все обстоятельства, я имею право отдать за него Розу. Да будь она даже моей родной дочерью, я поступил бы так же. Однако без нужды я не возьму на себя никаких обязательств».

— Без нужды вы не возьмете на себя никаких обязательств, — как ни странно, сказал Вандерхаузен, словно прочитав мысли своего собеседника, — но, полагаю, сделаете это, если возникнет в том необходимость, а я докажу вам, что без подобных обязательств не обойтись. Если вы согласны оставить у себя золото, которое я намерен вам передать, и если вы не отвергнете тотчас мое предложение, то, прежде чем я выйду из этой комнаты, вам придется своей подписью подтвердить помолвку.

С этими словами Вандерхаузен вручил Герарду бумагу, в которой значилось, что Герард Доу обязуется отдать Розу Велдеркауст за Вилкена Вандерхаузена, жителя Роттердама, и так далее, в течение недели по подписании указанного договора.

Когда художник читал это соглашение, Схалкен, как мы уже упоминали, вошел в мастерскую и, вернув незнакомцу шкатулку и полученную от еврея расписку, собирался было уйти, но тот велел ему повременить и, в свою очередь передав шкатулку и расписку Доу, стал безмолвно ждать, пока художник удостоверится в подлинности залога. Наконец он спросил:

— Вы удовлетворены?

Художник ответил:

— Позвольте мне подумать еще один день.

— Я не дам вам и часа, — холодно отозвался поклонник Розы.

— Что ж, хорошо, — произнес Доу. — Я согласен. По рукам!

— Тогда подпишите немедля, — сказал Вандерхаузен. — Я устал ждать.

С этими словами он извлек из-под плаща маленький ящичек с писчими принадлежностями, и Герард поставил под важным документом свою подпись.

— А этот юноша пусть засвидетельствует заключение договора, — добавил старик, и Готфрид Схалкен, сам того не

подозревая, подписал соглашение, навеки отдававшее другому руку той, что составляла предмет его страсти и награду всех его усилий.

После того как стороны завершили заключение договора, старик сложил документ и тщательно спрятал его во внутреннем кармане.

— Я навещу вас завтра ввечеру, Герард Доу, в девять часов, в вашем доме, чтобы увидеть предмет нашей сделки. Прощайте.

Закончив эту тираду, Вилкен Вандерхаузен удалился, по-прежнему держась чопорно, но быстрыми шагами.

Схалкен, стремясь разрешить свои сомнения, бросился к окну, чтобы понаблюдать за входной дверью, но в результате его опасения лишь усилились, так как старик не вышел из дома. Это было совершенно непонятно, очень странно и жутко. Схалкен и его учитель вместе вернулись в мастерскую, по пути обменявшись лишь несколькими словами, потому что каждый был погружен в свои размышления, снедаем своими тревогами и лелеял свои упования.

Схалкен, однако, даже не подозревал о близком крушении надежд, которые он так долго питал.

Герард Доу не догадывался о сердечной склонности, связывавшей его племянницу и его ученика, а если бы и знал о ней, то едва ли счел бы ее серьезным препятствием на пути осуществления желаний минхера Вандерхаузена.

В ту пору в Голландии заключали браки, руководствуясь соображениями выгоды и расчета, и требовать, чтобы брачный союз зиждился на взаимности, показалось бы опекуну столь же нелепым, сколь составлять долговые расписки и вести расходные книги на языке рыцарских романов.

Однако художник не посвятил племянницу в подробности важного шага, который он предпринял в ее интересах, а его решимость пока сохранить свой поступок в тайне происходила вовсе не оттого, что он предвидел ее негодование. Скрыв от нее заключение помолвки, он был движим исключительно неуютным сознанием, что, попроси Роза (а это было бы вполне естественно) описать облик избранного им жениха, он будет вынужден признаться, что не видел его лица и даже не сумеет в случае необходимости узнать его.

На следующий день, отобедав, Герард Доу послал за племянницей, удовлетворенно осмотрел ее с головы до ног, взял за руку и, глядя с добродушной улыбкой в ее хорошенькое, невинное личико, произнес:

— Роза, девочка моя, твоя красота принесет тебе богатство.

Роза покраснела и улыбнулась.

— Такая пригожая, да еще добронравная и покладистая... Это сочетание — редкостный любовный напиток, и мало отыщется умов и сердец, способных ему противостоять... Поверь мне, скоро к тебе начнут свататься, девочка моя. Впрочем, я все шучу и шучу, а мне надобно спешить, так что приготовь большую гостиную к восьми вечера и распорядись подать ужин к девяти. Сегодня я жду гостя. Да не забудь, дитя мое, нарядиться поизысканнее. Я не хочу, чтобы нас сочли бедняками или неряхами.

С этими словами он вышел из комнаты и направился в мастерскую, где в это время работали его ученики.

На исходе вечера Герард позвал Схалкена, который собирался было вернуться в свою темную и неприютную съемную каморку, и пригласил его поужинать вместе с Розой и Вандерхаузеном.

Он, разумеется, принял приглашение, и вскоре Герард Доу и его ученик уже сидели в изящно и несколько старомодно убранной комнате, приготовленной к приходу гостя.

В широком камине весело потрескивали дрова, чуть в стороне к нему придвинули старомодный, с украшенными богатой резьбой ножками стол, на который слуги собирались поставить изобильные кушанья, в это время приготовляемые на кухне. Вокруг стола, на равном расстоянии друг от друга, расставили стулья с высокой спинкой, неуклюжесть которых с лихвой искупало их удобство.

Маленькая компания, состоявшая из Герарда, Розы и Схалкена, ожидала прихода гостя с явным нетерпением.

Наконец пробило девять, тотчас с улицы донесся стук в дверь, слуги не мешкая отворили, и лестница заскрипела под медленными, тяжелыми шагами. Вот они приблизились, вот заныли под ними половицы в передней, вот медленно распахнулась дверь гостиной, где собралось описанное общество, и в комнату вошел давешний незнакомец, поразивший,

если не ужаснувший, флегматичных голландцев и чуть было не заставивший Розу вскрикнуть от страха. Весь облик и одеяние говорили о том, что это давешний незнакомец, манеры, стать и рост свидетельствовали о том, что это минхер Вандерхаузен, однако его лица не видел прежде ни один из присутствующих.

Когда незнакомец остановился на пороге, все смогли хорошо разглядеть его черты и фигуру. Он был облачен в темный суконный плащ, короткий и широкий, не закрывавший коленей, и в темно-фиолетовые шелковые чулки, а на башмаках его красовались банты того же цвета в виде пышных роз. В вырезе плаща виднелось нижнее платье из какой-то темной, возможно траурной, материи, а руки скрывали грубые кожаные перчатки, с высокими раструбами, наподобие латных перчаток рыцаря. В одной руке он держал трость и шляпу, которую снял, войдя в дом, другая бессильно свисала вдоль туловища. На плечи его ниспадали пряди густых, тронутых сединой волос, спускавшиеся на жесткий плоеный воротник, полностью закрывавший шею.

Казалось бы, минхер Вандерхаузен был одет и держался, как подобает почтенному горожанину, но лицо! — лицо его заливала мертвенная, едва ли не синеватого оттенка бледность, какой придают коже обильно назначаемые целебные препараты металлов. Огромные глаза почти вылезали из орбит, а белки виднелись выше и ниже глазного яблока, придавая взору выражение безумия, которое лишь подчеркивала их остекленевшая неподвижность. Нос можно было вообразить на человеческом лице, зато рот был страшно перекошен, а угол рта изуродовали два длинных пожелтевших клыка, выступавших из верхней челюсти и вонзавшихся в нижнюю губу. Сам цвет губ был едва ли не черным. На лице незнакомца застыло выражение неописуемой, почти дьявольской злобы, и такое сочетание ужасных черт и в самом деле нельзя было объяснить, лишь предположив, что это труп некоего чудовищного грешника и злодея, долго гнивший на виселице, пока наконец не стал обиталищем гнусного демона, нашедшего приют в его теле ради сатанинской забавы.

Нетрудно было заметить, что почтенный незнакомец старается по возможности не показывать открытые части тела и что во время своего визита он ни разу не снял перчатки.

Несколько минут простояв на пороге, Герард Доу в конце концов собрался с духом и нашел в себе силы поприветствовать незнакомца. В ответ тот, безмолвно кивнув, прошел в гостиную.

Во всех его движениях было что-то необъяснимо странное, даже жутковатое, непонятная скованность, зловещая неестественность, словно всеми его членами управлял дух, не привыкший обращаться с таким механизмом, как тело.

Во время визита, продолжавшегося не более получаса, незнакомец едва ли вымолвил хоть слово, а хозяин с явным трудом заставил себя произнести несколько положенных приветствий и вежливых банальностей. В самом деле, облик Вандерхаузена вселял в присутствующих такой трепет, что казалось, еще немного, и они с воплями ужаса бросятся прочь из комнаты.

Однако они не настолько утратили самообладание, чтобы не заметить две страшные особенности, отличавшие минхера Вандерхаузена.

В течение получаса он ни разу не закрыл глаза и даже ни разу не моргнул, а кроме того, держался совершенно неподвижно, точно неживой, так как грудь его не вздымалась и не опадала, словно он и не дышал вовсе.

Эти детали его облика, сами по себе как будто незначительные, произвели на маленькое общество самое тягостное впечатление. Наконец Вандерхаузен избавил лейденского художника от своего зловещего присутствия, и маленькая компания с великим облегчением услышала, как за ним затворилась входная дверь.

— Дядюшка, — воскликнула Роза, — какой урод! За все сокровища Америки я бы больше не согласилась и часа провести в его обществе!

— Тише, глупышка! — оборвал ее Доу, томимый крайней неловкостью. — Мужчина может быть безобразнее самого дьявола, но, коль скоро его душа чиста, а деяния праведны, он ничуть не уступает всем этим хорошеньким, расфранченным юнцам, что слоняются без дела в парках да по набережным. Роза, девочка моя, он и вправду куда как нехорош собой, но я знаю, что он богат и щедр, и будь он в десять раз отвратительнее...

— Быть такого не может, — вставила Роза.

— ...двух этих добродетелей достало бы, — продолжал ее дядя, — чтобы искупить его безобразие, и если они и не в силах изменить его черты, то по крайней мере позволят забыть о том, как он непригож.

— Знаешь, дядя, — заметила Роза, — едва я увидела его на пороге, как не могу отделаться от мысли, что передо мной старинная деревянная расписная фигура из церкви Святого Лаврентия в Роттердаме, которой я так боялась в детстве.

Герард рассмеялся, однако мысленно не мог не подивиться и вправду поразительному сходству. Тем не менее он решил по возможности пресекать любые попытки племянницы посмеяться над нареченным, хотя весьма обрадовался, заметив, что Роза, по-видимому, совершенно не испытывает перед незнакомцем того необъяснимого страха, который, как он не мог себе не признаться, охватывал в присутствии Вандерхаузена его самого и его ученика Готфрида Схалкена.

На следующее утро из городских лавок для Розы стали доставлять штуки шелка и бархата, драгоценности и всевозможные богатые подарки. Кроме того, Герарду Доу пришло послание, в коем содержался составленный по всем правилам брачный контракт, скреплявший союз между Вилкеном Вандерхаузеном, проживающим на набережной Бом-Кай, в Роттердаме, и Розой Велдеркауст из Лейдена, племянницей Герарда Доу, магистра живописи, уроженца того же города. В брачном контракте значилось, что Вандерхаузен предоставляет Герарду Доу право распоряжаться ее имуществом на куда более щедрых условиях, чем он полагал раньше, поскольку состояние Розы, согласно контракту, целиком и полностью передавалось в руки Герарда Доу.

Я не собираюсь описывать сентиментальные сцены, сетовать на жестокость опекунов, оплакивать благородство воспитанниц или изображать страдания влюбленных. Я излагаю историю подлости, легкомыслия и своекорыстия. Спустя менее чем неделю после первой встречи, о которой мы только что упомянули, Вилкен Вандерхаузен и Роза Велдеркауст, согласно условиям контракта, вступили в брак, и Схалкен увидел, как предметом его страстных желаний, ради которого он готов был все поставить на карту, с торжеством завладел зловещий соперник.

Несколько дней он не появлялся на занятиях, а по возвращении принялся за работу пусть и с меньшим жаром, зато с еще большим усердием и решимостью, ведь романтические мечты сменились для него мечтами честолюбивыми.

Проходили месяцы, и, против всех ожиданий и даже в нарушение всех обещаний, Герард Доу не имел никаких известий от своей племянницы или ее почтенного супруга. За процентами с капитала, которые по условиям брачного договора его племяннице полагалось получать раз в три месяца, к Герарду никто не приходил. Он не на шутку встревожился.

Местожительство минхера Вандерхаузена в Роттердаме ему было хорошо известно. После некоторых колебаний он в конце концов решился отправиться туда сам, совершив недолгое и необременительное путешествие, и таким образом убедиться в здравии и благополучии племянницы, к которой был глубоко и искренне привязан.

Однако все его поиски оказались напрасны. Никто в Роттердаме даже не слышал о минхере Вандерхаузене.

Герард Доу обошел все дома на набережной Бом-Кай, но тщетно. Никто не мог сообщить ему никаких сведений, касающихся предмета его поисков, и он вынужден был вернуться в Лейден ни с чем.

По возвращении он поспешил в контору, где Вандерхаузен нанимал неуклюжую, но по тем временам необычайно роскошную карету, которая должна была доставить его самого и его невесту в Роттердам. От кучера он узнал, что, двигаясь медленно, с частыми остановками, к ночи они достигли Роттердама. Однако, когда до городской черты оставалась примерно миля, путь карете преградили несколько мужчин в скромных старомодных платьях, с усами и остроконечными бородками, неведомо откуда взявшихся посреди дороги. Кучер в страхе натянул вожжи, решив, что в столь поздний час на пустынной дороге стал жертвой разбойников.

Однако его опасения несколько развеял большой старинный паланкин, который эти странные люди принесли и немедленно опустили на землю. После этого жених, открыв изнутри дверцу кареты, вышел, помог выйти горько плакавшей и ломавшей руки невесте, отвел ее в паланкин, усадил и сам занял место рядом с нею. Странные люди тотчас

окружили носилки, подняли их, быстро удалились в сторону города, и не успели они пройти и десятка шагов, как их поглотила тьма и они скрылись с глаз голландского автомедона.

В карете он обнаружил кошель с суммой денег, трижды превосходившей плату за ее наем и услуги кучера. Более он не видел ни минхера Вандерхаузена, ни его прекрасную супругу и не мог о них ничего сообщить. Их таинственное исчезновение чрезвычайно взволновало и едва ли не повергло в скорбь Герарда Доу.

Вандерхаузен явно обманул его при заключении сделки, хотя зачем ему это понадобилось, Герард никак не мог взять в толк. Он сильно сомневался в том, что человек, облик которого несет на себе печать поистине сатанинской злобы, не окажется негодяем, и каждый день, не приносивший известий от его племянницы и о ней, не притуплял его страхи, а, напротив, лишь усиливал их.

Утрата ее веселого общества также угнетала его дух, и, чтобы хоть сколько-то побороть уныние, частенько охватывавшее его вечерами, по завершении работы он стал приглашать к себе домой Схалкена, который до известной степени скрашивал его одиночество во время позднего ужина.

Однажды вечером художник и его ученик как раз расположились у огня. Они сидели в молчании, погруженные в задумчивость, что нередко случается после обильной трапезы, как вдруг их размышления прервал громкий шум у входной двери, словно кто-то пытался ворваться в дом силой. Слуга тотчас кинулся разузнать, что там происходит, и Герард и его ученик услышали, как он несколько раз спросил, кто там, но ответа не получил, а яростные удары в дверь все не прекращались.

Потом они услышали, как он отворяет дверь в переднюю, и на лестнице тотчас раздались легкие быстрые шаги. Схалкен положил руку на эфес шпаги и двинулся к двери. Но не успел он подойти поближе, как дверь распахнулась и в комнату влетела Роза. Казалось, она вне себя, безумная, истощенная и бледная от утомления и ужаса, но ее наряд поразил их не менее ее внезапного появления. Он представлял собою некое подобие белого шерстяного платья с глухим воротом, ниспадавшего до земли, запачканного и в пути

обратившегося в лохмотья. Едва переступив порог, бедная девушка лишилась чувств. С большим трудом они привели ее в сознание, и, очнувшись, она, смертельно испуганная, немедленно принялась сбивчиво, петерпеливо умолять: «Ради всего святого, вина, вина, или я погибла!»

Чрезвычайно встревоженные ее буйными, бессвязными речами, они поспешили исполнить ее желание, и Роза залпом осушила бокал вина с неестественной жадностью, которая их поразила. Едва выпив вино, она воскликнула с той же настойчивостью в голосе: «Ради всего святого, накормите меня, а не то я умру!»

На столе оставалась от ужина немалая часть жареного окорока, и Схалкен тотчас стал нарезать его, но Роза, едва заметив мясо, опередила Схалкена, выхватила мясо у него из рук, словно голодная волчица, вцепилась в окорок зубами и принялась жадно отрывать от него целые куски.

Утолив приступ неукротимого голода, она, казалось, осознала всю странность своего поведения, а может быть, ею овладели более мрачные и тревожные мысли, так как она горько заплакала и стала ломать руки.

— О, пошлите за священником! — повторяла она. — Я в смертельной опасности, пока он не избавит меня от зла, немедля пошлите за священником!

Герард Доу тотчас отправил слугу за священником, отдал в распоряжение племянницы свою спальню и после долгих уговоров и увещеваний убедил ее удалиться туда отдохнуть, однако Роза поставила непременное условие, что ни он, ни Схалкен ни на минуту не оставят ее в одиночестве.

— О, если бы рядом со мной был человек святой жизни, — молила Роза, — он бы спас мою душу! Живые и мертвые не вправе соединяться узами брака, Господь воспретил подобное нечестие!

Произнеся эти загадочные слова, Роза наконец позволила увести себя в комнату, которую предназначил ей Герард Доу.

— Не оставляйте меня, не оставляйте ни на миг, — просила она. — Если вы это сделаете, я погибла навеки!

Путь в спальню Герарда Доу лежал через просторное помещение, в которое они как раз входили. Герард Доу и Схалкен несли по восковой свече, ярко освещавшей все близлежащие предметы. Едва они ступили на порог комнаты, смеж-

ной со спальней Герарда Доу, как Роза внезапно замерла и дрожащим от ужаса голосом прошептала:

— Боже мой! Он здесь, он здесь! Глядите, глядите — вот он!

Она указала на дверь спальни, и Схалкену почудилось, будто туда проскользнула какая-то призрачная, почти неразличимая тень. Он выхватил из ножен шпагу и, высоко подняв свечу, чтобы отчетливо разглядеть всю обстановку спальни, вошел, ища глазами призрачную фигуру. Однако внутри никого не оказалось — одна лишь мебель стояла на своем привычном месте. И все же он готов был побиться об заклад, что кто-то или что-то, опередив их, тайно проникло в комнату.

Его охватил нестерпимый ужас, на лбу выступили капли холодного пота, он почти утратил остатки самообладания, услышав, как жалобно, страдальчески Роза умоляет не оставлять ее одну ни на мгновение.

— Я видела его, — шептала она. — Он здесь! Меня не обмануть, я его узнала. Он где-то рядом, он со мной, он в этой комнате. Молю вас, заклинаю спасением души: не покидайте меня!

Наконец они убедили ее лечь в постель, но она по-прежнему молила не оставлять ее в одиночестве. Она беспрестанно повторяла обрывки каких-то бессвязных фраз, бормоча то «Живые и мертвые не вправе соединяться узами брака, Господь воспретил подобное нечестие!», то «Да бодрствуют живые и да упокоятся с миром мертвые!».

Эти и похожие путаные обрывки таинственных фраз она повторяла до тех пор, пока не пришел священник.

Естественно, Герард Доу опасался, что бедная девушка лишилась рассудка от ужаса или побоев, и смутно подозревал, что, судя по внезапности ее появления в столь поздний час и прежде всего по бессвязным, диким, невнятным речам, она сбежала из смирительного дома и чрезвычайно боится преследования. Как только разум его племянницы успокоит благодетельное попечение священника, посещения которого она так страстно желала, он решил призвать лекарей, а до тех пор не рисковал терзать ее расспросами, чтобы не растравить мучительные воспоминания о пережитом ужасе и не растревожить ее пуще прежнего.

Вскоре явился священник, достойный старик аскетического облика, весьма почитаемый Герардом Доу, ибо он поседел в ожесточенных религиозных диспутах, хотя и вызывал скорее страх как воинственный спорщик, нежели любовь как христианин,— человек безупречной нравственности, утонченного ума и ледяного сердца. Он вошел в комнату, смежную с той, где полулежала на постели Роза, и она тотчас же потребовала, чтобы он помолился за нее, ибо она во власти сатаны и может уповать лишь на милосердие Господне.

Чтобы наши читатели представляли себе обстоятельства события, которое мы намерены весьма несовершенно описать, необходимо указать, где находились в этот момент все его участники. Старый священник и Схалкен пребывали в передней, о которой мы уже упомянули; Роза лежала во внутренней комнате, дверь в которую была отворена, а возле постели по ее настоянию остался опекун. В спальне горела одна свеча, а в смежной комнате — еще три.

Старик откашлялся, словно собираясь начать молитву, но не успел он произнести и слова, как неизвестно откуда взявшийся сквозняк задул свечу, освещавшую комнату, где лежала бедная девушка, и она, охваченная тревогой, тут же воскликнула:

— Готфрид, принеси новую свечу, мне страшно в темноте!

И в это мгновение Герард Доу, позабыв ее многочисленные мольбы под воздействием внезапного побуждения, вышел из спальни в смежную комнату за свечой.

— О боже мой, не уходите, дорогой дядюшка! — вскричала несчастная, в ту же секунду вскочив с постели, бросившись вслед за ним и стремясь его удержать.

Но предупреждение опоздало, ибо едва он переступил порог, едва его племянница предостерегающе воскликнула, как разделявшая комнаты дверь с громким стуком захлопнулась, словно затворенная сильным порывом ветра.

Герард Доу и Схалкен кинулись к двери, однако даже общими отчаянными усилиями не смогли приоткрыть ее ни на волос.

Из спальни доносился непрекращающийся душераздирающий крик ужаса и муки. Схалкен и Доу, изнемогая от напряжения, пытались выбить дверь, но тщетно.

Изнутри не слышалось шума борьбы, однако крики делались все громче и громче, затем раздался звук отодвигаемой задвижки на решетчатом окне, а потом проскрежетало по подоконнику открываемое окно.

До них донесся последний крик, долгий, пронзительный и столь мучительный, что его, казалось, не могло исторгнуть человеческое горло. Внезапно все смолкло, и воцарилась мертвая тишина.

Тут в спальне слегка скрипнули половицы, словно кто-то прошел от кровати к окну, почти в то же мгновение дверь подалась под напором, и Герард Доу со Схалкеном, едва устояв на ногах, ворвались в комнату. Там было пусто. Окно было широко распахнуто, и Схалкен, вскочив на стул и выглянув на улицу, попытался рассмотреть расположенный внизу канал и набережную. Он никого не заметил, однако увидел, или ему только почудилось, круги, широко расходящиеся на водной глади, будто в глубину минуту тому назад кануло что-то большое и тяжелое.

Роза исчезла бесследно, о ее таинственном супруге тоже не удалось ничего выведать, даже и догадки строили попусту, а потому не нашлось нити, способной вести тех, кто был озабочен судьбой Розы, в лабиринте тайн и прояснить смысл этой зловещей и жуткой истории. Однако впоследствии произошел некий случай, который хотя и не может восприниматься разумными читателями как проливающий свет на эту мрачную тайну, произвел неизгладимое впечатление на душу Схалкена.

Спустя много лет после описываемых событий Схалкен, в ту пору живший далеко от Лейдена, получил известие о смерти своего отца и его предстоящих похоронах в назначенный день в роттердамской церкви. Траурной процессии, как нетрудно догадаться, весьма немногочисленной, предстояло проделать немалый путь. Схалкен едва успел добраться до Роттердама вечером того дня, когда было назначено погребение. Траурная процессия еще не прибыла. Вечер сменился ночью, а шествие все не показывалось.

Схалкен направился в церковь, где, согласно уведомлению о предстоящих похоронах, уже открыли склеп, в котором суждено было упокоиться умершему. Служитель, исполнявший примерно те же обязанности, что у нас церковный сторож, увидел хорошо одетого господина, приехавшего на

церемонию и в задумчивости прохаживавшегося между рядами кресел. Он любезно пригласил его погреться у пылающего огня, который он, по своему обыкновению, разводил зимой в комнате, откуда маленькая лесенка вела в расположенный внизу склеп.

Схалкен и церковный сторож уселись у огня, и служитель после нескольких бесплодных попыток завести беседу был вынужден скрашивать свое одиночество трубкой и кружкой с пивом.

Несмотря на горе и заботы, после почти двухдневного утомительного путешествия, предпринятого к тому же в спешке, ум и тело Схалкена постепенно охватила усталость, и он забылся глубоким сном, от которого пробудился, лишь когда кто-то осторожно тронул его за плечо. Первой мыслью Схалкена было, что его будит церковный сторож, однако того не оказалось в комнате.

Он встрепенулся и, как только его глаза стали ясно различать окружающие предметы, заметил женщину, одетую в легкую кисею, складки которой ниспадали с головы, словно вуаль, и держащую в руке лампу. Казалось, женщина спешит прочь, направляясь к ступенькам, которые вели в склеп.

Глядя на нее, Схалкен ощутил смутную тревогу и вместе с тем непреодолимое желание последовать за ней. Он двинулся за ней к склепам, но на верхней площадке лестницы остановился. Женщина тоже замерла и, медленно обернувшись, предстала в свете лампы его первой любовью, Розой Велдеркауст. В ее лице, во всех его чертах Схалкен не различил ничего ужасного и даже печального. Напротив, она улыбалась все той же лукавой улыбкой, что очаровывала художника давным-давно, в его счастливые дни.

Благоговейный трепет и желание во что бы то ни стало проникнуть в тайну, которым Схалкен не мог противиться, заставили его последовать за призраком, если это и вправду был призрак. Она спустилась по ступенькам — он последовал за нею, повернув налево по узкому проходу, и тут они, к его невыразимому изумлению, оказались в убранной в старинном вкусе голландской комнате, весьма напоминавшей те, что увековечил на своих картинах Герард Доу.

Комнату загромождала ценная старинная мебель, а в углу виднелась кровать с опущенным пологом тяжелого чер-

ного сукна на четырех столбиках. Тень Розы то и дело оборачивалась к Схалкену с лукавой улыбкой, а подойдя к постели, отдернула полог, и при свете ее лампы пораженный ужасом художник ясно разглядел, что в постели, прямо и неподвижно, точно кукла, сидит мертвенно-бледный, дьявольски безобразный Вандерхаузен. Едва увидев его, Схалкен без чувств упал на пол и пролежал так до утра, пока его не обнаружили служители, в обязанности которых входило запирать коридоры, ведущие в погребальные камеры. Его нашли на полу в просторном склепе, куда давно никто не входил, рядом с большим гробом, поставленным на маленькие каменные столбики для защиты от крыс и мышей.

До самого смертного часа Схалкен был убежден в том, что пережил истинное происшествие, а не пал жертвой галлюцинации. Вскоре после этого он запечатлел странное событие, столь поразившее его воображение, в любопытной картине, привлекающей внимание не только особенностями его авторского стиля, высоко ценимого знатоками, но и точным и схожим, хотя и написанным по памяти, портретом его первой возлюбленной, Розы Велдеркауст. Ее загадочной судьбе суждено было навеки остаться предметом догадок и домыслов.

На картине изображено помещение старинной постройки, какое можно найти в большинстве древних соборов, тускло освещенное лампой, а держит ее женщина, которую мы попытались описать выше. На заднем фоне, слева от зрителя, виден мужчина, явно только что разбуженный от сна и весьма встревоженный, судя по тому, что положил руку на эфес шпаги. Его освещает лишь огонь догорающих углей в камине.

Картина представляет собою прекрасный образец искусного и непревзойденного в своем роде владения приемами светотени, которое обессмертило имя Схалкена среди голландских художников. Этот рассказ давно переходит из уст в уста, и читатель легко заметит, что, старательно избегая мелодраматических эффектов и не расцвечивая повествование на потребу сентиментальному вкусу, мы пытались поведать не фантастическую историю, а предание, связанное с жизнью знаменитого художника и ставшее частью его биографии.

ДЭВИД САТТОН

Клиническая смерть

Дэвид Саттон — победитель Всемирной премии фэнтези и девятикратный лауреат Британской премии фэнтези. Его рассказы публиковались в таких сборниках и журналах, как «Best New Horror 2», «The Giant Book of Best New Horror», «Final Shadows», «Cold Fer», «Taste of Fear» и «Skeleton Crew».

Саттон — редактор таких антологий, как «New Writings in Horror and the Supernatural», выпуски 1 и 2, «The Satyr's Head and Other Tales of Horror», а также участвовал в составлении сборников «The Best Horror from Fantasy Tales», «Dark Voices» и «Fantasy Tales». Его перу принадлежат два романа: «Дитя земли» («Earthchild») и «Фэн-шуй» («Feng Shui»).

В основе рассказа «Клиническая смерть» лежит опыт автора, посещавшего свою мать во время ее длительного нахождения в больнице. Реализм добавляет особой остроты к вымышленному кошмарному финалу этой истории...

Мать Расселла была серьезно больна и лежала в отделении интенсивной терапии.

Как только она отправилась на операцию, в нем зародилось безотчетное подозрение — домой мама не вернется. В подсознании Расселла копошилась мысль: не надо испытывать судьбу. Но кто сейчас верит в подобную чушь? Тем не менее, валяясь на жарком песчаном пляже, он не мог отделаться от тревоги, что все пойдет не так именно потому, что ему следовало послать отпуск куда подальше, никуда не уезжать и остаться с ней. Но ведь его «Боинг-757» приземлялся в аэропорту всего спустя сутки после операции, и никаких причин упускать две недели солнца не было. Однако чувство вины все равно наповал сбивало все доводы рассудка.

Из аэропорта Расселл тут же ринулся в госпиталь, руки немели от волнения, в голове билась только одна мысль:

как все повернулось бы, не дай он восторжествовать в себе эгоизму. Если бы он решил вместо этого задобрить удачу.

Прежде чем ему дозволили пройти к матери, Расселл поговорил с главным анестезиологом, для чего ему пришлось высидеть пятнадцать минут в маленьком офисе, примыкающем к отделению интенсивной терапии.

— Операция прошла без осложнений, — без проволочек приступил к делу врач. — Процедура отлажена и обычно проходит гладко. Вашу мать перевели из хирургии в удовлетворительном состоянии, но затем начались осложнения.

Лицо анестезиолога казалось на удивление мальчишеским.

«Как-то слишком молодо он выглядит, чтобы нести ответственность за жизнь и смерть в операционной», — подумал Расселл.

Он не мог смотреть собеседнику в глаза, потому уставился на его ботинки. К его удивлению, доктор носил белые кожаные тапки с толстой деревянной подошвой, такая обувь вроде бы должна оказывать на ноги какое-то благотворное действие. На коже виднелись пятна засохшей крови.

— Она... — Расселл не смог закончить фразу.

В прошлом ему не приходилось сталкиваться с такими ситуациями. Его отец умер на работе десять лет назад. Скоропостижно. Теперь, когда мать застряла на полпути между небесами и землей, все оказалось гораздо сложнее. Расселл в очередной раз пожалел о том, что был поздним ребенком, иначе ему не пришлось бы видеть престарелых родителей, когда сам он еще так молод.

— А сколько лет вашей матери? — спросил анестезиолог, словно нарочно стараясь не отвечать на вопрос, который, судя по всему, намеревался задать сын пациентки.

— Шестьдесят шесть.

— Она курила? — В голосе доктора послышалась какая-то безразличная грубоватость, смысла которой Расселл не понял. В конце концов, никто не совершенен.

Подняв глаза, он кивнул, но уточнил:

— Правда, не последние несколько лет.

— Ее возраст и состояние артерий работают против нее, вы должны это понять. Как бы то ни было, мы надеемся на ее выздоровление.

На несколько секунд сердце Расселла подпрыгнуло, словно перешло на другую передачу. Может, его отпуск, в конце концов, и не убил мать.

— Но поймите меня правильно, — продолжил анестезиолог, — она находится в очень плохом состоянии. Потому мы еще какое-то время подержим ее в отделении интенсивной терапии.

Только на следующий день Расселл смог вспомнить, что еще сказал ему этот человек в маленьком, тесном кабинете, заставленном мебелью, так что посетители рисковали помереть от удушья. Сейчас же все мысли из головы вылетели при виде матери, когда Расселлу наконец позволили ненадолго пройти в палату. Его тело тряслось от страха.

Она была без сознания, длинные седые волосы лежали в беспорядке, лицо казалось бесцветным. Тщедушное тело тонуло в огромной кровати, приподнятое, как будто его приготовили в дар некоему зловещему богу, взиравшему на алтарь со стальным каркасом. Палату скрывала тьма, только вокруг койки сочился скудный свет. Мать дышала часто и хрипло, из открытого рта с сипом вырывался воздух, и этот звук смешивался с постоянным тихим попискиванием монитора компьютера.

Расселл посмотрел на него, тот висел высоко на стене позади кровати. По нему зигзагами ползли желтые, голубые и пурпурные линии. Цифры регулярно менялись, непосредственный отсчет непрерывно обновлялся. Сбоку от кровати стояли капельницы, шприцевые и внутривенные насосы, наполнявшие артерии женщины болеутолителями и кровью, а желудок — пищей. По прозрачной пластиковой трубке, прикрепленной к носу, из легких вытекала грязно-бурая жидкость, которая на какое-то время задерживалась в изгибе отвода, но потом уходила вниз, когда в организме поспевала очередная порция гнили.

Появилась медсестра, сменила пузырь уретрального катетера, заодно сделав пометку в карте об уровне мочи. Она улыбнулась Расселлу, и этот простой жест воодушевил его больше, чем слова анестезиолога. У этих людей существовала одна цель — сделать все возможное, чтобы у его матери оставался хотя бы малый шанс на спасение, шанс на

собственные силы, волю к жизни, на триумф. Ее выздоровление было и их заботой.

Только на следующий день, придя на работу, Расселл вспомнил, что ему говорили относительно здоровья матери. Он поднял с конвейера, казалось, уже тысячный почтовый сверток за этот день, когда нейлоновая лента, держащая пачку, лопнула, журналы разъехались, падая в тележку, скользя из-за своих блестящих глянцевых обложек. Когда вся куча рухнула на пол, перед глазами Расселла замелькало ярко-красное название. «Частицы». Рисованные капли крови на обложке журнала, посвященного фильмам ужасов. На ней Сисси Спейсек широко раскрытыми глазами глядит на читателя, как будто потрясенная тем, что багряное лого может проделать с ними то же, что и с ее лицом.

Расселл отвернулся, уставившись в потолок. Пыльная дымка висела в воздухе сортировочной, флюоресцентные лампы пятнами мигали неподалеку. Откуда-то справа доносились звуки радио, но громкоговоритель почти не справлялся с грохотом и треском конвейера и других механизмов.

Вот тогда он все вспомнил. Мать уже переводили из операционной, когда она совершенно неожиданно потеряла сознание. Прекратился приток крови к ногам. Ее немедленно повезли обратно, посчитали, что тромбы блокируют циркуляцию в нижних конечностях. В ходе второй пятичасовой операции хирург поставил внутриартериальный катетер в каждую ногу, от внутренней поверхности бедер до лодыжек. Тем не менее тромбов так и не нашли. Вместо этого проблема оказалась в... О чем там говорили Расселлу? Он ничего толком не понял. Обыкновенные клетки крови вроде как сами забивали капилляры. Врачи надеялись, что еще одна операция в любом случае решит проблему.

В четверг Расселл удивился, как незаметно пролетели дни. Он нажал кнопку интеркома при входе в отделение интенсивной терапии. Его тут же пропустили, хотя до этого ему иногда приходилось ждать минут двадцать, пока медперсонал занимался делами: мыл пациентов, проводил физиотерапию, брал анализы крови. Не успел Расселл подойти к кровати, как его отвела в сторону одна из сестер.

Мать по-прежнему была завернута в простыню и опутана извивающимися трубками. Ее нос и рот закрывала маска.

— Как вы знаете, — сказала сестра, — у Мэри начались трудности с дыханием, инфекция в груди прогрессирует. Мистер Хэстоун посчитал необходимым что-нибудь сделать для смягчения ситуации, угрожающей жизни.

Расселл моргнул. Сестра была довольно высокой и красивой, полные губы, голубые глаза сияют жизнью и умом. Она нахмурилась, словно для того, чтобы он смиренно принял диагноз. На какое-то мгновение Расселл испугался, представив эту женщину всего лишь частью медицинского оборудования, шестеренкой из плоти.

В результате Расселл ничего не ответил, но, похоже, на лице его отразилось изумление, так как медсестра продолжила без какой-либо подсказки:

— В результате нам пришлось сделать трахеотомию. На самом деле это была мини-трахеотомия, очень простая процедура, ее делают под местной анестезией. Но она помогла справиться с закупоркой.

Сестра очень просто рассказывала о том, что стало для Расселла еще большим шоком.

Пару секунд спустя его пропустили в палату, но голова у него к тому времени походила на шар, переполненный обжигающей водой, ноги дрожали.

Шею матери скрывала масса грязноватого на вид пластыря, из-под которой торчал дюйм пластиковой трубки с маленьким колпачком. Прямо как на надувном мяче. На нем застыла корка коричневой слизи, как будто сестры не счистили последнюю порцию мокроты.

Расселла замутило. Несмотря на новый метод, жидкость по-прежнему выходила из матери через носовую трубку, но теперь она приобрела почти черный цвет, как будто легкие гнили, превращаясь в фекальную слизь.

Он ухватил мать за руку, хотя больше хотел отвлечься от неприятных мыслей сам, чем успокоить ее. Под кожей Мэри словно виднелись изношенные жировые ткани, мембраны, соединяющие внутренние органы, растянутые и атрофированные. Ее быстрое дыхание не изменилось, кислородная маска, прикрывавшая рот и нос, затуманивалась с каждым скрежещущим вздохом. Плоть на лице словно сползала, стягивалась к подбородку, отчего кожа вокруг глаз и на лбу казалась натянутой, плотно обтягивая череп.

«Она умирает», — пропентал Расселл сам себе, всхлипнув. Врачи, похоже, не говорили ему всей правды...

В субботу, когда он сидел, смотря на большую доску с фотографиями и именами работников отделения, один из консультантов подошел к нему:

— Вы мистер Брей?

— Да. — Расселл встал.

— Я — мистер Хэстоун. Мне надо поговорить с вами, прежде чем вы войдете, — сказал врач, отчего сердце Расселла забилось чаще. Он не мог смотреть этому человеку в глаза, боялся, что если новости окажутся плохими, то не сможет сдержать чувств. — Мистер Чэмберс все объяснил вам относительно операции и ее последствий?

Расселл кивнул, стараясь вспомнить, кто же такой мистер Чэмберс. За последние несколько дней с ним говорили слишком много докторов.

— Тогда вы знаете, что после хирургического вмешательства почки вашей матери фактически отказали?

Ему действительно говорили, что шок от операции на аневризме аорты и от второй, последовавшей за ней, повлек за собой сбой в работе почек и теперь понадобится несколько дней для ее восстановления.

Похоже, что-то опять пошло не так.

— Мистер Чэмберс был очень озабочен тем, что почки вашей матери недостаточно хорошо справляются со своими функциями, не удаляют вредные вещества из организма, и решил оказать ей дополнительную помощь. Дать ее почкам время восстановиться без дополнительных осложнений, с которыми им приходится бороться сейчас.

— Помочь?

— Вашу мать на какое-то время подключили к аппарату искусственной почки. По правде сказать, у нас не самое лучшее оборудование, но есть переносная машина. Посмотрим на состояние вашей матери, но, возможно, понадобится перевести ее в госпиталь с лучшими условиями.

— Искусственная почка... — Расселл потер лоб пальцами правой руки. Голову словно окутал ватный шар, задушив слух, срезав зрение. Мягкие волокна, казалось, забили рот.

Вид раскачивающейся туда-сюда машины, с ее хлюпающими звуками и темной кровью, сам по себе был достаточ-

но неприятен, но ноги матери произвели на Расселла еще более гнетущее впечатление. Когда он вошел в палату, на кровати стояла специальная клетка, на которую набросили одеяло, чтобы ткань не касалась ног. Было хорошо видно, что пальцы матери покрылись пятнами и приобрели какой-то отвратительный серо-коричневый цвет.

Вспомнив все рассказы врачей, Расселл побоялся спрашивать, что же с ними произошло.

Когда он ехал домой, дождь так молотил по тротуару, словно хотел выбить в асфальте ямки. Правда, преуспел ливень только в том, что вымочил его до нитки. Расселл не раз пожалел о забытом дома зонте. Через несколько минут ходьбы холодная влажность проникла в ботинки, как будто их залила холодная кровь.

Прошел месяц. Расселл понял это только потому, что, сортируя почту, заметил среди конвертов глянцевую обложку еще одного выпуска «Частиц». «Где же живые мертвецы?» — гласил заголовок на первой странице. Позади красных букв маячило мумифицированное лицо из фильма, который Расселл не смотрел.

— Да прямо тут, Расс!

Расселл повернулся, смущенный. Дерек, один из его друзей, с которым он провел отпуск, посмотрел через его плечо, похоже, увидел журнал и ответил на риторический вопрос обложки. Пошутил, называется.

— Большинство из этих здесь. — Он кивнул в сторону коллег. — Скорее мертвые, чем живые.

— Точно. — У Расселла не было настроения смеяться.

— Как твоя мать? — Дерек сменил тему, взял журнал из руки Расселла и бросил его в отдаленную пачку.

— Держится, — ответил он.

На самом деле он просто не знал, жива она или уже давно находится по ту сторону. Это было невыносимо, но каждый раз, приходя в больницу, он раз за разом выслушивал плохие новости, а потому не знал, следует доверять докторам или нет. Поговорить с кем-либо об этом он тоже не мог.

— Дело дрянь, — сказал Дерек. — Берегись, босс появился. — Он поднял очередной мешок и вывалил из него кучу маленьких коробочек, простонав: — Твою мать, ну какого

хрена они пакуют настолько маленькие вещи, что на них даже гребаный ярлык не приклеить!

Он начал сортировать их, даже не глядя, аккуратно распределяя коробки, журналы и другие конверты по соответствующим контейнерам.

Расселл обернул эластичную ленту вокруг пачки конвертов со счетами за электричество. От материала шел тошнотворно знакомый запах, от бумаги тоже нечто с привкусом антисептика.

— Почему бы тебе не отдохнуть? — спросил Дерек, в очередной раз смотря на друга. — Возьми отгул.

Расселл знал, как выглядит. Он вымотался, каждый вечер посещая больницу, где сидел два часа, молча наблюдая за тем, как его мать сражается за каждый вдох. За жизнь.

— Мне лучше на работе. Дома совсем хреново.

— Не заметно, прямо скажем, — скептически посмотрел на него Дерек. — Берегись, босс идет.

Расселл улыбнулся стандартной шутке Дерека.

В конце смены кончики пальцев Расселла онемели от множества полиэтиленовых конвертов, отчего те на ощупь казались сделанными из живой плоти. Руки омертвели, как у матери.

Дождь наконец прекратился, но тротуары еще не высохли, а канавы превратились в маленькие реки. Стоял час пик, и пешеходные зоны задыхались от продавцов и офисных работников, торопящихся к автобусным остановкам. Расселл был уверен, что все вокруг такие активные исключительно потому, что ими движет нечто внешнее, а не их собственные желания. Они бессознательно играли роли, предназначенные для них. К таким выводам он пришел после событий последних недель.

Пациенты больницы ничем не отличаются от людей на улице. Они невольные актеры или кинозвезды, поднимаются на сцену под софитами болезни, прежде чем исчезнуть в неизвестности. Он всех их знал теперь досконально: маленького ребенка, который проглотил пластиковый колпачок и чуть не задохнулся; пациента с коронарным тромбозом, находящегося на аппарате искусственной вентиляции легких; жертву автокатастрофы, полностью скрытую под бинтами; коматозника-«овоща», чья жизнь уже почти исчезла, и соб-

ственную мать с целым каскадом осложнений, которая как будто играла одновременно несколько ролей в этой драме.

Он стоял на автобусной остановке, когда понял, что должен был ехать в больницу. От такой забывчивости ему стало не по себе. Неподалеку стоял лоток с хот-догами, продавец почти скрылся за клубами пара. Покупатель выжимал кровавую водянистую линию кетчупа на покрытое кольцами лука мясо.

Расселл отвернулся в отвращении и направился к автобусу. Желудок заурчал от голода, но Расселл знал, что сейчас есть не сможет. Все его тело казалось незащищенным, кровоточащим. Как будто он намеренно решил довести себя до истощения.

Детали жизни за последний месяц не шли на ум. Воспоминания улетучивались. Он словно постоянно спал — так было лучше, чем смотреть правде в глаза, разум подсказывал издалека, уже почти исчезая.

Расселл старался забыть последнюю беседу с врачом: трудности с кровообращением серьезно затрудняли выздоровление матери. Ей было очень больно, несмотря на целый коктейль прописанных анальгетиков, а боль уменьшала шансы на выздоровление.

Тем не менее этим вечером мать ненадолго пришла в сознание.

Нифедипин, гидрокортизон, атропин. Слова Расселл подсмотрел на ее карте, они стали для него молитвой, пока он не понял, что мать сжимает его руку.

— Скажи им, чтобы отпустили меня, — прошептала она, когда он положил на место карту.

Сердце Расселла дрогнуло от надежды, слезы выступили на глазах. Она очнулась, но, несмотря на слова, похоже, не понимала, где находится и чью руку держит. По крайней мере этот краткий проблеск сознания означал, что какой-то прогресс есть.

Он не мог сказать ей, что ноги придется ампутировать. Но похоже, она и так знала. Когда мать снова закрыла глаза, это избавило его от необходимости говорить.

В затемненной гостиной экран выключенного телевизора отражал безжизненное лицо Расселла. Он убедил себя, что в больнице над матерью экспериментируют. Вся эта ме-

дицинская возня, от начала до конца, — обман. Его мать — подопытная свинка. Отделение интенсивной терапии — лаборатория. Доктора испытывают на ней новые лекарства. Хирурги упражняются в вивисекции. Машины поддерживают в матери жизнь, но делают это только для того, чтобы врачи не остались без своей жуткой работы.

Дорога к госпиталю была покрыта заплатами осенних листьев, разглаженных дождем, усеивающих плиты тротуара коричневыми и черными пятнами, похожими на буйно цветущие меланомы. Фонари высвечивали прохожих, скользящих на грязной слизи, прячущейся под каждым листом: кровоточащие язвы под струпьями.

— О, привет! Расселл Брей, верно? — Ближайший пешеход оказался медсестрой из отделения интенсивной терапии.

Он кивнул, не желая говорить, боясь выдать свои чувства, злая, она — часть заговора, в конце концов раскрытого им прошлой ночью.

— Вам сегодня придется немного подождать, — предупредила женщина, удерживая его за руку.

— Да? — В его вопрошающем голосе сквозил страх, но Расселл надеялся, никто этого не заметит. Если они узнают, что он в курсе их дел, ситуация может стать крайне неловкой.

— Сейчас в отделении шумновато. Несколько тяжелых случаев. Все очень заняты.

«Так почему она не там? Почему не помогает?» — задумался Расселл.

— Спасибо, что сказали, — ровно ответил он, стараясь не смотреть в глаза, спрятанные за очками.

— Осторожнее, не подскользнитесь! — бросила сестра напоследок, гордо удаляясь прочь, чуть ли не печатая шаг плоскими подошвами туфель.

Движениями она чем-то напоминала робота, но, скорее всего, женщина просто боялась упасть, и никаких механических частей в ее теле не было.

Расселл прошел по длинному коридору, мимо кофейни, часовни, мимо множества отделений, чьи таблички ярко горели красным и белым цветами, пока не добрался до знакомого фойе интенсивной терапии. Здесь царила атмосфера спокойствия, хотя Расселла она никогда толком не расслабляла, особенно теперь, когда стало ясно, что происходит.

Он поднял трубку интеркома и грубо ткнул пальцем кнопку. В приемнике отразилось эхо какого-то отдаленного жужжания. Прошло несколько секунд. Никто ему не ответил. Расселл попробовал снова, уставившись на объявление, прикрепленное к двойным дверям: «Вход строго запрещен. Пользуйтесь телефоном». Потом перевел взгляд на стенд с портретами врачей. Несколько фотографий убрали, имена прочих врачей и их занятия бросались в глаза на фоне белых прямоугольников, как будто эскулапов неожиданно вырезали из существования. Остальные по-прежнему дружелюбно улыбались, умело скрывая свои подлинные цели.

Положив трубку на рычаг, он сел, решив дать себе пять или десять минут, прежде чем попробовать снова. Прежде Расселл всегда ждал худшего, но мать всего лишь проходила физиотерапию или еще какую-нибудь процедуру, которая, по мнению врачей, его не касалась.

Журналы, лежавшие на столике, были настолько древними, затрепанными до лохмотьев, что их обложки напоминали сухую кожу. Восковые, как лицо его матери, цветы торчали из вазы. Доска объявлений на стене не претерпела изменений, по-прежнему советуя посетителям мыть руки.

Тем не менее кое-что здесь изменилось. Расселл был не уверен, но все-таки. Два снимка в рамках на противоположных стенах, один с милыми щенками, другой — с котятами, висели косо. Овальное красное пятно, оставшееся, скорее всего, от чернил, а не от крови, так как оно не выцветало, притягивало к себе взгляд Расселла. Каждый раз, ожидая, он рассматривал это пятно, пытаясь увидеть в нем какой-то смысл, словно в тесте Роршаха. Где-то там, в глубине цвета и зелени ковра, скрывался подлинный смысл, почему его мать до сих пор держат в живых.

Прежде всего надо сосредоточиться. Нужно действовать так же скрытно, как и сами врачи, которые так долго дурили ему голову.

Расселл встал и посмотрел на телефон интеркома. Обыкновенно зеленый, огонек сейчас мигал красным. Раньше такого не случалось.

Снова нажав кнопку, он услышал знакомый отдаленный звонок на посту медсестер.

Вот только на сигнал все равно никто не ответил.

Ну и к черту тогда все эти объявления. Расселл взглянул на светящийся циферблат часов и, к своей досаде, обнаружил, что просидел в комнате ожидания целых полчаса. Более чем достаточно.

Он толкнул двойные двери, на ходу придумывая объяснение, почему наплевал на запрет.

В коридоре никого видно не было. Дверь в офис, где ему обычно сообщали о процедурах, оказалась открытой. Расселл заглянул внутрь с объяснением наготове, но там никого не увидел.

Потом сунулся в кухню. Там царил беспорядок. В раковину бежала струя воды, на полу валялись свертки с больничной одеждой. Поднос с инструментами свалился со стола, его сверкающее содержимое лежало, разбросанное меж халатов, чем-то напоминая иероглифы.

Возвратившись в коридор, Расселл пошел к палате. Свет там всегда держали пригашенным, но Брей все равно не мог сдержать неожиданного волнения при виде округлых теней, маячивших за занавесками. Почему-то отсутствовали привычные звуки. Ни пищания мониторов, ни шуршания накрахмаленного халата медсестры. Ничего.

Поначалу все это было слишком неожиданным. Дезориентировало. К тому же в самой палате многое изменилось, например кровать матери исчезла. Он уже хотел пойти спросить у врачей, куда ее перевезли, но потом понял, что ни докторов, ни медсестер, ни анестезиологов здесь попросту нет. Все отделение превратилось в медицинское подобие «Марии Целесты».

Расселл нахмурился, осознав, что цепляется за дверь, как будто сомневаясь, входить ли. В голове заворочалась литания, которую, он знал, надо скорее прогнать: «Воспаление, аллергия, шок, коронарное шунтирование, повышенное кровяное давление, гангрена».

Когда он откинул занавеску с ближайшей кровати, это было одновременно реакцией и попыткой прекратить мучительный словесный поток.

На кровати перед ним вырванная из чьей-то конечности трубка сочилась бесцветной жидкостью капельницы прямо на простыни. Наверное, пациента перевезли в большой спешке, может для срочной операции, и медсестра забыла отключить оборудование.

Более разумная часть Расселла говорила ему, что здесь так не работают. Тут все всегда содержалось в полном порядке. Он пытался сообразить, что же произошло, когда шуршание бумаг привлекло его внимание к пустому посту медсестер.

Однако за высокой стойкой никого не оказалось. Может, сестра уронила бумаги и нагнулась поднять их? Он быстро пошел к посту, часто моргая, чувствуя, как слезы наворачиваются на глаза, отчаянно желая знать, что случилось с матерью, и ненавидя себя за то, что сейчас, как никогда, жаждет утешения.

Появилась рука, она шлепнула по телефону, сбив трубку с рычага. Пальцы выглядели странно, как будто росли не на месте, да еще и казались прозрачными. Прежде чем Расселл понял, в чем дело, — пухлая ладошка, словно махавшая ему, принадлежала ребенку — ее обладатель поднялся, ухватившись за деревянную полочку с внутренней стороны стола. Расселл не мог разглядеть, что там происходит, в ромбе теней.

Он остановился, страх не давал идти дальше. Послышался хриплый вздох, чем-то похожий на клокотание в груди его матери, и над стойкой показалось лицо ребенка, подтянувшегося на бледных ручках. Расселл знал его: малыш Уильям, который попал в больницу, проглотив крышку от бутылки и чуть не задохнувшись. На круглом лице до сих пор виднелся синеватый оттенок от чуть не случившейся асфиксии. В первый раз Расселл посмотрел в глаза ребенка — немигающие, широко раскрытые, но не видящие.

Дрожа, Брей неожиданно понял: мальчик слишком мал, чтобы ползать, а уж тем более ходить, но, как только этот факт озарил его, малыш принялся шагать по стойке, разбрасывая бумаги и ручки своей крабьей походкой. Через несколько секунд он шумно рухнул на пол, но падение не прервало его движение вперед.

Затем перед Расселлом появился обнаженный мужчина, за ним вились пластиковые трубки, прикрепленные пластырем к груди и рукам. Трубки вяло покачивались, словно атрофированные довески, вшитые в плоть вивисекторами. Кровь медленно текла по животу пациента, пачкая лобковые волосы. Лицо над телом попыталось улыбнуться, но потерпело неудачу, правда, выражение его показалось Брею знакомым. Расселл кивал и улыбался этому человеку каж-

дый день, проходя мимо его кровати по пути к матери, — жест поддержки. Пациент поступил с тяжелым случаем коронарной недостаточности, и сейчас он должен был находиться на аппарате жизнеобеспечения.

Расселл неожиданно поскользнулся и приземлился на задницу. Рука прошлась по чему-то мокрому и липкому, разлитому по полу, на что Брей боялся даже смотреть. С этого нового угла он увидел, что пациент оставил за собой кое-кого, прямо рядом со своей кроватью. Это оказался главный анестезиолог, чье тело сейчас дергалось в конвульсиях то ли от шока, то ли от невидимой отсюда смертельной раны.

Отступая, Расселл осмелился повернуться, думая, успел ли Уильям доползти до него. Он мог легко споткнуться о ребенка, вставая, вот только уже совершенно не заботился, что сделает тому плохо.

Брей быстро метнулся влево, увидев в углу кровать матери. Подумал, может, они еще не добрались до нее, может, экспериментаторы проглядели ее. Неужели им не хватило ребенка и мужчины?

Расселл понимал: лекарства заставляют пациентов подниматься. Слишком много было непонятных анализов, слишком много желания колоть, резать и ампутировать. Болеутоляющие и наркотики плавали в крови его матери, затуманивая ей сознание. Никто ему не поверит, но Брей знал, что, как и в случае с другими, врачи медленно выводили из ее организма естественные жидкости, заменяя их секретными веществами, которые могли оживлять умершую плоть.

Спинку кровати матери высоко подняли, Расселл почувствовал себя маленьким мальчиком, подходя ближе. Повернутый к Брею монитор на изгибающемся кронштейне нависал над кроватью. По дисплею бежало шесть прямых линий без каких-либо всплесков, нарушающих симметрию, — послание, внятно произнесенное без всяких слов. Визг, который, как казалось Расселлу, исходил от монитора, был достаточно громким, чтобы вызвать сестру, вот только вырывался он из его собственного рта.

Под тонкой простыней тела не оказалось, как будто его засосало где-то между ней и матрасом. В ногах кровати по-прежнему находилась защитная клетка, ткань свисала, предлагая всем желающим заглянуть внутрь.

Расселл прижал костяшки пальцев к вискам, в его глотке зарождался низкий рев, глубоко внутри, так глубоко, что от него было больно, так глубоко, что он так и не вырвался на свободу. Вопль задушила гортань.

Брей услышал шарканье, повернулся. Ребенок и мужчина приближались к кровати, как и другие пациенты, явно не желавшие ему ничего хорошего. Они двигались с медленной синхронной грацией, угрожающей, несмотря на неторопливость. Расселл быстро отвернулся, снова сосредоточившись на пространстве, где должно было находиться тело матери.

Когда он откинул простыню, под защитной клеткой что-то замаячило. Два сморщенных черных куска мяса лежали бок о бок, словно отчаянно нуждались в дальнейшем медицинском уходе.

Расселл рванул в сторону, обогнул приближающиеся фигуры, срывая занавески вокруг кроватей, в ярости стараясь найти то, что осталось от матери. За одним из экранов он нашел большинство медицинского персонала, из конечностей и тел врачей торчали шприцы. Похоже, подопытные отомстили экспериментаторам.

«Я хотела, чтобы они меня отпустили», — в голове Рассела зазвучал голос, как только он ее нашел. Обвинение столь же ядовитое и острое, как нержавеющие инструменты и фармакопея, которые использовались для ее мучений.

Похоже, все это время мать, не издавая ни единого звука, старалась встать. Больничная одежда спала с иссохших плеч, а пурпурная кровь испятнала пол рядом с культями.

— Пошли, мама, — с нежностью произнес Расселл. — Пора домой.

Он знал, что слишком долго позволял ей оставаться в больнице, но, может, еще осталось время помочь ей. Брей поднял ее невероятно легкое тело на руки и плечами растолкал подопытных, слишком быстрый теперь, чтобы его могли зажать в угол.

Уже снаружи, в коридоре, он вспомнил, что кое о чем забыл в спешке. Надо забрать ноги матери, прежде чем те не станут двигаться сами, ходить, шаркая, живя непроизвольной жизнью, подчиняясь подкожному биению лекарств.

ЛЕС ДЭНИЭЛС

Они идут за тобой

Лес Дэниэлс — автор, скажем прямо, не слишком плодовитый. Тем не менее его рассказы в последнее время появлялись в журналах и антологиях, таких как «Best New Horror», «Dark Voices» выпуски 4 и 5, «After the Darkness». Преданный фанат комиксов, он — автор недавнего бестселлера «Марвел: Пять невероятных десятилетий лучших комиксов в мире» («Marvel: Five Fabulous Decades of the World's Greatest Comics»), а сейчас работает над аналогичной историей компании «DC Comics». В ближайшем будущем также выходит «Белый демон» («White Demon»), шестая книга в серии Дэниэлса о герое-вампире доне Себастьяне де Виллануэва.

Дэниэлс признает, что каждый мрачный рассказ, который он пишет, каким-то образом оборачивается фарсом. Потому и от этой истории о разлученных любовниках можно ожидать юмора и ужаса в равной мере...

Мистер Блисс как-то раз в понедельник вернулся домой раньше обычного. Это оказалось большой ошибкой.

У него разболелась голова, и секретарша, перепробовав различные патентованные медицинские средства, завлекавшие слоганами производителей, сказала:

— Почему бы вам не пойти домой, мистер Блисс?

Все звали его мистер Блисс. Другие в офисе откликались на Дэйвов, Дэнов или Чарли, но он всегда был мистером Блиссом. Это ему нравилось. Иногда он думал, что даже жене следует звать его мистером Блиссом.

Вместо него она призывала Бога.

Голос шел сверху. Со второго этажа. Из спальни. Ей, похоже, было не больно, но эту оплошность очень легко исправить.

Жена коротала день не одна: кто-то кряхтел в гармонии с ее призывами к Создателю. Мистера Блисса это сильно расстроило.

Даже не остановившись повесить пальто, он на цыпочках прокрался в кухню и снял с намагниченной полки один из тех японских ножей, которые его жена заказала, посмотрев рекламу по телевизору. Их создали, чтобы резать вещи на крохотные кусочки, и они имели пожизненную гарантию, сколько бы эта самая жизнь ни продлилась. Мистер Блисс проследит, чтобы по этому пункту у жены претензий не нашлось. Он отвернулся от стойки, вздохнул и взял еще один нож. Один предназначался для жаждущей встретиться с Богом, а другой для издающего эти животные звуки.

Секунду подумав, он решил воспользоваться черной лестницей. Так казалось секретнее, а мистер Блисс намеревался устроить супруге самый большой сюрприз, какой только мог.

У него впервые за много недель встал член и голова прекратила болеть.

Он двигался так быстро и аккуратно, как только мог, скользя по клетчатому линолеуму и перешагивая сразу через две ступеньки. Мистер Блисс помнил: впереди есть одна скрипящая ступенька — правда, он не мог вспомнить, какая именно, — и понимал, что все равно на нее наступит.

Впрочем, это ничего не значило. Стоны и завывания достигли крещендо, и мистер Блисс подозревал, что, даже поднимайся вместе с ним сейчас целый духовой оркестр, он вряд ли отвлек бы людей наверху от их занятия. Они уже почти добились своего, и следовало добраться до комнаты до этого момента.

Спальня занимала весь верхний этаж дома. Его прихоть — польстить молодой невесте настолько большой площадкой для размножения, насколько позволяла зарплата; ступеньки, укрытые подобранным с большим вкусом ковром, столь же неумолимо вели сюда с парадного входа, как и черная лестница.

На положенном месте половица скрипнула, мистер Блисс тихо выругался и распахнул дверь.

Глаза его жены, закатившиеся от удовольствия, походили на мокрый мрамор. Губы трепетали, когда она сдувала влажные волосы со лба. Прекрасные груди, которые в конечном итоге и убедили его жениться на ней, сейчас были залиты по́том, причем не только ее.

Мистер Блисс даже не узнал мужчину. Какой-то совершенно невзрачный тип. Молочник? Агент из службы пере-

писи населения? Полный, с плохой стрижкой. Все это ужасно расстраивало. Если бы она изменяла ему с Адонисом, это, по крайней мере, было бы понятно, но нынешняя ситуация была личным оскорблением.

Мистер Блисс уронил один нож на пол, схватил другой двумя руками и воткнул кончик пухлому наглецу в то место, где позвоночник подходит к черепу.

Результат не замедлил сказаться. Мужчина всхрапнул еще раз и завалился назад, лезвие заскребло по кости, когда голова и ручка ножа ударились о пол.

Миссис Блисс была тут как тут, сбитая с толку и запачканная, распластанная на промокших простынях.

Мистер Блисс взял другой нож.

Он ухватил ее за волосы и ударил лезвием в лицо. Она зарыдала кровью. Безумно, но методично он вонзал отточенное лезвие в те места, где сталь понравилась бы ей меньше всего.

Большинство экспериментов увенчалось поразительным успехом.

Она умерла несчастливой.

Перед смертью на лице миссис Блисс застыла смесь боли, упрека и решимости, которая невероятно поразила мистера Блисса, больше чем все виденное им от жены со дня их свадьбы.

Он еще не закончил с ней. Она никогда не была такой покорной.

Только поздно ночью мистер Блисс отложил нож и оделся.

Он развел ужасную грязь. Она не уставала напоминать ему, что уборка — это такая рутина, впрочем, простая работа ему всегда нравилась. В пылу ярости он проткнул водяной матрас, но, по крайней мере, поток смыл часть крови.

Мистер Блисс похоронил любовников в разных частях сада и опоздал на работу. Беспрецедентный случай. Недоуменно воздетые брови коллег действовали ему на нервы.

По той же причине мистер Блисс решил не ночевать дома и отправился в мотель. Там посмотрел телевизор. Увидел кино про то, как некто убил несколько человек, но оно и вполовину не развеселило его так, как обычно. Мистер Блисс посчитал картину довольно дурно снятой.

Каждый день он оставлял на двери табличку «Не беспокоить». Не хотел, чтобы его беспокоили. Спустя некоторое

время неубранная кровать начала его раздражать. Напоминала о той самой спальне.

Через несколько дней мистер Блисс постыдился идти в офис, так как до сих пор носил ту же одежду, в которой ушел из дому, и решил, что коллеги смогут учуять неподобающий запах. Мистер Блисс страстно желал наступления выходных.

Мистер Блисс провел два дня покоя в комнате мотеля, прячась под одеялом, не включая свет и наблюдая, как люди убивают друг друга в фосфоресцирующем сиянии. Но воскресной ночью посмотрел на свои носки и понял: домой идти все-таки придется.

Мысль не порадовала.

Когда он открыл дверь, это напомнило ему о прошлом приходе. Декорации готовы. Ему надо было лишь подняться наверх и взять одежду. Дело всего-то пары минут. Мистер Блисс прекрасно знал, где что лежит.

Он пошел по парадной лестнице. Ковер заглушал шаги, и почему-то от этого мистер Блисс решил действовать скрытно. К тому же черная лестница теперь ему сильно не нравилась.

На полпути он заметил две картины с розами, которые повесила жена. Снял их. Теперь это его дом, а они всегда слегка его раздражали. К несчастью, пустые квадраты бесили не меньше.

Что делать с картинами, мистер Блисс не знал, потому забрал их с собой в спальню. Избавиться от рамок не представлялось возможным. Он испугался, что это недобрый знак, и какое-то время поразмышлял, а не закопать ли их тоже в саду. Посмеялся, но звук смеха ему очень не понравился. Решил так больше не делать.

Мистер Блисс стоял посредине спальни и осматривал ее критическим взглядом. Неплохой порядок он тут навел. Но стоило ему открыть ящик шкафа, как снизу послышался глухой удар. Мистер Блисс уставился на свои трусы.

За ударом последовал скрежет, а потом нечто врезалось в перила черной лестницы.

Мистер Блисс не стал тратить ни секунды на мысли о том, что же происходит в его доме. Закрыл ящик, повернулся. Почувствовал, как задергалось левое веко. Не задумываясь прошел к парадной лестнице, когда услышал едва уло-

вимый звук. Внизу открылась дверь. Неожиданно в голове мистера Блисса стало просторно, как в спальне.

Он знал: они идут за ним, каждый со своей стороны. Что делать? Он обежал комнату, пнул каждую стену, но все они оказались чрезвычайно крепкими. Потом занял позицию рядом с кроватью и закрыл рот ладонью. Между пальцев прорвался смешок, отчего мистер Блисс разозлился, ведь сейчас наступил момент гордости.

Они пришли за ним.

Что бы ни произошло (никакой теперь работы, никакого телевизора), мистер Блисс сотворил чудо. Мертвые вернулись к жизни и хотят наказать его. Сколько человек могли бы похвастаться таким? Придите с шарканьем, ударом, хлюпаньем! Настал момент его триумфа.

Он отступил к стене, чтобы увидеть все. Когда обе двери открылись, его глаза забегали туда-сюда. За ними последовал язык, облизывая губы. Мистер Блисс переживал экстаз ужаса.

Незнакомец, естественно, воспользовался черной лестницей.

Все это время мистер Блисс старался забыть, что сотворил с ними, особенно с женой. А сейчас они выглядели еще хуже.

Тем не менее, пока она тащила себя через спальню, что-то в бледной коже, заляпанной пурпуром, где кровь загустела, и рассеченной ржавью, где кровь пролилась, возбудило его так, как никогда прежде. Тело было покрыто слоем жирной коричневой земли. Ей нужно в ванную, подумал он, и начал фыркать от смеха, который грозил стать неконтролируемым.

Ее любовник, приближающийся с другой стороны, остался практически целым. Мистер Блисс не наказывал его, просто хотел остановить. Тем не менее единственный удар рекламного ножа повредил позвоночник, и теперь голова мужчины неестественно покачивалась. Непонятное разочарование, которое мистер Блисс почувствовал при виде его дряблости и полноты, теперь только усилилось. После шести дней в земле то, что сейчас ползло к нему, раздулось еще больше.

Мистер Блисс старался подавить смех, пока глаза не заслезились, а из носа не полились сопли. Его неминуемый

конец приближался, и все равно он рассматривал желание мертвых отомстить как свое безусловное оправдание.

Вот только ноги мистера Блисса не хотели умирать так просто; они принялись отступать к двери стенного шкафа.

Жена посмотрела на него так, как могла. Глаза казались сморщенными, походили на чернослив. Часть ее, где он резал слишком много и глубоко, тихо упала на пол.

Любовник, шаркая, полз на руках и коленях, оставляя за собой какое-то подобие следа.

Мистер Блисс потянул на себя сверкающую медную кровать, сделав нечто вроде баррикады. Потом забрался в шкаф. Запах духов и тела жены объял его. Он запутался в ее одежде.

Миссис Блисс добралась до постели первой, схватив свежую простыню немногими оставшимися пальцами. Подтянулась. На белье остались грязные следы. Явно пришла пора захлопнуть дверь шкафа, но мистер Блисс захотел посмотреть, словно попав под власть неких чар.

Она корчилась на подушках, била руками, потом рухнула на спину. Послышалось бульканье. Может, женщина наконец умерла?

Нет.

Да это и не имело значения. Любовник забрался на покрывало. Мистер Блисс захотел пройти в ванную, но путь был заблокирован.

Он съежился, когда любовник жены (а кем был этот ползающий труп, кстати?) протянул вперед толстые пальцы, но, вместо того чтобы схватить своего убийцу, они упали на то место, где раньше находились женские груди, и принялись нежно гладить его.

Мистер Блисс покраснел, когда начался ритуал. Он слышал звуки, которых стеснялся, даже когда мясо еще не умерло: влажные шлепки, отвратительные стоны и сверхъестественные крики.

Он заперся в шкафу. Пара на кровати даже не пыталась его заметить. Мистера Блисса похоронили в шелке и полиэстере.

Все оказалось еще хуже, чем он боялся. Это было невыносимо.

Они пришли вовсе не за ним.

Они пришли друг к другу.

ХЬЮ Б. КЕЙВ

Деловая поездка к Маргалу

Было бы совершенно немыслимо издать антологию рассказов о зомби и не включить в нее рассказ Хью Б. Кейва. Автор, родившийся в 1910 году в Англии, вместе с семьей иммигрировал в Америку в возрасте пяти лет. В 1929 году, занимаясь редактированием рекламных журналов, он продал свою первую кровавую историю — «Остров Испытаний» («Island Ordeal») — в «Brief Stories».

В тридцатых—сороковых годах он создал себе репутацию оригинального и плодовитого автора и постоянно публиковался в «Strange Tales», «Weird Tales», «Ghost Stories» «Black Book Detective», «Thrilling Mysteries», «Spicy Mystery Stories», и в так называемых кровавых ужасах, в том числе «Horror Stories» и «Terror Tales».

Затем он на три десятилетия оставил этот жанр, перебрался на Гаити, где основал кофейную плантацию и написал две книги записок путешественника, получившие высокую оценку, а также несколько традиционных романов. В этот период он регулярно посылал рассказы в «The Saturday Evening Post» и другие «глянцевые» журналы.

В 1977 году «Carcosa» Карла Эдварда Вагнера выпустило основательный сборник Кейва — «Мурганструмм и другие» («Murginstrumm and Others»), награжденный Всемирной премией фэнтези. К жанру ужасов Кейв возвратился, уделяя особое внимание вуду и живым мертвецам.

В 1991 году американские писатели, работающие в жанре ужасов, почтили Кейва премией «Lifetime Achievement», вручаемой за литературную деятельность в целом.

Когда Кейв в 1980 году вчерне закончил рассказ «Деловая поездка к Маргалу», то решил переработать его в большую книгу и превратил в роман «Зло» («The Evil») — одно из самых успешных своих сочинений в жанре ужасов. Для нашего сборника он доработал рассказ, который публикуется здесь впервые.

1

— Ого! — Кэй Гилберт нажала педаль тормоза. — Что это у нас, *тай-фай?*

Она говорила по-креольски, на языке гаитянских крестьян. Посреди дороги стоял, голосуя вытянутой рукой, мужчина. Рядом, у обочины, остановился один из тех больших ярких автобусов, которые у гаитян зовутся фурами. Автобус, варварски раскрашенный оранжевой и красной красками и напоминавший вагончик-переросток с «русских горок», стоял носом на север, в ту же сторону, куда ехали они. Пассажиры столпились вокруг, наблюдая за двумя рабочими, трудившимися под его брюхом.

Остановивший их мужчина шагнул вперед, когда джип остановился. Здоровенный мужик.

— Bon suir, мадам, — поздоровался он с легким поклоном. — Не подвезете ли до Кэйп-Гаитен?

— Ну... — Она замялась, смущенная его уродством. К тому же, когда отвечаешь за ребенка, приходится удваивать осторожность.

— Очень прошу, подкиньте, — продолжал мужчина, сжимая своей ручищей край ветрового стекла, словно надеялся силой не дать им уехать без него. — Мне совершенно необходимо сегодня быть в Ле-Капе.

Она не решилась отказать:

— Ну хорошо, залезайте.

Отступив назад, он, не открывая, перелез через задний борт и повернулся к металлической скамеечке на ее стороне машины.

— Нельзя ли подвинуть это, мадам? — Он приподнял коричневую кожаную сумку на длинном ремне, положенную туда Кэй.

— Дайте сюда! — Поспешно обернувшись, Кэй выхватила сумку и положила на пол под ноги малышке Тине.

— Мерсі, мадам. — Мужчина уселся.

Когда джип закончил спуск по узкому серпантину в долину реки Плежанс, Кэй чуточку расслабилась. И тотчас услышала голос пассажира:

— А как тебя зовут, девочка?

Как видно, Тине он не показался страшным. Она без запинки звонко ответила:

— Меня зовут Тина, месье.

— Тина, а дальше как, смею спросить?

— Англэйд.

Участок плохой дороги снова поглотил все внимание Кэй. Когда он закончился, девочка, сидевшая рядом с ней, заканчивала рассказ:

— Так что, понимаете, я долго пробыла в больнице, потому что ничего не могла вспомнить. Ни как зовут, ни где живу — ничего! Но теперь я поправилась, и мисс Кэй везет меня домой.

— Я рад за тебя, тай-фай!

— А теперь расскажите, как вас зовут и где вы живете.

— Ну, меня, малышка, зовут Эмиль Полинард, и живу я в Кэйп-Гаитене. У меня там мастерская по изготовлению мебели. Я возвращался из Порт-о-Пренса, а наш автобус сломался. Я воистину благодарен le bon Dieu, пославшему мне вас.

Темнело. Кэй снова сбросила скорость, чтобы не въехать в ухаб. В редких крестьянских *кальe* загорелись огни. Временами они обгоняли пешехода, державшего в руках фонарь или переносную лампу, чтобы освещать себе путь. Когда джип въехал с севера в прибрежный город Кэйп-Гаитен, пошел дождь.

В мокрой тьме Кэй засомневалась.

— Мне нужна католическая церковь, — обратилась она к пассажиру. — Не подскажете ли дорогу?

Он сказал, куда ехать, заметив, что и сам живет неподалеку. Она затормозила под уличным фонарем у церковной двери. Дождь уже падал в свете фар серебристой пеленой.

— Мы приехали, месье Полинард. Тина и я остановимся на ночь здесь, у сестер.

Пассажир поблагодарил и вылез из машины. Кэй, насупившись, обратилась к девочке:

— Тина, где живут сестры?

— Не знаю.

— Но ты же прожила у них целый месяц, прежде чем попала в больницу.

— Я тогда ничего не понимала.

Кэй беспомощно осмотрела церковь, тяжелую темную громаду в ночи, и тут же заметила, что Эмиль Полинард остановился и оглянулся на них. Он вернулся к джипу:

— Что-то не так, мадам?

— Видите ли, я... я думала, Тина знает, где найти сестер, но она, похоже, не помнит.

— Позвольте, я помогу. Кого именно из сестер вы хотите увидеть?

Ей стало неловко гонять его под дождем. Но что делать, если он не поможет?

— В больницу Тину привезла сестра Симона. Но если ее нет, подойдет, мне кажется, любая.

— Я с ней знаком. Она должна быть здесь.

Он вернулся через пять минут с большим черным зонтом, которым прикрывал одетую в черное женщину ростом немногим выше Тины.

— Привет вам обеим. Подвинься-ка, Тина, — скомандовала она, забираясь в машину. Полинард подал ей зонтик, и сестра поблагодарила его. — Поезжайте прямо вперед, — велела она Кэй. — Я покажу дорогу.

Кэй тоже поблагодарила «урода» Полинарда, поклонившегося ей в ответ. Проехав вперед, она свернула там, где сказала сестра, объехав сзади церковь и еще какое-то каменное здание.

— Идем, — распорядилась сестра, и они поспешно вошли в дом. Впрочем, оказавшись внутри, сестра оставила командный тон. Она встряхнула зонтик, закрыла его и поставила в стойку у двери, а потом присела перед Тиной и обняла ее. — Ну, как ты, маленькая?

Кэй только теперь заметила, что она гаитянка. И на редкость хорошенькая.

— Хорошо, что я вчера вам позвонила, — сказала Кэй. На самом деле она звонила просто предупредить, что они с Тиной будут проезжать Ле-Кап по пути в Тру и заедут на несколько минут повидаться. — Боюсь, мне придется просить вас приютить нас на ночь. Это возможно?

— Конечно, мисс Гилберт. А что случилось? У вас что-то с машиной?

— Мы поздно выехали. У Тины опять болела голова.

— А, опять голова... — Сестра взяла Тину за руку. — Пойдемте наверх. Сперва устроим вас в комнате, потом подумаем, чем накормить.

Она разместила обеих в одной комнате с окнами во двор, где стоял джип, и исчезла.

— Надо взять наши вещи, — сказала Кэй девочке. — Я принесу, а ты пока умойся, милая.

Сумку из коричневой кожи она принесла с собой и, уходя, старательно запихнула ее под кровать, с глаз долой. На лестнице она столкнулась с сестрой Симоной и еще одной монахиней, несущими их рюкзаки из джипа.

Их накормили супом и рыбой в маленькой столовой. Ужинали Кэй с Тиной, сестра Симона, сестра Анна, помогавшая принести рюкзаки, и сестра Жинетт, старшая из всех. Ей было около шестидесяти. Немногословный разговор вертелся вокруг их поездки.

— Дорога не из легких, верно? Давно нужен ремонт... И мост в Лимбе закрыт, так что приходится ехать через...

Почему они не расспрашивают о Тине — как мы ее лечили, как к ней вернулась память? Они заговаривали с девочкой, но ничего не выспрашивали и у нее. Можно было подумать, что они намеренно избегают определенных тем.

Но после ужина, когда Кэй взяла Тину за руку, чтобы увести наверх, сестра Симона тихонько проговорила:

— Пожалуйста, спуститесь снова, когда ее уложите, мисс Гилберт. Мы будем в зале.

Три монахини поджидали ее на деревянных стульях, неудобных даже на вид. Ей пришло в голову, что это изделия Полинарда. Свободный стул поставили для нее. На маленьком столике посредине стоял деревянный поднос с чашками, ложечками, молочником и сахарницей. На спиртовке грелся помятый кофейник, возможно, серебряный.

Монахини поднялись и дождались, пока Кэй сядет, каким-то образом умудрившись опуститься на стулья одновременно с ней, кроме сестры Симоны, которая предложила:

— Кофе, мис Гилберт?

— С удовольствием.

— Молоко, сахар?

— Черный, пожалуйста. — Было бы преступлением разбавлять чем-то чудесный гаитянский кофе.

Симона обслужила и остальных — возможно, это был обычный ритуал после ужина — и тоже уселась.

— А теперь, мисс Гилберт, пожалуйста, расскажите нам, как к Тине вернулась память. Если для вас это не слишком утомительно.

Она рассказала, как доктор Робек догадался читать Тине названия по карте и как, услышав название Буа-Саваж, ребенок мгновенно очнулся от затянувшейся амнезии — прямо как Белоснежка от поцелуя принца.

Они заулыбались.

— Тогда она вспомнила и свое имя. Если, конечно, ее действительно зовут Тина Луиза Кристина Англэйд. Наверняка мы не узнаем, пока не попадем в Буа-Саваж, понимаете? Мы пока не знаем даже, действительно ли она оттуда.

Старшая из сестер, глубоко нахмурившись, повторила:

— Буа-Саваж... Это, кажется, в горах у доминиканской границы?

— Да, если верить карте.

— Как же вы туда доберетесь?

— Нам обещали, что в Тру нас встретит проводник.

— Но туда же не проехать! Никаких дорог.

— Наверное, пойдем пешком или поедем на мулах. До завтра я ничего не узнаю. — Кэй подождала, пока они пригубят кофе. — А теперь не расскажете ли вы мне кое-что? Как попала к вам Тина? Мы слышали только, что ее привел священник.

— Отец Тернер, — кивнула Симона. — Отец Луис Тернер. Он тогда постоянно служил в Вальери, и еще на его попечении было много церквей дальше в горах. У нас есть его фотография. — Она поставила кофейную чашку и порывисто, взметнув полы монашеского платья, шагнула к книжному шкафу со стеклянными дверцами. Вернулась с большим фотоальбомом, попахивавшим плесенью, и протянула его Кэй. — Вот он, отец, справа, перед часовней Вальери. Эти большие трещины в стенах часовни остались от землетрясения за несколько дней перед тем, как сделали снимок, — представляете?

Кэй разглядывала сухопарого белого мужчину с сигаретой в уголке рта. Француз, догадалась она. Большинство белых священников в такой глуши — французы. Он не был

одет как священник: даже рубашку не застегнул и не заправил в брюки. Но ей сразу понравилось, как он улыбался в камеру.

— Однажды он возвращался из какой-то отдаленной церквушки, — рассказывала Симона, — и остановился в одиноком туземном кафе у ручейка. Он говорил, что никогда прежде не ходил этой дорогой, но ему пришлось сделать крюк из-за оползня, перегородившего обычную тропу. Конечно, у него был мул. Но мул устал, и он решил задержаться и поговорить немного с этими людьми.

Кэй, слушая, не отрывала взгляда от снимка.

— Ну вот, девочка лежала на циновке в этом кафе, и те люди попросили отца поговорить с ней. Она забрела на их участок за несколько дней до того и не могла вспомнить, кто она и откуда.

— Понимаю.

— Вы по снимку видите, какой добрый человек отец Тернер. Кончилось тем, что он заночевал там и решил, что девочка, возможно, перенесла тяжелый шок и нуждается в помощи. В любом случае нельзя было оставлять ее там. Тем людям она была не нужна. Так что с рассветом он посадил ее на мула и привез в Вальери, хотя она так и не вспомнила, кто она и откуда.

— А что потом?

— Ну, он оставил ее у них недели на три — с ним тогда еще жил молодой отец Дюваль. Они надеялись, что она придет в себя, а когда поняли, что надеялись напрасно, то привезли ее к нам. — Сестра Симона помолчала, допивая кофе, потом склонилась к Кэй. Ее хорошенькое лицо озабоченно хмурилось. — Вы не узнали, отчего возник тот провал в памяти?

— Нет.

— И, услышав название деревушки, она вдруг все вспомнила?

— Так и было. Мы сразу поняли, что физически она вполне здорова. Конечно, когда вы ее к нам доставили, она была слишком худа. Плохое питание... это не ваша вина, у вас было слишком мало времени, чтобы это исправить, — поспешно добавила Кэй. — Но в остальном она казалась здоровой.

— Как странно.

— Может статься, ее родственники из Буа-Саважа все это время ее искали, — вставила Жинетт. — Сколько же прошло? У отца Тернера она пробыла три недели. У нас — месяц. И вы ее продержали почти шесть месяцев.

Симона сказала:

— Могло быть и дольше. Мы ведь не знаем, прямиком ли она забрела от своей деревушки в то кальe, где нашел ее отец Тернер. Может, она долго блуждала. — Она покачала головой, словно говоря: жизнь полна загадок. — Мисс Гилберт, нам остается только благословлять вас за то, что вы везете девочку домой. Никому из нас это не под силу, уверяю вас. Но... вы не думали о том, чтобы оставить ее здесь и обратиться к нам с просьбой послать в те места за священником?

— То есть за отцом Тернером?

— Ну нет, теперь там не отец Тернер. Его там больше нет.

— Тогда это будет чужой для Тины человек, верно?

— Боюсь, что так. Да.

Кэй покачала головой:

— Лучше я отвезу ее сама.

Все сестры закивали и вопросительно взглянули на нее. Пора спать, догадалась Кэй и встала.

— Лучше мне взглянуть, как там Тина, правда? У нее бывают кошмары.

— И головные боли бедняжку мучат, — добавила Симона.

— Как нынче утром. Ну, тогда до завтра?

— До завтра, — хором откликнулись они, и маленькая Симона добавила:

— Доброго сна вам обеим.

Кэй поднялась по лестнице. Проходя коридором к их комнате, она услышала, что дождь все барабанит по крыше. «Господи, пусть он прекратится, не то нам будет адски трудно пробираться по лесным тропам». В комнате была настоящая парилка. Тина спала, повернувшись лицом к стене, ее рука вяло обнимала вторую подушку. Не прошло и минуты, как Кэй уснула рядом с ней.

Тем утром Эмиль Полинард, надевший поношенный плотницкий фартук, отступил назад, чтобы полюбоваться столом,

над которым работал. Большой стол из гаитянского черного дерева делался по заказу богатого торговца из Кэйп-Гаитена. Времени, как заметил Эмиль, было двадцать минут девятого. Дождь прекратился перед самым рассветом, и теперь ярко светило солнце, освещая улицу за открытой дверью мастерской. Его помощник, семнадцатилетний Арман Катор, вышел из задней комнаты:

— Я докрасил, месье Полинард. Заняться теперь креслом мадам Джордан?

Арман был славный мальчик, неизменно вежливый.

— Да, будь добр.

Выглянув в дверь на приветливое солнышко, Полинард увидел на улице знакомую машину и тихонько удовлетворенно пробормотал:

— Ха!

Он их ждал. Чтобы выехать от церкви на главное шоссе вдоль северного берега, они обязательно должны были проехать его мастерскую. Он поспешно ступил на растрескавшуюся мостовую и остановился в ожидании.

Когда джип оказался совсем рядом, он весело замахал руками и окликнул:

— Bonjour, подружки! Удачной дороги!

— Да ведь это месье Полинард, — обратилась к Кэй малышка Тина Англэйд. — Наверное, это мастерская, о которой он говорил. — Она помахала в ответ Полинарду.

Кэй тоже махнула рукой, но не остановилась. Они опять выехали позже, чем следовало. Она проспала, а потом еще сестры не отпускали их без сытного завтрака.

Джип быстро проехал мимо. Полинард стоял подбоченившись и улыбался ему вслед.

— Ваши знакомые, сэр? — спросил от дверей Арман.

— Да уж, знакомые. Подвезли меня вчера, когда сломался автобус. Очаровательная женщина. А девочка... Да, Арман, любопытная история. Ты знаешь, что такое — потерять память?

— А?..

Джип скрылся из виду. Полинард вернулся в мастерскую.

— Эта малышка только что из больницы в Артибоне. Пролежала там долго — несколько месяцев, — потому что

не могла вспомнить, кто она и откуда. А такая умница! Но теперь она наконец вспомнила и едет домой.

— Вот и хорошо.

— Да, если только то, что она им рассказала, — не новый трюк памяти. Кстати, у тебя, кажется, есть приятель, который не так давно приехал из местечка под названием Буа-Саваж?

— Да, сэр. Люк Этьен.

— Ты часто с ним видишься?

— Два-три раза в неделю.

— Тогда спроси его — мне любопытно, знает ли он девочку лет восьми-девяти, которая жила там, скажем, шесть-семь месяцев назад. По имени Тина Англэйд.

— Я лучше запишу. — Арман шагнул к верстаку, взял листок бумаги и плотницкий карандаш. — Может, я увижу завтра Люка на петушиных боях.

— Ты проводишь воскресенье на боях? Ставишь свои трудовые денежки на кур?

— Всего несколько монет, да и то редко. А вот Люк — тот ставит по-крупному и почти никогда не проигрывает. Все дивятся, как ему это удается.

— Я не одобряю петушиных боев и азартных игр, — сурово заметил Полинард. — Но про девочку ты его спроси, будь добр.

Петушиные бои, на которые ходил Арман, проводили в прибрежной деревушке Пти-Анс, чуть восточнее города. К приходу Армана бой уже начался. Белая и черно-красная птицы взметывали серый песок площадки, осыпавший зрителей дождем, в смертельной схватке. Болельщики толпились вокруг загородки из обрезков бамбука высотой по колено, криками подбадривая бойцов.

Белому приходилось туго. Арман едва успел высмотреть своего друга на дальнем краю ямы, когда бой закончился брызгами крови. Игроки зашевелились, собирая ставки.

Арман, протолкавшись к другу, без удивления взглянул на зажатые в его кулаке мятые банкноты. У Люка, верно, есть шестое чувство, уж очень редко он теряет поставленные деньги.

— Привет, — с улыбкой приветствовал его Арман. — Опять выиграл?

Высокий юноша, хмыкнув, запихнул бумажки в карман дорогой цветастой рубашки. Он угостил Армана сигаретой — тоже недешево по нынешним временам,— и остаток утра они простояли рядом. С подсказки друга Арман утроил принесенную с собой ставку.

Когда они наконец влезли в развалюху, направлявшуюся в город, Арман вспомнил про поручение и по бумажке прочел имя девочки.

— Ты не знаешь, жила такая в Буа-Саваже? — спросил он.

Маленький автобус дребезжал по шоссе, пробиваясь сквозь знойное марево над асфальтом. Люк уставился на Армана, словно видел его впервые.

Тот озадаченно спросил:

— Что такое? Я только хотел узнать, известно ли тебе...

— Неизвестно! Нет!

— Ну и нечего на меня орать. Что с тобой такое? Я просто спросил, что мне босс велел.

Недоверие на лице Люка пропало. Его сменил острый прищур, как будто он примеривался сделать очередную ставку.

— Говоришь, ту девочку везут в Буа-Саваж сейчас?

— Ну да. Ее везет сестра из больницы, где ей вернули память. То есть это если память вправду вернулась. Раз ты говоришь, что ее не знаешь, так, наверно, нет.

— Когда они собирались туда добраться?

— Откуда мне знать! Выехали вчера утром. Я только хотел узнать для месье Полинарда, правда ли, что Тина Англэйд из твоей деревни, или они зря туда едут.

— Зря,— ответил Люк и замолчал.

Он выходил первым. И постоял минуту, хмурясь вслед уходящему автобусу. Потом развернулся и зашагал по булыжной мостовой к домику, где жил с нынешней своей подружкой. Девушки не было дома. Люк зашел в спальню, уселся на кровать спиной к изголовью и обхватил колени руками. Потом закрыл глаза и вызвал в памяти лицо.

До сих пор он всего два раза пытался проделать это, и оба раза не совсем удачно. Но во второй раз получилось лучше, чем в первый, так что, пожалуй, он понемногу учился, как и предсказывал Маргал. Почувствовав, что покрывается по́том, он стянул дорогую рубаху и отбросил ее к ногам,

потом принял прежнюю позу и снова закрыл глаза. Вскоре пот струйками стекал у него по груди.

Зато лицо стало проявляться, и не так, как прежде.

Раньше изображение возникало у него в голове, в уме. А в этот раз — иначе. В этот раз лицо *бокора* плавало над кроватью, в изножье.

— Маргал, ты пришел! — прошептал Люк.

В ответ глаза уставились на него. Люк ни у кого не видел таких пронзительных глаз.

— Я не прошу о помощи на боях, — заговорил Люк. — Сейчас я должен сказать тебе что-то важное.

Голова медленно качнулась вверх-вниз.

— Ты помнишь маленькую девочку — Тину Луизу Англэйд?

Ответ — «Конечно!» — пришел словно из далекого далека.

— Ну вот, она сейчас возвращается в Буа-Саваж. После того как она скрылась из дому в Дижо-Квалоне, она забыла свое имя и где жила, но теперь вспомнила. И сестра из швейцеровского госпиталя везет ее домой!

Глаза ответили на его взгляд с такой яростной силой, что парень едва не задохнулся. Он услышал вопрос и ответил:

— Да, я уверен. — Затем на следующий вопрос он покачал головой.

— Нет, ничего не могу сделать. Слишком поздно. Они выехали вчера утром.

Образ медленно померк и пропал. Немного погодя Люк мешком сполз на постель и лежал, дрожа в собственном поту, покуда не уснул.

2

Одинокий домик на прогалине был выстроен из обмазанной глиной плетенки и покрыт пальмовыми листьями. Всего минуту назад Кэй Гилберт засомневалась, действительно ли их проводник Джозеф знает место для ночлега или просто надеется наткнуться на что-нибудь подходящее. Обрадовавшись, что после многочасовой поездки на муле они хоть куда-то добрались, она свесила ноги с седла и спрыгнула наземь.

И споткнулась. И больно шлепнулась задом. И осталась сидеть, обняв колени руками, смутившись, что выглядит так глупо в глазах вышедших из дому мужчины и женщины.

Джозеф склонился со своего мула, поставил Тину на землю, спрыгнул сам и подбежал помочь Кэй.

Джозеф. Слава богу, у них есть Джозеф. Она достаточно навидалась в больнице молодых гаитян, чтобы распознать хорошего парня. Чистюля, умница, с мягкой речью и повадкой — о таком проводнике можно только мечтать. Его нашел им капрал полиции в Тру.

Кэй надеялась заночевать сегодня уже в Вальери. Там была церковь, и священник приютил бы их. Но они слишком припозднились с выездом из Кэйп-Гаитена. И еще тропа. Не тропа, а «русские горки», каждая миля — настоящая мука

Ровный подъем — еще не самое плохое: понемногу привыкаешь клониться вперед, почти обнимая мула за шею. И спуск не так уж плох, когда научишься откидываться назад, что есть силы вцепившись в луку седла и молясь Богу, чтобы кожаные стремена не лопнули. А вот постоянная смена подъемов и спусков — просто ад, страшно до беспамятства и пытка для бедного тела. Она не раз позавидовала малышке Тине, надежно устроившейся в крепком кольце рук Джозефа и ни о чем на свете не заботившейся.

Пока она сидела, разглядывая показавшихся из хижины людей, Джозеф подбежал к ней и принялся поднимать на ноги.

— М'зель, это мои знакомые,— сказал он.— Они устроят нас на ночь.

Он представил их как Эдиту и Антуана, не назвав фамилий. Кэй пожала руки хозяевам. Наугад она сказала бы, что обоим далеко за шестьдесят. Босые, почти беззубые, оба с лицами, немного обезображенными давними вспышками фрамбезии.

Слава богу, теперь Гаити очищен от этой заразы.

— Пожалуйста, заходите в дом,— сказал Антуан.— Я займусь мулами.

— Погодите!

Никто не должен был трогать сумку из коричневой кожи. Отцепив ее от седла, Кэй повесила сумку себе на плечо.

В доме были две маленькие комнатушки. В передней стояли четыре самодельных стула и стол, во второй — самодельная кровать. Ни двери в перегородке, ни кухни. Готовили здесь снаружи, под навесом.

— Вы с девочкой ложитесь на кровать, — распорядилась Эдита таким тоном, что о возражениях и думать не приходилось. — Мы с мужем ляжем здесь, в зале, и Джозеф тоже. Джозеф — сын моей сестры.

— Спасибо.

Ей не впервой было спать в крестьянских жилье. Сестры из швейцеровского госпиталя часто поступали так, как в голову не пришло бы их коллегам из более цивилизованных стран. Конечно, в постели могут быть насекомые. Но на земляном полу вполне могут оказаться крошечные бестии, которых здесь называют «чигре». Они забираются под ногти и откладывают там яйца.

— Тине надо отдохнуть перед ужином, — сказала Кэй. — Я помогу вам готовить, Эдита.

Женщина с удовольствием приняла ее помощь. Девочка заснула, едва добравшись до кровати.

На ужин, как увидела Кэй, войдя в кухню, предполагалась тушеная кура. Первым делом — зарезать курицу. Эдита управилась с ней своим мачете, потом очистила отрубленную голову и кинула в горшок вместе с тушкой. Кэй нарезала меланги, порей и морковь. За работой женщины разговорились.

— Куда вы едете, м'зель, если смею спросить?

— В Буа-Саваж. Тина там живет.

— О?..

Кэй объяснила, сделав упор на потерю памяти, которой страдала девочка.

— Там вокруг и не такое случается, — заметила Эдита, покачав головой. — Вы знаете те места?

— Нет, я совсем не знаю этих гор. А что там случается?

— Ну... неестественные вещи.

— Вуду?

Каждый раз, когда сельские жители начинали говорить в таком тоне, можно было не сомневаться, что подразумевается вуду. Или связанные с ним тайны.

— Нет, думается, не вуду, м'зель. Скорее, колдовство или ведовство. Вы знаете, в тех местах есть человек по имени Маргал.

Глубокая морщина на лице Эдиты объяснялась не только следами фрамбезии.

— Маргал? Нет. Кто он такой?

— Бокор. Вы знаете, что такое бокор?

— Знахарь?

«Признай, что тебе что-то известно, и узнаешь больше».

Эдита кивнула:

— Маргал сильный колдун, так говорят. Может быть, самый сильный на Гаити. Есть чего бояться.

— И он живет в Буа-Саваже? — Кэй не радовала перспектива оставить Тину в деревне под властью подобного человека.

— В Легруне, в нескольких милях оттуда. — Женщина все хмурилась. — Может, вы с ним не встретитесь. Надеюсь, что нет.

— Я тоже надеюсь.

Пока готовилась курица, стемнело. Женщина в своей кухне пользовалась лампадкой, сделанной из бутылки, но, когда настала пора нести ужин в дом, позвала мужа с фонарем. Кэй разбудила Тину, и все пятеро уселись ужинать в передней комнатке, наполнившейся теперь, когда закрыли дверь, запахом керосина от фонаря, чадившего на стенном крючке. Несколько минут ели молча, затем Эдита, взглянув на сидящего напротив мужа, заговорила:

— Эти люди, Антуан, собираются в места, где живет увечный бокор.

— Джозеф мне так и сказал.

В Кэй пробудилась любознательность медицинской сестры.

— Увечный, говорите?

Они закивали.

— Он не может ходить, — пояснил Антуан. — О том, отчего это, рассказывают по-разному. Одни говорят, это после того, как фура, на которой он ехал, перевернулась и придавила его. Другие, что он замешался в политику и враги в столице раздробили ему ноги. Еще говорят, его мул сорвался со скалы Сут-Дьябле...

— Вы завтра увидите Сут-Дьябле, — перебила Эдита, — и судите сами, можно ли выжить, упав с него. Так или иначе, ходить Маргал не может, но он очень даже живой.

— И очень страшный, — добавил Антуан.

После ужина легли спать. В этих отдаленных горных районах мало кто остается на ногах в темное время. В первую очередь потому, что керосин для фонарей стоит дорого и привозить его приходится издалека.

Но заснуть на крестьянской кровати оказалось непросто. Во всяком случае для Кэй, у которой все болело. Тюфяки были набиты какой-то жесткой травой, сбившейся комками. Стоило ей пошевелиться в поисках более удобного положения, трава трещала, как на огне. Тина, слава богу, уснула, но Кэй лежала без сна.

И нельзя сказать, чтобы в тишине. Кто-то из троих, спавших в «зале», громко храпел. В лиственной крыше урчали, щелкали и шуршали гекконы. За стеной еще какая-то ящерица производила такие звуки, будто старался откашляться человек с больным горлом, а древесные лягушки свистели, как игрушечные паровозики. Но звуки снаружи доносились приглушенно — в стенах не было окон. На такой высоте думают о том, как бы сохранить тепло, а не прохладу.

Похожий на таракана светляк того рода, который крестьяне называют *кукуе,* залетел из передней комнаты, мигая в полете зеленым огоньком. Он прополз по стене на крышу и мерцал в листьях, как надоедливая рекламная вывеска.

Вопреки всему, Кэй все же задремала.

И вдруг Тину, лежавшую рядом, пробрала дрожь.

Девочка видит сон? Если так, наверняка опять кошмар. Она спала, сложив ладошки под щекой, но теперь рывком перевернулась на спину и застонала.

«Проклятие, нельзя ее будить, но придется, если она не перестанет». Кэй, приподнявшись на локте, всматривалась в подергивающееся детское лицо, радуясь теперь мерцанию светляка на крыше.

Что-то с глухим стуком упало с кровли в ноги кровати. Геккон, конечно, но она все же повернулась проверить.

Ящерки-гекконы, маленькие и безобидные, даже довольно милые.

Тина в кошмаре металась так, что вся кровать тряслась под ней. Кэй протянула руку, чтобы разбудить девочку. Снова что-то шлепнулось на кровать. Кэй снова повернулась туда.

С кровли сорвался светляк. Не переставая светиться, он ворочался на спинке, беспомощно перебирая ногами в воздухе в шести дюймах от геккона.

Голова ящерки развернулась в сторону жука, глазки-бусинки следили за его усилиями. Передние лапки, похожие на крошечные ладони, цепко впились в одеяло. Тонкое шоколадное тельце приподнималось и опускалось, словно геккон проделывал отжимания.

Разинув рот, он рванулся вперед.

Крак!

В комнате стало темно, как в яме. Девочка рядом с Кэй резко села и завопила так пронзительно, что хижина содрогнулась.

Дальнейшее было настолько ужасно, что Кэй с огромным трудом удержалась, чтобы не завопить вместе с девочкой. Проглотивший светляка геккон в изножье кровати увеличивался в размерах. Он уже вырос в темное пятно, закрывавшее собой почти всю кровать. Его лапы вцепились в одеяло, голова развернулась к Кэй и вопящей девочке, тело вновь стало пульсировать.

Он подобрался для прыжка, его ужасная пасть готова была захрустеть новой добычей.

Почти не сознавая, что делает, Кэй подхватила девочку и вместе с ней скатилась с кровати на земляной пол, в сторону открытого дверного проема. Очень вовремя. Она ползла к двери, увлекая за собой визжащего ребенка, когда услышала щелчок сомкнувшихся челюстей. На четвереньках, не выпуская Тину, она выбралась в переднюю комнату.

Вопли потревожили спавших там. Антуан зажигал фонарь. Его жена обняла Тину и гладила ее, уговаривая успокоиться, ведь все уже хорошо. Джозеф, помогавший Кэй подняться на ноги, бросил на нее странный взгляд, потом отвернулся, чтобы заглянуть в черневший проем, к которому подошел Антуан с фонарем в руке.

Тина замолчала. Кэй шагнула к двери, чтобы заглянуть в комнату, откуда только что выползла, словно спасаясь от смерти.

Никого.

— Но я же видела! Он был там. Огромный, и он прыгнул на нас.

Антуан, помолчав, спросил:

— М'зель, что вас напугало?

— Не знаю.

На кровати ничего не было. Не было даже ящерки, проглотившей светлячка.

«Тебе почудилось, Гилберт!» Но ведь первой перепугалась Тина. Вопила не Кэй, а Тина.

Кэй взглянула на часы. Через час или около того дневной свет прогонит пугающую тьму. Попятившись от кровати, она вернулась в переднюю комнату, где Эдита, сидя на стуле, баюкала на коленях Тину.

— С вами все в порядке, м'зель?

— Наверное, да. Но вряд ли я снова усну. Позвольте мне посидеть здесь до утра.

Женщина кивнула.

Кэй присела. Она спала одетой, чтобы не замерзнуть ночью. Она взглянула на Тину, перевела взгляд на изуродованное лицо женщины.

— Спит?

— По-моему, да.

Джозеф с Антуаном вернулись в комнату. Оба первым делом взглянули на девочку, потом на Кэй, как видно ожидая объяснений.

«Молчи», — остановила она себя. Если ты хоть словечко скажешь, Джозеф может повернуть назад.

Они не собирались стоять просто так, разглядывая ее.

— М'зель, прошу вас, что случилось? — спросил Джозеф.

Надо было что-то отвечать.

— Ну, мне очень стыдно, но мне, как видно, приснился страшный сон, я разбудила бедняжку Тину, а та принялась кричать.

— И все?

— Боюсь, что так.

Она видела по глазам, что не сумела их обмануть.

3

Они задержались немного в деревне Вальери, чтобы дать Джозефу время поболтать со знакомыми. Но ненадолго. За деревней тропа все так же вилась вверх в прежней тишине.

Молчание гор. Ни птичьи крики, ни шорох листьев не способны разбить эту глубокую тишину, как и приглушенные удары копыт мулов по лиственной подстилке. Кэй казалось, будто они засхали в иной мир.

Наконец тропа выровнялась, и она теперь видела, как Джозеф, обогнавший ее ярдов на десять, оглянулся и остановился подождать. Тина, как обычно, уютно устроилась в кольце его рук. Кэй подъехала к ним.

— Теперь будет трудный участок, м'зель, — предупредил Джозеф. — Хотите ненадолго остановиться?

— Я не устала.

— Вот и хорошо. Даже и лучше поскорее оставить позади это место.

Вспомнив кое-что сказанное ночью женщиной, Кэй нахмурилась:

— Это место называется Сут-Дьяблс?

Она знала, что название означает «Прыжок Дьявола».

Он кивнул.

Кэй попробовала разобрать, что там впереди. Тропа, рябая от теней, круто спускалась в овраг, вырытый сезонными дождями на глубину восьми или десяти футов. Проезжая по таким рвам, приходится вынимать ноги из стремян и высоко подтягивать их. Иначе, если мул оступится, вы рискуете размозжить ногу о склон.

— Вы должны заставить мула спускаться очень медленно, м'зель, — предостерег Джозеф. Она боязливо кивнула. — И даже не начинайте спуска, — продолжал он, — пока я не крикну вам снизу.

— Пока не крикнешь?

— В самом низу тропа резко поворачивает вправо, вот так. — Он театральным жестом начертил в воздухе прямой угол. — Я буду ждать там, чтобы помочь вам.

Кэй не совсем поняла его, но, глядя ему вслед, отметила, как осторожно он управляет мулом. Оставаясь наверху, она

смотрела, как он скрылся за поворотом. Прошло, кажется, очень много времени, пока она не услышала снизу его голос.

И робко подтолкнула мула вперед.

Такой трудной тропы им еще не попадалось. Было не только круто, но и скользко. Красные глиняные откосы рва едва позволяли проехать между ними. Ее мул семенил медленно и осторожно и все же временами спотыкался.

Один раз он упал на колени, чуть не выкинув ее через голову, и с большим трудом снова поднялся на ноги. Кэй, бросившая стремена, сама поразилась, каким чудом удержалась в седле. К счастью, внизу овраг немного расширялся, и она смогла взять стремена. Джозеф ждал ее, широко расставив ноги и сжимая в поднятом кулаке сухой прут длиной с его руку. За его спиной виднелось лишь голубое небо.

— Подъезжайте медленно и остановитесь! — крикнул он.

Когда она оказалась перед ним, он взмахнул палкой. Шмяк. Удар пришелся мулу по левой стороне шеи и заставил животное резко свернуть вправо. Вцепившись в луку седла, чтобы не свалиться, Кэй увидела все и мгновенно намочила штаны.

Джозеф встал на краю отвесного обрыва, чтобы не позволить ее мулу сделать лишнего шага перед поворотом. Потому что, сделай он лишний шаг, они с мулом — и Джозеф, конечно, тоже, — уже летели бы в ущелье, лежавшее сотней ярдов ниже. Ее мул встал. Чуть впереди ждал мул Джозефа. Тина, сидевшая на его спине, поглядывала назад. Тропа ленточкой тянулась по крутому склону, уходившему в неизмеримую ввысь справа и в пугающую глубь слева. Джозеф, так и не выпустивший своего прута, догнал ее и потрепал ее мула по плечу, словно извиняясь за удар.

— Все хорошо, м'зель?

— Мне уже никогда не будет хорошо.

Он хихикнул:

— Я, в общем-то, не беспокоился. Наши серые скотинки уже хаживали этой дорогой, а они не дураки. Я просто хотел увериться, что он помнит, где сворачивать. Теперь отпустите повод и позвольте ему просто следовать за моим, хорошо?

— Хорошо, — ответила она, надеясь, что он не заметит мокрого пятна на ее штанах.

Джозеф прошел вперед, вскочил в седло и сказал Тине что-то такое, отчего девочка уставилась на него с обожанием. Его мул двинулся вперед, и мул Кэй зацокал следом.

И тут над тропой стало темнеть.

Кэй подняла голову, чтобы посмотреть, что случилось с солнцем. Оно было на месте, но померкло, а небо стало походить на толстый лист передержанной фотопленки и чернело с каждой секундой.

Кэй взглянула вниз. Темный туман поднимался из долины, всего миг назад ярко зеленевшей внизу. Да туман ли это? Она отчетливо различала запах дыма и видела языки пламени. Затем, словно выдохнула сама земля, тьма сомкнулась и поглотила их.

Она не видела ничего ни впереди, ни вверху, ни внизу. Весь мир кипел чернотой.

Ее мул встал. Почему? Потому, что она в приступе страха дернула поводья, или потому, что он тоже ослеп? Того, что происходило, не могло быть. Так же как безобидный геккон не мог прошлой ночью превратиться в свирепого дракона.

«Маргал, — подумала она. — Безногий бокор. Мы приближаемся к нему, а он не хочет нас подпускать».

Небо, ущелье, тропинка, вившаяся по обрыву, — все теперь исчезло. Темнота, поглотившая их, была живой и свирепой, выбрасывала языки пламени и дымный смрад. От дыма она закашлялась и вцепилась в седло, пытаясь отдышаться.

Потом загремел гром. Раскат за раскатом наполняли огненный мрак долины, отдавались эхом от скал впереди и позади. Только, конечно, это был не гром. Это были раскаты барабанов, множества барабанов. Их грохот раздавался в голове. Кэй хотела закричать, но не смела. Вопль мог напугать серого мула.

Это животное не из пугливых. Мул не раз доказывал это. Но он все стоял на месте, ожидая от нее приказа двигаться дальше.

«Послать его вперед? Или его мир тоже сошел с ума? Или он видит все ту же тропу, Джозефа с Тиной на муле впереди, зелень внизу?

Нельзя здесь оставаться. Слишком опасно. Но и повернуть, вернуться назад невозможно.

Попробовать спешиться и вернуться пешком? Нет-нет!»

Мир был окутан такой тьмой, словно Кэй ослепла. Если она вздумает спешиться на тропе, мул шагнет в сторону, чтобы дать ей место, и может сорваться с обрыва. А если она попытается соскользнуть с седла в сторону обрыва, не видя края, то рискует спрыгнуть прямо в пустоту.

Она щелкнула серому языком, как научил ее Джозеф. Очень, очень бережно толкнула его пятками:

— Вперед, дружок. Но потихоньку, потихоньку.

Он тряхнул головой и двинулся вперед сквозь дым и гром барабанов, а Кэй молилась, чтобы ему видна была тропа, чтобы он не шагнул за край или не размазал ее по уходящему вверх обрыву.

«Если он прижмет меня к скале, значит, ему так же плохо, как мне. Тогда можно будет остановить его и выждать, что ли. Но если он ошибется в другую сторону — помоги мне, Боже!»

Мул брел сквозь несуществующую тьму. Грохотали барабаны. Алые языки взметывались высоко над ущельем — так высоко, что лизали тропу и тянулись к ступням Кэй, словно заставляя ее выдернуть ноги из стремян и потерять равновесие. Сражаясь с паникой, она обеими руками вцепилась в седло и крепко сжала коленями бока мула.

Что... — о господи! — что там с Джозефом и Тиной? Она не видела их.

Сут-Дьябле. Прыжок Дьявола. И человек по имени Маргал покалечился, упав отсюда? Она не могла в это поверить. Никто не выживет после такого падения.

Милостивый Боже, сколько еще?

Но ее серый видел, куда идет. Она уже не сомневалась в этом. Он шагал вперед, будто этот путь сквозь кошмар был его привычной работой. Он ни разу не прижал ее колено к скале, и, надо полагать, держался на безопасном расстоянии от обрыва. Значит, темнота существует только у нее в сознании? Работа Маргала?

«Не думай сейчас об этом, Гилберт. Просто двигайся вперед и молись».

Можно было поверить, что некто, создав чудовищный морок, понял, что его замысел не сработал. Понял, что она не запаниковала, не сорвалась с мулом в пропасть. Гром

барабанов стал громче. Казалось, череп вот-вот лопнет от грохота.

«Я ничего этого не вижу. Это только у меня в мозгу».

Большой серый мул шел вперед.

Вихрь замедлился, побледнел. Пламя осело гаснущими огоньками. Небо просветлело, и на нем проступило солнце. Впереди медленно проявлялся силуэт второго мула и Джозефа с Тиной у него на спине. Джозеф остановился там, где кончался обрыв и тропа снова уходила в лес. Спрыгнув с седла, он поставил на землю и Тину. Девочка вцепилась ему в ноги. Догнав их, спешилась и Кэй.

Они с Джозефом уставились друг на друга. Красивое лицо гаитянина цвета древесной золы безжизненно застыло. Девочка дрожала, прижимаясь к нему, и в ее устремленных на Кэй глазах стоял тот же ужас.

«Кошмар предназначался не для меня одной. Они тоже проехали сквозь него».

Кэй чувствовала, что должна как-то их успокоить:

— Ну... вот мы и здесь, а? Сут-Дьябле остался позади.

«Блестяще, — подумалось ей. — Как раз то, чего говорить не следовало».

— М'зель... что это было?

— А как по-твоему?

«Надо его разговорить. Стереть с его лица эту призрачную бледность. И с лица Тины тоже».

— Все потемнело, м'зель. Ущелье горело. Пламя поднималось до самой тропы, и я кашлял от дыма.

Она молча смотрела на парня.

— Барабаны, — хрипло продолжал он. — Я слышал все три барабана — барабан-мужчину, второй и булу. И кажется, еще и четвертый. Еще и ассатор-великан.

— Это было только в нашем сознании, — возразила Кэй. — А не на самом деле.

— М'зель, это было. — Он обернулся пепельным лицом к Тине. — Ведь было, тай-фай?

Девочка, онемевшая от страха, только кивнула.

— Нет, — покачала головой Кэй. — Не барабаны, а просто гром, и огня настоящего не было. Пройди назад и взгляни сам.

Он не желал тронуться с места. Когда она взяла его за руку и потянула, парень уперся.

— Только выйдем на обрыв, — уговаривала она, — чтобы тебе было видно.

— Нет, м'зель!

— Этого не было, Джозеф. Говорю тебе, не было! Это нам просто представилось. А теперь идем.

Он мотал головой из стороны в сторону, и сдвинуть его с места не удавалось.

В больнице она научилась проявлять характер, когда в том была надобность.

— Черт побери, Джозеф, не будь таким упрямцем. Идем смотреть! — Она так дернула парня, что тот едва устоял на ногах.

Он дал ей протащить себя к месту на тропе, откуда видно было ущелье. Оно лежало в страшной глубине, но на зелени не было и следа огня.

— Вот видишь? Если бы там в самом деле бушевал пожар, ты и теперь бы видел огонь и чуял дым. Теперь ты мне веришь?

— Я знаю, что видел!

— Ты знаешь, что тебе показалось, и только.

О господи, если бы в креольском нашлись слова для такого рода дискуссий! Но их не было. Это был простой язык, в котором едва хватало слов для самых основных понятий. Так мало слов, которые позволяют *думать*.

«Ну ладно, тогда держись основных понятий».

— Ладно, Джозеф. Огонь был, но его больше нет. Едем дальше.

Но парень замотал головой:

— Нет, м'зель. Только не я. Я возвращаюсь.

— Что?!

— То, что было, — это предупреждение. Если мы поедем дальше, будет хуже.

Догадываясь, что и на ее лице предательская бледность, она встала перед ним, уперев руки в бока:

— Ты не можешь так со мной обойтись, Джозеф. Ты взялся проводить нас в Буа-Саваж. Я уже отдала тебе половину платы.

— Я верну. До последней монетки.

— Джозеф, прекрати. Прекрати сейчас же! Я должна отвезти Тину домой, а ты должен мне помочь. Это сумасше-

ствие нас не касается. Оно было для кого-то другого. Кому нужно мешать Тине вернуться домой?

— Я возвращаюсь, м'зель. Я боюсь.

— Неужто ты такой трус!

Он только пожал плечами.

Она старалась. Добрых двадцать минут она умоляла, задабривала, упрашивала его подумать о Тине, грозила гневом полицейского, нанявшего ей проводника. Она не сдавалась еще долго после того, как поняла, что все напрасно. Он хорошо относился к ней и привязался к девочке, но он слишком напуган.

— Ладно. Если уж не идешь дальше, по крайней мере скажи мне, как туда добраться. Потому что я поеду и без тебя.

— М'зель, не надо!

— Эта тропа приведет нас в Буа-Саваж или с нее можно сбиться?

Жалобным шепотом, понурив взгляд, он ответил:

— Тут одна тропа. Вы не собьетесь.

— Тогда, пожалуйста, переложи багаж, чтобы у нас с Тиной осталось все, что может понадобиться. — Отцепив от седла коричневую сумку, она отступила в сторону.

Он молча повиновался. Они с Тиной не спускали с него глаз. Глаза у малышки стали в пол-лица.

— Теперь, *пожалуйста*, подсади Тину ко мне на мула. Я знаю, что из-за твоей трусости мне теперь придется справляться самой, но один раз напоследок ты можешь это сделать?

Он поднял девочку на руки. Прежде чем посадить ее на серого мула, коснулся губами ее щеки. У него у самого щеки были мокрыми.

Кэй осторожно влезла в седло и спросила его сверху:

— Не передумал?

— М'зель, я буду ждать вас в доме у тети, где мы сегодня ночевали.

— Не трудись! — с горечью огрызнулась она. — Как бы тебя там ящерица не съела.

Поджав губы, кипя от злости, она поехала дальше.

Прошел час, и страх ее стал отступать. Прежде она по-настоящему боялась, хотя и храбрилась перед Джозефом.

Но тропа дальше стала не такой опасной. Во всяком случае «прыжков дьявола» им больше не попадалось.

Милю за милей они слышали только голоса птиц и шелест листьев. Она разговаривала с девочкой, чтобы разогнать тишину:

— Ты рада будешь снова увидеть маму и папу, малышка?

— О да!

— А какие они? Расскажи мне о них.

— Мама красивая, как вы.

— Благослови тебя Бог. А отец?

— Он все время работает.

— Чем он занимается?

— Растит по большей части. Ямс и еще кое-что. И у нас есть коза и куры.

— А зовут его как?

— Метеллус Англэйд.

— А твою маму?

— Фифайн Бономе.

Не женаты, конечно. Крестьяне редко женятся. Но многие из живущих в *плакаж* больше верны друг другу, чем иные «цивилизованные», вступившие в законный брак.

— А сестру и двух братьев тебе тоже хочется увидеть?

— Да, мисс Кэй.

— Они старше тебя?

— Только Розмари. Близнецы младше.

— Твои братья — близнецы? Я не знала. Должно быть, ваша семья очень важная.

В культе вуду близнецы играли важную роль. Были даже особые службы для духов *марасса*.

— Хотите, расскажу вам про свою деревню, мисс Кэй? — спросила Тина.

— Очень хочу. Расскажи, пожалуйста.

— Ну, она не такая большая, как та, что мы проезжали нынче утром, — это я про Вальери. Но там славный рынок и родник...

Они болтали, просто чтобы скоротать время. Ближе к вечеру тропа вывела их на плоскогорье, выровнялась и стала расширяться. По сторонам появились плетни и калье, люди из-за бамбуковых изгородей с любопытством поглядывали на чужаков. Случалось ли им прежде видеть белую женщину?

Но Кэй быстро поняла, что не она была главным объектом внимания. Они не отрываясь смотрели на девочку, сидевшую перед ней в седле.

Тина отвечала на их взгляды. Это была ее деревня.

На развилке Кэй натянула поводья.

— Куда нам, Тина?

— Туда! — Голос девочки дрожал от волнения.

Кэй повернула мула налево, обернулась и увидела потянувшуюся за ними толпу крестьян.

Что им нужно? И если они узнали девочку, почему, во имя Божье, не окликнули ее по имени, не помахали? Неужели предчувствие, заставившее ее захватить сумку из коричневой кожи, оправдывается?

Тропинка, по которой они свернули, теперь шла вниз сквозь пышные, но неухоженные заросли широколиственных банановых пальм и дикого манго. По сторонам выстроились новые калье. И здесь люди выглядывали из дверей и из калиток и выходили, чтобы присоединиться к молчаливому и потому казавшемуся зловещим шествию.

«О господи, только не говорите мне, что дело обернется плохо теперь, когда я все-таки добралась сюда! Что такое с этими людьми?»

— Вон там! — Взволнованно подскакивая в седле, Тина протянула дрожащую ручонку.

Стоявший на отшибе у поворота тропы, за внушительным забором из обтесанных столбиков калье был чуть больше других и покрыт новыми цинковыми листами.

— Мы дома! Вот мой дом! — пронзительно выкрикивала девочка,

«Конечная остановка, — с облегчением подумала Кэй. — Мы справились. Можешь собой гордиться».

Она оглянулась на толпу — и гордость растаяла. Ей стало не по себе. Нет, больше того. Безумно страшно.

У калитки в заборе она остановила мула, устало сползла с седла и подняла руки навстречу Тине. Из дому вышла стройная миловидная женщина лет тридцати, одетая в платье, сшитое из старых мешков. Она взглянула на Кэй и направилась к воротам. Потом взгляд ее скользнул от Кэй к Тине, и она застыла как вкопанная. И завизжала.

Ее визг в клочья разорвал молчание и вызвал из дому мужчину, спотыкавшегося на бегу. Он успел подхватить под мышки бессильно опускавшуюся на колени женщину. Поддерживая ее, он тоже взглянул на приезжих и издал странный звук. Не такой громкий, как вопль женщины, но гортанное «ах-ах-ах-ах», бурлившее, казалось, не в горле, а во всем его исказившемся лице.

Толпа отозвалась ревом бури, словом, вспыхнувшим, как зигзаг молнии:

— Mort! Mort! Li Mort!

Сжимая детскую ручку, Кэй отворила калитку и подошла к обмякшей женщине. Она не знала, как прекратить эти кошмарные крики. «Не слушай их, Гилберт, делай свое дело».

— Это твоя мать, Тина?

Вместо ответа девочка, обняв женщину за шею, всхлипнула:

— Маман! Маман!

Женщина вырвалась из ее объятий и подскочила. Она в ужасе взглянула на дочь, развернулась и бросилась, словно ослепшее от страха животное, бежать через двор, мимо кучки могил на краю утоптанной площадки, в поле, где скрылась за высокими стеблями *пити ми*.

Мужчина остался стоять, выпучив на Тину глаза так, что они, казалось, вот-вот лопнут.

Девочка умоляюще взглянула на него:

— Папа.

— Ах-ах-ах...

— Это же я, папа. Тина!

Он отшатнулся, прикрывшись руками:

— Ты мертвая!

— Нет, папа.

— Да, да, мертвая!

— Папа, пожалуйста... — Потянувшись к нему, Тина расплакалась.

И сильный темперамент Кэй прорвался наружу. Она шагнула к мужчине и, подбоченившись, обожгла его взглядом:

— Что за чепуха, месье Англэйд! Если девочка пропала, это еще не значит, что она умерла. Вы же видите, что нет!

Он уставился на нее, его толстые губы шевелились, но теперь беззвучно. На сведенном судорогой лице проступил пот.

— Вы меня слышите, месье? С вашей дочерью все хорошо. Я медицинская сестра и могу судить.

— Вы... не... понимаете.

— Чего это я не понимаю?

Он, двигаясь так, будто ноги у него увязли в жирной красной глине, развернулся в сторону, куда убежала мать девочки, и, подняв руку, словно тяжелый груз, указал туда.

— О чем это вы? — резко спросила Кэй и, опустив взгляд на плачущую девочку, сказала: — Ничего, малышка. Я во всем разберусь.

Метеллус Англэйд протянул руку и тронул ее за плечо:

— Идемте.

Он медленно побрел через двор, шаркая босыми ногами по твердой земле. За маленьким кладбищем, к которому он направлялся, начиналось поле сорго. Что такого в этом поле, что оно заставило его испугаться собственной дочери?

Кэй пошла за ним, но не переставала оглядываться. Тина смотрела им вслед, прижав ладошки к щекам, очевидно совершенно раздавленная тем, что случилось. Толпа на дороге снова умолкла. По всей длине забора виднелись сосредоточенные лица, на дороге было не протолкнуться, но никто не входил во двор, хотя калитка осталась открытой. Кэй вспомнила, что не привязала серого мула. Вернуться и привязать, чтобы его не спугнули? Нет. Это подождет.

Метеллус Англэйд дошел до края двора и потащился между могилами — это были не каменные надгробия, а грубо слепленные цементные подобия маленьких домиков, стоявших на цементных же плитах, напоминавших формой гробы. Ничего особенного. Такие кладбища можно увидеть по всему Гаити. Кэй всматривалась в поле. Куда подевалась женщина?

Занятая своими мыслями, Кэй налетела на остановившегося Англэйда. Он подхватил ее, не дал упасть. Свободной рукой мужчина указал на надгробие, свежее или свежепобеленное:

— Смотрите.

Имя было не вырезано как следует, а просто процарапано острой палочкой, когда бетон еще не затвердел. Но буквы были крупными и четкими. Кэй без труда прочитала:

ТИНА ЛУИЗА КРИСТИНА АНГЛЭЙД. 1984—1992

Кэй снова вскипела, разворачиваясь к нему:

— Вы не должны были этого делать! Могилы для тех, кого вы хороните, а не для тех, кого просто сочли умершими.

Он, не дрогнув, смотрел на нее, и теперь она заметила в нем сходство с Тиной. Около тридцати лет, выше, чем обычно бывают крестьяне-горцы, с добрым, чистым лицом.

— М'зель, вы не понимаете. Моя дочь *похоронена* здесь.

— Как?!

— Она умерла. Я сам сделал гроб. Мать сама приготовила ее к погребению. Я положил ее в гроб и забил гвоздями, и, когда мы опускали ее в могилу и засыпали землей, двор был полон свидетелей. Все эти люди, что стоят сейчас на дороге. Вся деревня видела.

Кэй с усилием сдержалась. «Осторожнее, Гилберт. Теперь, бога ради, не скажи чего-нибудь лишнего».

— Месье, я могу только сказать, что вы, должно быть, ошиблись.

Он с достоинством покачал головой из стороны в сторону:

— Ошибки не было, м'зель. С той минуты, когда мы положили ее в гроб и пока земля не покрыла ее, гроб не оставался без надзора. Моя жена или я все время были с ней.

«Нельзя стоять здесь на виду, — с отчаянием подумала Кэй. — Вся эта толпа на дороге следит за нами».

— Месье, нельзя ли нам войти в дом?

Он кивнул.

— А Тине? Уверяю вас, она не мертвая. Она просто на время потеряла память и не могла вспомнить, кто она.

Он поколебался и снова кивнул.

Они вернулись к Тине, и Кэй положила руку ей на плечо:

— Идем, малышка. Все уладится.

Метеллус Англэйд первым прошел в дом. Кэй подтолкнула вперед Тину. Крестьяне за забором провожали их взглядами.

«Если они в самом деле верят, что похоронили девочку, я их не виню. Я, пожалуй, вела бы себя так же».

Дом оказался больше того, в котором они с Тиной провели прошлую ночь. Но прежде чем, как положено, похвалить его, Кэй попросила:

— Месье Англэйд, прошу вас, не займется ли кто-нибудь моим мулом? Его нужно расседлать, напоить и привязать так, чтобы он мог попастись.

Он не спешил соглашаться.

— Вам придется устроить меня на ночь у себя или у кого-нибудь из соседей, — твердо сказала она. — Так что, пожалуйста, занесите в дом и мешки с седла.

«Особенно тот, в котором моя сумка», — добавила она про себя.

Мужчина нахмурился:

— Вы хотите провести ночь *здесь?*

Кэй демонстративно посмотрела на часы, хотя и без того знала, который час.

— *Не думаете же вы, что я в такое время отправлюсь в* Тру? А джип я оставила там. Я привезла вашу дочь от самого госпиталя Швейцера, месье Англэйд. Вы представляете, как это далеко?

— Так далеко? — Он взглянул на нее с уважением, потом перевел взгляд на Тину.

О чем он думал? Может быть, что, если дочь побывала в швейцеровском госпитале, она все-таки не призрак?

— Мул, прошу вас, — напомнила Кэй. — Мы с Тиной просто посидим здесь, пока вы не вернетесь. Поверьте, мы очень устали. — Когда он повернулся к двери, она добавила: — И не найдете ли вы ее мать? Я должна поговорить с вами обоими.

Пока его не было, она попросила Тину показать ей дом. Кроме передней комнаты, заставленной грубой, но причудливо украшенной самодельной мебелью, в нем было три спальни. Однако, несмотря на цинковую крышу — признак богатства для такой деревушки, — полы были земляные, плотно утоптанные и за много лет отполированные до блеска босыми ногами. Ну по крайней мере, здесь с кровли не будут падать ящерицы.

Ожидая возвращения Метеллуса, Тина снова расплакалась.

— Иди сюда, малышка, — тихо позвала Кэй.

Девочка замерла в ее объятиях.

— Послушай меня, милая. Мы не знаем, что здесь происходит, но мы не станем этого бояться. Слышишь?

— Слышу, мисс Кэй.

— Просто постарайся быть храброй, а говорить буду я. Хотя бы поначалу. Можно?

Тина кивнула.

Кэй похлопала ее по попке.

— Умница. Теперь сядь и попробуй успокоиться. Главное, ты дома.

Метеллус Англэйд управился с мулом не скоро. Или он долго искал свою жену. Дневной свет почти погас, когда он наконец появился в дверях, нагруженный седельными сумками. За ним вошла мать Тины. Кэй успела решить, как держаться в этой ситуации, и быстро встала ей навстречу:

— Здравствуйте, Фифайн Бономе. Я — сестра Гилберт из швейцеровского госпиталя.

Тина говорила, что мама у нее красивая. Возможно, слова дочери подтвердились бы, не будь женщина так напугана. «Сейчас надо потверже», — решила Кэй.

— Сядьте, Фифайн. Я должна с вами поговорить.

Женщина пугливо покосилась на дочь. Она не заговорила с девочкой и явно не собиралась обнимать ее. Ну что ж, она ведь думает, что перед ней ребенок, похороненный в могиле во дворе...

Дверь вдруг распахнулась, и в дом ворвались трое детей: девочка, похожая на Тину, но чуть старше, и двое мальчуганов — как горошины из одного стручка. Эти были примерно на год моложе. Розмари и близнецы, подумала Кэй. Все трое запыхались, но выглядели замечательно чистенькими для крестьянских детей. Босиком, конечно, но в приличной одежде. И красивые.

При виде Тины они остановились, словно налетев на стену. Глаза их распахивались все шире и шире. Девочка попятилась на шаг. Близнецы одновременно сделали два шага вперед и в один голос прошептали имя Тины.

Тина упала со стула, рухнула перед ними на колени. Обхватив руками их колени, она зарыдала так горько, что, должно быть, ослепла от слез.

Осмелевшая Розмари решилась придвинуться поближе. Решилась тоже опуститься на колени и прижаться щекой к щеке сестры.

— Отправьте детей в другую комнату, — велела Кэй их матери. — Я хочу поговорить с вами и Метеллусом наедине.

Фифайн Бономс только глазела на свой выводок, не в силах выговорить ни слова. Уйти им велел отец.

— Теперь вы должны выслушать меня, — сказала Кэй. — Я расскажу вам, что знаю о вашей дочери, как ее нашел отец Тернер и... — Она прервалась. — Вы знаете отца Тернера?

— Прежнего священника из Вальери? — переспросил Метеллус. — Мы его знаем.

— Хорошо. Я расскажу вам, как он нашел девочку и что было с ней после. Потом вы расскажете мне, как ее имя оказалось на той могиле. Понимаете?

Они кивнули.

— А потом, — сказала Кэй, — мы решим, что тут можно сделать.

Рассказ занял немало времени. Иначе и быть не могло — она не слишком хорошо владела креольским. А она еще вставила короткую лекцию о том, что такое амнезия, ведь для нее было ужасно важно заставить их понять, что девочка совершенно нормальна.

Рассказывая о путешествии с Тиной из больницы в Буа-Саваж, она очень, очень постаралась избежать малейшего упоминания о ящерице-драконе и о странном видении на Сут-Дьябле.

— А теперь, — твердо закончила она, — пожалуйста, расскажите вы. Объясните мне, что это за могила.

— Тина заболела и умерла, — сказал Метеллус.

— Отчего заболела?

— Мы не знаем. Мы спрашивали, не ела ли она чего-то такого, чего не ели остальные. «Только манго», — сказала она. Ей дал два плода мальчик по имени Люк Этьен, когда она проходила мимо его двора по пути домой от подружки. Один — для нее, другой — для близнецов. Но дома она никого не застала, поэтому съела свое манго, и, когда мы вернулись, она уже была нездорова.

— Что значит «нездорова»?

— Живот выворачивало, и у нее была la fièv. Сильный жар. Я сразу пошел за *хунганом*. Он хороший человек. Он пришел и сделал что мог. Заварил для нее чай, накладывал руки — все такое. Он оставался с ней всю ночь, старался ей помочь. Но утром она умерла.

— Кто сказал, что она умерла? Хунган?

— Мы все, — не моргнув глазом отвечал Метеллус. — Нечего и говорить — она была мертва, когда мы ее хоронили. Когда кто-то умирает... Может, люди, которых мы позвали, не такие ученые, как ваши доктора в больнице, но они умеют определить, что жизнь кончилась. Тина была мертвая.

— И вы думаете, что манго, которым угостил ее... кто?

— Люк Этьен.

— ...могло ее убить? Вы думаете, яд?

— Отчего-то она заболела. Она никогда не болела прежде.

— Вы сказали, там было два манго.

— Да.

— Второе кто-нибудь ел?

Он покачал головой.

— Что с ним сделали?

— После похорон мы его вскрыли — я и еще кое-кто, чтобы посмотреть, нет ли в нем яда. Плод выглядел как обычно, но, конечно, наверняка сказать нельзя. Есть злые люди, очень искусные с ядами. На всякий случай мы его сожгли.

— Вы говорили с этим Люком Этьеном?

— Да, м'зель.

— Что он сказал?

— Сказал только, что сорвал манго с дерева у себя во дворе, ничего дурного не думал и дал их Тине для нее и для близнецов, потому что любит детей. Особенно этих.

Тут впервые заговорила мать Тины:

— Наши дети его любили. Он был славный парень.

— Что значит — был?

— Его сейчас здесь нет.

— О?.. И когда же он ушел?

— Вскоре после похорон, да, Метеллус?

Метеллус кивнул.

— И куда он ушел? — спросила Кэй.

Метеллус пожал плечами:

— Мы слышали, в Кэйп-Гаитен. Он там заработал много денег на ставках в петушиных боях.

Кэй, почувствовав, что засиделась, неловко встала и подошла к дверям. Дверь стояла открытой, но скоро ее придется

закрыть — во дворе темнело. У забора все еще толпился народ. Повернувшись спиной к двери, Кэй хмуро взглянула на отца Тины:

— И вы совершенно уверены, что Тина была в гробу, когда вы ее хоронили?

— Совершенно. Никаких сомнений.

— Так вы говорите, что девочка, которую я вам привезла, не ваша дочь, а чужой ребенок?

Он взглянул на жену, она — на него. Повернувшись и отвечая взглядом на строгий взгляд Кэй, он пожал плечами:

— М'зель, что мы можем сказать?

Кажется, в четвертый раз за день, уперев кулаки в бока, Кэй гневно набросилась на них:

— Вы можете признать, что ошиблись, вот что вы можете сказать! Потому что смотрите! Когда доктор, читая названия по карте, назвал Буа-Саваж, она захлопала в ладоши и крикнула: «Вот где я живу!» А потом вспомнила свое имя — полное имя, точь-в-точь то, что вы написали на этой могиле. Тина Луиза Кристина Англэйд. И вспомнила ваши имена, и сестру, и близнецов. Так если это не ваша Тина, кто, по-вашему, это мог бы быть?

Женщина что-то шепнула.

— Что? — переспросила Кэй.

— Зомби.

— Что вы сказали?

— Li se zombie, — упрямо повторила женщина, встала и, отвернувшись, пробормотала, что ей пора готовить ужин.

Если бы Кэй не настояла, женщина ни за что не позволила бы своей дочери-«зомби» ужинать вместе с другими детьми. После еды Кэй упорно пыталась сломить ее сопротивление, но безуспешно.

Возможно, она смогла бы убедить Метеллуса, не будь мать девочки в таком ужасе. Отец ее — сильный и умный мужчина, но он явно не намерен нарываться на неприятности, споря с женщиной, с которой спит. Положение было трагическим, и решения Кэй не видела.

«Ложись спать, Гилберт. Может, за ночь Метеллус соберется с духом».

Она легла, обняв Тину правой рукой. Голова девочки лежала у нее на груди. Низко на плетеном лубяном сундуке горела лампочка.

— Мисс Кэй, — зашептала Тина.

— Что, малышка?

— Они думают, я мертвая. Я правда умерла, мисс Кэй?

— Конечно нет.

— Тогда почему они так говорят? Даже Розмари и близнецы?

— Потому что они...

«О боже, малышка, не знаю я — почему. Я здесь ничего не понимаю и не знаю, что делать».

Она так устала. Весь день на муле, почти все время в страхе, потому что Джозеф бросил ее с ребенком в этой глуши. Колени у нее ныли, бедра горели, ступни на подъеме наверняка стерты этими дурацкими стременами, даже пальцы, державшие поводья, сводила судорога. А тут эта непробиваемая мамаша...

Она прислушивалась к дыханию Тины и понемногу успокаивалась. В конце концов она тоже задремала.

В единственное окошко тихонько постучали. В раме не было стекла, и она решила не закрывать ставень, чтобы от запаха керосина не усилилась и без того мучившая ее головная боль. Стучали в откинутую створку ставня. Она села на кровати и, еще не совсем проснувшись, повернулась в ту сторону. Из окна донесся шепот Метеллуса Англэйда:

— М'зель... м'зель... я должен вам что-то показать!

Она взглянула на наручные часики. Ну почему в этом безумном паломничестве ей постоянно приходится среди ночи смотреть на часы?

Десять минут четвертого. Ну что ж, она успела немного поспать и завтра, что бы ни случилось, будет свежей.

— Чего вы хотите?

— Выходите сюда, пожалуйста. Только тише, не разбудите других.

— Хорошо. Дайте мне минуту.

Кэй перед сном переоделась в пижаму, и будь она проклята, если станет одеваться в такое дурацкое время ради того, чтобы узнать, чего он хочет. Сунув ноги в тенниски,

она вышла из спальни и беспумно пересекла заставленную стульями полутемную переднюю. Он ждал ее снаружи.

— Идемте, — зашептал Метеллус, взяв ее за локоть.

Он провел ее через двор. Лунный свет был достаточно ярок, чтобы разрисовать землю тенями от дома, изгороди, деревьев и могил. Он вел ее к могилам. Рядом с той, на которой стояло имя Тины, теперь чернела яма, а в горку выкинутой земли на краю была воткнута лопата.

— Смотрите, м'зель!

Заглянув в яму, она поняла, что он сделал. Сдвинуть бетонную плиту оказалось ему не под силу, поэтому он подкопал под нее. Прорыл туннель. Достаточно глубоко, чтобы узнать то, что хотел знать.

— Видите? *Гроба нет*!

Она кивнула. Спорить было не о чем. Он выкопал не слишком много земли, опасаясь, что плита над подкопом осядет, но явно доказал, что деревянного ящика под ней нет. Кэй стояла молча, слушая обычные ночные звуки.

— Как можно было украсть гроб, не сдвинув плиты? — спросила она, уже зная ответ. Все же пусть он ответит.

— М'зель, мы не сразу делаем надгробие. Ждем, пока земля осядет. А в тот раз прошло больше шести недель, пока я смог выбраться в Тру за цементом.

«Который привез на муле, — мысленно добавила она, — а сам всю дорогу шел пешком. А потом ты строил над могилой это причудливое цементное надгробие из любви к ребенку, чье тело уже похитили».

— Метеллус, я не понимаю. — Пусть уж объяснит до конца, хотя она уже догадывалась, что он скажет.

— Ответ может быть только один, м'зель. Я знаю, что положил дочь в гроб и похоронил здесь. Теперь гроба здесь нет. Значит... ее украли и превратили в зомби.

— Значит, на самом деле она не умерла.

— Ну, вы, может быть, знаете, что зомби бывают разные. Есть такие, которые на самом деле умерли и возвращены к жизни колдовством. А других отравляют разными способами, чтобы они только казались мертвыми, а потом забирают из могил и оживляют.

— Вы думаете, Тину отравили?

— Да, теперь думаю.

— Тем манго, о котором вы мне рассказывали?

Он потянулся за лопатой и, сжимая ее обсими руками, хмуро взглянул на Кэй.

— Люк Этьен дал ей два манго — одно для нее, другое для близнецов. Знаете, что я думаю? Я думаю, она, когда увидела, что дома никого нет, съела и то манго, что он давал для близнецов.

— Я не понимаю, на что вы намекаете. — На этот раз она действительно не понимала.

— Близнецы — не такие, как обычные люди, — сказал Метеллус. — Они понадобились ему для какой-то особой цели.

— Кому? Тому парню, Этьену?

— Нет, не Этьену. — Бросив взгляд на дом, он начал тихо забрасывать яму землей. — Во всяком случае, не для него самого. Люк тогда водил дружбу с куда более важным человеком. С бокором по имени Маргал, который жил в Легруне. Кое-кто здесь поговаривает, что Этьен — ученик Маргала.

— Того, который не может ходить, — вставила Кэй.

Метеллус замер, не опустив лопаты.

— Вы о нем знаете.

— Думаю, он пытался помешать мне добраться сюда.

— Очень может быть. Потому что знаете, что, я думаю, случилось после того, как он украл гроб из могилы? Я думаю, он оживил Тину, как они это делают — травами, или листьями, или еще как, — и продал ее кому-то далеко отсюда, где ее никто не мог бы узнать. Он надеялся получить близнецов, но и за Тину, если продать ее в служанки, можно кое-что выручить.

— А она ушла от того, кто ее купил.

— Да. И ваш священник ее нашел.

— Как Маргал мог узнать, что я везу ее сюда?

— Кто может сказать, м'зель? Он, может статься, знает, что мы сейчас стоим здесь и говорим о нем. — Метеллус быстрее замахал лопатой, торопясь покончить с работой. И снова замер, обернувшись к Кэй. — М'зель, Тине нельзя здесь оставаться. Маргал наверняка ее убьет.

— Вы так думаете?

— Да, да! Чтобы защитить себя. Чтобы спасти свою репутацию.

Она подумала над его словами и кивнула.

Заровняв наконец яму, он обернулся к ней:

— М'зель, я люблю дочь. Вы, верно, уже это поняли.

— Я в этом уверена.

— И Фифайи ее любит. Но по-старому уже никогда не будет.

Кэй молча разглядывала его.

Он задумчиво проговорил:

— У меня в Порт-о-Пренсе живет брат, м'зель. Он на год моложе меня, и у него всего один ребенок. Тине было бы у него хорошо, он даже в школу ее послал бы. Здесь ей нельзя оставаться. Все здесь, в Буа-Саваже, знают, что она умерла и ее похоронили в этом дворе и что она, стало быть, зомби. Даже если Маргал ее не погубит, с ней никто не станет знаться.

— Вы хотите, чтобы я отвезла ее к вашему брату? Вы об этом говорите?

— Вы отвезете? Я провожу вас до места, где остался ваш джип.

Кэй задумалась, а он стоял перед ней, в отчаянной надежде ожидая ответа. Белая сова пролетела над двором от дороги к полю сорго. Время шло.

— Я это сделаю, но с одним условием, — наконец сказала Кэй.

Он, чуть не плача, затаил дыхание:

— А... с каким?

— Что вы, пока мы здесь, сведете меня в Легрун, в гости в вашему калеке-бокору Маргалу. Вы согласны?

Вздрогнув, он уставился на нее, вытаращив глаза. Но все же кивнул.

5

На этот раз серого мула не навьючили седельными сумками, но Кэй, прежде чем выехать из дома Англэйда в Буа-Саваж, повесила на плечо коричневую кожаную сумку. Сидя на своем муле, пробирающемся следом за мулом Метеллуса, она поняла, как трудно пришлось бы ей здесь, вздумай она отправиться в одиночку.

До Легруна, по словам Метеллуса, было всего четыре мили, но дорога оказалась трудной. Самое подходящее слово — трудной. Сразу за рыночной площадью Буа-Саважа, пустынной, потому что торговали на ней только один день в неделю, начиналась тропинка направо, отмеченная крестом Барона Субботы. На вопрос, зачем он остановился и спешился на минуту у этого креста, ее проводник пожал плечами:

— Иногда неплохо попросить у Барона защиты, м'зель.

— Так вы думаете, этот Маргал вудуист?

— Нет-нет, м'зель! Он злой человек, бокор!

Понятно, это разные вещи. Вуду — религия. А бокор — колдун, знахарь-одиночка. А тот, с которым им предстояло столкнуться, — еще и чудовище.

Мулы целую вечность пробирались по лестнице из валунов, которую с обеих сторон теснил горный лес. Местами даже небо скрывалось за стеной древесных стволов. Потом тропинка выбралась на каменистое плато, выкрашенное золотым солнечным светом, и нырнула в овраг.

Овраг понемногу расширялся и превратился в травянистую поляну, на которой стояли хижины с дерновыми кровлями. Кэй насчитала пять хижин. С отвесной скалы по правую руку от них срывался сорокафутовый водопад, наполнявший долину шумом воды. Позади крестьянских хижин стоял прочный дом с крышей из железных листов, выкрашенный в красный цвет.

«Дом Маргала», — решила Кэй. После Вальери это первый крашеный дом, попавшийся ей на глаза. Колдун Маргал, как видно, считал полезным выделяться из толпы и был достаточно состоятелен, чтобы потакать своим капризам.

На Гаити редко увидишь красный дом. Этот напомнил ей отрывок стихотворения из сборника гаитянского автора, известного серьезным интересом к оккультному.

В горах на поляне,
В красном доме,
В глуши Гаити,
В комнате многоцветной
Горят черные свечи.

Не побывал ли поэт в этих местах? Если так, он смельчак, если решился написать о них. Впрочем, книга была

написана на французском, а Маргал крестьянин и вряд ли читает по-французски или хотя бы на каком-нибудь из вариантов креольской письменности.

Ехавший впереди Метеллус натянул поводья, останавливая мула. Она подъехала, и он поднял руку, указывая вперед.

— Маргал живет в том красном доме, м'зель, — проговорил он, не глядя на нее. — Я возьму мулов и подожду вас у водопада.

Она глубоко вздохнула, чтобы успокоить сердцебиение.

— Вы, значит, оставите меня с ним одну?

— М'зель, — он покачал головой, — я не такой храбрый, как вы.

— Ну что ж...

Она была разочарована, но не сердилась. Сойдя с седла, она провела своего мула на несколько шагов дальше, чтобы Метеллус, склонившись, смог взять у нее поводья. Потом, высоко подняв голову, она в одиночку прошагала последнюю сотню ярдов.

Подходя к двери, она потрогала коричневую сумку, убеждая себя, что она на месте. Всю дорогу эта сумка была ей обузой — теперь стала утешением. Кэй постучала. Дверь сразу распахнулась. Мальчик лет двенадцати, одетый в старые штаны цвета хаки, стоял, разглядывая ее.

Она поздоровалась, он ответил.

— Я бы, с твоего позволения, хотела поговорить с месье Маргалом. Я проделала долгий путь, чтобы увидеть его.

Мальчик знаком предложил ей войти и посторонился.

Комната, в которой она очутилась, удивила ее, и не только размерами. Пол был выложен тавернопом — мелкослойной древесиной, ставшей теперь еще большей редкостью, чем гаитянское черное дерево. Из того же дерева были столы и кресла, одно из которых выделялось странной формой. Может, оно растет в этих местах? Даже если и так, Маргалу пришлось заплатить целое состояние за то, чтобы его свалили и распилили. Стены комнаты были глиняными, но все разных цветов — аквамариновая, розовая, черная и зеленая — и украшены сложным узором. Поразительно эффектное зрелище.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал мальчик. — Я спрошу хозяина, хочет ли он с вами говорить. Не сюда! — поспешно

остановил он, когда Кэй из любопытства двинулась к причудливому креслу. — Это для хозяина!

— Извини.

Она развернулась в другую сторону, но все же успела заметить, что кресло было в самом деле примечательным. Спинка вертикальная, слишком широкое сиденье завалено многоцветными подушечками. И широкие плоские подлокотники с прорезанными шлицами. Положите поперек доску, закрепите в шлице, и кресло превратится в верстак, письменный или обеденный стол.

Кэй осталась стоять. Мальчик скрылся в соседней комнате, оставив дверь открытой.

Через минуту он вернулся, толкая перед собой нечто вроде подставки на колесиках. На подставке сидел человек. Одетый в алую ночную рубаху — если это подходящее слово для такого одеяния, — мужчина весил, пожалуй, сто пятьдесят фунтов и был бы ростом около пяти футов шести дюймов, если бы мог встать прямо.

По-видимому, он не мог. Кэй, взглянув на его скрещенные ноги, решила, что они были сломаны и переломы заживали сами собой, без всякого медицинского вмешательства.

Мальчик подкатил платформу к креслу. Мужчина, нащупав за спиной подлокотники, приподнялся на руках и втянул свое изувеченное тело на сиденье. Поерзав, чтобы устроиться поудобнее, он поднял голову. Ее покрывала масса густых тугих косичек, напоминавших дреды растафарианцев с Ямайки.

Он с самым невинным видом взглянул на нее:

— Добро пожаловать, м'зель. Меня зовут Маргал. Прошу вас, скажите, кто вы и зачем сюда приехали?

Наступил момент истины. Кэй втянула в грудь воздух, собираясь с духом:

— Месье Маргал, меня зовут Кэй Гилберт. Я медсестра. Я приехала сюда — уверена, вам это уже известно, — чтобы вернуть домой заблудившуюся девочку из Буа-Саважа. Ребенка, которого вы, месье Маргал, превратили в зомби, но которого мы в больнице сумели вылечить. И у меня есть к вам предложение.

Мужчина, неспособный ходить, молчал, устремив на нее немигающий взгляд.

— Я знаю, кто вы такой, — продолжала Кэй, повторяя слова, которые твердила про себя всю дорогу к этому месту. — И еще я знаю, что вы не можете ходить. И я пришла к вам с предложением.

Какие глаза! Она не могла бы сказать, какого они цвета, так пугали они ее. И они что-то творили с ее разумом. Мешали сосредоточиться.

— Как я уже сказала... месье Маргал... я из больницы. Эту больницу — в Артибоне — все гаитяне... в том числе, я уверена, и вы... знают и уважают. И я обещаю вам... если вы... если вы перестанете делать с людьми то... то, что вы сделали с Тиной Англэйд, — если вы дадите слово чести никогда... никогда больше такого не делать... мы в больнице сделаем все возможное... чтобы вылечить вам ноги... чтобы вы снова могли ходить.

Она замолчала, мучительно стараясь овладеть собой. Господи, эти глаза просто не дают думать! Он не отвечал, если не считать ответом злобную кривую усмешку, и она беспомощно добавила:

— Я... не слишком хорошо говорю на вашем... языке. Вы поняли, что... что я сейчас сказала?

Что-то вроде смешка послышалось из уродливых губ, и взгляд загорелся силой. Кэй вдруг вновь очутилась в кальe, где безобидный геккон превратился в дракона, готового проглотить и ее, и ребенка. А потом она снова сидела на сером муле, вцепившись в седло, а неземная тьма и пламя свивались вокруг. И она поняла, что делает Маргал.

Предложенная ею помощь для него ничего не значила. Он стремился подчинить ее, а может быть, и уничтожить. Возможно, его привлекла идея создать зомби из белой женщины. Ей оставалось только одно, и она сорвала с плеча болтающуюся на ремне сумку из коричневой кожи.

Она рывком открыла ее и вытащила единственное, что в ней лежало, — черный блестящий автоматический пистолет, который, опасаясь за нее, навязал ей друг — врач их больницы, — когда она собиралась в это безумное путешествие в царство Маргала.

Но она не успела прицелиться, как комната с разноцветными стенами изменилась. Из дома, где она дрожащей рукой наводила ствол на другое человеческое существо, Кэй

словно мгновенно перенеслась в иной мир — мир безмятежной красоты, где сама мысль об убийстве представлялась кощунством.

Здесь не было варварски раскрашенных стен. Человек с изувеченными ногами не сидел перед ней в кресле, сверля ее гипнотическим взглядом, отражавшим невероятную и ужасающую мощь его разума.

Она стояла в широкой, залитой солнечным светом долине — прекрасной, как сон, долине, и под ногами лежал ковер зеленой травы и цветов. А там, где только что стояло кресло Маргала, рос молодой тополь, и на его ветке сидела, склонив головку и искоса разглядывая Кэй, невинная голубка.

«Только здесь не Эдем, и это не голубка, Гилберт! Ты же знаешь! Ради бога, не поддавайся ему!»

Пистолет все еще был у нее в руке. Собрав всю волю до последней унции, она заставила руку поднять его, заставила глаз и мозг взять прицел, приказала пальцу нажать на курок.

В этой идиллии не было ни единого живого существа, не в кого целиться. Голубка...

Звук выстрела разбил иллюзию и вырвал Кэй из гипнотического транса, который навел на нее сидевший в кресле человек. Мгновенно очнувшись, она еще успела увидеть, как пуля впивается ему в лоб и отбрасывает голову к спинке кресла. Еще не вполне ясно соображая, она шагнула вперед, чтобы осмотреть его.

Он был мертв. Даже колдун не мог бы выжить с такой дырой в голове, с мозгами, расплескавшимися по спинке кресла. Он никогда больше не сделает того, что сделал с маленькой Тиной Англэйд и, может быть, со многими другими.

Вероятно, глупо было и надеяться, что он мог бы измениться, если бы вернули ему возможность ходить...

Дрожь прошла. Снова, вполне овладев собой, Кэй поискала взглядом мальчика, который, по-видимому, подобно Люку Этьену, служил хозяину в надежде перенять часть злой силы Маргала. Она окликнула его, но он не ответил. Наверное, сбежал.

Взглянув в последний раз на мертвеца в кресле, она вернула пистолет в коричневую сумку и вышла из дома. У водопада ее, как обещал, ждал отец маленькой Тины. Он, нахмурясь, шагнул вперед.

— Я, кажется, слышал выстрел, — сказал он, и его сведенные брови обозначили невысказанный вопрос.

Она пожала плечами:

— Он устроил шум, чтобы меня напугать, — как гром в Сут-Дьябле. Помните, я вам рассказывала?

Он помог ей взобраться на серого мула.

— Я закончила, — добавила она. — Сделала то, зачем меня сюда прислали. Теперь можно вернуться домой.

МАЙКЛ МАРШАЛЛ СМИТ

Позже

Майкл Маршалл Смит стремительно набирает известность как автор, работающий в жанре хоррор. В 1991 году он получил Британскую премию фэнтези за дебютный рассказ «Человек, рисовавший кошек» («The Man Who Drew Cats»; опубликован в «Dark Voices 2») и премию «Икар» за лучший дебют. Уже через год Смит вновь получил премию за рассказ «Темная земля» («The Dark Land»).

Смит родился в городе Кинсфорде (графство Чешир), юность его прошла в США, ЮАР и Австралии, и в Англию он вернулся лишь в 1975 году. Его рассказы печатались в антологиях и журналах, а первый роман Смита, «Только вперед» («Only Forward»), вышел в 1994 году в издательстве «HarperCollins».

«Позже» — интересный и трогающий за душу этюд на тему зомби. Думаю, дочитав рассказ, вы согласитесь с тем, что Майкл Маршалл Смит — один из самых ярких талантов в жанре хоррор за последнее время.

Помню, что, перед тем как мы вышли из дому, я завязывал галстук перед зеркалом в спальне и слегка нервничал, не опоздаем ли мы. Времени было предостаточно, однако причина для тревоги все равно оставалась. Штука заключалась в том, что, стоило Рейчел начать собираться, время просто утекало сквозь пальцы. Даже если она приступала к сборам загодя, дело все равно кончалось лихорадочной ловлей такси.

Правда, собирались-то мы на вечеринку, так что опоздаем не опоздаем — это было не так уж важно. Однако что поделаешь, по части пунктуальности я зануда. Точнее, был занудой.

Более-менее укротив узел галстука и слегка приблизив его к идеалу, я обернулся, чтобы позвать Рейчел. Но, увидев, что́ лежит на кровати, я прикусил язык и смолчал. Мгновение-другое я просто смотрел на *это*, а потом подошел к постели.

Ничего особенного, просто платье из поблескивающей белой ткани. Несколько лет назад, когда мы только начинали выходить в свет вместе, Рейчел уделяла своим нарядам куда больше внимания — и не из чувства долга, не по обязанности, а для собственного удовольствия. Она без конца таскала меня по ателье, выбирала материал и крой, выпытывала мое мнение; в глазах у меня рябило от всевозможных тканей, я стонал и протестовал, но больше в шутку.

Повинуясь внезапному порыву, я наклонился над постелью — пощупать белую ткань — и тотчас вспомнил, как впервые коснулся ее в магазине на Милл-роуд, вспомнил даже, как, преодолев скуку, благодушно произнес: «Да, вот эта мне нравится». Потому-то Рейчел ее и купила, и заказала вот это самое платье, а меня за терпение угостила отменным обедом. Тогда мы жили куда беднее, так что обед был дешевый, но зато обильный и вкусный.

Удивительно, но на самом деле я ничего не имею против ателье и магазинов. Знаете, как бывает: идешь себе по улице, занятый своими мыслями, и вдруг встречаешь незнакомку и влюбляешься по уши. Просто останавливаешься как вкопанный — тебя что-то зацепило в ее наряде, в манере говорить и двигаться. И вот ты стоишь столбом и пялишься на незнакомую женщину, не в силах глаз отвести. И у тебя мгновенно возникает убеждение, что, если удастся с ней познакомиться, ты полюбишь ее навеки.

Самые фантастические идеи и совпадения проносятся у тебя в голове, а она, твоя незнакомка, не замечая тебя, преспокойно беседует с кем-то там, на противоположной стороне улицы или, предположим, в другом конце помещения, и даже не подозревает, что с тобой творится. Да, что-то щелкнуло, но только у тебя в мозгу. Ты знаешь, что никогда не заговоришь с ней, а она никогда не узнает о твоих чувствах, не пожелает знать. Но что-то заставляет тебя любоваться ею, пока в голову не закралась мысль: да ушла бы эта незнакомка поскорее и тем самым освободила тебя от наваждения.

Именно так все и было, когда я впервые увидел Рейчел. А теперь она плескалась в ванной. Я решил не торопить ее. Подумаешь — чуть-чуть опоздаем.

Через несколько минут за дверью чмокнула пробка — из ванны выпускали воду, и вот сияющая Рейчел вихрем вле-

тела в спальню, замотанная в пушистое полотенце. Тут мне моментально расхотелось идти на вечеринку — с опозданием, нет ли, все равно. Рейчел подбежала ко мне, смешно наклонила голову, чтобы удобнее было меня поцеловать, а затем резко дернула меня за галстук — вверх, вниз и затем вбок. Я глянул в зеркало и убедился, что этими тремя движениями она довела галстучный узел до совершенства.

На улицу мы вышли только через полчаса, и все равно времени в запасе оставалось немало. На сей раз я задержал Рейчел, если уж на то пошло.

— Позже, — многозначительно улыбнувшись, сказала она. — Позже и обстоятельнее, милый.

Помню, как запирал дверь, а она в это время стояла на тротуаре и смотрела на меня счастливым взглядом — само совершенство в своем белом платье. Улыбаясь, я спустился с крыльца; Рейчел сделала шажок на мостовую и засмеялась — просто так, радуясь, что она со мной.

— Пойдем.— Она протянула руку, грациозно, как танцовщица, и тут вывернувший из-за угла желтый фургон с размаху врезался в нее.

Она попятилась, точно ее тащили на веревке, ударилась о припаркованную машину и рухнула на мостовую. Я окаменел, а Рейчел приподнялась, попыталась сесть и тут же снова упала. На лице ее отразилось бесконечное удивление.

Когда я опустился перед ней на колени, кровь уже пропитала белую ткань платья и тонкой струйкой текла у нее изо рта, заливая накрашенное лицо. Да, верно она говорила — макияж на глазах лежал не совсем ровно, но я еще дома сказал ей: «Ты все равно изумительно выглядишь, ты у меня красавица».

Рейчел попыталась вновь приподнять голову, но тщетно: затылок с липким стуком ударился об асфальт. Волосы разметались ореолом, но не так, как всегда. Веки Рейчел дрогнули, глаза блеснули, и она умерла.

Я так и стоял рядом с ней на коленях и держал ее руку. Кровь уже начала подсыхать. Все как будто застыло на месте, словно замерший кадр, и не двигалось. Вокруг нас собралась небольшая гудящая толпа, я различал каждое слово, но ни одного не понимал. Думал только: «Не будет у нас никакого „позже“, мне больше не целовать ее, ничего не будет. Нет у нас больше будущего».

Вернувшись из больницы, я позвонил матери Рейчел сразу же, едва переступив порог, хотя и через силу. Мне не хотелось никому сообщать о случившемся, не хотелось официальных объявлений. Звонок этот дался мне крайне тяжело, да, крайне. Положив трубку, я огляделся. Повсюду разбросанные вещи, выдвинутые ящики, вот полотенце на полу, а вот на комоде открытка с приглашением — всё, как она оставила. Внутри у меня что-то сжалось. Все выглядело так, словно мы вернулись с вечеринки. По идее, мне сейчас варить бы кофе, пока Рейчел вновь принимает ванну, — этот кофе мы выпьем вдвоем на диване, перед камином. Но огонь не горит, и ванна пуста. И что мне делать?

Так я просидел с час или около того, ощущая, будто заблудился во времени, забрел слишком далеко в будущее, а Рейчел затерялась в прошлом, и если я повернусь, то увижу, как она, выбиваясь из сил, пытается нагнать меня. Почувствовав, что в горле у меня ком, не дающий дышать, я позвонил родителям, и они отвезли меня к себе. Мама заставила меня переодеться, но постирала мой окровавленный костюм, только когда я уснул. Во всяком случае, утром я обнаружил, что костюм выстиран, и рассвирепел; да, я знал, что мама права, и все равно рассвирепел. Но какой смысл хранить в шкафу эту одежду нестиранной?

Похороны показались мне краткими. Наверное, все похороны таковы, да и зачем растягивать это дело? Больше мне о похоронах сказать нечего. К тому моменту я чувствовал себя получше, хотя бы не плакал так сильно, хотя прежде чем уехать на кладбище, я разрыдался перед зеркалом — у меня никак не получалось завязать галстук.

Рейчел похоронили рядом с ее бабушкой и дедушкой. Ей бы это понравилось. Тесть с тещей отдали мне платье Рейчел — по моей просьбе. Оказалось, что платье тщательно выстирали и отчистили кровь, и поэтому местами белая материя потускнела и утратила блеск и выглядела теперь так же безлично и так же мало напоминала платье Рейчел, как в ателье, рулоном, расстеленным перед нами на столе. Пожалуй, я бы даже предпочел, чтобы кровавые пятна никуда не делись, по крайней мере тогда легче было бы поверить, что ткань под ними сверкала и переливалась. Но, ра-

зуместся, родители Рейчел были по-своему правы, как и моя мать. Да, есть люди, наделенные прагматизмом, они все принимают как есть, в том числе и смерть. Боюсь, я не из таких, и смерть я никогда не приму.

По окончании церемонии я постоял один у свежей могилы, но недолго, поскольку знал, что родители ждут меня в машине. Я смотрел на холмик сырой земли, засыпавшей Рейчел, и старался сосредоточиться, пытался передать ей свои мысли, свою любовь, но ничего не получалось — со всех сторон меня обступал реальный мир, напоминая о себе шумом транспорта и щебетом какой-то птицы в древесной кроне. Отвлечься от всего этого мне не удалось. Мне и самому не верилось, что вот он я, все осознаю и отмечаю: воздух, например, холодный. А где-то продолжается жизнь и кто-то смотрит телевизор, и в родительской машине будет знакомый запах, такой же, как и прежде. Я хотел почувствовать нечто особенное, ощутить присутствие Рейчел, но ничего не получалось. Я ощущал лишь присутствие окружающего мира, неизменного, прежнего. И все же мир был не таким, как неделю назад, и я не мог понять, почему же он выглядит по-старому.

А он остался прежним, потому что в нем ничего не изменилось, и я повернулся и пошел к машине. Поминки дались мне тяжелее, чем похороны, гораздо тяжелее. Я стоял посреди гостиной с бутербродом и чувствовал, как внутри у меня растет глыба льда. Гостей принимала Лиза, старинная подруга Рейчел, и еще какие-то бывшие одноклассницы, и все они поддавались перепаду эмоций — то стоическая сдержанность, то плач с дрожащими губами.

— Я только сейчас осознала, — прорыдала Лиза, — что Рейчел не придет ко мне на свадьбу.

— И ко мне тоже, — отупело откликнулся я и тотчас разозлился на себя за такой ответ, поэтому отошел в сторонку и встал у окна, от греха подальше. У меня не получалось нормально реагировать. Я знал, почему все собрались здесь, и чем-то это напоминало свадьбу.

Они пришли, но не засвидетельствовать нашу нерасторжимую связь, а подтвердить, что Рейчел умерла. Пройдет время, но они будут помнить, как стояли в этой гостиной с бокалами и бутербродами, и это поможет им принять мысль о том, что ее больше нет. Но мне — не поможет.

Прежде чем уйти, я простился с ее родителями. Мы неловко переглянулись и отстраненно пожали друг другу руки, будто снова стали чужими. Потом я вернулся домой и переоделся в какое-то старье. Рейчел называла эту одежду «потомошной»: «Когда-нибудь потом ты непременно должен ее выбросить». Приготовил себе чашку чаю и некоторое время смотрел в окно. Я-то отлично знал, что предприму, и какое же было облегчение поддаться этой идее.

Ночью я возвратился на кладбище и выкопал ее из могилы. Что тут еще скажешь? Работа оказалась нелегкой и отняла куда больше времени, чем я ожидал, но в каком-то смысле все оказалось просто. Ну да, конечно, мне было не по себе, я чувствовал себя психом, но ровно до той секунды, когда лопата в первый раз вонзилась в землю. Дальше пошло легче. Это было все равно что просыпаться утром после катастрофы. В первое утро я сидел на краю кровати, обхватив себя руками, и недоумевал, что же случилось, но на следующее утро я уже знал, чего ожидать. Никаких раскатов грома над моей головой не раздавалось, и молния меня тоже не поразила, и вообще я был на диво спокоен. Здесь, на кладбище, был только я и она, моя милая, под землей. Я просто хотел отыскать ее.

Положив ее на край могилы, я засыпал яму, чтобы все выглядело как раньше. Потом на руках отнес ее в машину и повез домой.

Там я усадил ее на диван, привычно скрипнувший под знакомой тяжестью тела — как-то очень громко в тишине, наполнявшей квартиру. Устроив ее поудобнее, я опустился на колени и заглянул ей в лицо. Оно было почти что прежним, только оттенок кожи изменился — исчезло присущее ей сияние. Вот в этом-то и заключается жизнь, понимаете? Не в сердце, а в таких вот мелочах, например в том, как волосы падают на плечи и на лоб. Лоб был гладкий, нос, рот — ничто не изменилось, то же лицо, говорю вам.

Конечно, я знал, что под платьем скрывается такое, что мне лучше бы не видеть, но все равно я раздел ее. Платье-то было погребальное, то есть купленное ее родителями специально для похорон, и для нас с ней оно ничего не значило, ни о чем не напоминало. Я знал, что ее сильно покалечило, но оказалось, что швы и заплаты наложены мастерски, во всяком случае я их даже не заметил, так что все было не так уж и плохо.

Переодев ее в белое платье, то самое, я пригасил свет и немного поплакал, потому что она выглядела ну совсем прежней — точь-в-точь спит, пригревшись у камина и слегка охмелев от вина. Все так, будто мы вернулись с вечеринки.

Оставив ее у камина, я пошел помыться. Мы всегда принимали ванну, когда возвращались домой, — чтобы лечь в постель чистыми и свежими. Конечно, нынче вечером все было несколько иначе, но я зверски перепачкался на кладбище, а мне хотелось почувствовать себя как обычно, прийти в норму. Хотя бы на одну ночь, чтобы все было по-старому.

Я сидел в ванне и не спеша отмывался, зная, что она там, в гостиной, на диване. Меня тешила мысль о том, что я теперь не один. Все-таки лучше, чем ничего, — я вернул себе часть того, что делало ее живой. Свою «потомошную» одежду, в которой ездил на кладбище, я затолкал в корзину с грязным бельем, а сам переоделся в тот самый костюм, что был на мне в последний вечер, перед катастрофой. Конечно, костюм этот значил для меня не так много, как ее белое платье, но и он был из прежней жизни.

Вернувшись в гостиную, я обнаружил, что голова Рейчел слегка склонилась набок, но, впрочем, такое могло быть, если бы она заснула. Я сварил нам по чашке кофе. Обычно она пила несладкий кофе, но как-то раз положила сахар — именно в эту чашку, — поэтому и теперь я подсластил ее кофе. Потом сел рядом с ней и, как всегда, порадовался, что в диванных подушках со временем образовалась вмятина, заставлявшая меня съезжать к Рейчел, а не сидеть на краешке.

Впервые я увидел Рейчел на вечеринке — углядел с другого конца комнаты и откровенно уставился на нее, но заговорить мы так и не заговорили. Потом мы где-то с месяц толком не общались, а первый раз поцеловались только через несколько недель. И вот теперь, сидя рядом с ней, я осторожно, как и тогда, потянулся к ее руке. Она оказалась холоднее, чем обычно, но не слишком, ведь в камине горел огонь, и я держал эту руку, чувствуя под пальцами линии на ее ладони, знакомой мне, как своя собственная.

Я подождал, пока не успокоюсь, и в неярких отсветах от камина сжал ее, не глядя на саму Рейчел, — точно так же, как в день нашего знакомства, когда я боялся проявить излишнюю настойчивость, чтобы не искушать судьбу. Она

позволила тебе держать себя за руку, думал я тогда, и не находил сил взглянуть в лицо Рейчел. Уже руки достаточно для счастья, не смотри, а то разрушишь чары. А теперь лицо у меня исказилось, не то на грани смеха, не то на грани рыданий, но мне было хорошо, правда же.

Так я просидел довольно долго, глядя на огонь, ни о чем не думая, сжимая ее руку и позволяя времени идти своим чередом. И чем дольше я так сидел, тем привычнее и нормальнее себя ощущал, и наконец решился повернуться и заглянуть ей в лицо. Казалось, она спала, уснула от усталости глубоким сном, но все равно она была со мной, по-прежнему моя.

Когда ее ресницы дрогнули в первый раз, я подумал — померещилось, игра света, ведь угли в камине то вспыхивают, то гаснут. Но вот вновь это маленькое движение. Я думал, что умру на месте. Веки чуть приподнялись, и напряжение отпустило меня, все стало иначе. Рейчел прошла долгий путь, чтобы вернуться домой, и, испугайся я или оттолкни ее, все было бы кончено в ту же секунду. Но я не испытал и тени сомнения. Прошло несколько минут, и она открыла оба глаза, а через некоторое время ей удалось повернуть голову, правда очень медленно.

...Я по-прежнему хожу на работу и время от времени появляюсь в обществе, но завязать мой галстук так, как раньше, у Рейчел не получается. Мелкие движения пальцев ей не даются, и она не в силах помочь мне. Пойти со мной в гости или на вечеринку она тоже не может, и у нас дома никто не бывает, но это, право же, совершенно не важно. Мы и прежде много времени проводили вдвоем. Нам так нравилось.

Конечно, мне приходится постоянно ей помогать, обслуживать ее, ухаживать за ней, но я справляюсь. Мало ли кто остается инвалидом после всяких катастроф; выживи Рейчел, ее тоже могло бы серьезно покалечить — и позвоночник, и мозг, — и она двигалась бы так же медленно и неуклюже, как теперь. Жаль, что она не может разговаривать, у нее нет воздуха в легких, зато я учусь читать по губам. Они шевелятся медленно, очень медленно, но я знаю, она пытается поговорить со мной, и хочу разобрать слова.

И все-таки Рейчел передвигается по квартире, держит меня за руку и пытается улыбаться. Если бы ее покалечило, я все равно ее любил бы. Так что, в сущности, никакой разницы.

ПИТЕР ТРИМЕЙН

Марб Бхео

Питер Тримейн — псевдоним историка и кельтолога Питера Берресфорда Эллиса. Под этим псевдонимом он опубликовал более двадцати пяти книг в жанре хоррор и фэнтези.

«„Марб бхео" написан в традиции рассказов, собранных в „Айслинг", — поясняет автор. — Это интерпретация ирландских народных сказок и легенд в духе хоррора. Один критик, без сомнения с некоторым перехлестом, назвал меня „достойным наследником Шеридана Ле Фаню и Брэма Стокера". Так где же соответствующие гонорары?»

Когда я добрался до старого коттеджа, уже стемнело. Путешествие было не из легких. Полагаю, что для всякого человека, родившегося и выросшего, как я, в городе, большинство путешествий по сельской местности не относятся к разряду легких. Конечно, я повел себя слишком самонадеянно. Мне сказали, что коттедж всего в двадцати с лишним милях от центра Корка «по прямой». Но в Ирландии мили особые. Я знаю — ходят анекдоты об «ирландской миле», но в них есть доля истины. Горы Боггера, где укрылся коттедж, — мрачное и безжизненное, словно лунная поверхность, место, где ничего не растет, только аскетичный вереск и сорняки упрямо цепляются за серые гранитные выступы холмов, а ветер завывает между устремленными к небу камнями. На то, чтобы преодолеть милю по диким, поросшим дроком каменистым склонам, надо потратить пару часов. Миля по современному шоссе — это вам не миля по заброшенной проселочной дороге, петляющей между этих зловещих холмов.

Что я вообще делал в таком негостеприимном месте? Именно этот вопрос вы, без сомнения, задали бы мне.

Что ж, я оказался там не по зову сердца. Но жить как-то надо, а средства к существованию я добывал, работая на «RTE». Я независимый исследователь «Телефис Эйреан» на ирландском государственном телевидении. Изначально идея

создать программу об ирландских народных обычаях принадлежала одному нашему преуспевающему продюсеру. Так что именно благодаря ему я рылся в пыльных томах в букинистической лавке, специализирующейся на оккультной литературе. Лавка эта располагается на узкой Шиарс-стрит, на безымянном островке посреди реки Ли, который является центром города Корк. Это место часто упоминается в литературе о графстве Корк как место, куда когда-то съезжались светские люди — себя показать и других посмотреть. Та славная эпоха миновала, и теперь там громоздятся друг на дружке разные магазинчики и лавки ремесленников.

Мне поручили исследовать суеверия, связанные с мертвецами; я просматривал какую-то книгу, когда осознал, что рядом со мной стоит старушка. Она с нескрываемым интересом пялилась на книгу у меня в руках.

— Так, значит, вас, молодой человек, интересуют ирландские обычаи и суеверия, связанные с мертвецами? — высокомерно заметила она, голос у нее был тонким и немного визгливым.

Я посмотрел на старушку. Она была невысокого роста, сгорбленная, но черное длинное платье, с такими же шляпой и вуалью, делали ее похожей на персонаж викторианской драмы. Такой наряд не позволял разглядеть черты лица старой леди, но от нее веяло давно минувшей эпохой, временами, почти позабытыми.

— Интересуюсь, — вежливо ответил я.

— Любопытная тема. В Западном Корке существует множество легенд о тех, кто умер и снова вернулся к жизни. Если вы проедете по местным сельским общинам, то услышите немало невероятных историй.

— В самом деле? — любезно полюбопытствовал я. — Вы имеете в виду зомби?

Старушка презрительно фыркнула:

— Зомби? Это африканское шаманство, вуду. А вы в Ирландии, молодой человек. Нет, я имела в виду *марб бхео*.

— А что это такое? — спросил я.

— Живые мертвецы, — ответила старушка. — В сельской Ирландии вам расскажут много сказок о *марб бхео*. — Она снова фыркнула. Похоже, у нее была такая привычка. — Да, молодой человек, это правда. Там вам порасскажут такое, что

у вас волосы встанут дыбом. Фантастические, жуткие истории. Легенды о погребенных заживо. История нечестивца Тэдхга Кэтейна, которого в наказание за грехи каждую ночь преследовал ужасный *марб бхео*. Он требовал похорон и таскал Тэдхга по кладбищам, и на каждом кладбище мертвые вставали из могил и отказывали ему в захоронении. Есть легенды о мертвецах, которые поджидают у озер утопленников и пожирают их, есть о нечестивых живых тварях, рыскающих по курганам. О да, молодой человек, в этих краях вы сможете услышать невероятные истории, и некоторые из них всего в одной миле или около того от этого самого места.

Я слушал ее, и меня вдруг осенило.

— А вы не знаете кого-нибудь из местных жителей, кто эксперт в такого рода историях? — поинтересовался я. — Понимаете, я работаю над телевизионной программой и хотел бы поговорить с кем-нибудь...

Старушка снова фыркнула:

— Вы хотели бы поговорить с кем-то, кто обладает знанием о *марб бхео?*

Я улыбнулся. В ее устах это звучало так естественно, словно я просто просил порекомендовать мне человека, сведущего в пчеловодстве.

— Отправляйтесь к горе Машерамор и найдите «Тич Дрок-Хлу». Спросите отца Ниссана Дохени. Он поговорит с вами.

Я положил книгу на место и отвернулся, чтобы взять свой портфель. Когда я повернулся обратно, к моему великому удивлению, старушки на прежнем месте не оказалось. Я оглядел букинистическую лавку. Хозяин был наверху, но, когда я поинтересовался, не видел ли он старую леди и не была ли она ему знакома, он ответил отрицательно. Делать было нечего, я пожал плечами и быстро набросал в блокнот полученные от старушки координаты. В конце концов, если ты пришел в букинистическую лавку, специализирующуюся на оккультной литературе, будь готов столкнуться с эксцентричными персонажами. Тем не менее я был рад этой встрече. У меня появилась более интересная перспектива, чем перелопачивание пыльных томов. Успех телевизионной программы зависит от персоналий, от рассказчиков, а не от диктора, который читает за кадром текст по бумажке.

Машерамор — самая большая вершина гор Бэттера неподалеку от Корка. Я пролистал телефонный справочник, однако номера отца Ниссана Дохени не нашел. Но это место находилось так близко, что я, городской житель, решил, что смогу проехать двадцать одну милю до Машерамора и обратно за один вечер. Следует пояснить, что я являюсь гордым обладателем винтажного мотоцикла «триумф». Мотоциклы — это мое хобби. Я подумал, что вполне смогу поболтать со святым отцом и вернуться в Корк задолго до полуночи.

Я выехал из Корка по дороге на Макрум — это было отличное прямое и широкое шоссе, — а потом свернул на север и по узкой проселочной дороге покатил к деревушке Баллинагри с возвышающимся за ней черным силуэтом Машерамора. Это было просто. Я сделал остановку в местном гараже на северной окраине Баллинагри, заправился и спросил дорогу к «Тич Дрок-Хлу». Механик, судя по бейджику на комбинезоне, его звали Манус, одарил меня таким взглядом, словно мой вопрос чем-то его позабавил. Когда он указывал мне дорогу, на лице его блуждало подобие заговорщицкой улыбки.

Вот тогда и началось настоящее путешествие.

На переговоры с механиком и дорогу до пункта назначения у меня ушел час. Пусть стыдно, но я должен признаться, что мой ирландский не очень-то хорош. В стране с репутацией двуязычной, но где один язык распространен гораздо шире, чем второй, можно прожить и не владея вторым. Таким образом, я знал, что «тим» по-ирландски «дом», но понятия не имел о полном значении этого словосочетания. И найти коттедж, который я в связи с вышесказанным ожидал увидеть, оказалось гораздо труднее, чем я ожидал.

Он прятался в углублении в склоне горы, темные деревья и кустарник образовали вокруг него живую изгородь. Это был старый дом, впечатление он производил гнетущее. И когда я в конце концов нашел его, ночь уже укрыла землю своим широким черным плащом.

Я оставил мотоцикл и пошел по извилистой тропинке, острые колючки боярышника царапали мне руки и цеплялись за пиджак. Наконец я подошел к двери с низкой перемычкой.

Я постучал по облезлой дощатой двери, и слабый голос пригласил меня войти.

Отец Ниссан, во всяком случае я решил, что этот тощий человек был именно он, сидел на стуле с высокой спинкой у очага, в котором тлел торф. Волосы у него были белые, глаза — бесцветные и тусклые, как будто лишенные жизни, а кожа его была похожа на желтый пергамент. Костлявые руки с длинными ногтями лежали на коленях. На мой взгляд, ему было лет девяносто. Он был в черном, лоснящемся от времени костюме, который освежал только белый воротничок католического священника. Атмосфера в комнате, несмотря на огонь в камине, была прохладной.

— Мертвецы? — резко чирикнул он, после того как я объяснил ему суть дела. Его тонкие бескровные губы разъехались в стороны. Это, по всей видимости, была улыбка. — Неужели живым настолько нечем себя занять, что их интересуют мертвые?

— Это для телевизионной программы о фольклоре, святой отец. — Я постарался взять соответствующий тон.

— Фольклор, говоришь? — Отец Ниссан хихикнул. — Теперь мертвых свели к фольклору.

Он умолк и молчал так долго, что я подумал, что одряхлевший от старости священник заснул, но тут он повернулся ко мне и покачал головой:

— Я мог бы рассказать тебе много историй о мертвецах. Они такие же реальные, как живые. Да вот хотя бы ферма, тут неподалеку. В этих краях есть такой обычай, когда вечером выплескиваешь воду, а тут ты найдешь много домов, где воду до сих пор берут из колодца, так вот, тот, кто выплескивает воду, должен крикнуть: «*Tog ort as uisce!*» Это значит: «Убирайся прочь от воды!»

Я знал, что это деревенское выражение лучше перевести на английский как «Берегись воды».

— А почему следует это говорить, отец?

— Потому что существует поверье, что вода, попадая на труп, обжигает его, ибо вода — это символ чистоты и непорочности. Слушай же, однажды вечером женщина с фермы неподалеку отсюда выплеснула кувшин воды и забыла прокричать предостережение. Тотчас же она услышала пронзительный крик раненого живого существа. В темноте она никого не увидела. Около полуночи дверь открылась, и в дом вошел черный ягненок, спина у него была ошпарена. Он лег

возле очага и жалобно стонал. Ягненок умер до того, как фермер и его жена смогли придумать, как им поступить.

На следующее утро фермер его похоронил. В ту же ночь, ближе к полуночи, дверь снова открылась — и появился ягненок. Спина его была ошпарена так же, как и накануне. Он лег на пол и умер. Фермер опять его похоронил. Когда это случилось в третий раз, фермер послал за мной. Я тогда был еще молодым священником, но сразу понял, что происходит, и с помощью ритуала изгнания нечистой силы успокоил душу умершего. Больше черный ягненок не появлялся.

Я наспех конспектировал услышанное, для этого мне пришлось пристроить блокнот на столике у очага.

— Просто великолепно, святой отец. Из этого получится чудесная история. Первоклассная.

Отец Дохени поморщился:

— То, о чем мы говорим, — не игрушки. Мертвые обладают силой в той же мере, что и живые. Мой вам совет, молодой человек, — не стоит их дразнить.

Я милостиво улыбнулся:

— Не беспокойтесь, святой отец. Я не собираюсь их дразнить. Я просто хочу собрать материал для программы...

Отец Дохени скривился, как от боли, но я не обратил на это внимания и продолжал болтать:

— А в Ирландии есть что-нибудь вроде зомби?

Святой отец фыркнул, и я вдруг вспомнил старушку в букинистической лавке и то, что она мне говорила.

— Ты имеешь в виду трупы, которых оживили с помощью колдовства?

— Да. Существуют ли в Ирландии какие-нибудь легенды о мертвецах, которые могут ходить? Я имею в виду тех, кого вы зовете *марб бхео*.

Мне показалось, что бесцветные глаза священника смотрят прямо сквозь меня.

— Конечно, мертвые ходят. Мир мертвых отделяет от мира живых очень тонкая завеса. В надлежащее время под должным воздействием мертвые способны проникнуть в наш мир с той же легкостью, с какой мы можем попасть в их мир.

Я не сдержался и ухмыльнулся:

— Это не очень-то соответствует официальной позиции католической церкви.

Святой отец недовольно поджал тонкие губы:

— О таких вещах люди знали задолго до христианства. Не следует относиться к этому легкомысленно.

Отец Ниссан Дохени был просто находкой. Я царапал авторучкой по листкам в блокноте так быстро, как только мог, и представлял целую серию программ, в которой старый священник делится со зрителями своими жуткими историями.

— Продолжайте, святой отец, — настаивал я. — Насколько легко проникнуть за этот ваш занавес и попасть в мир мертвых?

— Достаточно легко, сын мой. Когда я был молодым священником, возле Кахербарнага жила одна женщина. Как-то раз она возвращалась домой и остановилась возле маленького ручейка попить воды. Когда она утолила жажду и встала на ноги, то вдруг услышала тихую музыку. Несколько человек спускались по тропинке и пели странную умиротворяющую песню. Женщина растерялась, ей стало не по себе. А потом она поняла, что рядом с ней стоит высокий молодой человек и наблюдает за ней. У него было холодное бледное лицо и большие пустые глаза.

Она спросила его, кто он такой. Молодой человек не ответил, но сказал, что ей грозит большая опасность и, если она не пойдет с ним, с ней приключится несчастье. Женщина побежала за молодым человеком, а люди, которые спускались по тропинке, кричали ей вслед: «Вернись!» От страха у нее как будто выросли крылья, и она все бежала и бежала с тем молодым человеком, пока они не оказались на опушке леса. Молодой человек остановился и сказал, что теперь им ничего не угрожает. А потом он попросил ее посмотреть на его лицо.

И когда она это сделала, то узнала в нем своего старшего брата, который утонул годом раньше. Он утонул, когда плавал в темных водах Лох-Далу, и его тело так и не нашли. Что ей было делать? Она почувствовала рядом зло и побежала домой, послала за мной и обо всем рассказала. Она дрожала от страха, когда рассказывала мне свою историю. И после этой исповеди она умерла.

— Потрясающая история, — сказал я, с энтузиазмом записывая ее в свой блокнот.

— В этих краях повсюду можно услышать истории о мертвецах, — кивнул старый священник.

Бой старинных часов в углу комнаты вернул меня к действительности. Я глазам своим не поверил — было уже почти десять вечера. Я вздохнул. Делать нечего, отличный материал сам шел мне в руки, и было бы непрофессионально обрывать разговор только ради того, чтобы возвратиться в Корк в разумное время.

— Но как же *марб бхео*, отец? — спросил я. — Эти истории, которые вы мне рассказали, они скорее о привидениях, чем о ходячих мертвецах. А у вас есть истории об оживленных мертвых?

— Приведения, ходячие мертвецы, — невозмутимо отвечал отец Дохени, — мертвые и есть мертвые, в каком бы обличье они ни представали.

— Но оживленные трупы? — не унимался я. — Как насчет них?

— Если я должен говорить, значит, должен. — Казалось, старый священник говорит сам с собой и с каким-то третьим, невидимым собеседником. — Мне говорить?

Естественно, я решил, что вопрос обращен ко мне, и ответил утвердительно.

— Тогда я буду говорить. Я расскажу тебе историю. Это история английского лорда, который владел этими землями еще в те времена, когда Ирландия не завоевала независимость от Англии.

Я глянул на часы и спросил:

— Это история о ходячих мертвецах, о *марб бхео?*

Священник проигнорировал мой вопрос.

— Лорда звали граф Машерамор, барон Лиры и Лиснараха. У него был огромный замок, а его поместье занимало почти все горы Боггера. Его род владел этими землями со времен английских завоевателей и бегства наших титулованных особ в Европу. Поместье приносило большой доход, граф был богат и всемогущ.

Голос священника звучал, как басовая трубка волынки, — он гипнотизировал и усыплял.

— Время действия его истории — Великий голод. В середине девятнадцатого столетия в Ирландии случился неурожай картофеля. А так как отсутствующие английские ленд-лорды довели крестьян до крайней бедности, их основной пищей он и был. Изредка на стол крестьян попадали дичь

и рыба, которых они добывали, браконьерствуя во владениях своего господина. Лендлорды жестоко наказывали всякого, кто осмеливался охотиться на их землях. Одного молодого крестьянина за то, что он, чтобы накормить свое семейство, посмел подстрелить двух зайцев на земле графа Машерамора, на семь лет сослали в Ван-Димен, в Австралии. Такая участь ожидала каждого крестьянина, нарушившего закон об охоте. За исполнением этого закона наблюдали безжалостные смотрители. Обычно их набирали из обедневших отставных офицеров английской армии, чтобы они следили за порядком в поместье в отсутствие хозяина.

Таким образом, когда случился неурожай картофеля, крестьяне, естественно, начали голодать. За три года население страны сократилось на два с половиной миллиона человек. И все равно лендлорды и смотрители продолжали требовать подать с крестьян. Мужчины, женщины, дети и младенцы, если им было нечем платить подать, зимой выгонялись на мороз, а их жалкие лачуги сносили, чтобы им некуда было вернуться. Крестьяне умирали от холода, недоедания и прочих болезней, которые приносит с собой крайняя нужда. Холера свирепствовала по всей округе.

А лендлорды богатели. Продукция их поместий — зерно, мука, лен, скот, птица — в огромных количествах загружалась на корабли в ирландских гаванях и переправлялась в Англию на продажу.

Жизнь крестьян стала невыносимой. Крестьяне поместья Машерамор собрались на поляне у замка графа. Они встали на колени и воздели руки к небу, умоляя своего господина помочь пережить наступающую зиму. И многие из них уже были обречены не дожить до первого снега, настолько они ослабли от недоедания.

Лорд Машерамор был бездушным и самовлюбленным молодым человеком. Ему было около тридцати, у него был орлиный профиль и презрительно кривящийся рот. С тех пор как он унаследовал поместье, он посетил его лишь однажды. Лорд предпочитал жить в собственном особняке в Лондоне, где он посещал театры и таверны и проигрывал целые состояния в игорных домах, бросая кости или раскладывая карты. Но в то лето он вынужден был наведаться в свое родовое гнездо, чтобы убедиться в том, что уро-

жай, выращенный в поместье, не роздали голодающим крестьянам.

Лорд встревожился, когда увидел перед своим замком огромную толпу. Там собрались сотни крестьян со всей округи. Недолго думая, он послал своего смотрителя к солдатам в Маллоу, и вскоре на защиту замка прибыло три отряда гусар. Капитан, командовавший гусарами, по указанию лорда Машерамора приказал крестьянам разойтись. Крестьяне замешкались, и он бросил на них своих людей. Гусары с дикими воплями ринулись вперед и рубили саблями направо и налево. В результате многие крестьяне погибли, и в их числе священник, который пришел к замку, чтобы присоединить свой голос к мольбам голодающих крестьян.

А в толпе, собравшейся в тот день у замка, была женщина по имени Брид Кэппин. В былые времена ее избегали, ходили слухи, что она вроде как колдунья. Она действительно была сведущей в таких делах. Брид осталась в живых и отделалась только ударом сабли, который рассек ее худое заостренное лицо. Но шрам на ее сердце был гораздо глубже. Старой Брид Кэппин были известны древние практики, которыми с незапамятных времен пользовались колдуньи, их истоки были забыты еще до прихода христианства. Она могла выпотрошить курицу и по окровавленным внутренностям предсказать будущее.

Когда солдаты бросились на толпу безоружных крестьян, Брид бежала в горы и целый день пряталась в зарослях дрока. Под покровом ночи она спустилась с гор на поляну возле замка, где были оставлены на всеобщее обозрение тела убитых. Она неистово обследовала труп за трупом, пока наконец не нашла то, что искала, — тело мужчины, у которого были целы все конечности. Потом — Бог даровал ей силу или дьявол, кто знает, — она выволокла этот труп с поляны и дотащила его до своей пещеры в горах.

Там, в пещере, она совершала ритуалы и произносила заклинания, которые не смог бы понять ни один специалист по древнекельтским языкам. Она нашла и собрала особые травы, заварила их в чайнике на маленьком огне и омыла отваром труп мужчины. И наконец, когда луна достигла той точки на небе, которая означает наступление полуночи, конечности мужчины начали дрожать и дергаться и глаза его открылись.

Старая Брид Кэппин взвыла от удовольствия.

Она создала *марб бхео*, и этот оживший труп подчинялся ее воле.

В древние времена считали, что месть может настигнуть обидчика через друида, мужчину или женщину, который оживит тело несправедливо убиенного. Старая Брид Кэпин приступила к осуществлению мести.

Она послала оживленное тело убитого мужчины выполнить страшную задачу. Как-то вечером, когда лорд Машерамор, барон Лиры и Лиснараха, собирался подняться на борт корабля, отплывающего из гавани Корка в Англию, на него напал и буквально разорвал на части мужчина, которого впоследствии никто не смог описать. Полицейские и солдаты клялись, что стреляли в нападавшего и попали в него несколько раз. Местный судья отнесся к их показаниям с иронией, так как нападавшему удалось скрыться, а на брусчатке набережной никакой крови, кроме благородной крови лорда Машерамора, не было.

Следующим был капитан гусар, на него напали в его собственной квартире в казармах Маллоу. Капитана тоже разорвали на части. Нападавший обладал неимоверной силой и несгибаемой целеустремленностью, так как, чтобы попасть в квартиру капитана, он проломил каменную стену и разогнул железные прутья решетки. Многим солдатам-ветеранам, которые прошли через кампании в Индии и Африке, стало дурно, а некоторые попадали в обморок, когда нашли то, что осталось от их капитана.

Дальше — майор Фэрран, смотритель лорда Машерамора. Его очередь настала, когда он вечером прогуливался по поместью с двумя своими великолепными гончими. Фэрран был крепким мужчиной и ничего не боялся ни в этой жизни, ни в загробной. Во всяком случае, он этим хвастал. Фэрран носил за поясом два пистолета, а по бокам от него бежали гончие, не просто для компании. Эти псины славились тем, что могли по команде хозяина разорвать человека. Крестьяне ненавидели майора Фэррана. Он знал об этом, и кому-то такое может показаться странным, но ему это нравилось. Ему нравилась атмосфера страха, которую он создал вокруг себя. Но майор был достаточно умен, чтобы соблюдать меры предосторожности на случай, если на него нападет кто-нибудь из его ненавистников.

В тот вечер ему не помогли ни пистолеты, ни собаки.

Потребовалось целых три дня, чтобы собрать на забрызганной кровью тропинке останки Фэррана. А доктор признался, что он не в состоянии отличить куски плоти майора от плоти его разодранных в клочья собак.

И все это время Брид Кэппин монотонно произносила заклинания в своей пещере в горах.

Она не удовлетворилась непосредственной местью тем, кто был причастен к убийству крестьян в поместье Машерамор. Брид Кэппин была одержима желанием заставить расплатиться за смерть своих односельчан и родственников всех, кто связан с родом Машерамор. Месть стала для нее всем: ее страстью, целью ее существования. А *марб бхео* стал орудием ее мести.

Еще много лет после этих событий люди говорили о безумной Брид Кэппин, которая, одержимая идеей мести, бродит под покровом ночи по горам Боггера в компании оживленного ею трупа.

Отец Дохени внезапно прервал свой рассказ, а я остался сидеть с открытым ртом на краешке стула.

— Это просто фантастическая история, святой отец, — запинаясь, вымолвил я, когда до меня наконец дошло, что рассказ подошел к концу. — А лорд Машерамор существовал на самом деле?

Старик не ответил, просто сидел и не отрываясь смотрел на огонь.

Я поежился, тлеющий в очаге торф не согревал маленькую комнатушку.

— Вы могли бы приехать к нам в студию в Корке и рассказать в программе о *марб бхео?* Мы, конечно, заплатили бы вам определенную сумму.

Тут я спиной почувствовал сквозняк.

Обернувшись, я увидел, что дверь в коттедж открыта. К моему удивлению, в дверях я увидел старушку, которую повстречал в букинистической лавке. На сером фоне дверного проема вырисовывался ее сгорбленный черный силуэт. В горах поднялся ветер, старушечье платье викторианской эпохи развевалось и хлопало подолом, как крылья черного ворона.

— Больше вам здесь делать нечего, — властно сказала она скрипучим старческим голосом.

— Я здесь, чтобы увидеть отца Дохени, — сухо отреагировал я и в поисках поддержки посмотрел на старого свя-

щенника. — И по вашему, кстати, совету, — словно оправдываясь, добавил к этому.

Старик, кажется, задремал на своем жестком стуле с высокой спинкой — челюсть его опустилась на грудь, а глаза закрылись.

— Ну, так вы его и увидели. Он говорил с вами. А теперь уходите!

Я растерянно смотрел на старуху, меня просто потрясла ее грубость.

— Я склонен думать, что в этом доме не вам указывать, что мне делать, мадам, — недобро заметил я.

Рот старухи под вуалью открылся, и вслед за этим последовало такое жуткое хихиканье, что у меня волосы на затылке зашевелились.

— Здесь распоряжаюсь я. — Старуха засопела, восстанавливая дыхание после приступа веселья, если только эти мерзкие звуки, которые она издавала, свидетельствовали о веселье.

— Вы хотите сказать, что вы экономка отца Дохени? — Я не смог скрыть своего удивления, так как старуха, судя по ее виду, вряд ли была способна донести чайник от очага до стола, не говоря уж о других функциях, которые должна выполнять экономка.

Она снова хихикнула.

— Уже поздно, юноша, — наконец сказала она. — Я на вашем месте поторопилась бы. Ночью над этими горами витает зло. Надо быть осторожным.

Старуха протянула костлявую руку, жестом предлагая мне покинуть дом.

Я снова посмотрел на отца Дохени, но он даже не шелохнулся, тогда я собрал свои записи, встал и с независимым, насколько это было возможно, видом надел куртку.

Старуха проигнорировала меня, когда я с ней попрощался, — она просто отступила от двери в сторону.

Луна была высоко, ветер подгонял по небу беспокойные облака и завывал в горных расселинах. Иней белыми вспышками разбежался по каменистому склону. За время, что я провел в коттедже священника, температура воздуха значительно понизилась. Где-то вдали выли собаки. Ночью в горах эти звуки казались нереальными, потусторонними.

Я добрался до своего мотоцикла и, надеясь, что не потревожу сон святого отца, ударил ногой по стартеру.

На то, чтобы «триумф» разогрелся и был готов начать движение вниз по извилистой горной дороге, потребовалось некоторое время.

Проехав не больше мили, я вспомнил, что оставил один из своих блокнотов на столе в коттедже отца Дохени. Тяжело вздохнув, я затормозил, осторожно развернул «триумф» на грязной дороге и покатил обратно к «Тич Дрок-Хлу».

Часть пути до коттеджа я прошел пешком.

Не знаю почему, но у двери в дом я решил подождать и не стучать сразу.

До моих ушей донеслось приглушенное завывание.

Голос принадлежал старухе. Слова я начал разбирать лишь через некоторое время, но их значение оставалось для меня загадкой, так как произносились они на древнеирландском.

Что-то подтолкнуло меня заглянуть в маленькое окошко.

В полумраке я разглядел старого священника, теперь он стоял в центре комнаты. Перед ним стояла сгорбленная старуха и что-то напевала. Удивительное дело — в руках у нее была одна из этих старинных сабель с изогнутым клинком. Ее странное поведение — то, как она пела этим своим дребезжащим голосом, — заставило меня напрячься.

Вдруг старуха умолкла.

— Запомни, Дохени! — властно сказала она.

Старый священник стоял как столб и не мигая смотрел своими бесцветными глазами поверх головы старухи.

— Ты должен помнить. Вот что они сделали.

Я даже не успел рта раскрыть, как старуха подняла саблю и с немалой силой, которая таилась в ее с виду хрупком теле, пронзила грудь священника точно в том месте, где сердце. Я видел, как острие клинка вышло из спины отца Дохени. Но после такого мощного удара он даже не пошатнулся.

У меня челюсть отвисла от удивления. Дальше — хуже.

Старуха отступила на шаг от священника.

— Помни, Дохени!

Святой отец костлявыми руками взялся за рукоять сабли и медленно, но уверенно вытянул ее из груди. Клинок сверкал в отблесках огня, на нем не было ни капли крови.

Я стоял у окна и не мог пошевелиться, меня словно парализовало от ужаса.

Я не мог поверить, что видел все это. Такого не может быть. Старуха пронзила острым клинком грудь священника, а он и глазом не моргнул. Он просто вытащил клинок из груди. И раны никакой не было!

Я чуть не завопил от ужаса и рванул от окна к своему мотоциклу. Паника буквально ставила мне подножки. Я пытался завести мотоцикл, но казалось, что все делаю не так. Я услышал вопль старухи и увидел на тропинке какую-то тень. Я чувствовал за спиной зловонное дыхание. Тут мотоцикл взревел, и я помчался прочь.

Ухабистая, грязная дорога не позволяла разогнаться как следует. Я чувствовал себя участником ралли по сельской местности. Вихляя из стороны в сторону, подпрыгивая на ухабах и кренясь чуть не до земли, я гнал «триумф» по горной дороге в сторону ближайшей деревни, то есть к Баллинагри. Никогда в жизни я так не ездил, за мной словно тысяча демонов гналась.

Я начал немного успокаиваться и тут увидел впереди горбатый мост через горную речку. Это был старинный мост из гранита, и по нему едва-едва могли разойтись три человека. Я ослабил дроссель, чтобы поаккуратнее преодолеть возникшую преграду, и в этот момент...

В этот момент фара «триумфа» высветила фигуру священника. Он стоял посредине моста. Он стоял там и ждал меня.

Я испуганно вцепился в руль и совершил глупую и тщетную попытку перебраться на другой берег не по мосту, а через бурный водный поток.

Переднее колесо «триумфа» врезалось в камень, и дальше я помню, только как кувыркался в воздухе и в итоге хлопнулся в грязь на противоположном берегу. Берег был мягким, но от удара из меня вышел весь воздух и я потерял сознание.

Без сознания я был всего пару секунд, а когда начал приходить в себя, помню, у меня тошнота подкатила к горлу. Я заморгал и открыл глаза.

В футе надо мной нависло бледное пергаментное лицо старого священника. Его бесцветные глаза, казалось, смотрели сквозь меня. Изо рта священника жутко воняло, и вообще от него исходил гнилостный запах смерти и разложе-

ния. Я почувствовал его цепкие руки на своей шее. Большие сильные клешни начали сжиматься.

— Остановись, Дохени!

Это был дребезжащий голос старухи. Мельком я увидел через плечо священника ее похожее на череп лицо — вуаль была отброшена назад, — взгляд у старухи был торжествующий, а лицо по диагонали пересекал четкий синевато-багровый шрам.

Давление на мою шею немного ослабло.

— *Он не один из них, Дохени. Отпусти его. Он будет свидетелем того, что мы сделали.* Пусть живет. То, что мы сделали, будет жить в нем, он передаст это знание дальше. О нас будут знать. Отпусти его.

Старый священник тряхнул меня так, словно я был не человек, а жалкая тряпичная кукла.

— Отпусти его, — снова приказала старуха.

И видимо, в этот момент я потерял сознание.

Когда я пришел в себя, рядом никого не было. В голове у меня били колокола. Я сжал руками пульсирующие виски и неуверенно встал на ноги. В первые секунды я не мог вспомнить, как очутился на берегу этой горной речки. Потом вспомнил и в испуге огляделся по сторонам. Ни старухи, ни старого священника нигде не было видно. В горах было темно и тихо. Только деревья покачивались и шелестели листвой, да ветер негромко стонал в расселинах.

Я немного отдышался и увидел в реке черный силуэт моего «триумфа». Я попытался вытащить его на берег, но сразу увидел, что переднее колесо погнуто, а спицы лопнули. Так что даже если бы мне удалось его завести, это все равно было бы бесполезно. Как бы то ни было, я попробовал его завести. Стартер тихо пискнул, но так и не ожил. Видимо, наглотался воды.

Я вытащил «триумф» из речки, а потом перекатил через горбатый мост на другой берег. Делать было нечего, оставалось только идти пешком в Баллинагри. Голова у меня гудела, мысли скакали и путались. Это какой-то жуткий розыгрыш. Чья-то дурная шутка. Но никто не станет заходить так далеко, верно ведь?

Целых три часа я брел по грязной дороге, прежде чем заметил первые признаки человеческого жилья.

Потом я увидел темный силуэт гаража, где останавливался вечером залить бак. Замерзший и обессилевший, я доковылял до двери и постучал. Прошло довольно много времени, прежде чем я услышал, как подняли окно над входом в гараж. Зажгли свет, и кто-то крикнул:

— Кто там стучит?

— Мой мотоцикл сломался,— крикнул я в ответ.— Можно от вас вызвать такси или остановиться у вас на ночь?

— Эй, да ты хоть понимаешь, что сейчас три часа ночи? — грубо ответили мне.

— Я разбился в горах, на горе Машерамор,— сказал я.

До моего слуха донесся женский голос, но что она говорила, я не разобрал.

С грохотом опустили окно. Я с надеждой ждал. Наконец внизу зажгли свет, а потом открыли дверь.

— Давай заходи,— сказал мужской голос.

Я вошел в дом, после пережитого в горах меня трясло от холода и почти не осталось сил.

Когда я вышел из темноты на свет, мужчина меня вспомнил:

— Да вы тот молодой человек, который спрашивал дорогу до «Тич Дрок-Хлу» сегодня вечером?

Я кивнул. Передо мной стоял мужчина, которого, судя по бейджику на комбинезоне, звали Манус.

— Верно. У меня мотоцикл сломался. Мне нужно вызвать такси.

Мужчина мысленно что-то прикинул и тряхнул головой:

— Вы неважно выглядите.— С этими словами он достал из шкафа бутылку «Джемесона» и стакан.— Это вас согреет.— Мужчина налил виски в стакан и сунул его мне в руки.— Что вы там делали, в «Тич Дрок-Хлу», так поздно? Вы — охотник за привидениями, да? — И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Я могу позвонить в Макрум и вызвать вам машину. Куда вы хотите ехать?

— В Корк-Сити.

— А где сломался ваш мотоцикл?

— На дороге в горах. У реки, там, где горбатый мост.

— Понятно, это место я знаю. Съезжу туда завтра и заберу его. Оставьте мне номер, по которому вас можно найти, и я дам знать, какой нужен ремонт.

Я кивнул и, отпив глоток виски, хмуро посмотрел на мужчину:

— А почему вы спросили, не охотник ли я за привидениями?

— Вы искали «Тич Дрок-Хлу». Так это место называют в наших краях. Дом с дурной славой. Мы его так называем, потому что считается, что там привидения. Знаете, это один из коттеджей, которые сохранились со времен Великого голода.

Я смущенно кивнул и снова пригубил виски, наслаждаясь теплом, которое горячей волной разливалось по моему окоченевшему телу.

— Я искал отца Дохени, — объяснил я.

Мужчина удивленно на меня посмотрел, а потом негромко хохотнул:

— Так, значит, я был прав? Ну, надеюсь, вы его не нашли.

Я перестал потирать ладони от холода и, ничего не понимая, уставился на мужчину:

— Почему вы так говорите?

— Потому что отец Ниссан Дохени уже сто шестьдесят лет как мертв.

У меня все внутри похолодело.

— Сто шестьдесят лет как мертв?

— Именно. Вы разве не слышали эту историю? Во времена Великого голода он повел людей к замку Машерамора умолять лорда пощадить крестьян и не выгонять их на улицу. Из Маллоу вызвали солдат, им отдали приказ атаковать людей, которые на коленях стояли перед замком. Отца Ниссана Дохени убили, как и многих других его односельчан.

Я нервно сглотнул:

— А... а что случилось с Брид Кэппин?

Мужчина громко расхохотался:

— Так, значит, вам знакома эта легенда! Конечно, вы ее слышали. Согласно ей, «Тич Дрок-Хлу» — это коттедж Брид Кэппин. Честно говоря, я так к этому и отношусь. Все это просто легенда, и ничего больше. Бедный отец Дохени и безумная Брид Кэппин давным-давно умерли. Надо же придумать такое — старая женщина оживила труп убитого священника, чтобы через него отомстить лорду Машерамора и ему подобным! — Мужчина набожно перекрестился. — Легенда, и больше ничего.

ДЭННИС ЭТЧИСОН

Кровавый поцелуй

Рассказ Дэнниса Этчисона «Ночная смена» («The Late Shift»), написанный в классическом зомби-жанре, вошел в антологию «The Mammoth Book of Terror». И хотя тема антологии в нем трактуется весьма вольно, тем не менее это весьма яркое произведение, чего и следует ожидать от одного из самых достойных авторов, работающих в жанре хоррор.

По поводу «Кровавого поцелуя» Дэннис Этчисон говорит, что он появился во время его работы сценаристом на телевидении: «Приведенный здесь рассказ — сокращенная версия сценария, который так никогда и не был экранизирован».

Дэннис Этчисон, лауреат Всемирной и Британской премий фэнтези,— автор нельзя сказать, чтобы чересчур плодовитый, но в настоящее время его писательский «послужной список» обогатился романом «Человек-тень» («Shadowman») и выпуском антологии «MetaHorror» под его редакцией. Другие крупные работы: «Калифорнийская готика» («California Gothic»), первая вышедшая в Америке книга автора в твердом переплете «Темная сторона» («The Darkside»), сборник рассказов «Край ночи» («Nightland»). В стадии написания «Темная страна» («The Dark Country»). Прибавим к этому разработку серий для международного рынка телеохвата (совместно с Дарио Арджденто), а также сценарий «Американский зомби».

Она твердила себе, что до этого никогда не дойдет. И одновременно, вопреки всему, надеялась на чудо. Теперь же она не могла разобрать наверняка, где действительность, а где иллюзия. Ситуация вышла из-под контроля.

— Крис? Ты все еще здесь? — это Рип, мальчик-посыльный, который был на подхвате достаточно долго для того, чтобы сделаться Ответственным-Исполнителем-Особых-Проектов. Что бы это ни значило.

Распахнув дверь, он влетел к ней в кабинет, крутанулся на одной ноге и взмахнул второй, щиколотка легла на колено, так он и замер в изящной позе отдыхающего танцора или

игривом телодвижении бегуна, который настолько всех обогнал, что торопиться ему уже без надобности. На что была больше похожа поза Рипа, она решить не смогла и рассеянно его разглядывала.

— Разве ты не идешь на вечеринку? — спросил Рип.

— А разве тебе есть дело до того, иду я или нет?

— Конечно. — Он по-мальчишечьи осклабился, словно позабыв, что на самом деле ему уже тридцать пять. — Знаешь ли, там будет классно, соберется все начальство. — Рип выглянул в коридор, нырнул обратно в кабинет и, понизив голос, спросил: — Как ты думаешь, что мы подготовили для Мило?

— Дай-ка угадаю. Танец живота? Хотя нет, это было на день его рождения. Может, наведается танцор из Чиппендейла?

Рип разразился хохотом:

— Ты шутишь! Да он до третьего сезона не вылезет из клозета!

— Чем черт не шутит?

«А тебе бы хотелось, — подумала она. — Клозет, как же. Я бы тебе могла порассказать о Мило кое-чего, если тебе действительно интересно. Но ты, вероятно, мне бы не поверил, ведь к твоему плану это не подходит, верно? Мило-Мужичино. Мечтай больше».

— Сдаюсь, — сказала она. — Так что?

Рип притворил за собой дверь.

— Мы наняли одну телку из отдела подбора актеров. Без пяти двенадцать она влетит вся такая в слезах и с воплями, что всмятку раздолбала машину Мило. Знаешь его белый «четыреста пятидесятый» SL? Ох, простите, она за все заплатит, *если срок страховки еще не истек.* Мило не в себе, верно? Она тащит его наверх, в спальню, к телефону, ищет номер, начинает терять самообладание, сдергивает платье и предлагает себя — и тут как снег на голову сюрприз! Да это же стриптизерша! С Днем святого Валентина! Входим все мы. У тебя есть фотоаппарат, Кристи?

— Возьму с собой камеру три-D.

— Что?

— Увидимся, Р. Сейчас мне нужно перепечатать сюжет. Интересно, в котором часу начнется вечеринка?

— Ты про «Зомби»? Я-то думал, что уже все готово.

— Так и есть. Но в последнюю минуту Мило внес кое-какие предложения. Мелочи. Он хочет, чтобы утром все было готово и лежало у него на столе.

— Ясненько, — сказал Рип. Он уже не слушал. — Ну, не перетруждайся.

«Если не я, — подумала она, — то кто же тогда будет работать?»

— Вот что, Крисси.

— Да?

— Желаю потрясного вечера. Значит, повеселимся. Только запомни: не открывай Дверь-Под-Номером-Один — там все приготовлено! И спасибо за твой сюжет. Уверен, с «Королевой Зомби» мы окажемся на высоте!

— Спасибо на добром слове, Р.

«И не зови меня Крисси», — добавила она про себя, глядя на удаляющегося Рипа.

Я сделала, вы сделали, они сделали, мы сделали... Хотелось бы мне увидеть, как Мило или кто-нибудь еще из этой телекомпании действительно работает с отдачей: беседует с авторами, выискивает сюжеты, переписывает их ночи напролет — короче, озабочен не только потрясающими вечеринками... Лучше бы я осталась секретаршей. По крайней мере спала бы лучше.

Но тогда где бы были они? И где бы была я? Опять в Фресно, подумала она. У родителей. Вместо того чтобы быть здесь и сплачивать эту суррогатную семью. Если бы у меня всегда был лишний доллар, я уберегла бы маленькую упругую задницу Мило накануне вечеринки...

Вот с такими, как этот, сюжетами, подумала она, перекладывая бумаги.

«Наконец-то я нашла нужный. Разве не так? На сей раз все складывается как надо; осталось лишь немного доделать и преподнести М. Чудный сюжет для того, чтобы запустить второй сезон. Как они говорят. Если честно, мне с самого начала хотелось, чтобы они думали: сюжет придумала я. Сработало. Что же, мне теперь бросить этот кабинет ради абстрактной идеи? Кто такой Роджер Райман? К началу съемок сюжет изменится до неузнаваемости — уж я об этом позабочусь; сценарий ведь они поручат мне. Кому же еще? Признание, членство в Гильдии... Так кто же оказался мудрее на поверку? Вероятно,

Райман где-то честно зарабатывает на жизнь, уж лучше бы где подальше. Он никогда не увидит. Готова поспорить, что у него даже кабельного телевидения нет.

А что, если увидит кто-нибудь из его друзей?

Брось, Крисси. Крис! Не психуй.

Ты же сама хотела. Что уж теперь.

Она вытащила из пишущей машинки последний лист переработанного сюжета, того самого, куда она внесла изменения после сегодняшнего разговора с Мило, и взялась перечитывать.

Кристин Кросс

КОРОЛЕВА ЗОМБИ

1. КРУГЛОСУТОЧНЫЙ СУПЕРМАРКЕТ -- НОЧЬ

Три часа утра. Супермаркет осаждают ходячие мертвецы.

Покупатели-зомби собрались в овощном отделе, где НОЧНОЙ АДМИНИСТРАТОР и его девушка, КОНТРОЛЕР, прячутся за прилавком с зеленью. Молодой человек хочет вывести отсюда свою девушку, пока ее не заметили. Ведь зомби нужно нечто большее, чем фрукты и овощи.

В качестве отвлекающего маневра он пробирается к радиосистеме, хватает микрофон и объявляет об акции снижения цен на печень. Зомби тащатся к **мясному отделу.**

Он отправляет девушку-КОНТРОЛЕРА ползком к входной двери, но снаружи вваливаются новые зомби. Она меняет курс, пробирается между рядами полок, ее теснят к **мясному отделу,** где зомби угощаются печенью.

У прилавка-холодильника появляется зомби-одиночка. Печень закончилась. Частыми, судорожными движениями он жмет кнопку звонка. Нет ответа. Он залезает за прилавок, хватает прячущегося там МЯСНИКА, вытаскивает его из укрытия, вонзает руку в живот и достает печень.

Маниакальная обжираловка продолжается, КОНТРОЛЕР забрызгана кровью и внутренностями. Она пронзительно вопит.

-- СНЯТО!

Мы видим, что фильм снимают в магазине. Но ДЕВУШКА, которая играет КОНТРОЛЕРА, продолжает кричать. Зомби снимают маски, а она в истерике убегает со съемочной площадки.

— Отлично! — говорит ОПЕРАТОРУ ДИРЕКТОР. — Только побольше крови в следующий раз, хорошо, Марти?

Он отправляется на поиски ДЕВУШКИ.

2. НА УЛИЦЕ ВОЗЛЕ СУПЕРМАРКЕТА

ДИРЕКТОР успокаивает ДЕВУШКУ на парковке у магазина. Она хочет угодить, она знает, что все портит, но для нее все это слишком. Она просто с ума сойдет. Впору сесть в автобус и уехать обратно в Индиану.

Но ДИРЕКТОРУ нужна именно эта девушка. Она станет Королевой Зомби. Он отправляет ее в гостиницу. Горячая ванна, отдых — что еще ей предложить? Он даже обещает лично порепетировать с ней там, если это поможет достичь цели.

Она отложила страницы. Превосходно. Наконец-то дело пошло. «Я могла бы заняться сценарием прямо сейчас, когда меня посетило вдохновение, но Мило сначала нужно послать вариант текста на утверждение начальству. Пустая формальность. Я могла бы еще поработать, все равно мне не хочется идти на эту дурацкую вечеринку. Я могла бы сделать все досрочно. Тогда бы они наконец поняли, что я незаменима. Может, до Мило наконец-то дойдет, что ему необходим ассистент, помощник продюсера. Почему нет?

Может, он все еще в офисе? Ведь можно прямо сейчас засвидетельствовать ему свое почтение, заодно отпроситься с вечеринки, сославшись на то, что нужно поработать дома. На Мило это должно произвести впечатление».

Она скрепила бумаги и взяла сумочку.

В коридоре слабо пахло дезинфицирующим средством, в отдалении уже слышались брянчание и стук мусорных корзин: уборщица переходила из кабинета в кабинет, ликвидируя оставленный другими людьми беспорядок и расставляя все по местам. Проходя мимо рецепции, Крис заметила за приоткрытой дверью тележку со швабрами и моющими средствами, а за ней окно, темную линию горизонта под слоем запачканного еще одним городским днем воздуха. Она и не думала, что уже так поздно.

— Добрый вечер, — поздоровалась Крис.

Уборщица распрямилась и вытерла о подол грубые руки, которые плетьми повисли вдоль туловища. Ладони остались

раскрытыми, словно женщина боялась, как бы ее не обвинили в воровстве. Лицо ее было вялым и невыразительным.

— Желаю хорошо провести праздник, — добавила Крис. «Ну, этот день и праздником-то не назовешь. Да понимает ли эта женщина английский?»

Напоследок они посмотрели друг другу в глаза. Крис встретила взгляд смиренный, невозмутимый и необычайно покойный. На бесстрастном лице словно мелькнул намек на неодобрение, от этого Крис почувствовала смущение, словно была подростком, которого застукали за чем-то недозволенным. Отчего вдруг? Она опустила глаза и пошла своей дорогой.

Постучалась в дверь к Мило и вошла, не дожидаясь разрешения.

Кабинет оказался пуст. Конечно же, он не стал утруждать себя прощанием с Крис. С чего бы это? Да он никогда и не говорил ей «до свидания». Само собой, все скоро изменится. В свой кабинет она въехала три дня назад, но чтобы влиться в их коллектив, нужно время. Скоро здесь все изменится.

В глаза бросились следы поспешного ухода: пустые банки из-под кока-колы, выдвинутый ящик стола, на который Мило ставит ноги, лавина стикеров змеей свернулась у телефона, с края стола чуть покачивалось нагромождение всевозможных бумаг.

Вопреки всему, Крис сочла кавардак в кабинете скорее трогательным, чем отвратительным. Мило нужен человек, который привнесет порядок в его жизнь, станет прибираться каждый вечер после работы. Самому ему не справиться. Не его в том вина, рассуждала она, такова натура... Она чувствовала себя сестрой, выполняющей домашнюю работу, пока он спит, подругой, подсовывающей ответы к важному тесту, матерью, приглядывающей за тем, чтобы дитя отправилось в школу причесанным. Конечно же, она знала, что не является ни одной из перечисленных, но скоро он признает ее достоинства. Закончились серые дни.

С улыбкой подошла она к столу и торжествующе положила исправленный текст на стеклянную поверхность, где утром его найдет Мило. Не заметить невозможно.

Сложив стикеры в кучку, она расположила свои страницы между переполненной пепельницей и темными кругами,

оставленными кофейной чашкой. Чтобы листки не разлетелись, она прижала их сверху пресс-папье, с обеих сторон аккуратно положила по карандашу и собралась уходить.

Тележка с громыханием выкатилась из кабинета Рипа и поехала в эту сторону.

Что, если уборщица переложит бумаги, когда будет протирать стол, и куда-нибудь засунет творение Крис?

Надо попросить ее не трогать стол.

Но что, если эта женщина не поймет объяснений?

Крис вздохнула и сама опростала пепельницу, выкинула в мусорное ведро пустые банки и протерла стеклянную столешницу. Теперь стол убирать не надо. Последний штрих: блокнот оказался под телефоном, а теперь пора уходить, пока ее не застукали в чужом кабинете, но тут в потревоженном механизме телефона что-то дзинькнуло, спровоцированное толчком. Она моргнула.

И увидела то, что было написано на верхней странице блокнота.

Моргнув еще раз, она перечитала запись — ум лихорадочно работал.

Наспех накорябанная небрежным почерком Мило запись, последняя мысль заканчивающегося дня:

БИЛЛ С. НАПИШЕТ «КОРОЛЕВУ ЗОМБИ». КТО ЕГО АГЕНТ?

Расширившимися глазами она смотрела на блокнот.

Попереминалась с ноги на ногу. Посмотрела в окно и узрела лишь тьму. Перечитала написанное еще раз, тут зажгло в глазах. Смысл предельно ясен.

Мило поручил сценарий кому-то другому.

О ней даже не подумал.

О ней никогда не думают.

Хорошо еще, если дадут премию. Нет, наверное, и этого от них не дождешься.

Вдруг у Крис словно пелена спала с глаз.

Можно даже представить себе на экране имя другого сценариста. Может, одно имя Мило. Бывало и такое.

Вот так всегда, подумала она.

Конечно же, заявлять протест нельзя, потому что это приведет к третейскому суду, который, в свою очередь, выявит истинного автора, чью работу присвоила она.

Меня провели. Опять.

На этот раз я не собираюсь довольствоваться брошенной костью. Никоим образом.

Дальше все будет по-другому.

Она взяла пепельницу и с силой швырнула ее об стену, попав как раз в раму репродукции Лероя Неймана. Затем забрала свои бумаги и вышла из кабинета. Осколки битого стекла пристали к подошве и хрустели под ногами.

Испуганная уборщица попятилась от нее.

— Ну нет! — выдала ей Крис сквозь слезы ярости. — *Comprende?*[1] Извините. Простите...

Я допустила ошибку. Ужасную, страшную ошибку.

Или кто-то другой допустил.

Вернувшись в свой кабинет, она порылась в папке и нашла исходный сюжет, предложенный неким никому не ведомым Роджером Р. Райманом. Даже агента у него не было. На титульном листе значились оба его телефона: домашний и рабочий.

Крис схватила трубку и с такой яростью стала набирать номер, что сломала ноготь.

Сначала он даже не понял, кто ему звонит. Но когда она произнесла магические слова: *«Не открывайте дверь»*, Райман едва не всосался в трубку, чтобы облобызать Крис.

Конечно же, он может встретиться где угодно, когда ей будет удобно.

Она дала ему адрес Мило.

Раймана вовсе не удивило предложение встретиться на вечеринке в честь Дня святого Валентина.

3. В ГОСТИНИЦЕ

Обливаясь слезами, ДЕВУШКА звонит домой. Когда входит ДИРЕКТОР, она уже собралась принять ванну.

Все будет хорошо. «Ты справишься», — уверяет ее он. Он сам лично поработает с ней. Во время репетиции он играет роль зомби, прикасается к ней, хватает, прижимает к себе. Забыв о сценарии, она отчаянно отвечает ему. Ведь он нужен ей. И она думает, что тоже нужна ему.

[1] Тебе понятно? *(исп.-америк. жаргон).*

4. НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ СПУСТЯ

Еще один звонок домой — на сей раз разговор совсем другой. Да, все в порядке. Все-таки она решила остаться здесь.

— И знаешь что, мама? Я познакомилась тут кое с кем. Он не просто какой-нибудь обыкновенный мужчина. Его в самом деле волнует то, что происходит со мной...

Отличненько, размышляла она. Теперь остается единственный вопрос: как она его узнает?

Мимо проносились фигуры разнообразных форм и размеров, наряженные во всевозможные костюмы. Мелькали шляпы в форме сердец, платья со стрелами, замысловатые башмачки, вульгарные футболки, причудливые шпильки, узорчатые банданы, спортивные костюмы из Беверли-центра, штучки с авеню Мелроуз. В укромных уголках мишки-тедди тискали любовные письма, приколотые на груди у тедди-медведиц; у потолка, словно воздушные пузыри на поверхности аквариума, плавали надутые гелием шары. Она задыхалась в водовороте раскачивающихся и подпрыгивающих неопознанных людей; светящиеся в лучах ультрафиолета зубы и воротнички слепили ее; она пыталась отыскать просвет между телами, пока музыка водоворотом опять не закружила их вокруг нее. Когда она медленно, словно выгребая против течения, пробиралась сквозь толпу к ближайшей двери, ее попыталось схватить нечто напоминающее пинцет, а притаившиеся в тенях медведи провожали ее взглядом черных блестящих акульих глаз.

От следующей мелодии, «Переждем восьмидесятые» Капла де Вилле, завибрировал воздух. Вокруг аляповатого аляфуршета собрались мужчины с длинными шеями и подстриженными усами. Она уже прошла было мимо них, когда заметила громадную крашеную башку, из которой вырастали распахнутые крылья чайки, сходившиеся в скучной желчной точке физиономии. Мужчина макал hors d'oeuvres[1] в соусницу и шутил, лицо блестело тонким слоем испарины.

— Рип...

Он схватил ее за плечи, да так и держал на расстоянии вытянутой руки, пока не закончил шутку, словно она без

[1] Закуска *(фр.)*.

приглашения ввалилась на прослушивание. Когда же договорил, то запрокинул голову и захохотал чересчур громогласно, отчего кадык задергался вверх-вниз мощными глотательными движениями. Наконец он повернулся к ней.

— Крисси, лапочка! — Он притянул ее поближе. — Марк, познакомься с нашим новым редактором сценарного отдела.

— Рип, ты видел?..

— Нет, я не знаю, куда удрал Мило. Держу пари, ничем приличным он не занимается. — Большим пальцем руки он ткнул в потолок. — Можешь поискать наверху.

— Рип, если кто-нибудь спросит обо мне...

— Душечка, я бы на твоем месте... — тут Рип подмигнул, — пока не стал его беспокоить.

«Все дело в том, что я на своем месте, — подумала Крис. — И всегда была на нем. Все остальное — иллюзия, мираж».

— Ерунда. — Она взяла бокал с шампанским и осушила его. — Увидимся в полночь, — добавила она, скользнув к лестнице.

Сверху доносились голоса, там явно было много народу. Быть может, именно наверху она найдет искомое. Уже поздно, а до начала фейерверка все у нее должно быть расставлено по местам.

5. ГРИМЕРНАЯ — ДЕНЬ СЛЕДУЮЩИЙ

Сидя на стуле, она преображается под стать своей новой семье. ГРИМЕР добрый, чувствительный. Хоть ее настоящая семья далеко, здесь она, по крайней мере, чувствует, что является частью коллектива.

Когда ДЕВУШКА встает со стула и уходит, ГРИМЕР и СЪЕМОЧНАЯ ГРУППА меняют пластинку. Бедная детка в страданиях. Уж очень она нервная, чувствительная, к тому же угрожающе-нестабильна. Но заменять ее слишком поздно. Сроки поджимают.

6. НА СЪЕМОЧНОЙ ПЛОЩАДКЕ

Снова она сорвалась. ДИРЕКТОР пытается с ней репетировать, но этого недостаточно. Слишком она ненадежна. После многих повторов она молит его попробовать еще раз.

— Повторите мне то, что сказали вчера вечером. Мне так хотелось бы все сделать как нужно.

— Мне тоже этого хотелось бы, — говорит он.

Тускло освещенные лестницы весьма коварны. Она шла вверх и видела кляксы ироничных физиономий: молодые мужчины с бакенбардами, небрежно-элегантные юные женщины, которые выстроились, словно маркитантки, — с беспощадной непреклонностью сияли их заранее подготовленные накрашенные улыбки. Запястья коснулось что-то холодное и скользкое — атласная подушка в форме сердца, которую ей преподносил некто неопределенного пола. Она отшатнулась и оперлась о стену, едва не наступив в подмоченные бумажные тарелочки, едва не налетев на двух попугайчиков-неразлучников, целующихся и воркующих над недоеденным картофельным салатом и куриными крылышками.

— Извините, — сказала она.

— Это вы меня извините, — сказало существо с подушкой. — Вы та самая?

— Надеюсь, — сказала она, отводя взгляд и поспешая вперед.

Не сразу слова и мужской тембр голоса зафиксировались в мозгу. Но когда это случилось, она остановилась и обернулась.

— Прошу прощения, — сказала она, — но...

Внизу рябили вспышки света, мерцая над раскачивающимися в танце головами; распознать лица было невозможно, словно здесь собрался засекреченный десант.

Она чувствовала себя загнанной в ловушку, действующей по созданному десятки лет назад шаблону. Если она не предпримет что-нибудь, ничего не изменится. На нерешительность времени нет. Она вспомнила слова, которые, уходя, сказал ей на прощание отец. *Сиди, если сидишь. Стой, если стоишь. Но нерешительности проявлять нельзя.* Последние часы подтолкнули ее к осознанию отцовских слов, теперь она поняла их.

Где он? Время на исходе.

Она пошарила взглядом, но человека с атласным сердцем не углядела.

Она в панике бросилась вниз по лестнице. Он не должен уйти.

Что-то блестящее потянулось к ней с другого конца лестницы и коснулось ее.

— Вы, — сказал мужчина с атласной подушкой. — Теперь я это знаю.

— Слава богу.

Она потащила его вверх по лестнице. Вот и темный коридор, перерезанный стрелами мягкого света, льющегося из нескольких спален. Она не помнила, которая из них спальня Мило, зато знала: нужно выяснить это как можно скорее. Снизу донеслись возгласы ажиотажа. Неужели уже заявилась девушка, которую нанял Рип?

— Пошли, — сказала она. — Нужно поговорить.

7. РЕСТОРАН В ГОСТИНИЦЕ

ДИРЕКТОР ужинает вместе с ПРОДЮСЕРОМ. Важно уложиться в сроки. ДИРЕКТОР может это сделать. Раньше ему не раз это удавалось. Последняя сцена будет убойной.

В этом эпизоде бойфренд ДЕВУШКИ, НОЧНОЙ АДМИНИСТРАТОР супермаркета, возглавит солдат, которые пойдут на кладбище ее спасать. Будет уйма пиротехники.

В ресторане появляется ДЕВУШКА. Ожидая теплого приема, она садится за столик без приглашения, полагая, что теперь является частью жизни ДИРЕКТОРА. Она ждет приветствий, но он лишь смотрит на нее. Отводит в сторону и нетерпеливо советует наконец-то повзрослеть. Жизнь-то реальная.

8. ТРЕЙЛЕР ОПЕРАТОРА

ДИРЕКТОР идет за помощью к ОПЕРАТОРУ. Все задержки происходят из-за ДЕВУШКИ. Так больше продолжаться не может. Ведь картина — это главное.

Какие сцены с ней еще нужно отснять? Они просматривают раскадровку и выясняют, что она занята лишь в одной сцене: сжигание зомби. НОЧНОЙ АДМИНИСТРАТОР поведет солдат в атаку на кладбище; манекены-зомби, прячущиеся за могильными памятниками, расстреляют. Затем Национальная гвардия бросает гранаты — бойфренду придется осторожно побегать между взрывными зарядами. Каждый угроханный манекен нужно будет поджечь из огнемета.

От ДЕВУШКИ им нужен лишь крупный план в тот момент, когда ее настигнет бутафорская пуля с кровью. Нужно заснять потрясенное выражение лица, когда она приходит в себя и узнает возлюбленного в миг, когда он ее убивает. Затем следуют съемки подброшенного взрывом манекена.

Может, получится обойтись и без нее? Съемки общим планом, манекен получше, побольше спецэффектов?

Прочих зомби взорвут с помощью суррогатов-манекенов, но для показа переживаний нужно отснять ее лицо крупным планом — все-таки она Королева Зомби.

Марти всегда на высоте и на шаг впереди. Он неоднократно выручал ДИРЕКТОРА. На сей раз у него в запасе тоже есть кое-что. Изготовлено слепленное с ДЕВУШКИ латексное тело, его можно использовать в качестве дублера. Оно словно живое, реалистично до малейших деталей. Это не просто манекен, скорее — двойник. Теперь съемки можно завершить и с ДЕВУШКОЙ, и без нее.

— Да ты просто гений, — говорит ДИРЕКТОР. — Это же настоящий шедевр. В отличие от актеров. От них вечно одни неприятности.

Она увлекла его вперед по коридору. Из первой спальни донесся взрыв раскатистого смеха; из второй слышался шум разборки, и через щель в неплотно прикрытой двери удалось увидеть бледную руку с бритвенным лезвием, яростно размахивающую в воздухе над горизонтальным зеркалом. Третья оказалась заперта, а к дверной ручке была прикреплена весьма недвусмысленная записка: «Посторонним вход воспрещен». Она догадалась, что эту комнату облюбовал Рип.

Она затащила мужчину с атласным сердцем в смежную со спальней ванную комнату. Ведущая в комнату дверь была закрыта не плотно, из нее проникал мягкий рассеянный свет небольшой настольной лампы. Вполне достаточно.

— Вот, теперь мы одни...

Он неуверенно стоял посреди ванной комнаты.

— Я ждал тебя, — сказал он.

— Знаю. Я тоже вас ждала, — ответила она.

Тут в коридоре раздались приближающиеся шаги и хихиканье.

— Сейчас нас засекут, — тихонько подал голос мужчина.

— Нет, — она привалилась к двери, — не нас.

Прижавшись к двери, она прикрыла трепещущие веки. Подождала, когда ванная комната перестанет вертеться и она сможет произнести заготовленную речь. Раскрыв глаза, она обнаружила, что мужчина подобрался ближе.

Он стоял перед ней, вопросительно склонив голову.

— Вы ведь не знаете, что я задумала, верно? — спросила она. — Мне следует объясниться.

— Не обязательно, — качнул он головой. — Думаю, я понимаю.

— Каким образом?

— Я же сказал. Я долго ждал.

— Простите. Так вышло. Не нарочно. Просто столько всего произошло так неожиданно...

— Ничего, — он отошел, чтобы дать ей побольше свободного пространства, присел на край ванны, — могу подождать еще немного.

В его глазах игриво вспыхивали отблески мозаичного кафеля.

Отлично, подумала она. Он сильный духом.

— Но при условии, если ждать не слишком долго, — добавил мужчина.

Приближались смешки и шаги.

9. СЪЕМОЧНАЯ ПЛОЩАДКА

ДЕВУШКА приезжает с блокнотом в руках и с огромнейшим желанием угодить ДИРЕКТОРУ.

Но того нет, как обычно, в кресле. Там сидит кто-то другой — женщина.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Вокруг нее собралась съемочная группа, все смеются, предаваясь воспоминаниям. Теперь центр внимания — ЖЕНА. ДЕВУШКУ сместили.

Она находит ДИРЕКТОРА и отчитывает его. Он использует людей. Ничто его не заботит, кроме крови, крови и еще раз крови. Почему он обманул ее? Она расскажет об этом всему миру, начиная с его жены.

Он говорит:

— Она и так знает.

Больше ему не нужна ДЕВУШКА. Их отношения лишь ненужная оберточная бумага.

Она убегает со съемочной площадки, ЖЕНА проводит ее взглядом. Как свежа, как невинна ДЕВУШКА! «Надеюсь, она не примет это слишком близко к сердцу, как некогда сделала я, — но теперь наши жизни разошлись. Я давно поняла, что у него есть лишь один реальный мир — съемочная площадка. Ради этого он живет. Куда уж с ней тягаться реальной плоти

и крови! Единственное, на чем он в самом деле женат, так это на собственной способности к иллюзии...»

10. КЛАДБИЩЕ — ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Съемочная группа погружена в лихорадочную работу. Все заняты подготовкой к кульминационному моменту фильма.

Все ушли по домам, но ДИРЕКТОР все еще на съемочной площадке. В четыре утра он заканчивает проверять каждую деталь. Специальные каркасы поддерживают макеты зомби за могильными памятниками, готовы котлы с чадящим маслом, как нужно опрокинуты кресты. Все готово, осталось только на рассвете отдать команду: «Мотор!» А теперь нужно хотя бы часок поспать в трейлере.

— Объяснение много времени не займет, — сказала Крис, когда шаги замерли.

Он грустно покачал головой.

— Я ждал так долго, безумно долго, — наконец выдавил он. — Я почти потерял надежду. Но ты ведь та самая, верно? Да. Конечно это ты.

— Я та самая, — подтвердила она. — А теперь послушайте...

Он печально махнул атласным сердцем.

— Я носил его с собой, пытался отыскать ту, которая его возьмет. — Он издал звук, напоминающий нечто среднее между смехом и всхлипом. — Но никто не хочет его брать.

— Вам вовсе не обязательно делать это, — заверила она мужчину. При чем тут сердце? Отличительный признак? Она не помнила, чтобы по телефону об этом шла речь. Хотя идея недурна; так было бы легче его опознать. Или же это подарок? — Что это?

Он встал и подошел ближе, протягивая ей сердце со словами:

— На что оно похоже? Я хотел его отдать, но некому. Хотел бы я знать — почему? Но теперь ты...

— Да, конечно. Времени у нас немного. Наверное, вы задаетесь вопросом, почему я позвала вас сюда.

— Это не важно.

— Важно! Я как раз пытаюсь вам объяснить. Я встречаюсь с большим количеством людей...

— И я тоже, — сказал он. — То есть встречался. Теперь все кончено.

Каким-то образом он подобрался к ней вплотную и теперь был всего в нескольких дюймах. Лица мужчины она не видела, в глубокой тени он мог оказаться кем угодно. Она припомнила его внешность, как запомнила ее на ступеньках лестницы: правильные черты лица, страдальческие глаза, виноватый вид. От этого стало только хуже. Она заставила себя продолжать. Она может сделать так, чтобы все пошло как надо. Еще не поздно все исправить.

Не успела она заговорить, как мужчина нежно обхватил ее голову ладонями и склонился для поцелуя.

Сначала она так удивилась, что даже не сопротивлялась. Потом подумала, о боже, только не сейчас! Следующая мысль: «А что он о себе возомнил, когда я позвонила ему, а потом привела сюда?..»

Боже милостивый!

— Погодите. — Она вырвалась и отвернулась.

Но он снова прижался к ней и впился в ее рот.

В этот момент кто-то надавил на другую сторону двери за ее спиной, пытаясь войти. Передние зубы Крис клацнули о его со скрежетом, похожим на то, как ноготь царапает по доске.

— Извините, — пробормотал голос из коридора.

Крис уперлась ладошками в мужскую грудь:

— Нет! Да послушайте же, вы не понимаете. Речь не об этом.

— Тогда о чем же?

— Может, вы поторопитесь? — спросил голос из коридора.

Смущенная Крис дрожала. Но сейчас не время обращать внимание на такую ерунду. Надо торопиться.

В дверь уже стучали.

— Сюда. — С этими словами она потащила собеседника в спальню через другую дверь.

— Уж определись наконец.

— Послушайте, меня зовут...

— Мне все равно.

— Вы прислали мне рукопись, верно? Я показала ее продюсеру, которому она понравилась. Причем настолько, что он хочет сделать на ее основе сценарий для следующего сезона.

Но покупать не хочет. Ох, извините, я не совсем понятно выражаюсь. В этом я тоже виновата. Но об этом расскажу позже. Первым делом с утра лучше отправляйтесь в Гильдию писателей Америки, в отдел регистрации рукописей. Зарегистрируйте все: черновые наброски, записи, всё-всё.

— Зачем мне это делать?

— Я пытаюсь вам помочь! Они собираются украсть ваш сюжет! Когда сюда войдет Мило, я хочу, чтобы вы ему представились. — Она достала из сумочки страницы его текста. — Должна вас предупредить. Что бы он ни говорил, на попятную не идите. Мы в этом деле повязаны. Сейчас в любую минуту здесь может оказаться вырвавшийся на свободу ад. Что бы ни случилось, знайте: я на вашей стороне. Я хочу уладить это дело. Может, в конце концов, вы возненавидите меня, не знаю. Но попытаться стоит. Мне в самом деле жаль, что так вышло. Поверьте.

Она глубоко вдохнула и выдохнула, призывая сердце успокоиться. В ванной комнате, всего в нескольких футах, кто-то запер дверь на замок.

В освещенной неярким, приглушенным светом спальне было тихо. Содержимое гелевого светильника на прикроватной тумбочке бесконечно подогревалось, сливаясь воедино, потом снова распадалось на части. Рот саднило, там было жарко и влажно. Послышался звук льющейся воды.

— О чем, позволь спросить, — осведомился мужчина, — идет речь?

— Я пытаюсь донести до вашего сведения то, что я на вашей стороне, что бы ни случилось.

В глазах мужчины сверкнуло раздражение.

— Так решайся же, наконец!

11. ВОЗЛЕ ТРЕЙЛЕРА ДИРЕКТОРА

Словно привидение объявилось на кладбище — ДИРЕКТОР почти физически ощущает, что за ним следят. Когда он уже собирается зайти в трейлер, появляется призрак. Это ДЕВУШКА, причем загримированная в зомби.

Он пытается отделаться от нее, ведь ДЕВУШКА больше не нужна. Но на сей раз она совсем другая. Не скулит и не распускает нюни, выглядит счастливой, словно щенок, хочет нравиться и доставлять

удовольствие. Видите? Она в порядке и будет на высоте. И даже придумала нечто дополнительное к сцене смерти. Идея ее собственная, и она не сомневается, что ДИРЕКТОРУ понравится. Если бы она сначала могла показать эту сцену лично ему!

Похоже на то, что она смирилась с происходящим. Ей в самом деле больше всего на свете хочется, чтобы картина удалась. То есть желает она того же, что и он. Только это имеет значение. Теперь она это поняла.

— Вы многому меня научили. Вы сам даже не представляете себе, какими знаниями я вам обязана. Теперь позвольте отплатить вам тем же — дать то, что вы в самом деле желаете. Я теперь хочу того же.

12. В ТРЕЙЛЕРЕ

Она отлично играет свою роль, а ДИРЕКТОР выступает в роли ее возлюбленного. По условному знаку она пронзительно кричит. Почти идеально. Теперь ей нужно отрепетировать с винтовкой. Она у нее с собой, даже заряжена бутафорскими пулями с кровавым гримом. Все предусмотрено.

— Вам хотелось, чтобы выглядело по-настоящему, так? — Она вкладывает ему в руку оружие. — Мы должны сделать все как положено. Мне бы хотелось, чтобы вы поняли, на что я ради вас готова. Давайте пойдем до конца, отрепетируем последнюю сцену. На сей раз вы добьетесь желаемого. Обещаю.

Он упрямится, но все же под конец соглашается. Когда она начинает кричать, ДИРЕКТОР стреляет. Наконец-то глаза ее глядят мирно, льется кровь, она живописно сползает на пол по стене.

— Боже, это было великолепно! Какой кадр! Была бы камера... — Он склоняется к ДЕВУШКЕ, трясет за плечо. — Отлично! Наконец ты добралась до сути. Эй, что?..

Касается раны. **Настоящая!** В руки ему она вложила винтовку с боевым патроном. Вот что она придумала.

Он лихорадочно соображает, как избавиться от улик, — никто не поверит в то, что произошло на самом деле.

Что делать с телом?

Отчаянный план. Надо на съемочной площадке заменить манекен ДЕВУШКИ на ее настоящее тело и прикрепить ее за могильный памятник так, как крепятся остальные манекены. Улику сначала разорвет на час-

ти, а потом сожжет напрочь, до горстки золы. Когда пламя огнемета коснется тела, резиновый грим вспыхнет напалмом. Ничего не останется.

Он сам сейчас привяжет ее куда следует. Никто не заметит.

— Я хочу оказать вам услугу, — объясняет она. — Пытаюсь ее оказать. Если вы мне позволите.

— Так вы та самая? — снова спрашивает он, на сей раз уже почти яростно.

— Да. То есть нет. — Она увернулась от его объятий. — То есть...

— А ведь сказала, что ты та самая. — Он махнул подушкой в форме сердца.

— Не в том смысле, — объяснила она. — Речь идет о вещах поважнее. Разве не понятно?

— Я должен был догадаться. Ты не та, за кого я тебя принял.

— Да!

— Да — это что значит? — злился он.

— Да — это да, только не в том смысле, который вы придаете слову «да»!

Он готов уйти.

— Для меня это очень важно, — сказала она.

— Для тебя, — отрезал он. — Всегда этим заканчивается.

— Для вас тоже! Да что с вами? Разве вы не слышали? Вы не можете?..

Он свирепо буравил ее взглядом. Ткнул подушкой в грудь.

— Это мой крест! Ты такая же, как все. — Он опять пихнул ее, на сей раз более агрессивно. — Дело во мне, не так ли?

— Вы о чем?

— А ты о чем? — гаркнул он прямо ей в лицо.

Мурашки поползли по телу. «Кто этот человек? — спросила себя она. — Я допустила еще одну ошибку, причем самую непростительную из всех».

— К-кто вы такой? — выдавила она.

— А ты кто, начнем с этого. Кто ты такая?

Она попыталась увернуться, когда мужчина бросился на нее, охваченный разочарованием и яростью. Он схватил Крис и швырнул на ведущую в коридор дверь, до того как она

успела ее открыть, а сверху навалился сам. Подушка уперлась ей в подбородок, голова запрокинулась. Мягким атласное сердце не было, как ни крути. Внутри находилось что-то опасное, угрожающе-твердое. Это вовсе не было подушкой. Это была подарочная коробка на День святого Валентина, помещенная в сердце.

И тут он высоко занес эту штуку. Она видела красное сердце, готовое опуститься ей на голову, атласная обшивка порвалась, запятналась, но все еще была густо-красной, как его лицо, как кровь, бегущая из его рассеченной губы. Она не знала, кто этот человек. Он мог быть кем угодно.

И точно был психом.

Внезапно дверь громыхнула и уперлась ей в спину, явно кто-то пытался ее открыть. Ее отбросило прямо на руки незнакомцу.

— Ой! Прошу прощения,— произнес в щелку голос Мило, а за ним послышался звук истеричного театрального всхлипа.— Пойдем. Внизу, в холле, есть другой телефон.

— Подождите!

— Желаю приятно провести время...

Псих-незнакомец замешкался. Тут она сделала свой ход и метнулась к ручке двери. Но мужчина висел мертвым грузом. Она крутанулась, изловчилась, вцепилась в сердце, которое оказалось тяжелее, чем она предполагала, и ударила по незнакомцу. Он не выпускал ее из рук, и тогда Крис еще и еще с размаху ударила его по лицу. Послышался сухой звук, словно кость сломалась. Коробка проломилась, из нее посыпались леденцы, сморщенные и крепкие, словно камешки. Мужчина упал на колени, озадаченно глядя на нее, потом завалился вперед.

Тут в комнату вошли люди, которых привел Рип. Только что они весело перешептывались и вот уже стоят, раскрыв рот от удивления.

— Что ты наделала? — спросил кто-то.

— Ничего я не делала! Он... он...

— Что он? Что он сделал? — к ней подошла рослая женщина. Утешая, она пригладила ей волосы, приметила вспухшие губы, оторванные пуговицы, затравленный взгляд.— Теперь все хорошо. Он пытался тебя изнасиловать, да? Знаем мы таких. Ублюдок.

— Кто этот парень? — спросил кто-то еще. — Кто его пригласил?

— Я вызову врача.

— Девушка действовала в рамках самообороны, — сказала высокая женщина, слишком сильно прижимая Крис к себе. — Никому ни слова. Понятно? Кто знает, что бы он сделал с вами, будь у него шанс. Всем это ясно, верно?

Крис никогда ее не видела. Впрочем, никаких других лиц она тоже не смогла признать.

Она вырвалась и бросилась к лестнице.

Внизу, в опустевшей гостиной, смолкла музыка. Там стоял один-единственный молодой человек. Он смущенно озирался по сторонам.

— Простите, — спросил он, — вы не знаете Кристин Кросс?

Безмолвно она смотрела на молодого человека. И никак не могла припомнить, знает ли ответ на его вопрос.

— Если вы ее увидите, не будете ли так любезны передать, что я ее разыскивал? Меня зовут Роджер. Мы должны были встретиться здесь. Эй, с вами все в порядке? Вы в крови...

Больше не задерживаясь ни на секунду, она выскочила на улицу. Кровь, ее собственная или чья-то еще, солью сохла на губах.

13. РАССВЕТ

Все готово: сквозь туман поблескивают опрокинутые кресты, освещенные контражурным светом. Словно мишени в тире выстроились приделанные к подпоркам зомби.

ДИРЕКТОР велит Марти использовать особо мощные заряды. Чтобы ничего не осталось, когда рассеется дым. В том числе не желает видеть звериной крови и внутренностей, которыми начинены манекены.

— МОТОР!

Словно солдат по минному полю, бежит бойфренд, НОЧНОЙ АДМИНИСТРАТОР. Одного за другим он расстреливает манекенов пулями, затем их разрывает минами, оставшееся сжигает пламя огнемета. Всех, кроме ДЕВУШКИ. Ей предназначен последний выстрел. Где же она сама для крупного плана?

— Она не нужна, — говорит ДИРЕКТОР, подмигивая Марти.

Разве ее нет на съемочной площадке? Кто знает, где она сейчас, — может, едет обратно в Индиану.

Кому какое дело? Это моя картина, и я заявляю: нам она не нужна. У нас есть замечательная кукла, манекен. Просто стреляй — и дело с концом.

— МОТОР!

НОЧНОЙ АДМИНИСТРАТОР продвигается вперед, к ней, в руках у него винтовка. Выстрелить он не успевает — голова ДЕВУШКИ склоняется набок.

— Подождите, — кричит ПОМОЩНИК КИНОРЕЖИССЕРА. — Голова неправильно расположена — не пойдет.

— Пойду поправлю, — говорит Марти.

— Нет! — ДИРЕКТОР не может позволить никому прикасаться к ней руками — раскроется, что тело-то настоящее. Придется самому.

— Смотрите под ноги! — вопит Марти.

ДИРЕКТОР осторожно пробирается к нужному могильному памятнику. Поправляя голову, старательно не глядит в лицо ДЕВУШКЕ. Готово. Он отходит.

— Подождите! — говорит Марти. — Теперь у нее изо рта кровь течет. Опять не пойдет.

— Просто снимай, ясно? — приказывает ДИРЕКТОР.

Он хватает винтовку и собирается сам стрелять в нее кровяной пулей. Не успевает он нажать на курок, как голова ДЕВУШКИ снова склоняется набок. Она потихоньку приходит в себя. Она жива!

Он выпускает в нее одну пулю, другую. Но на этот раз патроны не боевые. Вот открываются ее глаза, в миг своего триумфа она смотрят прямо на ДИРЕКТОРА. Улыбается.

— Умри, — бормочет он, — умри!..

Она поднимает зомбиподобные руки, словно желая его обнять.

Он бросается к ДЕВУШКЕ, чтобы вцепиться ей в горло и наконец упокоить ее. Ее руки обвиваются вокруг ДИРЕКТОРА, в последней судороге она прижимает его к себе — тут замыкаются контакты, закрепленные у нее на теле, и взрывается заряд. Их двоих, сцепленных воедино, разрывает на части, кровью они повенчаны для Вечности.

Это последний кадр, лучший в фильме.

КОНЕЦ

КРИСТОФЕР ФАУЛЕР

Ночь после «Ночи живых мертвецов»

Кристофер Фаулер живет и работает в Лондоне, где возглавляет промоутерскую компанию «Creative Partnership», единственную в Великобритании, специализирующуюся на продаже кинофильмов. Его первый сборник «Городские вибрации» («City Jitters») носил подзаголовок «Рассказы о городской злобе». В дальнейшем было опубликовано еще три сборника: «Городские вибрации — 2» («City Jitters Two»), «Комитет потерянных душ» («The Bureau of Lost Souls») и «Ножи плута» («Sharper Knives»). По рассказу Фаулера «Умелый строитель» («The Master Builder») CBS-TV сняло фильм с Тимти Хедреном в главной роли, а другую историю, «Левостороннее движение» («Left Hand Drive»), экранизировало британское телевидение.

Его первые четыре романа, «Мир-крыша» («Roofworld»), «Руна» («Rune»), «Красная невеста» («Red Bride») и «Самый черный день» («Darkest Day»), называют «Лондонским квартетом»; среди других работ выделяются роман «Спанки» («Spanky»), а также «Менц Инсана» («Menz Insana»), серия комиксов для взрослых о безумном докторе, иллюстрированная Джоном Болтоном, и сценарий «Высокое напряжение» («High Tension»).

На тот случай, если вы не догадались по названию, Фаулер поясняет, что написал нижеследующий рассказ после просмотра трилогии Джорджа Ромеро, спрашивая себя, отчего все с такой готовностью принимают концепцию живых мертвецов.

«Ромеро рассматривает вопрос, что происходило в дни, последовавшие за пробуждением, — говорит автор, — но никто не озадачился наличием тут логики. Первое и главное — отчего мертвые восстали? Как ожившие трупы ухитрились подняться из земли? И чем, черт возьми, им может помочь поедание живых?

Ответ, полагаю, таков: взрослые не задают себе подобных вопросов. Это прерогатива детей. Так что, пожалуй, имеет смысл взглянуть на проблему глазами ребенка».

Фаулер признался, что однажды в детстве похоронил мертвую черепаху, а потом, несколько недель спустя, выкопал ее, чтобы посмотреть, пуст ли панцирь.

«Мы были в ужасе, обнаружив, что животное двигается само по себе в своей скорлупке, — откровенничает он. — Черепаха ожила благодаря бурной деятельности каких-то личинок, так что мы восприняли это как доказательство не воскрешения, но реинкарнации и, таким образом, бессмертия души».

Все вышеизложенное дает некоторое представление о том, чего следует ожидать от «Ночи после „Ночи живых мертвецов"»...

Чем хороши мертвецы — от них, в отличие от живых, не залетишь, посидев на стуле, с которого они только что встали. Когда живые нагревают сиденье (особенно стульчак унитаза — вот вам и источник СПИДа), а ты садишься на нагретое ими местечко, тепло активирует гормоны твоего тела, оплодотворяет яйцеклетки, и девять месяцев спустя хлоп — ты с младенчиком. Но мертвые не греют сидений, потому что температура их тел не выше температуры водопроводной воды зимой.

А чем мертвецы плохи, так это тем, что не спят, и, спускаясь посреди ночи за стаканом воды, вполне можно обнаружить собственного дедушку, сидящего на кухне за столом и тупо пялящегося в темноту, — лично меня от этого просто в дрожь бросает. Скажите спасибо «Ночи живых мертвецов». Интересное обстоятельство (самое интересное, если, конечно, не упоминать, что все произошло в разгар дня) — в тот момент этот катаклизм мало кого всполошил. Хотя мне, честно говоря, стало сильно не по себе: как-никак мне тогда только-только стукнуло одиннадцать.

Вы наверняка все знаете — в смысле вы же не проторчали последние три года в монастыре на Оркнейских островах, чтобы не знать, — но я все равно расскажу, потому что: а) это даст личную точку зрения и б) нам все равно задали сочинение по английскому.

Для начала — кино тут совершенно ни при чем. С кино ничего общего.

Если вы видели эту классическую ленту, то помните, как мертвецы вставали из земли и ковыляли по пояс в тумане,

с вытянутыми руками, точно лунатики. Полная ерунда. Подумайте сами: когда кого-то хоронят, гроб заколачивают, опускают в яму, яму засыпают землей, а землю утрамбовывают, так что мы говорим о нескольких сотнях фунтов мокрой грязи, которую надо поднять, если даже предположить, что покойнику удалось сдвинуть крышку своего последнего пристанища — а это практически невозможно, поскольку в большинстве гробов и развернуться-то толком негде. Факт прост: из земли никто не вылезает. Возвращаются к жизни лишь трупы, лежавшие в моргах и больницах, ну и те, которые отчего-то валялись где-то незакопанные.

Они не разгуливают с поднятыми руками; их руки вяло болтаются по бокам, и они не слишком много двигаются, а вот падают, напротив, частенько. Но главное отличие от фильма — они не убивают живых и не пытаются съесть их мозги. Да и если подумать логически, как? Они мертвы, а значит, мертв их мозг, а желание сожрать мозги кого-то другого предполагает сознательное мышление, которое у них отсутствует. Съеденный мозг не восстановит твой собственный. Это все равно что сказать, что от съеденного куска говядины, то бишь части коровы, у тебя отрастет четыре желудка. Кроме того, если хочешь добраться до чьего-то мозга, нужно сперва вскрыть череп, а сие, полагаю, не так легко, как выглядит на экране. Это как вампиры в кино. Сами знаете, когда доходит до укусов, Дракула проделывает в чьей-нибудь шее две дырки и высасывает кровь. Извините, но как насчет законов физики? Когда открываешь жестянку со сгущенкой, приходится пробивать отверстия с двух сторон банки, чтобы молоко лилось. Так что вампир должен быть уверен, что его рот припал точно только к одной из дыр, иначе у него вообще не получится ничего высосать, разве что он станет действительно сосать — и тогда человек, из которого он сосет, будет сдуваться, как проколотый футбольный мяч.

Так вот. Никто не выходит из земли, никто не ест мозгов. Живые мертвецы не имеют ничего общего с их киношными прототипами. Честно говоря, они довольно скучны. У кого-то из них еще сохранились остатки памяти, и он может прочесть наизусть «Солнце» или промямлить пару арий из «Кошек», но ничему новому их научить нельзя, как нельзя выдрессировать взаправду тупых насекомых или пса нашего учителя

биологии. Ткни пальцем в небо, и они да, поднимут глаза, но потом будут стоять так часами, как цыплята, ждущие, когда пойдет дождь. Потому что они мертвы — и точка. В смысле смерть — это конец, finito, после смерти ты уже не поймешь, в чем соль шутки, и не вспомнишь, как подключить видик, вот и все, тебе крышка, крошка.

О той ночи, когда все произошло, я много сказать не могу — разве что была среда, лил дождь и я поздно пришел домой из школы. Меня поймали на обществознании за изучением внутренностей мяча для гольфа и в наказание оставили после уроков. Помню, как шагал по улице и увидел впереди одного из шаркающих мертвецов, мужчину лет пятидесяти. Впервые увидел. Фантастическое это было зрелище, словно я всю свою довольно-таки короткую жизнь ждал чего-то подобного и теперь увиденное придало смысл всему остальному.

Тип передо мной скорее не шел, а тащился, едва отрывая ноги от земли. Уже смеркалось, но я разглядел, что одет он в обычную домашнюю одежду, только грязную, будто он только что подрался. Голова его была немного опущена, но смотрел он прямо и, кажется, знал, куда направляется. Когда я поравнялся с ним, в нос мне ударила сильнейшая вонь — пахло какими-то химикалиями, наверное формальдегидом, словно мужик только что сполз со стола в покойницкой. Его лицо было серым и пятнистым, точь-в-точь футляр от ноутбука моего папаши, но глаза, глаза — вот что его выдавало. Пустые, бессмысленные и сухие, как у куклы, потому что, полагаю, сейчас никакая жидкость уже не увлажняла их, они застыли, уставившись в одну точку. Я зашагал с ним в ногу и вот тут-то осознал, что совершенно не боюсь.

Если кто-то опасен, он непременно подает предупреждающие сигналы, и если ты принял их, то отступаешь. Но этот парень был банально мертв и никаких сигналов, ни дурных, ни хороших, не подавал, и я инстинктивно понял, что в худшем случае он просто упадет прямо на меня. Улица была почти пуста, а те немногие, кто проходил мимо нас, казалось, ничего странного не замечали. А впрочем, что особенного они могли разглядеть в туманных дождливых сумерках, кроме того, что какой-то старик вышел прогуляться без плаща и сейчас промокнет насквозь. Мы добрались до

поворота к моему дому, и мертвый парень пошаркал вперед, в темноту. Я чуток постоял, глядя ему вслед, а потом пошел своей дорогой.

Я уже пропустил первые вечерние новости, но спросил маму, не говорили ли по телевизору что-нибудь о возвращающихся к жизни мертвецах, и она, сделав недовольное лицо, ответила «нет». Помнится, я заметил, что глаза ее опухли и покраснели, словно она плакала, а потом попыталась скрыть это от меня. Позже, уже в своей комнате, я увидел репортаж. Непосредственно в прямом эфире дикторша, запинаясь, зачитала сообщение о том, что несколько трупов из больничного морга в Лидсе были обнаружены бредущими по коридорам здания. Она сказала, что вести об аналогичном феномене поступают из всех уголков мира, хотя, похоже, сама тетка не верила ни слову из того, что произносила. Затем какой-то эколог, которого, судя по виду, только что вытащили из кровати, постоянно приглаживая волосы, заявил, что все дело в озоновом слое, и я подумал: «Ага, как же!» В смысле не надо быть крутым ракетчиком, чтобы сообразить, что между истончением озонового слоя и оживанием мертвецов нет никакой связи. Это все равно что сказать, что от игр «Нинтендо» можно взбеситься. Смешно.

Переключил я на CNN, потому что они вечно повторяют одно и то же снова и снова, и вот оно — реальная съемка зомби, ковыляющих вдоль дорог и натыкающихся на стены. Я позвонил своему приятелю Джо Махони, по кличке Зубрила, хотел сказать, чтобы он скорее включил ящик, но трубку сняла его сволочная мачеха, которая сказала, что для болтовни уже слишком поздно.

Назавтра я попытался обсудить происшедшее с моими школьными друзьями, но никто, кроме Саймона Уотерса, не заинтересовался. А Саймон Уортерс, к несчастью, твердо убежден, что таинственные круги на полях оставляют венерианцы, а не пара скучающих парней с палкой и обрывком веревки, и страстно готов поверить любому событию, хоть чуть-чуть более интересному, чем его собственное жалкое существование, заключающееся в получении паршивых оценок в школе и возвращению домой к отцу, крутящему роман с педикюршей. Тогда-то я и начал вести свой «Вахтенный журнал мертвецов» — завел разлинованный блокнот,

куда записывал каждый случай наблюдения живого покойника.

С каждым днем на улицах появлялось все больше и больше шагающих трупов. Вскоре за одно только субботнее утро я насчитал то ли десять, то ли пятнадцать зомби (женщины особенно любят бродить возле припаркованных у «Сэйнсбери»[1] тележек) и перестал вести учет, решив, что мне за ними не угнаться. Прежде всего большинство больничных трупов чертовски хорошо сохранилось. В смысле ни челюсти, ни уши у них не отвисали, но время от времени попадались мертвяки и взаправду в плохом состоянии. Например, толстяк в автобусе в больничной пижаме, у которого разошелся шов на груди, а потроха вывалились и покачивались из стороны в сторону, когда автобус поворачивал. Но в первые дни трупы еще выглядели целехонькими.

Видите ли, это не была просто Ночь Живых Мертвецов, как мы сперва думали. Да-да, не просто ночь, а Ночь За Ночью. Воздействие того, что оживляло их, не шло на убыль, так что властям пришлось позаботиться о специальном законе, который урегулировал бы проблему. Они установили новую стандартную глубину погребения тел и повелели запирать двери моргов. И все же каждый день по улицам ковыляет все больше и больше мертвяков, так что либо кто-то нарочно выпускает их (я видел в новостях, этим занимается группировка «Право на жизнь»), либо они сами находят способ сбежать прежде похорон.

Правительство так и не пришло к единому мнению относительно причины случившегося, и до сего дня источник так и не найден. Ученые провели независимое исследование для выяснения происходящего — а именно вскрыли пару трупов и порылись внутри, — но ничего определенного не обнаружили. Тела представляют собой всего-навсего инертные организмы, отчего-то не лежащие спокойно. У них отсутствует сердцебиение, кровь свернута, вены твердые, кожа натянута — и сухие пустые глаза. Сперва ученые думали, что дело в атмосферной радиации, потом — в Злой Вирусной ДНК, но я-то знаю, что они так и не определились, когда все начали винить в этом французов. В любом случае

[1] «Сэйнсбери» — сеть супермаркетов в Великобритании.

ничто из этого по-настоящему не затронуло мою семью и нашу жизнь. Мы продолжали видеть мертвецов, сидящих на автобусных остановках, нерадостных и негрустных (выглядящих так, словно они и вправду ждут автобуса). Мы видели трупы в приличной одежде, тупо пялящиеся на полки магазинов, видели покойников с прикрытыми газетой лицами, загорающих на скамейках в парке, и понимали, что они мертвы, только потому, что шел дождь.

Прошел, наверное, месяц после той, первой НЖМ, и именно тогда, когда все убедились, что мертвецы никому не причиняют вреда, начались всевозможные неприятности. Во-первых, вне зависимости от того, насколько покойники безобидны, в их присутствии людей обычно бросает в дрожь. Но это естественно — то, как они выглядят и пахнут, по меньшей мере угнетает, если не сказать хуже. Полиция хотела основать специальное подразделение, чтобы отлавливать их, потому что они вечно падают на рельсы метро и мешают уличному движению, но общественность возмутилась, утверждая, что, поскольку мертвецы ходят, у них есть душа, а следовательно, и человеческие права.

Затем доктора начали беспокоиться о том, что тела разложатся и подвергнут всех риску заражения — микробы, бактерии, трупный яд и все такое. Но тела не гнили. Они просто медленно высыхали, делались все кожистее, к тому же стояла зима, и многие покойники сидели в библиотеках, где центральное отопление не давало скапливаться влаге.

Они постоянно налетали на предметы, ушибались, обтрепывались, теряли пальцы и клочья волос, отчего выглядели еще гадостнее. Странно, впрочем, что они ухитрились сохранить врожденное понятие о правилах приличия. Если у кого-то из них рвались брюки, он заматывал дыру, так что сидящим напротив не приходилось любоваться причиндалами мертвяка. Телешоу и газетные статьи проповедовали уважение к покойным, но банды подростков уже бесчинствовали вовсю, отрезая от трупов куски или наряжая их повсякому, чтобы мертвецы выглядели глупо. Мой друг Джой однажды видел на проспекте старика в блестящем парике и балетной пачке. Некоторые бессовестные предприниматели даже вешали на трупы рекламу, но общественность это не одобрила.

Ездить в метро мертвецам вроде бы не полагалось, потому что они не покупали билетов, но один или два всегда умудрялись миновать турникеты и проводили весь день, пытаясь вскрыть какой-нибудь автомат для продажи шоколада на платформе. Шуму от них не много, наверное, потому, что голосовые связки пересохли, но, господи боже мой, те, что постарше, стали выглядеть чудовищно. В чем проблема? А вот в чем: даже если они падали в реку и плыли по течению черт знает сколько времени, в конце концов их прибивало к берегу, они выкарабкивались и снова принимались бесцельно бродить поблизости. Больничные бригады собирали самых отвратных на вид и отвозили куда-то.

Примерно тогда же я стал свидетелем того, как одна старушка вывалилась из автобуса и ее протащило физиономией по мостовой целый квартал. Я кинулся следом, только чтобы посмотреть, что произойдет, если поясок ее пальтеца все-таки отцепится от поручня. Что ж, это случилось, и когда дряхлая клюшка в конце концов все-таки поднялась на ноги (никто не удосужился ей помочь — сейчас народ предпочитает игнорировать мертвецов, как прежде бомжей), то, что осталось от ее лица, отвалилось, точно обгоревшие обои, оставив бедняжку с оцарапанными об асфальт костями и удивленным выражением черепушки. Неприятное зрелище, что и говорить.

Еще несколько недель спустя, одним дождливым субботним днем, умер мой дедушка. Он жил с нами, хотя мама его и недолюбливала, и сперва никто даже не понял, что старик скончался. Он, как обычно, целый день сидел в своем кресле, глядя в телевизор, но я понял, что что-то не так, потому что он всегда кричал, когда на экране начинали драться, а сегодня — нет. Дед сам налил себе чаю, но оставил пакетик в кружке, выдул залпом обжигающий чай и тут же обмочился. Отец не позволил маме вызвать труповозку, и они круто поссорились, после чего было решено, что дедушка пока останется с нами, если не будет никому докучать. Матушка отказалась переодевать его, но отец заявил, что делать это придется нечасто, потому что потовые железы деда уже не работают. Однако отучить старикашку от чая оказалось непросто. Полагаю, если ты в течение шестидесяти лет пил по десять чашек «Брук Бонда» в день, двигательные нейроны уже не требуются.

Из дому дедушку не выпускали, поскольку он оказался склонен к невозвращению, и нам приходилось его искать. Однажды мне разрешили отправиться на охоту за дедом с папой, и мы с ним прочесывали парк, когда стало темнеть. Дюжины, дюжины их — мертвяков — сидели неподвижно под шелестящими вязами. Сидели на скамейках вокруг эстрады, чинно сложив руки на коленях, тихо дожидаясь, когда заиграет музыка. С тех пор я перестал гулять в парке.

Как-то раз я взял деда в кино. Странный поступок, конечно, но мне полагалось присматривать за ним, а шел фильм, который я действительно хотел посмотреть, один из тех ужастиков с резней и музыкой, пробирающей до костей, и я ухитрился провести старика в зал как живого, хотя билетерша и посматривала на нас подозрительно. Посередке фильма, как раз когда героиня полезла в подвал искать свою кошку, хотя и знала, что поблизости околачивается сбежавший маньяк-убийца, я повернулся и обнаружил, что старик смотрит на меня широко распахнутыми пустыми глазами. Он, конечно, не дышал, а в разинутом рту виднелся толстый сухой язык, похожий на кусок колбасного фарша. Встревожило меня то, что дед сейчас повторил одну из своих прижизненных привычек — чуть наклонил голову, чтобы взглянуть на меня, так что в тот момент я даже усомнился, действительно ли он мертв. Да, это была всего лишь иллюзия жизни, но до ужаса правдоподобная.

Несколько недель спустя в голове деда ожили еще кое-какие остаточные воспоминания, касающиеся чистки картошки. Он припомнил процесс, но, к несчастью, забыл, что применяют его к овощам, и до моего прихода из школы умудрился почти начисто снять с собственных пальцев кожу, так что я обнаружил его взирающим на жалкие костяные палочки, напоминающие плохо заточенные карандаши. А буквально на следующий день он уселся на плиту с горящими конфорками и серьезно обгорел. Мать пригрозила уйти от нас, если отец не пристроит старика куда-нибудь, так что утром я уже стоял на пороге и махал вслед дедушке, слепо ковыляющему по клумбам в сопровождении равнодушного, смолящего цигарку санитара.

Теперь я редко выхожу из спальни. И больше не посещаю школу. Вокруг слишком много мертвецов, и это беспо-

коит меня. Они забредают по ночам в сад, тащатся за тобой в магазинах, падают с эскалаторов, плывут мимо по течению, и все это так... унизительно. Мама, кажется, поняла, что я чувствую, и разрешила мне обедать и ужинать в своей комнате. Впрочем, за эти дни она все равно слишком уж подружилась с нашим настенным баром. Удивительно то, что живых мертвецов, похоже, больше никто не считает. Не важно, что нас окружил запах тления. Мы постепенно привыкли к вони. Правительство продолжает вести бессмысленные дебаты и выпускать беззубые нормативные документы. Обывателей ничто не заботит — они даже ничего не замечают. Сама ткань общества медленно прогнивает, пусть даже этого не происходит с мертвыми. Поэтому я разрабатываю план, потому что кто-то же должен что-то предпринять. Кто-то должен обеспокоиться. Кто-то обязан принять меры, пока не стало слишком поздно.

Кевин Грейди, 4б класс

— Интересно, о чем он думает, — прошептала миссис Грейди, потянув за уголки скатерть. — Он может сидеть так часами, просто глядя на улицу и наблюдая, как мимо проходят люди.

— Скажи спасибо, — откликнулась соседка, помогая убирать со стола чашки и соусники. — Мой Джой — просто наказание Господне, каждый вечер болтается где-то с бог знает какими подонками.

Она посмотрела на сидящего у окна бледного мальчика, и в душу женщины на мгновение закралось сомнение. Для подростка неестественно сидеть так спокойно. А как он смотрит на тебя — в глубоко посаженных серых глазах будто затаилось убийство.

— Джой говорит, что делает домашние задания, — продолжила она, — но я чертовски хорошо знаю, что он якшается с этой своей бандой. Мне приходится контролировать оболтуса, от отца-то его никакой подмоги. Но твой Кевин...

Женщина нахмурилась и отвернулась, поскольку мальчик метнул на нее подозрительный взгляд. Неудивительно, что его мать так пристрастилась к «Бристольскому крему»[1],

[1] «Бристольский крем» — херес высшего сорта.

если ее сын бродит по дому весь в черном, злобно прищуриваясь на каждого взрослого. Вот вырастет он и наверняка станет серийным убийцей.

— Кевин хороший мальчик, — твердо отрезала миссис Грейди. — Он очень смышленый. И впечатлительный. Они с дедом были слишком близки. После смерти старика Кевин притих. Даже не пошел с нами на похороны. Надеюсь, потрясение скоро пройдет.

— Конечно-конечно, — прошептала в ответ соседка. — Дети оправляются быстро. Хотя очень уж он тихий. Ему надо больше гулять на свежем воздухе. Бегать с приятелями. Плавать. Играть в футбол. — Она снова тревожно взглянула на вялого, точно впавшего в спячку, ребенка. — Делать хоть что-нибудь.

Миссис Грейди развела доселе сплетенные на пышной груди руки и потянулась к бутылке шерри.

— Я была бы только рада, но он предпочитает сидеть в своей комнате и смотреть фильмы ужасов. — Она щедро наполнила пару янтарных бокалов. — Они стимулируют его и без того буйное воображение. Думаю, мир видится Кевину не так, как большинству детей. У него появляются очень странные идеи. Уверена, это всего лишь возрастная фаза, но в данный момент... — Она наклонилась ближе к подруге и доверительно прошептала: — Порой... он так смотрит на нас, словно хочет, чтобы мы были мертвы.

РОБЕРТ БЛОХ

Мертвые не умирают!

Наверное, Роберту Блоху уже надоело, что его постоянно представляют как автора «Психо». Поэтому назовем самые последние его работы: «Легенды Аркхэма» («Tales from Arkham») и антологию «Монстры среди нас» («Monsters in Our Mind»). Он завершил и первый том своей автобиографии «Вокруг Блоха» («Once Around the Bloch»), обещающей стать увлекательнейшим чтением.

А вот что он сказал о приведенном ниже рассказе, когда тот был впервые опубликован в 1951 году в качестве заглавного рассказа июльского номера журнала «Фантастические приключения» («Fantastic Adventures»):

«Что касается данного произведения, мне следует предварить его парой слов. Прежде всего должен пояснить, что название выбрал не я. Это ваш редактор придумал название и прислал мне вместе с предложением сочинить рассказ, соответствующий данному заголовку, и отправить ему в течение месяца, иначе... Что „иначе" — он не объяснил. Я ответил ему утвердительно и сел за работу.

Однако, в то время когда он писал мне, а я писал ему, я еще не знал, что окажусь вдруг в гордом одиночестве в конторе, заваленной работой, которую оставит мне в качестве некоего сувенира компаньон, отправившийся во Флориду. Но случилось именно так. Не успел я приняться за рассказ, как мой компаньон (который на самом деле является моим боссом, хотя я никому об этом не говорю) уехал в Эверглейдс. И мне пришлось попотеть. Чем больше я потел, тем яснее понимал, какое паршивое название мне досталось: „Мертвые не умирают!".

Оно просто не соответствует действительности. Я был мертв, мертв от усталости и от всего, что использовал в качестве стимуляторов, пока писал. И я был не просто мертв, а перманентно умирал. Никто на свете не чувствовал себя хуже, чем я тогда, за исключением разве что редактора, если бы я сумел в тот момент до него добраться.

Однако он в Нью-Йорке, я в Милуоки, а рассказ в „Фантастических приключениях", где вы и можете его прочи-

тать. Надеюсь, он счастлив в своем Нью-Йорке, надеюсь, что я счастлив в Милуоки, надеюсь, вы будете счастливы, читая рассказ».

Хотя рассказ «Мертвые не умирают!» не часто переиздавался, в 1974 году из него сделали отличный телефильм (только отбросив восклицательный знак в конце), режиссером которого выступал Кертис Харрингтон, а сценарий написал сам Блох. Впечатлял подбор актеров для этого «ужастика»: Джордж Гамильтон, Линда Кристал, Джоан Блондель, Ральф Микер, Джеймс Макичин, Рэгги Налдер, Милтон Парсонс, Иветт Викерс и Рэй Милланд в роли таинственного повелителя зомби.

Это история, которая никогда не закончится.

Это история, которая никогда не закончится. Но зато я знаю, когда она началась. В четверг, двадцать четвертого мая, — вот точная дата. Та ночь стала для меня началом всего этого.

А для Коно Коллури это был конец.

Мы с Коно сидели и вдвоем играли в стад-покер. В камере было тихо, и мы играли неторопливо, задумчиво. Все было прекрасно, за исключением одного. У нас был непрошеный советчик.

И пусть мы играли совсем тихо, пусть мы старались не выказывать никаких эмоций, оба мы прекрасно сознавали его присутствие. Этот третий, непрошеный советчик, был с нами всю ночь.

Звали его Смерть.

Смерть ухмылялась из-за спины Коно, похлопывала его по плечу костлявыми пальцами, подбирала карты для каждой сдачи. Она тянула за руки и меня, подталкивала в спину, когда я делал ход.

Конечно, мы ее не видели. Однако мы знали, что она здесь, прекрасно знали. Наблюдает, наблюдает и выжидает, огромные слепые дыры в черепе украдкой поглядывают на часы и считают минуты, а костлявые пальцы отстукивают секунды, оставшиеся до восхода.

Потому что утром, вне зависимости от того, какие карты выпадут, вне зависимости от того, сколько монет переменят

владельца, Смерть все равно выиграет. И партию, и Коно Коллури.

Занятно, оглядываясь теперь назад, представлять, как мы собрались втроем в тот особенный вечер: Коно, я и Смерть.

Моя история достаточно проста. Примерно за полгода до того я держал экзамен, поступая на государственную службу, и сейчас заканчивался мой испытательный срок в качестве тюремного охранника. Я не был в восторге от этой работы, когда на нее поступал, но считал, что она принесет в мою жизнь четкий распорядок дня, небольшой, но стабильный заработок и возможность заодно написать книгу. По прошествии нескольких месяцев я понял, что ошибался. Мысль о том, чтобы превратить в роман жизнь охранника, казалась прекрасной, когда я начинал, однако в жизни самого тюремщика не остается ничего охраняемого. Я понял, что не могу писать. Бетон и решетки действовали на меня точно так же, как и на любого из моих подопечных. У меня постепенно начало вырабатываться чувство собственной вины.

Наверное, моя беда заключалась в способности чрезмерно сострадать ближнему. Я имею в виду способность ставить себя на место другого человека. «И в качестве Божьего дара появляюсь я», вам ведь знакомо подобное чувство. И я испытывал его, причем вдвойне. Вместо того чтобы по ночам писать, я метался на койке и страдал, переживая мучения людей, находившихся под моим надзором.

Вот так я, кажется, и подружился с Коно — через способность к состраданию.

Коно притащили в камеру смертников в ужасной спешке. Суд над ним был коротким и каким-то бодрым — подобные суды газетчики любят освещать в качестве примера «скорого правосудия». Он был профессиональный силач из передвижного цирка «Шоу Джеймса Т. Армстронга». Утверждалось, что он слишком сильно ревновал жену к одному из актеров. Как бы то ни было, однажды утром Коно нашли мертвецки пьяным в его трейлере. Его жена была там же, но она не была пьяной, а просто мертвой. Кто-то надавил ей двумя большими пальцами на основание шеи, и что-то там сломалось.

То был идеальный сценарий для «скорого правосудия», именно его Коно Коллури и получил. Следующие три не-

дели он был на пути к электрическому стулу, а последние две — гостем штата. Временным гостем. И завтра утром он отправлялся дальше — в вечность.

Этим, разумеется, и объяснялось, почему Смерть присутствовала на нашей игре. Она принадлежала этому месту.

Хотя, наверное, и не всю ночь. Она, без сомнения, шаркала по короткому — о, ужасно короткому! — коридору до маленькой комнатки с большим стулом. Она наверняка подглядывала и подслушивала электриков, которые проверяли рубильники. Она совершенно точно останавливалась у кабинета начальника тюрьмы — удостовериться, что мифическое помилование от губернатора так и не пришло.

Да, Смерть должна была исполнить все это, чтобы знать наверняка, что это действительно прощальная партия в покер. И вот теперь незваная гостья подсказывала, пока мы с Коно сдавали карты.

Я знал, что она здесь, Коно тоже знал, и я предоставил разбираться с ней великану. Он был хладнокровен. Он всегда был хладнокровным — на суде, заявляя о своей невиновности, он ни разу не вышел из себя. И в камере, разговаривая с начальником тюрьмы, с другими охранниками, со мной, он никогда не терял самообладания. Только снова и снова пересказывал свою историю. Кто-то подсыпал наркоты в его выпивку, а когда он проснулся, Фло была мертва. Он никогда не делал ей ничего дурного.

Разумеется, никто не поверил ему на суде. Никто не верил ему и в тюрьме. И начальник, и охранники, и даже другие осужденные были уверены, что он виновен и его вот-вот поджарят.

Вот почему мне выпала честь провести с ним его последнюю ночь — он особо просил об этом. Поверите вы или нет, я ему верил.

Снова виной тому была моя способность к состраданию, да еще замеченный мною факт, что Коно никогда не теряет самообладания. То, как он говорил о своем деле, то, как он говорил о жене, то, как он говорил о казни, — все это не вязалось с характером «убийцы из ревности». Да, он был могучий парень, с виду грубоватый, но он никогда не стал бы действовать, поддавшись импульсу.

Наверное, он с самого начала выбрал меня. Мы с ним болтали ночи напролет после того, как меня перевели в его блок. Он был единственным заключенным, дожидавшимся казни, так что было вполне естественно, что мы разговорились.

— Знаешь, я ведь этого не делал, Боб, — сказал он мне, а потом повторял это снова и снова, ему все равно не о чем больше было говорить. — Должно быть, это Луи. Знаешь, он солгал на суде. Он же пил вместе со мной, это он предложил мне глотнуть из его бутылки за кухней после вечернего представления. Это последнее, что я запомнил. Так что по всему получается, что это он. К тому же именно он все время увивался вокруг Фло, мелкий негодяй. Большой Ахмед меня предупреждал, говорил, что видел это в своем кристалле. Он, конечно, выступил на суде в мою защиту, но какой в том был толк?

Вовсе никакого, и он сам это знал. Но он все равно рассказывал мне об этом снова и снова. И я ему верил.

Тогда, в последнюю ночь, он ничего не рассказывал. Может быть, потому, что здесь была Смерть, прислушивавшаяся к каждому слову. Может быть, потому, что ему обрили голову, распороли штанины и оставили в таком виде доживать последние часы.

Коно не говорил, однако по-прежнему улыбался. Он мог и делал это — улыбался и был при этом похож на громадного выпускника колледжа, обритого под «ноль». Если задуматься, то по возрасту он как раз соответствовал, только Коно никогда не учился в колледже. Он впервые выступил на ярмарке в пятнадцать, женился на Фло в двадцать три и вот теперь, за пару дней до своего двадцатипятилетия, должен был сесть на электрический стул. Однако он улыбался. Улыбался и играл в покер.

— Мой король старшей масти, — сказал он. — Ставлю четвертак.

— Отвечаю, — сказал я. — Берем еще по карте.

— Король все равно старший. Открываемся. Вот забавно, тузы сегодня почти не выходят.

Я ничего ему не ответил. У меня не хватило духу признаться, что я жульничаю. Что я вытащил из колоды туза пик и сунул себе в карман еще до начала игры. Мне не

хотелось, чтобы на стол выпала эта самая карта в эту ночь ночей.

— Пятьдесят центов на короля, — сказал Коно.

— Отвечаю, — сказал я. — У меня две девятки.

— Два короля. — Он перевернул карты. — Я выиграл.

— Тебе страшно везет, — сказал я ему и тут же пожалел, что сказал.

Но он улыбался. Я был не в силах выносить эту улыбку, поэтому посмотрел на часы. Это была еще одна ошибка, но я понял это только тогда, когда посмотрел.

Его улыбка нисколько не изменилась.

— Времени осталось немного, верно? — произнес он. — Кажется, уже светает.

— Еще партию? — предложил я.

— Нет. — Коно поднялся.

Несмотря на обритую голову, распоротые штанины и прочее, он все равно являл собой впечатляющее зрелище. Шесть футов четыре дюйма, двести десять фунтов, в расцвете лет. И всего через час или чуть больше его привяжут к стулу, дернут ручку рубильника, обратив эту улыбку в гримасу боли. Я был не в силах смотреть на него, размышляя об этом. Но я чувствовал, что Смерть таращится и злорадствует.

— Боб, я хочу с тобой поговорить.

— Не заказать ли нам завтрак? Ты же знаешь, начальник тюрьмы приказал... все, что ты пожелаешь.

— Никаких завтраков. — Коно положил руку мне на плечо. Пальцы, которые, как предполагалось, сломали женскую шею, касались меня едва ощутимо. — Давай одурачим их всех и обойдемся без завтрака. Пронырливым репортерам будет о чем поговорить.

— А в чем дело?

— Ничего особенного. Но я хотел кое о чем тебе рассказать.

— Почему именно мне?

— А кто еще у меня остался? Друзей у меня нет. Родственников, о которых мне было бы известно, тоже нет. И Фло больше нет...

Впервые за все время я увидел, как гнев отразился на лице великана. И тогда я понял, что убийце Фло, кто бы

он ни был, сильно повезло, когда Коно отправили на электрический стул.

— Значит, остаешься только ты. Кроме того, ты мне веришь.

— Продолжай, — сказал я.

— Это насчет зелени, понимаешь? Мы с Фло откладывали на дом. Скопили и припрятали больше восьми кусков. Кто-то должен их получить, почему бы не ты? Я вот тут написал письмо и хочу, чтобы ты его взял.

Он вытащил из-под своей койки конверт. Конверт был запечатан, и через него тянулась надпись, сделанная как попало небрежным ученическим почерком: «Большому Ахмеду».

— А кто он такой?

— Я же тебе рассказывал, гадатель в нашем цирке. Отличный парень, Боб. Тебе он понравится. Он заступался за меня в суде, помнишь? Говорил, что Луи увивался вокруг Фло. Толку от этого не было никакого, потому что он ничего не мог доказать, но он был — как бишь там сказал адвокат? — свидетель, дающий показания о репутации обвиняемого. Ага, так. Как бы то ни было, все актеры хранили свои деньги у него. Возьми письмо. Там сказано, что деньги надо отдать тебе. И он отдаст. Все, что от тебя требуется, — это разыскать его.

Я колебался:

— Погоди-ка минутку, Коно. Может, тебе стоит подумать. Восемь тысяч долларов — это большая сумма, чтобы отдавать ее почти незнакомому человеку...

— Возьми их, приятель. — Снова эта улыбка. — Разумеется, к кошельку привязана веревочка.

— Так что же ты хочешь?

— Я хочу, чтобы ты потратил часть этой суммы, постаравшись оправдать меня. Да, я знаю, что шансы на это небольшие, зацепиться не за что. Но, может быть, с деньгами ты сумеешь найти доказательства, вытянуть из кого-нибудь показания. Ты ведь все равно уходишь отсюда.

При этих словах я дернул головой.

— Откуда ты узнал? — спросил я. — Я ведь только вчера днем сказал начальнику...

— Слухи быстро разносятся. — Коно улыбался. — Мне намекнули, что ты сваливаешь отсюда уже в эту субботу. Что тебе не хочется быть частью этой команды до конца

дней своих. Так что я сказал себе, а почему бы мне не отдать ему восемь кусков в качестве этакого прощального подарка? Раз уж мы оба уходим.

Я взвесил конверт на руке.

— Большому Ахмеду, говоришь? Так он все еще работает в цирке?

— Наверняка. Ты найдешь их маршрут в «Биллборде». — Коно улыбался. — Сейчас они должны быть где-то в районе Луисвилля. Всегда едут на север, как только начинает теплеть. Я бы не прочь еще разок повидать старый балаган, но...

Улыбка угасла.

— И еще одна услуга, Боб.

— Только скажи.

— Проваливай отсюда.

— Но...

— Ты слышал? Проваливай. Я скоро ожидаю гостей и не хочу, чтобы ты путался под ногами.

Я закивал, закивал с благодарностью. Коно избавлял меня от последнего испытания: начальник тюрьмы, священник, невнятные слова прощания, шарканье по коридору.

— Прощай, Боб. Помни, я теперь завишу от тебя.

— Я сделаю все, что смогу. Прощай, Коно.

Большая рука пожала мою руку.

— Буду за тобой присматривать, — сказал он.

— Ладно.

— Я серьезно, Боб. Ты ведь не думаешь, что это конец, верно?

— Может быть, ты прав. Надеюсь, что ты прав.

Я не собирался вступать в дискуссию по поводу вероятности жизни после смерти с человеком в его положении. Лично я был твердо убежден, что, как только ток включат, Коно отключится навсегда. Но я не мог сказать об этом ему. Поэтому я просто пожал ему руку, положил в карман письмо, отпер камеру и вышел.

В конце коридора я обернулся и посмотрел назад: Коно стоял у решетки, его тело вырисовывалось в желтом свете лампы, но терялось в тенях, появившихся с рассветом. У него за спиной была еще одна тень — громадная черная тень, сливающаяся в призрачную фигуру.

Я узнал эту тень. Старуха Смерть.

Это было последнее, что я увидел: они вдвоем, дожидающиеся вместе, — Коно и Старуха Смерть.

Потом я спустился по лестнице к себе. Ночная смена ушла, дневная пришла. Все кругом говорили о казни. Они пытались разговорить и меня, но я не сказал ничего. Я сидел на краю койки, глядя на часы и дожидаясь.

Наверху сейчас, должно быть, уже прошла обычная процедура, именно так, как ее показывают в этих поганых фильмах. Открываются двери. Его приковывают наручниками к двум охранникам по бокам. Ведут по коридору. Да, как раз теперь все и происходит. Ночная смена вышла разузнать новости, оставив меня одного. Я снова посмотрел на часы. Самое время.

Сейчас они раздевают его, завязывают глаза проклятой черной повязкой. Я вижу, как он сидит там, большой добродушный человек с усталой улыбкой на губах.

Может быть, он виновен, может быть, невинен, я не знаю. Но от всей этой мерзкой экзекуции: «правосудия», «наказания», «исполнения закона» — меня просто выворачивало наизнанку. Это жестоко, это бессмысленно, это неправильно.

Секунды утекали в вечность. Я наблюдал, как маленькая стрелка обходит циферблат часов, и пытался представить себе происходящее. В одну минуту Коно будет жив. Врубят электричество, и он станет мертв. Банальная мысль. Однако в ней заключена вечная тайна, с которой все мы живем. И с которой умираем.

Где же ответ? Я не знал. Никто не знает. Никто, кроме нашей незваной гостьи. Старуха Смерть знает ответ. Я задумался, есть ли у нее часы? Нет, к чему они ей? Что значит Время для Смерти?

Тридцать секунд.

Решено, я попытаюсь оправдать Коно. Но какой ему будет от этого толк? Он же не узнает. Он будет мертв.

Двадцать секунд.

Стрелка ползла по кругу, и мысли ползли по кругу. Как это, быть мертвым? Похоже на сон? А в этом сне снится что-нибудь? Или это сон без отдыха, без умиротворения?

Десять секунд.

В один миг ты живой, ты чувствуешь, слышишь, различаешь запахи, видишь и двигаешься. А в следующий — ничего. Или же что-то. На что похожа эта перемена? Как будто бы кто-то выключил свет?

Сейчас.

Свет выключился.

Сначала задрожал, затем моргнул, затем выключился. Всего на секунду, заметьте. Однако этой секунды хватило.

Хватило, чтобы Коно умер.

Хватило, чтобы я содрогнулся.

Хватило, чтобы Смерть, ухмыляясь, протянула руку и утащила свою добычу во тьму...

Когда в субботу я оказался на железнодорожной станции, голова у меня все еще шла кругом. Столько всего произошло за последние два дня, что я так и не успел во всем разобраться.

Прежде всего эта суета вокруг тела Коно. Я, разумеется, отправился к начальнику тюрьмы, рассказал ему о деньгах, полагая, что покрою расходы на похороны из сбережений Коно, как только получу их.

— Его похоронит кузен, — сказал мне начальник тюрьмы. — Он звонил сегодня утром.

— Но мне казалось, у него нет родственников.

— Получается, что есть. Фамилия парня Варек. О, все законно, мы же всегда проверяем. Доктор настаивает: он же с ума сходит каждый раз, когда кто-нибудь является и лишает его возможности провести вскрытие.

Начальник захихикал, но я смеяться не стал.

И он тоже смеялся недолго. Потому что на следующий день Луи *сознался* в убийстве.

Луи, «человек-змея», тот самый, который, как говорил Коно, подсыпал ему в выпивку какую-то дрянь. Начальник тюрьмы, конечно, получил телеграмму, а история в тот же день попала в газеты. Получалось, что он просто явился в полицейский участок в Луисвилле и признался. Сделал заявление, не выказывая никаких эмоций. Сказал, что хочет снять груз с совести, поскольку знает, что Коно уже мертв. Он ненавидел Коно, хотел Фло, и, когда она отшила его, он совершил убийство, чтобы отомстить им обоим.

История была впечатляющая, хотя в ней имелись темные места. В той статье, которую читал я, утверждалось, что у Луи поехала крыша. Он был слишком спокойным, слишком безэмоциональным. «Со стеклянным взглядом», вот как его описали. Его собирались подвергнуть психиатрической экспертизе.

Что ж, я пожелал им удачи, всем сразу: психиатрам и местечковым адвокатам, хитрым копам и пецологам. Я знал только то, что Коно невиновен. И что он мертв.

К тому времени я уже посмотрел в «Биллборде», где сейчас находится «Шоу Армстронга». Да, на этой неделе они выступали в Луисвилле. В пятницу днем я послал телеграмму. В субботу утром получил ответную телеграмму, подписанную антрепренером из Падьюки.

БОЛЬШОЙ АХМЕД ПОКИНУЛ ШОУ ТРИ НЕДЕЛИ НАЗАД ТЧК ОТКРЫВАЕТ В ЧИКАГО СОБСТВЕННЫЙ САЛОН ТЧК ТОЧНЫЙ АДРЕС И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ ПОЗЖЕ

Так что я был на пути к Чикаго и восьми тысячам долларов. Остановлюсь там в какой-нибудь гостинице и буду ждать известий о Большом Ахмеде. Ведь тогда, чего уж там скрывать, с такими деньгами все мои писательские проблемы разрешатся.

На самом деле я должен был бы радоваться тому, как все получается. Доброе имя Коно восстановлено, я навсегда покинул мерзкую тюрьму и скоро получу восемь кусков наличными.

Но что-то меня тревожило. И дело было не только в иронии судьбы, при помощи которой была установлена невиновность Коно. Меня не покидало странное ощущение, что дело не закончено, что все еще только начинается. Что я каким-то образом оказался замешанным во что-то, что в итоге приведет меня в...

— Чикаго! — пролаял кондуктор.

И вот я оказался там, в Городе ветров, в пять часов вечера, в субботу, двадцать пятого мая. Ветра не было. Не успел я выйти со станции «Ласаль-стрит», как угодил под проливной дождь.

В чикагской непогоде имеется нечто особенное. Такое впечатление, что дождем в городе смывает все такси. Я стоял, созерцая потоки воды, наблюдая, как машины медленно проползают под путями надземки. Небо было темное и грязное. Вода чернильными пятнами марала стены домов. В моем нынешнем настроении зрелище было невыносимое.

Поэтому я пошел пешком. Несколько раз поворачивал. Очень скоро наткнулся на гостиницу. Не самую лучшую гостиницу. Она располагалась слишком далеко к югу, чтобы быть приличной. Но это было не важно. Мне требовалось место, в котором можно провести пару дней, пока не выяснится, где находятся деньги. А прямо сейчас мне требовалось укрыться от дождя. Одежда промокла, картонный чемодан помялся.

Я вошел, зарегистрировался. Коридорный довел меня до номера на пятом этаже. Судя по всему, он меня не ждал. Во всяком случае, он узнал о моем приезде слишком поздно, поэтому не успел побриться. Но он открыл мне дверь, внес мой багаж и спросил, что еще он может для меня сделать. После чего протянул руку. У меня ушел бы целый день, чтобы привести в порядок его ногти, поэтому вместо этого я вложил ему в ладонь четвертак. Он вполне удовлетворился и им.

Потом он ушел, я открыл чемодан, переоделся и отправился ужинать. Дождь умерил свой пыл до мороси. Я торчал в фойе достаточно долго, чтобы намозолить глаза ночному портье, местному копу и женщине с невозможно рыжими волосами.

За эту передышку я сумел послать телеграмму антрепренеру цирка, сообщив ему свой новый адрес и попросив непременно отыскать Большого Ахмеда. На этом дневные дела были завершены.

Во всяком случае в тот момент я думал именно так.

И за ужином не случилось ничего, что могло бы заставить меня изменить мнение. Я поел в рыбном ресторанчике, размышляя о восхитительной перспективе вернуться в свой паршивый номер и проспать все выходные.

Не знаю, доводилось ли вам проводить воскресенье в одиночестве в центре Чикаго, но, если нет, могу дать вам один совет.

Не делайте этого.

По воскресеньям в глубоких каньонах опустевших улиц появляется что-то такое, что надрывает сердце человека. Проявляется оно и в том, как серый солнечный свет отражается от угрюмых крыш. В том, как обрывки засаленных газет хлопают, пролетая по пустынным улицам. В траурном грохоте полупустых поездов надземки. В забранных ставнями витринах магазинов и запертых дверях. Все это действует на тебя, просачивается внутрь тебя. Начинаешь задумываться среди всей этой смерти и гниения, жив ли ты сам или нет.

Перспектива меня совершенно не вдохновляла. Я покончил с едой, сунул очередной четвертак в очередную протянутую руку и вышел на улицу.

В конце концов, на дворе все еще субботний вечер. А субботний вечер — это нечто особенное. К этому времени дождь уже совершенно угомонился, и улица была черной и блестящей. Отражения неоновых огней извивались золотистыми и багровыми змеями у меня под ногами.

Вы ведь, конечно, знаете, чем обычно занимаются змеи. Они искушают. И эти самые неоновые змеи говорили: «Пойди. Найди себе выпивку. Тебе все равно нечего делать сегодня вечером, и этому никак не помочь. Присядь. Сделай заказ. Расслабься. Ты заслужил немного веселья после шести месяцев в тюрьме. Это долгий срок. Ты же знаешь, что делает „откинувшийся" преступник. Ты просто обязан оттянуться».

Змеи были всюду вокруг меня. Змеи произносили названия кабаков, ночных клубов, забегаловок, баров, пивнушек. Все, что требовалось от меня, — сделать выбор.

Вместо того я вернулся в гостиницу, вошел в фойе и поговорил с ночным портье, выясняя, действительно ли моя телеграмма на пути к цирку. А потом я пошел к себе в номер и выложил все деньги, кроме десятидолларовой купюры. Я не собирался рисковать тем, что меня обчистят.

Ночь все еще была молода. Я бы и сам почувствовал себя молодым, пропустив несколько стаканчиков. Я спустился обратно в фойе и задумался, не навестить ли местный бар.

Невероятная рыжеволосая девка исчезла, точно так же как и гостиничный коп. Теперь в фойе было почти пустынно. Почти, но не совсем. На стуле у лифта сидела блондинка. Я кинул на нее взгляд, спускаясь по лестнице, и теперь посмотрел еще раз.

Она явно заслуживала второго взгляда.

Натуральная. Единственное слово, подходящее, чтобы ее описать. Натуральная. Начать с того, что она была натуральная блондинка. Никакого сияния перекиси, никаких неестественных оттенков в косметике. Мех на ней тоже был настоящий, как и бриллианты.

Вот эти бриллианты-то меня и остановили. Кольцо было слишком большое, чтобы оказаться фальшивкой. Даже если камень не чистой воды, оно обошлось ей (или кому-то еще) в кругленькую сумму. То же самое касалось и колье, которое стекало с ее шеи сверкающими каскадами.

И улыбка тоже казалась искренней.

Но вот здесь начиналась фальшь.

С чего бы ей улыбаться мне? Человеку в костюме за сорок долларов и с десятью долларами, засунутыми в кармашек для часов?

Я этого не заслуживал. И я этого не хотел. Я пошел через фойе к двери, направляясь в гостиничный бар. Она встала и последовала за мной.

Я вошел в тускло освещенный бар, прошел его насквозь и вышел через парадную дверь на улицу. Благодарю покорно, найду себе выпивку в каком-нибудь другом месте.

В конце квартала, на другой стороне улицы, был небольшой бар. Я ринулся к нему, лавируя между машинами. Прежде чем открыть дверь, я обернулся, убеждаясь, что она не идет за мной. После чего вошел.

Бар оказался совсем маленьким, овальное помещение и пять или шесть кабинетов, расположенных по бокам от музыкального автомата. Бармен стоял за стойкой в совершенном одиночестве.

— Что будешь пить, приятель?

— Ржаной виски. С верхней полки.

Он налил. Я выпил. Без церемоний. Быстро. Бутылка была вся в акцизных марках, как банковский курьер.

— Повторите, пожалуйста.

Он налил. Я смотрел на его галстук-бабочку. Галстук начал подрагивать, предвосхищая звук, который зарождался у него в горле. Но внезапно перестал подрагивать.

Потому что дверь открылась и вошла она. Собственной персоной, и даже еще прекраснее. Неоновые огни из музыкального автомата играли на ее бриллиантовом колье.

Спрятаться здесь было негде. Да, если на то пошло, у меня и не было веских причин прятаться. Она сразу подошла, села рядом, кивнула бармену.

— То же самое,— произнесла она. Приятный низкий звучный голос.

Она смотрела, как бармен наливает виски, затем перевела взгляд на меня. Ее глаза блестели не хуже бриллиантов, которые она носила.

— Давайте перейдем в кабинет,— предложила она.

— Зачем?

— Там мы сможем поговорить.

— А почему нельзя здесь?

— Как пожелаете.

— И о чем будем говорить?

— Я хочу, чтобы вы пошли со мной и кое с кем повидались.

— Вам придется объяснить это чуть подробнее, леди.

— Я же предлагала вам пойти в кабинет.

— Ничего страшного, если вы назовете имена прямо здесь.

— Нет.— Она покачала головой. Бриллианты блестели так, что запросто могли ослепить какого-нибудь случайного прохожего на противоположной стороне улицы.— Мне не разрешено называть имена. Но вы не пожалеете, если пойдете со мной.

— Прошу прощения, леди. Но я должен знать больше.— Я заглянул в свой стакан.— Например, кто подослал вас ко мне. Как вы меня нашли. В общем, незначительные детали. Может быть, вам они покажутся неважными. Я же нахожу в них некоторое очарование.

— Сейчас не время для шуток.

— Я совершенно серьезен. И я сказал, что не стану играть, пока вы не скажете мне название команды.

— Хорошо, Боб. Но...

Это все решило. Имя. Конечно же, она запросто могла узнать, как меня зовут, у администратора в гостинице. Но это неприятно удивило меня больше остального. Удивило так, что едва не сбило с ног.

— Всего хорошего,— сказал я.

Она не ответила. И когда я уходил, она все еще смотрела мне вслед. Голубые бриллиантовые глаза моргали мне через весь бар.

Я вышел на улицу. Я не стал возвращаться в номер и не пошел в другой кабак. Я направился на север, прошел под путями надземки в сторону делового квартала. Там обещали комедийное представление. Я купил билет и просидел все тоскливое действо, из которого не запомнил ничего, кроме древнего скетча, какой обычно показывают в кинотеатрах перед поднятием занавеса, о фотографе, который жалуется, что белки изгрызли его аппаратуру.

Я тянул время, пытаясь сложить вместе кусочки мозаики. Кто эта особа? Приятельница Коно? Приятельница Фло? Приятельница Большого Ахмеда? Приятельница циркового антрепренера? Или просто приятельница?

Коно мертв, Фло мертва. Они не могли рассказать ей, где меня искать. Ахмед не знает о моем существовании, не говоря уже о том, где я нахожусь. Антрепренер не узнает моего адреса, пока не получит телеграмму.

Может ли оказаться так, что у нее есть связи в тюрьме и она выяснила, что я хочу получить восемь тысяч долларов?

Или же она просто крутилась в гостинице и случайно подслушала у стойки, как меня зовут?

Но если так, откуда ее интерес ко мне, почему она хочет, чтобы я с кем-то встретился?

Все это не имело смысла. Я посидел еще немного, пытаясь разобраться в происходящем, а потом ушел.

Одиннадцать часов. Я направился обратно в гостиницу. На этот раз заглянул в фойе, прежде чем войти. Ее не было видно. Я потихоньку проскользнул в двери, так что ночной портье даже не обратил на меня внимания. Он читал научно-фантастический журнал и не поднял головы.

Лифтер отвез меня на пятый этаж, не отрывая глаз от программы скачек. Сколько же в этой гостинице работает студентов! Надо думать, учатся выживать в этой мертвецкой.

Я очень осторожно добрался до двери своего номера. Приложил ухо к замочной скважине, прежде чем отпирать дверь. Потом быстро открыл ее и включил свет.

Блондинки не было.

Я осмотрел стенной шкаф, ванную. По-прежнему никакой блондинки. Тогда и только тогда я дошел до телефона, позвонил в обслугу и заказал себе пинту ржаного виски и лед.

Ведь все еще шел субботний вечер, и я все еще намеревался напиться, и чтобы никакие страшные блондинки не встревали.

Но когда прибыла выпивка, я обнаружил, что блондинка все еще со мной. Прогуливается внутри моей головы, делает какие-то предложения, подмигивает мне своими бриллиантами.

У меня ушло не много времени, чтобы прикончить бутылку, и у бутылки ушло не много времени, чтобы прикончить меня.

Где-то посреди этого процесса я сумел раздеться, влезть в пижаму и завалиться поперек кровати. Где-то посреди процесса я провалился в сон.

И вот тогда началось.

Я снова оказался на представлении, сидел в мягком кресле, смотрел на сцену. На этот раз представление было поинтереснее. Выступал другой комик — высокий парень с обритой головой. Он несколько смахивал на Коно. На самом деле это Коно и был. Собственной персоной. У него за спиной танцевал кордебалет, восемь, я их сосчитал, восемь чудных изящных крошек. Они танцевали, вскидывали ноги, кружились. Коно их тоже заметил. Он и сам затанцевал, шаркая ногами, пристроился в конец строя. Затем он протянул руки старинным знакомым жестом, который использовал покойный Тэд Хили, гоняя своих помощников, и переломал им всем шеи. Одной за другой. Когда его пальцы смыкались на шее очередной девушки, она менялась.

Головы вяло свисали со сломанных шей. Восемь девушек-танцовщиц превратились в восемь танцующих трупов. Восемь, целых восемь. Танцующие покойницы. Танцующие покойницы с голыми черепами. Черепами с бриллиантовыми глазами.

Мертвые руки протянулись и заскребли в пустых глазницах черепов. Они выковыряли свои бриллианты и швырнули ими в меня. Я дергался и уворачивался, потел и извивался, но не мог пригнуться. Бриллианты ударили меня, опалили ледяным огнем.

Коно смеялся. Девушки, танцуя, сошли со сцены, и он остался в одиночестве. Совершенно один, если не считать

стул. Стул стоял там, в центре сцены, и все огни погасли. Осталось только одно пятно света, и Коно выдвинулся в центр него, рядом со стулом. Он должен был оставаться в круге света или умереть.

Потом круг света еще сузился, и он уже сидел на стуле. Словно по волшебству по сцене заплясали белки. Каждая несла крошечный шип, и все они принялись втыкать свои шипы в руки и ноги Коно, в шею, пока он не оказался весь истыканный шипами, которые пригвоздили его к стулу.

Полагаю, мне не нужно говорить вам, что это был за стул. Какой еще стул там мог быть?

И мне не нужно говорить, что должно было случиться затем. Даже во сне я знал это и как безумный боролся, стараясь проснуться.

Но я не мог. Не мог даже покинуть свое место в театре. Потому что пока я наблюдал, как Коно привязывают к стулу, кто-то привязал к сиденью меня самого!

И теперь я сам сидел на электрическом стуле, руки привязаны, ноги привязаны, электроды подведены и готовы к работе. Я тянул и дергал, но не мог шевельнуться. Они меня заполучили со всеми потрохами. Все это было трюком, грязным трюком, чтобы отвлечь мое внимание от себя самого.

Теперь-то я это понял. Потому что Коно внезапно разорвал свои ремни, щелкнув пальцами, теми самыми пальцами, которыми он убивал девушек из кордебалета. Он стоял и смеялся, потому что это была шутка. Шутка, которую сыграли со мной.

Он не собирался умирать. Умереть должен был я. Он будет жить. Он получит восемь тысяч долларов и блондинку, а я поджарюсь. Как только они пустят ток. Убийственный ток. Неоновые огни замигали, и хозяин бара приготовился дернуть рубильник, как только кондуктор крикнет: «Чикаго!» — и вот теперь они все готовились к подаче сигнала. Дожидаясь его, Коно стоял на сцене и развлекал меня карточными фокусами. Он вытащил изо рта туза пик и поднял его, чтобы мне было видно.

А потом время пришло. Кто-то вышел на сцену и передал ему телеграмму из цирка, и это был сигнал всем им кричать: «Чикаго!»

Рубильник был наготове. Я чувствовал, как холодный пот течет у меня по спине, чувствовал, как электроды впиваются в ногу сбоку, в висок. Ну а потом они дернули за ручку рубильника...

Я проснулся.

Я проснулся, сел на кровати и уставился в окно.

С улицы на меня пристально смотрела блондинка.

Я видел только ее лицо, что было нелепо, потому что окно в номере было в человеческий рост. А потом я понял, что она вытянута не по вертикали, а по горизонтали. И что лицо устремлено прямо на меня.

Что, надо объяснить получше?

Я хочу сказать, что она висела в воздухе по другую сторону моего окна.

Висела в пустом воздухе и улыбалась мне своими сверкающими ледяными глазами.

А потом я проснулся по-настоящему.

Второй сон, или вторая часть сна, был настолько реальным, что мне пришлось доковылять до окна и удостовериться, что снаружи никого нет. Прошла целая минута, прежде чем мои дрожащие конечности позволили мне сдвинуться с места, так что, если она в самом деле парила за окном, у нее было достаточно времени, чтобы сбежать по пожарной лестнице и исчезнуть.

Разумеется, ее там не было.

И не могло быть, потому что пожарной лестницы за окном не оказалось. Я таращился вниз на голую стену в пять этажей, на пустой колодец двора внизу. Двор был черен — черен, как туз пик.

Не знаю, что мне следовало предпринять в подобной ситуации, я знаю только, что сделал.

Я сунул голову под струю холодной воды, вытерся, оделся и выскочил из комнаты в поисках выпивки.

И вот тогда начался второй кошмар.

В трех кварталах на юг от гостиницы находился небольшой бар. Я проделал весь путь бегом, не мог остановиться, пока не добежал до него. Улица была пустынная и темная, лишь в окнах этого маленького бара горел розоватый свет. Свет притягивал меня, потому что я боялся темноты.

Я открыл дверь, и сигаретный дым и шум ударили мне в лицо, но я пробился сквозь них к барной стойке.

— Глоток виски! — сказал я, желая именно этого.

Бармен был высокий худой человек со стеклянным глазом, который едва не выпал у него из головы, когда он наклонился, наливая мне виски. Но в тот момент я не обратил на это внимания, я был слишком занят выпивкой.

А потом это меня заинтересовало. Но мне не хотелось пялиться на него, поэтому я отвернулся, рассматривая убранство бара, центр, где концентрировались сигаретный дым и звуки.

И это оказалось ошибкой.

Рядом со мной на стуле сидел маленький человечек, который потягивал из стакана пиво. Он вынужден был потягивать его, поскольку рук у него не было. Он лакал пиво с края стакана, как кошка лакает сливки из блюдца. На него смотрел слепой. Не спрашивайте меня, как я понял, что он видит, но у меня сложилось впечатление, будто он смотрит искоса, из-под темных очков.

Я развернулся и едва не толкнул человека на костылях. Он стоял рядом со мной, ведя спор с человеком на полу, у которого вовсе не было ног. А веселье в баре шло полным ходом: кто-то грохотал стальным крюком, приделанным к локтю. Но я едва слышал звук ударов, потому что музыкальный автомат играл слишком громко. Разумеется, были и танцоры, неизбежные две женщины, совершенно поглощенные своими движениями. Обеим приходилось очень сосредотачиваться, поскольку обе были на костылях.

Были здесь и другие посетители, но те — в кабинетах. Человек с перевязанной головой. Человек с дырой на том месте, где должен быть нос. Человек с громадной багровой опухолью, которая нависала над воротником. Хромой, увечный, слепой.

Они не обращали внимания на меня. Они веселились. И спустя миг до меня дошло, куда я попал. На этой улице находилась таверна для нищих. Я заметил рядом со стопками и стаканами жестяные банки, плакаты с воззваниями, прислоненные к пивным бутылкам. Как бишь там назывался притон из «Собора Парижской Богоматери» Виктора Гюго? «Двор чудес» — так он его назвал. Туда я и попал.

Посетители были вполне счастливы. Они забывали о своих физических страданиях. Может быть, алкоголь излечит и меня от страданий душевных? Стоит попробовать. Поэтому я заказал еще порцию.

Пока я пил третью рюмку, кто-то из них вроде бы выскользнул за дверь. Пока я пил четвертую, этот кто-то вернулся. А еще через пару минут вошла она.

Сначала я не видел ее. Причина, по которой я заметил ее присутствие, заключалась в том, что шум умолк. Музыкальный автомат перестал играть, и никто не запустил его снова. Все разговоры упали до шепота.

Тогда я оглянулся и заметил ее. Она сидела в кабинете, в полном одиночестве, и смотрела прямо на меня.

Она едва заметно поманила меня, а я отрицательно помотал головой. Вот и все. Тогда она подняла свой бокал и молча отсалютовала им мне.

Я повернулся, заметил свой снова наполненный стакан и поднял, отвечая ей. Потом проглотил выпивку. У бармена был для меня наготове следующий стаканчик.

— За даму, — сказал он.

— Нет, спасибо, приятель.

Он посмотрел на меня:

— А что такое? Она милая дама.

— Согласен на все сто. Никто и не спорит.

— Так почему бы не выпить за нее?

— Потому что мне уже хватит, вот почему. — Мне точно было уже достаточно, внезапно понял я. Комната потихоньку начинала кружиться.

— Ну, давай, опрокинь стаканчик. Мы же все здесь друзья.

Бармен вовсе не выглядел дружелюбным. Точно так же, как и все остальные. В первый раз за все время до меня дошло, что все они смотрят на меня. Не на нее — на меня. Безногие, безрукие, слепые. На самом деле слепой даже снял свои темные очки, чтобы лучше видеть, а кто-то из толпы прислонил к стойке бара костыли и подошел чуть ближе.

«Двор чудес»! Где слепые видят, а хромые могут ходить! Ну конечно, это он и есть, половина этих нищих просто притворщики. Они так же здоровы, как я, наверняка даже здоровее.

Их была здесь целая комната, и все они таращились на меня. Никто из них больше не казался счастливым. Они затихли, затихли настолько, что я услышал, как щелкнул ключ в замке, когда безрукий запер дверь.

Да, теперь у него были руки, они выпростались из-под толстой куртки. Но меня это не заинтересовало. Заинтересовало меня то, что дверь заперли. А я находился тут, внутри.

Она смотрела на меня, и все они смотрели на меня.

Бармен произнес:

— Так как же насчет выпить, приятель?

— Не сегодня. — Я поднялся, точнее, попытался встать. Ноги у меня тряслись. Что-то с ними было не то. И со зрением у меня было что-то не то.

— В чем дело? — противно растягивая слова, произнес бармен. — Боишься, что в виски окажется наркота?

— Нет! — Говорить было трудно. Получались только вздохи. — Ты и так уже подсыпал мне какой-то дряни в предпоследний стакан. Когда она вошла и подала тебе знак.

— Умный парень, а?

— Да! Я сумел развернуться, быстро, достаточно быстро, чтобы схватить со стойки бутылку с виски, и вскинул ее над головой. Я опирался на свободную руку.

Бармен пожал плечами. В его стеклянном глазу не отражалось ни страха, ни злобы.

Мои собственные глаза остекленели. Я пытался сфокусировать взгляд на бармене, старался не смотреть на подбирающихся ближе, подползающих уродов, которые все теснее сжимали круг, размахивая палками и костылями, бормоча что-то, хныкая и постанывая.

— Отоприте дверь! — велел я, пока они подбирались все ближе и ближе, протягивая руки и напрягаясь, чтобы броситься.

— Хорошо-хорошо, приятель!

Это был сигнал для остальных, чтобы кинуться на меня. Кто-то замахнулся костылем, кто-то подполз мне под ноги. Я начал падать.

Махнул бутылкой, описав круг, и они отпрянули, но всего лишь на мгновение. Бармен прицелился и нанес мне удар, поэтому я снова замахнулся бутылкой.

И тогда они снова бросились. Это было все равно что сражаться под водой, сражаться во сне. Это и был сон, пол-

зучий кошмар, кошмар вцепляющихся в меня, напирающих бесформенных тел, тянущих меня вниз.

Бармен снова ударил меня, поэтому я поднял бутылку и опустил ее. Она с приглушенным стуком вошла в его голову.

Секунду он стоял на месте, его стеклянный глаз выскочил из глазницы и покатился по стойке бара. Я смотрел на бармена, наблюдая, как он медленно оседает.

А потом его глаз уставился на меня, когда человек с искусственной рукой ударил меня крюком по шее.

Я ощутил удар, от которого у меня растаял позвоночник.

Стеклянный глаз смотрел, как я проваливаюсь в ревущую темноту, а когда я упал, он моргнул.

Когда я очнулся, она гладила меня по голове.

Недурно. Любой мужчина охотно поменялся бы со мной местами в тот момент — лежишь в прохладном полумраке, на удобной кровати, а прекрасная блондинка гладит тебя по голове.

Скверно было то, что никто из этих любых не показывался, а я бы махнулся с ним местами в тот же миг.

И задаром отдал бы ему головную боль, от которой череп раскалывался, и вкус во рту, похожий на вкус чикагской канализации.

Однако никто не спешил занять мое место, поэтому я остался там, где был. Когда она сказала: «Выпей это», я выпил. Когда она сказала: «Закрой глаза и подожди, пока боль пройдет», я закрыл глаза и стал ждать.

Боль чудесным образом прошла. И мерзкий вкус во рту исчез. Я снова открыл глаза, пошевелил пальцами рук и ног.

Я лежал на кровати в затемненной комнате. Кругом была тень, однако света хватало, чтобы вселить живой огонь в бриллиантовое колье, бриллиантовое кольцо и бриллианты ее глаз. Бриллиантовые глаза посмотрели на меня простодушно.

— Теперь лучше?

— Да.

— Хорошо. Значит, беспокоиться не о чем.

Как она права. Не о чем беспокоиться, кроме того, где я и почему. Наверное, некоторая горечь чувствовалась в моем ответе.

— Спасибо, — сказал я. — Спасибо за все, что для меня сделали. Включая и то, что вышибли из меня дух.

— На это не стоит обращать внимания, — ответила блондинка. — В конце концов, я же спасла вам жизнь.

— Вы хотите сказать, что те нищие собирались меня убить?

— Нет. Но полиция вполне могла бы.

— Полиция?

— Да. — Она тяжело вздохнула. — Вы же все-таки убили бармена.

— Что?

— Вы ударили его бутылкой. Он мертв.

Я сел быстрее, чем мне казалось возможным.

— Ладно, выведите меня отсюда, — отрезал я.

— Вас будут искать, — сказала она мне. — Выходить сейчас вам небезопасно. А здесь вы среди друзей.

— Друзья?!

— Не поймите меня неправильно. Но если бы вы послушали меня сразу и пошли добровольно, ничего этого вовсе не случилось бы.

На это мне нечего было ответить. Все, что я знал: если она говорит правду, значит, я убийца. А я знал, что делают с убийцами. Их сажают на стул, включают ток и поджаривают их. Слабый запах паленой плоти заполнил мой нос.

— А откуда мне знать, что он не живой? — спросил я.

— Доказательства я смогу представить вам немного погодя. А прямо сейчас я хочу, чтобы вы встретились с одним другом. — Она положила руку мне на плечо, и даже сквозь рубашку я почувствовал, что ее плоть холодна, как айсберг. Она была холодная и твердая, как бриллиант.

— Пока я тут встречаюсь с друзьями, мы могли бы заодно прояснить некоторые факты, — предложил я. — Вы знаете, как меня зовут. А как зовут вас? И где я нахожусь?

Она улыбнулась и встала:

— Меня зовут Вера. Вера Лаваль. Мы в одном доме на Саут-сайд. И хотя об этом вы меня не спросили, сейчас вечер понедельника. Вы провели без сознания почти двое суток.

После чего я поднялся. В этом представлении не было ничего увлекательного. Я оглядел себя в тусклом свете, и то, что увидел, было так себе.

— Может быть, хотите пойти в ванную и привести себя в порядок? — предложила мне Вера. — А я выйду, куплю еды. Вы можете перекусить перед встречей.

Не дожидаясь моего ответа, она вышла. Вышла и заперла дверь.

Это уже превращается в дурную привычку. Все, с кем я встречаюсь, норовят меня запереть. Конечно, именно так и поступают с преступниками. Они слишком опасны, чтобы позволять им болтаться где попало. К примеру, вечно убивают барменов. И если я убийца...

В этом я сомневался. Все это было подстроено с самого начала. Со мной просто не могло произойти ничего подобного. Я от природы застенчив. Даже полевых цветов топтать не стану.

Однако же...

У меня на костюме кровь. Кровь на рубашке. Кровь на шее сзади, запекшаяся кровь в том месте, куда угодил стальной крюк.

Я отправился в ванную комнату, наполнил ванну, разделся, вымылся. В ванной оказался отличный выбор мыла и полотенец, все разложено, все дожидается меня. Я даже нашел, куда воткнуть электробритву. Я почувствовал себя гораздо лучше после того, как вымылся.

Когда я оделся, то с удивлением обнаружил на крышке корзины для белья чистую белую рубашку. Мой гениальный хозяин или хозяйка предусмотрели решительно все.

К тому моменту, когда я вышел из ванной, она вернулась. Принесла четыре сэндвича, завернутых в целлофан, большой бумажный стакан кофе и треугольный кусок пирога. Она не проронила ни слова, пока я ел. У меня ушло всего шесть минут, чтобы расправиться с едой и выудить из кармана сигарету. Я предложил и ей.

— Нет, спасибо. Я не курю.

— Странно. Мне казалось, в наши дни все женщины курят.

— Я как-то пробовала. Много лет назад. Но, разумеется, это были не сигареты.

От подобной информации мне не было никакого проку.

— Насчет того друга, с которым я должен встретиться. Где же он?

— Ждет за дверью, — сказала она. — Позвать его?

— Ради бога. Не заставляйте джентльмена ждать.

Тон у меня был игривый, но особого веселья я не испытывал. Я не знал, чего мне ожидать. Годы чтения — и сочинения — «ужастиков» подготовили меня почти ко всему. Может, это будет Сумасшедший Доктор, который придет порекомендовать определенную марку сигарет. Сумасшедший Ученый с полной пробиркой обезьяньих гланд. Сумасшедший Профессор с правами на вождение летающей тарелки.

Последним, кого я ожидал увидеть, когда открылась дверь, — друга. Однако вошел именно друг. Это был Коно.

Коно Коллури. Человек, умерший на электрическом стуле.

Он стоял в свете сумерек и смотрел на меня. На нем был поношенный френч с поднятым воротником, шляпа, надвинутая на самые глаза, как у киношного гангстера, но я его узнал. Это был не двойник, не актер, не кто-то загримированный под него. Это был Коно. Коно во плоти. Мертвой плоти — реанимированной и оживленной!

Изменился ли он? Разумеется, он изменился. У него был кошмарный тик в том месте, где лицевые мускулы были растянуты и разорваны в болевой судороге. И еще он был бледен. Бледен как смерть. Однако он был живой. Он ходил. Он говорил...

— Привет, Боб. Я тебя ждал.

— Она... она мне сказала.

— Плохо, что ты не пошел сразу. Я должен был бы сообразить и позволить ей сказать, кто хочет тебя видеть. Но я и подумать не мог, что ты ей не поверишь.

— Да. Наверное, так было бы лучше. — Я путался в словах, а он стоял, стоял и смотрел на меня. — Как... как ты поживаешь?

Вопрос был тот еще. Однако он вроде бы не возражал.

На самом деле, он улыбался. Улыбка прерывалась с одной стороны лица и превращалась в тик, но он все равно улыбался.

— О, я буду жить, — сказал он. — Я буду жить вечно.

— Что?

— В этом-то и весь фокус, Боб. По этой причине я и хотел тебя видеть. Я буду жить вечно. Варек все устроил.

«Варек? Где же я прежде слышал это имя?»

— Это он забрал мое тело. Ну, ты помнишь.

Да, я вспомнил. Мистический кузен.

— Но откуда он узнал, что ты не умер, и как он сумел привести тебя в чувство?

— Я умер, Боб. Был мертвее мертвого. А он меня поднял. Он любого может поднять, Боб. Вернуть с того света. Сделать так, чтобы он больше не умирал. И вот для этого-то и нужен ты.

— Я?

— Я рассказывал ему о тебе. О том, какой ты умный, о том, что ты пишешь. Ему нужен такой человек, как ты, работающий на публике, для вывески. Кто-нибудь с мозгами. Молодой. И живой.

Живой. Я был жив-здоров, но задумался, не сплю ли я и все ли у меня в порядке с головой. Разговаривать с мертвецом...

— Подойди ко мне, Боб. Я вижу, ты мне не веришь.

Я пододвинулся поближе к Коно.

— Пощупай мою кожу. Давай.

Я тронул его запястье. Оно было холодным. Холодным и твердым. С такого расстояния была хорошо заметна восковая бледность Коно. Посмертная маска Коно. Судорога снова прошла по лицу, и он улыбнулся:

— Не пугайся. Я настоящий. Это взаправду. Он может такое. Он умеет возвращать мертвецов обратно. Неужели ты не понимаешь, что это значит? Какое это великое достижение, если правильно им воспользоваться!

— Понимаю. Но я все еще не понимаю, при чем здесь я.

— Варек сам все тебе расскажет. Идем, я хочу, чтобы ты с ним поговорил.

Я вышел вслед за Коно Коллури из комнаты. Вера улыбнулась и кивнула, когда мы выходили, но не пошла с нами, когда мы двинулись по длинному коридору к лестнице. Спускаясь по ступенькам в залитый мягким, приглушенным светом зал внизу, я начал ощущать странный запах. Пахло затхлым воздухом, горячим паром и еще ароматами увядающих цветов.

— Слушай, а где мы вообще? — спросил я.

— В похоронном бюро, — ответил Коно. — Разве ты еще не понял?

Я не понял. Но мог бы и догадаться. Жилые помещения наверху, а здесь, внизу, ритуальные залы. Залы, мягкий свет и аромат цветов.

Мы прошли по застеленному ковром коридору, и я огляделся по сторонам. Все было так, как говорил Коно: это погребальное бюро, и довольно занюханное. Варек использовал его для прикрытия, и я подозревал, что если попытаюсь сбежать и кинусь к двери, окажется, что она заперта.

Но я не стал кидаться к двери. Я последовал за Коно в темную залу слева, чтобы встретиться с мистером Вареком.

Я вошел, и Коно неуклюже проковылял в угол. Он двигался неловко, окоченело. Мускулы его тела были сведены судорогой. Но для ходячего покойника он выглядел очень даже неплохо.

Он включил в углу лампу и закрыл за нами дверь. Я не обратил на это внимания. Я смотрел на гроб на помосте. Во все глаза смотрел на тело в гробу. Тело человека со стеклянным глазом.

Там лежал бармен, которого я убил.

Он лежал в гробу, на дешевом атласе, облаченный в поношенный черный костюм. Кто-то запихнул на место стеклянный глаз, и этот глаз сардонически таращился на меня. Другой глаз был закрыт, и в общем складывалось впечатление, будто бармен подмигивает.

Мы были вместе — я и человек, которого я убил. Я смотрел на него, а он смотрел на меня.

Он на меня смотрел!

Да. Так оно и было. Веко закатилось наверх. Глаз открылся. Сосредоточился на мне. И рот, поджатый рот расслабился в ухмылке. Губы разжались.

И из тела послышался голос:

— Привет, Боб. Я Николо Варек.

— Вы...

— О, я не бармен, которого вы убили. Он вполне мертв, как вы и сами видите. Его тело не дышит.

Да, так и было. Труп оставался трупом, но что-то жило, что-то жило внутри его. Жило, смотрело и разговаривало.

— Я использую его в качестве временного пристанища. Так я могу говорить с вами, не перемещаясь на далекое расстояние. Вы должны оценить подобное удобство.

Я не мог, во всяком случае в тот момент. Я мог только стоять с разинутым ртом и ощущать, как пот струйками стекает из-под мышек.

— Вы долго шли ко мне, Боб. Но наша встреча была неизбежна. Коно все рассказал мне о вас, и вдобавок у меня имеется свой способ собирать информацию. Множество способов.

— Не сомневаюсь. — Реплика вырвалась раньше, чем я успел сдержаться, однако покойник только засмеялся. Звук походил на предсмертный хрип.

— Как типична для вас подобная фраза. Как она в вашем духе! Да, я изучил ваше прошлое, ваши работы. И вы сильно меня заинтересовали. Именно поэтому я взял на себя труд организовать нашу встречу.

Я кивнул, но ничего не ответил. Я выжидал.

— Должен признать, что Коно заслуживает похвалы за то, что отыскал вас. Совершенно верно, вы мне пригодитесь.

— Мертвым или живым? — И это замечание вырвалось раньше, чем я успел подумать.

— Живым, разумеется. И не думайте, что мне это все равно. Вы, сэр, человек острого ума. В наше время такое не часто встретишь. И я восхищаюсь вами за это.

— Послушайте, — сказал я, начиная понемногу приходить в себя, — я как-то не привык, чтобы трупы анализировали мои умственные способности. Чего вы все-таки от меня хотите?

— Ваших услуг, сударь. Ваших профессиональных услуг. За которые, нет нужды говорить, вы будете щедро вознаграждены. И, смею прибавить, даже в вечности.

— Прекратите говорить загадками. Я уже довольно наслушался от Веры и бедного Коно...

— *Бедного* Коно? Едва ли могу согласиться с таким определением. Если бы не я, мой дорогой сэр, Коно гнил бы в безымянной могиле. А он же благодаря моим усилиям пребывает среди живых, а не мертвых. Но если вы хотите услышать все как есть, то слушайте.

Я Николо Варек, ученый. Я достиг совершенства в способах — методах, если хотите, — терапии, излечивающей от

того, что люди называют смертью. Избавление от смерти? Не только, все простирается дальше, гораздо дальше этого. Потому что те, кого я оживил, приобретают дар вечной жизни. Вечной!

Безумные байки. Однако они исходили изо рта покойника, и я им поневоле верил. Здесь не было намека на обман или сговор — ни один чревовещатель на свете не смог бы открыть трупу глаза, не смог бы манипулировать мертвыми губами. Я видел и слышал. И я верил.

— Да, я могу даровать жизнь мертвецу. Но каким способом и как, это мой секрет. Мой бесценный, благословенный, блаженный секрет.

И чего может стоить подобный секрет, спросите вы, сэр? Какова справедливая цена за возможность вечной жизни? Может, миллион долларов?

В этом мире существует немало людей, у которых есть миллион, мой друг. Неужели вы думаете, что они колебались бы расстаться с ним, если бы я убедил их в возможности вечного существования?

Но в этом-то и трудность. Их требуется убедить. И в то же самое время тайна должна оставаться тайной. Именно по этой причине я вынужден работать анонимно. Ведь ничто не остановит людей, если они пожелают вызнать у меня мою тайну, если только они узнают, что я владею ей. Как часто я сталкивался с угрозой пыток и смерти от рук тех, кто предполагал, что я могу их спасти!

Вы скажете, что у меня полно помощников? Что я могу призвать целую армию покойников, если в том возникнет нужда, и они станут помогать мне в достижении моих целей? Это верно, но только до определенных пределов. Мертвецами надо руководить. И я не могу осуществить свои планы во всей их полноте без помощи живого человека. Мне требуется кто-то, способный предвидеть, кто-то добросовестный. Кто-то такой, как вы, сэр.

— Я не очень понимаю, к чему вы клоните.

— К деловому соглашению. Можете даже называть это партнерством. Я — в качестве представителя фирмы. Вы — посредник. Наш продукт: вечная жизнь. Наша цель: безграничное богатство, безграничная власть.

— Звучит как-то слишком просто.

— Не надо недооценивать, мой друг. Существует бесконечное множество препятствий, которые требуется преодолеть, множество сложностей, которые необходимо разрешить. Однако я в состоянии справиться со всем. Уже многие столетия я лелею эту мечту. Да, столетия.

— Да кто же вы такой, в конце концов?

Труп хмыкнул:

— Сколько людей задавали мне этот вопрос, и сколько раз! Но я предпочитал не отвечать на него. Мои работы доказывают, что я говорю правду, и это все, что вам требуется знать. Доверьтесь мне, и мы будем править.

Именно править! Вы, разумеется, понимаете, какую власть может дать моя тайна. Обладание ею сделает нас обоих величайшими людьми на свете, раз и навсегда! Сначала мы стяжаем богатство, а все остальное придет само собой.

У меня имеются прекрасно разработанные планы. Вы сможете претворить их в жизнь и рассказать о моем даре внешнему миру. И вы не останетесь без помощников. Я могу собрать под ваше командование целое войско, которое будет заключать сделки и торговаться. Мы сможем распространять слухи: «Смерти больше нет для тех, кто в состоянии заплатить! Вечная жизнь и, более того, особенные новые возможности!»

Однако все это, и даже больше, вы узнаете, когда придет время. Вы изучите методы, какие я разработал, чтобы новость распространялась по миру. Конечно же, настоящего публичного объявления или представления никогда не будет, все должно быть окутано таинственностью и должным образом сформулировано. Нами будет основан культ, привлекающий богатство и открывающий правду только немногим избранным.

Так как, сэр, мое предложение вас заинтересовало? Вечная жизнь, вечное богатство, вечная власть!

Я долго ничего не отвечал. Я рассматривал труп, который уверял меня, что люди могут жить вечно.

— Молчание означает согласие, — произнес голос.

— Не обязательно. Я просто хотел спросить, что будет, если я откажусь?

— Мне жаль, что вы вообще заговорили о такой вероятности. Потому что это вынуждает меня напомнить вам, что выбора в этом деле у вас нет.

— Вы хотите сказать, что убьете меня, если я откажусь? Убьете и оживите мой труп, насколько я понимаю?

— Ну что вы, не может быть, чтобы вы оценивали мои способности так низко! Я и без того, как вам известно, уже пошел на огромный риск и труд, чтобы привести вас сюда. Я не могу и дальше подвергать опасности осуществление своих планов. А в виде трупа вы мне бесполезны. Кроме того, мне нет нужды вас убивать. Если вы выйдете отсюда, то вы и без того покойник.

— Это еще почему?

— Да потому, что вас разыскивают за убийство. За убийство этого несчастного одноглазого гражданина свободного государства. Бармена.

— Но он ведь живой, вы его оживили.

— Не так, как других. Это, видите ли, всего лишь временное явление. Я могу держать его в таком состоянии столько, сколько пожелаю, да так оно и будет, если вы согласитесь. Я даже отправлю его обратно на работу в бар. — Он снова хмыкнул. — И это будет далеко не в первый раз, когда покойник ходит среди живых и никто даже не подозревает об этом. Если бы вы знали, если бы хотя бы догадывались, сколько мертвецов обитает среди живых благодаря методу Варска!

Я передернулся. Единственный глаз покойника светился всезнанием. Голос продолжал мурлыкать:

— Если вы откажетесь, он снова превратится в труп. И дюжина свидетелей поклянется, что убили его вы. Я не стану растрачиваться на месть — этим займется могущественный закон. А ваш рассказ о таинственных женщинах и говорящих и ходящих мертвецах не поможет вам спастись. Надеюсь, вы и сами понимаете.

Только вы не откажетесь. Потому что вы в состоянии оценить, что я вам предлагаю. Богатство и власть. Цель и мечту любого человека. Возможность бесконечной жизни для себя самого, такой же, как у меня. Подумайте, сударь, подумайте хорошенько. Жизнь или смерть?

Я подумал. Хорошенько подумал. И все во мне взбунтовалось от этой мысли. О, легко быть героем, когда нет искушения. Однако тот циник, который сказал, что каждый человек имеет свою цену, знал человеческую природу. Не-

многие отказались бы от вечной жизни, вечного богатства и вечной власти даже в обмен на свою душу и душу кого угодно, если на то пошло.

Душу кого угодно...

Я посмотрел на Коно. Мой друг Коно Коллури. Усопший Коно Коллури, который, отправляясь на смерть, был похож на студента-переростка. Коно, который оставил мне восемь тысяч баксов и просьбу добиться его оправдания.

Где теперь этот Коно?

Его не было в этой комнате. Тело присутствовало, оно двигалось, разговаривало, однако вот душа...

Был еще тик, мучение, нескончаемая пытка. Но не настоящая жизнь. Передо мной был незнакомец, неуклюжий ходячий мертвец. Ни эмоций, ни теплоты, ни человечности.

Конечно, я мог бы продаться сам. Но я не мог продать целый мир.

Поэтому я подошел к трупу и сказал:

— Нет. Прошу прощения, Варек. Я вынужден отказаться и рискнуть.

— Это окончательное решение?

— Окончательное.

— Прекрасно. Рискните.

Рот захлопнулся. Глаза закрылись. Бармен действительно был по-настоящему мертв. Я увидел, как угасает свет на его лице, после чего попятился назад. Назад, в объятия Коно Коллури.

Я должен был бы догадаться, что Варек лжет. Что он никогда не выпустит меня из этой комнаты живым. Если я не догадывался об этом раньше, то теперь знал наверняка. Потому что меня обхватили холодные руки. Большие пальцы поднялись к моей шее, готовые сжимать и ломать.

— Коно! — выдохнул я. — Это же я... твой друг... Ты не...

С покойником нельзя спорить.

С ним можно только бороться. Бороться и задыхаться и еще стараться отодвинуть смертоносные руки от своего горла. Я ударил его со всей силой, какой обладал. Ничего не произошло. Ничего не произошло, кроме того, что он гнул меня назад, назад...

Потом я отпрянул. Отпрянул так внезапно, что он упал вместе со мной. Падая, я вывернулся. Он разжал пальцы.

Я закатился под помост. Он потянулся за мной. Я перевернул гроб со всем содержимым ему на голову. Он упал. Слепой глаз покойника искал меня. Я побежал. Я помчался по коридору, и никто меня не остановил. Коно с грохотом поднялся на ноги, пошел за мной, размахивая руками.

Я знал, что парадная дверь будет заперта. Однако в ней была стеклянная панель, а рядом с дверью, в фойе, кто-то поставил большую урну.

Я схватил эту урну, разнес стекло и выскочил.

Оказавшись на улице, я побежал. Была ночь. Воздух был холоден.

Было здорово оказаться на свободе.

На свободе, объявленным в розыск за убийство.

Вы никогда не задумывались, что ощущаешь, будучи убийцей?

Могу рассказать.

Ощущаешь себя кроликом, который слышит лай охотничьих собак. Ощущаешь себя так, словно лежишь в постели, накрывшись одеялом с головой, а отец поднимается по лестнице, чтобы задать тебе взбучку. Ощущаешь себя пациентом, который ждет, пока хирург стерилизует скальпель.

Ты не ходишь по улицам, когда ты убийца. Ты пробираешься переулками. Ты не берешь такси и не проходишь рядом с полицейскими. А когда наконец добираешься до своей гостиницы, проходит много времени, прежде чем ты заходишь в фойе. Ты очень внимательно осматриваешься по сторонам, убеждаясь, что там никого нет.

И когда ты все-таки заходишь, то не спрашиваешь ключ от своей комнаты. Ведь там может поджидать полиция. Или кто-нибудь еще. Кто-нибудь, кто уже мертв, но жив. Дожидается, чтобы схватить тебя и...

Именно это я ощущал, но не выдавал ни лицом, ни голосом, пока спрашивал администратора за стойкой, не оставлял ли для меня кто-нибудь корреспонденции.

Мне, понимаете ли, требовалось проверить одну догадку -- не подкуплены ли служащие гостиницы. Варек не стал бы этим заниматься, поскольку был уверен, что я соглашусь на его предложение. И теперь небольшой шанс. Если бы мне только получить телеграмму...

И она дожидалась меня, драгоценный желтый конверт, заткнутый в ящик для бумаг. Телеграмма из цирка. Я разорвал край и прочитал:

БОЛЬШОЙ АХМЕД ВОСТОЧНАЯ БРЕНТ-СТРИТ
СОРОК ТРИ ТЧК ФАМИЛИЯ РИЧАРДС

Вот и все, этого было достаточно. Брент-стрит — это улица на границе с Норт-сайд. Можно дойти пешком, можно воспользоваться надземкой и миновать Луп, если я желаю рискнуть.

Я желал. У Ахмеда (или Ричардса) были деньги.

Я должен был. Ахмед (или Ричардс) мог мне помочь.

Брент-стрит оказалась примерно в миле, на другой стороне моста, когда я вышел из надземки. Это была долгая и трудная миля, я держался в тени, отворачивал лицо от прохожих. Однако ничего не случилось. Я остановился перед выцветшим старым домом из коричневого песчаника, на котором красовалась цифра 43, закурил сигарету и поднялся по ступенькам, чтобы нажать на кнопку звонка.

Потом я принялся ждать.

Прошло добрых две минуты, прежде чем дверь открылась. За это время я успел вдоволь поразмышлять о человеке, с которым мне предстояло встретиться.

Будет ли этот Большой Ахмед в тюрбане? Смуглолицый человек с остроконечной бородкой, глубоко посаженными горящими глазами и певучим голосом?

Будет ли он обходительным, культурным, цивилизованным мистером Ричардсом, обманщиком с ярмарки, одетым несколько пестро, с голосом мягким и обволакивающим?

Мне было важно знать. Потому что я собирался сдаться на милость этого человека.

Дверь открылась на мой звонок.

— Большой Ахмед? — спросил я.

— Да. Прошу вас, входите.

Я вошел в освещенную прихожую, где смог как следует разглядеть хозяина.

Он не был ни Ахмедом, ни Ричардсом.

Он вообще не был никем.

Маленький человечек лет пятидесяти, с тонкими седеющими волосами. Морщинистое лицо, водянистые голубые глаза, почти серые. Если подумать, то и кожа у него была скорее серой. И костюм на нем был серый. Тихий, неприметный. Настолько непохожий на циркача, насколько вообще можно себе представить.

Как его описать? В Голливуде его назвали бы типом Барри Фитцджеральда без улыбки и провинциального акцента. Чей-то дядюшка. Чей-то добродушный дядюшка-холостяк.

Я понадеялся, что мой.

— Вы Большой Ахмед? — спросил я, все еще не уверенный, все еще не решившийся.

— Да. А вы хотите погадать?

— Э... да.

Можно было немного потянуть время, пока я приму решение. При том обороте, какой приняли события, я не доверял бы и собственному брату.

Дом оказался большой, старый, один из тех домов, которые строили, когда в большинстве семей было по восемь-девять детей вместо телевизора.

Большой Ахмед провел меня по длинному коридору, мимо двух или трех дверей, неизбежно ведущих на застекленную террасу, в гостиную и библиотеку. Комната, в которую он меня привел, походила на маленькую гостиную, где-то в глубине дома. Она была набита мебелью красного дерева, старинной и прочной. В центре стоял массивный стол и вокруг него обязательный хоровод стульев, словно готовых для сеанса. Однако в целом это место нисколько не походило ни на мастерскую медиума, ни на лавку ясновидца.

Я воспользовался тем, что комната была ярко освещена, чтобы внимательнее рассмотреть хозяина, однако осмотр не принес мне ничего нового. Просто усталый пожилой человек, я даже подумал, как ему удается выступать со своими трюками в цирке. В нем вообще не ощущалось ни капли восточной загадочности.

Даже когда он предложил мне сесть и достал из шкафа хрустальный шар, на меня это не произвело впечатления. Сам шар был маленький и покрытый пылью. На самом деле он даже смел пыль рукавом, смущенно улыбаясь при этом.

После чего сел, уставился в шар и снова улыбнулся.

— Предсказание стоит три доллара, — сказал он. — Добровольное пожертвование, как вы понимаете, а не гонорар. Брать за это гонорар противозаконно.

— Я согласен пожертвовать три бакса, — сказал я.

— Отлично.

Он оторвал взгляд от моего лица. Сфокусировался на шаре. Серые глаза, несколько покрасневшие.

Я сидел очень тихо, пока он смотрел. Он кашлянул, прочищая горло. Поерзал на месте. Затем заговорил.

Он назвал мое имя.

Он сказал мне, где я работал.

— Вы друг покойного Коно Коллури, — сказал он, глядя в пол. — И вы здесь, чтобы забрать его деньги. Сумму в восемь тысяч двести тридцать один доллар.

Он выдержал паузу. Я почувствовал, как пот впитывается в воротничок моей прекрасной белой рубашки, той самой, из погребальной конторы, скорее всего украденной у какого-нибудь покойника.

Он молчал, а я смотрел на него. Приятный маленький человечек в сером, но сколько он знает! Я никогда не верил в оккультные силы, но вот он сидит передо мной и сообщает такие факты.

После всего, что пережил за последние три дня, я понял, что принять больше не смогу. Все мои представления о вселенной рушились, а вместе с ними и мое психическое здоровье. Мертвецы ходят, я убийца, и вот теперь человек, который действительно умеет читать мысли. Это было уже слишком...

— Не расстраивайтесь, дружище. — Большой Ахмед медленно поднялся. — Я не хотел вас огорчать. Боюсь, это всего лишь дешевый трюк.

Его руки вынырнули из-под стола. Он держал конверт и листок бумаги.

Вздрогнув, я узнал письмо Коно.

— Вытащил у вас из кармана, когда задел вас в коридоре, — улыбнулся маленький пожилой человек. — Потом спрятал под столом и прочитал, пока вы думали, что я читаю в хрустальном шаре. Прием старый, зато эффективный.

Я кивнул и попытался улыбнуться, чтобы как-то выразить облегчение.

— Значит, вы друг Коно, — сказал Большой Ахмед. — Он писал мне о вас. Пару недель назад. Хотя о деньгах не упоминал. Это настоящая трагедия, не правда ли?

— Так вы знаете о признании?

— Да. Луи был настоящая крыса. — Улыбка сошла с его лица. — Скверное, запутанное дело. Я рад, что ушел из цирка.

Он подошел к шкафчику и отпер нижний ящик маленьким ключом. Достал большую черную жестяную коробку. Открыл ее вторым ключом. Принялся выкладывать на стол банкноты, крупные банкноты, сотни и тысячи.

— Вот ваши деньги, — сказал он, рассортировывая кучку и подталкивая ко мне.

— Но... разве вам не нужно какого-нибудь документа, хотя бы какого-то удостоверения личности?

— Вы друг Коно. Я вам верю. — Он застенчиво улыбнулся и всплеснул руками.

— Так вы мне верите, да?

— Почему бы нет?

Я глубоко вдохнул и выдохнул. Я должен поделиться с кем-то, а не то сойду с ума.

— Потому что меня разыскивают за убийство, вот почему!

Большой Ахмед сел обратно, все еще улыбаясь.

— И вы хотите рассказать мне об этом, верно? Что ж, расскажите. Я послушаю.

Я рассказывал, а он слушал. На это ушло много времени, но я рассказал ему все, начиная с того, как приехал в город, и до того, как Коно наехал на меня.

Он сидел, маленький серый идол, спокойно глядя на меня из полумрака.

— И вот теперь вы хотите обелить свое имя, так? И, полагаю, прижучить этого Варека, кем бы он ни был?

Я кивнул.

— Это большое дело. Очень большое дело, дружище. Вы, разумеется, понимаете, что вся эта история звучит несколько сомнительно?

— Она звучит полным бредом, — сказал я. — Но только все это правда. До последнего словечка.

— Согласен. И возникает проблема, с чего нам начать?

Я бросил взгляд на восемь с лишним кусков, лежащих на столе передо мной. Внезапно я придвинул деньги обратно к нему.

— Может быть, это поможет вам чем-нибудь мне посодействовать? — спросил я. — Потому что если так, возьмите. Часть или все. Столько, сколько поможет оправдать меня и загнать в угол эту крысу, Варека.

— Вы думаете, что я на вашей стороне? — спросил он.

— Я доверил вам свою жизнь. Деньги не имеют значения. Если вы друг Коно, вы поможете.

— Что ж, хорошо. — Большой Ахмед рассортировал банкноты и положил их стопками рядом с жестяной коробкой. — Отныне я ваш. На полный рабочий день. А теперь вернемся к нашей проблеме. — Он отодвинул в сторону хрустальный шар. — Боюсь, это нам ничем не поможет. Придется смотреть в лицо фактам.

— Факт номер один, — сказал я, — за мной гонятся.

— А это значит, что вам надо быть сейчас тише воды ниже травы. То есть выходить на улицу буду я, — сказал он.

— Верно. Теперь к вашим действиям.

— Я отправляюсь в гостиницу, — ответил Ахмед. — В ваш номер. Рано или поздно там появятся копы, выискивая вас. Полицейские будут ошиваться поблизости. Но там же будет и ваша белокурая чаровница, и кто-нибудь еще из приятелей Варека. Может быть, даже сам Коно. В любом случае многое за то, что кого-нибудь там я обнаружу и сяду ему на хвост, после чего он приведет меня в похоронное бюро или в другое место, где находится Варек. Наверное, у него имеется не одно обиталище, где он может бросить свою шляпу. Если, конечно, он носит шляпу.

— Я все-таки не понимаю, — протянул я. — Что же это за человек? И его секрет вечной жизни...

— Может быть, он им обладает, — насмешливо проговорил Ахмед, — но вы — нет. И, судя по вашему виду, вам необходим сон. Я провожу вас наверх, в спальню. За ночь, пока я работаю, вы как следует отдохнете.

Я не стал с ним спорить. От усталости у меня подгибались ноги, когда я поднимался вслед за ним по ступенькам.

— Вы должны верить в меня и в удачу, — сказал маленький серый человечек. — Прямо сейчас я могу сказать, что

я действую интуитивно. Я могу пойти в гостиницу, проследить за кем-нибудь и каким-то образом выйти на Коно. Для нас он самое слабое место во всей цепи. Если я сумею с ним договориться, он расскажет мне о Вареке все, что знает. А потом мы подумаем, что делать дальше.

— Звучит логично, — сказал я, когда мы вошли в маленькую спальню в конце коридора.

— Звучит совершенно слабо и ненадежно, если честно, — отозвался мой хозяин. — Но это все, что можно предпринять прямо сейчас. Надеюсь, к тому времени, когда я вернусь, уже будет над чем работать. А пока что отдыхайте. Моя пижама вам не подойдет, но кровать, я надеюсь, окажется удобной. Я отправляюсь. Спите, и приятных вам сновидений.

Он махнул мне и вышел. Я опустился на кровать настолько обессиленный, что едва заметил, как в замке щелкнул ключ. Потом я распрямился.

— Ну вот, снова начинается! — пробормотал я.

Должно быть, мой голос был слышен, потому что он прокричал из-за двери:

— Я вас запер. Примерно через час придет уборщица, мы не можем рисковать. Если вашу фотографию успели опубликовать в газетах — нам конец.

— Ладно, — отозвался я. — Только вы побыстрее возвращайтесь.

— Я вернусь, и с добрыми вестями. Не переживайте. Когда Большой Ахмед действует, он действует.

Я лег на спину, сняв, нога об ногу, ботинки, распустив галстук и ремень, а затем забрался под покрывало. Его шаги умолкли, и наступила тишина.

Я был в чужом доме, в чужой постели, мое будущее зависело от честности и способностей человека, с которым еще полчаса назад я не был знаком.

Но я почему-то верил ему. Я должен был верить, потому что, кроме него, больше никого не было. Я размышлял о Большом Ахмеде, или Ричардсе, если это было его настоящее имя. Чем же он занимался, разъезжая вместе с цирком по ярмаркам? Ради чего занимается здесь трехдолларовыми предсказаниями? Маленький бесцветный человечек с каким-то непонятным акцентом. Однако же как он чертовски здорово обчищает карманы!

Это меня воодушевило. Он вовсе не такой лопух, каким кажется. Но достаточно ли он хорош, чтобы провести человека, поднимающего из могилы мертвецов?

На этот вопрос я не знал ответа. Не оставалось ничего, кроме как ждать. Ждать и отдыхать. Отдыхать и спать.

В комнате было темно. Ночь входила ко мне через окна. Я поднялся и задернул занавески. Я не хотел этой ночи. В ней было слишком много всего, способного причинить мне вред. Полиция, сыщики, Варек и ходячие мертвецы. Пусть будет лучше персональная темнота этой комнаты, персональная темнота за закрытыми веками. Темнота для сна.

Темнота для сновидений...

До чего странных людей встречаешь во сне! К примеру, этого негра. Он был обыкновенным гражданином, как сотни тысяч других чикагцев из Саут-сайда. Он ехал в надземке, и я ехал в надземке, держался за поручень рядом с ним.

Я не обратил бы на него внимания, если бы не одна маленькая деталь.

Он был мертв.

Да, он был мертв. Когда вагон дернулся, он завалился на меня, и я увидел закатившиеся белки его пустых глаз, ощутил холод, эбонитовый холод его черной кожи, и понял, что он мертв. Черный труп, держащийся за поручень в надземке.

Я знал, что он мертв, а он знал, что я знаю. Потому что он улыбнулся. И изнутри него зазвучал глубокий бас, из недр его пустой могилы, его фальшивой, опустошенной могилы, и бас произнес:

— Не смотри на меня. Потому что я не один такой. Здесь таких полным-полно. Очень много. Оглянись!

Я оглянулся. Я смотрел в проход дергающегося вагона и видел их, узнавал их. Некоторые из пассажиров, конечно, были живыми, и я мог определить это с одного взгляда. Но были и другие. Очень много других. Покойных. Других, с неподвижным холодным взглядом. Тех, кто не разговаривал. Кто сидел в одиночестве. Кто старательно избегал прикосновения к своему телу. Они были бледными, окоченелыми, мертвыми.

Большинство мужчин были в своих лучших костюмах, потому что именно так их одели в погребальных конторах.

Большинство женщин были покрыты толстым слоем пудры и румян, потому что так их загримировали похоронных дел мастера. О, я узнавал их. А негр дотронулся до меня ледяными пальцами и одарил улыбкой, в которой не было ни веселости, ни злобы, вообще никаких эмоций.

— Зомби, — сказал он. — Вот как мы называемся. Зомби. Ходячие мертвецы. Ходячие, болтающие мертвецы. Мы ходим и разговариваем, потому что так велел Человек. Человек. Большой Человек Вуду.

— Варек! — произнес я.

Вагон снова дернулся. Фонари погасли. Что-то случилось с электричеством. Может быть, оттого, что я назвал имя.

Черный мертвец считал, что именно из-за этого. Все, что я видел в темноте, — белки глаз и сверкающую белозубую ухмылку.

— Ты пришел и назвал его имя! — загромыхал он.

И все мертвецы во всех вагонах застонали и забормотали:

— Он назвал его имя!

Внезапно вагон дернулся особенно сильно, и я понял, что поезд сошел с рельсов, полетел над ними. Трупы приливными волнами накатывали на меня, и все мы вертелись, переворачивались, падали, падали...

Я приземлился. Предполагается, что вы должны проснуться, перед тем как приземлитесь, но со мной этого не произошло. Потому что я упал слишком глубоко. Вагон разбился где-то в канализации. Я не пострадал. Меня выбросило из вагона. И я пополз в темноте, где не сверкали белые глаза и белые зубы. На этот раз сверкало что-то красное. Крошечные красные огоньки.

— Крысы, — сказал я себе. — Крысиные глаза.

— Да, мы принимаем вид крыс. И еще летучих мышей. И разных других тварей. Но только мы не животные. И больше уже не люди. — Этот голос у меня в голове звучал мягко, но повелительно. — Нас называют обычно вампирами!

Я не видел ни говорящего, ни остальных, но я слышал, как их щебечущие смешки раздаются вокруг, делаются все громче, превращаются в металлический грохот, который эхом отдается от стен канализации.

— Вампиры. Он поднял нас из мертвых, он сотворил нас. В большой церкви на Дивижн-стрит отец Станиславус заклеймил нас именем Господним. Но только нам все равно. Он жирный и старый, этот священник, и он умрет. А мы никогда не умрем. Мы бродим по ночам, мы пируем, и мы владеем всем подземным миром.

Вмешался еще один голос:

— Ведь так оно под всем городом, разве ты не знал? И под каждым городом. Всегда найдутся места, где можно спрятаться, если ты достаточно умен. Можно перебираться по туннелям с одного места на другое, приходить и уходить когда пожелаешь, и никто не догадается. Никто не увидит. Никто не услышит. Можно поднять крышку канализационного люка, утащить к себе, что пожелаешь, а остатки выбросить наружу. О, все так хитро устроено и действует безотказно, и за все это мы благодарим Хозяина.

Я кивнул:

— Вы имеете в виду Варека?

При этих словах они завыли, и от звука моя голова едва не разлетелась на половинки, когда эхо отдалось от металлических стен. Они выли, а затем принялись подбираться ко мне в темноте, но я побежал. Я бежал и шел вброд, полз и плыл по сточным водам и грязи, выискивая отверстие, выискивая пятно света, выискивая лазейку из нижнего мира смерти и темноты.

Я нашел ее, нашел наконец. Круглую металлическую крышку над головой, ведущую к спасению. Спасению и прохладной тьме погреба. Проблеск света вывел меня на лестницу и к двери наверху. Я вышел в кухню, прошел прямо к спальне и заглянул в замочную скважину.

У постели сидел Эдгар Аллан По и делал странные жесты худыми белыми руками. Ему помогали двое врачей, и все они не сводили глаз с призрака, лежавшего на кровати, изможденного, похожего на скелет существа, которое смотрело с подушки блестящими остекленевшими глазами.

У пациента были светлые бакенбарды и никак не вяжущаяся с ними черная шевелюра; несмотря на вроде бы осмысленный взгляд, он должен был быть мертв, и это было бы даже правильно.

Однако По взмахнул руками, приказывая спящему проснуться, и, пока я смотрел, тот проснулся.

Вопли «Мертв! Мертв!» сорвались с языка, но не с губ страдальца, и все его тело сейчас же, за какую-то жалкую минуту или даже меньше, съежилось, расползлось, разложилось прямо на глазах. На кровати перед всей честной компанией оказалась полужидкая омерзительная гниющая масса.

После чего я, крича на бегу, помчался прочь от дома господина Вальдемара.

Но куда бы я ни бежал, всюду были мертвецы.

По не смог воскресить Вальдемара. Зато Варек мог. И воскрешал. В своем сне я видел доказательства. Я бродил по улицам Чикаго и узнавал лица. Вот неулыбчивый привратник с жестким ртом, стоящий перед дверью богатого отеля «Золотой берег», он мертв. Черноволосая девушка на коммутаторе в здании «Мерчандайз март», та, которая произнесла: «Пожалуйста, назовите номер», совершенно механическим голосом, она тоже марионетка Варека. Был еще лифтер в Музее имени Филда и три человека, которые работали в ночную смену на большом металлургическом заводе рядом с аэропортом Гэри. Один из пожилых окружных сержантов в Гарфилд-парке был ходячим мертвецом, и даже его жена этого не подозревала. Зато сам сержант не подозревал, что его капитан тоже кадавр, и ни один из них не знал тайны одного из судей округа Кук.

Покойники, их были многие сотни. Может быть, тысячи. Потому что Чикаго не единственный город в мире, а Варек побывал всюду.

Сначала я шел, затем побежал. Потому что не мог больше терпеть, не мог видеть эти лица, эти пустые глаза. Мне было невыносимо сносить толчки от мертвецов на многолюдном Лупе. Я побежал и бежал, пока не оказался в доме Большого Ахмеда, кинулся к двери спальни, распахнул ее, забрался в кровать, снова оказавшись рядом с самим собой и зная, что наконец-то спасен, потому что я здесь, пробудился, возвращаясь в реальный мир, где по-прежнему ходили мертвецы!

«Они обладают и другими возможностями».

Кто это мне сказал? Сам Варек из тела покойного бармена. Другие возможности. Такие как левитация — способность перемещаться по воздуху, влетать в расположенные высоко над землей окна...

Один раз это уже случилось во сне, теперь это случилось во второй раз.

Я видел ее лицо в окне спальни. Лицо Веры. Светлые золотистые волосы. Бриллиантовое колье. Она парила за окном, билась в стекло. Она вытянула руки. Она открывала окно снаружи.

Странно, что я видел все это, ведь я же сам опустил занавеску, а теперь она была поднята. И окно открыто. Она влетела в комнату, паря изящно, легко, даже как-то умиротворяюще. И вот теперь она приземлилась, без толчка, без стука, без сотрясения, на пальчики своих изящных ножек. Она, конечно же, тоже мертва. Теперь я понимал. У нее остекленевший взгляд. Она движется только по принуждению. Это похоже на гипнотический транс, когда всеми движениями руководит кто-то извне, какая-то чуждая сила.

Глаза остекленевшие, как у одурманенного гашишем ассасина. И как ассасин, она выхватила из-за пояса кинжал. Длинное, узкое, очень женственное с виду оружие, тем не менее смертоносное. Сталь сверкала, как бриллиант. Почему она все время напоминает мне о бриллиантах? Из-за этого колье. Я смотрел на колье, пока она на цыпочках подкрадывалась к кровати. Мне хотелось на него смотреть.

Приятнее, чем смотреть на кинжал. Потому что кинжал был серьезный. Он приближался к моему горлу. Через миг он упадет, вонзится мне в шею, перережет яремную вену.

Все, что мне оставалось делать, — смотреть на бриллианты в ее колье. Через минуту все будет кончено. Нож уже опускался, нож, который перережет нить моей жизни, нож, который сделает меня солдатом в армии Варека, в армии мертвых.

Он быстро устремился вниз.

Сверкание этого безумно падающего клинка нарушило заклятие. Я мгновенно понял, что вижу все это наяву. Что нож существует и он нацелен мне в горло.

Я дернул головой, перекатываясь по подушке, и бросился вперед и вверх. Мои руки сомкнулись на твердой плоти. Холодной плоти.

Вера Лаваль бешено извивалась у меня в руках.

Я сел, перехватив ее за запястье. Я выкручивал его назад, пока нож не выпал на ковер. Она боролась со мной молча, лицо ее превратилось в маску Медузы, светлые кудряшки извивались, словно змеи, над холодными голыми плечами.

Внезапно голова ее упала. Я заметил блеск крепких белых зубов, нацеленных на мою шею. Зубы вампира, ищущие мою яремную вену.

Я вцепился ей в горло. Мои руки нырнули под колье, впились в плоть под ним. Колье расстегнулось и упало. Мои руки сомкнулись вокруг шеи и тотчас отдернулись.

Я не мог прикоснуться к тонкой алой линии, к шраму, обхватывавшему ее шею полным кольцом.

Руки мои отпрянули, и я дал ей пощечину со всей силы.

Она внезапно упала на кровать. Остекленевший взгляд исчез, и что-то похожее на узнавание проступило на лице.

— Где я? — прошептала Вера Лаваль.

— В спальне на Брент-стрит, — ответил я, — в доме Большого Ахмеда. Вы влетели через окно и пытались меня убить.

— Он снова меня подчинил, — забормотала она. — А потом отправил меня сюда, заставил левитировать. Я ничего не знала.

Я кивнул, но ничего не ответил.

— Вы верите мне, правда? — взмолилась она. — Я не знала. Он обещал, что никогда больше не заставит меня этого делать. Однако не сдержал слова. Он всегда так поступает. Даже сейчас я не могу ему верить. Он может делать со мной все, что угодно, потому что я...

Она внезапно замолчала, и я завершил за нее:

— Потому что вы мертвы. Я знаю.

Ее глаза широко раскрылись.

— Как вы узнали?

Вместо ответа я указал на ее шею. Тогда она заметила, что колье упало. Она закрыла алый шрам руками и долго смотрела на меня пристальным взглядом. После чего, вздохнув, оправила волосы.

— Расскажите мне об этом, — попросил я. — Вдруг я смогу вам помочь?

— Никто не может помочь. Никто.

— Я попытаюсь. И чем больше вы мне расскажете, тем больше у меня будет шансов. Говорите, если это не опасно.

Она на мгновение задумалась.

— Да, пока безопасно, по меньшей мере в ближайшие полчаса. Он впадает в подобие комы, когда заставляет кого-нибудь из нас летать, это занятие требует чудовищной концентрации. Но если он выйдет из транса и поймет, что я не выполнила приказ, может произойти все, что угодно.

Страх снова отражался в ее глазах, и я искал, чем бы мне отвлечь ее внимание.

— Полчаса, — произнес я. — Времени достаточно. Расскажите мне, как все начиналось. Что с вами произошло?

Вера Лаваль вздохнула. Руки ее осторожно погладили шрам.

— Хорошо, — согласилась она.

Я закурил сигарету и распрямился, протянув пачку ей. Она отрицательно покачала головой, и я сказал:

— Ах да, теперь вспомнил. Вы же не курите, верно?

— Я не могу, — сказала Вера Лаваль. — Я не могу курить, не могу пить, не могу есть. С тех пор, как меня обезглавили в тысяча семьсот девяносто четвертом году.

В тысяча семьсот девяносто четвертом году Францией правил Террор. Под властью Террора с вами могло произойти все, что угодно. Вы могли свести знакомство с гражданином Робеспьером или с человеком, прозванным — весьма иронично — Сен-Жюстом[1].

Если подобное происходило, то все шансы были за то, что вы познакомитесь еще с одним человеком, с весьма подходящим ему именем Самсон, с палачом.

И Самсон, в свою очередь, проводил бы вас прямехонько к госпоже Гильотине.

Все во Франции были знакомы с госпожой Гильотиной. Несмотря на женское имя, госпожа Гильотина вовсе не была

[1] Sainte juste — святой праведник *(фр.)*.

легкомысленной дамочкой, хотя многие от знакомства с ней теряли голову.

Госпожа Гильотина была воплощением Террора. Рубящего головы Террора. Обезглавливающим клинком, который дожидался, пока вы созреете для него, который затем рубил и наполнял корзину внизу богатым спелым урожаем.

В тысяча семьсот девяносто четвертом году Террор правил Францией, и с вами могло произойти все, что угодно. Если бы вы были Верой Лаваль, двадцати лет от роду, дочерью Люсьена Лаваля, состоятельного торговца, ваша жизнь находилась бы в постоянной опасности.

Состоятельные торговцы в те дни не пользовались популярностью. Им приходилось вертеться и выкручиваться, раболепствовать и угождать, прибегать ко всевозможным военным хитростям, чтобы суметь выбраться из Парижа до того, как придет приказ — фатальный вызов на Трибунал. Лучше уж выехать из города в телеге с навозом, чем отправиться в крытой двуколке на площадь Согласия.

Неудивительно, что Люсьен Лаваль предпринимал самые отчаянные шаги и водился с подозрительными типами, только бы разжиться средствами к спасению, пока еще не поздно. Париж кишел проходимцами и негодяями, ворами и мошенниками, которые нагуливали жир, пользуясь плачевным положением немногих оставшихся аристократов или зажиточных людей. Некоторые из них могли за определенную мзду достать паспорт или организовать незаконный выезд за границу или переправу через Ла-Манш.

Люсьен Лаваль, богатый вдовец с прелестной дочерью на выданье, решил, что нашел способ спастись.

Где-то каким-то образом, одному Богу известно в каком притоне, берлоге или норе, он свел знакомство с Николо Вареком. Вареком, другом блистательного графа Сен-Жермена. Вареком, поверенным могущественного Калиостро. Вареком — алхимиком, мистиком, искателем философского камня. Вареком, который похвалялся, будто бы обладает силой, превосходящей силу обоих великих шарлатанов, которых он знал и которых сам обучал. Вареком, неулыбчивым, холодным, лишенным возраста. Зато — и в этом состояла главная ценность — Вареком-иностранцем. Вареком, обладате-

лем бесценного сокровища — русской визы, пропуска на свободу для себя и семьи.

На тот момент у Варека семьи не было. Однако Вера Лаваль была юна, она обладала шиком, за ней давали изрядное приданое. Если бы она стала его женой, а Люсьен — законным членом семейства Варека, тогда кто помешает их menage[1] выехать из Франции?

Это было в высшей степени разумное предложение, и Люсьен Лаваль неоднократно сообщал о нем Вареку.

Тот пожимал плечами. У него здесь, в Париже, работа, говорил он. Вершатся великие дела. Он никогда не видел мадемуазель Лаваль, и, без сомнения, она обладает всеми достоинствами, о которых говорит любящий отец, однако... Человек, находящийся в положении Варека, стоит выше матримониальных хлопот и требований плоти. Что касается денег (тут Варек снова пожимал плечами), по счастью, он и сам сумел составить состояние, какое желал. Нет, было бы неразумно покидать сейчас страну. На самом деле все указывает на то, что ему нужно остаться.

Люсьен Лаваль был красноречив. Когда красноречие не вызывало отклика, он делался настойчив. Когда настойчивость не помогала, он прибегал к слезам. Он падал на колени. Он рыдал и умолял. И в конце концов Николо Варек согласился познакомиться с дочерью купца и поговорить с ней.

Лавалю этого было довольно. Он вернулся домой, окрыленный, и рассказал обо всем Вере.

— Все зависит теперь от твоего поведения, — сказал он ей. — Будь очаровательной, искрометной, живой. Этот Варек кислый тип. Ему не хватает бодрости. Он нуждается в твоей юности.

Вера Лаваль послушно кивнула. Не было нужды наставлять ее в кокетстве. Они нашли человека, который мог бы спасти их обоих за определенную цену. Что это за цена, не так важно. Ее отец заплатит свою долю, а она с радостью заплатит свою.

Она вымылась, нарядилась, надушилась и накрасила лицо, готовясь к знакомству. Встреча состоялась в гостиной,

[1] Семья *(фр.)*.

и, кроме них, там не было никого. Экипаж прикатил в сумерках, и Вера Лаваль встретила Николо Варека при свете свечей.

И получилось так, что Варек — друг аристократов, наставник колдунов, пэр алхимиков, Варек, человек, стоявший выше матримониальных дел и банальных эмоциональных реакций заурядного человека, вдруг влюбился.

Свет свечей и кокетство явно выиграли битву в тот вечер. Рассудительный холодный человек превратился в заикающегося докучливого ухажера. Что же касается вопроса возраста, Варек был особенно настойчив.

— Не думайте, что я стар, дорогая моя, — заверял он ее. — Потому что на самом деле я вне возраста. Я владею некоторыми тайнами — тайнами, какими и вы будете владеть. О, нас ждут великие дела, меня и вас!

Потом он принялся хвастаться, словно обезумевший от любви юнец.

Варек был русским по рождению, но дата его рождения и подробности его воспитания пусть (тут он усмехнулся) ее не волнуют. Довольно сказать, что он происходит из благородного рода. Он получил образование в ведущих университетах Европы, однако самое важное узнал, подолгу проживая в Монголии и Индостане, где изучал оккультные науки и запретные мистерии. По возвращении в Европу он побывал в Италии и поделился кое-какими своими познаниями с Калиостро, познаниями, которыми беспринципный Калиостро вероломно воспользовался, умножая свою славу. Варек, который все еще искал учеников, позже наставлял графа Сен-Жермена, чье мастерство в создании массовых иллюзий и знание принципов левитации помогли ему стяжать славу и состояние.

Однако же он, Варек, не интересуется подобной ерундой. Правда, что, как алхимик, он искал способ обращать обычные металлы в золото. Но скоро понял, что гораздо важнее овладевать иными познаниями. И как только он овладеет ими, слава и власть станут принадлежать ему.

Существует лишь два секрета, к обладанию которыми стоит стремиться. Один из них — это секрет вечной молодости, а второй — секрет вечной жизни.

И овладению этими тайнами Варек посвятил десятки лет. Знание давалось недешево, это были дорогостоящие исследования. И чтобы раздобыть на них денег, он время от времени прибегал к своим основным знаниям. В качестве алхимика он был связан с той группой, которая объединялась вокруг ла Вуазин, и признавал, что помогал этой печально известной женщине приготовлять яды. Он также был знаком с кликой, которая окружала пользовавшуюся дурной славой госпожу де Монтеспань.

— Но это же было сто лет назад! — воскликнула Вера, услышав его слова. — Даже больше ста лет назад!

Николо Варек, не улыбавшийся никогда, улыбнулся.

— Именно, — подтвердил он. — Теперь вы видите, что я преуспел по меньшей мере в одной из своих задач. Я раскрыл секрет вечной молодости. Раскрыл его и владею им.

— Так вам больше ста лет? — пробормотала Вера.

Варек склонил голову.

— Заверяю вас, время — это относительное понятие. Вы найдете во мне, совершенно вне зависимости от моего возраста, и пылкого любовника, и благородного человека. Как вы понимаете, мы — те, кто занимался исследованиями мистерий, — всегда находились вне общества. Мы таимся в темноте, мы поддерживаем связи с нижним миром, мы якшаемся с шарлатанами, но только потому, что нас никогда не принимали всерьез ученые мужи и исследователи. Они завидуют нашим успехам, эти так называемые люди науки, хотя на самом деле все, что они знают или надеются когда-либо узнать, проистекает из наших трудов.

Да, это мы, алхимики, дали им химию, мы, волшебники, сохранили для них ту малую толику, какую они знают из медицины, физиологии и биологии, мы, мистики, обладаем единственным знанием, которое можно развить в науку разума.

— Я не понимаю, — сказала Вера. — Что вы хотите мне сказать?

— Я хочу сказать, что вам не надо бояться меня, — ответил он. — Говорят, что я лжец, шарлатан, негодяй, колдун и убийца. Что ж, так оно и есть, но все это исключительно ради великой цели. И эта цель — власть, власть бо́льшая, чем можно вообразить!

Я сыграл свою роль в тех событиях, какие происходят в последние годы, моя дорогая, и вы видите результат! Я переговорил с мадемуазель Шарлоттой Кордэ, и Марат мертв. Я сказал словечко брату гражданина Робеспьера, и Дантона больше нет. У меня есть способы и средства, чтобы дергать за ниточки, заставляя марионетки танцевать. И в итоге у меня будет власть. Величайшая власть. Когда с Францией будет покончено, настанет очередь других стран, готовых к революции.

Революция, моя дорогая, всегда заканчивается диктатурой. Диктатура, моя дорогая, всегда приводит к развитию мании величия у того, кто правит. А на что готов тот, кто страдает манией величия, дабы заполучить тайну вечной молодости, или вечной жизни, или же обе эти тайны?

Да, все пути ведут в одну сторону — ко мне! Я буду править правителями! Подумайте об этом, моя дорогая. Пройдет несколько лет, и Николо Варек сделается незримым правителем всего мира. А вы будете его императрицей, его королевой.

Варек придвинулся ближе, и Вера увидела его тонкие, словно бумажные, бескровные губы. Ему могло быть и сорок, и четыреста лет.

— Секрет вечной жизни. Как вам понравится такое, милая моя? Быть вечно юной, вечно оставаться такой, какая вы сегодня? Жить, править, вечно наслаждаться всеми чувствами? У меня есть для вас такой дар, мой свадебный дар.

И уже скоро, скорее, чем я смею предположить, будет еще один. Величайший секрет. Вечная жизнь! У меня здесь есть лаборатория, вы должны ее увидеть, где я ставлю эксперименты. В такие времена, как теперь, в объектах для исследования недостатка нет. Самсон каждый день посылает их ко мне. — Бескровные губы растянулись в кровожадную усмешку. — Я все ближе и ближе к открытию, — сказал ей Варек. — И когда я его совершу, мир будет принадлежать мне. Нам!

Происходящее походило на нелепую мелодраму, но было при этом самым настоящим кошмаром. Потому что это лепечущее, шепчущее, подхихикивающее существо подходило все ближе и ближе, и вон оно уже превратилось из хвастуна и заики в просто охваченный вожделением авто-

мат. Он облапил Веру Лаваль, и она на секунду ощутила у себя на шее гнилостное дыхание. Но только на секунду. Затем она вырвалась, освобождаясь, и Варек, потеряв равновесие, гротескно растянулся на полу.

Вера Лаваль засмеялась.

Она не отказалась от его предложения руки и сердца. Она не обозвала его стариком, лжецом, убийцей или омерзительным дураком. Она не сделала ничего, только засмеялась.

Ее смех сказал за нее все остальное.

Николо Варек поднялся, привел в порядок костюм и холодно поклонился.

— Adieu[1], — произнес он. И ушел.

Вера Лаваль ждала. Она ждала, пока Люсьен не вошел в комнату, потирая в предвкушении руки. Она ждала, пока рассказ не произведет на него должный эффект, ждала его удрученного взгляда, его тревоги, его безумных восклицаний: «Почему, почему, почему? Он же был нашей единственной надеждой, нашим последним шансом! Почему?»

Затем она принялась ждать повестки. Которая скоро пришла.

Кто-то донес на гражданина Лаваля и его дочь. Как на предателей и врагов народа.

Она ждала суда, и тот был краток. Люсьен зарыдал, услышав приговор, она же только пожала плечами.

После чего принялась ждать казни.

Ждала в одиночестве, потому что Люсьен Лаваль одним угрюмым воскресным утром повесился в камере, и она осталась совсем одна.

Она осталась одна и ждала, пока в последнюю ночь не явился Варек.

Гражданам не позволялось навещать заключенных в камерах накануне казни. Однако Варек не был гражданином. Он и человеком-то не был в привычном понимании этого слова. Он был фальшивой тенью, которая беззвучно скользнула к решетке ее камеры.

В один миг не было никого, а в следующий Варек был уже здесь. Зашептал в темноте:

[1] Прощайте *(фр.)*.

— Вера, Вера Лаваль, слушайте меня! У меня есть для вас новость. Великая новость!

Последовало молчание, он дожидался ее ответа. Только она ничего не ответила. Прошел миг, и он продолжил:

— Помните, что я вам говорил? О лаборатории, экспериментах, секрете вечной жизни? Я наконец-то постиг его, Вера, наконец-то постиг! О, это не совсем то, на что я надеялся, многое предстоит доделать, чтобы усовершенствовать метод. Однако же цель, к которой веками стремилась магия, достигнута! И это сделал я. Ради вас. Ради нас с вами!

Снова последовало молчание. Вера Лаваль не двигалась. Он заговорил снова:

— Вечная жизнь, Вера! Клянусь, это правда, я могу даровать вам вечную жизнь. Все, что вам нужно, — сказать слово, и вы будете свободны. Я могу освободить вас из тюрьмы так же легко, как заточил. И вы будете вечно юной, вечно живой! Вы должны верить мне, должны верить!

Вера развернулась и посмотрела на него сквозь прутья решетки. Она не видела в темноте коридора его лица, зато он видел выражение ее лица — искаженные презрением черты.

— Я верю вам, — сказала она. — И вот что я скажу: лучше я умру завтра утром, чем проведу вечность или хотя бы одно мгновение с вами.

Смех Варека всколыхнул темноту.

— Откровенный ответ, мадемуазель Лаваль. Но только хорошо ли вы понимаете, что вам уготовано? Когда повозка подкатится к эшафоту и солнце, солнце будет сверкать на ноже гильотины? Представляете ли вы головы в корзине, мадемуазель? Видели ли вы, как Самсон поднимает их за волосы и показывает толпе?

— Вам меня не запугать, — шепотом ответила она.

— А вы знаете, каково это, быть мертвой? Мертвой отныне и навеки? Вас зароют в землю, мадемуазель, в холодную мокрую землю. Вы будете лежать там, в вечной темноте, лежать, гнить, разлагаться в слизь и прах. И черви будут запросто целовать губы, в прикосновении к которым вы отказываете мне. Неужели вы не боитесь смерти, мадемуазель Лаваль?

Она покачала головой и улыбнулась темноте за решеткой.

— Не так сильно, как боюсь жизни с вами, — сказала она. — А теперь уходите и оставьте меня в покое.

Вот тогда он сломался. Существо рыдало и умоляло:

— Я ничего не понимаю, такого никогда не случалось раньше, чтобы женщина, девушка, почти дитя, сделала со мной такое! Мне казалось, я не подвержен глупостям, но с того мига, как увидел вас, мне нестерпима мысль, что вы можете не принадлежать мне. Вы зажгли во мне кровь, и вы должны знать об этом, вы не можете отказаться, просто не можете! Вы должны стать моей либо по доброй воле, либо по принуждению. Я хочу, чтобы вы покорились по собственному выбору, я должен получить вас. — Варек рыдал, но это были сухие, пыльные рыдания ожившей марионетки, шуршащей в темноте.

И снова Вера Лаваль отрицательно покачала головой.

— Нет, — сказала она.

В рыданиях Варека послышалось не горе, а ярость.

— Хорошо же! — закричал он. — Если я для вас нехорош, отдаю вас новому любовнику. Смерти! Пусть Смерть обнимает вас, запускает костлявые пальцы в ваши кудри, возьмет себе вашу голову на память о свершившемся завоевании. Adieu, оставляю вас, чтобы вы могли насладиться свиданием с возлюбленным. Его уже недолго осталось ждать!

И он оставил ее.

Вот тогда, и только тогда Вера Лаваль не выдержала. Потому что она лгала. Она ужасно боялась смерти. Мысль о смерти нагоняла на нее нестерпимый страх, и сейчас, в темноте, она почти воочию видела ухмыляющееся лицо Смерти, скелета в черном саване, оскаленный череп, покрытый капюшоном.

Этот образ был с ней и наутро, когда пришли стражники. Он сопровождал ее в повозке, и, пока она с пятью другими оборванными, заплаканными женщинами занимала свое место, Смерть тоже усаживалась рядом с ними.

Смерть ухмылялась Вере Лаваль, пока она ехала по улицам Парижа к месту экзекуции. Смерть указывала пальцем на ревущую толпу, на важного гражданина Самсона и его гримасничающих помощников. Смерть показала ей силуэт свистящего ножа на фоне рассветного небосклона.

Смерть была с ней, когда она поднималась на эшафот. Смерть помогла ей взойти по ступенькам, и Вере в бреду последних мгновений показалось, что не Самсон, а сама Смерть

является палачом,— откинув капюшон, она скрюченными руками заставила Веру опуститься на колени и заглянуть вниз, в корзину, хотя все это время Вера силилась взглянуть вверх, на нож, на сверкающее лезвие, которое стало для нее единственным материальным предметом на свете.

Затем, когда толпа взревела, нож гильотины упал.

Смерть приняла Веру Лаваль в свои объятия.

И... выпустила ее!

— Вы, конечно, хотите знать, на что это похоже,— сказала она мне, сидя на краю кровати, тысячью милей и тысячью жизней позже.— Но я не помню. Не было боли, не было никаких ощущений, однако я чувствовала, я сознавала все по-новому. Причем ощущения времени тоже не было.

Потом боль вернулась, и я оказалась жива.

У меня болела шея, болела голова.

Я открыла глаза. Ощутила на шее повязку. Увидела, что серебристая трубка тянется к моему позвоночнику. И еще я увидела Варека.

Вы, разумеется, понимаете, что произошло. Самсон после казни продал мое тело Вареку. Тот забрал меня в лабораторию и вернул к жизни.

Я, конечно же, тоже поняла это в один миг. Но я никогда не смогу передать вам ужас того мгновения, когда я поняла, что он пришил мою голову к телу!

Это было нелепо, это было смехотворно, это было какое-то богохульство. Однако, несмотря на все это, в последующие недели я научилась уважать силу, мудрость и гений Николо Варека.

Мое выздоровление, если так можно сказать, было медленным. Теми изначальными способами, какие с таким трудом совершенствовал Варек, было непросто воскресить и выходить меня, возвращая мне подобие здоровья и разума. Но он сделал это. С того момента я очень много узнала о том, что он делает, реанимируя покойников, однако я так и не смогла понять самого главного.

Она замолчала, и я спросил:

— Вы сказали, он *пришил* вам голову? Но это же... невероятно.

Вера указала на шрам и слабо улыбнулась:

— Наверное, вам покажется невероятным и то, что половину моего черепа занимает металлическая пластина и тот же самый металл, некий механизм, находится в шее и в верхней части грудной клетки? Что Варек еще в тысяча семьсот девяносто четвертом году использовал электричество и нечто вроде миниатюрной динамо-машины, чтобы регулировать метаболизм? Что он управлял и до сих пор управляет нами, сочетая гипноз и напряженные мозговые импульсы, трансформированные в электричество? Однако все это правда, все без исключения. Я автомат, работающий на энергии, которая вырабатывается внутри моего тела, а ее добавочный поток передает мне на расстоянии Варек. Я живу, но я не живая. У меня нет возраста, я не меняюсь, я не ем и не сплю. Но есть кое-что похуже сна. Кое-что гораздо хуже. — Она содрогнулась. — Это когда он *отключает* меня.

Либо она сумасшедшая, либо я. Либо мы оба. Это я понимал. Но я все равно верил ей. Я верил созданию с холодными глазами, холодной кожей, с багровым шрамом на шее, которое обращалось ко мне через века.

— Он делал это со мной, и много раз, на время, если это отвечало его замыслам и нуждам. Но я видела, как он делает это с другими — навсегда. Это жутко. Они умирают тогда, умирают во второй раз. Кошмарной смертью, навсегда. Вот как он сохраняет надо мной власть, над всеми нами. Потому что он способен отключать нас. Потому что внутри каждого есть что-то, что хочет жить, борется за жизнь. Но смогу ли я пересказать вам жизнь в сто шестьдесят лет длиной? — Вера оглядела комнату, и на мгновение ее волнение показалось мне совсем человеческим. — Нет времени, он уже скоро выйдет из транса, услышит нас.

Я настаивал. Я должен был узнать остальное.

— Тогда быстрее, — поторапливал я. — Что случилось после вашего выздоровления?

— Он все еще экспериментировал. Я была его первым безоговорочным успехом. Были и другие... покойники... которых ему удавалось оживлять. Только они были с дефектами, повреждениями. Совершенно безумные. Ему не удавалось контролировать их. Несколько сбежали. Разразился скандал. Дик-

татура Робеспьера тем временем пала. Он сам взошел на гильотину. Варек больше не чувствовал себя в Париже в безопасности. Поэтому мы бежали.

Единственный корабль, который мы смогли найти, направлялся в колонии. В итоге мы оказались на Гаити, мы вдвоем.

Это был странный альянс. Он, конечно же, больше не хотел меня и, мне кажется, почти сожалел об этом чудовищном акте воскрешения. В итоге он решил сделать из меня свою рабыню. Я была одинока, беспомощна и обязана ему своим существованием.

Я не стану извиняться за то, что служила Вареку. У меня не было выбора. Он был моим хозяином.

Ему удалось обосноваться на Гаити, в Сан-Доминго. Он привез с собой деньги и драгоценности. Мы купили дом, он представлялся плантатором. И немедленно принялся раздувать восстание. Вы же знаете, что случилось на Гаити спустя несколько лет после нашего прибытия, когда Туссен-Лувертюр, Дессалин и Кристоф взбунтовались против французов. Варек сыграл свою роль. Полилась кровь, появились тела для новой лаборатории Варека. Черные тела, с которыми можно было экспериментировать.

Вот тогда прокатилась волна новых суеверий, касающихся зомби. Ходячих мертвецов. Теперь вы понимаете, почему и как зародилось это верование?

Я кивнул, вспоминая свой сон. За ее словами стояли кошмарная логика и убежденность. Варек породил зомби. Его творения бродят по миру.

— Черные были примитивными, простыми. Варек часто делал работу плохо. Он все еще экспериментировал, совершенствуя методы и техники. Испорченные образцы и были зомби.

И еще вампиры, но это, конечно, уже в Венгрии.

Я удивленно поднял брови:

— Но не Варек же породил веру в вампиров. Это ведь древнее суеверие.

— Это правда, — согласилась Вера. — Но именно из-за него мы переехали с Гаити в Венгрию. Потому что в тех краях любые россказни о ходячих мертвецах списали бы на

местные суеверия, и никто не стал бы проводить расследование, если бы какое-нибудь из творений Варека принялось бы бродить по окрестностям. Кроме того, Варек хотел ознакомиться с последними достижениями европейской науки. Еще до революции он работал с Антоном Месмером, изучая животный магнетизм. А теперь заинтересовался новой психологией.

Понимаете, приобретение власти, о которой он мечтал, было долгим и сложным процессом. Который включал в себя гораздо больше чем одну лишь способность контролировать воскрешенные тела покойников. Сначала Варек не мог поддерживать в телах жизнь, если не осуществлял над ними постоянного гипнотического контроля. Он вынужден был все время концентрировать собственную энергию. Затем он достиг стадии, когда мог закладывать схему поведения на часы или даже дни, а сам занимался иными делами. Но и это было еще не все.

Каждое восстановленное тело необходимо было обеспечить — дать новое ему имя, новую жизнь, задать ему новую роль. Варек штамповал марионеток, вдыхал в них жизнь, а затем должен был дергать за веревочки. Дюжины кукол на дюжинах различных сценах, все они играли свои роли в одной общей пьесе.

Ему пришлось проявить себя в научных исследованиях и в политике. Я так и не узнала, какие его интриги скрывались за установлением Третьей республики во Франции. Потому что в тысяча восемьсот сорок седьмом году я восстала, попыталась сбежать. И в наказание он отключил меня на семьдесят лет!

Белое, словно маска, лицо Веры исказилось от страха перед воспоминаниями.

— Семьдесят лет я следовала за Вареком по миру в багаже, в обложенном льдом гробу. А он тем временем занимался наукой, дергал за веревочки и выжидал.

Я очнулась в России во время революции. К тому времени он пришел к пониманию, что нуждается в живых союзниках, людях, которые работали бы на публике. Обманывали бы и шпионили. Он свел дружбу с Распутиным. Появился план убить юного цесаревича, а затем оживить его, и тогда царь с царицей были бы у него в руках. Но кто-то

убил Распутина до этого, и нам пришлось на время покинуть Россию. Вот тогда он снова меня оживил.

Варек, видите ли, верит в революции. Время смуты и разорения — как раз то, что ему нужно, у него появляется возможность извлечь пользу из неразберихи. Новые, неискушенные вожди приходят к власти, и тут появляется он, намекая, какими способностями обладает. Он рассказывает о своих планах и пытается захватить власть над теми, кто формирует правительство.

Мы вернулись в Россию, и я помогала ему. У меня не было выбора. Либо так, либо лежать в темноте, теперь уже в темноте холодильника, слава современным достижениям. — Она криво усмехнулась. — Вы и сами можете догадаться, чем он занимался с тех пор. Сами можете угадать, кто стоял за экспериментами Павлова. Можете предположить, что в итоге слухи дошли до Коминтерна. Но о чем вы никогда не догадаетесь — и чего не сохранила история, — в какой опасной близости находилась Россия от того, чтобы в тридцатые годы создать настоящую механическую армию. Армию мертвецов!

Я закурил сигарету, стараясь не смотреть на часы на бюро, часы, которые отсчитывали уходящие минуты.

— Потом мы оказались в Германии, Варек пытался продать свои знания Новому Порядку. Однако его представители впали в немилость, и в тысяча девятьсот тридцать девятом году нам пришлось снова бежать. Несколько лет мы провели в Канаде, в Манитобо и еще севернее. Варек пережидал войну. Он обладает неистощимым терпением и неистощимой хитростью.

Он может позволить себе ждать, ждать целые столетия, если нужно. Он странный человек, этот Варек. Он владел неисчислимыми богатствами и терял их, перемещаясь из одной страны в другую. Он обладает способностью хамелеона изменять свою личность и внешность. Он... Но какая польза рассказывать вам? Вы обречены.

Я раздавил окурок.

— А теперь давайте перейдем к делу, — предложил я. — Он послал вас меня убить. Зачем?

— Потому что вы знаете о Коно. Он предлагал вам честную сделку. Он по-прежнему ищет людей, которые стали

бы его живыми союзниками. Только вы отказались, и, поскольку вы знаете его возможности, вы должны умереть.

— Но ведь Коно всего-навсего незначительный винтик в его механизме, — настаивал я. — Всего-то какой-то цирковой силач. Не понимаю, с чего бы человеку с грандиозными планами Варека беспокоиться по поводу такой ерунды.

— Значит, вы не знаете Варека. Он в последние годы не просто так сидел затаившись. Он выжидал, дожидался новой войны. Большой войны. Той самой, на разжигание которой направлены все его силы.

Где-то в холме Сорора устроена большая лаборатория. Он уже способен наладить воскрешение мертвецов почти как на заводском конвейере. Когда придет время, он предложит свои услуги за соответствующую цену. У какой бы из сторон ни иссякли людские резервы, недостатка в армии рабочих и солдат не возникнет. Вы еще не понимаете? Вот к чему все идет — к осуществлению мечты Варека, к созданию мира, который населен рабами, населен покойниками!

— У него никогда это не получится.

— Я в этом не уверена. За последние годы были совершены научные открытия, в которых он так нуждался. Появились новые способы контролировать тела en masse[1]. Радио, электроника, плазма крови — все это задействовано в его схемах.

Он пока держится в тени, дожидаясь подходящего момента. Когда начнется война, его эмиссары будут готовы вступить в контакт с политическими лидерами. Он знает, как найти подход к богатым, к обладающим властью, как их заинтересовать. В прошлом в этом и состояла моя работа. Он намеревался воспользоваться и вашей помощью, и, наверное, помощью еще сотен людей, подобных вам.

— Однако остается один момент, неясный мне до конца, — сказал я ей. — Каким именно образом он сумеет войти в доверие к тем, кто стоит на самом верху?

Вера улыбнулась. Призраком улыбки, улыбкой призрака.

— Очень просто. Вы слышали когда-нибудь о сестрах Фокс? О Д. Д. Хоуме, Ангеле Энни или мадам Блаватской?

Я кивнул:

— Медиумы, спириты, мистики, так, кажется?

---

[1] Множество, массированно, целиком *(фр.)*.

— Да. Пока я... спала... Варек сумел разыграть и этот гамбит. Примерно это же использовали прежде Сен-Жермен и Калиостро. На протяжении веков у богатых и могущественных была одна слабость. Вера в сверхъестественное. Острое желание приподнять завесу Тайны. Они вечно прислушивались к ясновидцам, толпились вокруг оккультистов, верили им. Нет нужды объяснять этот феномен. Он существует.

— Это верно, — произнес я. — Значит, Варек работает в союзе с медиумами. Они его передовой отряд. Они привлекают богачей. А Варек наблюдает, выжидает, выбирает тех, кого он хочет или может использовать, после чего он выступает на передний план сам и открывает свои намерения.

— Именно. — Вера вздохнула. — Точно так, если помните, было с Распутиным. Тот был ключом к царю. И теперь Варек готов начать все сначала.

— Но медиумам нельзя полностью доверять, многие их них просто шарлатаны, — возразил я.

— А многие нет. Взять, к примеру, Д. Д. Хоума. Ни больше ни меньше как сам Крукс, серьезный ученый, подтвердил, что Хоум левитировал, вылетев из окна третьего этажа и влетев обратно через соседнее окно. Крукс не знал только одной мелочи: к тому времени измученный чахоткой мистер Хоум был уже год как мертв, но Варек оживил его, загипнотизировал и, сконцентрировавшись, заставил левитировать. Точно так же как заставил левитировать меня сегодня вечером, когда отправил убить вас.

Вера замолчала. Я смотрел на ее белеющее в полумраке лицо. И пока я смотрел, кое-что произошло. Судорога исказила ее черты, тот же кошмарный тик, который я видел у Коно. Я наблюдал, как ее рот раскрылся, и оттуда зазвучал голос. Но это был уже не голос Веры Лаваль. Это был голос мертвого бармена, голос Варека.

— Да, — произнес он, обращаясь и к ней, и ко мне, — я отправил тебя его убить. А ты не справилась. Не справилась с заданием и принялась болтать. Я не могу допустить, чтобы ты и дальше рассказывала то, что тебе известно, Вера. Я отключаю тебя. *Навсегда.*

Голос неожиданно оборвался. Он не мог не оборваться, потому что он лишился органов речи. Спазм, который ис-

кажал лицо Веры, распространился на все ее тело. Мгновение она билась, судорожно вздрагивая. А затем — *растаяла*.

Она начала меняться, но не упала. Плоть стекла ручейками, словно сбегая с распадающихся костей. Она съеживалась, усыхала у меня на глазах, а потом начала крошиться.

Кто-то взял восковую куклу по имени Вера Лаваль и подержал ее над ревущим огнем. И она за мгновение растеклась, расплавилась.

Я посмотрел на пол, увидел горстку тонкого белого пепла в окружении закопченных и перекрученных проводов, соединенных с металлической пластиной.

Веры Лаваль больше не было.

Веры больше не было, и я остался в спальне один. Или нет?

Если у меня оставались какие-нибудь сомнения в могуществе Варека, теперь они исчезли. Испарились вместе с Верой и захватили с собой частицу моего здравого смысла.

Надо признать: я ударился в панику. Варек знал, где я, а это значило, что оставаться здесь дольше небезопасно. Небезопасно из-за него, небезопасно из-за полиции. Я задумался, что сталось с Большим Ахмедом. Ведь, насколько я понимал, Варек займется и им тоже. Но я не могу торчать здесь, дожидаясь.

Я кинулся к двери. Дверь, разумеется, была заперта, и мне пришлось ее ломать. Я старался как мог. По телевизору и в кино такое видишь каждый день. Загорелый широкоплечий герой ударяет плечом в запертую дверь. Та распахивается. Все очень просто.

Попробуйте как-нибудь. Как я ни пытался, добился только синяков на плече. Тогда я взялся за стул. Так дело пошло легче. Дверная филенка разлетелась в щепы. Я отжал замок.

Потом я бросился в темноте вниз по лестнице, нащупывая перила, перепрыгивая через ступеньки, пробежал через прихожую, направляясь к входной двери. Если уборщица и должна была явиться, она не явилась.

Я достиг двери, отпер ее. Ночной воздух ударил мне в лицо.

— К чему такая спешка, приятель?

Я резко выдохнул от испуга, потом от облегчения.

Ахмед спешно вошел в дом, потирая руки.

— Держитесь, — сказал он, — у меня для вас новости.

Я покачал головой.

— У меня тоже для вас новости, — сказал я.

— Что вы имеете в виду?

Я молча взял его за руку и потащил вверх по лестнице. Если вы решите, что мне было несложно снова подняться в ту комнату, подумайте еще раз. Но сделать это было необходимо.

— Взгляните, — предложил я.

Его маленькие серые глазки внимательно изучали обугленные останки на полу. Он наклонился и поднял металлическую пластину, рассматривая болтающиеся проводки, торчащие из нее.

— Что это такое?

— Все, что осталось от Веры Лаваль. Она сегодня навестила меня с ножом. Я сумел ее разговорить, после чего ее... прикончили.

— Я не совсем понимаю, — сказал он.

— Присядьте, — предложил я. — Мне придется все объяснить, но делать это надо быстро.

Я так и сделал. Большой Ахмед кивнул. Он не был расстроен, он не был встревожен, он не был испуган. Каким-то образом исходящее от него спокойствие придало мне сил.

— Все совпадает, — сказал он, когда я закончил. — Все сходится. До самого последнего кусочка.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я видел Коно. Вы были правы насчет гостиницы, друг мой. Он вернулся. И когда обнаружил, что я прячусь в шкафу, попытался меня убить. — Ахмед улыбнулся и помахал отмычкой. — Не буду вам объяснять, каким образом попал в ваш номер. Но если в двух словах, произошло то же самое, что тут у вас с Верой. Я сумел его успокоить, он, конечно же, узнал меня. Если быть откровенным до конца, я использовал любимый трюк Варека: сам применил гипноз. Должно быть, Варек в это время направлял свою энергию куда-то еще, скорее всего на левитацию Веры Лаваль.

Как бы то ни было, Коно заговорил. Конечно, он ведь только недавно возродился и не особенно хорошо знаком

с подробностями. Кроме того, он не лучший образчик научного склада мышления. — Ахмед коротко улыбнулся. — Однако он все равно рассказал больше, чем ему казалось.

Знаете ли вы, что у этого Варека почти во всех крупных городах мира имеется убежище? И во всех них содержатся в холодильниках от дюжины до нескольких сотен тел, готовых в любой миг восстать из мертвых? Что-то вроде стратегического запаса покойников. Кроме того, имеются и ходячие мертвецы. Больше, чем вы можете представить. Хотя их очень просто узнать, потому что у всех есть одна отличительная черта — багровый шрам на шее.

Я уставился на него:

— Вы хотите сказать, он отрезает им головы, прежде чем восстанавливать?

Ахмед пожал плечами:

— Теперь уже не до конца. Но операция все равно необходима. Глубокий разрез делается в основании черепа. Туда устанавливается металлическая пластина и подводятся на место, — он поднял с пола законченный кусок металла и помахал им, — провода. Таким образом осуществляется гипнотическая связь.

— Значит, это какой-то вид гипноза? Но я так ничего и не понял.

Большой Ахмед покачал головой:

— Все не так просто. Но, с другой стороны, что мы понимаем в жизненных процессах? Мы не знаем, что правит нашей психикой, заставляет сердце биться, а легкие — качать воздух без всякого сознательного контроля с нашей стороны. Вы могли бы сказать, что мы управляем собственными телами посредством самогипноза и это поддерживает в нас жизнь.

Но что же такое смерть? Различные органы «умирают» через разные промежутки времени после того, как перестает биться сердце. Мы можем постичь процесс разложения, однако мы не можем дать определение и по-настоящему осознать смерть. Да что там, никто не может толком объяснить, что такое сон, куда уж нам постигнуть смерть!

А сон — это тоже вид гипноза.

И Варек каким-то образом сумел обуздать ту часть разума, которая при жизни функционирует автоматически, он застав-

ляет ее работать даже в том состоянии, какое мы описываем как смерть. Общим знаменателем здесь служит электрическая энергия — мозговые волны, которые, как известно, можно измерить гальванометром. Варек сумел применить принципы гипноза к электрическим потокам в теле, магнетизм управляет магнетизмом. Вот зачем он делает эту операцию, внедряя в мозг и позвоночник металлическую пластину. Чтобы «перепаять схему», если так можно выразиться.

Маленький человечек говорил с жаром, словно читал лекцию. Я слушал с неменьшим жаром, пока он размахивал передо мной руками.

— Позвольте мне объяснить это схематично. Человеческое тело можно сравнить с радиоприемником, а Варека — с радиостанцией. Управление с его стороны заключается в том, что он устанавливает лампы и конденсаторы, чтобы прибор принимал идущие от него гипнотические волны. Сплошное электричество. Если связь установлена, он может пересылать свои импульсы бесконечно. Это, разумеется, сильно упрощенное объяснение, но основная идея такова.

— Не совсем, — возразил я. — Как тогда быть с барменом?

— О, исключения бывают всегда. Бармен был одним из исключений. Здесь Варек установил временно работающую схему. Возможно, сильно сосредоточился, лишь на время оживляя его, только чтобы поговорить с вами. Точно так же, как недавно сосредотачивался, чтобы заставить Веру летать. Подобные специфические эффекты требуют специфических усилий. Однако, что касается обширной армии мертвецов, Варек — если вернуться к нашей аналогии с радиостанцией — просто-напросто посылает заранее подготовленную «запись программы» в виде гипнотических указаний. Покойники затем «проигрывают» полученные указания в течение нескольких часов. И Вареку нет нужды обращать на них больше внимания, чем оператору на радиостанции следить за идущей в эфир записью с долгоиграющей пластинки. Они «работают» автономно.

И это, само собой, их слабое место. Иногда Варек не обращает на них внимания, наблюдая за другими. Тогда у какого-нибудь человека с сильной гипнотической «волной» появляется возможность «заглушить» прием мертвеца, за-

владеть его вниманием, изменить его намерения. Точно так, как я проделал это с Коно в гостинице. И как вы проделали это с Верой.

— Нам обоим повезло, что у нас получилось, — сказал я. — Но что еще успело произойти? Что еще вы разузнали? Почему Варек работает теперь именно в Чикаго? И — вот он, главный вопрос, — в чем состоит секрет его собственной вечной жизни?

Большой Ахмед улыбнулся.

— Вы слишком много хотите от нескольких часов работы, друг мой, — ответил он мягко. — Ответы на некоторые из вопросов вам придется находить самому. Все, что я могу сделать, — предоставить вам такую возможность.

— В каком смысле?

— В таком, что я заключил с Коно сделку. И мне кажется, ему можно доверять, до тех пор пока до него не доберется Варек. Коно обещал отвести вас к Вареку сегодня же вечером.

— Сегодня? — Я по-настоящему вздрогнул.

Ахмед посмотрел на наручные часы:

— Примерно через три четверти часа. Вы должны будете встретиться с ним в фойе Ригли-билдинг в половине двенадцатого. Один.

Мне это совершенно не понравилось, и он понял это еще до того, как я заговорил.

— Что за странная идея? — спросил я. — Почему бы вам тоже не пойти?

Маленький человечек выдержал мой взгляд, не дрогнув ни единой мышцей.

— По вполне очевидной причине: это может оказаться ловушкой. И тогда мы оба окажемся в лапах у Варека. Но тем не менее вам придется рискнуть. И если что-то вдруг пойдет не так, я смогу прийти на помощь. В конце концов, вы же затем меня и наняли. А я собираюсь довести дело до конца. — Он немного помолчал. — Обдумайте все, — сказал он. — Вы, разумеется, не обязаны идти туда. И, признаюсь честно, я бы тоже колебался, прежде чем пойти на такой риск.

Я кивнул.

— Кто-то же должен это сделать, — сказал я. — Так что если вы вызовете мне такси...

Ахмед улыбнулся и протянул мне руку.

— Славный малый, — сказал он. Потом он развернулся и пошел вниз. Позвонил из прихожей, вызывая такси. — Я не знаю, куда вы отправитесь оттуда, где окажетесь, — задумчиво произнес он. — И разумеется, нельзя допустить, чтобы рядом оказалась полиция. Вам нужно будет как следует работать мозгами. Старайтесь держать со мной связь.

— Почему бы вам не поехать вслед за мной на втором такси? — предложил я. — Тогда куда бы ни повез меня Коно, вы, по крайней мере, будете знать адрес.

— Отличная мысль. — Ахмед подошел к телефону и заказал еще одно такси. Затем он подтолкнул меня локтем. — А вот еще одна мысль, на сей раз моя.

Он протянул руку к моему карману и опустил в него что-то тяжелое и холодное. Я сунул руку в карман и вынул револьвер тридцать восьмого калибра.

— Так, на всякий случай, — сказал он. — Я буду чувствовать себя лучше, зная, что у вас есть хоть какая-то компания.

Я благодарно улыбался ему, пока мы выходили из дома сорок три по Восточной Брент-стрит и дожидались на улице такси. Мое прикатило первым, но и его вывернуло из-за угла всего лишь секундой позже.

— Поехали, — сказал он. — И будьте осторожны.

— Вас это тоже касается, — ответил я. Затем сказал шоферу: — Ригли-билдинг. — И мы поехали.

Стояла прекрасная, теплая, безлунная ночь. Я откинулся на сиденье, пока такси петляло по центру, и попытался расслабиться. Угадайте с трех раз, удалось ли это мне.

Мы все время тормозили на перекрестках — перекрестках, полных копов. Я прятал лицо и благодарил свои счастливые звезды за то, что на небе нет луны.

Когда мы остановились на красный свет на Чикаго-авеню, я воспользовался представившейся возможностью. Я выскочил из такси, подозвал мальчишку-газетчика и купил газету. Из праздного любопытства. Мне хотелось посмотреть, напечатана ли в сегодняшнем номере моя фотография. С какими-нибудь последними сплетнями. Или с предложением вознаграждения, за живого или мертвого.

Я быстро пролистал страницы, но мои попытки не увенчались успехом. Может, им было все равно. Может, в Чикаго привыкли к убийствам барменов.

Убийствам...

Мое внимание привлекла небольшая заметка. Сообщение из Луисвилля... «Луи Прессер, сорок три года... Признался в убийстве... По утверждению психиатров, находился под воздействием гипноза и наркотических веществ...»

Я задумался об этом деле. Большой Ахмед должен знать о последних событиях. Наверное, стоило расспросить его.

Я обернулся посмотреть, едет ли за нами второе такси. Его не было видно. Может, водитель повернул на Кларк-стрит. Он меня нагонит. Похоже, никто не испытывал трудностей с тем, чтобы меня нагнать, если возникала такая необходимость.

Взять, к примеру, Веру Лаваль. Она обнаружила меня у Большого Ахмеда, хотя на тот момент я пробыл в его доме меньше часа. Вот еще один вопрос, на который я должен получить ответ. Откуда она — и Варек — узнала, что я там?

Я сказал себе, что надо спросить у Ахмеда.

Только... ответит ли он мне?

Допустим, ты ученый, великий ученый. Допустим, ты еще и маг, чародей. Умеешь воскрешать мертвецов и сам остаешься вечно живым. Однако это все равно очень непросто отыскать одного-единственного человека среди четырех миллионов других и подослать к нему убийцу. Если только кто-нибудь тебе не подскажет.

Подскажет. Вот в чем дело!

Ахмед выходит из дому. Ахмед меня продает. Ну разумеется! Он поехал в гостиницу, точно так как обещал, с восьмью кусками в кармане. Может, встретился там с Коно, а может, с кем-то еще. Может, видел там самого Варека. И они заключили сделку. Он сказал Вареку, где я. Варек послал Веру меня убить.

Когда прошло достаточно много времени, Ахмед вернулся посмотреть, выполнена ли работа. Должно быть, он очень удивился, увидев, что я жив.

И вот он рассказал мне, как встретился с Коно. Но зачем? Рассказ, если на то пошло, прозвучал неубедительно. Вся эта история о том, как он гипнозом завладел вниманием Коно. И о том, что Коно отведет меня к Вареку.

Однако он рассказал мне эту историю с определенной целью. Ахмед мастер будь здоров преследовать цели. Должно быть, и револьвер он мне сунул с определенной целью.

Я пытался представить себе, с какой именно, пока мы с ревом ехали вдоль озера Мичиган. Я видел, как впереди сверкает подсвеченный шпиль здания, выстроенного на жевательной резинке. Еще минута, и я буду на месте.

Как там сказал Варек? Что-то по поводу того, что не станет утруждать себя, убивая меня, потому что это сделает за него закон.

И вот теперь я подъезжал к Ригли-билдинг с револьвером в кармане. Вооруженный убийца.

Теперь я знал, что мне высматривать. Не такси Ахмеда — он, я был теперь уверен, вообще не объявится. Я высматривал черную патрульную машину.

Я не увижу в фойе Коно с белой гвоздикой в петлице, готового отправиться вместе со мной в укромную гавань Варека. Я, скорее всего, увижу там парочку крепких парней, которые держат руки в карманах пальто. Делегацию встречающих из ближайшего полицейского участка.

Мы начали притормаживать у края тротуара, и я выставил себе высший балл. Прав на все сто процентов. Там были и патрульная машина, и крепкие парни. Они терпеливо ждали, пока кто-нибудь появится. Насколько я успел узнать Ахмеда, он снабдил их подробнейшим описанием.

Мы приближались, замедляя ход.

— Приехали... — начал водитель.

— Нет, — быстро произнес я. — Обратно на Восточную Брент-стрит, дом сорок три. И побыстрее. Забыл, что у меня назначена встреча.

И мы поехали дальше, миновав мост. Никто не обратил на нас внимания. Никто не стал преследовать. Я всю дорогу держал руку на рукоятке пистолета. Боялся, понимаете ли, его потерять.

Он ведь принадлежал Большому Ахмеду, и я хотел быть уверенным, что сумею вернуть его хозяину.

В доме было темно, но в нем все время было темно. Я велел таксисту остановиться на углу, потому что ничего

не имел против того, чтобы пройтись пешком. На самом деле я этого хотел. Хотел так сильно, что даже обошел дом сзади, и, заметьте, обошел по большому кругу. Мне это было нисколько не трудно. Нетрудно было и влезть в дом через окно спальни первого этажа.

Я действовал спокойно. Очень спокойно. Это было сосредоточенное спокойствие, похожее на ровно кипящий котел. На поверхности лопались время от времени пузыри мыслей, что я сделаю с Ахмедом, когда до него доберусь.

Так он, значит, не похож на вкрадчивого обманщика, да? Что ж, он быстро обвел меня вокруг пальца. А продал меня еще быстрее.

Я приземлился на пол спальни и поковылял наружу, в прихожую. Никакой уборщицы по дороге не попалось, и теперь я знал наверняка, что ее никогда и не было. Ахмед запер меня, чтобы удержать до появления Веры Лаваль или того, кого пришлет Варек.

Ахмед и Варек, отличная команда. Может, Ахмед как раз тот парень, которого искал Варек, чтобы рекламировать публике свой товар?

Конечно, он не будет выглядеть так представительно после того, как я с ним разберусь...

Я на цыпочках прошел через прихожую, заглянул в библиотеку. Было темно. Во всем доме было темно. Я остановился, прислушиваясь. Прошел долгий миг, и я убедился в справедливости своей догадки. Я был здесь один. Ахмед уехал в такси, но еще не вернулся.

Я дошел до лестницы, ведущей наверх, к спальне и остальным комнатам второго этажа. Однако был еще один лестничный пролет, ведущий вниз. Я решил заглянуть туда. Любопытство, как известно, кошку убило, но только сейчас кошка была с пушкой тридцать восьмого калибра.

Подвал оказался просторным и пыльным. Старомодный радиатор, обычное корыто для стирки, угольный бункер, чулан. Я открыл дверь и осмотрел привычный набор пыльных пустых банок в свете голой лампочки, свисающей с потолка маленькой каморки.

В чулане не оказалось ничего интересного. И у меня замерзли ноги.

Я замерз!

Стоя в пустом чулане в теплую майскую ночь, я замерз. Замерз до дрожи!

Порыв сквозняка дернул меня за штанины. Я посмотрел вниз.

Посреди чулана в полу была круглая металлическая крышка. Я наклонился, потрогал ее. Чугун был холоден, как сам лед. Я взялся за кольцо, поднял крышку. Заглянул в темноту.

Затем я отошел, прошелся по подвалу и нашел то, что *хотел и ожидал найти, — неизбежный фонарик.*

Вернулся в чулан и направил вниз луч света. Он выхватил железные перекладины лестницы. Я зажал фонарик в одной руке, пистолет в другой, оставив свободными несколько пальцев каждой, чтобы цепляться за перекладины, спускаясь.

Я спустился в пронизывающий холод, в изморозь обширного черного холодильника. Я спускался все ниже и ниже. Наконец ноги опустились на осклизлые сырые камни. Я водил фонариком, пока тот не высветил стену. В конце концов я нашел на стене выключатель. Нажал на него. Зажегся свет, и я увидел все.

Я стоял посреди лаборатории Варека.

Варек—Ахмед. Ахмед—Варек.

Вот теперь все стало ясно.

Загорались все новые и новые лампы.

Они загорелись в небольшой комнате с большими шкафами, полными папок. В ту ночь я выдвинул немало ящиков — ящиков с сертификатами, визами, письменными показаниями, фальшивыми удостоверениями, дипломами (разве Варек не сумел убедить начальника тюрьмы, что он кузен Конo?) и прочей ерундой, накопившейся за столетия надувательства и маскировки. Тонны, горы бумаг. Пыль стояла столбом.

Загорались все новые лампы. Я обнаружил длинный шкаф с гардеробом Ахмеда, с одеждой спортсмена, поношенной одеждой рабочего, дополненной к тому же помятой жестяной коробкой для ланча с инициалами на крышке. Здесь же был наряд Варека, богача и светского человека, и коробка, в которой оказались бриллианты и прочие драгоценности, которые напомнили мне о бедняжке Вере Лаваль.

Потом была еще одна комната с новыми папками. Письма и вырезки из газет. Объявления из десяти тысяч колонок

«Ищу работу» на нескольких десятках языков. Заметки из рубрики «Внимание, розыск». Письма от одиноких людей. И еще письма, письма, письма — письма от тех, кто позже пропал без вести. Тех, кто отозвался на объявление Варека о поиске жены, мужа, работника. Я представил себе, как он сидит здесь год за годом, рассылая свои письма, изучая буклеты, набирая себе армию мертвецов. Набирая из тех, кого не станут искать, о чьем исчезновении некому будет беспокоиться.

В других комнатах тоже загорелись огни. Большая операционная с гигантским автоклавом, в высшей степени современная, полностью оборудованная. Я задумался, как он сумел все здесь устроить, а потом вспомнил о мертвецах, неутомимых мертвецах, которые стараются, напрягаются, рабски трудятся день и ночь.

За современной хирургией таился средневековый кошмар.

В круглой, похожей на темницу комнате главное место занимал громадный стол, на котором покоились перегонные кубы и реторты древнего алхимика. Мензурка, наполненная красно-коричневой, запекшейся сверху жидкостью. На полках травы и порошки, сушеные корешки в бутылках, огромные банки с обезьянками, плавающими в какой-то мерзкой жиже, и с чем-то еще, что походило на обезьянок, но не было ими. Запас мела и пороха. Громадный круг, начерченный на полу, со знаками зодиака, нарисованными синей краской. Банка с горючим порошком — его использовали, чтобы создать, согласно учению чародеев, внутри пентаграммы огненный круг. И на железном столе — железная книга, гримуар мага.

Чародейство и наука! Хирургия и сатанизм! Вот это связь, вот это сочетание! «Магия породила науку» — так говорил Варек. Его первые алхимические эксперименты привели его к нынешним исследованиям, дали возможность усовершенствовать метод оживления покойников.

Однако все это никак не объясняло его собственной вечной жизни, вечной молодости, которой он похвалялся. Подобное требовало продажи своей души, после того как все огни зажжены и Творец Зла вызван.

Эти комнаты, залитые светом комнаты давали панораму жизни Варека во всей ее полноте. Все было здесь, и я за-

думался: что, если он говорил мне правду? Вдруг в каждом крупном городе, скрытая от глаз под каким-нибудь частным домом или фабрикой, под многоквартирным домом, существует копия этой лаборатории? Как он там сказал? Что-то вроде «стратегического запаса мертвецов», кажется, так.

«Стратегический запас мертвецов». Но где же тогда сами мертвецы?

Была и еще одна комната, за кабинетом алхимика. Я вошел в нее, и меня пробрал мороз. Это был он. Гигантский холодильник. Где обычно хранят замороженное мясо.

Замороженное мясо...

Они лежали на столах, как в морге, но не были прикрыты простынями. Я видел их всех, видел их напряженные лица. Мужчины, женщины, дети, молодые, старые, богатые, бедные — какую категорию ни назови, представители всех были здесь. *Толпа, сотня* или даже больше. Безмолвные, но не спящие, вялые, но не неподвижные. Они лежали, дожидаясь, словно игрушки, которые скоро заведет чья-то ловкая рука и заставит двигаться.

В помещении было холодно, но одного холода было бы недостаточно, чтобы заставить меня дрожать. Я бродил по рядам мертвецов, вглядываясь в лица, обращенные ко мне. Не знаю, что я хотел найти. Никто из них не показался мне знакомым, за исключением разве что одной блондинки, напомнившей мне кого-то, с кем я где-то встречался прежде.

А потом я внезапно понял, что нужно делать. Там, за дверью, есть огонь, и он годится не только для того, чтобы вызывать демонов. Его можно применить и для того, чтобы отправить их в забвение.

Я вышел в соседнюю комнату и взял коробку с порохом, которым чертили огненные узоры на полу. Круг огня, как говорят, защищает от демонов, после того как их вызовешь.

Я снял крышку и принялся рассыпать порох по комнате. Я действовал быстро, но недостаточно быстро.

Потому что, когда я поднял голову, кто-то стоял в дверях. Постоял там всего мгновение, после чего двинулся ко мне.

Это был Коно.

Он не говорил ничего, и я ничего не говорил. Он наступал, а я отодвигался. Холодные руки вытянулись; я уже

ощущал раньше их хватку. Тик по-прежнему кривил его лицо, и я знал, что он так и будет его кривить, не важно, сколько пуль я выпущу в тело.

Потому что мертвые не умирают.

Потому что это конец.

Потому что он надвигался на меня, словно демон.

Но демонов можно держать на расстоянии с помощью огня.

Я вынул пистолет и спустил курок. Но целился я не в Коно, я целился в порох на полу.

Круг пламени вспыхнул, огонь взметнулся Коно почти в самое лицо. Он остановился. Мертвый ты или живой, огонь уничтожает любую плоть. И он не сможет пройти. До тех пор, пока полыхает огонь.

Вопрос в том, сколько он будет полыхать. Как скоро прогорит порох? Десять минут, пять, две? Сколько бы ни было, столько мне и осталось жить, не дольше, если только я не сумею с ним договориться.

И тогда я заговорил. Рассказал ему о том, что, как мне казалось, он поймет. О том, что Варек оказался Большим Ахмедом, он скрывался в цирке, вынашивая свои планы. О том, как он увидел Коно и решил сделать его своим солдатом, подстроил убийство, загипнотизировал Луи и велел ему дать наркотик Коно и убить Фло.

Я рассказал ему о том, кто такой Варек, в чем состоит его план, что он сделает с Коно, со мной, с целым миром, если его не остановить, и не остановить как можно скорее. Я рассказал ему о магии и науке, о телах, которые дожидаются своего часа под каждым крупным городом.

Огонь начал мерцать, бледнеть, умирать. Я заговорил громче, быстрее.

Но это ни к чему не привело.

Все равно что говорить с каменной стеной.

Все равно что говорить с мертвецом.

Ощущая болезненную тошноту, я понял, что однажды это уже было. Я уже пытался, пытался объяснить Коно, что я его друг, пытался достучаться до его сердца, до его души. Но у мертвецов нет сердца. Варек — вот его сердце. А я не знал ничего, что было способно затронуть его душу. Ничего, что было ему дорого, что он любил. Ничего, за исключением Фло!

И тогда я вспомнил, вспомнил соседнюю комнату и блондинку на столе. Миниатюрную блондинку со знакомым лицом — Фло!

— Коно, — сказал я, — выслушай меня. Ты должен меня выслушать. Она тоже здесь. Ты этого не знал, верно? Он тебе не сказал. Он такой жадный, он хочет получить всех. Он забрал не только твое тело, но и тело Фло. Она в соседней комнате, Коно. Он отрезал ей голову, вставил проклятые провода и железо, и теперь по его желанию она будет вечно ходить по земле!

Он был слеп. Слеп и глух. Пламя догорело, он двинулся ко мне, схватил меня своими ручищами. Я ждал, что сейчас его пальцы сомкнутся, отнимая у меня жизнь. Но он просто держал меня, держал и брел по золе в соседнюю комнату.

— Покажи мне где, — сказал он, и тик ужасно исказил его лицо.

Я показал. Показал на лицо, которое запомнил по фотографии, которую он мне показывал в тюрьме.

Коно увидел ее. Он выпустил меня и схватился руками за голову. Он стоял, глядя на нее, он все глядел и глядел, даже когда Варек вошел в комнату.

Вот как это случилось. В один миг мы были вдвоем, а в следующий миг он уже был здесь, маленькая серая тень, молчаливая и неприметная.

Никаких эмоций, никакого удивления, никакого напряжения.

Только мягкий, спокойный голос, который приказал:

— Убей его, Коно.

Таким тоном он мог бы попросить у великана закурить.

Однако, когда я взглянул на Варека — уставился на этого маленького человечка средних лет с тонкими, словно бумажными, губами, — я увидел многое.

Увидел пошлого шарлатана с ярмарки, который обратился в испанского цыгана, который обратился в польского графа, который обратился в плантатора с Гаити, который обратился в лондонского стряпчего, который стал полинезийским торговцем, который стал спекулянтом из Талсы, который стал врачом из Каира, который стал охотником вместе с Джимом Бриджером, который стал дипломатом из

Австралии, который стал... Они все сменяли и сменяли друг друга, сотни воплощений и сотни жизней, и все они были злыми-презлыми.

Он противостоял нам всем своим злом, злом сотен, даже тысяч людей, сосредоточенно, но совершенно спокойно. И он снова повторил Коно тем же голосом, которому было невозможно сопротивляться, потому что это был голос хозяина, голос жизни, правящей смертью:

— Убей его, Коно.

Коно потянулся ко мне, я ощутил на себе его руки, пальцы держали меня за горло. Он был робот, автомат, он не мог противиться, он был зомби, вампир, все злобные легенды, воплощенный страх в образе восставшего мертвеца, мертвого, который не умирает.

Коно вынудил меня отпрянуть. И Варек, в серых глазах которого отражалось что-то похожее на экстаз, подошел ближе, дожидаясь, когда Коно меня прикончит.

Именно этого и добивался Коно.

Потому что, когда Варек оказался рядом, Коно двинулся. Только что он держал меня, но вот я уже свободен, а его громадные ручищи потянулись, чтобы схватить Варека.

Маленький серый человечек взмыл в воздух, пронзительно визжа. Коно сдавил его — послышался такой звук, словно кто-то наступил на тонкую доску, — и спустя миг тело Варека корчилось и извивалось на полу, словно змея, со сломанным хребтом.

Потом Коно помог мне рассыпать порох. Были еще и химические реактивы — достаточно, чтобы устроить приличный пожар.

— Идем, — сказал я. — Пора убираться отсюда.

— Я остаюсь, — сказал он. — Я принадлежу этому месту.

Мне нечего было возразить. Я развернулся.

— А вот тебе пора, — сказал мне Коно. — Оставь мне револьвер, чтобы я мог поджечь порох. У тебя пять минут, чтобы убраться отсюда.

Тварь на полу издавала какие-то звуки. Мы не обращали на них никакого внимания.

— Да, вот еще что, — сказал Коно. — Хочу, чтобы знал, наверное, тогда тебе будет легче. Я насчет бармена. Ты его

не убивал. Ты его ударил бутылкой, но удар его не убил. Его убил Варек, когда его перенесли в заднюю комнату, чтобы осмотреть рану. Однако он собирался повесить обвинение на тебя. Я узнал об этом в погребальной конторе.

— Спасибо, — сказал я.

— Вот теперь иди, — сказал Коно.

И я ушел. Я прошел через все комнаты, не оглядываясь назад. Я выбрался по лестнице обратно в подвал. Когда я был уже наверху, до меня донесся приглушенный звук выстрела откуда-то снизу, издалека.

Задолго до того, как появилось пламя, я уже вышел из дому и двигался к Лупу.

На следующее утро я прочитал о том, что дом выгорел дотла, и это был конец.

Однако история эта никогда не закончится.

Я постоянно думаю об этих «стратегических запасах мертвецов» в других городах. Я постоянно спрашиваю себя, отключились ли все ходячие мертвецы в ту ночь, или же они бродят где-нибудь до сих пор. Точно так как Коно, Вера и сам Варек рассказывали мне: «Если бы ты только знал, сколько их...»

Вот что меня особенно пугает.

Вот почему, куда бы я теперь ни шел, я боюсь женщин с высокими воротниками и колье. Боюсь мужчин в свитерах под горло или хотя бы в воротничках-стойках. Я думаю о багровых шрамах под шарфами.

И еще я задаюсь вопросом. Я спрашиваю себя, когда кто-нибудь или что-нибудь снова влетит ко мне в окно? Я спрашиваю себя, что там бродит в ночи и выжидает момент, чтобы утащить меня вниз?

Я пытаюсь понять, как я, или вы, или кто-нибудь другой может определить, занимаясь самыми обычными повседневными делами, кто из нас живой, а кто мертвый. Потому что, насколько нам теперь известно, они запросто могут оказаться рядом с нами. Ведь мертвые не умирают!

КИМ НЬЮМАН

Профессия Патриции

Я всегда ждал, что Ким Ньюман однажды создаст что-нибудь совершенно необычное, и вот он, выходящий за все привычные рамки рассказ о зомби, написанный автором таких романов, как «Ночной мэр» («The Night Mayor»), «Плохие сны» («Bad Dreams»), «Яго» («Jago»), «Год Дракулы» («Anno Dracula»), «Кворум» («The Quorum»). Ньюман (совместно с Полом Макоули) является составителем антологии «Во снах» («In Dreams»), автором ряда нефантастических произведений и сборника рассказов «Изначальный доктор Шейд и другие рассказы» («The Original Dr Shade and Other Stories»); его перу также принадлежит несколько произведений, которые сам он называет «новеллы с сексом и насилием для молодежи», написанных под псевдонимом Джек Йовил.

Идея рассказа «Профессия Патриции» пришла к нему однажды вечером, когда он услышал, как какая-то женщина интересуется, как ей позвонить в компанию, занимавшуюся доставкой поцелуеграмм. Он набросал черновик рассказа за два часа, а потом семь месяцев потратил на то, чтобы придумать ему название.

«Изначально рассказ назывался как-то вроде „Отдать слишком много", — рассказывал он, — потом я едва не назвал его „Работающая девушка", что позже стало названием фильма. Для рассказа на пять страниц он оказался странно притягательным для киношников. Режиссер Лоуренс С. Постма (кажется, более всего известный по документальному фильму „Дэвид Кроненберг: Да здравствует новая плоть!") действительно превратил его в кино на четыре минуты, названное „С днем рождения", для сериала, идущего по каналу 4 TV. Хотя эпизод так и не показали „из соображений политкорректности", Патриция промелькнула в фильме Четвертого канала „Полуночные перемены" („Midnight Breaks").

Случилось так, что Лоуренс оказался в кофейне на Олд-Комптон-стрит в Сохо после того, как узнал, что не сможет получить права на рассказ Филипа Кей Дика, из которого он хотел сделать фильм, даже при условии, что у него уже есть готовая съемочная группа и свободное время. Он

случайно услышал наш разговор с Лизой Таттл и, догадавшись, что мы — люди пишущие, спросил, нет ли у нас каких идей, после чего Лиза предложила ему мой, на тот момент только что опубликованный рассказ. Впоследствии, переговорив кое с кем в лондонском клубе „Троя", я продал права на фильм британскому продюсеру и с тех пор ничего о нем не слышал.

Продолжение, „Поиски Патриции", вышло в „Arrows of Eros", и в будущем я оставляю за собой право на написание „Пристрастий Патриции".

Когда прозвучал звонок, Патриция развлекалась последним выпуском «Последней фантазии». Она была подписана на «Сто двадцать дней Содома», однако с тех пор, как Дисней перестал выпускать про де Сада и был вынужден вернуться к своей собственной ограниченной психопатологии, серия здорово испортилась. После нескольких минут игры в реальном времени она заметила, что этот самый сто четвертый день был просто-напросто одним из первых пятидесяти, только со сменой половой принадлежности героев на противоположную, — все, большой привет. В видеовход ворвался Коулин.

— Пэтти, — сказал он. — Жми на «PRINT».

Коулин исчез с экрана раньше, чем она успела понять, был ли он собственной персоной или же в виде почтовой симуляции. Принтер отрыгнул несколько лаконичных строк.

ДЖЕЙ ДИАБОРН, ПОМЕСТЬЕ ДИАБОРНОВ, УБИЙСТВО НА ДВАДЦАТЬ ОДИН РОВНО, СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ.

На экране появилась метка. У Фирмы имелся четырехсекундный фрагмент местного вызова: этот Диаборн был холеный, дорогостоящий моложавый человек. Одетый в рубашку без воротника, в тонкую полоску. Он беззвучно повторял какую-то фразу. Что-то по поводу скул, насколько смогла прочесть по губам Патриция.

Она переключилась на «зеленый» экран и быстро просмотрела досье на Диаборна. Администратор в корпорации

«Скинтон», второй по величине невиртуальный дом. Женат, европеоидной расы. Не освобожден от отцовства. Ничего криминального во взрослом возрасте. Живой. Платежеспособный.

Коулин вернулся в режиме реального времени:

— Наш заказчик Филип Рэгг. Тоже из среднего управляющего звена «Скинтона». Он нас любит. Уже пользовался нашими услугами раньше.

— А почему он хочет убить Диаборна?

— Проявляешь любопытство? — Коулин улыбнулся. — Это на тебя не похоже. Наверное, этот день рождения какой-то особенный.

День рождения Патриции был в августе. Когда она была маленькой, родители всегда увозили ее на каникулы в их коттедж в Португалии. Она благополучно увиливала от этого дела до двенадцати лет. А в тот год отцовская работа стала уже не нужна, и коттедж пришлось выставить на торги. В ее день рождения другие дети пришли на чай к Патриции домой и убили ее.

Коулин растворился, и на экране всплыла идущая в эфире программа. Патриция редко смотрела что-нибудь в режиме реального времени. Какой-то муж-домохозяйка из Лутона предположил, что Сиэтл, штат Вашингтон, является столицей Соединенных Штатов. Заплечных Дел Мастер усмехнулся, и его блистательный помощник сунул свои клещи в раскаленные угли.

— Неправильно,— пропел человек в светящемся смокинге,— боюсь, что это Портленд, штат Орегон. Вы в критическом положении, дорогой мой! Впереди еще три вопроса, а у вас осталось всего два пальца на ногах, так что отвечайте правильно на следующий вопрос. Кто в момент создания данной записи является вице-президентом Конфедеративных Штатов Америки?

Патриция отключилась. Было без двадцати семь. Хорд скоро будет здесь. Она надела свою форму. Черные сетчатые колготки, черная кружевная комбинация, черные перчатки до самых подмышек, с когтями, черный галстук-бабочка. Ей пришлось повозиться, надевая белую кобуру через плечо, после чего она накинула на плечи приятно тяжелое белое непромокаемое пальто. Нацепила черный берет на причесан-

ные на манер Вероники Лейк волосы. Набелила лицо и накрасила черным глаза и губы. Превосходно.

Она хлопнула ладонью по столешнице, открывая потайной шкафчик. Достала «пушку» и разобрала. Что-то вроде не в порядке с прицелом, но сама она не смогла определить, что именно. Она вставила хорошо смазанный магазин и снова собрала машинку. Загнала в магазин новые пули и сунула оружие в кобуру.

Эта штука могла стрелять со скоростью сто семьдесят выстрелов в секунду. На такой скорости пули оставляли дыры одиннадцать дюймов диаметром. В колледже инструктор Фирмы демонстрировала им, на что это похоже. Она превратила коровью тушу в образчик абстракционистского искусства, этюд из крови и кишок. Патриция не любила обращать оружие в подобие поливочного шланга, поэтому обычно устанавливала скорость стрельбы на удобные для себя двадцать пять в секунду.

С улицы ей посигналила машина. Патриция заперла квартиру, миновала КПП в фойе и шагнула на дымящуюся мостовую. Если она замешкается на несколько минут, желтый туман, клубящийся по земле, проест дыры в ее незащищенных лодыжках. Гарри Хорд, прекрасно чувствующий себя в дополнительно защищенных шоферских крагах и маске Одинокого Рейнджера, распахнул перед ней дверцу «олдсмобиля». Она скользнула на широкое, как диван, заднее сиденье. «Олдс» заворчал. Хорд сел за руль.

Мощная квадратная черная машина была лишь недавно переоборудована. Хорд сам сделал всю работу и явно гордился этим. Когда они остановились на станции «Гордон», чтобы заправиться, он указал на почти незаметные шрамы на капоте и подножках. В остальном по внешнему виду машины было невозможно определить, что стоивший целое состояние бензиновый двигатель был заменен последней моделью двигателя, работающего на свинцовой руде.

Патриция была возбуждена и нетерпелива. Так всегда бывало перед убийством. Она дважды ходила в туалет с тех пор, как позвонил Коулин, однако все равно ощущала спазмы внизу живота. Некоторые девушки глотали таблетки, но она должна была и хотела сохранять холодное, ничем не искаженное восприятие.

Разумеется, после случая с Рашель таблеток глотали меньше. У девицы тогда здорово поехала крыша, она повальсировала по конторе своей мишени, напевая «Бумажную луну», после чего вышибла клиенту все мозги. К тому времени, когда прибыла терминальная полиция, она переключилась на «Звездную пыль». Фирма лишилась своей репутации стопроцентно эффективного исполнителя.

Патриция слышала, как Хорд и еще несколько человек из резервного персонала называли ту бойню, устроенную Рашель, «вся королевская конница, вся королевская рать». Легкомысленность раздражала Патрицию. Убийство людей может показаться легкой работой, однако относиться к ней надо серьезно. И случай с Рашелью как нельзя лучше это доказывал.

Поместье Диаборнов располагалось в Зеленом Поясе. У них было много времени в запасе, поэтому она предложила Хорду запрограммировать маршрут в объезд вечно бездельничающего центра. Дерьмовый Город — так называли его претендовавшие на территорию кредиторы. Стальные ангары Ниссена, покрытые жуткими, насмешливо-ободряющими росписями. Сплошные наркотики. Бластерные банды из гетто. В последнее время сюда хлынул настоящий поток документалистов, однако, проведя шесть лет в Дерьмовом Городе, Патриция никак не могла восхищаться здешней нищенской порнографией.

Очевидно, жена Диаборна была дома по случаю убийства. При въезде в поместье терминал в форме кобры заполз в «олдс» и завис над коленом Патриции. ПРИВЕТ! УДОСТОВЕРЕНИЯ ЛИЧНОСТИ? Она прижала к экрану пальцы для снятия отпечатков и ввела логотип Фирмы. ЦЕЛЬ ВИЗИТА? Она напечатала УБИЙСТВО раньше, чем заметила, что необходимости в ответе уже нет, потому что Джиллиан Диаборн отменила этот пункт. ПРИЯТНОГО ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНИЯ.

Потрескивающие электроды на гравиевой подъездной дорожке быстро вышли из строя, когда по ним прокатился «олдс». Здесь были и другие машины, приземистые и элегантные, выстроившиеся в ряд перед домом. Над посадочной площадкой на крыше парил небольшой дирижабль, легонько подергиваясь на своих швартовах. Дом, в викторианском сти-

ле, но переделанный под ранний каролингский, был освещен рядами старомодных дискотечных ламп.

У Диаборна была вечеринка по случаю дня рождения, с живой музыкой. Патриция узнала популярную песенку «Брошусь с моста». Балладу исполнял небольшой свинговый ансамбль, незнакомая, какая-то небрежная аранжировка. Девушка мурлыкала вполголоса слова в быстром джазовом темпе:

— Когда в этой грязной канаве
Жизнь моя станет пуста,
Я встану с коленей,
Дойду до угла
И брошусь вниз с моста...

Патриция оставила Хорда в «олдсе» и с независимым видом прошла через лужайку. Несколько отбившихся от общего стада гостей в дизайнерских лохмотьях заметили ее. Она ненавидела этот «депрессивный шик». Основная часть гостей была за домом, между его раскинувшимися буквой «L» крыльями и шлаковым бассейном. Патриция старалась держаться непринужденно среди богачей.

Человек с украшенным перьями ирокезом, отличным образчиком «нового консерватизма», сунул руку под ее непромокаемое пальто. Она распорола ему лоб когтем со снотворным. Он завалился на стол, между лебедиными отбивными и кокаиновым бланманже. Будет потом рассказывать другим «молодым ротарианам», что получил второе место за дуэль.

И можно пропасть в мясорубке,
В Испании выпить воды,
Запереться от всех в душегубке,
Первый приз получив за труды...

Диаборн был легкой мишенью. Он держал надутый гелием шарик с надписью ИМЕНИННИК, был здорово пьян, но на ногах держался. Пухлый, франтоватого вида мужчина и элегантная женщина с изуродованным по последней моде лицом поддерживали Диаборна с обеих сторон. Рэгг и Джиллиан? Они заметили, что она приближается, и подтвердили ее догадку об их личностях, быстро убравшись с линии огня.

Оставшаяся без поддержки мишень качнулась вперед, оказавшись под индивидуальным прожектором. Никаких случайных невинных жертв с дырками в черепе. Великолепно.

Но если подступит безумье,
Застынет крик на устах,
Я выйду оттуда,
Подпрыгну повыше,
Чтоб броситься вниз с моста...

Патриция потянулась голой рукой за «пушкой». Пальто соскользнуло с плеч. Раздалось несколько завываний вервольфов. Она протанцевала по лужайке, подбираясь ближе, чтобы компенсировать коротким расстоянием возможно сбившийся прицел. Она проделала несколько простейших па в духе золотодобытчиков и встала в позицию Иствуда: ноги расставлены, вес равномерно распределен, левая рука под правым запястьем, локти чуть согнуты, чтобы смягчить отдачу.

Главный в ансамбле, удивившись, но быстро уловив суть происходящего, продирижировал переход к «С днем рожденья тебя». Певица тотчас же подхватила и повела за собой хор из самых трезвых гостей.

Мишень озиралась вокруг, выкрикивая:

— Фил? Ты что...

Шарик улетел.

Она отстрелила ему левую коленную чашечку. Он пошатнулся на сторону, споткнулся о пустую вазу, но не упал. Она повысила скорость стрельбы и разнесла в клочки правую руку Диаборна. Его кисть отвалилась. Многие гости смеялись. Она подошла ближе и в вольной манере выпустила финальную очередь ему в торс. Мельком увидела задымившиеся внутренности. Он совершил неуклюжий пируэт и с удовлетворенным плеском свалился в бассейн. По поверхности пошла алая рябь. Ей устроили овацию. Патриция раскланялась.

К тому времени, когда она уже надела свое пальто, появилась бригада воскресителей. Специалист по мертвецам продергивал через тело живую нить. Знакомая медсестра Патриции ставила галочки в списке необходимых восстановительных процедур. Большинство искусственно выращенных органов и костей на оссиплексе имеется прямо в сани-

тарной карете Фирмы. Распорядитель уверял Джиллиан Диаборн, что ее муж будет на ногах к утру, и совал ей в руку медицинские и юридические документы.

— Отличная работа, девочка! — Рэгг обнял и расцеловал ее. Даже для постоянного клиента это было чересчур. — Когда Джей увидит себя на записи, он помрет еще раз!

Он сунул ей в декольте тысячную банкноту. Недурные чаевые. Еще он дал ей сотню в валюте Сейнсбери для Хорда. Ее приглашали на празднование воскрешения, но она отказалась.

Усталая, она предоставила Хорду возвращаться в город кратчайшим маршрутом. Проезжая через Дерьмовый Город, она чистила оружие. Вспоминала свои собственные смерти и думала, выделяет ли еще Департамент здоровья и социального обеспечения средства на воскрешение частично занятых?

Она не получила такого роскошного ухода, какой будет обеспечен Диаборну. Все подростковые годы у нее были проблемы с позвоночником. У нее не было средств на приличное восстановление, пока она не начала работать на Фирму, доставляя убийствограммы.

В тот первый раз другие дети вытащили ее из дому и повесили на изогнутом лебедем фонаре. Ее праздничное платье порвалось, ноги были сильно искусаны карликами. Когда она болталась на веревке в свете закатного солнца, у нее в голове промелькнула последняя мысль: «Считается, что все это страшно весело».

ДЖО Р. ЛАНСДЕЙЛ

На дальнем краю пустыни Кадиллаков с мертвым народцем

Самое сладкое я приберег на десерт. Джо Р. Лансдейл хорошо известен благодаря своим эксцентричным опусам, но ни один из них не может сравниться с рассказом «На дальнем краю пустыни Кадиллаков с мертвым народцем», который в 1990 году был удостоен одновременно премии Брэма Стокера и Британской премии фэнтези.

Лучшие рассказы автора были опубликованы в «By Bizarre Hands», «Bestsellers Guaranteed» и «Stories By Mamma Lansdale's Youngest Boy», нельзя не упомянуть о его повестях: «Ночной курьер» («The Nightrunners»), «Автокинотеатр» («The Drive-In») и неизбежный «Автокинотеатр-2» («The Drive-In 2»).

Не так давно он написал историю про Бэтмена для взрослых («Captured By the Engines») и еще одну, для детей («Terror on the High Skies»), а «Cemetery Dance» выпустил ограниченный тираж первой повести Лансдейла «Акт любви» («Act of Love», 1981) с новым послесловием автора.

Возможно, конец света будет именно таким: не большой взрыв, а монахини-зомби...

1

После целого месяца погони Уэйн однажды вечером настиг Калхауна в маленьком невзрачном баре под названием «Розалита». Нельзя сказать, чтобы Калхаун в конце концов расслабился, но, по крайней мере, он не слишком тревожился. К тому времени он уже убил четверых охотников за головами, и Уэйн знал, что пятый вряд ли его беспокоит.

Последним из охотников была знаменитая Розовая Леди Макгайр — настоящая женщина — три сотни фунтов безобразно перекатывающегося мяса, с помповым «ремингтоном»

двенадцатого калибра и скверным характером. Ходили слухи, что Калхаун напал на нее сзади, перерезал горло, а потом в насмешку изнасиловал ее, пока жертва не скончалась от потери крови. Из чего Уэйн сделал вывод, что Калхаун не только опасный сукин сын, но еще и с дурным вкусом.

Уэйн вышел из своего «шевроле», копии модели пятьдесят седьмого года, надвинул на лоб шляпу, открыл багажник и достал двустволку и патроны к ней. У него в кобуре на боку уже имелся револьвер тридцать восьмого калибра и в каждом сапоге было спрятано по длинному охотничьему ножу, но, когда идешь в такое место, как «Розалита», предосторожность никогда не помешает.

Горсть патронов он ссыпал в нагрудный карман рубашки, застегнул клапан, взглянул на красно-голубую неоновую вывеску, гласившую: «„Розалита" — холодное пиво и танцы с мертвецами», обрел свой центр, как советуют дзен-буддисты, и вошел внутрь.

Уэйн держал ружье у ноги, а внутри было довольно темно, так что посетители, занятые разговорами, выпивкой и танцами, не обратили внимания ни на него, ни на его арсенал.

Коренастую фигуру Калхауна в черной шляпе он заметил сразу. Он был в загоне для танцев с мертвой обнаженной мексиканской девчонкой лет двенадцати. Одной рукой Калхаун крепко обнимал ее за талию, а другой тискал упругую заднищу, словно обминал подушку, прежде чем лечь спать. Обрубки рук мертвой девчонки безвольно болтались по обе стороны от тела Калхауна, а маленькие грудки прижимались к его широкой груди. Ее лицо в проволочном намордник периодически прижималось к его плечу, и слюна толстыми клейкими жгутами прилипала к рубашке, впитывалась и оставляла мокрые пятна.

Насколько было известно Уэйну, девчонка приходилась Калхауну то ли сестрой, то ли дочерью. Да, такое это было местечко. Одно из многих, которые расплодились сразу же, как только снадобье вырвалось из лаборатории и наполнило воздух бактериями, возвращавшими к жизни умерших, восстанавливающими их моторные функции и вызывающими непреодолимый голод к человеческой плоти.

Теперь, если помирала чья-то жена, дочь, сестра или мать и человек хотел заработать несколько баксов, он рассуждал

примерно так: «Черт, жаль, что так вышло с Бетти Сью, но она мертвее мертвого и теперь ни на что не годится, а с этими бактериями запросто может подняться из земли и доставить кучу неприятностей. Да и земля за домом твердая как камень, так что лучше заброшу-ка я ее остывшую задницу в багажник вместе с бензопилой и мотком колючей проволоки, пересеку границу и отдам Мясникам, пусть продадут в бар для танцев. Грустно, конечно, продавать кого-то из своих, но что ж делать, если так не повезло. Буду держаться подальше от этих баров, пока с костей не слезет все мясо и ее не выбросят на свалку. Не хотелось бы зайти куда-то выпить и увидеть, как она трясет своими мертвыми сиськами и таращит наивные глазенки на кого-нибудь из моих дружков с их двухдолларовыми девками».

В результате подобных размышлений в барах появлялись партнеры для танцев. В других районах страны танцорами могли быть дети или мужчины, но здесь в основном женщины. Мужчин использовали для охоты и стрельбы по мишеням.

Мясники принимали тела, обрубали руки, чтобы мертвецы не могли цепляться, просверливали челюсти и закрепляли проволочные намордники, чтобы они не могли кусаться, и к тому времени, когда бактерии начинали свою работу, продавали их в бары.

Хозяева заведений загоняли мертвецов в загоны из проволочной сетки и включали музыку, и за пять долларов любой мог войти и выбрать себе партнершу для танцев; хотя женщины стремились только схватить человека и укусить, намордники им мешали, а без рук они не могли даже вцепиться в клиента.

Если женщина нравилась посетителю, он мог заплатить еще некоторую сумму, и партнершу привязывали к койке в каком-нибудь закутке, и он мог залезть на нее и заняться своим делом. Не надо было ни уговаривать, ни покупать подарки, ни давать каких-либо обещаний. Просто спустил напряжение и пошел.

До тех пор пока в заведениях не скупились на средства от червей, пока мыли танцоров и не держали их так долго, что плоть отваливалась лохмотьями, клиенты слетались словно мухи на мед. Уэйн оглядел помещение, чтобы оценить, кто

сможет представлять угрозу, и понял, что вмешаться способен любой. Наиболее вероятной помехой казался вышибала — детина шести с лишним футов роста и весом двести с лишним фунтов.

Но делать нечего, надо покончить с этим делом, а проблемы придется решать по мере их возникновения. Он вошел в загон для танцев и, расталкивая других посетителей, направился прямо к цели.

Калхаун стоял к нему спиной, и музыка играла довольно громко, так что Уэйни не было смысла подкрадываться. Но Калхаун почувствовал его приближение и развернулся, держа наготове пушку тридцать восьмого калибра.

Уэйн отбил его руку дулом ружья. Револьвер выскользнул из пальцев, пролетел по полу и ударился в металлическое ограждение.

Но Калхаун не собирался сдаваться. Он развернул мертвую девчонку, поставив ее перед собой, вытащил из сапога мясницкий нож и с самым угрожающим видом выставил его перед собой.

Уэйн прострелил мертвой девчонке колено, и она, лишившись опоры, сползла на пол. Обрубок руки зацепился за нож Калхауна. Остальные клиенты побросали партнерш и, словно белки, стали выпрыгивать через проволочное ограждение.

Пока Калхаун пытался освободить клинок, Уэйн, шагнув вперед, врезал ему по голове дулом ружья. Калхаун рухнул на пол, а девчонка стала ползать вокруг, как будто искала выпавшую линзу.

Вышибала подскочил сзади к Уэйну, обхватил его под мышками и попытался провести двойной нельсон.

Уэйн саданул его ногой по лодыжке, а потом хорошенько придавил каблуком ступню в подъеме. Вышибала опустил руки. Уэйн развернулся, поддал ему коленом по яйцам, а прикладом ружья добавил по лицу.

Громила покатился на пол и, похоже, не торопился вставать.

Уэйн отметил про себя, что музыка ему нравится, и обернулся к поджидавшему партнеру.

К Калхауну.

Противник бросился вперед и ударил Уэйна головой в живот, повалив прямо на лежавшего вышибалу. Они оба по-

катились по полу, ружье вылетело из рук Уэйна, скользнуло по полу и стукнуло по голове девчонку. Та даже не заметила удара и продолжала ползать кругами, волоча за собой простреленную ногу, как будто пыталась сбросить кожу.

Остальные женщины, лишившись партнеров, разбрелись по загону. Мелодия сменилась. Уэйну это не понравилось. Слишком медленно. Он откусил Калхауну мочку уха.

Калхаун вскрикнул, и они сцепились на полу. Калхаун сумел обхватить руками шею Уэйна и попытался его задушить. Уэйн выплюнул откушенную мочку, подтянул ногу и достал из сапога нож. Хорошенько размахнувшись, он ударил Калхауна рукояткой в висок.

Калхаун разжал руки, осел, а потом повалился на него.

Уэйн выбрался из-под противника и несколько раз пнул того ногой по голове. Закончив, он убрал нож на место, подобрал пистолет и ружье, но мясницкий нож оставил на полу.

Одна из мертвых женщин попыталась его схватить, и он отбросил ее толчком кулака. Потом схватил Калхауна за ворот и поволок к выходу.

Снаружи к сетке приникли лица любопытствующих посетителей. Они получили бесплатное развлечение. Услужливый ковбой открыл дверцу, и толпа расступилась, позволив Уэйну пройти. Один из клиентов бросился вдогонку со словами «Мистер, вот его шляпа». Он бросил шляпу на лицо Калхауну, и она так и осталась у того на голове.

Во дворе бара профессиональный пьяница мочился на землю, стоя между двумя машинами.

— Твой приятель не слишком хорошо выглядит, — произнес он проходившему мимо Уэйну.

— Будет выглядеть еще хуже, когда я доставлю его в город Закона, — ответил Уэйну.

Он остановился у своего «шевви-57», опустошил пистолет Калхауна и отбросил его как можно дальше. А потом потратил несколько мгновений, чтобы пнуть Калхауна по ребрам и пояснице. Калхаун стонал, мычал, но так и не приходил в сознание.

Нога устала, и Уэйн, затащив Калхауна на пассажирское сиденье, пристегнул его наручниками к двери.

Затем он прошел к «импале-62» Калхауна, на которой красовались пластмассовые рога буйвола; именно они по-

могли ему вычислить Калхауна, поскольку машина стала слишком известной. Уэйн выбил боковое стекло со стороны водительского места, выстрелом из ружья сбив рога, потом вытащил пистолет и прострелил все колеса, помочился на водительскую дверцу и напоследок оставил вмятину ударом ноги.

К тому времени он слишком утомился, чтобы еще нагадить на заднее сиденье, так что несколько раз глубоко вздохнул, вернулся к своему «шевви» и сел за руль.

Уэйн перегнулся через Калхауна и достал из перчаточного ящичка одну из своих любимых тонких черных сигар. Сунув ее в рот, он нажал на прикуриватель и, ожидая, пока спираль нагреется, перезарядил лежащее на коленях ружье.

Из-за двери бара высунулись головы любопытных посетителей, и Уэйн, вставив дуло в окно, выстрелил поверх голов. Зеваки исчезли так быстро, что их можно было принять за зрительную галлюцинацию.

Уэйн поднес прикуриватель к сигаре, а потом взял с сиденья плакат с объявлением о розыске и поджег его тоже. Можно было ради смеха бросить горящую бумагу Калхауну на колени, но Уэйн сдержался. Просто выбросил ее в окошко.

Он подъехал к двери бара и оставшийся в ружье заряд использовал, чтобы расстрелять неоновую вывеску «Розалиты». Осколки стекла застучали по крыше и посыпались на засыпанную гравием дорожку.

Не хватало только бродячей собаки, чтобы как следует пнуть ее.

Он отъехал от бара, свернул в пустыню Кадиллаков и направился к городу Закона, расположенному на противоположном ее краю.

2

«Кадиллаки» тянулись на много миль, давая единственную защиту от палящего солнца пустыни. Машины были закопаны в песок под углом, почти по самые ветровые стекла, и Уэйн мог рассмотреть за окнами даже скелеты водите-

лей, оставшихся за рулем или упавших на приборную доску. Оружие с крыш и козырьков давно поснимали, и все окна в машинах были закрыты, кроме тех, что разбили случайные путешественники или мертвецы, рыскавшие в поисках добычи.

Стоило только представить, каково это — сидеть в машине с закрытыми окнами в такую погоду, как Уэйну стало не по себе. Жара стояла такая, что могли вспотеть даже скелеты. Он пустил струю на колесо «шевви» и смотрел, как влага испаряется, едва успев долететь до резины. Стряхнул капли на раскаленный песок. От них не осталось и следа. Застегивая штаны, Уэйн вспомнил, как до этого вытаскивал Калхауна, чтобы тот тоже отлил. У этого сукина сына на головке члена оказалось маленькое металлическое колечко с болтающейся на нем эмблемой Техаса. Уэйн сам был родом из тех мест и сразу узнал значок, но ни за что не смог бы догадаться, зачем парню понадобилось цеплять его на такое место. По его мнению, каждый идиот, который пропускал кольцо через свой пенис, заслуживал смерти, независимо от того, был он в чем-то виновен или нет.

Уэйн снял ковбойскую шляпу, вытер шею и провел рукой по голове. Оставшийся на пальцах пот был густым, как машинное масло, и поредевшие волосы прилипли к черепу — жара пронекала скальп, несмотря на фетровую шляпу.

Не успел он снова нахлобучить шляпу, как пальцы уже высохли. Он открыл затвор ружья, вынул патроны и положил их в карман, а оружие бросил на пол под заднее сиденье.

Сиденье обожгло зад и поясницу, словно он сел на горячую сковородку. Солнце светило сквозь тонированные стекла, будто полированный хромированный шар, и заставляло Уэйн щуриться.

Он повернул голову и осмотрел Калхауна. Подонок спал, запрокинув голову на спинку сиденья, и черная потертая шляпа едва держалась на лбу — вид у него был почти беспечный. Пот проступал на покрасневшей коже, стекал по бровям, по шее, ручейками падал на белый подголовник и тотчас испарялся. Левой рукой Калхаун все еще держался за яйца, а правая лежала на подлокотнике — дальше ее не пускал пристегнутый к ручке двери наручник.

Уэйн хотел выбить из мерзавца мозги и сказать Богу, что он умер. Негодяй заслуживал того, чтобы его застрелили, но Уэйн не хотел терять тысячу долларов обещанной награды. Ему потребуется каждый пенни, чтобы купить авторемонтную мастерскую, о которой он давно мечтал. Эта мастерская маячила перед ним, словно морковка перед осликом, и он больше не хотел откладывать. Уэйну очень хотелось никогда больше не возвращаться в эту чертову пустыню.

Поуп продаст ему мастерскую и за те деньги, что есть, а остальное можно было бы выплатить потом. Но это не нравилось Уэйну. Охота за людьми стала ему надоедать, и он мечтал заняться чем-нибудь другим. Этот бизнес уже не доставлял ему удовольствия. Вроде как стираешь плесень с лица земли. Но пока выслеживаешь этих подонков и даже после того, как наденешь на них наручники, приходится спать с открытыми глазами и не выпускать из рук оружие. Так жить невозможно.

А он хотел стать таким, как Поуп. Тот был ему вместо отца. Когда Уэйн был еще ребенком, а его мать, чтобы заработать денег, переправляла мексиканцев через границу, Поуп разрешал ему слоняться по двору, карабкаться на ржавые корпуса и смотреть, как он ремонтирует еще годные экземпляры, так что их двигатели начинали мурлыкать, словно удовлетворенные женщины.

Когда он немного подрос, Поуп брал его с собой в Галвестон, к шлюхам, а потом на побережье, где они стреляли по безобразным, перепачканным мазутом существам, плавающим в Мексиканском заливе. Иногда Поуп возил его в Оклахому, где они принимали участие в облавах на мертвецов. Было здорово лупить мертвых бродяг монтировкой и вышибать из них гнилые мозги, чтобы они успокоились навсегда. И это было рискованное занятие. «Потому что если кто-то из этих мертвых парней тебя укусит, можешь спрятать голову в колени и поцеловать на прощание свою задницу».

Уэйн вытряхнул из головы мысли о мастерской Поупа и повернул ручку стереосистемы. Раздался приглушенный голос его любимого певца в стиле кантри. Это был Билли Контигас, и Уэйн стал тихонько подпевать мелодии, придерживаясь желанной, хоть и малоэффективной тени, отбрасываемой «кадиллаками».

Моя малышка ушла,
Променяла меня на корову,
Но мне все равно,
Она набралась радиации,
Да, моя малышка ушла,
Променяла меня на корову с шестью сосками.

Как только Контигас перешел к самой лучшей части и выдал свою знаменитую горловую трель, Калхаун открыл глаза и заговорил:

— Мало того что я вынужден терпеть эту чертову жару, тут еще слушай твое мерзкое мычание и это дерьмо! Неужели нельзя поставить Хэнка Вильямса или хотя бы негритянскую музыку? Знаешь, когда играют одни негры и один поет так, словно ему отрезали яйца.

— Калхаун, ты не можешь оценить хорошую музыку, даже когда ее слышишь.

Калхаун запустил пальцы свободной руки за ленту на шляпе, достал одну из немногих оставшихся сигарет и спички. Спичку он зажег, чиркнув по колену, а когда прикурил, надолго закашлялся. Уэйн даже удивился, как он может курить на такой жаре.

— Что ж, может, я и не узнаю хорошую музыку, когда ее услышу, тупица, но зато всегда узнаю плохую. И это именно то, что я сейчас слышу.

— Ты ничего не понимаешь в искусстве, Калхаун. Только и умеешь, что трахать детей.

— Знаешь, у каждого человека должно быть хобби, — сказал Калхаун, пуская в сторону Уэйна клуб дыма. — Мое хобби — это маленькие киски. Кроме того, она уже вышла из пеленок. Такую молодую я так и не смог найти. Этой было тринадцать. Знаешь, как говорят: хороша для течки, хороша и для случки.

— А она была достаточно взрослой, чтобы ее убивать?

— А нечего ей было орать.

— Смени тему, Калхаун.

— Всему свое время, тупица. Лучше не расслабляйся, охотник за преступниками. Я снесу тебе башку, когда ты меньше всего будешь этого ожидать.

— Ты слишком часто открываешь свой грязный рот, Калхаун. Остаток пути можешь проделать в багажнике вместе

с муравьями. Ты не так много стоишь, чтобы я не решился выбить тебе мозги.

— Тебе просто повезло в том баре. Но всегда есть завтра, и завтра может быть не таким, как у «Розалиты».

Уэйн усмехнулся:

— Твоя беда в том, Калхаун, что у тебя нет никакого завтра.

3

Они ехали по пустыне Кадиллаков, и небо постепенно тускнело, словно перегоревшая лампочка, а Уэйни пытался представить себе, как проходила война между «шевроле» и «кадиллаком» и почему они выбрали эту злосчастную пустыню полем боя. Он слышал, что борьба была очень ожесточенной и упорной, но победа досталась «шевроле», и теперь в Детройте выпускали только эти машины. Уэйн был убежден, что это единственное преимущество города. Автомобили.

К остальным городам он относился ничуть не лучше. Уэйн скорее согласился бы лечь на землю и позволить бродячей собаке нагадить ему на голову, чем проехать через какой-нибудь город. Не говоря уж о том, чтобы там жить.

Город Закона был исключением. Туда он и направлялся. Но не для того, чтобы жить, а просто сдать Калхауна властям и получить обещанную награду. Жители этого городка всегда были рады видеть пойманного преступника. Публичные экзекуции отличались большим разнообразием, пользовались популярностью и приносили немалый доход.

В свой последний приезд в город Закона Уэйн купил билет в первый ряд на одну из экзекуций и смотрел, как магазинного вора-рецидивиста — рыжеволосого парня с крысиной физиономией — приковали между двух мощных тракторов и разорвали пополам. Сама процедура была довольно короткой, но ее сопровождали выступления клоунов с шариками и пышногрудой стриптизерши, которая в такт музыке крутила своими сиськами в разные стороны.

Но Уэйну представление не понравилось: все прошло как-то сумбурно, напитки и еда оказались слишком дороги-

ми, а первый ряд был слишком близко к тракторам. Да, он увидел, что внутренности рыжего парня еще ярче, чем его шевелюра, но капли крови попали на новую рубашку, не помогла и холодная вода, все равно остались пятна. Он предложил распорядителям поставить прозрачный пластиковый экран, чтобы зрители в первом ряду не рисковали своей одеждой, но сомневался, что к его пожеланиям прислушаются.

Они ехали, пока совсем не стемнело. Тогда Уэйн остановился, накормил Калхауна вяленым мясом и дал немного воды из своей фляги. А потом пристегнул наручниками к переднему бамперу своего «шевроле».

— Смотри, чтобы не подобрались змеи, ядозубы, скорпионы и прочая нечисть, — предупредил он. — Кричи громче. Может, я и успею подойти вовремя.

— Лучше я позволю гадам ползать по заднице, чем позову тебя на помощь, — ответил Калхаун.

Уэйн оставил Калхауна с бампером вместо подушки, а сам забрался на заднее сиденье и спал вполуха и вполглаза.

Перед рассветом он втащил Калхауна обратно в машину, и они тронулись в путь. Через несколько минут езды в предрассветном сумраке поднялся ветер. В пустыне нередко налетал такой странный ветер ниоткуда. Он гнал песок со скоростью пули, и по корпусу «шевви» как будто скреблись обезумевшие кошки.

Широкие шины зашуршали по песку, Уэйн включил дополнительный вентилятор, «дворники», передние фары и продолжал путь.

Вставшее из-за горизонта солнце осталось невидимым. Слишком много песка. Буря продолжалась еще сильнее, чем прежде, и «дворники» уже не справлялись с потоками песка. Уэйн не видел даже стоящих на обочине «кадиллаков».

Он уже решил остановиться, как впереди мелькнула огромная бесформенная тень; Уэйн ударил по тормозам, надеясь на специальные покрышки, созданные для пустыни, но их оказалось недостаточно.

«Шевви-57» развернулся на дороге и врезался во что-то бортом, у которого сидел Калхаун. Уэйн услышал его крик,

потом почувствовал, как его бросило на дверь, как голова ударилась о металл, и вместо окружающего полумрака он провалился в непроницаемую тьму.

4

Уэйн поднялся, едва вернулось сознание. Из неглубокой раны на голове текла кровь, заливая глаза. Он вытер ее рукавом.

Первое, что он увидел, — это лицо за стеклом с его стороны: землистое, рыхлое лицо, с выражением идиота, созерцающего текст на санскрите. На голове имелась странная черная шапка с большими круглыми ушами, а в центре лба, словно серебристая опухоль, блестела головка огромного болта. Струи песка секли лицо, оставляли на нем наносы, били по глазам и заставляли хлопать круглые уши шляпы. Незнакомец ни на что не обращал внимания. И Уэйн, несмотря на встряску, уже знал почему. Перед ним был один из мертвецов.

Уэйн оглянулся на Калхауна. Дверца с его стороны выгнулась внутрь, и покореженный металл перекусил цепочку наручников. Сам Калхаун от удара сместился на середину сиденья. Он поднял перед собой руку и уставился на остатки наручников с болтающейся цепочкой, как будто любовался серебряным браслетом и ниткой жемчуга.

Руки другого мертвеца быстро разгребли песчаные заносы на ветровом стекле. Этот тоже носил шляпу с круглыми ушами. Мертвец прижался уродливым лицом к очищенному стеклу и уставился на Калхауна. Изо рта на стекло вытекла струйка зеленой слюны.

Вскоре все стекла машины были освобождены от песка набежавшими мертвецами. Они смотрели на Уэйна и Калхауна, как на диковинных рыбок в аквариуме.

Уэйн взвел курок пистолета.

— А как же я? — спросил Калхаун. — Чем мне защищаться?

— Используй свое обаяние, — бросил Уэйн, и в этот момент, словно по сигналу, мертвые лица исчезли за окнами, оставив только одного на капоте — с бейсбольной битой в руке.

Мертвец ударил в стекло, и оно покрылось тысячами мелких искр. Последовал еще один удар, стекло взорвалось, и на Уэйна и Калхауна обрушились шквал осколков и песчаная буря.

Все мертвецы тотчас вернулись. Тот, кто держал биту, полез через окно внутрь, не обращая внимания на острые осколки, рвущие его одежду и тело, словно мокрый картон. Уэйн выстрелил ему в голову, и мертвец рухнул, придавив своим телом руку с пистолетом. Уэйн еще не успел освободить руку, как в дыру просунулась женская рука и схватила его за воротник. Остальные мертвецы бросились молотить по стеклам руками и ногами. Мертвые руки вцепились в тело Уэйна; они были сухими и прохладными, как кожаная обивка сидений. Через минуту его уже выдернули из-за руля и вытащили наружу. Песок прошелся по лицу словно металлической теркой. Он еще слышал, как орал Калхаун: «Жрите меня, подонки. Жрите, чтоб вы подавились!»

Они вытащили Уэйна из машины и бросили на капот. Со всех сторон склонились мертвые лица. Запах смерти ударил в ноздри. Он решил, что сейчас начнется пиршество. Единственным утешением служило то, что их очень много и от его тела ничего не останется, чтобы потом восстать из мертвых. Вероятно, они оставят мозги на десерт.

Но нет. Его подхватили и понесли. В следующее мгновение он вновь увидел тот силуэт, из-за которого так резко затормозил. Но теперь он разобрал еще и цвет. Это был желтый школьный автобус.

Дверь с шипением отворилась. Мертвецы забросили Уэйна плашмя на пол, и следом влетела его шляпа. Все отошли, и дверь снова закрылась, едва не прищемив ему ноги.

Уэйн поднял голову и увидел, что с водительского места на него с улыбкой смотрит мужчина. Не мертвец. Но очень толстый и безобразный на вид. В нем было не больше пяти футов роста, череп почти лысый, за исключением венчика волос вокруг блестящей макушки, а цвет точно как у дерьма, собирающегося ободком в глубине унитаза. Нос, длинный, темный, какой-то зловещий, казалось, вот-вот вывалится из лица, словно переспевший банан. В первый момент Уэйну показалось, что водитель одет в банный халат, но он быстро понял, что это монашеская ряса, хотя и на-

столько обветшавшая и потраченная молью, что сквозь дыры просвечивало бледное тело. От толстяка исходил запах, который можно было определить как смесь ароматов застарелого пота, сырных шариков и невытертой задницы.

— Рад тебя видеть, — произнес толстяк.

— Взаимно, — ответил Уэйн.

Из задней части автобуса послышались странные и непонятные звуки. Уэйн вытянул шею и выглянул из-за сиденья.

В середине прохода, на полпути к заднему ряду сидений, стояла монахиня. Или что-то вроде этого. Она стояла спиной к Уэйну и была одета в черно-белое монашеское облачение. Головной убор вполне отвечал традициям, но вот остальная часть одеяния сильно отличалась от общепринятых норм.Ряса была обрезана на уровне середины бедер, и из-под нее виднелись черные сетчатые чулки и толстые высокие каблуки. Женщина была стройной, с красивыми ножками и аккуратной высокой попкой, которую Уэйн не мог не оценить даже в этих обстоятельствах. Одной рукой монахиня размахивала над своей головой, как будто вышивала в воздухе.

По обе стороны от прохода на сиденьях расположились мертвецы. Все они были в странных шапках с круглыми ушами, и из их ртов вылетали не менее странные звуки.

Они пытались петь.

Он никогда не слышал от мертвецов ничего другого, кроме ворчания или стона, но эти занимались пением. Довольно нестройным, надо сказать, и многие слова звучали не совсем разборчиво, а некоторые хористы просто молча открывали и закрывали рот, но, черт побери, он узнал эту мелодию. Это был церковный гимн «Иисус меня любит».

Уэйн оглянулся на толстяка и незаметно протянул руку к правому сапогу за ножом. Водитель мгновенно достал из-под рясы автомат тридцать второго калибра и направил дуло на Уэйна.

— Калибр небольшой, — сказал толстяк, — но я хороший стрелок и сумею проделать в твоей голове аккуратную маленькую дырочку.

Уэйн отказался от попытки достать нож.

— Нет, продолжай, — сказал толстяк. — Вытаскивай свой нож, положи его перед собой на пол и толкни ко мне. И если уж мы об этом заговорили, доставай заодно и второй.

Уэйн посмотрел назад. Когда его бросили в автобус, штанины на ногах задрались — и обе рукоятки ножей торчали наружу. С таким же успехом можно было повесить на них сигнальные фонари.

Похоже, это не самый удачный для него денек.

Он толкнул оба ножа к толстяку, а тот подобрал их и небрежно бросил по другую сторону сиденья.

Дверь автобуса опять открылась, сверху на Уэйна швырнули Калхауна и следом бросили его шляпу.

Уэйн выбрался из-под Калхауна, подобрал свою шляпу и нахлобучил на голову. Калхаун последовал его примеру. Теперь они оба стояли на полу на коленях.

— Джентльмены, не пройдете ли вы в середину автобуса?

Уэйн двинулся первым. Калхаун сразу же заметил монахиню:

— Парни, посмотрите, какая попка.

Толстяк обернулся:

— Можете занять сиденье.

Уэйн, повинуясь взмаху его автомата, протиснулся на сиденье, Калхаун примостился рядом. Затем в автобус забрались оставшиеся мертвецы и заняли передние места, оставив несколько свободных рядов посредине.

— А почему так шумят эти придурки сзади? — спросил Калхаун.

— Они поют, — ответил Уэйни. — Ты что, никогда не был в церкви?

— Хочешь сказать, что они там были? — Калхаун обернулся назад и заорал: — А вы знаете что-нибудь из песен Хэнка Вильямса?

Монахиня даже не обернулась, и мертвецы не прекратили своего нестройного пения.

— Догадываюсь, что нет, — буркнул Калхаун. — Похоже, вся хорошая музыка уже забыта.

Шум на задних сиденьях затих, и монахиня подошла, чтобы посмотреть на Уэйна и Калхауна. Спереди она тоже была хороша. Ряса на ней была разрезана от шеи до промежности и держалась на ленточках, открывая бо́льшую часть груди и тонкие черные трусики, в которых не помещалась буйная растительность, густая, словно черный мох. Уэйни не без труда оторвал взгляд от этого зрелища и тогда смог рассмотреть

ее лицо — смуглое, кареглазое, с губами, словно созданными для поцелуев.

Калхаун до лица так и не добрался. Он не привык обращать внимания на лица. Он обратился к ее промежности:

— Отличная щелка.

Левая рука монахини описала полукруг и ударила Калхауна по голове.

Он схватил ее за запястье:

— И ручка тоже хороша.

Правой рукой монахиня проделала отличный фокус: она завела ее за спину, подняла подол рясы и достала небольшой двуствольный пистолет. Дула тотчас уперлись в голову Калхауна.

Уэйн наклонился вперед, надеясь все же, что она не будет стрелять. Под таким углом пуля могла пробить голову Калхауна и его тоже.

— Я не промахнусь, — сказала монахиня.

Калхаун усмехнулся.

— Да, не промахнешься, — сказал он и отпустил руку.

Она села напротив них и закинула ногу на ногу. Уэйн почувствовал, как его джинсы натянулись на бедрах.

— Сладкая, — не унимался Калхаун, — ты почти стоишь того, чтобы получить пулю.

Монахиня все так же продолжала улыбаться. Водитель завел двигатель. Заработали «дворники» и вентиляторы, сдувающие песок, а ветровое стекло стало голубым с белыми точками, движущимися между тонкими светлыми штрихами.

Радар. На некоторых машинах, курсирующих в пустыне, Уэйн видел такие устройства. Если он выберется из этой переделки и получит обратно свою машину, может, стоит установить подобный прибор. А может, и нет. Пустыня надоела ему до чертиков.

Как бы то ни было, строить сейчас планы на будущее немного несвоевременно.

Потом до него дошло. Радар. Это означало, что негодяи видели, куда едут, и намеренно выскочили перед его машиной.

Он наклонился на сиденье и попытался определить, в какое место ударился его «шевви». Ни единой царапины. Значит, корпус бронированный. Но сейчас большинство школьных автобусов защищено броней, так что в этом нет ничего

необычного. Вероятно, у него еще и пуленепробиваемые стекла, и усиленные покрышки для езды по песку. Меры предосторожности на случай расовых волнений из-за того, что телят-мутантов тоже стали посылать в школы, словно они были людьми. И еще из-за Чудаков — старых пердунов, уверенных, что дети созданы для их сексуальных развлечений или для битья, когда требуется спустить пар.

— Как насчет того, чтобы снять наручник? — спросил Калхаун. — Он теперь все равно ни на что не годен.

Уэйн взглянул на монахиню:

— Не стреляй, я только достану ключ из кармана.

Он выудил ключ, открыл замок, и Калхаун стряхнул наручник на пол. Уэйн заметил любопытство на лице монахини.

— Я охотник за преступниками. Помогите мне доставить этого человека в город Закона, и я прослежу, чтобы и на ваши нужды тоже что-нибудь осталось.

Женщина отрицательно покачала головой.

— У тебя твердый характер, — вмешался Калхаун. — Мне нравятся монахини, у которых имеется собственное мнение... А ты настоящая монахиня?

Она кивнула.

— И всегда такая неразговорчивая?

Еще один кивок.

— Я никогда не видел таких монашек, — сказал Уэйн. — Так странно одетых, еще и с оружием.

— У нас маленький и очень специфический орден, — пояснила она.

— И ты для этих ребят что-то вроде воскресной учительницы?

— Вроде того.

— Но разве есть смысл возиться с мертвецами? У них ведь нет души, не так ли?

— Но их усилия возвеличивают славу Господа.

— Их усилия? — Уэйн осмотрел неподвижно сидевших сзади мертвецов. У одного совсем отгнило ухо. Он шмыгнул носом. — Может, славу Господа они и возвеличивают, но вот воздух точно не улучшают.

Монахиня порылась в кармане своей рясы и достала два кругляшка. Один протянула Уэйну, второй — Калхауну.

— Ментоловые таблетки. Помогают переносить вонь.

Уэйн развернул леденец и бросил в рот. Мята действительно отбивала запах, но сама по себе не радовала. Она напоминала о тех временах, когда он болел.

— А что у вас за орден? — спросил Уэйн.

— Орден Марии, возлюбленной Иисуса.

— Его матери?

— Марии Магдалины. Мы считаем, что Иисус спал с ней. Они были любовниками. В Библии есть тому свидетельства. Она была проституткой, и мы уподобились ей. Она оставила свой образ жизни и стала любовницей Иисуса.

— Жаль тебя разочаровывать, сестра, — сказал Калхаун, — но этот благодетель человечества давно мертв, как гнилой пень. Если ты будешь ждать, пока Он тебя осчастливит, твоя щелка высохнет и развеется по ветру.

— Спасибо, что просветил, — усмехнулась монахиня. — Но мы не совокупляемся с Его плотью. Мы довольствуемся духовной близостью. Мы позволяем Святому Духу овладевать мужчинами, чтобы они могли взять нас, как Иисус брал Марию.

— Без дураков?

— Без дураков.

— Знаешь, мне кажется, что старик прямо-таки бушует внутри меня. Почему бы нам не прогнать этих клоунов, моя сладкая, и не завалиться на заднее сиденье, чтобы старик Калхаун мог ввести тебе хорошенькую дозу Иисуса.

Калхаун привстал, наклоняясь к монахине. Она наставила на него пистолет:

— Оставайся, где сидишь. Если бы это было действительно так, если бы ты исполнился духом Иисуса, я позволила бы тебе войти в меня в тот же момент. Но ты полон дьяволом, а не Иисусом.

— Черт, сладкая моя, дай шанс и дьяволу тоже. Он ведь довольно забавный парень. Давай-ка мы с тобой позабавимся... Ладно, проехали. Но если изменишь свои намерения, религия мне не помешает. Я очень люблю трахаться. Я трахал все, до чего мог дотянуться, кроме разве что попугаев. Да и попугая взял бы, если бы только мог найти дырку.

— Я никак не думал, что мертвецов можно чему-нибудь научить, — сказал Уэйн, стараясь направить разговор в нуж-

ную сторону, чтобы понять, что происходит и в какую переделку они попали.

— Я уже говорила, что у нас особенный орден. Брат Лазарь, — она махнула рукой на водителя, а толстяк, не оборачиваясь, поднял руку, — его основатель. Я думаю, он не будет против, если я расскажу его историю и о том, чем мы занимаемся и почему. Надо же просвещать язычников.

— Не называй меня язычником, — возразил Калхаун. — Язычники — это те, кто сдит в этом проклятом автобусе с бандой вонючих мертвецов в идиотских шапках. Проклятие, они даже не способны воспроизвести простейшую мелодию.

Монахиня проигнорировала его протест.

— Брат Лазарь когда-то был известен под другим именем, но теперь оно не имеет значения. Он был ученым и вместе с другими работал в той лаборатории, откуда вырвались бактерии, заставившие мертвецов возвращаться к жизни, пока в их головах остаются неповрежденные мозги.

Брат Лазарь переносил колбу с экспериментальными материалами, и один из лаборантов, не зная о ее содержимом, решил подшутить и подставил ему подножку. Брат Лазарь споткнулся и уронил колбу. Кондиционеры в одно мгновение разнесли бактерии по всем помещениям исследовательского центра, потом кто-то открыл дверь, и зараза распространилась по всему миру.

Чувство вины полностью завладело душой брата Лазаря. И не только из-за того, что он уронил колбу, но в первую очередь потому, что он принимал участие в создании этих бактерий. Он оставил лабораторию и отправился скитаться по стране. Он не взял с собой ничего, кроме скромного запаса еды и питья и нескольких книг. Среди них оказались Библия и малоизвестные религиозные книги, такие как Апокриф и отвергаемые Церковью части Нового Завета. По мере изучения этих книг ему открылось истинное назначение отвергаемых частей Библии. Ему открылся их смысл, а потом во сне к нему явился ангел и поведал еще об одной книге. Проснувшись, брат Лазарь взял ручку и записал слова ангела, идущие из уст Господа, и в этой книге объяснялись многие тайны.

— Вроде половой жизни Иисуса, — вставил Калхаун.

— И о половой жизни Иисуса, и о том, что не надо бояться слов, обозначающих сексуальную активность. О том,

что Иисус был не только Богом, но и человеком. О том, что секс, если он посвящен Христу и совершается с открытым сердцем, может быть волнующим религиозным откровением, а не просто совокуплением двух диких животных.

Брат Лазарь скитался по горам и пустыням, размышлял о тех вещах, что открыл ему Господь, и вскоре получил еще одно откровение. Тогда он обнаружил огромный парк аттракционов.

— А я и не знал, что Иисусу нравятся качели и все такое, — заметил Калхаун.

— Парк давно был заброшен. Когда-то он был частью территории развлечений, называемой «Диснейлендом». Брат Лазарь знал о нем. Таких увеселительных парков в стране было построено несколько, а этот, оказавшись в эпицентре военных действий между «шевроле» и «кадиллаком», был разрушен и почти полностью занесен песками. — Монахиня торжественно воздела руки. — И в этих руинах он увидел новое начало.

— Остынь, детка, — произнес Калхаун. — А не то получишь удар.

— Он собрал там сочувствующих мужчин и женщин и стал читать проповеди. Старый Завет. Новый Завет. Отреченные Евангелия. И новую Книгу Лазаря, поскольку к тому времени стал называться Лазарем. Он взял себе новое имя, символизирующее новое начало, восстание из мертвых и возвращение к новой жизни. — Монахиня сопровождала свою речь энергичными жестами, и на ее верхней губе выступили капельки пота. — Тогда он вернулся к научной деятельности, но посвятил ее новой цели — служению Господу. Став братом Лазарем, он понял предназначение мертвецов. Он стал учить их работать, чтобы во славу Господа построить величественный монумент. Этот памятник и эта община монахов обоего пола будут называться Землей Иисуса.

Монахиня произнесла слово «Иисус» с какой-то особой интонацией, и мертвецы, словно повинуясь ее сигналу, встрепенулись и затянули хором: «Бласлови нас, Иис».

— И как же вы заставляете мертвецов работать? — спросил Калхаун. — Собаками травите?

— При помощи науки, поставленной на службу Господу нашему, Иисусу Христу, вот как. Брат Лазарь изобрел но-

вое устройство, которое вживляется в мозг мертвецов через верхнюю часть черепа и контролирует их основные поведенческие функции. Делает их пассивными и послушными, по крайней мере способными выполнять простейшие команды. С этим регулятором, как называет устройство брат Лазарь, мы пользуемся помощью мертвецов и можем выполнять большие работы.

— А где вы берете мертвецов? — спросил Уэйн.

— Мы покупаем их у Мясников. Спасаем от нечестивых занятий.

— Им следовало просто прострелить череп и навсегда вернуть в землю, — сказал Уэйн.

— Если бы мы использовали мертвецов ради собственного блага, я могла бы с этим согласиться. Но это не так. Мы трудимся ради Господа.

— А монахи трахают сестер? — спросил Калхаун.

— Если ими овладевает дух Господа, то да.

— И могу поспорить, что это случается нередко. Не такой уж плохой расклад. Мертвецы трудятся на стройке в парке аттракционов...

— Это больше не парк аттракционов.

— ...и имеют массу свободных кисок. Звучит соблазнительно. Мне это нравится. Этот старый мудак, там, наверху, гораздо умнее, чем может показаться.

— В наших мотивах, так же как и в стремлениях брата Лазаря, нет ничего личного. Более того, в качестве жеста раскаяния за то, что способствовал распространению по миру бактерий, он ввел вирус в свой нос. И теперь нос медленно разлагается.

— А я думал, у него от природы такой шнобель, — не удержался Уэйн.

— Не обращай внимания, — сказал Калхаун. — Он и на самом деле так глуп, как кажется.

— А почему мертвецы носят эти дурацкие шапки? — спросил Уэйн.

— На старом складе парка аттракционов брат Лазарь обнаружил большой запас этих головных уборов. Это мышиные уши. Для изображения одного из персонажей мультфильма, когда-то символизирующего «Диснейленд». Микки-Маус, так его называли. По этим шапкам мы можем от-

личить наших мертвецов от чужих. Время от времени бродячие шайки наведываются в эти места. Жертвы убийств. Потерявшиеся в пустыне дети. Путники, погибшие из-за недостатка воды или болезней. Кое-кто из наших братьев и сестер подвергся атакам. Это мера предосторожности.

— А что будет с нами? — спросил Уэйн.

Монахиня снисходительно улыбнулась:

— А вы, дети мои, послужите во славу Господа.

— Дети? — возмутился Калхаун. — Ты называешь аллигатора ящерицей, шлюха?

Монахиня опустилась на сиденье и положила пистолет на колени. Она так высоко скрестила ноги, что черные трусики почти утонули в ее влагалище; в это ущелье было бы неплохо прогуляться.

Уэйн не без труда отвел взгляд от привлекательной картины, откинул голову на спинку сиденья и нахлобучил шляпу. В настоящий момент он ничего не мог предпринять, а поскольку монахиня вместо него присматривает за Калхауном, он намеревался поспать, набраться сил и решить, что делать дальше. Если что-то вообще можно сделать.

Он погрузился в дремоту, все еще гадая, что могут означать слова монахини: «А вы, дети мои, послужите во славу Господа».

Он почему-то был уверен, что эта служба ему не понравится.

5

Он то засыпал, то просыпался и наконец заметил, что солнечный свет, пробившийся сквозь редеющие тучи песка, приобрел зеленоватый оттенок. Калхаун заметил, что он не спит.

— Какой удивительный цвет, правда? У меня когда-то была рубашка такого оттенка, и она мне очень нравилась, но я из-за денег ввязался в драку с мексиканской шлюхой, у которой была деревянная нога, и рубашка порвалась. Тогда я здорово наподдал этой попрошайке.

— Спасибо, что поделился воспоминаниями, — пробурчал Уэйн и снова погрузился в сон.

Каждый раз, когда он открывал глаза, свет становился ярче, а буря — слабее. Он окончательно проснулся уже перед самым закатом, когда ветер стих. Но не стал ничего предпринимать, а заставил себя снова закрыть глаза, чтобы не тратить энергию. Он постарался снова задремать и для этого прислушивался к гудению мотора, думал об автомастерской и о Поупе, о том, как они могли бы весело проводить время за пивом, ремонтировать машины и развлекаться с живущими у границы телками, а может, и с коровами-мутантами с той стороны, где их разводят для продажи.

Впрочем, нет. Никаких коров и других генно-модифицированных существ. Человек должен провести для себя отчетливую черту, и Уэйн мысленно оставил за этой чертой всяких идиотских созданий, даже если они обладали человеческими повадками. Надо соблюдать хоть какие-то стандарты.

Потому что иначе эти границы быстро начинают размываться. Он помнил, как когда-то говорил, что трахает только красивых женщин. Его последняя шлюха была откровенной уродиной. Если продолжать в том же духе, скоро скатишься до уровня Калхауна и начнешь искать дырки в попугаях.

Он опять проснулся от толчка локтя Калхауна в ребра и заметил, что монахиня поднялась со своего места. Уэйн был уверен, что она не спала, но при этом выглядела бодрой и энергичной. Монахиня кивнула на окно с их стороны:

— Земля Иисуса.

В ее голосе опять прозвучала странная интонация, и мертвецы ответили своим заунывным «Бласлови нас, Иис».

Стало темнее и не так жарко, наступала ясная прохладная ночь с луной цвета кованой меди. Автобус плыл по белому песку, словно таинственная шхуна на всех парусах. Они взобрались на невообразимо крутую гору, над которой как будто играли сполохи северного сияния, а потом стали спускаться в миниатюрную радугу, наполнившую салон разноцветными бликами.

Спустя пару минут глаза Уэйна привыкли к мельканию огней, автобус свернул вправо по опасно крутой дуге, и перед глазами появилась долина. С этой точки местность внизу просматривалась ничуть не хуже, чем с самолета.

Внизу расстилалось море полированного металла и пляшущих неоновых огней. В центре долины стояла статуя распятого Христа высотой не менее двадцати пяти метров. Бо́льшая часть тела была сделана из светлого металла и разноцветных неоновых трубок, которые и создавали основное освещение. Поперек хромированной пластины лба в несколько оборотов обвивалась колючая проволока, из-под нее свисали пряди неоновых волос цвета ржавчины. Глаза Создателя — две огромные зеленые сферы — поворачивались справа налево и обратно с монотонностью вентилятора. Рот растянулся в улыбке от уха до уха, и внутри торчали зубы из сверкающего металла вперемежку с зияющими чернотой дырами. Статуя была снабжена массивным членом из пучка полированных прутьев и неоновых колец; член выглядел гораздо солиднее, чем стоящие с обеих сторон от него подагрические ноги из стальных труб, а вместо головки пульсировал слепящий прожектор.

Автобус кружил по склону долины, спускаясь на дно, словно дохлый таракан в унитазе, но наконец дорога пошла прямо и вывела их к Земле Иисуса. Они проехали между ногами распятого Христа, прямо под пульсирующей головкой Его члена, к похожему на небольшой замок зданию, построенному из золотых кирпичей и с подъемным мостом, вымощенным драгоценными камнями.

Замок был здесь не единственным строением, состоящим из редких металлов и драгоценных камней: золота, серебра, изумрудов, рубинов и сапфиров. Только по мере приближения становилось ясно, что все это гипс, картон, фосфоресцирующая краска, цветные прожекторы и неоновые гирлянды.

Справа от Уэйна виднелся длинный открытый навес, под которым стояло множество автомобилей, по большей части школьные автобусы. Рядом было разбросано несколько неосвещенных хибарок из упаковочного картона и жести — возможно, дома для мертвецов. Позади автостоянки и хижин возвышались металлические остовы каких-то сооружений, едва выделявшиеся на фоне побледневшего неба; они напоминали скелеты выбросившихся на берег китов.

Справа Уэйн заметил здание без передней стены, служившее сценой. Перед ним на стульях сидели монахи и монахини. На сцене тоже выступали монахи — один за ударной

установкой, один с саксофоном, остальные четверо с гитарами. Они так громко играли рок, что автобус начал подпрыгивать. Перед микрофоном стояла монахиня, в разрезанной спереди рясе, без головного убора, и пела голосом страдающего ангела. Динамики разносили ее голос по всей долине, и даже гул мотора был за ним не слышен. Она так долго и громко тянула слово «Иисус», словно это был плач из самой преисподней. Потом она подпрыгнула и села на шпагат, при этом так сильно выгнулась назад, словно в спине стояла пружина.

— Держу пари, эта шлюха способна подбирать своей штучкой четвертаки, — заметил Калхаун.

Брат Лазарь нажал кнопку, и сверкавший фальшивыми драгоценностями мост опустился над нешироким рвом, пропуская их внутрь.

Здесь было совсем не так светло. Стены оказались серыми и унылыми. Брат Лазарь остановил автобус и вышел, а в салон вошел другой монах. Этот был высоким и тощим, с кривыми, гнилыми зубами, подпиравшими верхнюю губу. И в руке помповое ружье двенадцатого калибра.

— Это брат Фред, — объявила монахиня. — Он будет вашим гидом.

Брат Фред вывел Уэйна и Калхауна из автобуса от оставшихся мертвецов в шапках с мышиными ушами и монахини в тонких черных трусиках и повел по длинному коридору с открытыми дверями по обе стороны. Кое-где горел свет, виднелись останки плоти на крюках, черепа и скелеты, лежавшие грудами, словно отстрелянные гильзы и высохшие ветви; груды мертвецов (действительно мертвых), словно поленницы дров, и каменные полки, заставленные колбами с огненно-красными, травянисто-зелеными и желтыми, как моча, жидкостями. Еще они увидели стеклянные кольца, по которым тоже текли разноцветные жидкости, словно убегали от погони, они дымились, как будто нервничали, и, освободившись, сливались в большие флаконы; были комнаты, заставленные верстаками, столами и стульями, на которых лежали инструменты, были комнаты с мертвецами и частями мертвецов и сидящими монахами и монахинями, которые сосредоточенно хмурились, глядя на отдельные части тел, и шевелили губами, словно готовые разразиться сенсационными заявления-

ми. Наконец они пришли в маленькую комнату с окном без стекла, выходящим на яркую мешанину огней, называемую Землей Иисуса.

Обстановка была самой простой: стол, два стула и две кровати по обе стороны от двери. На каменных стенах не было даже штукатурки. Справа имелась крошечная ванная комната без двери.

Уэйн сразу прошел к окну и взглянул на Землю Иисуса, гремящую и пульсирующую, словно возбужденное сердце. Пару секунд он прислушивался к музыке, потом высунул голову наружу и посмотрел вниз.

Окно располагалось высоко над землей, на отвесной и гладкой стене. Если отсюда спрыгнуть, каблуки сапог могут запросто выбить тебе зубы. Уэйн оценил перспективу и одобрительно присвистнул. Брат Фред решил, что похвала относится к Земле Иисуса.

— Это ведь настоящее чудо, не так ли? — произнес он.

— Чудо? — возмутился Калхаун. — Это третьесортное световое шоу? Нет здесь никакого чуда. Пусть твоя монахиня заберется на автобус и попадет своим дерьмом в кольцо с двадцати шагов, вот тогда это будет чудо, мистер Гнилые Зубы. А эта затея с Землей Иисуса — самая отвратительная и глупая идея после байки о вспотевшей собаке. Ты только взгляни на эту комнату. Можно же было поставить какие-нибудь безделушки. Повесить картинки, например со старой шлюхой, имеющей осла, или совокупляющихся свиней. И дверь в сортир тоже не помешала бы. Я не хочу, чтобы кто-то пялился, пока я буду тужиться. Это неприлично. Человеку свойственно освобождаться от дерьма в приятном уединении. Это помещение напоминает мне один мотель в Уэйко, где я остановился на ночь. Так утром я заставил хозяина вернуть мне деньги назад. Тараканы в той дыре были такими огромными, что могли пользоваться душем.

Брат Фред выслушал все это не моргнув глазом, словно наблюдать за говорящим Калхауном было так же любопытно, как за поющей лягушкой.

— Спите спокойно, не обращайте внимания на клопов. Завтра начнете работать.

— Не хочу я никакой работы, — бросил Калхаун.

— Спокойной ночи, ребятки.

С этими словами брат Фред вышел, захлопнул за собой дверь, и они услышали, как громко и бесповоротно закрылся замок, словно топор опустился на плаху.

6

На рассвете Уэйн поднялся, сходил помочиться, а потом прошел к окну и выглянул наружу. Сцена, где вечером играли монахи и прыгала монахиня, была пуста. Металлические сооружения, увиденные им накануне, оказались остовом давно заброшенного колеса обозрения. Перед его мысленным взором на мгновение возник вагончик американских горок с Иисусом и Его поклонниками в развевающихся на ветру рясах.

Огромная статуя распятого Христа без цветных огней и ночной таинственности не производила никакого впечатления, словно проститутка при солнечном свете, с размазанным макияжем и париком набекрень.

— Есть идеи, как отсюда выбраться? — спросил Калхаун.

Уэйн оглянулся: Калхаун сидел на кровати и натягивал сапоги.

Уэйн покачал головой.

— Можно было бы попробовать дымовую завесу. Знаешь, я думаю, нам следует объединиться. А потом можем снова попытаться убить друг друга.

Калхаун бессознательно поднес руку к голове, куда пришелся удар Уэйна.

— После того, что было, я бы не стал тебе доверять, — сказал Уэйн.

— Я это слышал. Но я даю слово. А на мое слово можно положиться. Я от него не откажусь.

Уэйн испытующе посмотрел на Калхауна. Что ж, ему нечего терять. Парень просто боится за свою задницу.

— Ладно, — сказал Уэйн. — Дай мне слово, что будем вместе стараться выбраться из этой передряги, а когда окажемся на свободе и ты решишь, что сдержал слово, начнем все сначала.

— Договорились,— согласился Калхаун и протянул руку.

Уэйн молча посмотрел на его ладонь.

— Рукопожатие скрепит договор, — добавил Калхаун.
Уэйн принял его руку и встряхнул ее.

7

Через несколько мгновений замок в двери щелкнул и в комнату вместе с братом Фредом вошел еще один монах, с пушком вместо волос на голове и тоже с помповым ружьем. Вслед за ними появились и двое мертвецов. Женщина и мужчина, одетые в какие-то лохмотья и шапки с мышиными ушами. Оба мертвеца еще вполне прилично выглядели и даже не особенно смердели. По правде говоря, от монахов пахло гораздо хуже.

Брат Фред, воспользовавшись дулом ружья, вывел их из комнаты, провел по коридору и загнал в помещение с металлическими столами и полками с медицинскими инструментами.

У края одного из столов стоял брат Лазарь. Он улыбался. Его нос этим утром выглядел еще более гнилым. На левой ноздре появился белый прыщ размером с кончик большого пальца, выглядевший, словно жемчужина в куче дерьма.

Неподалеку стояла монахиня. Небольшого роста, со стройными, хоть и немного костлявыми ногами и в такой же рясе, что и монахиня, ехавшая с ними в автобусе. На ней одеяние казалось почти детским платьем — возможно, из-за ее худобы и маленькой груди. Из-под головного убора выбивались завитки белокурых волос. Монахиня выглядела бледной и слабой, словно устала до полного изнеможения. На правой щеке у нее имелось родимое пятно в форме силуэта летящей птички.

— Доброе утро, — приветствовал их брат Лазарь. — Надеюсь, вы хорошо выспались, джентльмены.

— Что за работа нас ждет? — спросил Уэйн.

— Работа? — переспросил брат Лазарь.

— Я им так это объяснил, — сказал брат Фред. — Возможно, несколько расплывчатое определение.

— Куда уж лучше! — усмехнулся брат Лазарь. — Никакой работы, джентльмены. Можете положиться на мое слово. Мы сами выполняем всю работу. Ложитесь на столы, и мы возьмем образцы вашей крови.

— Зачем? — спросил Уэйн.

— В научных целях, — пояснил брат Лазарь. — Я намерен отыскать способ воздействия на эти бактерии, чтобы мертвецы могли полностью вернуться к жизни, а для этого мне надо изучать живых людей. Идея может показаться немного безумной, не так ли? Но, могу вас заверить, вы ничего не потеряете, кроме нескольких капель крови. Ну, может быть, чуть больше чем несколько капель, но ничего серьезного.

— Воспользуйтесь своей кровью, — предложил Калхаун.

— Мы так и делаем. Но надо же ее с чем-то сравнивать. Вот мы и берем немного здесь, немного там... А если вы откажетесь, вас убьют.

Калхаун, резко развернувшись, ударил брата Фреда по носу. Удар получился довольно мощным, и монах грохнулся на задницу, но тотчас поднял помповик и направил дуло на Калхауна.

— А ну-ка, — воскликнул он, не обращая внимания на текущую из носа кровь, — попробуй еще разок!

Уэйн уже пригнулся, чтобы броситься на помощь, но быстро передумал. Он мог стукнуть брата Фреда по голове, даже не сходя с места, но это не предотвратило бы выстрела, и тогда пришлось бы попрощаться с обещанной за Калхауна наградой. Кроме того, он дал слово этому болвану, что будет помогать ему остаться в живых, пока они не выберутся из этой передряги.

Второй монах, сцепив руки в замок, ударил Калхауна в висок, и тот свалился на пол. Брат Фред поднялся и, не давая Калхауну встать, несколько раз стукнул его прикладом по голове, да так сильно, что бедняга уткнулся лбом в пол, потом перекатился на бок и затих, только веки подрагивали, словно крылья бабочки.

— Брат Фред, ты должен учиться подставлять другую щеку, — заметил брат Лазарь. — А теперь подними этот мешок дерьма на стол.

Брат Фред оглянулся на Уэйна, желая убедиться, что тот не доставит ему неприятностей. Уэйн засунул руки в карманы и улыбнулся.

Монах приказал двум мертвецам поднять Калхауна на стол. Брат Лазарь пристегнул его ремнями.

Монахиня принесла поднос с иглами, шприцами, флаконами и ватой и поставила все это на стол, у головы Калхауна. Брат Лазарь закатал рукав на руке Калхауна, вставил в шприц иглу, воткнул ее в вену и набрал крови. Затем проткнул иглой резиновый колпачок флакона и перелил содержимое шприца.

После этого он обернулся к Уэйну:

— Надеюсь, с тобой будет меньше хлопот.

— А я получу после этого стакан апельсинового сока и немного крекеров? — осведомился Уэйн.

— Ты уйдешь отсюда без шишки на голове, — ответил брат Лазарь.

— Что ж, придется удовольствоваться и этим.

Уэйн взобрался на стол рядом с Калхауном, и брат Лазарь тоже пристегнул его ремнями. Монахиня принесла следующий поднос, и брат Лазарь повторил процедуру. Монахиня стояла рядом и смотрела на лицо Уэйна сверху вниз. Он попытался что-нибудь понять по ее выражению, но лицо женщины оставалось безучастным.

Закончив с забором крови, брат Лазарь потрепал Уэйна за подбородок:

— На мой взгляд, вы оба здоровые парни, но никогда нельзя быть в этом уверенным. Мы проведем несколько анализов. Тем временем сестра Уорт проведет с тобой еще кое-какие тесты. А я присмотрю за твоим приятелем. — Он кивнул в сторону лежавшего без сознания Калхауна.

— Он мне не приятель, — сказал Уэйн.

Его отстегнули от стола, и сестра Уорт в сопровождении брата Фреда и его ружья привела Уэйна в другую комнату.

Вдоль стен здесь стояли стеллажи с инструментами и бутылками. Освещение было скудным, в основном из разбитого окна, хотя, кроме него, под потолком имелась еще и слабенькая лампочка. В воздухе густо кружились пылинки.

В центре комнаты вертикально стояло огромное колесо. На верхнем краю и снизу с обода свисали ременные петли. Внизу под креплениями стояли деревянные плашки. Позади к колесу была прикреплена металлическая полоса с переключателями и кнопками.

Брат Фред заставил Уэйна раздеться и загнал на деревянные подставки, поставив его спиной к центру колеса.

Сестра Уорт крепко пристегнула ремнями его лодыжки, потом Уэйну пришлось поднять руки, и его запястья тоже привязали к ободу.

— Надеюсь, будет немного больно, — сказал брат Фред.

— Вытри с лица кровь, — посоветовал ему Уэйн. — А то ты выглядишь очень глупо.

Брат Фред показал ему средний палец, что не имело ничего общего с религией, и вышел из комнаты.

8

Сестра Уорт повернула выключатель, и колесо начало вращаться, сначала медленно, потом быстрее, и перед глазами Уэйна замелькало окно, и столбики пыли в лучах солнца, и тени, отбрасываемые спицами и ободом колеса.

После первого же оборота он закрыл глаза. Это уменьшало головокружение, особенно в перевернутом положении.

Оказавшись наверху, он открыл глаза и увидел, что сестра Уорт стоит перед колесом и наблюдает за ним.

— Почему? — спросил он и снова закрыл глаза, когда колесо пошло вниз.

— Потому что так приказал брат Лазарь, — ответила сестра Уорт после такой длинной паузы, что Уэйн уже успел забыть о заданном вопросе.

По правде сказать, он и не ждал ответа. Он сам удивился, что решил заговорить, и чувствовал себя немного неловко.

На очередном подъеме он опять открыл глаза, но монахиня прошла к обратной стороне колеса и пропала из поля зрения. Он услышал щелчок какого-то переключателя, и тут в него ударила молния, так что он невольно вскрикнул. Изо рта, словно раздвоенный змеиный язычок, вылетел небольшой разряд.

Колесо завертелось быстрее, молнии жалили чаще, а его крики становились слабее, а потом и совсем затихли. Он погрузился в странное оцепенение. Уэйн парил над землей в одних сапогах и ковбойской шляпе и быстро поднимался вверх. Вокруг него летали старые машины. Он присмотрелся внимательнее и отыскал свой «шевви-57», а за рулем сидел Поуп. Рядом со стариком расположилась проститут-

ка-мексиканка, еще две шлюхи выглядывали с заднего сиденья. По их виду было ясно, что они немного перебрали.

Одна из девиц на заднем сиденье задрала подол, чтобы показать ему свою киску. Ее промежность напоминала пирожок тако и нуждалась в стрижке.

Он улыбнулся и попытался подойти, но «шевви» сделала широкий разворот и стала удаляться. В зеркале заднего вида он еще мог рассмотреть лицо Поупа. Тот медленно обернулся и печально помахал рукой. А потом скрылся за фигурой шлюхи с заднего сиденья.

Остальные машины тоже стали удаляться, словно увлекаемые пустотой, образовавшейся после ухода «шевви». А он оставался на одном месте, как приколотый к доске мотылек. Машины вскоре исчезли вдали, оставив его привязанным к вертящемуся колесу посреди россыпи холодных равнодушных звезд.

— ...как проходят тесты... все записывать... результаты в таблицу... ЭКГ, излучения мозга, внутренности... все... это плохо, потому что брат Лазарь хочет... думает, я не знаю... считает меня медлительной... я медлительная, но не глупая... соображаю... раньше была научным сотрудником... до несчастного случая... брат Лазарь не святой... он безумец... сделал это колесо в память об инквизиции... очень много знает об инквизиции... считает ее необходимой... для таких, как ты... нечестивцев, как он вас называет... я знаю...

Уэйн открыл глаза. Колесо остановилось. Сестра Уорт продолжала свой монотонный монолог, объясняя тест на колесе. Он вспомнил, что три тысячи лет назад задал ей вопрос.

Сестра Уорт опять смотрела на него. Она подошла ближе, и Уэйн ожидал, что колесо снова завертится. Но монахиня вынесла длинное узкое зеркало и установила его у стены напротив колеса. Она поставила свои маленькие ступни на деревянные плашки и поднялась к самому колесу. Затем подняла подол одеяния и спустила маленькие черные трусики. Сестра Уорт приблизила свое лицо к Уэйну, словно что-то искала в его глазах.

— Он планирует забрать твое тело... по частям... кровь, клетки, мозг, твой член... абсолютно все... он хочет жить вечно.

Она держала трусики в руке и мяла их в пальцах, а потом отбросила в сторону. Уэйн проводил взглядом клочок ткани, упавший на пол, словно мертвая летучая мышь.

Она отыскала ладонью его член и сжала его. Рука была сухой и прохладной, и Уэйн чувствовал себя не лучшим образом, но пенис начал твердеть. Она зажала его между ногами и потерлась бедрами. Ноги тоже были сухими и холодными, как и ладони.

— Я теперь знаю его... знаю, что он делает... вирус мертвецов... он пытался как-то преобразовать бактерии, чтобы жить вечно... они заставляют мертвецов возвращаться... но не дают ощущения жизни и не освобождают от прожитых лет...

Несмотря на холод ее тела, его член окреп и увеличился.

— Он препарирует мертвецов... ставит над ними эксперименты... но секрет вечной жизни надо искать в живых... поэтому он хочет тебя... ты чужак... он может испытать на тех, кто живет здесь... но не станет их убивать, чтобы иметь слуг... он не открывает им своих намерений... ему нужны твои органы и органы других людей... он хочет стать Богом... летает высоко в небе на маленьком самолете и смотрит вниз... Ему нравится считать себя Создателем...

— На самолете?

— На сверхлегком.

Она направила его член в себя и внутри оказалась такой же холодной и сухой, словно ливер, оставленный на ночь в раковине. И все же он ощутил себя готовым. В таком состоянии он был способен искать дырку даже в турнепсе.

Она поцеловала его в ухо, потом ниже, в шею; холодные короткие поцелуи, сухие, как тосты.

— Думает, что я ничего не знаю... Но я знаю, что он не любит Иисуса... Он любит только себя и власть... Он огорчается по поводу своего носа...

— Надо думать.

— Он это сделал в момент религиозной лихорадки... прежде чем утратил веру... А теперь хочет стать таким, как раньше... Ученым. Хочет вырастить новый нос... знает, как это делается... Я видела, как он выращивал в колбе палец... из кусочка кожи, взятого с руки одного из братьев... Он способен на такие вещи...

Теперь она начала двигать бедрами. Через ее плечо он видел отражение в зеркале. Видел, как вертится ее белая попка, а над ней колышется черное одеяние, грозя упасть, словно театральный занавес. Он стал медленно, но решительно двигаться ей навстречу.

Сестра оглянулась через плечо на зеркало и посмотрела, как она овладевает привязанным мужчиной. Ее лицо выражало не столько страсть, сколько любопытство.

— Хочу почувствовать себя живой, — сказала она. — Ощутить в себе длинный и твердый член... Это было так давно.

— Я делаю все, что могу, — ответил Уэйн. — Это не самое романтическое место для свиданий.

— Вдави, чтобы я его почувствовала.

— Отлично.

Уэйни выдал все, на что был способен. Эрекция уже начала ослабевать. Он как будто нанялся на работу, но не мог произвести наилучшего впечатления. Ему казалось, что встречная сторона будет им разочарована.

Она оторвалась от него и спустилась с колеса.

— Не вини себя, — сказала сестра Уорт.

Она ушла за колесо, тронула какие-то переключатели и снова повисла на Уэйне, зацепившись ступнями за его лодыжки. Колесо стало поворачиваться. Возобновились короткие электрические разряды, но не такие мощные, как раньше. Они придавали сил. Когда он поцеловал ее, показалось, что он коснулся языком контактов батарейки. Электричество наполнило его вены и стало стекать с кончика члена; Уэйну казалось, что он способен наполнить ее не спермой, а электричеством.

Колесо скрипнуло и остановилось; вероятно, сработал встроенный таймер. Они замерли вниз головами, и Уэйн видел отражение в зеркале. Как будто две ящерицы трахаются на оконном стекле.

Он так и не понял, кончила она или нет, так что ускорил темп и кончил сам. Без электричества его желание стало ослабевать. Женщина явно была не первоклассной шлюхой, но, как говорил Поуп, даже самая последняя шлюха, которую он поимел, была достаточно хороша.

— Они придут, — сказала она. — Уже скоро... Не хочу, чтобы нас так застали... Надо сделать другие тесты.

— Почему ты это сделала?

— Я хочу выйти из ордена... Хочу выбраться из пустыни... Хочу жить... И я хочу, чтобы ты мне помог.

— Я не против, но кровь приливает к голове, и меня начинает тошнить. Тебе лучше слезть с меня.

Прошла целая вечность, прежде чем она снова заговорила:

— У меня есть план.

Она спустилась на пол, прошла за колесо и нажала кнопку, чтобы перевернуть Уэйна. Потом снова запустила колесо, и, пока он медленно вращался, пока в его теле плясали молнии, она рассказала о своем плане.

9

— Мне кажется, брат Фред хочет меня трахнуть, — сказал Калхаун. — Он все время пытается засунуть палец мне в задницу.

Они снова были в той же комнате. Брат Фред привел их сюда, не забыв напомнить, чтобы они забрали свою одежду. После чего они опять остались одни и стали одеваться.

— Мы выберемся отсюда, — сказал Уэйн. — Нам поможет монахиня, сестра Уорт.

— А ей какая с этого выгода?

— Она ненавидит это место, и ей понравился мой член. Но ненависть сильнее.

— И каков план?

Сначала Уэйн рассказал о том, что задумал брат Лазарь. Утром он прикажет привести их в комнату, где стоят стальные столы, и, если анализы будут благоприятными и их самих сочтут достаточно здоровыми, брат Лазарь начнет сдирать с них кожу. Медленно, поскольку, как говорит сестра Уорт, ему нравится это занятие. Потом из них выкачают кровь и переработают ее в гранулы, как кофе. Потом вырежут мозг и положат в физраствор, а остальные части тела будут хранить в холодильнике.

И все это будет проделано во имя Бога и Иисуса Христа («Бласлови нас, Иис») под предлогом поисков лекарства для зараженных бактериями мертвецов. Но на самом деле ради того, чтобы брат Лазарь получил новый нос, мог летать на своем сверхлегком самолете и жить вечно.

Сестра Уорт предложила следующий план.

Она будет присутствовать в комнате, где намечена процедура. Она припрячет оружие. Она сделает первый, отвлекающий шаг, а потом дело за ними.

— На этот раз, — сказал Уэйн, — одному из нас необходимо завладеть ружьем.

— Или мы их поимеем, или я получу палец в задницу.

— На нашей стороне будет внезапность. Они не подозревают сестру Уорт. Мы сможем пробиться на крышу и оседлать легкий самолет. Когда в нем закончится горючее, пойдем пешком, возможно, отыщем мой «шевви», и надеюсь, она тронется с места.

— Тогда и сведем счеты. Тот, кто выиграет, получит машину и девчонку. А на завтра у меня есть маленький сюрприз.

Калхаун поднял ногу и нажал на каблук сапога. Каблук сдвинулся, и в руку упал маленький нож.

— Он очень острый, — сказал Калхаун. — Как-то раз я разрезал им китайца от живота до подбородка. И нож прошел легко, как через кучу свежего дерьма.

— Было бы неплохо, если бы ты сегодня держал его наготове.

— Я хотел сначала провести разведку. По правде говоря, мне казалось, что одного удара в челюсть хватит, чтобы удалить брата Фреда со сцены.

— Ты стукнул его по носу.

— Да, черт побери, но целился-то я в челюсть.

10

Рассвет и комната с металлическими столами выглядели точно так же, как и накануне. Никто не позаботился поставить хотя бы вазу с цветами, чтобы украсить помещение.

Однако изменился нос брата Лазаря: вместо одного прыща на нем появилось два перламутровых нароста.

Сестра Уорт выглядела чуть более оживленной, чем вчера. Она стояла неподалеку и держала в руках поднос с инструментами. На этот раз там были одни скальпели. Свет падал на их лезвия и заставлял подмигивать.

За спиной Калхауна стоял брат Фред, а позади Уэйна — брат Гнилой Пушок. Сегодня они чувствовали себя гораздо увереннее и отказались от эскорта мертвецов.

Уэйн посмотрел на сестру Уорт и подумал, что дела могут быть и не так хороши, как им хотелось. Возможно, в ее медлительный монолог закралась ложь. Возможно, она просто хотела потрахаться и сделать это втихую, а потому могла наобещать все, что угодно. Возможно, ей было наплевать на планы брата Лазаря относительно двух чужаков.

Но даже если все это было обманом, Уэйн не собирался отступать. Если так, он предпочтет прыгнуть прямо на дуло ружья брата Фреда. Это лучше, чем ждать, пока с тебя снимут шкуру. Да и перспектива видеть перед собой вблизи лицо брата Лазаря с его уродливым носом Уэйна совсем не привлекала.

— Я очень рад вас видеть, — заговорил брат Лазарь. — Надеюсь, сегодня не будет никаких неприятностей, как вчера. А теперь забирайтесь на столы.

Уэйн взглянул на сестру Уорт. Выражение ее лица ничуть не изменилось. Единственное, что выдавало в ней присутствие жизни, так это изогнутые крылья родимого пятна на щеке.

«Ладно, — подумал Уэйн. — Я дойду до стола, а потом надо что-то предпринять. Даже если это и будет ошибкой».

Он успел сделать первый шаг, и сестра Уорт швырнула поднос с инструментами в лицо брата Лазаря. Один из скальпелей угодил ему в нос и повис. Поднос и остальные инструменты грохнулись на пол.

Брат Лазарь еще даже не успел закричать, а Калхаун уже упал на пол и перекатился в сторону. Он оказался под дулом ружья брата Фреда и сумел оттолкнуть его вверх. Ружье выстрелило, пуля угодила в потолок, посыпалась штукатурка.

Маленький нож уже был в ладони Калхауна, и он тотчас вонзил его в пах брату Фреду. Лезвие прошло сквозь рясу и погрузилось в плоть по самую рукоятку.

Уэйн начал действовать одновременно с Калхауном. С разворота он ударил брата Гнилой Пушок по горлу ребром ладони, потом поймал его голову, добавил пару ударов коленом и уложил на пол ударом локтя по затылку.

Калхаун успел завладеть оружием, а брат Фред, лежа на полу, пытался выдернуть из живота нож. Первым выстре-

лом Калхаун разнес голову брату Фреду, а вторым — Гнилому Пушку.

Брат Лазарь, с висящим в носу скальпелем, попытался сбежать, но наступил на поднос, заскользил и грохнулся на живот. Калхаун в два шага его догнал и ударил ногой по горлу. Брат Лазарь издал хрюкающий звук, но попытался подняться.

Уэйн ему помог. Он схватил брата Лазаря за ворот рясы, подтянул вверх и стукнул о край стола. Скальпель все еще держался в носу. Уэйн схватил его и дернул, отхватив часть носа. Брат Лазарь завизжал.

Калхаун заставил его замолчать, вставив в рот дуло ружья. Потом просунул глубже, сказал: «Съешь-ка вот это» — и нажал на курок. Затылочная часть черепа вместе с мозгами вылетела на стол и съехала на пол, словно тарелка с яичницей-болтуньей, неудачно пущенная по прилавку кафе.

Сестра Уорт не двигалась. Уэйн понял, что вся ее энергия была растрачена на то, чтобы бросить в брата Лазаря поднос с инструментами.

— Ты сказала, что принесешь оружие, — сказал он.

Монахиня повернулась спиной и подняла подол рясы. За поясом трусиков торчало два пистолета тридцать восьмого калибра. Уэйн выдернул их одновременно обеими руками.

— Двуствольный Уэйн! — воскликнул он.

— Как насчет самолета? — спросил Калхаун. — Для бунта заключенных мы наделали слишком много шума. Надо выбираться отсюда.

Сестра Уорт повернулась к двери в задней части комнаты, но не успела сделать и шага, как Уэйн и Калхаун подхватили ее за руки и потащили к выходу.

За дверью оказалась лестница, и они помчались наверх, перепрыгивая через две ступени. Люк на крышу оказался открытым, а там, привязанный эластичными тросами к стальным скобам, стоял самолет. Он был бело-голубым, с металлическими полосками, на обоих бортах были установлены помповики двенадцатого калибра, а внутри имелись сумка с запасом провизии и канистра с водой.

Уэйн и Калхаун быстро отвязали тросы, забрались на двухместное сиденье и привязали между собой сестру Уорт. Не очень удобно, но лететь можно.

Все уселись.

— Ну? — произнес Калхаун через мгновение.

— Проклятие! — откликнулся Уэйн. — Я не знаю, как управлять этой штукой.

Они повернулись к сестре Уорт, а та смотрела на панель управления.

— Скажи хоть что-нибудь, — окликнул ее Уэйн.

— Это ключ зажигания... — заговорила она. — Этот рычаг... вперед — вверх, назад — нос вниз... вправо и влево...

— Все понятно.

Он запустил мотор, прибавил оборотов. Машина покатилась вперед и задрожала.

— Слишком большой вес, — сказал Уэйн.

— Тогда выброси за борт эту сучку, — предложил Калхаун.

— Летим все или никто, — заявил Уэйн.

Самолет продолжал вилять хвостом то вправо, то влево, но, поднявшись с крыши, выровнялся.

Они пролетели несколько сотен ярдов, потом самолет повело в сторону, и Уэйн не сумел вовремя выправить курс. Они угодили точно в голову статуи Иисуса, прямо посредине венца из колючей проволоки. Прожекторы взорвались мелкими стеклянными брызгами, заскрежетал металл, шипы проволоки намертво вцепились в нейлоновые крылья. Голова Иисуса качнулась, оторвалась и полетела вниз, увлекая за собой электрические кабели. В сотне футов от земли кабели натянулись, отчего голова вместе с самолетом подпрыгнула вверх, словно игрушка на резинке. Затем проволочное кольцо не выдержало и разорвалось, а самолет с треском рухнул, подняв тучи пыли.

Голова Иисуса покачивалась над ним, словно птичка, высматривающая аппетитного червяка.

11

Уэйн выбрался из-под обломков и проверил ноги. Они работали.

Калхаун уже сыпал проклятиями и отстегивал ружья и припасы.

Сестра Уорт лежала в руинах разбитого самолета, обернутая нейлоном, словно бабочка в коконе.

Уэйн стал освобождать ее от обломков. Он увидел, что у монахини сломана нога. Острый осколок кости проткнул кожу бедра и торчал наружу. Крови не было.

— Церковная община на подходе, — предупредил Калхаун.

Похоже, известия о судьбе брата Лазаря и двоих монахов уже распространились среди членов ордена. По подъемному мосту неслась толпа монахов, монахинь и мертвецов. Многие братья и сестры размахивали ружьями, мертвецы держали в руках дубинки. И все громко кричали.

Уэйн кивнул в сторону стоявших под навесом машин:

— Берем автобус.

Он подхватил на руки сестру Уорт и побежал к стоянке. Калхаун с припасами и оружием быстро догнал и обогнал его. Он запрыгнул в открытую дверь ближайшего автобуса и скрылся из виду. Уэйни понял, что Калхаун разбирается в проводах, чтобы запустить мотор без ключа зажигания. Оставалось только надеяться, что ему удастся это сделать, и быстро.

Подбежав к автобусу, он положил сестру Уорт на землю, вытащил оба пистолета и встал перед монахиней. Если ему суждено погибнуть, он хотел быть похожим на Безумного Билла Хичкока: палящие пистолеты в обеих руках и беспомощная женщина за спиной.

Но больше всего он хотел, чтобы автобус завелся.

Так и получилось.

Калхаун включил передачу, развернул автобус и притормозил перед Уэйном и сестрой Уорт. Монахи уже открыли огонь, но их пули отскакивали от бронированного корпуса.

— Залезайте, черт побери! — завопил Калхаун.

Уэйн сунул пистолеты за пояс, схватил монахиню и ринулся в автобус. Калхаун так рванул машину с места, что они оба кувырком полетели на сиденье.

— Я думал, ты сбежишь, — сказал Уэйн.

— Хотел. Но я дал слово.

Уэйн уложил сестру Уорт и осмотрел ее ногу. После рывка кость высунулась еще больше.

Калхаун закрыл дверь и взглянул в зеркало заднего вида. Монахи и мертвецы спешно погрузились в два автобуса

и пустились в погоню. Одна из машин очень быстро набрала скорость, вероятно, была снабжена усиленным двигателем.

— Пожалуй, я выбрал не лучший экземпляр, — заметил Калхаун.

Они перевалили через песчаную гряду и оказались на узкой дороге, поднимавшейся наверх из долины. Один из двух автобусов немного отстал, возможно из-за неисправности. Второй шел по пятам.

Вскорс дорога стала заметно шире.

— Я думаю, мерзавцы только этого и ждали, — крикнул Калхаун.

Не успел он договорить, как их преследователи резко увеличили скорость и зашли слева, явно намереваясь столкнуть их с дороги в долину. Но Калхаун искусно маневрировал и не давал им ни малейшего шанса.

Тогда дверь преследующего автобуса открылась, и появилась та самая монахиня, которая привезла их в Землю Иисуса. Она встала на подножке, широко расставив ноги, так что стала видна развилка, едва прикрытая черными трусиками. Одну руку она закинула за поручень и целилась в них из столь популярного у духовенства помпового ружья двенадцатого калибра.

На первом же повороте монахиня выстрелила в переднее окно рядом с Калхауном. Стекло угрожающе затрещало, покрылось сеткой, но выдержало.

Монахиня передернула затвор и сделала еще один выстрел. Этого не могло выдержать даже пуленепробиваемое стекло. Еще пара удачных выстрелов, и Калхаун может попрощаться со своей головой.

Уэйн встал коленями на сиденье и открыл окно. Монахиня увидела его, повернула оружие и снова выстрелила. Она прицелилась слишком низко, и пуля угодила в нижнюю часть окна; стекло покрылось сеткой трещин и мгновенно осыпалось. Уэйн воспользовался тем, что монахине потребовалось перезарядить ружье, высунул пистолет в окно и тоже выстрелил. Его заряд попал в голову, и вместо глаза появилось алое пятно. Монахиня повисла на поручне и выронила ружье. Оно тотчас вылетело за дверь. Некоторое время она еще держалась на согнутой в локте руке, но сустав не выдержал, и монахиня выпала из автобуса. Она

попала под заднее колесо, и с обоих концов тела брызнули красные фонтаны.

— Зря пропала такая хорошая киска, — произнес Калхаун.

Он направил машину на второй автобус, тот слегка повернул, но Калхаун продолжал теснить его, пока преследователи с ужасающим скрежетом не ударились о скалу.

Автобус с монахами немного отстал и начал подталкивать Калхауна к краю дороги. Он сбросил газ, переключил двигатель на низкую передачу и позволил автобусу с монахами вырваться на полкорпуса вперед. А потом так рванул руль влево, что развернул заднюю часть второго автобуса поперек дороги. Калхаун продолжал давить носом машины, и автобус противников не мог не развернуться. Передний бампер не выдержал нагрузки и лопнул, но Калхаун не отступал, и автобус под оглушительные крики монахов сорвался с дороги и кувырком полетел в долину.

Спустя тридцать минут они выбрались из каньона и оказались в пустыне. Их автобус начал выбрасывать спереди клубы дыма, и снизу появился шум, похожий на кашель собаки, подавившейся куриной костью. Калхаун остановил машину.

12

— Проклятый бампер согнулся и изжевал покрышку, — сказал Калхаун. — Если мы сумеем его оторвать, думаю, остатков колеса хватит, чтобы проехать еще немного.

Уэйн и Калхаун вцепились в бампер и стали тянуть, но металл не поддавался. Оторвать полностью они его так и не смогли, но погнутая часть в конце концов отломилась.

— Ну, этого достаточно, чтобы не задевать за колесо, — сказал Калхаун.

Из автобуса послышался голос сестры Уорт. Уэйн поднялся, чтобы посмотреть, как у нее дела.

— Вынеси меня из автобуса, — попросила она. — Я хочу почувствовать свежий воздух и солнце.

— Воздуха там не так уж и много, — заверил ее Уэйн. — А солнце такое же, как обычно. Печет.

— Пожалуйста.

Он взял ее на руки, вышел из автобуса и, отыскав песчаный холмик, уложил на землю, немного приподняв голову.

— Мне... мне нужны батарейки, — сказала монахиня.

— Повтори? — не понял Уэйн.

Она, не мигая, смотрела на солнце.

— Это величайшее достижение брата Лазаря... Мертвец, способный думать... сохранивший воспоминания о прошлом... Я тоже была ученым...

Она медленно подняла руку и сбросила головной убор монахини.

В центре головы, из-под спутанных светлых волос торчала серебряная ручка.

— Он... был нехорошим человеком... Я хорошая... Я хочу ощутить себя живой... Как раньше... Батарейки кончаются... Взяла запасные...

Рука упала, зацепившись пальцами за кнопку на кармане рясы. Уэйн расстегнул клапан и вытащил оттуда четыре батарейки.

— Достаточно двух... Это просто...

Рядом с ними остановился Калхаун.

— Это многое объясняет, — сказал он.

— Не смотрите на меня так...

Уэйн вдруг понял, что даже не назвал ей своего имени, да она и не спрашивала.

— Отвинти... Вставь батарейки... Без них я стану пожирателем... Я не могу ждать...

— Хорошо, — кивнул Уэйн.

Он зашел сзади, приподнял голову и вывинтил металлическую вставку из черепа. Он вспомнил, как она занималась с ним любовью на колесе, как отчаянно старалась что-нибудь почувствовать и какой оставалась при этом холодной и сухой. Он вспомнил, как она смотрела в зеркало, надеясь увидеть то, чего там не было.

Уэйн уронил батарейки в песок, вытащил из-за пояса один из пистолетов, приставил к ее затылку и спустил курок. Ее тело легонько дернулось, голова запрокинулась, и лицо повернулось к нему.

Пуля прошла навылет через птичку на щеке и уничтожила родимое пятно, оставив рваную бескровную рану.

— Правильно сделал, — сказал Калхаун. — В мире полно живых кисок, так что не стоит тащить с собой мертвеца со сломанной ногой.

— Заткнись! — бросил Уэйн.

— Если человек становится сентиментальным по отношению к женщинам и детям, его можно считать конченым.

Уэйн поднялся.

— Ладно, парень, — продолжал Калхаун. — Я думаю, пора.

— Я тоже так думаю, — ответил Уэйн.

— Как насчет выравнивания шансов? Отдай мне один из твоих пистолетов, мы встанем спиной к спине, и я сосчитаю до десяти, после чего повернемся и начнем стрелять.

Уэйн отдал Калхауну свой пистолет. Калхаун проверил магазин:

— У меня четыре патрона.

Уэйн вынул два патрона из второго пистолета и бросил их на землю.

— Теперь поровну, — сказал он.

Они встали спиной друг к другу, держа оружие в опущенных руках.

— Полагаю, если ты меня подстрелишь, захочешь взять тело с собой, — сказал Калхаун. — Пусти пулю в голову, если это потребуется. Я не хочу возвращаться, как те мертвецы. Обещаешь?

— Да.

— Я сделаю то же самое для тебя. Даю слово. Ты уже убедился, что это много значит.

— Будем стреляться или болтать?

— Знаешь, парень, при других обстоятельствах ты мог бы мне понравиться. Может, мы стали бы друзьями.

— Вряд ли.

Калхаун начал отсчитывать шаги, и они разошлись. При счете «десять» оба развернулись.

Пистолет Калхауна грянул первым. Уэйн почувствовал, как пуля толкнула его в нижнюю правую часть груди и слегка развернула. Он поднял свой пистолет, тщательно прицелился, и на этот раз прозвучало сразу два выстрела.

Вторая пуля Калхауна просвистела мимо его головы. Заряд Уэйна попал Калхауну в живот.

Калхаун упал на колени и начал задыхаться. Он попытался снова поднять пистолет, но не смог, словно его привязали к наковальне.

Уэйн снова выстрелил. Пуля попала в грудь, и Калхаун упал на спину, неловко подогнув под себя ноги.

Уэйн подошел, опустился на одно колено и взял у него пистолет.

— Дерьмо! — прошептал Калхаун. — Я не думал, что все так кончится. Ты ранен?

— Царапина.

— Дерьмо!

Уэйн приставил пистолет ко лбу Калхауна, и тот закрыл глаза. Уэйн спустил курок.

13

Его рана была далеко не царапиной. Уэйн понимал, что надо бы оставить сестру Уорт там, где она лежала, втащить Калхауна в автобус и привезти в город, чтобы получить хоть какое-то вознаграждение. Но деньги его больше не интересовали.

Обломком бампера он выкопал неглубокую общую могилу в песке. Засыпав тела, воткнул между ними обломок бампера, нацарапав на нем прицелом одного из пистолетов следующую надпись: «ЗДЕСЬ ЛЕЖАТ СЕСТРА УОРТ И КАЛХАУН, ВСЕГДА ВЫПОЛНЯЮЩИЙ СВОИ ОБЕЩАНИЯ». Он и сам толком не мог разобрать неровные буквы и понимал, что первый же шквал ветра свалит обломок железа, но все-таки почувствовал себя немного лучше, хотя и не мог сказать почему.

Рана снова открылась, и солнце жарило вовсю, а после того как он потерял шляпу, мозги могли свариться в черепе, как мясо в кипящем котле.

Уэйн забрался в автобус и ехал весь день и всю ночь, почти до самого утра, пока вновь не оказался в пустыне Кадиллаков. Потом он ехал вдоль брошенных машин и наконец добрался до своего «шевви-57».

Он заглушил мотор и попытался выйти из автобуса, но обнаружил, что едва может двигаться. Пистолеты за поясом прилипли к рубашке, приклеенные его кровью.

Уэйн поднялся, держась за руль, потом взял одно из ружей и воспользовался им как костылем. Прихватив еду и воду, он подошел осмотреть свою машину.

Дело было плохо. Автомобиль не только лишился ветрового стекла — вся передняя часть была смята, а одно из широких колес вывернулось под таким углом, что стало ясно: сломан вал.

Он прислонился к «шевви» и постарался подумать. Автобус в порядке, и в баке есть еще топливо, и можно слить горючее из «шевви», взять запасную канистру из багажника и заправить его. Это даст еще несколько миль.

Миль.

Он знал, что не сможет пройти и двадцати футов, а тем более снова сосредоточиться на езде.

Он бросил ружье, провизию и воду. Вскарабкался на капот «шевви», оттуда кое-как поднялся на крышу. Потом растянулся на спине и стал смотреть в небо.

Наступила ясная ночь, и звезды отчетливо проявились в потемневшем небе. Ему стало холодно. Через пару часов звезды побледнеют, взойдет солнце, и прохлада снова сменится жарой.

Он повернул голову и посмотрел на один из «кадиллаков», где приникший к ветровому стеклу скелет навечно уставился в песок.

Нет, нельзя так умирать, чтобы потом вечно смотреть вниз.

Он скрестил ноги, раскинул руки и стал изучать небо. Он больше не чувствовал холода, и боль почти исчезла. Он стал таким же неподвижным, как и окружающая пустыня.

Он достал из-за пояса один из пистолетов, взвел курок, приставил дуло к виску и продолжал наблюдать за звездами. Затем закрыл глаза и обнаружил, что все еще видит их. Он опять парил в бездне среди звезд, в одних сапогах и ковбойской шляпе, и со всех сторон кружились старые машины и его «шевви-57», еще целый.

На этот раз машины не уплывали, а двигались ему навстречу. Первым летел «шевви», и, когда машина оказалась совсем близко, он заметил за рулем Поупа, а рядом с ним мексиканскую проститутку и еще двух женщин на заднем сиденье. Они все улыбались, а Поуп давил на гудок и махал рукой.

«Шевви» подлетел к нему вплотную, и задняя дверца распахнулась. Между двумя пилюхами сидела сестра Уорт. Еще мгновение назад ее там не было, а теперь появилась. Он никогда не думал, что в его «шевви» такое просторное заднее сиденье.

Сестра Уорт улыбнулась ему, и птичка поднялась на ее щеке. Ее длинные волосы были зачесаны назад, и женщина выглядела розовощекой и очень счастливой. У ног на полу стоял ящик холодного пива. Господи, это же «Одинокая звезда».

Поуп наклонился на переднем сиденье, высунул руку, и все женщины тоже замахали руками, приглашая его в машину.

Уэйн пошевелил руками и ногами и на этот раз смог двигаться совершенно свободно. Он наклонился к открытой дверце, дотронулся до руки Поупа.

— Рад тебя снова видеть, сынок, — сказал Поуп.

И в тот миг, когда Уэйн нажал на курок, Поуп втащил его в машину.

Special thanks to Sue and Lou Irmo for their generosity, and to Jo Fletcher for helping me meet the deadlines.

"Sex, Death and Starshine" copyright © 1984 by Clive Barker. Originally published in *Books of Blood Volume 1*. Reprinted by permission of Little, Brown and Company (UK) Limited.

"Rising Generation" copyright © 1975 by Ramsey Campbell. Originally published in *World of Horror* No. 4, January, 1975.

"The Song of the Slaves" copyright © 1940 by *Weird Tales*. Originally published in *Weird Tales*, March, 1940. Reprinted by permission of the author's executor.

"The Ghouls" copyright © 1975 by Ronald Chetwynd-Hayes. Originally published in *The Night Ghouls*. Reprinted by permission of the author.

"The Facts in the Case of M. Valdemar" by Edgar Allan Poe. Originally published in *American Whig Review* (1845).

"Sticks" copyright © 1974 by Stuart David Schiff. Originally published in *Whispers*, March, 1974. Reprinted by permission of the author.

"Quietly Now" copyright © 1981 by Charles L. Grant. Originally published in *The Arbor House Necropolis*. Reprinted by permission of the author.

"The Grey House" copyright © 1966 by Basil Copper. Originally published in *Not After Nightfall*. Reprinted by permission of the author.

"A Warning to the Curious" by M. R. James. Originally published in *A Warning to the Curious* (1925).

"The Crucian Pit" copyright © 1993 by Nicholas Royle.

"The Disapproval of Jeremy Cleave" copyright © 1989 by the Terminus Publishing Company, Inc. Originally published in *Weird Tales No. 295*, Winter 1989/90. Reprinted by permission of the author and the author's agent.

"Herbert West — Reanimator" copyright © 1939, 1943 by August Derleth and Donald Wandrei. Originally published as «Grewsome Tales» in *Home Brew* 1—6, 1922. Reprinted by permission of the author's agent.

"Treading the Maze" copyright © 1981 The Mercury Press, Inc. Copyright © 1983 by Lisa Tuttle. Originally published in *The Maga-*

zine of Fantasy & Science Fiction, November, 1981. Reprinted by permission of the author.

"Out of Corruption" copyright © 1993 by David Riley.

"The Taking of Mr Bill" copyright © 1993 by Graham Masterton.

"Schalken the Painter" by J. Sheridan Le Fanu (1839).

"Clinically Dead" copyright © 1993 by David Sutton.

"They're Coming for You" copyright © 1986 by Les Daniels. Originally published in *The Cutting Edge.* Reprinted by permission of the author.

"Mission to Margal" copyright © 1993 by Hugh B. Cave.

"Later" copyright © 1993 by Michael Marshall Smith.

"Marbh Bheo" copyright © 1993 by Peter Tremayne.

"The Blood Kiss" copyright © 1987 by Dennis Etchison. Originally published in *The Blood Kiss.* Reprinted by permission of the author.

"Night After Night of the Living Dead" copyright © 1993 by Christopher Fowler.

"The Dead Don't Die!" copyright © 1951 by Robert Bloch. Originally published in *Fantastic Adventures,* July, 1951. Reprinted by permission of the author and the author's agent.

"Patricia's Profession" copyright © 1985 by Kim Newman. Originally published in *Interzone* 14, Winter 1985/86. Reprinted by permission of the author.

"On the Far Side of the Cadillac Desert with Dead Folks" copyright © 1989 by Joe R. Lansdale. Originally published in *Book of the Dead.* Reprinted by permission of the author.

Содержание

Стивен Джонс. Мертвецы, которые гуляют 7

Клайв Баркер. СЕКС, СМЕРТЬ И ЗВЕЗДНЫЙ СВЕТ
Пер. О. Ратниковой 9

Рэмси Кэмпбелл. ВОЗРОЖДАЮЩЕЕСЯ ПОКОЛЕНИЕ
Пер. Е. Черниковой 54

Мэнли Уэйд Веллман. ПЕСНЬ РАБОВ. *Пер. Е. Черниковой* . . 61

Р. Четвинд-Хейс. УПЫРИ. *Пер. М. Савиной-Баблоян* 76

Эдгар Аллан По. ПРАВДА О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ
С МСЬЕ ВАЛЬДЕМАРОМ. *Пер. З. Александровой* 100

Карл Эдвард Вагнер. ПАЛКИ. *Пер. М. Савиной-Баблоян* 110

Чарльз Л. Грант. А СЕЙЧАС ПОМОЛЧИ. *Пер. Е. Черниковой* . 134

Бэзил Коппер. СЕРЫЙ ДОМ. *Пер. О. Ратниковой* 160

М. Р. Джеймс. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ДЛЯ ЛЮБОПЫТНЫХ
Пер. О. Ратниковой 199

Николас Ройл. КАРАСЕВЫЙ ОМУТ
Пер. М. Савиной-Баблоян 218

Брайан Ламли. ВОЗМУЩЕНИЕ ДЖЕРЕМИ КЛИВА
Пер. И. Савельевой 238

Говард Филлипс Лавкрафт. ГЕРБЕРТ ВЕСТ, РЕАНИМАТОР
Пер. А. Сипович 251

Лиза Таттл. В ЛАБИРИНТЕ. *Пер. И. Русаковой* 292

Дэвид Райли. ИЗ ТЛЕНА. *Пер. М. Савиной-Баблоян* 304

Грэм Мастертон. ПОХИЩЕНИЕ МИСТЕРА БИЛЛА
Пер. М. Савиной-Баблоян 338

Джозеф Шеридан Ле Фаню. СТРАННОЕ СОБЫТИЕ ИЗ ЖИЗНИ ХУДОЖНИКА СХАЛКЕНА. *Пер. В. Ахтырской* . 352

Дэвид Саттон. КЛИНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ
Пер. Н. Кудрявцева 377

Лес Дэниэлс. ОНИ ИДУТ ЗА ТОБОЙ. *Пер. Н. Кудрявцева* . . 392

Хью Б. Кейв. ДЕЛОВАЯ ПОЕЗДКА К МАРГАЛУ
Пер. Г. Соловьевой 398

Майкл Маршалл Смит. ПОЗЖЕ. *Пер. В. Полищук* 443

Питер Тримейн. МАРБ БХЕО. *Пер. И. Русаковой* 451

Дэннис Этчисон. КРОВАВЫЙ ПОЦЕЛУЙ
Пер. М. Савиной-Баблоян 469

Кристофер Фаулер. НОЧЬ ПОСЛЕ «НОЧИ ЖИВЫХ МЕРТВЕЦОВ». *Пер. В. Двининой* 491

Роберт Блох. МЕРТВЫЕ НЕ УМИРАЮТ!. *Пер. Е. Королевой* . 502

Ким Ньюман. ПРОФЕССИЯ ПАТРИЦИИ. *Пер. Е. Королевой* . 580

Джо Р. Лансдейл. НА ДАЛЬНЕМ КРАЮ ПУСТЫНИ КАДИЛЛАКОВ С МЕРТВЫМ НАРОДЦЕМ
Пер. И. Савельевой 588

Баркер К., По Э., Лавкрафт Г., Блох Р. и др.

Б 25 Зомби: Антология / Пер. с англ. З. Александровой, В. Ахтырской, В. Двининой и др. — СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. — 640 с.

ISBN 978-5-9985-1030-4

Книга, которую вы держите в руках, собрала под своей обложкой двадцать шесть историй, раскрывающих тему зомби в широчайшем диапазоне: здесь и традиционные гаитянские ритуалы, и футуристические сцены оживления мертвецов. На страницах новой антологии вы найдете и классику хоррора, принадлежащую перу таких мастеров, как Эдгар Аллан По, Шеридан Ле Фаню, Говард Лавкрафт и Роберт Блох, и публикующиеся впервые рассказы молодых авторов.

Ну что, вы уже готовы услышать, как обломанные ногти скребут по твердой древесине, как холодные пальцы роют влажную землю? Готовы увидеть, как затянутое пеленой тумана кладбище возвращает своих молчаливых обитателей? Dance macabre начинается...

УДК 82/89
ББК 84.7 США

УДК 82/89
ББК 84.7 США
Б 25

The Mammoth Book of Zombies
Edited by Stephen Jones
Collection copyright © by Stephen Jones, 1993
Illustrations copyright © by Martin McKenna
All rights reserved

Публикуется с разрешения редактора через Dorian Literary Agency (Великобритания) и Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского
Зинаиды Александровой, Веры Ахтырской,
Валерии Двининой, Елены Королевой,
Николая Кудрявцева, Веры Полищук,
Ольги Ратниковой, Илоны Русаковой,
Ирины Савельевой, Марии Савиной-Баблоян,
Анастасии Сипович, Галины Соловьевой,
Елены Черниковой

Оформление Александра Золотухина

© З. Александрова, В. Ахтырская, В. Двинина,
Е. Королева, Н. Кудрявцев, В. Полищук,
О. Ратникова, И. Русакова, И. Савельева,
М. Савина-Баблоян, А. Сипович, Г. Соловьева,
Е. Черникова, перевод, 2010
© Издательская Группа
«Азбука-классика», 2010

ISBN 978-5-9985-1030-4

Дейву Карстону,
которому, после всех этих лет,
все еще нравится изображать
монстров

Книга, которую вы держите в руках, собрала под своей обложкой двадцать шесть историй, раскрывающих тему зомби в широчайшем диапазоне: здесь и традиционные гаитянские ритуалы, и футуристические сцены оживления мертвецов. На страницах новой антологии вы найдете и классику хоррора, принадлежащую перу таких мастеров, как Эдгар Аллан По, Шеридан Ле Фаню, Говард Лавкрафт и Роберт Блох, и публикующиеся впервые рассказы молодых авторов.

Ну что, вы уже готовы услышать, как обломанные ногти скребут по твердой древесине, как холодные пальцы роют влажную землю? Готовы увидеть, как затянутое пеленой тумана кладбище возвращает своих молчаливых обитателей?

Dance macabre начинается...

ISBN 978-5-9985-1030-4 01
9 785998 510304
www.azbooka.ru